10
Б26

ЕВГЕНИЙ БАРСУКОВ

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ТОМ ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1940

4 зу

Е. Барсуков. «Русская артиллерия в мировую войну». Том второй.

Второй том содержит в части III исследование эволюции тактики и стрельбы русской артиллерии во время войны 1914—1918 гг., а также состояние боевой подготовки личного состава артиллерии в годы войны и в части IV — описание действий артиллерии в более крупных боевых операциях 1914—1917 гг.

Книга предназначается для начальствующего состава РККА.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

626462

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ТАКТИКИ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ. СТРЕЛЬБА. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

ОСНОВЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ

«Основное назначение артиллерии — содействовать в бою войскам других родов», — так определялась боевая задача артиллерии русским «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою», утвержденным в 1912 г. (§ 1).

Артиллерия в бою собственных конечных целей не имеет. Вся ее боевая деятельность должна быть проникнута стремлением помогать другим.

Артиллерия должна действовать в бою в постоянном соответствии с целями и намерениями начальников войсковых соединений, которым она придана, и ее боевая работа должна вестись совместно и согласованно с работой войск других родов. Задача артиллерии в бою сводится к огню по тем войскам противника, которые при данной обстановке имеют наибольшее значение для своей пехоты или конницы, которые наиболее им вредят или наиболее стесняют их действия.

Выбор целей для стрельбы артиллерии в бою всегда должен соответствовать тактической обстановке.

Этими указаниями подчеркивалась необходимость тесного взаимодействия артиллерии с другими родами войск, хотя эта мысль и не была выражена так четко, как в германском уставе 1908 г., в котором говорилось, что боевые действия артиллерии ни во времени, ни в пространстве неотделимы от пехоты, артиллерия всегда должна бороться с теми целями, которые наиболее опасны для своей пехоты.

Офицерская артиллерийская школа, подготавливая русскую артиллерию в тактическом отношении, со своей стороны обращала большое внимание на необходимость взаимодействия артиллерии с другими войсками, на выполнение ею боевой работы исключительно в целях содействия пехоте и коннице, в результате которого был бы обеспечен общий успех в бою. Но отсутствие пехоты и конницы на практических занятиях школы в значительной степени парализовало указанное стремление школы.

Во всяком случае, при подготовке русской полевой артиллерии к войне имелось достаточно руководящих указаний, подчеркивающих назначение артиллерии — быть могущественной помощницей других родов войск. Если же во время войны полное и должное взаимодей-

ствие артиллерии с пехотой не всегда замечалось, то происходило это крайне нежелательное явление не от недостатка руководящих указаний при подготовке в довоенное время, а вследствие других, более глубоких причин — малого взаимного знакомства пехоты со свойствами и боевыми действиями артиллерии и, обратно, отсутствия внутренней органической связи и содружества между родами войск, далеко не изжитой до начала мировой войны розни между ними, незнания свойств современной артиллерии большинством общевойсковых начальников, неправильной постановки ими боевых задач и предъявляемых требований к артиллерии и т. д.

Боевые свойства артиллерии — способность ее наносить сильное поражение огнем с больших расстояний и притом внезапно и быстро, материальная и моральная устойчивость ее в бою и пр.— дают возможность оказывать энергичное воздействие на неприятеля, преодолевать его волю и сопротивление и таким образом «подготовлять, развивать и закреплять успех» боевых действий своих войск («Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., § 2).

Ширина фронтов и глубина пространств, на которые может распространяться огневая работа артиллерии, и ее способность к быстрым переносам огня в разных направлениях и к внезапному действию предоставляют много возможностей в бою для проявления инициативы артиллерийских начальников.

Поэтому каждый артиллерийский начальник «обязан уметь принимать, не колеблясь перед риском ответственности, самостоятельные решения, когда этого требует быстрое изменение обстановки (там же, § 13).

Проявление личной инициативы имеет весьма важное значение в артиллерии, так как выгодные случаи для действия артиллерии представляются в бою минутами, а свойства ее позволяют наносить поражение огнем в самый короткий срок. При условиях боя маневренного периода мировой войны, когда обстановка быстро изменялась, создавая самые разнообразные и непредвиденные заранее положения, а управление боем было настолько затруднено, что приказания свыше нередко было некогда, а подчас и неоткуда ждать, артиллерист не мог оставаться только исполнителем первоначально поставленной ему задачи, и, не ожидая распоряжения начальства, должен был сам избирать цели для стрельбы.

Офицерская артиллерийская школа настойчиво проводила в жизнь ту мысль, что артиллерийские начальники, до командиров батарей включительно, обязаны принимать самостоятельное решение, когда требуется немедленная помощь соседним войскам или когда боевая обстановка изменилась, а новых соответствующих приказаний свыше не получено.

Для уместного проявления инициативы и для наилучшего направления огня артиллерийский начальник должен был непрерывно находиться в курсе тактической обстановки, предположений и намерений своего общевойскового начальника и всех получаемых последним сведений,

Общевойсковой начальник являлся ответственным за целесообразное использование артиллерии в бою и за правильность постановки ей задачи, артиллерийский начальник — за правильность работы подчиненной ему артиллерии, за выбор и применение средств для решения поставленных ей задач.

Поставленные артиллерии исходные задачи старший артиллерийский начальник должен был распределять между подчиненными ему частями артиллерии. Каждому артиллерийскому начальнику требовалось предоставлять, в пределах поставленной задачи, самостоятельность в выборе целей для стрельбы.

В действительности во время войны, особенно в ее начальный, маневренный период, общевойсковые начальники, за немногими исключениями, вовсе не ставили своей артиллерии исходных задач, которые нужно было бы старшему артиллерийскому начальнику распределять между подчиненными ему частями. В первое время войны старшим артиллерийским начальникам не приходилось в огромном большинстве случаев ни ставить самостоятельно исходные задачи своей артиллерии, ни распределять их, так как они фактически оказались отстраненными от руководства артиллерией, с одной стороны, вследствие неправильной организации высшего управления артиллерией вообще, с другой — ввиду того, что полевая артиллерия действовала в бою, вопреки «Наставлению для действия артиллерии в бою» и «Уставу полевой службы», почти всегда по-батарейно и редко в составе дивизиона.

Батареи и дивизионы, разбросанные по мелким боевым участкам, подчиненным командирам полков, реже — командирам пехотных бригад, предоставлены были в общем самим себе, причем командирам батарей и дивизионов предоставлялась по существу полная самостоятельность не только в выборе цели для стрельбы в пределах поставленной задачи, но и в самой ее постановке себе. Если же иногда командиры батарей и дивизионов и получали от начальников боевых участков задачи, то нередко не отвечающие ни правилам использования в бою артиллерии, ни даже ее основным свойствам.

Только во второй половине войны, с переходом к позиционной борьбе и с изменением организации управления артиллерией, положение изменилось и старшие артиллерийские начальники получили возможность руководить артиллерией на указанных основаниях, но и то не в полной мере.

Артиллерия может решительно воздействовать на исход сражения, если она «с самого начала будет введена в бой в таких силах, чтобы достигнуть перевеса в огне» («Устав полевой службы» 1912 г., § 444).

В бою важно не массирование орудий, а возможность сосредоточения огня. Быстрое подавление противника достигается лучше всего сосредоточением огня многих артиллерийских частей, в особенности при сочетании фронтального огня с фланговым (косоприцельным или продольным). Результаты артиллерийского огня сильно повышаются при совместной стрельбе многих батарей, «объединенных общим управлением». Сосредоточение огня достигается сравнительно легко при численном превосход-

стве артиллерии; при отсутствии такого превосходства сосредоточение огня может быть осуществлено путем последовательных переносов огня в необходимых направлениях. Сосредоточение огня крупных артиллерийских частей должно выражаться в «более согласованном решении огневых задач, объединенных общей идеей, нежели в одновременной стрельбе по общим целям» («Наставление» 1912 г., § 76, 79).

При подготовке русской артиллерии в довоенное время всегда подчеркивалась необходимость объединения действий артиллерии в руках старшего артиллерийского начальника для достижения массирования огня в решающем направлении по важнейшим целям. Для лучшего поражения цели сосредоточенным фланговым или хотя бы косоприцельным огнем батареи располагались раздельно, чтобы занять охватывающее положение в отношении противника. Но вместе с тем для облегчения управления огнем считалось полезным не разделять артиллерийские дивизионы без особой надобности. Иногда же, в зависимости от обстановки, управление огнем всей артиллерии или артиллерии нескольких боевых участков сосредоточивалось в руках одного старшего артиллерийского начальника. В этом случае начальник артиллерии, руководствуясь общим планом боя, обязан был: объединять огневую работу подчиненных ему артиллерийских частей, обеспечивать своевременное развитие наибольшей силы огня на важных пунктах и организовать сосредоточение огня возможно большего числа батарей и дивизионов.

Обращалось внимание при подготовке артиллерии в довоенное время и на то, что целесообразность сосредоточения огня нескольких батарей по важнейшей цели обеспечивается правильностью постановки задач артиллерии и умелым централизованным управлением ею.

Но, как уже говорилось, артиллерия, раздробленная батареями и дивизионами по мелким боевым участкам, или вовсе не получала заданий от общевойсковых начальников или получала задания часто неправильные. Вследствие этого случаи целесообразного сосредоточения огня нескольких батарей по важнейшим целям в решающем направлении бывали редким исключением, особенно в первый период войны; еще более редкими бывали случаи централизованного управления огнем артиллерии.

В общем, ввиду устранения во время войны, особенно в период маневренной борьбы, от руководства боевой работой артиллерии не только старших, но даже и тех начальников, которые ведали обучением артиллерии в мирное время, ей приходилось действовать в бою нередко не на основе тех начал, на которых ее обучали и воспитывали, а по приказаниям неизвестных ей, иногда случайных войсковых начальников, почти вовсе незнакомых с основами артиллерийского обучения.

Как бы то ни было, но следует признать, что главнейшие идеи тактики артиллерии: внезапность и массирование огня, глубина поражения и вытекающие отсюда сосредоточение огня и объединение действий артиллерии, к которым германцы и французы пришли лишь в итоге мировой войны, — русская артиллерия стремилась проводить

еще в довоенное время. Однако русские артиллеристы только в последний период войны освоили и стали осуществлять эти основные идеи, когда необходимость их осуществления война подчеркнула в более резкой и ясной форме. Что же касается общевойскового командования, то последнее до конца войны оставалось довольно чуждым к применению указанных идей.

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ РАЗВЕДКА, НАБЛЮДЕНИЕ И СВЯЗЬ

Артиллерийской разведке, согласно «Наставлению» 1912 г., ставилось задачей собрать данные, позволяющие подготовить предстоящую деятельность артиллерии и сделать ее работу в бою наиболее продуктивной. Организации и искусству ведения артиллерийской разведки придавалось большое значение.

Частными задачами разведки считались: изучение лежащей впереди местности; подыскание и исследование наблюдательных пунктов для своей артиллерии, ее огневых позиций и подступов к ним, а также целей для стрельбы; наблюдение за результатами своего огня и за действиями противника, в особенности его артиллерии.

Артиллерийская разведка велась на местности, по большей части уже освещенной общевойсковым разведыванием и прикрытой передовыми частями других войск.

В маневренный период войны разведка, наблюдение и связь организовались по правилам «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» изд. 1912 г. и применительно к тем практическим приемам, какие установились при подготовке артиллерии в мирное время (см. т. I, ч. I), причем работа артиллерии во время войны в отношении разведки, наблюдения и связи, в особенности в отношении разведки и наблюдения, не вызывала нареканий за весьма немногими исключениями. Командиры пехотных соединений и нередко даже общевойсковые начальники и их штабы пользовались данными о противнике, добытыми артиллерийской разведкой попутно с исполнением возлагаемых на нее специальных задач.

Каждому артиллерийскому разведчику давалось вполне определенное, ясное и точное задание. Но каждый разведчик обязан был замечать по возможности все, что могло иметь значение вообще и для артиллерии в особенности.

Артиллерийская разведка должна была проводиться скрытно для противника и к требуемому сроку, точно указываемому начальником, дающим задание разведке. Обращалось внимание на то, что результаты самой полной и искусно произведенной разведки могут потерять значение, если не будут доставлены во-время.

Некоторые войсковые начальники упрекали артиллерию в медленности производства разведки, влекущей за собою неготовность к открытию огня в назначенное старшим начальником время. Это нежелательное явление наблюдалось нередко на практических занятиях и в довоенное время. «Наставление» подчеркивало, что артиллерийская разведка должна «обеспечить возможность немедленного открытия артиллерийского огня». «Артиллерийские начальники должны помнить,— говорилось в «На-

ставлении»,— что замедление во вступлении артиллерии в действие может иметь для общих целей боя самые вредные последствия».

С другой стороны, «Наставление» предупреждало: «Необходимо помнить, что успешность всей боевой работы артиллерии весьма много зависит от полноты и тщательности подготовки ее первого вступления в бой. Поэтому для наилучшего использования артиллерии в бою чрезвычайно важно, чтобы артиллерийские начальники без крайности не были стесняемы во времени на разведку и на подготовительные действия».

Большинство войсковых начальников не знало ни «Наставления», ни свойств артиллерии и не понимало поэтому, что всякое сокращение времени на подготовку артиллерии к открытию огня ведет к уменьшению содействия, какое она может оказать другим войскам. Но и артиллеристы не всегда считались с необходимостью скорейшего, а иногда немедленного открытия огня и нередко не отдавали себе отчета в тех последствиях, к каким могло привести промедление во вступлении артиллерии в бой.

При завязке наступательного боя важнейшей задачей передовых артиллерийских разъездов являлось занятие пунктов, выгодных для наблюдения. Эту задачу они могли выполнить лишь под прикрытием идущих впереди прикрывающих частей, непосредственно за которыми они двигались на походе. Бывали случаи, правда редкие, когда передовые прикрывающие части не обеспечивали артиллеристам захвата пунктов, выгодных для обозрения лежащей впереди местности и для наблюдения за неприятелем. Бывали и такие случаи, впрочем как исключение, когда артиллерийские передовые разъезды неожиданно натыкались на части противника.

Не были исключены случаи, когда по небрежности или в надежде получить сведения о противнике от дальней кавалерийской разведки войсковые части не высылали своей ближней войсковой разведки, а иногда, следуя на походе в составе авангарда, даже не имели частей походного охранения, требуемых «Полевым уставом» 1912 г. В этих случаях не высылалась и специальная передовая артиллерийская разведка. Случаи эти бывали только в начале войны.

Артиллерийскую разведку требовалось вести непрерывно и в течение всего боя, причем с развитием действий она должна была усиливаться, сливаясь в общем с тщательным и непрерывным наблюдением за полем боя и за ходом сражения. Вместе с тем такая разведка во время боя могла бы обеспечить батареи, расположенные на огневых позициях, и от неожиданного нападения скрытно подобравшегося противника. Указанное требование не всегда соблюдалось, особенно в маневренный период войны.

Недопустимое нарушение уставных правил организации разведки и походного охранения по большей части безнаказанно не проходило.

Ниже описаны случаи гибели 4-й батареи 2-й гренадерской арт. бригады и 3-й батареи 37-й арт. бригады в боях у Гораец в августе и у Залешаны в сентябре 1914 г., неудачи русского авангарда в бою

у Иоганисбурга в августе 1914 г., обстрел русских батарей ружейным и пулеметным огнем незаметно подкравшегося противника (см. стр. 49).

В позиционных условиях войны, когда противные стороны находились продолжительное время в непосредственной близости друг против друга, артиллерийская разведка сводилась к непрерывному наблюдению за противником главным образом для подготовки и уточнения данных для стрельбы по различным целям. К детальной артиллерийской разведке приступали, когда был достаточно уяснен план предстоящего прорыва укрепленной полосы неприятеля и выяснены задачи артиллерии. Разведке ставилась задача тщательно изучить расположение противника с возможно большего числа пунктов, сличая местность с картой и фотосхемой. При этом требовалось выяснить, насколько возможно: число полос проволочных заграждений и как они устроены, нет ли других заграждений (мин, электрического тока и пр.), длину и направление окопов и ходов сообщения, места и солидность пулеметных гнезд, блиндажей, блокгаузов и в особенности фланкирующих построек; устройство второй линии окопов, расположение неприятельских батарей, направление телефонных линий и вообще устройство тыла противника. Одновременно должна была производиться разведка и своего тыла в отношении огневых позиций, наблюдательных пунктов, дорог и пр.

Указанные требования от артиллерийской разведки в позиционных условиях установлены были и соблюдались русской артиллерией после неудачи мартовской операции 1916 г.

Наблюдение за полем боя и за ходом сражения составляло важную обязанность артиллерийских начальников и всех исполняющих службу артиллерийского разведывания.

Получаемый путем наблюдения материал являлся весьма ценным, так как облегчал подготовку данных и вообще способствовал успешности стрельбы артиллерии, согласованию ее работы и ее связи с другими войсками.

Каждый артиллерийский наблюдатель обязан был предварительно изучить карту, чтобы пользоваться ею при наблюдении, и наблюдать не только за назначенным ему участком, но и за всей местностью в пределах возможного кругозора, чтобы во-время заметить и поразить важную цель.

Согласно «Наставлению» 1912 г., наблюдение возлагалось главным образом на командиров дивизионов и высших над ними начальников.

В действительности, особенно в тех случаях, когда батареи дивизиона работали самостоятельно (а в начале войны артиллерия действовала обычно по-батарейно), наблюдение возлагалось на командиров батарей, на разведчиков и на вспомогательных наблюдателей — передовых и боковых, т. е. высылаемых вперед и в стороны, с тем чтобы наблюдение велось с возможно большего числа пунктов и на поле сражения не оставалось по возможности ни одного пункта, недоступного наблюдению.

О результатах важных наблюдений, добытых артиллерийскими наблюдателями, требовалось сообщать и соседним войскам.

Артиллерийские наблюдатели, начиная с командиров дивизионов, обязаны были принимать все меры для обнаружения мест нахождения укрытых целей, в том числе и в особенности огневых позиций и наблюдательных пунктов неприятельской артиллерии. Но, кроме наземного наблюдения с помощью бинокля и стереотруб, у них в маневренный период войны не было никаких средств для обнаружения укрытых целей — ни самолетов, ни привязных аэростатов.

Поэтому в самом начале войны, когда австро-германская артиллерия располагалась на маскированных позициях и легко обнаруживалась по блеску выстрелов, русская артиллерия быстро приводила ее к молчанию; когда же неприятельская артиллерия научилась занимать хорошо укрытые позиции, борьба с нею при наличии только наземного наблюдения крайне затруднилась.

К передовым частям пехоты назначались, хотя и редко в период маневренной борьбы, особые наблюдатели, предпочтительно офицеры, которые должны были извещать командира дивизиона об изменениях в положении своих и неприятельских войск, о начале движения своих войск в атаку, о наступающей для них опасности стрельбы своей артиллерии и т. п.

Наблюдение командиров батарей, занятых ведением стрельбы, ограничивалось незначительным участком, прилежащим к обстреливаемой цели. Поэтому при каждом командире батареи, вблизи от него, находился назначаемый им достаточно опытный наблюдатель, обязанный следить не только за участком, назначенным для его батареи, но за всей местностью в пределах возможного кругозора.

«Наставлением» указывалось, что для наилучшего использования боевых свойств артиллерии требуется постоянная и непрерывная с в я з ь артиллерийских начальников и артиллерийских частей между собой и тесная связь артиллерии с войсками других родов и что надлежащая организация и надежное несение службы связи необходимы для управления артиллерией, для передачи приказаний и донесений и для своевременного использования результатов разведки и наблюдения.

Необходимость организации надежной связи артиллерии с пехотой все же недостаточно подчеркивалась «Наставлением», и это являлось одним из недочетов, особенно имея в виду недостаток внутренней органической связи между ними. Только в правилах об установлении связи упоминается, что «связь устанавливается от младшего начальника к старшему, о т а р т и л л е р и и к п е х о т е (к о н н и ц е) и с тыла вперед; между равными арт. частями справа налево» (§ 45, 46).

Назначаемые к передовым частям пехоты артиллерийские наблюдатели до некоторой степени служили связью между командирами пехотных и артиллерийских частей, но они не обеспечивали необходимой ближайшей непосредственной связи артиллерии с пехотой, что крайне неблагоприятно отражалось на их взаимодействии. С сентября 1914 г., т. е. начиная со второго месяца войны, со стороны общевойсковых и пехотных начальников к артиллерии предъявлялись требования: о высылке передовых наблюдателей ко всем передовым частям пехоты, поддерживаемым той или иной артиллерийской

частью; о применении артиллерийских передовых наблюдателей не только на дивизионных участках, как это было установлено «Наставлением» 1912 г., но и на батарейных участках. С переходом же к позиционной войне артиллерийские передовые наблюдательные пункты оказались необходимыми для разведки подступов к окопам, мало заметных или вовсе невидимых с командирских наблюдательных пунктов, а также и для корректирования стрельбы по таким подступам.

Передовые артиллерийские наблюдательные пункты обычно совпадали с расположением наблюдательных пунктов командиров батальонов и рот, чем одновременно обеспечивалась непосредственная связь с пехотой в целях взаимной ориентировки и помощи.

Всесторонне изучая свой участок, передовые артиллерийские наблюдатели, по большей части офицеры, являлись передовыми органами артиллерийской разведки и наблюдения. На них же ложилась задача по обнаружению неприятельских орудий ближнего боя, открывавших себя ночной стрельбой, и по корректированию стрельбы по ним.

При сближении окопов до десятков шагов русская пехота непрерывно несла потери от бомбометного и минометного огня противника, неизменно открываемого по ночам. По просьбе пехоты батареи открывали огонь с корректурой каждого выстрела с передового наблюдательного пункта по неприятельским минометам и бомбометам, которые немедленно замолкали. Но тогда по стреляющим русским батареям, обнаруживавшим себя блеском выстрелов, открывала огонь неприятельская артиллерия.

Передовые артиллерийские наблюдатели являлись необходимыми для корректирования всякого рода ночной стрельбы и заградительного огня. Они же, продвигаясь в случае успеха атаки вперед вместе с пехотой, восполняли почти неминуемый перерыв зрительной, а вместе с тем и огневой связи артиллерии с пехотой.

Необходимы были передовые артиллерийские наблюдательные пункты и при решении специальных артиллерийских задач, требовавших детального наблюдения, например при проделывании проходов в проволочных заграждениях.

Передовые артиллерийские наблюдатели вообще оказывали большое содействие при прорыве укрепленной полосы противника и способствовали целеуказанию в смысле однообразного понимания целей артиллерией и пехотой данного участка.

Как на пример большого значения передовых артиллерийских наблюдательных пунктов можно указать на зимне-весенний период 1915/1916 г. позиционной борьбы 3-й пех. дивизии за Сопанов. Левый фланг дивизии на протяжении около 2 км находился в непосредственной близости от противника. Местами окопы сближались до 30 шагов, вследствие чего русская пехота несла по ночам потери от минометного и бомбометного огня противника, со своей стороны обезопасившего себя от подобного огня возведением перед своими окопами специальных сеток.

Каждую ночь пехота (12-й пех. полк) обращалась с просьбой о помощи к стоявшей на том же участке 1-й батарее 3-й арт. бригады.

Траншейный огонь неприятеля прекращался немедленно, как только батарея открывала огонь по минометам и бомбометам противника с корректурой каждого выстрела передовыми наблюдателями, находившимися в пехотных окопах второй линии в 80—100 шагах от противника. Но, в свою очередь, 1-я батарея, открывавшая себя блеском выстрелов, тотчас же подвергалась обстрелу неприятельской артиллерии с трех сторон.

Прорыв укрепленной полосы противника у Сопанов 4 июня 1916 г.[1], признававшейся, по показаниям пленных, недоступной для фронтального удара, произведен был двумя полками 3-й пех. дивизии при содействии только двух легких пушечных и одной горной батарей и взвода легких гаубиц, блестящая работа которых была обязана показаниям и корректуре стрельбы передовыми наблюдателями.

Последовавшая 8 июня 1916 г. контратака противника, силою до пяти полков с многочисленной артиллерией, на занятые частями 3-й пех. дивизии высоты (в районе Онышковец возле г. Кременца) была отбита благодаря артиллерийскому огню при помощи передовых наблюдателей, находившихся на указанных высотах.

В период позиционной войны обращалось большое внимание на организацию и работу артиллерийской разведки, наблюдения и связи. «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы», изданным Ставкой, требовалось, чтобы наблюдательные пункты давали возможность видеть отчетливо цели и чтобы система наблюдательных пунктов по возможности не оставляла ненаблюдаемых участков фронта и тыла противника. «Разрушать и поражать, не видя цели, — нельзя», указывалось этим «Наставлением», а русские артиллеристы старой армии твердо держались правила: «Не вижу — не стреляю».

В приложении I к ч. III «Наставления» 1917 г. были даны подробные указания об организации «службы наблюдения» (вообще и за артиллерией противника), о ведении журнала наблюдений, составлении ведомостей и сводок наблюдений (приложения XII и XIII к ч. II и приложение I к ч. III).

Наблюдатели всех наблюдательных пунктов являлись органами «службы наблюдения». «Их сила во взаимном ознакомлении и помощи друг другу», — говорилось в ч. II «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» изд. 1917 г.

В каждой артиллерийской группе, артиллерийской бригаде, дивизионе полагалось иметь «офицера службы наблюдения», который должен был отлично изучить местность и следить за тем, чтобы все наблюдения за неприятелем ежедневно поступали для обработки. Получаемые сведения (выписки из журналов наблюдения) он обязан был ежедневно сопоставлять, исследовать и выяснять: какие батареи противника, откуда и по кому стреляли, что замечено нового в районе окопов и тыла противника (наблюдательные пункты, пулеметы, новые траншеи и пр.). Все наносилось ежедневно на план (карту). Считалось полезным прочерчивать на карте направление

[1] Все даты по новому стилю.

выстрелов неприятельских батарей стрелками, доводя эти стрелки до мест обстрела; против стрелки надписывалось, когда данная батарея противника стреляла. Таким образом получалась полная картина действий противника за прошлое время и за истекшие сутки.

Офицер службы наблюдения должен был все возникающие у него сомнения выяснять путем переговоров с командирами дивизионов, батарей, по телефону или лично на наблюдательных пунктах.

В случае необходимости организовать специальное наблюдение или общую стрельбу офицер службы наблюдения должен был доложить соответствующему начальнику — командиру дивизиона, начальнику артиллерийской группы, артиллерии корпуса: например, что с двух разных наблюдательных пунктов видны вспышки одной и той же неприятельской батареи или с наблюдательного пункта другого дивизиона (артиллерийской группы) видна цель, невидимая для наблюдателей батарей, стреляющих по этому району расположения противника, и т. п.

Офицер службы наблюдения должен был давать новым целям номера и после доклада своему начальнику осведомлять об этом части артиллерии и пехоты.

Он же составлял «план видимости» и, согласно данным этого плана, докладывал своему начальнику об организации воздушного наблюдения или о необходимости установки дополнительных наблюдательных пунктов.

В помощь ему намечалось давать чертежника и двух-трех хорошо грамотных солдат.

В результате там, где велось тщательно организованное наблюдение, получались ценные материалы, которые, повторяясь, давали уверенность в том, что заключения из наблюдений сделаны правильно.

В ч. III «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» изд. 1917 г. даны подробные указания об организации «*службы наблюдения за артиллерией противника*» при обороне в условиях позиционной борьбы.

Согласно этим указаниям, служба наблюдения за неприятельской артиллерией должна давать в каждый момент сведения о числе и роде батарей противника перед определенным фронтом, о числе орудий в батареях, степени их активности и местах расположения огневых позиций батарей и наблюдательных пунктов, а также о местах своих окопов и тыловых районах, поражаемых артиллерийским огнем противника, и о том, какими именно его батареями. Попутно должны были определяться запасные, фальшивые, брошенные позиции неприятельской артиллерии и ее позиции для ночной стрельбы.

Наблюдение за артиллерией противника объединялось в районе обороны каждого корпуса, имея при этом в виду, что: а) удаление цели определялось по засечкам, а точность их увеличивается с увеличением расстояния между наблюдателями (получается более длинная база); б) положение целей, находящихся на соприкасающихся краях участков войсковых соединений, определялось при содействии

наблюдения соседа; в) средства воздушного наблюдения (змейковые аэростаты, самолеты) и дальнобойная артиллерия составляли принадлежность корпусов (или армий).

Для правильной организации наблюдения в корпусе инспектору артиллерии корпуса были подчинены органы наземного наблюдения через начальников артиллерии дивизий, а воздушного — непосредственно; инспектору артиллерии корпуса даны были средства для усиления связи и для обработки и распространения результатов наблюдения.

Обработка материалов, получаемых от наблюдения, нанесение результатов наблюдения на карту, ориентирование войсковых частей и распространение общих сводок выполнялись управлением (штабом) инспектора артиллерии корпуса, которое усиливалось одним артиллерийским офицером, одним чертежником и писарем; иногда этому управлению помогал в работе и корпусный топограф.

Из числа всех наземных наблюдательных пунктов на фронте корпуса предписывалось избирать несколько (6—8) главных, обладающих особенно хорошим обзором расположения противника. Желательно было, чтобы главные наблюдательные пункты были расположены равномерно по фронту и так, чтобы поля видимости их перекрывали друг друга (по возможности с трех наблюдательных пунктов). Места главных наблюдательных пунктов определялись топографически и точно наносились на план в масштабе 250 саж. в 1 дм. (200 м в 1 см).

В каждой дивизии для руководства борьбой с неприятельской артиллерией должен был назначаться один из штаб-офицеров (полковник или подполковник) артиллерии, подчинявшийся начальнику дивизии и являвшийся вместе с тем ближайшим помощником инспектора артиллерии корпуса по согласованию и выполнению плана контрбатарейной борьбы. На этих штаб-офицеров возлагалось руководство работой главных наблюдательных пунктов. В необходимых случаях они могли сноситься непосредственно с инспектором артиллерии корпуса.

Наблюдение на главных пунктах должно было производиться непрерывно днем и ночью сменными хорошо подготовленными наблюдателями, заносившими результаты своих наблюдений в журнал наблюдений. Выборки из журналов наблюдений передавались штаб-офицерам, руководившим борьбой с неприятельской артиллерией, а последние делали из них сводки за каждые сутки и представляли эти сводки инспектору артиллерии корпуса ежедневно к 14 час.

Теми же штаб-офицерами обрабатывались результаты наблюдения за местами падения снарядов неприятельской артиллерии и в виде сводки передавались также инспектору артиллерии корпуса (штаб-офицерам доставлялись найденные дистанционные трубки, взрыватели и осколки артиллерийских снарядов противника).

В виде примера приводится выдержка из журнала наблюдений в июньских боях 1916 г. у Доброноуц, на Юго-западном фронте (начальником артиллерийской группы в этих боях был Кирей).

ЖУРНАЛ

наблюдения противобатарейной группы с наблюдательного пункта № 1

№ целей	Название целей	1 мая	2 мая	3 мая и т. д.
25	Наблюдательный пункт на высоте 458	11 час. — когда неприятельская батарея стреляла, из-за бугра на высоте 458 все время высовывался наблюдатель с биноклем; батарея смолкла, и наблюдатель исчез. 17 час.—очевидно, телефонист проверял провод, вышел из блиндажа и скрылся за горой	8 ч. 30 м.—пришел офицер с блестящей папкой. 8 ч. 50 м.—началась стрельба той же батареи, и фигура опять выглядывала. 20 ч. 40 м.—офицер ушел из блиндажа	4 часа — бугор увеличился почти вдвое, появился ход сообщения за гору. Видно, как углубляют ход и выбрасывают землю. 9 час.—в бугре щель
26	Батарея восточнее костела в д. Хорошоуц	6 час.—передовой наблюдатель доложил, что из 5-й роты Рыльского полка вчера вечером видели блески впереди костела	14 ч. 40 м.—батарея открыла огонь по окопам 5-й роты Рыльского полка. Ясно видны блески выстрелов между костелом и серым домом. Стреляли 3 легких орудия шрапнелью. Выпустили около 20 снарядов. 17 ч. 50 м.—батарея открыла огонь по левому флангу Старооскольского полка, выпустила 15 снарядов. 23 ч. 40 м.—у австрийцев началась паника; ночная отметка по блеску дала направление на эту же батарею	5 час.—за костелом остановился зарядный ящик, люди носили патроны на батарею. Один был в белой рубашке и от костела до батареи и обратно доходил в 6 мин. 19 час.—батарея стреляла двумя орудиями по 5-й роте Рыльского полка и по Ржавенцы
27	Шоссе на южной окраине Боянчукского леса, у домика с красной крышей	10 час.—у домика видна порыжевшая маскировка, за которой белеет шоссе. К красному дому подъехал автомобиль и подъезжали часто всадники	11 час.—прошли обозы с севера на юг. 12 ч. 40 м.—к красному дому подъехал экипаж. 15 ч. 30 м.—прошли на север 5 шестерочных запряжек	Переменили маскировку, и ничего не видно

По мере развития позиционной борьбы войсковые части и артиллерийские начальники, до командиров батарей включительно, снабжались разграфленными на квадраты картами, планами или схемами крупного масштаба (250 саж. в 1 дм.) района расположения своих войск и противостоящих неприятельских, с очертаниями укрепленных полос противника, нанесенными путем фотографирования с самолетов. Схемы эти постепенно совершенствовались и дополнялись новыми целями, по мере их обнаружения в расположении противника путем непрерывного артиллерийского наблюдения за полем.

Русская артиллерия, благодаря правильной организации наблюдения (командирские, передовые и боковые наблюдательные пункты), наличию точных оптических приборов достаточного увеличения, приобретенному навыку и искусству в наблюдении, обладала более широким кругозором и несравненно лучше всех других родов войск находила и определяла местоположение целей в позиционном районе противника. Вследствие этого войсковые штабы для переноса на схемы целей, обнаруженных в расположении противника, обычно пользовались данными, получаемыми артиллерийским наблюдением и артиллерийской разведкой.

Дополненные схемы сводились в общие для целых дивизий, размножались и рассылались войсковым частям.

Для более быстрой ориентировки с командирских наблюдательных пунктов заготовлялись перспективные чертежи, также дополнявшиеся по мере накопления новых целей параллельно с совершенствованием схем.

Во избежание затруднений, возникавших при пользовании схемами в отношении взаимопонимания целей пехотой и артиллерией, начальники пехотных участков иногда привлекались к наблюдению за пристрелкой целей и записывали номер цели, сообщаемый им по телефону стреляющим. В большинстве случаев начальнику пехотного участка удобнее всего было производить наблюдение с передового артиллерийского наблюдательного пункта. Благодаря совместному расположению начальника пехотного участка и передового артиллерийского наблюдателя, достигалась согласованность понимания целей, а также возможность своевременного предупреждения об изменении в обстановке.

Составление на основании данных артиллерийского наблюдения и артиллерийской разведки подробных планов (в масштабе не менее 250 саж. в 1 дм. — 200 м в 1 см) соответствующей местности и укрепленных полос противника с его батареями, пехотными частями и возможно большим числом подлежащих разрушению сооружений и пулеметных гнезд требовалось «Общими указаниями для борьбы за укрепленные полосы», изданными Ставкой в 1916 г. В том же году стали требовать от артиллерии зарисовывания «полей невидимости» и были изданы составленные Управлением полевого инспектора артиллерии «Указания о составлении и вычерчивании полей видимости»[1]. В приказе Ставки, при котором объявлялись к руководству эти «Указания», говорилось, что изучение полей види-

[1] ЦВИА, Приказ наштаверха 9 декабря 1916 г., № 1695.

мости дает возможность: а) судить о полноте наблюдения при наличии существующих наблюдательных пунктов; б) целесообразно подыскивать новые наблюдательные пункты для восполнения требуемого обзора местности; в) ставить артиллерии правильные задачи для стрельбы, в зависимости от имеющегося наблюдения; г) избирать при наступлении направления, на которых движение своих войск наблюдалось бы артиллерией и давало последней возможность помогать им; д) учесть значение невидимых районов.

В приказе добавлялось, что «Указания» полезны и для пехоты.

«Наставление» 1917 г. (ч. III, § 111) при обороне укрепленной полосы требовало от артиллерии: иметь на основных наблюдательных пунктах схему целей, табель стрельбы и журнал наблюдений, причем находящийся на наблюдательном пункте обязывался «указать как на местности, так и на плане цели, районы, наблюдаемые и не могущие быть обстрелянными».

Насколько серьезное значение придавалось службе наблюдения в русской артиллерии, показывает, между прочим, следующая телеграмма инспектора артиллерии Западного фронта (инспартзап), отправленная инспектору артиллерии 10-й армии 9 сентября 1917 г.[1]: «...На наблюдательном пункте не было офицера, а находившийся солдат не был ориентирован в обстановке и лежащих на нем обязанностях наблюдателя. Офицер-наблюдатель (в передовых частях 134-й пех. дивизии) не имел схем заградительного огня и не знал расположения пехоты в районе батарей своего дивизиона. Журнал наблюдений был составлен наскоро и не мог служить показателем планомерной работы». Дальше инспартзап напоминает в своей телеграмме: а) о необходимости офицерского дежурства: на главных наблюдательных пунктах — не менее 1 офицера на дивизион, на остальных наблюдательных пунктах — дежурные, подготовленные начальниками и ориентированные в обстановке; б) о необходимости иметь на каждом наблюдательном пункте журнал наблюдения, схему заградительного огня, схему расположения ответственных целей батарей с пристрелочными данными, чертеж поля видимости и панораму впереди лежащей местности; в) о том, что каждый артиллерийский начальник обязан знать расположение своей пехоты в районе действия своей артиллерийской части.

Вычерчивание полей видимости и зарисовка артиллерийских панорам, в особенности последних, не получили широкого распространения, и если исполнялись, то в большинстве случаев крайне неохотно, так как на практике почти не пользовались ни полями видимости, ни панорамами, пригодными лишь для того единственного наблюдательного пункта, на котором они были составлены. Увлечение зарисовкой перспективных панорам, возникшее во время войны с Японией, прекратилось приблизительно в 1908—1910 гг.; в позиционный период мировой войны оно вновь возродилось, но не надолго: «панорам требовать нельзя» — так категорически указывало «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» (ч. III, § 111, изд. 1917 г.). Инспартзап, повидимому, упустил из

[1] ЦВИА, 174—754, лл. 764 и 765.

виду это указание; иначе он в своей телеграмме от 9 сентября 1917 г. (приведенной выше) не предъявил бы требования иметь на каждом наблюдательном пункте панораму впереди лежащей местности.

Согласно тому же «Наставлению», для взаимного ориентирования войск и для целеуказания схемы, составляемые в управлении (штабе) начальника артиллерии каждого корпуса (а согласно ч. III «Наставления» — в штабе дивизии), должны были захватывать приблизительно 3—4 км тыла своего района обороны и 5—7 км у противника, а по фронту, кроме своего участка, еще по 2 км влево и вправо. На схему переносились данные фотографического плана, неприятельские и свои окопы с указанием номерных участков (целей), ориентиры, названия, наблюдательные пункты противника и его обнаруженные батареи. К схеме прилагалась ведомость с описанием номерных участков (целей) и указанием назначенных для стрельбы по ним (пристрелявшихся) своих батарей.

Расположение своих батарей и наблюдательных пунктов наносилось точно только на те схемы, которые передавались начальствующим лицам, не ниже командиров полков и артиллерийских дивизионов. Прочие начальники отмечали лишь районы батарей, работающих на их участке.

Указанная схема передавалась для руководства всем артиллерийским и пехотным начальникам. Артиллерийские начальники дополняли полученную схему нанесением на нее своих батарей и наблюдательных пунктов. Брать схему на передовые наблюдательные пункты, в передовую разведку или в атаку воспрещалось.

Схема как основа целеуказания и взаимной ориентировки изучалась в применении к местности всеми артиллерийскими и пехотными офицерами и наблюдателями.

Предлагалось изучать особенно тщательно схемы, номерные участки (цели) и вообще весь план артиллерийских действий командирам артиллерийских групп и дивизионов, начальникам артиллерии дивизии и корпуса. При этом указывалось, что только при условии тщательного изучения и надлежащего проявления инициативы возможно достигнуть необходимой гибкости в управлении огнем артиллерии. «Тогда,— говорилось в «Наставлении» (ч. III, § 32),— и малочисленная, но надлежаще управляемая артиллерия явится могучей силой».

Относительно средств, которыми пользовалась русская артиллерия во время войны для разведки, наблюдения и связи, сказано выше (см. т. I, разделы «Связь» и «Средства определения места неприятельских батарей»). Можно только добавить, что агентами, так сказать, «живой связи» служили офицеры, командируемые иногда от артиллерии в штабы соседних дивизий или в передовые части расположения пехоты.

БОЕВОЙ ПОРЯДОК АРТИЛЛЕРИИ

По русским уставам довоенного времени боевой порядок артиллерии составляли: а) боевая часть — орудия и находящиеся при них зарядные ящики первого эшелона, располагаемые на огневой пози-

ции; командные и наблюдательные пункты; б) батарейный резерв (второй эшелон зарядных ящиков).

На огневой позиции (ОП) располагались орудия батареи и рядом с ними задние хода зарядных ящиков боевой части на интервалах между орудиями в 30 шагов; меньшие интервалы допускались в виде исключения. Огневые позиции батарей дивизиона (бригады) располагались в уступном порядке и эшелонировались в глубину, о чем будет сказано ниже.

Передки боевой части (орудийные и зарядных ящиков первого эшелона) или, как теперь их называют, «отделения тяги», располагались укрыто в некотором удалении от орудий — обычно не далее 1 км. В период маневренной борьбы быстрота и

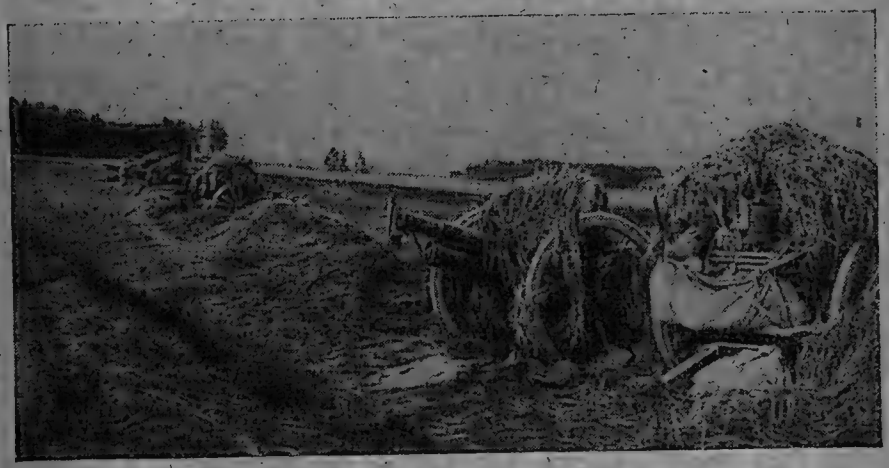


Рис. 1. Огневая позиция 76-мм батареи на скошенном лугу с неубранным сеном. Орудия и задние хода зарядных ящиков замаскированы сеном. Окопов и ровиков нет. (Видны только три правофланговых орудия.) Июль 1915 г.

удобство сообщения с орудиями и возможно лучшее укрытие являлись основными требованиями при выборе места для передков.

Батарейные резервы (зарядные ящики второго эшелона) — ныне «взводы боевого питания» — при совместном действии батарей того или иного дивизиона иногда сводились в общий «дивизионный резерв» под командой офицера, подчинявшегося непосредственно командиру дивизиона. Основными требованиями при выборе места для расположения батарейных резервов служили: быстрое и свободное сообщение с боевыми частями (огневыми позициями) и в тыл — с местом расположения головного артиллерийского парка, а также возможно лучшее укрытие. Обыкновенно батарейный резерв располагался укрыто не далее 4 км от огневой позиции батареи, вблизи и вне дорог, оставляя на дороге особые посты («маяки») для указания места резерва. Иногда, при значительном удалении резервов от боевых частей (огневых позиций) и от головных артиллерийских парков, при дурном состоянии дорог и т. п.,

батарейные резервы (взводы боевого питания) приходилось распределять в глубину по частям (эшелонировать).

В период позиционной борьбы быстрота и удобство сообщения передков (отделений тяги) с орудиями, расположенными на огневой позиции, не играли такой роли, как в период маневренной борьбы. Поэтому в позиционный период передки (отделения тяги) располагались обычно вместе с зарядными ящиками батарейного резерва (взводами боевого питания) в 3—4 км от огневой позиции, в хорошо укрытых от наблюдения с самолетов местах — в лесу, кустарнике и нередко возле строений, где люди и лошади могли удобно располагаться в жилых домах, в сараях и под крышами.

В маневренный период иногда и орудия убирались на ночь с огневых позиций в тыл на 3—4 км, к селениям, в которых люди и лошади располагались на ночлег под кровлей; перед рассветом под покровом темноты батареи возвращались на свои огневые позиции. На ночь на огневой позиции дежурные взводы или орудия оставались только от некоторых батарей, располагаясь по большей части несколько в стороне от действительной огневой позиции, чтобы в случае открытия огня ночью блеском выстрелов не обнаруживать места действительной огневой позиции (см. ниже о ложных позициях).

Об организации боевого питания батарей из батарейных резервов и артиллерийских парков и складов сказано выше (см. т. I, ч. II — «Обеспечение артиллерии боевыми припасами» и схемы 2, 3 и 4). Там указывалось, что в маневренный период войны снабжение батарей боеприпасами производилось по правилам «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» изд. 1912 г. (от местных артиллерийских парков или складов до ближайшего к войскам головного эшелона подвижных артиллерийских парков боеприпасы подавались средствами этих последних, а от головного артиллерийского парка к батареям — средствами дивизионных и батарейных резервов), причем опыт войны подтвердил целесообразность подобной организации питания боеприпасами. В позиционный период войны указанная организация питания боеприпасами была несколько изменена и основана на правилах «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», ч. II и III, изд. 1917 г. Требовалось, чтобы возимый запас (боевой комплект) был всегда пополнен и чтобы, кроме этого запаса, на батареях в особо устраиваемых погребках выкладывался запас снарядов в количестве предполагаемого расхода на первый день операции; в 3—5 км от батарей устраивались головные склады с запасом снарядов на второй день операции; в расстоянии не более 15 км от головных устраивались промежуточные склады с запасом снарядов на три последующих дня и в расстоянии от них не более 30 км — армейский передовой склад (местный артиллерийский парк) с двухдневным запасом снарядов.

«Наставлением» 1912 г. требовалось (§ 59) «позиции артиллерии, не исключая полузакрытых и закрытых, при всякой к тому возможности усиливать искусственной маскировкой и окопами», применяя для маскировки «дымовые маски» и пр. Рекомендовалось также устраивать «ложные» орудийные окопы

(в достаточном удалении от истинных) для введения противника в заблуждение.

На практических стрельбах мирного времени ни маскировкой, ни рытьем окопов обычно не занимались, чтобы не затягивать время, назначенное на стрельбу. Русская артиллерия привыкла обходиться без закрытий и маскировки, не нужных в мирное время; по привычке она обходилась без них и в первый период войны, искусно располагаясь на закрытых позициях. Но с переходом к позиционной войне и особенно с усилением воздушного флота русской артиллерии пришлось обратить серьезное внимание на сооружение для себя закрытий и на маскировку огневых позиций и наблюдательных пунктов.

В позиционный период войны германцы, благодаря постоянному с их стороны наблюдению за русским фронтом с помощью привязных змейковых аэростатов и самолетов, стали обнаруживать русские батареи, несмотря на расположение их на закрытых позициях, и систематически подвергали их обстрелу, в большинстве случаев огнем 15-см орудий в течение 2—3 час. ежедневно. Инженерное оборудование позиций приходилось делать чаще всего средствами батарей, по усмотрению которых уставные формы построек и оборудование обычно видоизменялись. Многие батареи отказались от установки на позиции рядом с орудиями задних ходов зарядных ящиков и для запаса снарядов устраивали на батареях специальные ниши-погребки. Защита орудийной прислуги от шрапнельного огня достигалась устройством с боков орудий особых дощатых или бревенчатых заборов, осыпаемых землей; углублением орудийных ровиков с максимальной крутизной стенок; засыпкой землей щелей, образующихся между землей и нижними откидными щитами орудий, для предохранения ног орудийного расчета от шрапнельных пуль.

Немалыми преимуществами пользовалось расположение батарей на огневой позиции не в одну линию, а разбросанное по-орудийно на некоторой площади, не получившее, однако, широкого применения на русском фронте во время войны. Разбросанное расположение батарей по-орудийно обеспечивало: возможность наилучшего применения к местности, затрудняя обнаружение батарей как воздушной разведкой, так и по звуку и блеску выстрелов; меньшую уязвимость по своей рассредоточенности; обманное впечатление противника относительно действительного числа батарей; возможность обстрела косоприцельным огнем впереди лежащей местности и мертвых пространств, образующихся перед орудиями, стреляющими с закрытых позиций. Недостатками по-орудийного расположения батарей являлись: необходимость введения при выстреле индивидуальных поправок для каждого орудия, что усложняло и замедляло пристрелку и стрельбу на поражение; трудность создания и поддержания связи между отдельными орудиями.

Искусное инженерное оборудование огневых позиций, в связи с умелым расположением батарей и их маскировкой, обеспечивало живучесть русской артиллерии во время войны. Так, например, одна из русских гренадерских батарей, занимавшая в период позиционной борьбы хорошо оборудованную, укрытую и замаскированную позицию

Рис. 2. Огневая позиция 76-мм батареи в кустах близ Бартники. Маскировка срезанными ветвями, снята с орудия на время ведения огня. (Видна углубленная площадка под орудие.) Март 1916 г.

Рис. 3. Телефонная станция на огневой позиции у Бартники. Март 1916 г.

под м. Барановичи, в течение месяца усиленно обстреливаемая германской артиллерией, выпустившей по ней около 5 000 гранат, постепенно сменила почти все свои орудия, так или иначе поврежденные осколками (одно было выведено из строя прямым попаданием). Но из огневого расчета пострадали лишь три человека (ранены). Таким образом, батарея все время полностью сохраняла свою боеспособность.

Рис. 4. Огневая позиция 152-мм гаубичной батареи в лесу под местечком Барановичи. Маскировка с орудия снята. Под колесами сделан помост из бревен. Июнь 1916 г.

Во второй половине войны, с развитием авиации, первенствующее значение получила маскировка батарей, которые необходимо было укрывать и от непосредственного обнаружения их самолетами и привязными аэростатами и от возможности аэрофотосъемок с самолетов. Необходимо было замаскировать предметы, обнаруживающие себя при наблюдении сверху демаскирующими световыми контрастами, как-то: выемки, брустверы орудийных ровиков, канавки под сошниками орудий, ведущие к позициям тропинки, выжженные места перед дулами орудий (так называемые «задульные конусы») и пр. Все это маскировалось подручными материалами. Орудия маскировались чаще всего срезанными ветками растений, травой, соломой, сеном и т. п. (см. фото), иногда плетеными сетками с набросанным на них маскирующим материалом, а зимою надевавшимися на орудия белыми чехлами.

Выжженные места перед дулами орудий обнаруживали воздушной разведке расположение орудий, а поднимавшаяся с этих мест при выстреле в сухую погоду пыль навлекала на себя довольно точный артиллерийский огонь противника. Чтобы избежать пыли, приходилось место перед орудиями поливать водой или покрывать эти места в перерывы стрельбы травой, ветками, соломой и т. п.

Так, в бою у Ольтенхаузен (в Восточной Галиции) 19 июня 1915 г. одна из русских батарей 3-й арт. бригады навлекла на себя вследствие столбов пыли, поднимавшихся после каждого выстрела батареи, довольно точный огонь неприятельской артиллерии.

Русская артиллерия также выискивала неприятельские батареи по пыли от их стрельбы. Так, 6 июля 1915 г. один из командиров русской батареи, находясь на хорошем наблюдательном пункте у Ланерувка (в Восточной Галиции), старался обнаружить батарею противника, систематически обстреливавшую с закрытой позиции

окопы русской пехоты. Всматриваясь в стереотрубу в направлении звука выстрелов неприятельской батареи, он заметил за одним из холмистых склонов, поросших кустарником, поднимающиеся на равных интервалах столбы пыли, отчетливо выделяющиеся на фоне зеленого ковра местности. Через несколько секунд оттуда послышалось 6 орудийных выстрелов, и почти в то же время над русскими окопами появилось столько же буроватых облачков шрапнельных разрывов.

Командир русской батареи открыл ответный огонь и после трех очередей выстрелов на прицеле 135 заставил неприятельскую батарею прекратить огонь на весь день.

Рис. 9. Огневая позиция отдельного 76-мм орудия под местечком Барановичи. Кроме углубленной площадки под орудие, сделаны боковые бревенчатые заборы, осыпанные землей. Ровики для номеров сделаны в виде блиндажей (видны только возвышающиеся покрытия их). Апрель 1916 г.

В виде средств маскировки широко применялись ложные огневые позиции. Ложные позиции устраивались в некотором отдалении от истинных, представляя собой точные копии последних — с искусственным проделыванием ведущих к ложным позициям тропинок и колей. На ложных позициях производили вспышки, предпочтительно одновременно с выстрелами фактических батарей. Иногда ночные стрельбы умышленно производили с ложных позиций, переводя на них к вечеру по 1—2 орудия от батареи, чем удачно отвлекалось внимание противника. Опыт показал, что удаление ложной позиции от действительной не должно быть большим,— лучше не более ½ км, чтобы вернее ввести неприятеля в заблуждение, но, разумеется, и не очень близким, чтобы артиллерийские снаряды

Рис. 6. 120-мм пушка Виккерса (дальнобойная) на огневой позиции в лесу под местечком Барановичи. Маскировка с орудия снята. Июль 1916 г.

Рис. 7. Огневая позиция 76-мм батареи в кустах, замаскированная срубленной растительностью. Март 1916 г.

противника, направленные на ложную позицию, не наносили поражения действительной.

В позиционный период войны ложные позиции довольно широко практиковались на русском фронте.

Весною 1917 г. 6-я батарея 3-й арт. бригады, располагаясь укрыто на опушке небольшого леса (протяжение опушки 400—500 м) южнее Лопушаны (на Злочевском направлении), выдерживала почти в течение целого месяца систематический обстрел 15-см тяжелой неприятельской батареи, огонь которой немцы корректировали с самолета. Это удавалось русской батарее благодаря искусному применению ложных позиций.

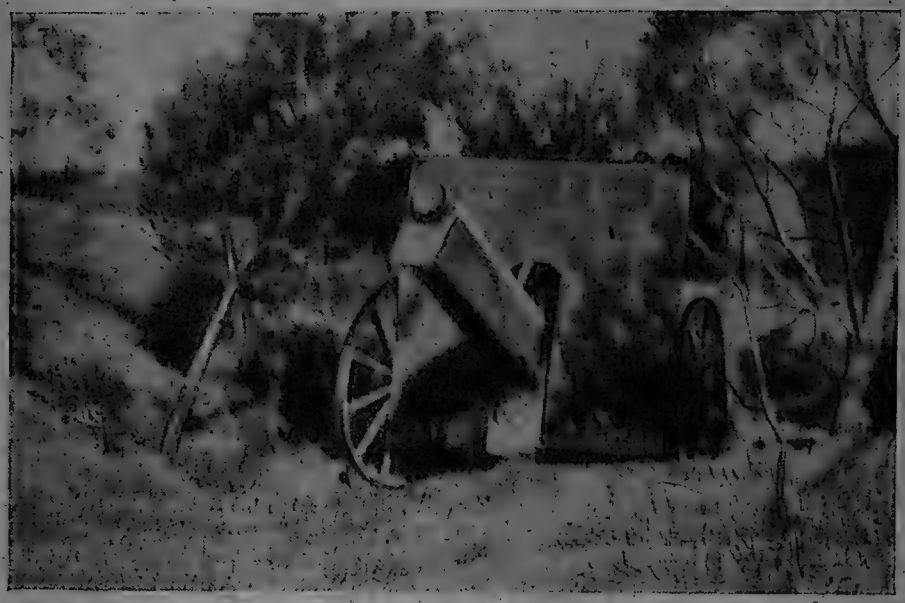


Рис. 8. Ложное орудие. Апрель 1915 г.

После первого обстрела немецкой артиллерией, закончившегося потерей одного подбитого орудия, 6-я батарея была переведена на 140—150 м вправо вдоль опушки того же леска. С этой позиции стрельба производилась днем. Ночью же она продолжала изредка стрелять с прежней оставленной позиции, чтобы блеском выстрелов, особенно заметных ночью, вводить противника в заблуждение. Действительно, немцы в продолжение 7 дней не переставали громить артиллерийским огнем старую позицию, подвергая действительную позицию батареи опасности быть пораженной лишь случайным огнем при рассеивании снарядов. На восьмой день батарея была вновь открыта немецким самолетом, вследствие чего ей пришлось переместиться в третий раз на новое место — приблизительно на 200 шагов вправо и назад от второй позиции. Естественно замаскированная поваленными деревьями, разбросанными сучьями деревьев и хворо-

стом, батарея, продолжая обманывать противника ночной стрельбой со второй оставленной позиции, продержалась на третьей позиции еще пять суток, несмотря на то, что впереди позиции местность была изрыта воронками от разрывов неприятельских снарядов.

Наблюдательные пункты (НП) являлись основой боевого порядка артиллерии, обеспечивающей ее огневую деятельность. «Позиция без наблюдательного пункта не есть позиция»,— говорилось в «Наставлении» 1912 г. (§ 53). Наблюдательные пункты выбира-

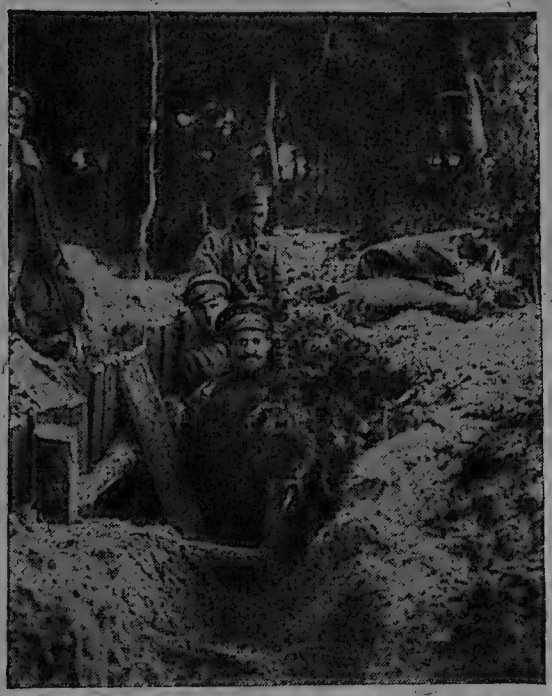


Рис. 9. Ход сообщения к наблюдательному пункту на возвышенной опушке леса. Сентябрь 1914 г.

лись там, откуда открывался хороший кругозор, дающий возможность отчетливо видеть цели в расположении противника, а также и свои войска. Этому требованию удовлетворяют в большинстве случаев возвышенные места, но на пересеченной местности, в особенности покрытой кустарником и лесом, лучший кругозор открывается нередко с более низких мест (если с возвышенного места кругозор закрыт лесом или другим местным предметом).

Разведка мест, пригодных для наблюдательных пунктов, требует большого уменья и опытности. В русской артиллерии дело это поставлено было весьма хорошо и вполне оправдалось боевым опытом войны.

От наблюдательного пункта требовались прежде всего возможность наблюдения выстрелов по назначенным артиллерии целям и

возможность управления ее огнем. При выборе наблюдательных пунктов стремились к тому, чтобы открывающиеся с них кругозоры взаимно дополняли друг друга и чтобы все они в общей совокупности были расположены так, чтобы по возможности не оставалось ненаблюдаемых участков фронта и тыла противника.

Не рекомендовалось располагать наблюдательные пункты на хорошо заметных противнику вершинах, а также скучивать их (удаление их друг от друга по фронту желательно не менее 200 м). Устраивать наблюдательные пункты на специально приспособленных вышках или на деревьях, крышах домов и т. п. разрешалось только в случаях крайней необходимости, имея в виду трудность удобного размещения наблюдателей и приборов, трудность их маскировки и укрытия, сравнительную легкость повреждения и уязвимость для огня неприятельской артиллерии.

«Наставление» 1912 г. указывало, что наблюдательные пункты необходимо тщательно маскировать, а людей и приборы обеспечивать надежными закрытиями с тем, чтобы работа на пунктах могла производиться даже под сильным огнем противника. Указывалось также, что для обеспечения непрерывности наблюдения следует заранее подготовить запасные наблюдательные пункты и что для введения противника в заблуждение полезно устраивать ложные наблюдательные пункты.

Но все эти указания «Наставления» на практических стрельбах и занятиях артиллерии в довоенное время не выполнялись, так как действительного противника не было и не нужны были ни закрытия, ни маскировка. По привычке мирного времени, русская артиллерия обходилась без них и во время войны, особенно в начальный ее период, как обходилась обычно без окопов и маскировки огневых позиций в маневренный период, о чем сказано было выше.

С развитием военных действий, особенно с переходом к позиционной борьбе, русская артиллерия стала принимать меры к защите своих наблюдателей при занятии и оборудовании наблюдательных пунктов; но не всеми частями артиллерии, не всегда и не повсюду эти меры считались обязательными к неуклонному исполнению, и некоторая беспечность русских артиллеристов в этом отношении не была изжита до конца войны.

В позиционный период войны артиллерии предлагалось обратить внимание не только на маскировку наблюдательных пунктов, но и на их прочность (применяли даже бетон и железобетон), а также на снабжение наблюдателей стереотрубами, перископами, шлемами и т. п. Все наблюдательные пункты должны были иметь маскированные от самолетов ходы сообщения и телефонную связь, обеспеченную от артиллерийского огня. На практике это, однако, соблюдалось редко и, конечно, приводило к нарушению связи и к перерывам в огне батарей иногда в самые нужные моменты. Выбирались запасные наблюдательные пункты на случай, если основной будет разбит снарядами неприятельской артиллерии, но оборудовались они редко. Признавалось полезным устраивать и ложные наблюдательные пункты. Все, посещающие наблюдательные пункты, не исключая начальников, обязывались «Наставлением» 1917 г. подчи-

Рис. 10. Наблюдательный пункт на высоком дереве в лесу близ Ченстохова. К стволу дерева прибиты планки в качестве ступеней. Ноябрь 1914 г.

няться всем требованиям скрытности. В обстреливаемых ружейным огнем участках это требование соблюдалось, в прочих же, как правило, игнорировалось.

Несоблюдение всех этих весьма существенных и выведенных на основе опыта требований к организации наблюдательных пунктов (маскировка, запасные и ложные пункты, скрытность наблюдения и подходов к пунктам) объяснялось беспечностью, а иногда и излишним пренебрежением к опасности артиллерийских начальников и причиняло немалый ущерб русской артиллерии, увеличивая потери главным образом среди командиров батарей и нарушая боевую работу артиллерии.

В маневренный период отдельные командиры батарей не соглашались укрываться даже в обычных окопах и располагались совершенно открыто на голых вершинах, стремясь использовать угломер Михаловского—Турова, непригодный для работы в окопе. Конечно, такие командиры были в самом начале войны выведены из строя и в дальнейшем этого уже не практиковали.

Но неоправдываемое пренебрежение к опасности все же имело место даже и в позиционный период, когда отдельные артиллерийские начальники, производя рекогносцировку перед наступлением, открыто целыми группами выходили из окопов и наблюдали противника до тех пор, пока огонь не заставлял их укрыться.

Между прочим, при производстве подобной рекогносцировки в открытую был убит ружейной пулей известный, выдающийся артиллерист того времени Л. Н. Гобято[1], бывший руководитель Офицерской артиллерийской школы и преподаватель Академии генерального штаба, отличившийся и тяжело раненный при обороне Порт-Артура в русско-японскую войну.

Стремились к тому, особенно в позиционный период, чтобы наблюдательные пункты артиллерийских начальников (командиров) располагались по мере возможности рядом или близко к командным пунктам соответствующих общевойсковых начальников: начальника артиллерии корпуса — близ командира корпуса, начальников артиллерийских групп и командиров дивизионов — близ начальников дивизий и командиров полков и т. д.

Трудность обнаружения и малая уязвимость артиллерии на закрытых позициях заставляли обращать особое внимание на отыскание и уничтожение наблюдательных пунктов, что, в свою очередь, вызывало необходимость самого надежного их устройства и оборудования. Устройство артиллерийских наблюдательных пунктов видоизменялось в зависимости от требований войны, причем главным требованием все время оставалась их незаметность. Что же касается защиты наблюдателей от неприятельского огня, то установленный образец сооружения наблюдательного пункта, состоявший из углубленного помещения для наблюдателей с перекрытием над горизонтом и с образуемой между горизонтом и перекрытием щелью для наблюдения, оказался на практике не вполне удовлетворительным; русские

[1] Автор труда «Артиллерия полевых армий», изд. 1913 г.

Рис. 11. Наблюдательный пункт в кустах на горе Розалия. Май 1915 г.

Рис. 12. Телефонный пост на горе Розалия. Май 1915 г.

артиллеристы предпочитали вести наблюдение в стереотрубу поверх перекрытия.

Как показывают приводимые фотографии, наблюдательные пункты устраивались в самых различных местах и оборудовались иногда весьма примитивно, а иногда очень солидно. Зависело это, конечно, от обстановки и периода войны. В маневренный период войны наблюдательные пункты чаще всего располагались на возвышенностях или на деревьях. В первом случае обычно устраивались открытый (иногда слегка замаскированный) ход сообщения и такой же открытый простой окоп. Во втором случае наблюдатели располагались прямо на ветвях дерева; лестницей часто служили планки, прибитые к стволу дерева. Были даже случаи использования в качестве площадки для наблюдателя разоренного орлиного гнезда (см. фото).

В позиционную войну наблюдательные пункты гораздо чаще размещались в хорошо оборудованных окопах и имели солидные блиндажи для укрытия в случае обстрела артиллерией противника. В этих или таких же дополнительных блиндажах постоянно находились телефонисты (см. фото). Иногда и в этот период использовались деревья густых рощ, особенно если пункт был удален от переднего края обороны на 2—3 км. Здесь уже всегда делались специальная площадка для наблюдателей, удобная лестница к ней и блиндаж где-либо вблизи.

Иногда на тыловых пунктах, удаленных на 3—4 км от окопов первой линии, строили специальные вышки (см. фото), позволявшие наблюдать со всеми удобствами (на дереве мешал часто ветер). Изображенный на фотографии один из таких пунктов на вышке использовался в качестве пункта начальника контрбатарейной группы, а в одном из боев (июнь 1916 г.) на нем присутствовал командующий армией с частью своего штаба.

В целях маскировки наблюдательных пунктов и отвлечения от них огня неприятельской артиллерии иногда практиковались ложные наблюдательные пункты, расположенные недалеко от действительных.

В октябре 1914 г. во время боев под Сувалками ложный наблюдательный пункт, весьма искусно устроенный 51-й арт. бригадой, привлек на себя не одну сотню снарядов германской артиллерии, уменьшив вместе с тем обстрел других соседних русских наблюдательных и командных пунктов.

К последнему году войны в русской армии начались изыскания по применению так называемой «краскомаскировки», дающей возможность довольно быстро и просто делать маскировку путем распыления на местности специальных красочных смесей, противостоящих действию солнечных лучей и дождя. Окрашиванием отдельных местных предметов можно затруднить распознавание истинного рельефа местности. Благодаря комбинации накладываемых красок возвышенные места могут казаться углубленными, и наоборот. Подобное изображение рельефа вводит в заблуждение наблюдателей с самолета или привязного аэростата.

Артиллеристы считали, что большую пользу в деле маскировки огневых позиций и наблюдательных пунктов может принести получивший широкое применение метод «камуфляжа», сводившийся к

Рис. 13. Наблюдательный пункт на высоком дереве в роще. Апрель 1915 г.

Рис. 14. Наблюдательный пункт в разоренном орлином гнезде. Август 1915 г.

искажению контуров маскируемого предмета путем его разноцветной окраски.

Боевой порядок артиллерии должен обеспечивать возможность решения ею поставленной задачи и прежде всего отвечать условиям нанесения сильного поражения противнику, т. е. иметь хороший наблюдательный пункт и огневую позицию, удовлетворяющие требованиям надлежащего направления выстрелов и расстояния до целей, сообразного с задачей сектора обстрела и наименьшего прицела.

«Наставлением» 1912 г. (§ 48, 51) предлагалось во всех случаях, когда это допускалось обстановкой, пользоваться «закрытыми позициями, обеспечивающими артиллерии свободу действий и способствующими ее сохранению в руках начальников». Мертвое пространство, образующееся при закрытых огневых позициях, следовало обстреливать особо назначенными частями артиллерии или пехоты.

Полузакрытые огневые позиции занимались при невозможности занять закрытую.

Открытые огневые позиции разрешалось занимать в тех случаях, когда обстановка ясна, неприятельская артиллерия подавлена или отвлечена, закрытых или полузакрытых позиций не имеется.

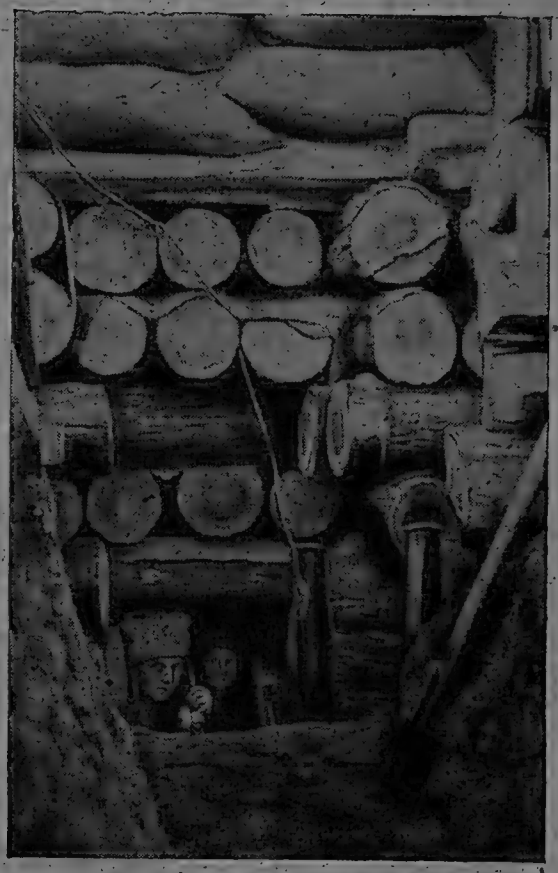


Рис. 15. Блиндаж на наблюдательном пункте в окопах у Заосье. В блиндаже расположена телефонная станция. Март 1916 г.

В период позиционной борьбы предлагалось иметь в виду, что батареи, поставленные открыто, немедленно приводятся к молчанию огнем противника или удушливыми газами и что открытые позиции допустимы лишь тогда, когда противник уже расстроен.

«Наставлением» 1912 г. предусматривалось расположение артиллерии на огневых позициях как линейное, так и уступное — в зависимости от местности, от хода боя и прочих условий боевой обста-

новки; допускалось на подходящей местности расположение и в две линии — для стрельбы тыловых эшелонов через передние. Но, как общее правило, «Наставление» рекомендовало располагать дивизионы на позициях «сосредоточенно, без умышленного разбрасывания

Рис. 16. Наблюдательный пункт на вышке под местечком Барановичи. Июль 1916 г.

батарей», допуская, однако, что разбросанное расположение последних может потребоваться в небольших отрядах или на сильно пересеченной местности (§ 56, 60).

Офицерская артиллерийская школа, напротив, на практических занятиях отдавала предпочтение рассредоточенному расположению ба-

тарей на позициях, имея в виду, что при таком расположении достигается возможность сосредоточения более сильного косоприцельного, если еще не более сильного фланговой и перекрестного огня, хотя вместе с тем и затрудняется управление артиллерией командиром дивизиона или другим старшим артиллерийским начальником.

Школа отдавала предпочтение уступному расположению батарей на позиции, облегчающему сосредоточение огня: уступы справа для сосредоточения огня влево и, наоборот, уступы слева для сосредоточения огня вправо; средние батареи уступом назад для сосредоточения огня в центр с обоих флангов.

Это нежелательное разногласие указаний артиллерийской школы и «Наставления» отражалось иногда неблагоприятно на расположении артиллерии на позициях во время войны. Впрочем, в первое время маневренной войны общевойсковые начальники часто распределяли артиллерию для действия по-батарейно, и при этом само собою получалось довольно разбросанное расположение батарей на позициях. Когда же с осени 1914 г. артиллерия стала распределяться для действия по большей части по-дивизионно, то многие командиры артиллерийских дивизионов для удобства управления придерживались формально «Наставления» и располагали свои батареи не только сосредоточенно, но нередко и в одну линию. Между тем линейное и сосредоточенное расположение артиллерии на позициях приводило к большим потерям от огня неприятельской артиллерии, а также крайне затрудняло ведение продольного (фланговой) и перекрестного огня.

Условия позиционной войны подчеркнули необходимость эшелонирования боевого порядка артиллерии и по фронту и в глубину, чем достигалось уменьшение ее потерь от неприятельского артиллерийского огня, обеспечивалась возможность фланкирования и значительно парализовались непредвиденные случайности боя.

Чрезмерная растянутость русского фронта, недостаточное количество артиллерии, требования фланкирования и ведения огня по соседним «отсекам», необходимость поддержки своих контратак и воспрепятствования распространению противника, ворвавшегося внутрь укрепленной полосы,— все это потребовало значительного уширения сектора обстрела — от 90 до 120° и даже более. Так, например, в 1915 и в начале 1916 гг. на позиции у Носовице 6-я батарея 3-й арт. бригады имела фронт обороны (правда, на пассивном участке), с поддержкой до половины соседних участков, протяжением около 10 км, а в середине 1916 г. длина огневого фронта 1-й батареи той же бригады южнее г. Броды достигала 9 км.

«Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. (ч. II, § 54—60) подчеркивалась желательность расположения артиллерии в несколько линий, так как «при расположении в одну линию контратака противника может заставить одновременно снять все батареи и лишить пехоту поддержки огнем».

Тем же «Наставлением» указывалось, что расположение артиллерии в боевом порядке не должно ограничиваться районом расположения той пехоты, которую артиллерия должна поддерживать.

Батареи (дивизионы) рекомендовалось располагать в том районе, откуда они могли надежнее решить поставленную им задачу, учиты-

вая при этом возможность желательного использования флангового (продольного) и косоприцельного огня, а также и то, что при фронтальном огне сокращается участок обстрела.

Фланговый огонь, ввиду его большой действительности (одно орудие, стреляющее вдоль окопа, сильнее, чем 3—4 орудия, действующие фронтально), считался «основой обороны» в позиционных условиях для прострела подступов к позициям обороняющегося. Для получения флангового огня (или хотя бы возможно более косого) батареи обороны разрешалось устанавливать в районах расположения соседних полков, дивизий, корпусов или даже армий, если свойства местности и неприятельские позиции этого требовали. На боевой практике эти ценные указания, к сожалению, исполнялись очень редко, так как начальники пехотных участков стремились иметь «свою» артиллерию непременно на своем участке.

Удаление огневых позиций батарей от передних линий расположения неприятеля зависит от задачи и обстановки. Вообще считалось, что лучше поставить батарею хотя бы немного дальше, но на хорошо закрытую позицию.

В «Наставлении» 1912 г. (§ 133) имелись общие указания о том, что при наступлении первые позиции артиллерии следует выбирать «настолько близко к противнику, насколько это допускается обстановкой». Но при этом предлагалось иметь в виду, что удаление первых позиций «не может быть очень мало», так как артиллерия должна поддержать свою пехоту с самого начала ее развертывания. Кроме того, рекомендовалось располагать артиллерию на таком удалении от первой (главной) линии противника, чтобы оставался некоторый запас досягаемости, необходимый для обстрела тыловой полосы противника приблизительно 1—2 км глубиной, и чтобы возможно было переносить огонь достаточно широко по фронту противника.

В общем же применение закрытых позиций удалило артиллерию от своей пехоты не менее как на 2 км. Такое удаление вызывало еще в период маневренной борьбы недовольство некоторых пехотных и общевойсковых начальников, обвинявших иногда артиллерию в боязни потерь и даже в трусости.

Обвинения эти, часто необоснованные, являлись в результате незнания свойств артиллерии. Не из боязни потерь, а именно из свойств артиллерии вытекают следующие заключения, зафиксированные, между прочим, в «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. (ч. II, § 60): а) при дальности менее 2 км найти закрытые позиции для легких батарей крайне трудно ввиду отлогости траектории 76-мм полевых пушек; при этом легкие батареи обычно уже не смогут обстреливать первую, ближайшую к ним линию противника из опасения нанести поражение своей пехоте; б) при подготовке прорыва укрепленной полосы противника уменьшение удаления батарей до первой линии противника менее 2 км, не увеличивая чувствительно силы поражения артиллерии, вводит батареи в сферу ружейного огня, чем затрудняется выполнение поставленной задачи; в) при подготовке прорыва «разумное приближение батарей к противнику» увеличивает запас дальности для поражения тыла неприятеля и сокращает связь с передовыми наблюдательными

пунктами; г) при фронтальном огне надо ставить батареи вообще ближе, при фланговом огне можно становиться дальше; д) иногда, в особенности в горах, гаубицы (и мортиры), имеющие более крутую траекторию, найдут позиции ближе к противнику, нежели легкие и тяжелые пушки; последние придется иногда ставить значительно дальше и выше гаубиц.

«Наставлением» 1917 г. указывалось, что при наличии закрытых позиций наиболее желательным удалением батарей от ближайших линий противника будет: а) около 2—3 км для батарей 76-мм легких и горных пушек, 107-мм пушек, 127-мм английских пушек, 114-мм и 122-мм гаубиц; б) около 2—4 км для батарей 152-мм и 203-мм пушек и гаубиц; в) для батарей, вооруженных орудиями калибром более 203 мм,— в соответствии с задачей, но при обязательном условии полного укрытия орудий.

Опыт обороны в период позиционной борьбы показал, что батареи, сильно выдвинутые вперед и действующие фронтальным огнем, могут отбивать атаки очень недолго, так как противник в скором времени оказывается в их мертвом пространстве. Кроме того, угроза захвата неприятелем заставляла снимать батареи и уводить в тыл иногда преждевременно. «Наставлением» 1917 г. (ч. III, § 102) признавалось, что в обороне при фронтальном огне выдвигать батареи особенно сильно вперед не следует и что удаление артиллерии от первой линии неприятельских окопов вместе с тем не должно превосходить: а) для батарей легкой полевой, горной и гаубичной артиллерии 3 км; б) для батарей тяжелой полевой артиллерии 4 км.

Русская артиллерия после войны с Японией, особенно с 1908 г., широко практиковалась в применении закрытых огневых позиций и во время мировой войны показала себя в этом отношении чрезвычайно высоко подготовленной — несравненно выше своих врагов и союзников.

При большом удалении командирского наблюдательного пункта от огневой позиции, что нередко бывает необходимо для обеспечения хорошего кругозора, затрудняется управление огнем, а потому австро-германцы и в особенности французы предпочитали занимать открытые или полузакрытые позиции, допускающие более близкое расположение командира батареи к своим орудиям. По свидетельству известного французского артиллериста Гаскуэна, он сам не без удивления наблюдал за стрельбою артиллерийских групп, укрытых от руководителя стрельбы и значительно удаленных от него [1]; в возможности управлять огнем с удаленного от батареи наблюдательного пункта французы убедились только накануне войны, весною 1914 г., а применению закрытых позиций они учились по необходимости, главным образом — во время войны.

Австро-германская артиллерия, жестоко наказанная в начале войны русской артиллерией за открытые и полузакрытые позиции, вынуждена была переучиваться также во время войны.

---

[1] Гаскуэн, Эволюция артиллерии во время мировой войны, ГИЗ, 1921 г., стр. 28.

Русская артиллерия, располагаясь на закрытых позициях, нередко уничтожала своим огнем батареи австро-германцев, занимавшие в начале мировой войны маскированные (полузакрытые) и даже открытые огневые позиции; при этом искусно укрытые русские батареи в большинстве случаев не подвергались поражению.

Особенно губительным для неприятельской артиллерии являлся фланговый или близкий к нему косоприцельный огонь русских батарей. Подтверждает это следующий весьма показательный пример.

Левый фланг 4-й русской армии вел атаку против германцев, упорно оборонявших позицию на фронте Драгны, Тарнавка, ф. Домбрувка, высота 133,0 (схема 1). К утру 26 августа 1914 г. части гренадерского корпуса заняли высоты, а также опушки лесов западнее Гелчев, Долы, Слупечно, Мацеев.

Русская артиллерия располагалась на позициях в районе Гелчев, Долы, Мацеев, имея на правом фланге у гелчевского оврага 122-мм гаубичную батарею гренадерского мортирного дивизиона. Наблюдательный пункт командира этой батареи находился в ½ км к югу от батареи на высоте с кустарником (на схеме 1 показан крестиком). Русские батареи занимали закрытые позиции.

Неприятельская артиллерия стояла восточнее Тарнавка в двух линиях: в первой три легкие батареи на полузакрытой позиции, во второй линии три гаубичные батареи на позиции, закрытой с востока и полузакрытой с северо-востока.

Первоначальной задачей гренадерской гаубичной батареи был обстрел леса к востоку от ф. Домбрувка. Затем батарее было приказано уничтожить неприятельскую артиллерию у Тарнавка, в отношении которой гаубичная батарея занимала расположение, близкое к фланговому.

Артиллерия противника не была видна с наблюдательного пункта командира гаубичной гренадерской батареи, но была обнаружена передовым артиллерийским наблюдателем (офицером), высланным от легких батарей 2-й гренадерской арт. бригады к ф. Юзефин. Выслать туда же своего наблюдателя командир гаубичной батареи не мог за недостатком средств связи; поэтому он связался с передовым наблюдателем от легких батарей, находившимся почти в 3 км от него, через два пехотных полка и, пользуясь им как боковым и передовым наблюдателем, открыл огонь. Пристрелка дала две вилки: 154—156 и 170—172, что несколько смутило командира батареи, который долго не мог понять, что ему приходится обстреливать не одну, а две линии неприятельских батарей. При этом фронт цели оказался почти в четыре раза шире фронта гаубичной батареи.

К 17—18 час., когда стало вечереть и германские батареи беглым огнем стали отбивать атаку гренадерских полков, захвативших деревни Высоке и Драгны, командир гаубичной батареи ясно увидел блеск выстрелов неприятельской артиллерии и понял, что ему приходится обстреливать вкось две линии батарей противника, расположенных на широком фронте почти в затылок друг другу, и что поэтому необходимо вычислять не только два прицела, но отдельно прицел для каждой своей гаубицы (в батарее было 6 гаубиц),

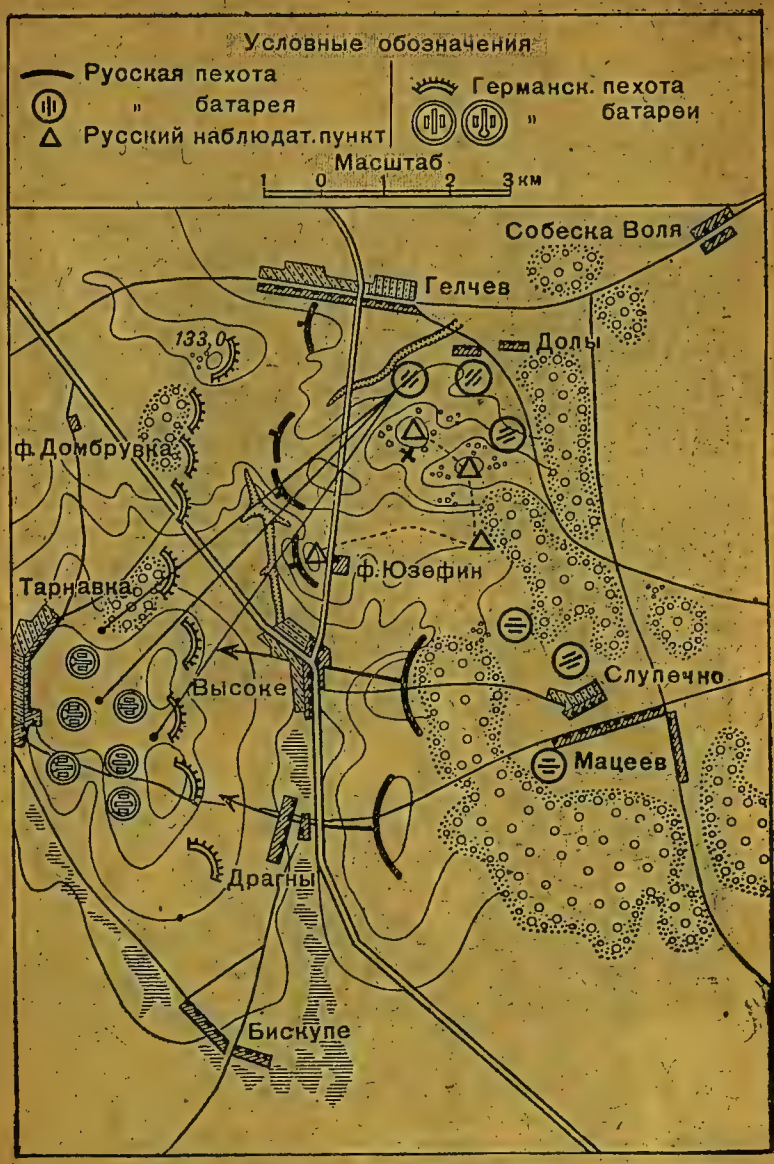


Схема 1. Бой у д. Тарнавка 26 августа 1914 г.

Приблизительно через час после перехода гаубичной батареи на поражение огонь батарей противника, обстреливавшихся до того времени без существенного результата другими русскими полевыми пушечными батареями, стал затихать, а затем вовсе не стало видно ни вспышек выстрелов, ни разрывов шрапнели над атакующей рус-

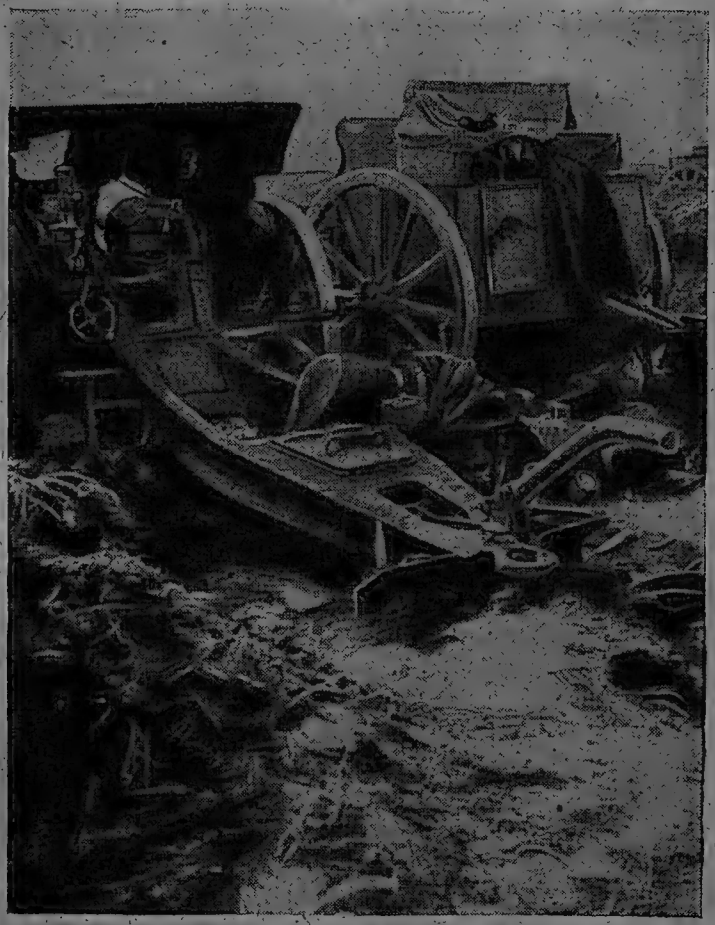


Рис. 17. Германская гаубичная батарея, разбитая огнем русской артиллерии в бою под д. Тарнавка. Август 1914 г.

ской пехотой. Прекратила огонь и гаубичная батарея, во избежание поражения своей пехоты, которая взяла позицию германцев и захватила у них 34 орудия.

Командир гренадерского корпуса приказал вызвать на фронт бывших германских батарей всех чинов гаубичной батареи, перед которыми предстала картина полного уничтожения (см. фото): на месте осталось 34 орудия, из которых 3 орудия подбиты; одна гаубица взрывом гранаты переброшена через свой зарядный ящик и валяется

Рис. 18. Германская гаубичная батарея, разбитая огнем русской артиллерии в бою под д. Тарнавка. Август 1914 г.

Рис. 19. Германская гаубичная батарея, разбитая огнем русской артиллерии в бою под д. Тарнавка. Август 1914 г.

в 12 шагах от него; 9 зарядных ящиков взорваны или разбиты; почти все люди орудийного расчета перебиты и лежат возле орудий; около орудий валяется несколько передков с перебитыми лошадьми (очевидно, батарея пыталась уйти).

Несмотря на весьма трудные условия пристрелки и стрельбы на поражение (большое удаление бокового наблюдателя, косое направление выстрелов, изменение фронта батареи, построенного первоначально на запад для стрельбы по высоте 133,0 и лесу у ф. Домбрувка), русская гаубичная батарея, выпустив около 200 гранат, прекратила огонь шести батарей 22-го германского ландверного артиллерийского полка, который на некоторое время вовсе вышел из строя.

В гаубичной русской батарее потерь не было.

На маскированных (полузакрытых) огневых позициях батареи обнаруживали себя блеском выстрелов с открытием огня и тогда подвергались обстрелу неприятельской артиллерии. Располагаясь на закрытых позициях, русские батареи в первое время войны, пока авиация еще не получила широкого применения, не принимали никаких мер к маскировке и закрытию орудий от наблюдений с воздуха. Поэтому в начале войны, хотя и редко, но были случаи обнаружения самолетами батарей, стоящих на закрытых позициях. Приведем примеры.

Во время арьергардных боев русского 9-го корпуса в районе Холма при отходе из Галиции в июне 1915 г. один из дивизионов 42-й арт. бригады занял полузакрытую позицию за песчаными буграми. Наблюдательные пункты все же были удалены от батарей приблизительно на километр. В начале боя у противника не было артиллерии, и все атаки баварской пехоты были отбиты. Но как только открыли огонь неприятельские батареи, русские орудия были засыпаны снарядами и телефонные провода часто перебивались, вследствие чего затруднялось управление огнем. Замечено было накапливание баварцев для атаки, но русские батареи поражать их не могли, так как накапливание происходило в мертвом пространстве. Чтобы поражать противника, необходимо было выкатить орудия на гребень закрытия, но этого сделать не удалось вследствие тяжелого песчаного грунта и малого числа людей, оставшихся в расчете при орудиях. Пришлось откатить орудия назад, взяв их в передки, чтобы уменьшить мертвое (необстреливаемое) пространство и тем получить возможность поражать атакующих баварцев. Но когда были поданы передки, русская пехота под натиском противника уже отхлынула назад, и орудия удалось увезти лишь со значительной потерей людей и конского состава.

Этот пример указывает, между прочим, на необходимость принятия мер к уменьшению или к обстрелу мертвых пространств, образующихся перед фронтом закрытых и маскированных огневых позиций артиллерии.

В бою под Гумбиненом (Восточная Пруссия) 19—20 августа 1914 г. (схема 4) авангард левой колонны 28-й пех. русской дивизии завязал бой с немцами на фронте Бракупенен, Ванагупхен. На авангардную 4-ю батарею 28-й арт. бригады обрушилась германская

тяжелая артиллерия. Командир 2-го дивизиона той же бригады, получив сведения от передовой артиллерийской разведки и выяснив обстановку в авангарде, с командирами своих 5-й и 6-й батарей выбрал закрытую позицию в 1½ км к северо-востоку от Бракупенен. Единственным наблюдательным пунктом, с которого были ясно видны позиции неприятельской пехоты и трех немецких батарей, могла служить высокая водокачка в Бракупенен. Пришлось поместить офицера-наблюдателя на этой водокачке, хотя она была ясно видима и немцам. После нескольких очередей беглого огня русской 5-й батареи ближайшая германская батарея, тщетно пытавшаяся пристреляться по невидимым для нее русским батареям, вынуждена была замолчать и не могла уйти с занятой ею позиции, так как пытавшиеся подойти к ней передки были разбиты огнем русской артиллерии и рассеяны по полю. 6-я батарея открыла огонь по следующей германской батарее, люди орудийного расчета которой через несколько минут отбежали прочь от своих орудий. Затем и 5-я и 6-я батареи обрушились на стоявшую слева тяжелую германскую батарею и заставили ее также временно замолчать.

Не видя русских батарей, германская артиллерия развила сильнейший огонь по Бракупенен и в частности по водокачке, очевидно, догадавшись, что на ней помещается русский наблюдатель. К вечеру водокачка загорелась, и ее пришлось покинуть.

На следующий день, 20 августа, на 28-ю пех. дивизию направлен был удар целого германского корпуса (21-го), подкрепленного частями Кенигсбергского гарнизона. Под страшным огнем немцев наполовину растаявшая и потерявшая почти всех офицеров русская пехота стала отходить за линию своей артиллерии.

Перед фронтом русских батарей 2-го дивизиона 28-й арт. бригады (ночью 4-я батарея присоединилась к дивизиону и стала правее 5-й и 6-й батарей) приблизительно в 1 км тянулось шоссе. Германская пехота пошла в атаку на батареи, и, как только волна пехоты немцев хлынула на шоссе, русские батареи открыли беглый огонь. Шоссе заволоклось дымом, а когда дым рассеялся, белая полоса шоссе стала серой от массы трупов. Вторая волна — снова беглый огонь и масса трупов. Но в то же время над русскими батареями пролетел германский самолет и дерзко выехала на открытую позицию неприятельская батарея. Германская артиллерия стала обстреливать русские батареи губительным огнем; все покрылось черным дымом от разрывающихся снарядов; под прикрытием артиллерийского огня немецкая пехота надвигалась на русские батареи и обходила справа 4-ю батарею, в тылу которой вскоре затрещал пулемет. Огонь на картечь, которым 4-я батарея встречала атакующих ее немцев, замолк: на батарее уже была германская пехота — батарея погибла. Против фронта 5-й и 6-й батарей немцы подошли на 500—600 шагов и стреляли лежа; батареи все еще били по ним, но уже редким огнем, так как комплект патронов иссяк. Германская артиллерия прекратила огонь, чтобы не поражать своей пехоты. Ружейные пули свистели по всем направлениям, поражая орудийный расчет. Все же 5-я батарея успела отойти, но передки 6-й батареи не подавались, и гибель ее казалась неизбежной. Командир ее, выпустив последние три патрона, приказал вынуть кин-

жалы и револьверы и ждал штыковой атаки. Неожиданно примчались на полном карьере передки 5-й батареи, подхватили орудия 6-й батареи и карьером же увезли их с позиции. Батарея была спасена. Остались у немцев только орудия 4-й батареи, помочь которой уже было невозможно. Немцы, понесшие огромные потери от артиллерийского огня, остались на поле боя и прекратили наступление против русской 28-й дивизии.

Описанные действия 2-го дивизиона 28-й арт. бригады, прикрывшего отход пехоты своей дивизии и остановившего наступление немцев, показывают, как русские артиллеристы, выполняя свой долг, поддерживали и выручали пехоту и жертвовали собою ради ее спасения.

Во время войны русская артиллерия пользовалась закрытыми позициями, но она никогда не забывала и всегда исполняла указания своего «Наставления» 1912 г., которым подчеркивалось (§ 52): «Артиллерийские начальники должны помнить, что бывают обстоятельства, когда от артиллерии требуется мужественная и самоотверженная работа на совершенно открытой позиции».

Ярким примером этого может служить бой у Н. Александрии.

Авангардные части 25-го русского корпуса, переправившиеся в ночь на 10 октября 1914 г. на левый берег Вислы у Н. Александрии, утром были атакованы превосходными силами венгерцев, поддержанными огнем тяжелой артиллерии. Венгерцы, обойдя оба фланга русских и окружив их тесным полукольцом, стали прижимать русских к Висле. Единственный мост, по которому русские могли отходить за Вислу, был под сильным обстрелом неприятельской артиллерии. Отход грозил полной катастрофой. Положение спасла русская артиллерия, продержавшаяся на открытых позициях в сфере ружейного огня в течение почти 6 час. и отбившая своим огнем на прицеле 20—10 атаки венгерской пехоты, подошедшей на 800—400 м.

Такому успеху русских артиллеристов способствовало отчасти то обстоятельство, что артиллерия противника занята была главным образом обстрелом моста через Вислу, а огонь по русским батареям вела большей частью на перелетах, повидимому опасаясь поразить свою пехоту, наседавшую на русских.

Из оперативной сводки Юго-западного фронта по 8-й армии за 25 мая 1915 г. видно, что одна из русских горных батарей стрельбою с открытой позиции «преследовала бегущих австрийцев прямой наводкой»[1]. Подобных случаев в течение маневренного периода войны было много. Но были случаи и необоснованного занятия батареями открытых позиций, приводившие естественно лишь к отрицательным результатам.

Один из таких случаев, приведший к гибели 4-й батареи 2-й гренадерской арт. бригады в бою у Горает 24 августа 1914 г., описан ниже (стр. 91).

---

[1] ЦВИА, № 108009, л. 154.

ОХРАНЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» изд. 1912 г., «охранение артиллерии на походе и в бою составляло обязанность войск других родов»; при этом считалось, что безопасность артиллерии достигается общим распределением войск. Но иногда разрешалось назначать к артиллерии «отдельное прикрытие».

«Устав полевой службы» 1912 г. указывал, что пехота должна жертвовать собою для выручки других, «особенно артиллерии» (§ 468).

Несмотря на определенное указание «Устава полевой службы», пехота в маневренный период войны в силу разобщенности родов войск иногда забывала об охранении своей артиллерии, весьма редко назначала к ней отдельное прикрытие, и бывали случаи, особенно при отступлении после неудачного боя, когда пехота предоставляла артиллерию самой себе или приходила на выручку с большим запозданием.

Передовые части русской 37-й пех. дивизии после ночной переправы через р. Сан с утра 15 сентября 1914 г. вели оборонительный бой с перешедшими во встречное наступление австрийцами на фронте Мотычи, Залешаны (в Галиции).

У деревни Залешаны занимала закрытую огневую позицию 3-я батарея 37-й арт. бригады. Назначенная к ней в прикрытие полурота пехоты расположилась в окопе уступом впереди, левее батареи, между нею и шоссе, идущим со стороны австрийцев в 400 шагах от левого фланга позиции батареи. Пользуясь наступившим затишьем боя, полурота прикрытия оставила свои окопы пустыми и разбрелась по полю возле Залешаны, чтобы накопать картошки.

Около двух рот австрийцев незаметно пробрались по никем не наблюдаемой густо заросшей кустарником лощине, пролегавшей впереди батареи, и стремительно ее атаковали приблизительно с 1 000 шагов. Предоставленная своим силам, батарея не растерялась и картечным огнем (шрапнелью с постоянной установкой трубки) отбила несколько повторных атак австрийцев. Они залегли на опушке кустарника и оттуда открыли ружейный огонь по батарее с 600—800 шагов, а часть австрийцев под прикрытием этого огня стала перебегать ближе к батарее по шоссе, проходившему в глубокой выемке. Вскоре австрийцы накопились в канаве вдоль шоссе, откуда открыли убийственный ружейный огонь с 300—400 шагов по левому флангу батареи, перебив в короткое время большую часть ее людей.

Батарея продолжала отбиваться картечным огнем: правые три взвода от австрийцев, угрожающих с фронта, а левофланговый взвод, повернув орудия налево на 90°, от австрийцев, залегших в канаве шоссе. Но огонь этого взвода был недействительным, так как австрийцы были хорошо скрыты канавой и толстыми стволами дубов, окаймлявших шоссе.

После короткой и ожесточенной неравной огневой борьбы русская батарея, потеряв всех офицеров и бо́льшую часть людей орудийного расчета, была захвачена австрийцами. Но не успели они попытаться

привести в негодность захваченные орудия, как подоспела внезапная помощь. Одна из рот подходившего к Залешаны русского 300-го пех. полка бросилась на выстрелы отбивавшейся от австрийцев батареи и, увидев последних на батарее, ударила в штыки — часть австрийцев была перебита, часть взята в плен. Орудия были спасены. Батарея была укомплектована за счет состава 37-й арт. бригады и уже на следующий день снова принимала участие в бою.

Кавалерия также оставляла иногда свою конную артиллерию без прикрытия, предоставляя ей самостоятельно отбиваться от нападающего противника.

В виде примера приводится краткое изложение «Письма с войны», напечатанного в журнале артиллерийского училища «Михайловец» 1914 г., № 2[1]. Автор письма пожелал поделиться с читателями всем, что ему пришлось пережить в бою за переправу у деревни К. — в этом, по его выражению, «неслыханном деле в истории конной артиллерии».

Русская кавалерийская дивизия, сбив в спешенном строю австрийскую пехоту с пулеметами и захватив переправу, продолжала движение вперед. Вскоре авангард дивизии был обстрелян артиллерией противника, занявшей высоты за деревней К. Для поддержки авангарда конноартиллерийский дивизион, быстро свернув с шоссе, занял под огнем позицию между лесом справа и деревней А. слева и открыл огонь по австрийской артиллерии, которая немедленно стала отвечать, сосредоточив огонь трех батарей по одной конной батарее русских. Батарея эта стояла на открытой позиции, но поражений от артиллерийского огня не несла благодаря тому, вероятно, что наступившие вечерние сумерки затрудняли наблюдение выстрелов, а также благодаря орудийным щитам, хорошо прикрывавшим от шрапнельных пуль.

Стало почти совсем темно — артиллерийский огонь прекратился. Номера орудийного расчета русской конной батареи отдыхали возле орудий, разговаривали, курили. Вдруг из-за домов деревни А. показался мчавшийся во взводной колонне в атаку на батарею эскадрон венгерских гусар. «Хобота вправо! Картечью!»— скомандовал командир батареи. Первый выстрел четвертого орудия батареи раздался в тот момент, когда головной взвод венгерских гусар был в 60—70 шагах от батареи. Весь взвод упал и преградил путь скачущим за ним остальным взводам. Произошло замешательство. Беглый картечный огонь батареи превратил эскадрон венгерцев в груду трупов.

Второй эскадрон венгерских гусар, свернув с шоссе, когда первого уже не существовало, бросился в атаку на батарею с фронта. Встреченный убийственным огнем батареи, прекратил существование и этот эскадрон. От него осталось несколько человек, наскочивших на соседнюю батарею и там застреленных из револьверов.

Не прошло и нескольких минут, как опять раздалась команда командира батареи: «Хобота налево кругом! Картечь!» Оказалось, что третий эскадрон венгерцев, обойдя деревню, шел в атаку на бата-

[1] В письмах из действующей армии запрещалось называть войсковые части и местные населенные и прочие пункты. Восстановить названия по архивным источникам автору, к сожалению, не удалось.

рею с тыла, но и этот эскадрон не дошел до батареи, оставив груду трупов людей и лошадей.

Когда после отбития третьей атаки батарея была взята уже в передки, на помощь к ней пришел эскадрон улан — и пришел вовремя, так как из-за деревни показались еще два эскадрона венгерских гусар, направлявшихся в атаку на батарею. Четвертая атака была отбита в конном строю уланами совместно с номерами орудийного расчета батареи.

В бою у деревни К. погиб считавшийся одним из лучших венгерский 9-й гонведный гусарский полк.

Русская конная батарея, проявившая в этом бою исключительные выдержку и стойкость, отбила сама без поддержки прикрытия атаки трех эскадронов гусар — последовательно с фланга, фронта и тыла. Но если бы эти атаки происходили не последовательно, а с трех сторон одновременно, не во взводных колоннах, а в развернутом разомкнутом строю, если бы не подоспели на помощь уланы, принявшие четвертую атаку венгерских гусар на себя, то исход боя мог быть другой и в историю русской артиллерии, быть может, не пришлось бы вписать эту славную боевую страницу.

Опыт маневренного периода войны показал, что независимо от наблюдения и разведки открытых флангов, обязательно организуемых самой артиллерией, к ней в большинстве случаев следует придавать особое прикрытие от пехоты или конницы, по возможности с пулеметами. Прикрытие должно располагаться на открытом фланге позиции артиллерии и высылать разведку в сторону, откуда возможно ожидать нападения противника на батарею.

В позиционный период войны «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» необходимость особого охранения артиллерии вовсе не предусматривалась, так как достаточная безопасность артиллерии достигалась самым расположением войск на укрепленной полосе. Между тем при прорывах русского фронта австро-германцами или при неудачных попытках прорыва фронта последних русскими войсками бывали случаи потери орудий, оставляемых пехотой без прикрытия и захватываемых поэтому немцами. Такие случаи участились в 1917 г. Ввиду этого решено было сформировать при каждом артиллерийском дивизионе специальную организационно с ним связанную пулеметную команду, которая служила бы постоянным прикрытием артиллерии. В августе 1917 г., например, было отправлено 212 пулеметов системы Кольта для снабжения команд, формируемых для артиллерии Кавказского фронта[1]. Однако до конца войны артиллерия таких команд не имела.

АРТИЛЛЕРИЯ В МАНЕВРЕННЫЙ ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Русский Генеральный штаб, готовясь к предстоящей мировой войне, был уверен в том, что при политико-экономических условиях того времени война не может быть сколько-нибудь продолжительной

[1] ЦВИА, 683, л. 80.

и будет исключительно маневренной. Такая уверенность подтверждалась имеющимися сведениями о плане войны Германии, которая рассчитывала быстро закончить войну нанесением молниеносных сокрушительных ударов. В основу плана войны французского генерального штаба легли также соображения о непродолжительности войны.

Русская армия, в том числе ее артиллерия, готовилась к маневренным действиям будущей войны, в недостаточной степени учитывая сравнительно недавний опыт русско-японской войны, подчеркнувший не только силу огня, но и значение укрепленных позиций, сковывающих свободу маневра.

Основные положения довоенной подготовки русской артиллерии в значительной мере оправдались в начале маневренного периода мировой войны, когда имелось достаточно боевых припасов и не нужно было особенно стесняться в их расходовании и когда приходилось иметь дело с открытой живой силой противника или только с легкими полевыми укреплениями.

Чрезвычайно искусные действия русской артиллерии в то время получили должную высокую оценку не только со стороны своей пехоты и общевойсковых начальников, но и со стороны австро-германцев.

Из русской Ставки начальник штаба главковерха в начале сентября 1914 г. сообщал военному министру [1]: «Трехнедельные бои на Юго-западном фронте совершенно определенно указали, что центр тяжести их лежит в широком применении артиллерийского огня, без чего невозможно достигнуть каких-либо ощутительных результатов. При применении противником самоокапывания, подготовке ряда параллельных окопов и разбросе громадного числа пулеметов по всему фронту продвижение вперед пехоты возможно лишь при энергичном и притом непрерывном содействии артиллерии, расчищающей доступы к противнику.

Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию...

Пехота не нахвалится артиллерией. Стреляет она великолепно...

Боясь нашей артиллерии, австрийцы стали предпринимать ночные нападения».

Один из видных артиллеристов того времени, командированный в октябре 1914 г. в Галицию для выяснения причин большого расхода артиллерийских снарядов, говорит в своем отчете [2]:

«Благодаря огромному могуществу своего огня и отличной подготовке личного состава, наша артиллерия, открывая огонь, достигала быстро блестящих результатов.

Противник отдавал должное нашей артиллерии, называя ее волшебной, судом божьим и пр., он боялся ее смертельно. Наша пехота боготворила свою артиллерию, называя ее своей спасительницей...

Артиллерия начинает бой, она его ведет и решает».

---

[1] Красный Архив, т. I, «Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем».
[2] Личный архив Барсукова в ЦВИА, «Отчет ген. Карачана».

Временно командующий 8-й германской армией ген. Франсуа в своих выводах из опыта войны, подписанных 12 октября 1914 г., говорит о действиях русской артиллерии следующее[1]:

«Наблюдение за целями в русской полевой артиллерии организовано очень хорошо. Артиллерия выезжает на позицию с большим искусством. Стреляет в общем хорошо, но высокие разрывы шрапнелей понижают действительность и силу огня. Позиции занимаются исключительно закрытые.

Высшие и войсковые штабы при появлении их открыто на высотах всегда обстреливаются. Впереди лежащая местность (площади) обстреливаются планомерно, но без существенных результатов.

Русская артиллерия не жалеет снарядов и нередко развивает уже с дальних дистанций такой сильный и интенсивный огонь, что вводит в заблуждение наши войска относительно своего численного перевеса, которого на самом деле нет.

... Разрушительная сила снарядов русской тяжелой артиллерии[2] оказалась не слишком большой, и площадь их поражения очень ограничена. 12-см русские мортиры ничуть не превосходят по своим балистическим качествам пушку нашей тяжелой артиллерии».

Известно, что артиллерия австро-германцев, стрелявшая в начале войны с полузакрытых маскированных позиций, жестоко за это поплатилась и вынуждена была переучиваться во время войны, заимствуя русские приемы закрытого расположения батарей и отчасти русские правила стрельбы.

Некоторые из офицеров русского Генерального штаба, побывавшие в плену в Германии, рассказывают, что в августе 1914 г. после разгрома 2-й русской армии Самсонова в Восточной Пруссии германские газеты и журналы были переполнены статьями, восхваляющими своих генералов и победоносную армию. Неожиданно среди этих статей появилась заметка, дающая должную высокую оценку действий русской артиллерии, и даже с сенсационным заглавием: «Долой шапки перед русской артиллерией»[3].

В июне 1915 г. в австро-германской печати в журнале «Stuttgarter Neues Tageblatt» появилась статья военного корреспондента при главной квартире австро-венгерской армии, в которой говорилось, между прочим, следующее:

«Надо признать, что в последних боях русские обнаружили неожиданную мощь. В особенности следует отметить необычайную силу артиллерии... у Олыки, на фронте Луцка, огонь русской артиллерии оказался столь интенсивным, что создалось впечатление, будто перед нами одна митральеза, без передышки извергающая бесчисленные снаряды... Во многих местах п о б е д а р е ш а л а с ь н е п р и я т е л ь с к о й а р т и л л е р и е й»[4].

Статья эта появилась в то время, когда, вследствие истощения комплекта боевых припасов, русской артиллерии приходилось ограни-

---

[1] ЦВИА, 435—357, л. 55.

[2] Это относится не к тяжелой артиллерии, а к русским полевым легким 122-мм гаубицам.

[3] К сожалению, подтвердить это документально не удалось.

[4] Разрядка автора статьи.— *Ред.*

чивать стрельбу иногда несколькими выстрелами в день боя и когда поэтому ее действия бывали далеко не столь удачными, как в первое время войны при наличии достаточного количества боевых припасов.

Слова автора статьи, что «во многих местах победа решалась артиллерией», указывают, очевидно, на искусное сосредоточение огня русской артиллерии в решающих направлениях главного удара. Но автор статьи, как и некоторые представители высшего командования русской армии, несомненно, преувеличивал значение артиллерии.

Опыт маневренного периода мировой войны показал, что роль артиллерии в современных условиях боя чрезвычайно велика, что без мощного содействия ее огня нельзя рассчитывать на успех в бою. Артиллерия, действительно, начинала бой, вела его и своим огнем обеспечивала успех боя. Однако в конечном итоге артиллерия не решала и не может решать участь боя, так как по своим основным свойствам она не способна сразиться грудь с грудью с неприятелем, не может ни захватить то или иное у противника, ни удержать захваченное. Все это свойственно пехоте и в некоторых случаях кавалерии, и только эти роды войск могут окончательно решить участь боя.

Наиболее ярким подтверждением того, что артиллерия не может решить бой, могут служить примеры боевых действий русской артиллерии в июльских операциях 1917 г. при попытках прорыва австро-германского фронта на Юго-западном и Западном русских фронтах (см. ч. IV, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии в операцию 19—23 июля 1917 г.»).

В этих операциях русская артиллерия своим огнем уничтожила проволочные заграждения противника, сравняла с землей его укрепления, уничтожила или деморализовала его живую силу настолько, что русская пехота почти без всякого сопротивления и потерь овладела неприятельским позиционным районом и прошла в некоторых местах до 20 км в глубину его. Таким образом, артиллерия обеспечила успех прорыва, но закрепить достигнутый успех она, конечно, не могла. И когда технически плохо обеспеченные, обманом и насилием брошенные в наступление части пехоты под натиском изготовившегося противника стали отходить, первоначальный успех русских войск свелся к нулю или даже превратился в общий отход. Артиллерии пришлось, оставаясь на позициях до последней крайности, своим огнем лишь прикрывать отход пехоты.

Артиллерия в наступательном бою

Русская артиллерия основной своей задачей в наступательном бою считала: «проложить пехоте путь», облегчить и обеспечить успех ее боевой работы. При наступлении огонь ее направлялся так, чтобы поражать и разрушать все, что наиболее вредит и мешает наступлению пехоты. Огонь артиллерии наступающего должен был удерживать пехоту противника за укрытием или принудить ее прижаться к земле, чтобы она вовсе не могла стрелять или стреляла плохо, а также заставить молчать неприятельскую артиллерию, ко-

торая поражает и останавливает наступающую пехоту или мешает батареям атаки пролагать путь своей пехоте.

Действия артиллерии, особенно при завязке боя, различаются в случае встречного боя, когда обе стороны стремятся к наступлению, и в случае атаки неприятеля, занявшего позицию для обороны.

Насколько успех встречного столкновения обусловливается главным образом быстротой введения в бой подавляющей артиллерии, настолько при наступлении на остановившегося противника, занявшего оборонительную позицию и тем ограничившего себе свободу действий, возможно и необходимо предварительно выяснить обстановку с достаточной полнотой и произвести тщательную подготовку, выработав план действий.

«Тщательная и полная разведка, а равно планомерность действий артиллерии, в особенности необходимы при атаке укрепленной позиции», указывалось «Наставлением» 1912 г. (§ 128). Но это указание «Наставления» не останавливало на себе сколько-нибудь серьезного внимания русских артиллеристов того времени. Воспитанные в духе пренебрежительного отношения к «подлой обороне», они в течение почти двух первых лет войны не считались с силой обороны, которая при современном вооружении и техническом оснащении оказалась очень велика даже тогда, когда не имелось достаточно времени на ее подготовку.

Артиллеристы ограничивали свою задачу необходимостью только прикрыть своим огнем наступление пехоты и подвести ее возможно ближе к противнику — и не только в условиях полевого открытого боя, но даже и при штурме укрепленных позиций.

Несомненным крупным недостатком довоенного руководства боевой подготовкой русской артиллерии являлась недооценка силы и возможностей обороны и почти полное отсутствие указаний на необходимость артиллерийской подготовки атаки, заключающейся не только в уничтожении живой силы противника, но и в разрушении укреплений, защищающих живую силу, и искусственных препятствий, преграждающих путь пехоте. При довоенной подготовке артиллерии это предусматривалось лишь вскользь и только теоретически, в том предположении, что в боевых действиях маневренного характера, к которым почти исключительно готовились, ни укреплений, ни искусственных препятствий не будет, вследствие чего от артиллерии потребуется только поддержка наступления пехоты.

Предварительная подготовка атаки артиллерийским огнем, в сущности, не предусматривалась уставами старой русской армии.

В «Уставе полевой службы» 1912 г. указывалось, что при наступлении артиллерия в начале столкновения поддерживает развертывание пехоты в боевой порядок, затем должна своим огнем «прокладывать дорогу пехоте и для этого поражать те цели, которые препятствуют в достижении поставленных пехоте боевых задач», когда же пехота атакует, «артиллерия сосредоточивает огонь по атакуемым целям, а если они закрыты, то по резервам», и что батареи, «особо назначенные», должны выдвинуться к атакующим войскам, чтобы «поддержать атаку пехоты» (§ 469); что артиллерия при

выборе целей «должна всегда иметь в виду облегчение наступления пехоты», обстреливая в начале боя преимущественно неприятельскую артиллерию, чтобы «отвлечь ее от своей пехоты», когда же последняя подойдет на действительный ружейный огонь, действовать «преимущественно по пехоте неприятеля» (§ 495). В том же § 495 указывалось, что «мортирные (гаубичные) батареи особенно выгодно применять по целям, закрытым спереди; по щитовым орудиям, по пехоте и артиллерии в окопах; по пехоте, занимающей населенные пункты и укрывшейся в лесу, и по опорным пунктам»; что «тяжелая полевая артиллерия применяется для разрушения прочных целей» и что «тяжелые полевые пушки выгодны также для поражения с дальнего расстояния войсковых колонн и войск, сосредоточенных на небольшом пространстве»... В § 496 указывалось, что по мере развития боя, когда определится участок в расположении противника, на который должен быть направлен решительный удар, «артиллерия сосредоточивает огонь возможно большего числа орудий: по войскам противника и опорным пунктам, расположенным в избранном для атаки участке; по резервам неприятеля, направляемым к этому участку, и по войскам, обстреливающим подступы к нему».

Наконец, относительно действий артиллерии при атаке неприятеля, занимающего заранее укрепленную позицию, в «Уставе полевой службы» (§ 506 и 508) говорилось только, что охватывающее расположение артиллерии способствует «перекрестному обстреливанию опорных пунктов», что «для разрушения опорных пунктов, укреплений и блиндажей особенно ценно применение мортирных (гаубичных) и полевых тяжелых батарей» и что «искусственные препятствия, если возможно, надо сбить или ослабить огнем тяжелой артиллерии, или завалить, или испортить их, препятствуя ружейным и артиллерийским огнем их исправлению».

В «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. (§ 136, 138, 139) указывалось:

а) Пока пехота еще не вступила в сферу ружейного и пулеметного огня, главной задачей артиллерии атакующего является «борьба с батареями противника» с целью подавить или по крайней мере отвлечь от наступающей пехоты их огонь. При этом «Наставлением» оговаривалось, что борьба с батареями противника «не является для артиллерии атакующего сама по себе целью и имеет значение лишь как средство облегчить наступление пехоты».

б) С вступлением пехоты в сферу ружейного огня обороны обязанности артиллерии атакующего заключаются «в подавлении артиллерийского, ружейного и пулеметного огня противника, в содействии частным ударам пехоты на всем фронте во время подготовительного боя и в поддержке ее главного удара на избранный участок. В этот период боя для обеспечения успеха и уменьшения потерь пехоты огромное значение имеют сила артиллерийского огня и искусное им управление».

«Для разрушения укреплений в большинстве случаев потребуется содействие тяжелых батарей...»

в) «С началом наступления пехоты для ведения решительного огневого боя, подготовляющего главный удар, возможно бо́льшая часть артиллерии должна направить подавляющий огонь, предпочтительно с охватывающих позиций, на атакуемый участок боевой линии противника, с целью облегчить пехоте приближение на дистанцию штыкового удара...»

Затем указывался ряд частных задач, которые должна была выполнять артиллерия, и, между прочим, подчеркивалось, что артиллерийский огонь обороны «должен быть затушен не только на атакуемом участке, но и по обе стороны, на достаточно широком фронте, чтобы пехота была надежно обеспечена от противодействия со стороны неприятельских батарей».

г) При поддержке главного удара требовалось, чтобы для успешности работы артиллерии вся она, «почему-либо еще не вступившая в бой, в том числе батареи полевых гаубиц и тяжелой артиллерии, обязательно вводилась в действие». При этом подчеркивалось, что для выполнения всех задач, представляющихся артиллерии при поддержке удара пехоты, необходима «согласованная, объединенная общностью целей и единством управления работа большого количества артиллерии» (§ 140 и 141).

«Наставление» указывало (§ 142): что «арт. огонь по укреплениям, местным предметам и пунктам атаки должен вестись одновременно с наступлением на них пехоты... Угроза удара пехоты удерживает обороняющегося на линии огня, заставляет его стрелять, не позволяет укрываться и этим дает артиллерии уязвимые цели. Стрельба артиллерии без одновременного наступления пехоты не может дать плодотворных для последней результатов, и работа артиллерии должна вестись в тесной связи с боевой деятельностью пехоты. Однако эта связь не должна выражаться в распределении артиллерии небольшими единицами между частями пехоты...»

В отношении действий артиллерии при атаке укрепленной позиции в «Наставлении» имелись только неопределенные указания общего характера, а необходимость предварительной артиллерийской подготовки не предусматривалась. В «Наставлении» говорилось лишь о том, что при атаке укрепленной позиции в особенности необходима «тщательная и полная разведка, а равно планомерность действий артиллерии»; что стрельба артиллерии по фортификационным сооружениям «полезна в тех случаях, когда этим могут быть облегчены действия своих войск»; что «разрушительная способность орудий, назначаемых для стрельбы по таким целям, должна соответствовать и прочности последних»; что в этом случае «большое значение приобретают содействие тяжелых батарей и широкая подготовка артиллерийского огня» (а не артиллерийская подготовка атаки); что «при упорной обороне сильно укрепленной позиции для приближения к пунктам атаки может потребоваться несколько дней» (это положение можно считать лишь намеком на то, что требуется более или менее длительная предварительная артиллерийская подготовка); что

при атаке укрепленных позиций «частое применение получают ночные действия артиллерии» (§ 87, 128 и 143).

До русско-японской войны считали, что артиллерия должна начать бой с неприятельской артиллерией и отвлечь ее огонь от своей пехоты, что все остальное в бою — дело самой пехоты.

После войны с Японией пришли к убеждению, что артиллерия не только начинает бой, но и ведет его, провожая и прикрывая огнем свою пехоту до момента атаки, когда переносит огонь в тыл и на резервы противника за невозможностью помогать непосредственно атакующей пехоте, во избежание поражения ее своим огнем, что в атаку пехота идет сама и завершает бой уже без непосредственной помощи артиллерии.

В первое время мировой войны твердо держались этого убеждения.

Даже в приказании блокадному корпусу для штурма крепости Перемышль 4 октября 1914 г. (см. ч. IV, «Действия русской артиллерии при штурме Перемышля 7 октября 1914 г.», составленном при участии начальника артиллерии Дельвига (известного в то время, выдающегося артиллериста, бывшего помощника начальника Офицерской артиллерийской школы), командир корпуса Щербачев (бывший начальник Академии Генерального штаба) не упоминает о необходимости предварительной артиллерийской подготовки штурма, а обращает внимание лишь на взаимодействие пехоты с артиллерией и подтверждает основы тактики артиллерии, проводившиеся в жизнь в мирное время. Приказанием предлагается[1]:

«Войскам блокадного корпуса помнить, что успех артиллерийского огня в значительной степени зависит от организации связи пехоты с артиллерией. Артиллерия должна стрелять, чтобы заставить противника скрыться, а пехота должна наступать, чтобы заставить его открыть живые цели... Требовать от артиллерии высылки передовых наблюдателей к пехоте и от пехоты стремительного движения вперед...»

При штурме Перемышля русская артиллерия стреляла, заставляла неприятеля укрыться, подводила свою пехоту почти без потерь к самым укреплениям Перемышля, но затем оставляла ее без огневой поддержки, так как, во избежание ее поражения, вынуждена была переносить огонь в тыловой район укреплений. Уцелевшие в своих неразрушенных укреплениях австрийцы встречали штурмующую русскую пехоту убийственным огнем и отбивали штурм, нанося пехоте огромные потери.

Несмотря на кровавую неудачу штурма Перемышля, русская артиллерия осталась при убеждении, что задача ее в наступательном бою — прикрывать огнем свою наступающую пехоту и обеспечивать ее продвижение к противнику без потерь от его огня до момента ее атаки. Такое убеждение вытекало из опыта удачных боевых действий в маневренный период войны.

В сражении на р. Дубиссе 27—28 мая 1915 г. немцы заняли г. дв.[2] Иозефово за р. Дубиссой, «отличную», как тогда рекомендо-

---

[1] ЦВИА, 11—424, л. 8.

[2] Господский двор.

валось тактикой, позицию для пехоты на так называемом стрелковом гребне крутого ската, командовавшего над всей совершенно открытой долиной реки, шириною 1 200—1 500 шагов. Германская пехота окопалась на гребне довольно основательно, но о маскировке окопов не позаботилась. Русская артиллерия показала в этом бою, между прочим, что лучшей защитой для окопов является не столько солидность их, сколько незаметность.

Батареи 1-го Кавказского стрелкового арт. дивизиона (всего 10 полевых 76-мм пушек) открыли убийственный огонь по ясно видному окопу германской пехоты и не позволили ей показывать голов из-за бруствера для встречи атаки ружейным и пулеметным огнем. Русские стрелки одним махом прошли открытую долину р. Дубиссы с самыми небольшими потерями, бросились на штурм и выбили немцев из окопов.

Участник этого боя со стороны немцев пишет, что «даже на Западном (т. е. на французском) фронте мы (т. е. немцы) никогда не испытывали во время позиционной войны столь смертоносного огня, как в этот момент» (Poseck, «Die Deutsche Kavallerie»).

По «Наставлению» 1912 г. батареи авангарда в наступательном бою должны помогать пехоте выигрывать пространство и содействовать захвату передовых опорных пунктов неприятеля. Не задаваясь целью борьбы с неприятельской артиллерией, они обязаны оказывать непосредственное содействие пехоте. Общий характер их действий должен быть «энергичным, смелым, решительным». Однако при наступлении против неприятеля, занявшего оборонительную позицию, батареи авангарда должны произвести тщательную разведку, и для того, чтобы не подвергнуться подготовленному огню превосходных сил артиллерии обороны, они должны возможно лучше применяться к местности, занимая преимущественно закрытые позиции. С целью наилучшего и наиболее безопасного расположения авангардных батарей признавалось полезным иногда попытаться вызвать огонь артиллерии обороны огнем небольших «разведочных» артиллерийских частей, которые при искусном действии, расположении на широком фронте и быстрой стрельбе с разных позиций могли ввести неприятеля в обман относительно сил и размещения артиллерии атаки.

Словом, действия авангардной артиллерии против неприятеля, занявшего оборонительную позицию, должны были быть решительными, но вместе с тем и осторожными.

Русская артиллерия, практиковавшаяся в мирное время почти исключительно в действиях при встречных столкновениях с противником, а не с остановившимся и приготовившимся для обороны, в маневренный период войны часто игнорировала приведенные выше указания.

Авангардный полк 1-й Финляндской стрелковой бригады с одной легкой 76-мм батареей, прикрывавший сосредоточение войск русского 22-го корпуса к границе с Восточной Пруссией, вел 5—6 сентября 1914 г. наступление от Бяла на Иоганисбург.

При подходе к Иоганисбургу передовые части полка были обстреляны артиллерийским и ружейным огнем противника. Развернув-

шись в боевой порядок, полк занял позицию приблизительно в 1½ км от противника и завязал с ним перестрелку. К 8 час. 6 сентября подошли еще два стрелковых полка с тремя легкими батареями (24 полевые 76-мм пушки) и казачий полк (схема 2).

В течение 5 сентября разведка с целью подготовки наступления не велась ни пехотой, ни артиллерией. Предполагалось, что около трех германских батальонов с одной батареей занимают позицию на восточном берегу речки, протекающей через Иоганисбург,

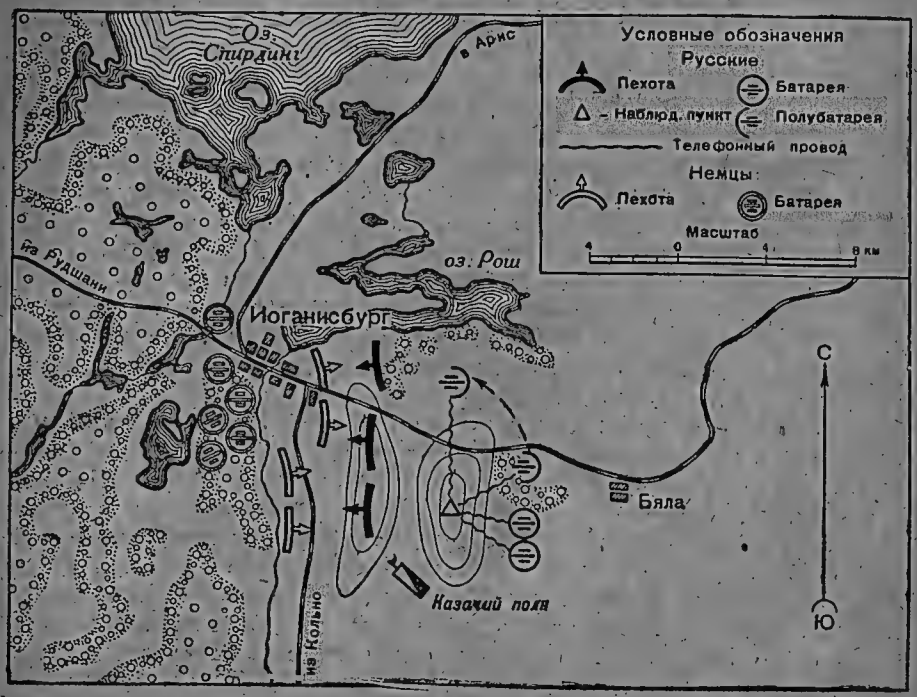


Схема 2. Наступление 1-й Финляндской стрелковой бригады на Иоганисбург 5—6 сентября 1914 г.

Не проверив этих сведений и не зная определенно ни сил, ни расположения противника, начальник стрелковой бригады, ориентировавшись поверхностно с наблюдательного пункта командира авангардной батареи, приказал:

а) артиллерии начать подготовку атаки, ведя огонь по пехоте и по батарее противника; через час перенести огонь по городу; выделить одну полубатарею (4 орудия) для сопровождения пехоты;

б) пехоте одним полком атаковать противника, занимающего восточную окраину города; другим полком наступать левее — юго-восточнее города, в обход правого фланга противника; 3-му полку оставаться в резерве уступом за левым флангом;

в) коннице, переправившись через речку южнее Иоганисбурга, ударить в правый фланг и тыл противника.

Артиллерия заняла огневые позиции в 2—3 км за пехотой, прикрываясь лесом, имея лишь один общий наблюдательный пункт за 2-м полком (приблизительно в 2½ км к юго-востоку от города).

После короткого обстрела огнем 32 полевых 76-мм пушек восточной окраины Иоганисбурга стрелки правофлангового полка двинулись в атаку, но, неожиданно встреченные сильным огнем четырех легких и двух гаубичных германских батарей (а не одной, как считали), расположенных укрыто в лесу — западнее и юго-западнее города, и пулеметным огнем подошедших частей 1-й германской дивизии, вынуждены были отойти в исходное положение.

Другой полк, выйдя на высоту к юго-востоку от Иоганисбурга, неожиданно очутился перед пехотой противника, которая, как оказалось, скрывалась в боевом порядке за той же высотой (к западу от нее); встреченный сильным ружейным и пулеметным огнем этой пехоты, другой полк также отошел в исходное положение.

Казачий полк попал под артиллерийский огонь из леса юго-западнее Иоганисбурга и задачи выполнить не мог.

К вечеру 6 сентября русские отступили к Бяла. Основная причина неудачи русских — отсутствие необходимой разведки и, как следствие, предвзятое представление командования о силах и расположении противника, не соответствующее действительной обстановке. Не зная сил противника, русская артиллерия не смогла, естественно, оказать нужную помощь своей пехоте.

Авангард в наступательном бою должен действовать вообще решительно, однако сообразно обстановке. Авангард, действуя вслепую, может нарваться на превосходные силы противника или же на противника, основательно подготовившегося к обороне, потерпеть поражение и не только не проложить пути к победе главным силам или хотя бы обеспечить их развертывание и вступление в бой, но и открыть их противнику для нанесения удара.

В данном случае начальник Финляндской стрелковой бригады должен был действовать не столько решительно, сколько осторожно, так как вверенная ему бригада являлась усиленным авангардом, имеющим главной своей задачей прикрытие сосредоточения главных сил корпуса, а не захват Иоганисбурга.

Далеко не второстепенной причиной неудачи служили также весьма несообразные с обстановкой действия русской артиллерии в этом бою.

Получив задачу вести огонь сначала по неприятельской пехоте и по батарее, которые предполагались на восточной окраине Иоганисбурга, а потом по городу, русские батареи заняли огневые позиции в 2—3 км за своей пехотой (за исключением назначенной для сопровождения пехоты полубатареи, которая переехала вперед к северо-западу и стала ближе, за лесом, что у озера) и в 5—6 км от Иоганисбурга, т. е. почти на предельной дальности шрапнельного огня 76-мм пушек. От неприятельских же батарей, оказавшихся западнее и юго-западнее города (см. схему 2), русские батареи оказались даже в 7—8 км. При таком большом удалении от целей артиллерия не могла оказать должной огневой поддержки своей пехоте, с которой к тому же, как только она двинулась в атаку, была утрачена связь.

Очевидно, русская артиллерия в данном случае не только не организовала необходимой своей специальной разведки о противнике и предстоящих целях для стрельбы, но и не произвела разведки местности для выбора наблюдательных пунктов и позиций, а наспех расположилась на первых встреченных укрытых лесом огневых позициях, не считаясь ни с удалением от своей пехоты, ни с расстоянием до противника. Также наспех остановилась она на первом удобном наблюдательном пункте и притом единственном для всех командиров батарей и дивизиона, что вообще не рекомендовалось и даже запрещалось при подготовке артиллерии в мирное время.

В наступательном бою необходимо, чтобы артиллерия атаки с самого начала боя достигла перевеса в огне. Артиллерия всегда может достичь необходимого превосходства при искусном сосредоточении огня возможно большего числа орудий в районе расположения противника, избранном для нанесения главного удара. Одновременно артиллерия должна обстреливать смежные участки и ближайшие тыловые и фланговые подступы с тем, чтобы воспрепятствовать подаче помощи войскам, атакуемым в районе главного удара.

Для поддержки главного удара назначается возможно большее количество артиллерии, с выделением ее в необходимых случаях в особый «артиллерийский участок». Вся артиллерия, назначенная для поддержки решающего главного удара, должна поступать в подчинение одного артиллерийского начальника, ответственного за успех ее боевой работы.

«Наставлением» 1912 г. указывалось (§ 140), что для выполнения всех задач, выпадающих на долю артиллерии при поддержке главного удара пехоты, требуется «согласованная, объединенная общностью целей и единством управления работа большого количества артиллерии».

«Уставом полевой службы» 1912 г. предлагалось иметь в виду (§ 444), что артиллерия может решительно воздействовать на исход сражения, если она «с самого начала будет введена в бой в таких силах, чтобы достигнуть перевеса в огне» и что поэтому «артиллерию предпочтительно назначать в боевые участки». Оставление артиллерии в резерве представляется вообще нецелесообразным, хотя в том же «Уставе» говорилось, что в крупных отрядах часть артиллерии может оставаться и в общем резерве, располагаясь вместе с ним или «занимая выжидательное положение на удобном для сего месте», т. е. на боевой позиции в готовности открыть огонь или в так называемом «наблюдательном положении».

Из описаний боевых действий русской артиллерии в период маневренной войны (в материалах ЦВИА) видно, что части артиллерии оставлялись иногда в резерве и до конца боя не принимали в нем участия.

Во время боев в Карпатах в декабре 1914 г. две батареи 19-й арт. бригады и взвод мортирной (гаубичной) батареи оказались в резерве — впрочем, по объяснению командования, за отсутствием для них подходящих огневых позиций.

В бою 1 апреля 1915 г., когда русская 19-я пех. дивизия должна была содействовать успеху наступления сводного корпуса на Гуменна, приказом начальника дивизии (№ 96) 2-я батарея 12-го мортирного арт. дивизиона (4 легкие 122-мм гаубицы) была оставлена в общем резерве дивизии у Мезалоборч. В данном случае оставление в резерве 122-мм гаубиц не оправдывалось никакими соображениями.

В маневренный период войны русская артиллерия действовала в боях большей частью по-батарейно. Объединенного управления огнем не только крупных артиллерийских соединений, но даже артиллерийских дивизионов обычно не бывало.

В описаниях боевых действий той же 19-й арт. бригады в период карпатских боев в ноябре-декабре 1914 г. приводится только один случай объединенного управления несколькими батареями в руках командира бригады (считавшегося лучшим боевым командиром, отличившимся еще во время русско-японской войны). Под его общим начальством в наступательном бою 24 декабря 1914 г. был образован особый артиллерийский участок в составе 2-го дивизиона 19-й арт. бригады, 2-й батареи 12-го мортирного арт. дивизиона, двух гаубичных и одной пушечной батареи 4-й тяжелой арт. бригады (всего 42 орудия, в том числе: 24 полевые 76-мм пушки, 6 полевых 122-мм гаубиц, 8 полевых тяжелых 152-мм гаубиц и 4 полевые тяжелые 107-мм пушки).

Объединенные действия этого артиллерийского боевого участка были весьма удачными; в этом бою артиллерия оказала существенную помощь своей пехоте.

Для непосредственной поддержки атакующей пехоты к ней придавались особые небольшие части артиллерии, командиры которой были «обязаны проявлять самую широкую инициативу и должны быть беззаветно готовы поддержать свою пехоту во что бы то ни стало»[1].

Артиллерийские части, назначенные для сопровождения атаки, должны были следовать за пехотой до самых малых дальностей, не останавливаясь перед риском.

Полевые легкие батареи, ввиду большого веса системы 76-мм полевых пушек, в сущности, не были в состоянии сопровождать атакующую пехоту. Поэтому при наличии горных батарей непосредственное сопровождение пехоты возлагалось на них. Нередко единственным возможным способом перемещения за атакующей пехотой оказывалось прерывчатое движение мелкими частями и даже отдельными орудиями, от укрытия к укрытию, причем в случае убыли в лошадях пехота должна была помогать передвижению орудий и зарядных ящиков на руках, что возможно было лишь при наличии 76-мм горных пушек.

На обязанности артиллерии, назначенной для непосредственного содействия пехоте, лежало: отыскание укрыто расположенных неприятельских орудий и пулеметов, обстреливающих ближние подступы к атакуемым пунктам, и подавление их огня; разрушение пре-

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., § 145.

пятствий, непосредственно задерживающих движение атакующей пехоты и поддающихся разрушению с небольших расстояний; противодействие встречным ударам обороняющегося.

В случае успеха атаки батареи, действующие в непосредственной связи с пехотой, должны были быстро занимать позиции на захваченной местности, чтобы отразить попытки противника вернуть потерянное. При неуспехе атаки батареи эти в случае необходимости должны были «образовать опорную линию и вести огонь до последней возможности, жертвуя собою для выручки пехоты» (§ 144—151 «Наставления» 1912 г.).

Мировая война многими примерами подтвердила необходимость иметь в составе пехотных подразделений свою артиллерию (полковую, батальонную), которая всегда служила бы для сопровождения и ближайшей непосредственной поддержки, а иногда и для выручки своей пехоты при неблагоприятно сложившихся для нее условиях боевой обстановки.

Во время войны до 1916 г., т. е. в маневренный ее период, русская армия не имела в своем составе соответствующей облегченной артиллерии, которая могла бы действовать в ближайшей связи с пехотой и сопровождать ее в бою. Роль такой артиллерии приходилось иногда возлагать на горные батареи.

В феврале 1915 г. в Карпатах один из русских стрелковых полков, получивший задачу захватить Лупковский перевал и железнодорожный туннель, проходящий в перевале, наткнулся у туннеля на казарму-блокгауз и, встреченный оттуда ружейным и пулеметным огнем, вынужден был остановиться. Обратились за помощью к своей батарее горного дивизиона 3-й Сибирской стрелковой арт. бригады. Взвод горной батареи, быстро спустившись с горы, открыл огонь по блокгаузу-казарме с открытой позиции прямой наводкой с расстояния в 350—400 м. После восьмого выстрела защищавшие блокгауз австрийцы сдались — не пехоте, а, как сказал их офицер, «сумасшедшей русской батарее». Между прочим, в этом горном артиллерийском взводе потерь не было.

При наступлении на Черновицы в начале мая 1915 г. русская пехота овладела гребнем высот у Рапанче, но, встреченная за гребнем сильным пулеметным огнем противника, не могла продвинуться дальше. С артиллерийских наблюдательных пунктов не было видно, что происходило за гребнем. Тогда взвод горной батареи на карьере помчался к пехоте на помощь. Однако ко времени выезда его на гребень русская пехота была почти сбита с него контратакой противника. При этом командир горного взвода был ранен и попал в плен. Орудийные запряжки были перебиты. Тем не менее уцелевшие люди орудийного расчета по своей инициативе успели выпустить 4—5 шрапнелей на картечь, что остановило австрийцев и дало возможность задержаться русской пехоте на гребне, на линии своих горных пушек.

В описаниях военных действий русской 19-й арт. бригады указывается случай, когда в наступательном бою 4 апреля 1915 г. пришлось одну горную 76-мм пушку обр. 1909 г. поставить в око-

ды Кубанского пех. полка рядом с пулеметом, лишь в 800 шагах от противника. Эта пушка на другой день боя, 5 апреля, оказала весьма существенную поддержку своему полку. Находясь под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, это горное орудие своим огнем разбило противолежащие окопы неприятеля и принудило противника очистить их. Окопы были взяты Кубанским полком, и в них было много убитых артиллерийским огнем. Командовавший горным орудием офицер был смертельно ранен.

В тех же описаниях указывается на необходимость иметь при передовых частях пехоты передовых наблюдателей из артиллерийских офицеров, благодаря которым не только обеспечивается взаимодействие артиллерии с пехотой, но и облегчается отыскание неприятельских батарей, расположенных на закрытых позициях.

Передовыми наблюдателями, офицерами 19-й арт. бригады, были обнаружены: в бою 2 апреля 1915 г. две неприятельские батареи, а в бою 16 апреля того же года три батареи.

«Блестящие действия» русской артиллерии, отмеченные в начале маневренного периода мировой войны, с третьего-четвертого месяца войны, когда стал остро ощущаться недостаток боевых припасов, бывали уже довольно редким явлением, что послужило поводом для некоторых общевойсковых начальников к обвинению артиллерии в неумелом действии в бою.

Наступающая пехота стала нести большие потери от огня неподавленной неприятельской артиллерии и при подходе к противнику натыкалась на уцелевшие его пулеметы, под убийственным огнем которых погибала.

Без предварительной артиллерийской подготовки, уничтожающей огонь артиллерии и пулеметов противника, разрушающей защищающие его закрытия, атака пехоты стала невозможной.

Русская полевая артиллерия не в состоянии была решить задачу такой подготовки: для подавления огня неприятельской артиллерии нехватало 76-мм патронов, к тому же дальнобойность 76-мм полевых пушек оказывалась не всегда достаточной, а полевых тяжелых 107-мм было на вооружении очень мало и еще меньше было к ним боеприпасов; пулеметы противника, представляющие мелкую и хорошо замаскированную цель, были часто не видны с удаленных наблюдательных пунктов командиров стреляющих батарей; стрельба по пулеметам, замечаемым передовыми артиллерийскими наблюдателями, находящимися в первых линиях пехоты, была крайне трудна при несовершенстве передачи целеуказания от значительно удаленных передовых наблюдателей или оказывалась рискованной, так как при подходе атакующей пехоты близко к противнику она могла попасть под выстрелы своей артиллерии.

Опыт маневренного периода войны на русском фронте показал, что в наступательном бою артиллерия, чтобы проложить своей пехоте путь к победе, должна предварительно подготовить своим огнем атаку, не ограничиваясь только прикрытием наступления пехоты, содействием ее частным ударам и огневой поддержкой ее главного удара на избранный участок.

Без предварительной артиллерийской подготовки атака пехоты оказалась невозможной даже в условиях открытого маневренного боя; атака же сколько-нибудь укрепившегося противника, хотя бы укрывшегося в полевых окопах, безусловно не имела успеха и вела к огромным напрасным потерям пехоты.

Необходимость предварительной артиллерийской подготовки, недостаточно определенно трактуемой русскими уставами довоенного времени и совершенно отрицавшейся французским уставом 1913 г. (см. т. I, ч. I), стала очевидной во время мировой войны, и в первую очередь для французов.

В полученных штабом русского верховного главнокомандующего указаниях Главной квартиры действующих армий союзников России, составленных по опыту первого месяца войны на французском фронте, между прочим, говорилось [1]:

«...Атаки велись без должной связи пехоты с артиллерией. Каждая наступательная операция состоит из целой серии детальных действий, имеющих целью захват опорных пунктов. Каждый раз, когда желают захватить опорный пункт, надо подготовить атаку артиллерией и пускать пехоту в штыки лишь с такого расстояния, когда можно быть уверенным, что цель будет достигнута. Каждый раз, когда пехота шла в атаку со слишком больших расстояний, раньше чем результаты артиллерийской подготовки давали себя знать, пехота попадала под огонь пулеметов и несла потери, которых можно было избежать».

Затем, в начале 1915 г. русская Ставка получила от главного командования французской армии подробную инструкцию Жоффра от 2 января 1915 г., подтверждающую безусловную необходимость тщательной предварительной подготовки боевых операций, планомерного развития последних, а также необходимость предварительной артиллерийской подготовки.

В отношении действий артиллерии при подготовке атаки указанной (первой) инструкцией Жоффра предусматривалось [2]:

1. Успех каждой атаки обусловливается могучей артиллерийской подготовкой, прокладывающей дорогу пехоте.

2. Артиллерия может подготовить атаку только первых линий окопов и подступов к ним. Поэтому наступление должно разбиться на несколько последовательных атак, следующих одна за другой с промежутками времени, возможно короткими, но все же достаточными для организации следующей необходимой подготовки.

3. Пехота должна избегать атаки естественных опорных пунктов, вроде деревень и лесов, которые не могут быть уничтожены артиллерийским огнем.

4. Пехотная атака должна следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой.

5. Между пехотой и артиллерией необходима самая тесная связь не только во время подготовки атаки, но и во время самой атаки и даже по достижении успеха.

---

[1] ЦВИА, 714, л. 133.
[2] ЦВИА, 392, лл. 173—182.

Главное командование русской армии, несмотря на ряд крупных боевых неудач, не предприняло ни в 1914, ни в 1915 гг. никаких мер, чтобы обратить внимание войсковых начальников на необходимость не только сопровождения и поддержки пехоты артиллерийским огнем, но и предварительной артиллерийской подготовки атаки.

Ставка главковерха, повидимому, предоставляла фронтовому и армейскому командованию решение этого вопроса, а это последнее ограничивалось в большинстве случаев напоминанием уставных положений и требованиями от пехоты стремительного движения вперед на противника во что бы то ни стало (затем посылались донесения верховному командованию о причинах неудачи той или иной операции).

Так, например:

а) Приказом главкома Северо-западного фронта от 5 октября 1914 г. (п. 2) предписывалось: «Напомнить войскам, что артиллерия должна всемерно помогать действиям пехоты, но и пехота должна помнить свою священную обязанность выручать артиллерию и не оставлять ее ни при каких обстоятельствах. Потеря артиллерии всецело ложится на ответственность ближайших к ней пехотных частей и на нераспорядительность начальников боевых участков»[1].

б) Приказ 1-й армии от 17 октября 1914 г. гласил: «Войска указывают на впечатление от огня тяжелой артиллерии, задерживающего часто наступление. Главком приказал внушить войскам, что сила огня тяжелой артиллерии проявляется главным образом при стрельбе на большие дистанции и лучшее средство ослабить потери от него — приблизиться к противнику, так как на близких дистанциях огонь тяжелой артиллерии значительно слабее, переменить же позиции тяжелая артиллерия скоро не может»[2].

в) Записка главкома Юго-западного фронта Иванова главковерху говорит, между прочим, об огромных потерях от огня неприятельской артиллерии, потрясающе действующих на моральные силы бойцов, и о том, что за недостатком пушечных патронов нельзя ответить тем же противнику, что «... лишенные поддержки артиллерийским огнем, встречая огневую завесу и неразрушенные артиллерийским огнем искусственные препятствия, наши наступательные операции развиваются крайне медленно или вовсе не осуществляются»[3].

Даже ко второму году войны общевойсковые начальники русской армии все еще не пришли к ясному сознанию необходимости предварительной подготовки атаки артиллерийским огнем. Это подтверждается приказом войскам 4-й армии от 1 мая 1915 г.[4]

Приказ этот начинался словами: «Восьмимесячный период войны несомненно обогатил славные войска вверенной мне армии огромным опытом, заставил всех не раз призадуматься над условиями и характером современного боя, и если и не внес существенных изменений в усвоенные нами уставные положения и нормы, то, во всяком слу-

[1] ЦВИА, 81—77, л. 116.
[2] ЦВИА, 81—22, л. 171.
[3] ЦВИА, 80—254, лл. 100, 101.
[4] Де-Лазари А. Н., Активная оборона корпуса, ГИЗ, 1930 г., приложение 1-е.

нас, оживил их опытом и выяснил относительную важность тех или иных тактических положений».

Затем командующий армией Эверт считал необходимым обратить внимание на следующее:

«...При наступательных боях замечено, что большей частью дело сводится к фронтальным атакам. При современной силе артиллерийского и ружейного огня это приводит к громадным, а иногда безрезультатным потерям. Только сочетание фронтальной атаки с атакой во фланг ведет к решительному успеху, причем, ввиду громадной силы и морального влияния флангового огня, крайне необходимо в состав направляемой для удара во фланг колонны назначать артиллерию и пулеметы. Для поражения противника фланговым огнем с большим успехом могут быть применяемы 42-лин. (107-мм) пушки соседних участков, что всегда надо иметь в виду.

...Опыт показал, что современные бои развиваются чрезвычайно медленно, требуют громадной затраты патронов и снарядов. Поэтому на правильное употребление огня должно быть обращено самое серьезное внимание всех начальников.

...Настоящая война выяснила, какое решающее значение имеет огонь как при обороне, так и при наступлении. Только правильное и целесообразное сочетание ружейного, пулеметного и артиллерийского огня с решительным движением пехоты вперед может привести к победе с наименьшими потерями. Но это достижимо только при полном взаимодействии всех родов войск[1] и при правильном и твердом руководстве боем со стороны старших начальников.

...Артиллерийская подготовка как отдельный акт боя отжила свой век и ведет лишь к излишней трате патронов, так как противник на это время укроется в окопах. Продолжительный опыт нашего стояния доказывает, как мало мы несли потерь, несмотря на то, что противник патронов не жалел. Артиллерия должна обрушиваться на противника всей силой одновременно с наступлением пехоты. Заблаговременная артиллерийская подготовка уместна, когда необходимо разрушить искусственные препятствия, опорный пункт, каменные здания и стенки или когда необходимо подавить огонь неприятельских батарей, положение коих известно. В первом случае артиллерийская подготовка должна производиться по возможности только мортирами (гаубицами) и орудиями тяжелой артиллерии, во втором случае должна принять участие и полевая артиллерия.

...Главная роль легкой артиллерии начинается лишь с началом движения вперед пехоты, когда она обязана своим огнем прокладывать дорогу пехоте, поражая противника и вынуждая его сидеть укрыто и прекращать огонь.

...Артиллерия наша работает великолепно, действие ее, особенно тротиловых гранат и бомб, наводит ужас на противника, но замечалось, что иногда она располагается слишком далеко позади пехоты

[1] Разрядка в выписках из этого приказа везде моя.—*Е. Б.*

и лишает последнюю своей поддержки в самую нужную минуту. Нужно принять как незыблемое правило, что артиллерия своим огнем должна вести пехоту до самого удара в штыки, имея всюду глаза, и энергично, подобно пехоте, приближаться к противнику, если бы это потребовалось. После удара в штыки, когда противник начинает отступать, содействие артиллерии также крайне необходимо. Тут может быть один из случаев, когда артиллерия может пренебречь закрытыми позициями и, хотя бы частью сил, энергично продвинуться на линию пехоты, чтобы расстреливать отступающего противника или подходящие его резервы. Артиллерийское преследование лучше всего вести в этом случае перекатами, чтобы огонь ни на минуту не смолкал. Такому действию артиллерии противник придает большое значение, и неоднократно повторялись случаи, когда на линии передовых окопов выдвигалась полевая артиллерия, а тяжелая следовала при наступлении в авангардах.

...Конечно, полное взаимодействие может быть достигнуто только при поддержании надлежащей связи как с начальником отряда, так и с впереди наступающими пехотными начальниками, на что должно быть обращено особое внимание. Артиллерийский огонь только тогда принесет пользу, когда артиллерийский начальник будет вполне ознакомлен с обстановкой и с целью, которой начальник стремится достигнуть.

...Занятый у противника участок может считаться окончательно закрепленным за нами... если он надежно защищен огнем нашей артиллерии и пулеметов...»

В отношении управления войсками в приказе имеется общее указание, что «ясно поставленная цель боя, твердое, решительное и энергичное проведение принятого плана в исполнение являются главнейшими условиями успеха».

Но о постановке войсковыми начальниками определенных боевых задач артиллерии никаких указаний в приказе не имеется.

В конце приказа, как и в начале, подтверждается мысль о том, что опыт войны не внес существенных изменений в основы боевой подготовки армии в мирное время. В конце приказа говорится:

«Война есть экзамен уже сделанному, переучивать поздно, а потому надлежит требовать точного проведения в жизнь действующих уставов и из них особенно полевого...»

В указаниях главкома Юго-западного фронта 4 июня 1915 г. также не подчеркивается необходимость предварительной артиллерийской подготовки атаки, но имеется по существу совершенно правильное наставление о применении сосредоточенного огня артиллерии и о ее взаимодействии с пехотой. В указаниях говорится [1]: «...Если батареи будут рассыпаны по полковым или подобным участкам и будут рассеивать огонь по всему фронту понемногу перед каждым участком, по указаниям начальников сих последних, а не будут сосредоточивать его на наиболее важных пунктах неприятельской позиции, по указаниям долженствующих быть на поле сражения начальников дивизий обязательно и командиров корпусов — при пер-

[1] ЦВИА. 17—659, л. 1229.

вой к тому возможности и под руководством старших артиллерийских начальников, то никаким расходом снарядов серьезных результатов достигнуто быть не может. Вынужден просить... объявить это господам начальникам дивизий и командирам корпусов, а лиц, не могущих давать такие целесообразные указания или находящих это почему-либо излишним, заменять другими.

...Артиллерия сломить сопротивление противника может только сосредоточенным и хорошо управляемым огнем, а пехота должна разведывать и избирать для своего удара доступные или наиболее подготовленные артиллерийским огнем пункты, а не валить стихийно по всему фронту равномерно по равномерно распределенным участкам, как то практикуется многими, что, конечно, проще, ибо можно расписать заранее независимо от хода боя и даже накануне, что, между тем, ведет в огромном большинстве случаев к неудачам, несмотря на большие потери, и подрывает вконец авторитет начальников.

...Подготовка артиллерийским огнем атаки должна начинаться одновременно с наступлением пехоты в сфере артиллерийского огня неприятеля, а не в то время, когда пехота еще не наступает, как то практикуется часто, ибо времени, которое необходимо для наступления пехоты, с расстояния трех, примерно верст, вполне достаточно для подготовки атаки целесообразно направленным и хорошо руководимым артиллерийским огнем. И эта подготовка только тогда принесет желаемые результаты, когда ее естественным продолжением без всякого перерыва будет штурм...»

Командующий 8-й армией Брусилов, как видно из приводимых ниже телеграмм его, обращал лишь некоторое внимание на необходимость артиллерийской подготовки и более серьезное — на сосредоточение огня, а также на слишком большое удаление позиций артиллерии, а именно:

а) Телеграммой от 7 июня 1915 г. предлагалось «приказать Истомину зря не атаковывать, а подготавливать артиллерией».

б) Телеграмма от 13 июня 1915 г. гласила: «Вновь замечается, что легкие батареи становятся позади линии пехоты в 2—3 верстах (2—3 км), а мортирные (гаубичные) и тяжелые в 3—4 верстах (3—4 км), что делает стрельбу артиллерии по целям, удаленным от нашей пехоты далее 2 верст (2 км), мало действительной и лишает возможности взаимной артиллерийской поддержки дивизий и корпусов. Подтверждаю ставить артиллерию ближе к пехоте — легкую по возможности не далее $1^1/_2$ верст (1,5 км). Во избежание поражений от преждевременных разрывов своих шрапнелей устраивать в убежищах резервов тыльные козырьки. Расстановка артиллерии должна обеспечивать возможность обстреливания каждым дивизионом цели в участках соседних дивизионов, что особенно важно для мортирных (гаубичных) и тяжелых батарей. Назначением соответствующих лиц, подготовкой наблюдательных пунктов и связи обеспечивать возможность управления огнем двух и более дивизионов на случай объединенных действий артиллерии соседних участков. Для

быстрого указания целей применять в таких случаях не только карты, но также специально приготовленные перспективные виды. Иметь в виду комбинирование фронтального огня с фланговым или огня легкой артиллерии с огнем мортирной и тяжелой артиллерии».

в) Телеграмма от 18 июня 1915 г. указывала: «Из показаний пленных вновь выясняется, что огонь нашей артиллерии оказывается мало действительным, и главным образом потому, что артиллерийские позиции выбираются слишком далеко от передовых частей и артиллерия ведет огонь в большинстве случаев на предельных дистанциях. Вновь подтверждаю мои неоднократные требования упорядочения артиллерийской стрельбы и категорически приказываю не располагать батареи дальше 1—1½ верст (1—1,5 км) от стрелковых цепей, обратив должное внимание на наблюдение, корректирование стрельбы и связь батарей с пехотой...»

В общем, распоряжения фронтового и армейского командования сводились к подтверждению и требованию исполнения основных положений уставов и наставлений мирного времени. При этом общевойсковое командование, недостаточно осведомленное о свойствах современной артиллерии, особое внимание обращало на то, чтобы артиллерия располагалась на позиции возможно ближе за своей пехотой, чего в большинстве случаев вовсе не требовалось.

На необходимость предварительной подготовки атаки артиллерийским огнем если и указывалось в распоряжениях, то весьма осторожно. Большинство общевойсковых командиров считало, что главная роль артиллерии начинается лишь с началом движения вперед пехоты, что подготовка атаки артиллерийским огнем должна начинаться не заблаговременно, а одновременно с наступлением пехоты в сфере артиллерийского огня противника. Некоторые общевойсковые начальники находили заблаговременную артиллерийскую подготовку уместной, когда необходимо что-либо разрушить или подавить огонь неприятельских батарей; некоторые начальники необходимость артиллерийской подготовки совершенно отрицали.

В результате русская артиллерия при наступлении в маневренный период войны действовала обычно по тем правилам, каким ее учили в мирное время.

Артиллерия в оборонительном бою

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. выяснилось, что русская армия вообще не умела вести наступательные бои. Поэтому после войны главное внимание было обращено на «внедрение наступательного духа» в армии, а подготовка армии к оборонительным действиям считалась второстепенной.

В «Уставе полевой службы» 1912 г. указывалось, что «стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем». В том же «Уставе полевой службы» говорилось, что «к обороне приходится прибегать, когда поставленная цель не может быть достигнута наступлением». При этом предлагалось при обороне «стремиться всеми способами и сред-

ствами расстроить неприятеля огнем и, подорвав его нравственные силы, перейти в наступление и разбить его». Таким образом, «Устав полевой службы» признавал лишь активную оборону [1].

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. предусматривало, кроме перехода от обороны к наступлению с целью нанести противнику решительное поражение, еще и случай оборонительного боя, «имеющего целью прикрыть действия других отрядов, преградить неприятелю путь, вообще — выиграть время» [2].

При подготовке русской артиллерии к войне имелось в виду, что при обороне главная роль принадлежит огню всякого рода, который должен не только остановить наступающего, но и расстроить его настолько, чтобы обороняющийся мог перейти в наступление и разбить противника. При этом подчеркивалось, что артиллерийский огонь обороны должен быть направлен преимущественно против артиллерии атакующего. Названными «Уставом» и «Наставлением» 1912 г. указывалось, что первыми целями для артиллерии обороны будут «преимущественно батареи» противника, что артиллерия, пользуясь выгодами своего укрытого расположения, должна стремиться, «сколь возможно, погасить артиллерийский огонь противника»; когда же выяснится направление главной атаки неприятеля, артиллерия, продолжая действовать и по его батареям, должна главной своей задачей ставить «противодействие приближению пехоты» противника. Вообще же «Уставом полевой службы» указывалось, что «артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь обороняющегося должен быть сосредоточиваем по тем наступающим войскам, которые наиболее энергично и успешно продвигаются вперед» (§ 524).

Русские артиллеристы считали, что пехота обороны может своим огнем обстреливать складки впереди лежащей местности и поражать наступающую пехоту лучше, чем это может сделать артиллерия, стрельба которой по умело наступающей пехоте (одиночными людьми, искусно применяясь к местности) трудна и требует большого расхода снарядов. В «Наставлении» 1912 г. указывалось, что обороняющаяся пехота, благодаря силе ее ружейного и пулеметного огня, «нередко будет в состоянии самостоятельно остановить наступление противника, но лишь в том случае, если сама не будет подвержена огню его батарей, не позволяющему ей спокойно стрелять и заставляющему искать укрытия». А так как огню пехоты обороны будет мешать артиллерия атакующего, то против нее главным образом русская артиллерия подготавливалась направлять свой огонь, считая своей основной обязанностью при обороне «отвлечение огня батарей атакующего от пехоты» обороняющегося (§ 164).

Опыт маневренного периода мировой войны показал, что при обороне, в особенности при активной обороне, артиллерии нередко приходилось отбивать атаки неприятельской пехоты почти исключительно своим огнем, а при обороне, заблаговременно не предусмотренной и не подготовленной (как это случается при встречных столкновениях

---

[1] § 424 и 514.
[2] § 153.

для одной из сторон), артиллерия иногда открывала огонь по наступающей пехоте противника даже с открытых позиций, чтобы обеспечить своей пехоте развертывание и захват опорных пунктов.

«Наставление» 1912 г., уделяя большое внимание выбору, занятию и оборудованию артиллерийских позиций и отдавая предпочтение применению при обороне закрытых позиций, признавало полезным ставить мелкие артиллерийские части, даже отдельные орудия, обильно снабженные боеприпасами, на особо важные пункты, позволяющие обстреливать укрытые ближние подступы и мертвые пространства перед фронтом, допускающие стрельбу во фланг атакующему противнику, и т. п. Такое выделение мелких артиллерийских частей ограничивалось «пределами строгой необходимости» и отнюдь не должно было вызывать дробления артиллерии. В большинстве случаев части эти и отдельные орудия если во время войны и назначались, то главным образом не с указанной целью, а для создания обманного впечатления противника относительно действительного числа батарей и пр. (см. выше стр. 26).

В оборонительном бою, имеющем целью выиграть время, артиллерия должна была стремиться вызвать преждевременное развертывание противника, замедлить его движение и ввести в заблуждение относительно сил и расположения обороны. Размещаясь на широком фронте — часто отдельными батареями, иногда даже взводами, — переменяя укрыто свои позиции, возмещая малочисленность орудий скоростью стрельбы, артиллерия обороны открывала огонь «по походным колоннам и вообще крупным целям с дальних расстояний» и при этом должна была по возможности избегать «решительных схваток» с неприятельскими батареями, если это «не противоречило общему ходу боя...»

В оборонительном бою, имеющем в виду расстроить противника огнем и, перейдя в наступление, нанести ему «решительное поражение», артиллерия обороны должна была, пользуясь временем, подготовить данные для стрельбы, обеспечить себе свободу маневрирования и господство над местностью с тем, чтобы внезапно обрушиться на противника своим сильным огнем, расстроить его наступление и затем поддержать встречный удар своих войск.

«Наставление» 1912 г. предусматривало, что «артиллерия обороны не должна быть неподвижною» и что, напротив того, она должна, пользуясь знанием местности, последовательно действовать на различных участках частью своих сил. При таком способе действий противник вводился в заблуждение в отношении силы и расположения артиллерии обороны, а получающаяся разбросанность батарей позволяла наносить сильнейшее поражение атакующей пехоте сосредоточенным огнем с разных сторон и иногда добиваться успеха над превосходными силами неприятельской артиллерии (§ 165).

«Обороняющемуся выгодно открыть артиллерийский огонь сразу с дальности действительного огня, предоставляя первое открытие огня неприятелю». Поэтому «Наставление» 1912 г. указывало, что «артиллерия обороны не должна торопиться начинать стрельбу», чтобы преждевременным открытием огня не обнаружить оборонитель-

ной позиции. Но вместе с тем обращалось внимание на то, что промедление в открытии огня может повести к упущению обстрела важных и уязвимых целей (войска в походных колоннах, выезжающая артиллерия).

Согласно тому же «Наставлению», батареи противника до начала наступления его пехоты будут преимущественно «первыми целями для артиллерии обороны», которая должна стремиться уничтожить их во время выезда на позицию или добиваться перевеса в огне, открывая его внезапно достаточным числом батарей. Если артиллерийская борьба не обещает успеха, то часть батарей обороны может временно прекратить огонь или даже может быть выведена из сферы огня, чтобы сберечь артиллерию обороны для противодействия решительному удару противника. С началом наступления неприятельской пехоты артиллерия обороны, продолжая действовать и по батареям противника, «главной своей задачей ставит противодействие приближению пехоты», причем особо назначенные для этого батареи обороны должны действовать по наступающим войскам, не обращая внимания на огонь неприятельской артиллерии. С началом атаки противника все батареи обороняющегося, в том числе и выведенные временно из боя, «обязаны усилить или возобновить огонь».

В том случае, если атака противнику удалась, батареи обороны должны были сосредоточить огонь по ворвавшейся неприятельской пехоте и непосредственно за нею следующим войскам. «В эти минуты артиллерия должна жертвовать собою, стреляя до последней возможности».

В старой русской армии замечалось стремление к занятию при обороне сплошной линии окопов. В начале войны, даже в тех случаях, когда приходилось занимать заранее подготовленные позиции из ряда опорных пунктов, находившихся в огневой связи, войска, как бы боясь промежутков, соединяли опорные пункты длинными окопами. Такие сплошные линии укреплений оказались в полевой войне невыгодными, так как они ослабляли обороноспособность позиции, поглощая много войск, причем получались тонкая боевая линия и слабые резервы.

Не прошло года войны, как русское командование стало издавать приказы о том, чтобы оборонительные позиции состояли не из сплошных окопов, а из ряда опорных пунктов, находившихся в тесной огневой связи.

Так, в приведенном выше (стр. 67) приказе войскам 4-й русской армии 1 мая 1915 г. указывалось, что «сосредоточив всю работу на укреплении опорных пунктов, их действительно можно сделать неодолимыми... При надлежащем расположении фланговых окопов и опорных пунктов уступами назад, при устройстве заграждений в промежутках и при надежной огневой связи перекрестным огнем ни охват опорного пункта, ни прорыв между двумя соседними опорными пунктами немыслимы.

...Сила этих позиций — в сильном резерве и гибкости обороны, куда бы противник ни направил свой удар, везде можно дать ему отпор сильным резервом... причем выдвижение резервов в промежут-

ках между опорными пунктами, естественно, приводит к удару во фланг тех частей противника, которые, изнывая под перекрестным огнем, пытаются прорвать наше расположение или охватить опорные пункты с флангов».

В последующих тогда же приказах командира 25-го корпуса, начальника 46-й пех. дивизии и других — везде подчеркивалось, что оборону необходимо вести активно, для чего позицию иметь не в виде сплошной линии окопов, а в виде «узлов сопротивления», основывая всю оборону на активности резервов.

В том же приказе по 4-й армии от 1 мая 1915 г. имелись следующие краткие указания о расположении артиллерии и ее действиях при обороне:

«При обороне замечено, что артиллерия становится далеко и не всегда имеет достаточное количество хорошо оборудованных запасных позиций, дабы иметь возможность менять свои места, в зависимости от развития боя, а также в случае, если будет обнаружена тяжелая артиллерия противника.

...Замечено, что без особой надобности батареи разбрасываются и командир дивизиона лишается возможности руководить огнем батарей дивизиона. Старшие артиллерийские начальники не должны ограничиваться наличием передовых наблюдателей, но иметь наблюдательные пункты для себя, дабы лично следить за стрельбой своих частей.

...Широкое развитие ложных батарей, наблюдательных пунктов, ложных окопов необходимо. Ложные вспышки следует производить исключительно с выстрелом ближайшей батареи, ибо внимательный наблюдатель сразу заметит, что после вспышки нет разрыва снаряда.

...Тяжелую артиллерию надлежит располагать по возможности вне огня легких батарей противника, но так, чтобы самим держать эти батареи под самым действительным огнем. Главное усилие тяжелой артиллерии должно быть направлено для борьбы с артиллерией противника, дабы дать полную возможность легкой артиллерии поражать войска.

...Стрельба ночью на дальних дистанциях по малой действительности только ободряет противника и обнаруживает наше расположение, поэтому является недопустимой...»

В приказе командующего 4-й армией нет определенных указаний о расположении артиллерии в глубине района обороны. Между тем опыт маневренного периода войны уже указал на необходимость эшелонирования артиллерии обороны в глубину, имея в виду поражение артиллерийским огнем войск противника не только на подступах к оборонительной позиции, но и в глубине обороны на случай вклинения туда неприятеля.

Замечание же командующего 4-й армией о нежелательности разбросанного расположения батарей обороны нельзя считать правильным.

В связи с развитием во время войны глубокого расположения обороняющейся пехоты оказалось необходимым эшелонированное размещение и артиллерии обороны, именно — разбросанное и по фронту и в глубину. Разбросанное расположение батарей обороны, обеспечивая

огневое маневрирование, использование фланкового и косоприцельного огня при его сосредоточении в необходимом направлении, вместе с тем дает возможность надежного огневого содействия пехоте как при отбитии ею атак неприятеля на передний край занятой оборонительной позиции, так и при контратаках, имеющих целью выбить противника, ворвавшегося в глубь позиционного района обороны. Кроме того, такое разбросанное эшелонированное размещение батарей обороны облегчает их укрытие и маскировку, заставляет неприятельскую артиллерию разбрасывать свой огонь и вообще затрудняет ее боевую работу.

В большинстве случаев к обороне прибегает более слабая сторона, силы и средства которой недостаточны для разгрома неприятеля в наступательном бою. Сила обороны заключается в более выгодном использовании местности и всех видов огня в сочетании с контратаками.

Опыт войны подтвердил необходимость при обороне целесообразного маневрирования артиллерийским огнем, перегруппировок, использования косоприцельного и фланкового огня, а также указал, что лучше всего это достигается при централизованном управлении артиллерией.

Максимальное использование огневой силы артиллерии и соблюдение принципа экономии артиллерийских средств достигается при объединенном централизованном управлении огнем артиллерии. Однако централизованное управление огнем артиллерии обороны ни в коем случае не должно вызывать сосредоточенного расположения батарей на позициях в районе обороны. Нельзя забывать, что успех боевых действий артиллерии обеспечивается не столько массированием орудий на поле сражения, сколько массированием артиллерийского огня.

В Гумбиненском сражении 20 августа 1914 г. на 1 км фронта 35-й германской пех. дивизии, наступавшей на Ширгупенен в стык русских 25-й и 27-й пех. дивизий, приходилось в среднем по 17 орудий, а у русских на 1 км фронта имелось лишь около 9 орудий; но, когда немцы повели атаку, русские артиллеристы сумели сосредоточить против атакующих частей огонь до 24 орудий на 1 км их фронта и, нанеся огромные потери немцам, отбили их атаку.

В октябрьских боях 1914 г. близ Сувалки приданные русской 51-й пех. дивизии семь легких полевых батарей, благодаря искусному централизованному управлению их огнем, поочередно отбивали атаки германцев то на 202-й, то на 204-й пех. полки. Этого нельзя было бы достигнуть при распределении указанных батарей между полками и обслуживании батареями в таком случае только своих полковых боевых участков.

Чрезмерная централизация управления огнем артиллерии, когда в непосредственном подчинении начальников боевых участков пехоты не оставляется никакой артиллерии, может в некоторых случаях привести к тому, что пехота окажется без своевременной огневой артиллерийской поддержки, как, например: при необходимости быстрой непосредственной поддержки пехоты артиллерийским огнем вследствие неожиданно изменившейся боевой обстановки, при необходи-

мости частых переносов артиллерийского огня, при неудовлетворительной организации связи артиллерии с пехотой, при слабо подготовленном и малоопытном командном составе артиллерии, на неблагоприятной местности и т. п. Поэтому русская пехота во время войны всегда проявляла, особенно в оборонительном бою, стремление разобрать артиллерию по своим полкам, предпочитая, как говорится, «иметь лучше синицу в руках, чем журавля в небесах».

Объединенное управление огнем артиллерии в оборонительном бою не должно ограничивать проявления личной инициативы, в пределах поставленных задач, всеми артиллерийскими начальниками, начиная от самых младших до самых старших. В современных условиях ведения оборонительного боя требуются подвижность и маневренность от всех войск, проявление инициативы от каждого из участников боя, в особенности от артиллерийских начальников: командир батареи, ожидающий приказаний для переноса или открытия огня в то время, когда он знает о грозящей своей пехоте опасности, опоздает оказать ей должную огневую помощь.

При малочисленности артиллерии обороны по сравнению с артиллерией атаки разгром атакующего и нанесение ему поражения могут быть обеспечены лишь при условии применения артиллеристами разумной инициативы, не выходящей за пределы планомерности общей огневой работы, которая в свою очередь должна регулироваться путем централизованного управления артиллерией.

Для проявления разумной инициативы артиллеристы должны обладать знаниями, известной широтой взглядов и навыками правильной оценки тактической обстановки, а также твердой волей для немедленного принятия того или иного определенного решения.

В маневренный период войны действия русской артиллерии при обороне бывали в большинстве случаев вполне целесообразными, что можно подтвердить следующими примерами.

В самом начале войны для ликвидации прорыва, образовавшегося между гренадерским и 16-м армейским русскими корпусами и грозившего захватом Люблина, был выдвинут к Яблонна отряд в составе Таврического гренадерского полка со 2-й батареей 2-й гренадерской арт. бригады (см. схему 3).

На рассвете 29 августа 1914 г. отряд после двух ночных утомительных маршей подошел к Яблонна, где приостановился, ожидая окончания разведки выехавшими вперед начальником отряда и командиром батареи с разведчиками.

С высоких деревьев у Яблонна разведчики увидели колонны австрийцев, спускавшихся от Быхава к разветвлению дорог от Быхава на Оссова и Тушов.

Начальник отряда немедленно отправил один батальон гренадер, чтобы захватить Верцишев как опорный пункт, а командир батареи вывел на-рысях один взвод (2 орудия) на открытую позицию на южном скате высоты 115,6 (южнее Яблонна) и беглым огнем задержал и заставил начать развертывание в боевой порядок колонны австрийцев, которые к тому времени подошли уже к высоте 126 (у Быхава) и стали спускаться с нее в направлении Верцишев.

Схема 3. Бой у Яблонна 29—30 августа 1914 г.

Затем командир батареи, желая отвлечь австрийцев от движения на Тушов и далее на Люблин, а также помочь своей пехоте занять не только Верцишев, но и рощу к югу от этой деревни, представлявшую лучший опорный пункт, вывел карьером еще 4 орудия своей батареи на открытую позицию на скате высоты 115,6 и поставил их рядом с выехавшими ранее 2 орудиями. Остальным 2 орудиям батареи командир приказал стать укрыто за рощей к северу от высоты 115,6 (между Яблонна и Тушов), имея в виду вести этими орудиями огонь по артиллерии противника в случае ее появления.

После нескольких очередей беглого огня австрийская пехота, подошедшая уже к Верцишев, была не только отогнана, но и выбита из рощи (южнее деревни), обстрелянной смешанным огнем гранатой и шрапнелью. Деревня Верцишев и роща были заняты русскими гренадерами, где они и закрепились. В то же время пулеметы австрийцев, незаметно подобравшиеся, так как командир батареи, не имевший прикрытия, не организовал разведки на наружном открытом фланге, неожиданно стали обстреливать батарею с левого ее фланга. Но после двух патронов беглого огня батареи на прицеле 40—42 австрийские пулеметы умолкли.

Только к вечеру по открыто стоящим трем взводам русской батареи начали стрелять подошедшие гаубицы противника. По ним был открыт ответный огонь взвода, расположенного за лесом между деревнями Яблонна и Тушов, и под прикрытием этого огня открыто стоявшие 6 орудий были спущены с высоты 115,6 на руках в лощину, пролегавшую перед их позицией, и по-орудийно укрытым путем выведены на закрытую позицию за рощу к стрелявшему взводу.

К рассвету на другой день, 30 августа, на поддержку отряда подошли Киевский гренадерский полк и еще одна легкая батарея, которая была подчинена командиру находившейся в бою 2-й батареи. Киевский полк окопался на гребне южнее Тушов, а пришедшая с ним батарея расположилась на закрытой позиции за рощей возле 2-й гренадерской батареи.

Австрийская артиллерия еще до восхода солнца начала обстреливать расположение русских. Артиллерийские наблюдатели, находившиеся в передовых частях пехоты, донесли, что пехота противника накапливается в низине вдоль р. Косоржавка, южнее Тушов. Направленный против этой пехоты огонь 4 русских орудий заставил ее отойти к югу, в направлении на Быхава.

Вскоре неприятельская артиллерия стала обстреливать косоприцельным огнем почти во фланг окопы Киевского полка. Поддержанная сильным огнем своей артиллерии и пулеметов, австрийская пехота потеснила киевских гренадер, оставивших свои окопы и начавших отходить к роще, за которой стояли гренадерские батареи. Беглым огнем обеих этих батарей австрийцы были выбиты из захваченных ими окопов, которые были вновь заняты киевскими гренадерами.

По восстановлении боевого порядка гренадер командир 2-й батареи, оставив 4 орудия для обстрела неприятельской пехоты, осталь-

ными 12 орудиями обрушился на австрийскую батарею, обнаруженную у Быхава, и заставил ее замолчать. Затем обе батареи (всеми 16 орудиями) отбили еще четыре повторные атаки австрийцев, которые вследствие больших потерь и под угрозой контратаки Таврического гренадерского полка со стороны Верцицев в направлении на Оссова и высоту 126 начали спешно отступать к Быхава и дальше в южном направлении.

Таким образом, цель была достигнута — прорыв ликвидирован. К вечеру 30 августа фланги гренадерского и 16-го армейского корпусов вошли в соприкосновение, и подступы к Люблину были закрыты.

В описанном примере обращают на себя внимание:

а) Чрезвычайно смелые, самостоятельные, но вместе с тем и очень рискованные действия командира 2-й гренадерской батареи русских, которые могли бы привести к гибели 6 его орудий, выведенных на открытую позицию при завязке боя, в том случае, если бы к тому времени у австрийцев имелась наготове артиллерия. Было бы осторожнее и без ущерба для достижения успеха не выводить все 6 орудий на открытую позицию на высоту 115,6, а ограничиться занятием этой позиции лишь одним взводом (2 орудиями), имея в виду огнем этого взвода возможно скорее задержать и заставить развернуться австрийцев, наступающих от Быхава; с остальными же тремя взводами батареи следовало занять закрытую позицию у рощи между Яблонна и Тушов. Правда, оттуда до Быхава пришлось бы вести огонь почти на предельную дальность, но огонь был бы действителен: с той же позиции обе батареи гренадер, как мы видели, заставили замолчать австрийскую артиллерию, обнаруженную у Быхава.

б) Почти полное отсутствие управления артиллерией и постановки ей задач, со стороны общевойскового командования, если не считать того обстоятельства, что, по некоторым сведениям, начальник штаба гренадерской дивизии будто бы в ночь с 29 на 30 августа взял слово с командира 2-й батареи, что он не уйдет с позиции и не оставит без поддержки свою пехоту «ни при каких обстоятельствах».

в) Отсутствие прикрытия и разведки в стороне открытого фланга артиллерийской позиции на высоте 115,6. Появившиеся против левого фланга позиции австрийские пулеметы могли бы нанести большие потери русским артиллеристам, если бы австрийские пулеметчики определили более точно расстояние и стреляли по батарее на верном прицеле.

Наиболее ярким положительным примером активной обороны могут служить действия 25-й и 27-й арт. бригад в Гумбиненском сражении 20 августа 1914 г., о котором кратко упоминалось выше.

Одним из эпизодов Гумбиненского сражения является встречное столкновение, при неясной для обеих сторон обстановке, 3-го русского с 17-м германским корпусом, причем первому пришлось обороняться.

Русская 1-я армия, сбив 17 августа у Шталюпенена авангард германской 8-й армии, продолжала наступление в общем направлении на

Гумбинен, имея на правом фланге конный корпус (4½ кавалерийские дивизии) Хана Нахичеванского, двигающийся к р. Инстер в охват 8-й германской армии с севера, и на левом фланге 1-ю кавалерийскую дивизию у Грабовен (к югу от Гольдап).

Командующий 8-й германской армией Притвиц решил атаковать 1-ю русскую армию 20 августа, когда командующий ею Ренненкампф дал своим войскам дневку. Главный удар Притвиц направил на правый фланг русских.

Произошло встречное сражение двух армий не только почти равной силы, но и одинаково сгруппированных (схема 4). В районе Гумбинена было сосредоточено против двух русских — 20-го и 3-го — корпусов два германских корпуса — 1-й и 17-й; у обеих сторон южные фланги были более слабые, а на северном фланге у русских имелась конная масса, против которой немцы имели лишь одну кавалерийскую дивизию [1].

Накануне боя, 19 августа, командир 3-го русского корпуса отдал приказ, согласно которому дивизии на другой день к 5 час. утра должны были занять: 25-я — район Пусперн, Ширгупенен, Зодинелен; 27-я — район Матишкемен, Варшлеген и 40-я — район Зоденен; охранение, выставленное по р. Роминте, вперед не продвигать.

Сведения о противнике, имевшиеся у обеих сторон к вечеру накануне сражения, мало отвечали действительности. Притвиц предполагал, что перед германским 17-м корпусом слабые силы русских, наступающие в северо-западном направлении для нанесения удара в левый фланг германского 1-го корпуса, расположенного несколько впереди и севернее 17-го корпуса. С целью оказания своевременной помощи 1-му корпусу дивизии 17-го корпуса наступали: 35-я — правым флангом в направлении на Аугступенен, 36-я — на Вальтеркемен.

Около 9 час. утра 20 августа получено было сообщение об успехе наступления 1-го германского корпуса и отступлении находящихся перед ним русских войск. Желая развить достигнутые результаты, командир 17-го корпуса усилил правый фланг 36-й дивизии одним полком и батареей и приказал атаковать русских в обход их левого фланга в общем направлении на Энцунен. Вначале наступление шло удачно для немцев: русское охранение отходило. Но затем неожиданно немцы наткнулись на сильное огневое сопротивление русских.

На левом фланге 17-го корпуса германской 35-й дивизии потеснили около 6 час. утра сторожевое охранение русской 25-й пех. дивизии, а затем при содействии сильного огня артиллерии (12 полевых батарей, в том числе 9 пушечных и 3 гаубичных) начали атаку подходившей по частям русской 25-й пех. дивизии (в составе которой имелось лишь 8 полевых батарей, в том числе 6 пушечных и 2 гаубичных). Бой разгорелся в период между 10 и 12 час. Наступавшая на д. Ширгупенен 87-я бригада германской 35-й дивизии потеснила центр русской 25-й дивизии, отошедшей в район Ионасталь. Одновременно немцы, атаковавшие в направлении на Зодинелен, заставили осадить несколько назад левофланговые части 25-й и правофланговые части 27-й дивизий, причем последние образовали новый

[1] ЦВИА, 137—342, 106—196, 137—304.

Схема 4. Гумбиненское сражение 20 августа 1914 г. Положение сторон к 16 часам.

фронт в северо-западном направлении. Атаковавшая 87-я пех. бригада германцев оказалась в мешке.

Этим воспользовалась русская артиллерия и стала простреливать немецкую пехоту, применявшую к тому же массивные построения, с двух сторон: двумя батареями 25-й арт. бригады с севера и двумя батареями 27-й арт. бригады с юга, причем последним пришлось переменить для этого фронт почти на 60°. Около 15 час. немецкая пехота, понеся огромные потери, в том числе почти всех офицеров и унтер-офицеров, дрогнула и стала в беспорядке отходить назад.

Начальник русской 25-й пех. дивизии отдал приказ о переходе в решительное наступление. Но германская артиллерия, прикрывавшая отступление своей пехоты, развила такой сильный огонь, что контрнаступление русской пехоты приостановилось.

На фронте 27-й русской дивизии бой протекал при следующих обстоятельствах. К 8 час. сторожевое охранение дивизии было оттеснено; немецкая артиллерия непрерывно стреляла из-за р. Роминте. Около 9 час. началось наступление немецкой пехоты: правый фланг 35-й германской дивизии (70-я бригада) против центра и правого фланга 27-й русской дивизии, 71-я бригада 36-й германской дивизии против левого фланга 27-й дивизии. Сначала немецкая пехота продвигалась перебежками по отделениям, искусно пользуясь холмистой местностью; появлявшиеся густые цепи немцев несли большие потери от огня 1-го дивизиона 27-й арт. бригады. Подойдя приблизительно на тысячу шагов к окопавшейся русской пехоте, немцы порывисто бросились вперед, но могли пробежать не более 200—300 шагов и вынуждены были залечь вследствие огромных потерь от ружейного и пулеметного огня русских: пехотные цепи немцев были перебиты местами полностью.

Неудачный стремительный штурм заставил немцев подготавливать следующую атаку огнем всех видов. В 13-м часу они повели наступление против правого фланга 27-й пех. дивизии, стараясь расширить мешок, в котором очутилась их 87-я бригада. Правый фланг 27-й дивизии, немного осадив назад, прочно держался, благодаря огневой поддержке 2-го дивизиона 27-й арт. бригады, действовавшего с большим искусством.

Командир 105-го Оренбургского пех. полка так описывал действия 6-й батареи названного дивизиона:

«Густым цепям противника, наступавшим на мой правый участок и на части 25-й дивизии, 6-я батарея наносила громадные потери, и благодаря этому 100-й полк[1], два раза отступавший, снова переходил в наступление, и немцы не могли произвести охвата участка, занимаемого 105-м полком. Опушка рощи, занятая тремя ротами оренбуржцев, обстреливалась сильным артиллерийским огнем немцев, под прикрытием которого неприятельская пехота вела атаку на лес, но 6-я батарея успевала переносить и сюда свой губительный огонь и заставила противника спешно отступать».

[1] 25-й пех. дивизии.

Около 15 час. немцы вновь пытались атаковать центр и левый фланг 27-й дивизии. Германская 70-я бригада (36-й дивизии), наступавшая на Матишкемен, ввела в бой все свои резервы, но не могла продвинуться вперед. Для ближайшей поддержки атаки две германские батареи выехали на открытую позицию в 1 200 шагах от окопавшейся цепи русской пехоты, но они успели сделать лишь один выстрел и были совершенно уничтожены огнем батарей 1-го дивизиона 27-й арт. бригады, а также ружейным и пулеметным огнем пехоты. Разгром батарей оборвал сразу наступление немцев против центра 27-й дивизии. Перешедший в контратаку 108-й пех. полк захватил материальную часть, оставшуюся от двух погибших германских батарей, в составе 12 пушек и 24 зарядных ящиков.

Наступление немцев против левого фланга 27-й дивизии продолжалось. Пехота их пошла здесь в атаку стройными линиями густых цепей, соблюдая равнение, под командой начальников, из которых некоторые ехали верхом среди рядов своих войск. Русская артиллерия подпустила немцев на расстояние действительного выстрела и затем обрушилась на них ураганным уничтожающим огнем. Стройность атаки исчезла; немецкая пехота, сильно поредевшая, разбилась на отдельные группы и залегла.

Около 15 час. наступление 17-го германского корпуса остановилось на всем фронте. Немецкая пехота залегла на ровной, открытой местности и несла большие потери от артиллерийского, пулеметного и ружейного огня русских.

Русская артиллерия занимала хорошо укрытые позиции, а потому была неуязвима для расположенной за р. Роминте германской артиллерии, тщетно стремившейся потушить огонь русских батарей, чтобы спасти свою пехоту.

Между 15 и 16 час. начался отход германской пехоты, начиная с ее правого фланга. Стали уходить сначала отдельные люди, а затем все боевые линии немцев неудержимой волной хлынули назад.

Русская пехота перешла в контрнаступление, но не могла развить в полной мере достигнутый успех, так как по ней был открыт жесточайший огонь всей германской артиллерии, прикрывавшей беспорядочный отход своей пехоты.

Около 17 час. командир 17-го германского корпуса отдал приказ об отступлении. Под прикрытием огня 28 батарей, из которых 6 легких гаубичных и 4 тяжелых гаубичных, корпус отошел за р. Роминте, не преследуемый русскими.

Сражение не имело решительного характера в тактическом отношении, но в стратегическом на стороне русских была полная победа. Командующий 8-й германской армией Притвиц не только отвел свою армию с поля сражения, но потерял надежду удержать Восточную Пруссию.

Опыт Гумбиненского сражения 3-го русского и 17-го германского корпусов представляет положительный пример искусных маневренных действий артиллерии во встречном столкновении и особенно искусных оборонительных действий русской артиллерии.

При завязке боя решительное наступление германской пехоты, прикрываемое сильным артиллерийским огнем, заставляет русские ди-

визии перейти к обороне. Умелые энергичные действия русской артиллерии останавливают немецкую пехоту, буквально скашивая на некоторых участках целые ее линии своим огнем (на близких дистанциях совместно с пулеметным и ружейным огнем пехоты).

Перед фронтом русской 27-й пех. дивизии немцы оставили более 2 000 убитыми, многие из них были убиты ружейными пулями в голову.

Бой под Гумбиненом 20 августа 1914 г. русской 27-й пех. дивизии отличался полной согласованностью действий артиллерии и пехоты. Ряд донесений, извещений и полевых записок указывает на это.

Приведем пример записки командира одной из рот 106-го пех. полка к командиру ближайшей к нему батареи 2-го дивизиона 27-й арт. бригады: «В полутора или версте от вас стоит батарея неприятеля. У нас ее очень хорошо видно, но точно указать место не можем; благоволите прислать своего разведчика с моим посыльным».

Командир батареи ответил: «Сейчас».

Русская артиллерия по числу и мощности орудий (18 легких пушечных и 4 легких гаубичных батареи) была слабее германской артиллерии (28 батарей, в том числе 4 тяжелые гаубичные), а потому не могла заставить замолчать немецкие батареи. Но, как мы видели, русская артиллерия не замедлила воспользоваться удобным случаем, чтобы уничтожить две немецкие батареи, выехавшие на открытую позицию для спасения своей пехоты.

Более сильная германская артиллерия неоднократно пыталась потушить огонь русских батарей, чтобы обеспечить наступление своей пехоты, но укрыто расположенные русские батареи были неуязвимы и огонь свой не прекращали. В тех случаях, когда выяснялась возможность успеха русской пехоты, перешедшей в наступление, германская артиллерия весь свой огонь сосредоточивала на русской пехоте и не позволяла ей развить достигнутый ею успех.

Почти все действия русской артиллерии происходили, как это и должно быть при обороне во встречном бою, по инициативе командиров батарей и других артиллерийских соединений, быстро разбиравшихся в изменчивой обстановке боя и понимавших положение и задачи пехоты. В приказе для боя командира 3-го корпуса об артиллерии даже не упоминается. Управление артиллерией корпуса не было объединено. Легкие пушечные батареи оставались при своих дивизиях; к ним же приданы были легкие гаубичные батареи. Артиллерия почти не получала заданий от общевойсковых и своих ближайших пехотных начальников; повидимому, ей предоставлялось действовать по своему усмотрению («артиллерии содействовать пехоте своим огнем», как обычно указывалось в то время в приказах для боя), имея в виду во всех случаях оказание огневой поддержки и помощи своей пехоте.

Чрезвычайно поучительным примером проявления необходимой инициативы служит описанный выше случай расстрела попавшей в мешок 87-й германской пех. бригады русскими батареями с двух флангов — с севера батареями 25-й арт. бригады и с юга батареями 27-й арт. бригады, причем последние, по почину своих ближайших начальников, значительно изменили фронт своих огневых

позиций, чтобы поддержать соседние части и усилить огонь батарей даже не своего боевого участка и не своей дивизии.

В описанном сражении у Гумбинена действия русской артиллерии не были разрозненными. Наряду с широким проявлением инициативы со стороны командиров батарей и самостоятельными действиями отдельных батарей управление огнем в необходимых случаях объединялось в руках командиров дивизионов, а иногда и в руках командиров артиллерийских бригад. Так, например, огонь батарей 27-й арт. бригады, имевших отличный обзор с наблюдательных пунктов и обстрел на дальность 3—4 км, сосредоточивался распоряжением командиров дивизионов и бригады последовательно (до 24 орудий на 1 км обстреливаемого фронта) по наступающей германской пехоте, благодаря чему она жестоко расстреливалась и несла огромные потери. Особенно сильно пострадала 71-я бригада 36-й германской дивизии, атаковавшая левый фланг 27-й пех. дивизии; жалкие остатки этой бригады бежали с поля сражения.

Расход снарядов русской артиллерии в этом бою был большой: 1-й дивизион 27-й арт. бригады в один день с 9 до 16 час. выпустил около 10 000 патронов, до 400 на орудие.

По поводу действий артиллерии в Гумбиненском сражении командующий 1-й русской армией сообщил начальнику штаба главковерха 21 августа 1914 г. следующее: «...На фронте противник выдвигает сильную артиллерию, вплоть до тяжелой артиллерии, стараясь получить перевес в огне, причем последнюю располагает против того нашего фланга, который ими предполагается обойти. Огонь немецкой артиллерии отличается большой действительностью, что до некоторой степени объясняется определенностью, очевидно, заранее измеренных расстояний до некоторых рубежей и местных предметов, но, как выяснили бои и опросы пленных и раненых, огонь нашей артиллерии не уступает по губительности немецкому, нанося большие потери и в короткий промежуток сметая подверженные огню цели...»[1]

В дальнейшем приводится в более подробном изложении еще один показательный пример действий русской артиллерии в условиях активной обороны (ч. IV, «Артиллерия в активной обороне правого боевого участка позиции 25-го армейского корпуса на фронте Броды, Опатов в мае 1915 г.»).

Действия русской артиллерии при обороне в период маневренной борьбы бывали обычно весьма удачными.

Штаб верховного главнокомандующего не счел нужным, по крайней мере в первые два года войны, вносить какие-либо изменения в уставные положения 1912 г. в отношении указаний об использовании артиллерии в оборонительном бою.

Опыт войны подтвердил, что задачи артиллерии при обороне в маневренных условиях сводятся к решительному поражению огнем атакующего и к борьбе с его артиллерией. Но вместе с тем опыт войны показал, что, вопреки основному положению, проводимому при подготовке артиллерии в довоенное время, главнейшей целью дей-

[1] ЦВИА, 137—342, л. 121.

ствий артиллерии при обороне является не борьба с неприятельской артиллерией, а уничтожение живой силы атакующего и такое моральное воздействие на него, которое вызывало бы потерю наступательного порыва.

Действия артиллерии при обороне должны основываться на искусстве маневрирования огнем, на использовании фланкового и косоприцельного огня, на сосредоточении огня в важнейших направлениях на тех силах и средствах противника, которые наиболее угрожают обороне. Достижение всего этого надежнее обеспечивается при централизованном управлении огнем артиллерии. Огневая работа артиллерии при обороне, как и во всех других условиях боевых столкновений, должна протекать в полном согласовании и связи с деятельностью пехоты. Поэтому объединенное управление огнем артиллерии не должно ни приводить к сосредоточенному расположению артиллерии на огневых позициях в районе обороны, ни связывать проявление личной инициативы артиллерийских начальников и командиров.

Артиллерия во встречном бою

Относительно действия артиллерии во встречном бою в утвержденных в 1912 г. «Уставе полевой службы» и «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» имелись лишь краткие указания общего характера.

«Уставом» указывалось для всех родов войск, в том числе и для артиллерии, что при встрече с неприятелем «очень важно предупредить его в развертывании боевого порядка, дабы захватить почин в действиях», и что поэтому при встречном столкновении следует возможно быстрее производить развертывание как авангарда, так и главных сил; что «развитие сразу наиболее сильного артиллерийского и ружейного огня создадут выгодные условия для действия против неприятеля и могут заставить его притти к решению обороняться»; что каждый начальник должен проявлять «самостоятельность в принятии решений, сообразно общей цели действий и сложившейся для него обстановке» (§ 501, 502, 505).

«Наставлением» подчеркивалось, что при встречном столкновении преимущество будет на стороне того из противников, который сумеет ранее достигнуть бо́льшей готовности к бою и обеспечить себе бо́льшую свободу действий. Поэтому при завязке боя действия артиллерии авангарда должны быть «дерзки, быстры, решительны», артиллерийские начальники должны уметь быстро оценивать обстановку, «быстро принимать решения и энергично приводить их в исполнение» (§ 130).

В довоенное время встречный бой считался нормальным видом маневренных столкновений; поэтому на подготовку войск к действиям в условиях встречного боя обращалось большое внимание.

Офицерская артиллерийская школа при подготовке командного состава артиллерии проводила в основном те же мысли, что и «Устав» и «Наставление» 1912 г., но несколько шире их развивая и более определенно высказывая (см. т. I, ч. I), а именно:

Во встречном бою решающее значение имеет быстрое развертывание войск в боевой порядок, предупреждающее развертывание противника, опережение в открытии артиллерийского огня и в переходе в наступление и атаку. От командиров требуется захват в свои руки инициативы, смелость и решительность действий, подчиняющих себе волю неприятеля.

Задача артиллерии во встречном бою: быстрое достижение огневого превосходства над противником с целью сковать его маневр, прикрыть развертывание своих войск, поддержать и обеспечить успех их удара.

Успех встречного боя обеспечивается: быстротою развертывания и вступления в бой подавляющего количества более сильной артиллерии, проявлением самой широкой энергии и почина со стороны командиров батарей, дивизионов и других артиллерийских соединений, тесной и непрерывной связью с пехотой, знанием и пониманием свойств и задач пехоты всеми артиллеристами.

На походе, в предвидении встречного боя, артиллерия выдвигается вперед ближе к голове колонны, причем в авангард назначается настолько сильная, в том числе и дальнобойная артиллерия, чтобы она в состоянии была быстро пробивать своим огнем дорогу авангарду, поражать неприятеля на походе, сковывать его развертывание и поддерживать вступление в бой своих главных сил.

Во встречном бою артиллерия авангарда не должна терять время на производство детальной разведки, на сколько-нибудь полное выяснение обстановки, на выбор и занятие позиции, на тщательность подготовки огня. Быстрота открытия огня имеет первостепенное значение. Батареи авангарда должны без колебаний занимать первые подходящие позиции, не считаясь с удобствами первоначального своего расположения, и действовать решительно, чтобы захватить противника своим огнем возможно раньше и вынудить к развертыванию в неблагоприятных для него условиях. По мере развития боя батареи авангарда открывают огонь по тем целям противника, которые более всего мешают и вредят пехоте.

Артиллерия главных сил должна развертываться скрытно и вместе с тем быстро, чтобы упредить развертывание своей пехоты и обеспечить огнем вступление ее в бой.

Основы тактики артиллерии во встречном бою, проводившиеся при боевой подготовке русской артиллерии в мирное время, в общем, оправдались на опыте встречных столкновений в маневренный период мировой войны.

В происходивших встречных боях один из противников обычно вынужден был остановиться и перейти к обороне со всеми присущими ей особенностями: с одной стороны, потерей инициативы и свободы действий, с другой стороны, получением возможности использовать местность для организации огневой обороны. Остановившийся противник стремился нанести своим огнем тяжелые потери неприятелю, задержать дальнейшее продвижение его пехоты, ослабить ее порыв к атаке и возобновить свое наступление. Наоборот, захватившая в свои руки инициативу наступающая сторона стремилась

Рис. 20. 76-мм батарея на походе. Май 1915 г.

Рис. 21. Расположение и маскировка артиллерии на биваке. Май 1915 г.

развить при мощном содействии своей артиллерии достигнутый успех и не позволить противнику закрепиться.

В Галиции при встречном столкновении 26 августа 1914 г. на Злочевском направлении 5-й русской пех. дивизии с 22-й австрийской каждая дивизия двигалась одной походной колонной, имея в авангарде пехотный полк. К авангарду русской дивизии придан был артиллерийский дивизион в составе трех батарей — 24 легких 76-мм пушек.

В предвидении близкого столкновения оба авангарда заблаговременно развернулись в боевой порядок, причем в русском авангарде две батареи быстро заняли позицию и приготовились к открытию огня, тогда как в австрийском авангарде артиллерия запоздала и, повидимому, еще двигалась в походной колонне. Как только на гребне холмов появились стрелковые цепи шедшего в авангарде австрийского 4-го Тирольского полка, на них сразу обрушились беглым огнем обе русские батареи, а минут через десять к ним присоединила свой огонь и третья авангардная батарея русских (в данном случае на 1 км неприятельского фронта приходилось 12 пушек). Попав под внезапный сильный огонь всех трех русских авангардных батарей, открыто наступавший австрийский Тирольский полк через 15—20 мин. понес огромные потери и в течение всего боя не мог проявить активности.

Австрийская авангардная артиллерия открыла огонь почти на 1 ч. 30 м. позже русской. Австрийцы, потеряв наступательную инициативу, пытались перейти к обороне, но и это им не удалось. Русские сумели использовать достигнутое огневое превосходство, стремительно атаковали, разбили австрийцев и принудили их к поспешному отступлению.

Этот пример и целый ряд подобных примеров маневренного периода мировой войны показали, что придача авангарду сильной и в особенности дальнобойной артиллерии и быстрое развертывание ее для боя давали большое преимущество в отношении захвата инициативы в свои руки, что является главнейшим условием обеспечения успеха во встречном бою.

В предвидении встречного столкновения придача авангарду сильной дальнобойной артиллерии является обязательной. Быстрое вступление в бой авангардной артиллерии, неожиданно открывшей огонь с большого расстояния, может заставить противника остановиться, развернуться в неблагоприятных для него условиях и даже обратиться к обороне. Вместе с тем авангардная артиллерия своим огнем обеспечит скорейшее развертывание и вступление в бой пехоты авангарда и артиллерии главных сил, которая должна без малейшего промедления усилить огонь авангардной артиллерии и прикрыть своим огнем вступление в бой пехоты главных сил.

Опыт войны резко подчеркнул необходимость дальнобойной артиллерии (107-мм полевых тяжелых пушек, которых было очень мало на вооружении русской артиллерии); в особенности она нужна была в составе авангардов и арьергардов.

При наступлении русской 3-й пех. дивизии 4 июня 1916 г. к г. Радзивиллову артиллерия, следовавшая тремя параллельными ко-

лонами по совершенно открытой местности, была внезапно обстреляна шрапнелью неприятельской 10-см артиллерии из-за гряды холмов, находившихся в 10—11 км впереди. Противник стрелял на пределе дальности своих орудий. Русские батареи, отойдя назад лишь на 200—300 м, оказались уже вне поражения. Выпустив несколько снарядов, большинство которых дало недолеты или ткнулось клевками в землю, противник прекратил огонь.

Тем не менее даже такая преждевременная и безрезультатная стрельба заставила русские батареи свернуть со своего пути и выслать разведку для розыска укрытых подступов, потеряв почти 4 часа времени до возобновления дальнейшего движения.

Очевидно, при передовой артиллерийской разведке не было разведчиков пути или разведка укрытых подступов ими не производилась.

При совершении марша в ожидании встречи с противником должна быть организована общевойсковая и артиллерийская разведка при передовых частях походного охранения. Встречное столкновение, даже и при наличии артиллерии в авангарде, может привести к поражению стороны, совершающей марш вслепую.

В самом начале войны русская 2-я гренадерская дивизия, перейдя австрийскую границу, направлялась походным порядком к р. Сан, имея в авангарде полк с батареей, но без боковых мер охранения и с весьма сомнительной передовой разведкой — и общевойсковой и артиллерийской.

Утром 24 августа 1914 г. на привале у Радечница (схема 5), перед тем как войти в теснину, образуемую болотистой р. Гораец, находившийся при авангарде начальник дивизии был предупрежден каким-то шляхтичем из местных жителей, что у Черный Сток (около 8 км к югу от Радечница) уже несколько дней австрийские войска возводят укрепления. Начальник дивизии не поверил шляхтичу, хотя от своей разведки сведений о противнике не имел. Между прочим, на вопрос командира авангардной батареи о противнике, обращенный к начальнику авангарда во время привала, последний ответил: «Противник, должно быть, за Саном дожидается...».

Около 9 час. авангард при выходе из Гораец неожиданно был остановлен ружейным огнем австрийцев, укрывавшихся в кустарнике на высотах у Черный Сток. Начальник авангарда приказал двум ротам выбить пехоту противника, замеченную на высоте 138,6 (к западу от Гораец), а батарее «выехать на позицию впереди Гораец и пугнуть австрийцев, задерживающих движение».

Командир батареи, не произведя никакой разведки, вывел батарею, как на параде, на открытую позицию на лужайке южнее Гораец и стал обстреливать отдельных людей сторожевого охранения австрийцев (т. е. открыл огонь по целям, недостойным расхода снарядов), быстро скрывшихся в кустах. После первых же выстрелов на русскую батарею обрушилась с трех сторон австрийская артиллерия, укрывавшаяся за холмами в районе Теодорувка, Трясины, Черный Сток — к западу, юго-западу и почти к югу от Гораец. Через несколько минут 4-я гренадерская батарея, потеряв почти весь свой

Схема 5. Бой у деревни Гораец 24 августа 1914 г.

личный состав (30% убитыми и 55% ранеными), умолкла, не успев даже ответить на огонь неприятельской артиллерии.

Колонна главных сил 2-й гренадерской дивизии была остановлена, не входя в Гораец. Командир головного полка с командиром 2-й батареи, шедшей за головным батальоном, прискакали к авангарду для выяснения обстановки. Находившийся при авангарде начальник дивизии приказал командиру 2-й батареи немедленно выехать на позицию возле погибающей авангардной 4-й батареи, чтобы «спасти ее».

Командир 2-й батареи, не желая увеличивать трофеи противника, что было бы неизбежным при расположении на открытой позиции рядом с погибшей батареей, произвел со своими разведчиками быстро и скрытно разведку и выбрал для себя наблюдательный пункт в опушке кустарника южнее Комодзянка, а для батареи — закрытую огневую позицию приблизительно в 1¾ км к северо-востоку от себя и в 2 км в стороне от погибшей 4-й батареи.

Почти одновременно заняла позицию возле 2-й и 3-я батарея с наблюдательным пунктом командира на той же опушке кустарника, где находился наблюдательный пункт командира 2-й батареи.

Первые выстрелы 2-й батареи, направленные по австрийским пулеметам, обстреливавшим с фланга развернувшийся авангард гренадер, зажгли копны хлеба, в которых скрывались пулеметы, и заставили пулеметчиков разбежаться.

Вскоре обе батареи — 2-я и 3-я — открыли огонь по обнаруженным неприятельским трем батареям и, перенося огонь поочередно с одной на другую, заставили их замолчать.

Вся гренадерская дивизия развернулась и наступала вдоль р. Гораец по обоим ее берегам, выбивая при поддержке своей артиллерии австрийцев, засевших и окопавшихся в разных местах. Часам к 18-ти бой достиг высшего напряжения, развиваясь для русских при недостаточно ясной обстановке. В это время от Черный Сток показалась группа всадников, направлявшаяся на-рысях к Гораец, где находился штаб гренадерской дивизии. Это был запоздавший казачий разъезд, принятый ординарцами штаба за неприятельскую кавалерию. Повернув свой автомобиль, ординарцы понеслись обратно на Радечница с криками о появлении австрийской конницы, внося панику на всем пути в тылу, запруженном артиллерийскими парками, обозами и подводами, отвозившими раненых. Паника передалась и войскам, среди которых быстро распространился слух, что австрийцы отрезали, окружили... Началось беспорядочное отступление пехоты. Расположенные укрыто и довольно далеко от пехоты, 2-я и 3-я гренадерские батареи узнали об отступлении случайно от казачьего разъезда. Под шрапнельным огнем противника 2-я батарея снялась с позиции и присоединилась к колонне отступающих главных сил своей дивизии. Командир 3-й батареи переменил карьером позицию и, став почти у самой дороги возле Гораец, открыл при наибольшем прицеле огонь через головы своей пехоты в сторону противника. Огонь этот едва ли был вреден для неприятеля, но отступавшая в панике пехота, видя, что своя артиллерия не уходит и спокойно продолжает стрелять, стала успокаиваться, сознавать, что никакой опас-

ности нет; постепенно восстанавливался порядок, паника прекратилась.

Австрийцы не могли не заметить отступления русских, но в решительное контрнаступление почему-то не перешли и преследовали русских лишь артиллерийским огнем, разбрасывая снаряды куда попало и не нанося существенного вреда.

В этом бою 2-я гренадерская дивизия потеряла около 2 500 человек и 7 полевых 76-мм пушек.

По распоряжению высшего командования дивизия отошла ночью, несмотря на переутомление после неудачного боя, почти на 30 км в тыл.

Главная причина неудачи — безграмотные действия высшего командования, выразившиеся в несоблюдении элементарных правил походного движения (без разведки, связи и должных мер охранения) и в нелепых распоряжениях, в особенности в отношении артиллерии, при завязке боя. Исполнившая беспрекословно приказание командования 4-я батарея поплатилась за это своим существованием. В дальнейшем течении боя артиллерия действовала самостоятельно, по инициативе своих командиров, и в общем оказала существенную помощь своей пехоте, не поддаваясь до конца боя панике, охватившей пехоту. Отсутствие специального прикрытия от пехоты могло привести к гибели почти всех русских батарей, если бы австрийцы воспользовались паническим отступлением русских и стали энергично их преследовать.

Авангардная артиллерия во встречном бою, запоздав с занятием позиции и открытием огня, может оставить свою пехоту вовсе без поддержки, как это было с 22-й австрийской пех. дивизией в бою 26 августа 1914 г. (см. выше), или может быть вынуждена к отходу, даже не открыв огня. С другой стороны, могут быть случаи, когда, заняв позицию слишком заблаговременно, артиллерия настолько отстанет от своей пехоты, что та, продолжая движение вперед, выйдет из поля зрения артиллерийских наблюдателей и из сферы дальности артиллерийского огня, вследствие чего батареи авангарда должны будут передвигаться вперед на новые позиции и терять время.

В сражении при Гумбинене 20 августа 1914 г. батареям 2-го дивизиона 25-й арт. бригады пришлось семь раз менять позиции, из них четыре раза до открытия огня. В то же время 99-й пех. русский полк попал в критическое положение из-за того, что поспешно двигался вперед, не ожидая развертывания и открытия огня своих батарей.

Начало боя 20 августа было неудачным для 25-й пех. русской дивизии. Когда же батареи 25-й арт. бригады расположились на позициях и приготовились к бою, под их губительный огонь попали и понесли огромные потери густые цепи германской пехоты, перед тем сбившие 100-й и поставившие в тяжелое положение 99-й пех. полки русских. Наступление немцев было отбито; они в беспорядке отступили.

Встречное столкновение пехоты без артиллерии обычно приводит к поражению пехоты, если у противника имеется артиллерия.

В том же сражении под Гумбиненом русский 100-й пех. полк, двигавшийся без артиллерии, встретился с германской 87-й бригадой 35-й пех. дивизии и был ею атакован. Бой развернулся на фронте около 2 км, причем на 1 км фронта приходилось у русских 1 600 винтовок и 4 пулемета, а у германцев 2 400 винтовок, 6 пулеметов и 12 орудий. В течение 5 час. боя Островский полк потерял 20 офицеров и 2 000 солдат. Остатки Островского полка и подошедшие два батальона 109-го полка продолжали упорно драться, отбив атаки немцев к 14 час. без содействия своей артиллерии, которая располагалась слишком глубоко и не успела подойти своевременно ближе.

Схема 6. Расположение сторон к вечеру 22 ноября 1914 г. (перед боем в районе Галков, Колюшки),

Отсутствие артиллерии при авангарде во встречном бою может не только поставить авангард в критическое положение, но и привести к полному разгрому главных сил раньше, чем артиллерия успеет их поддержать своим огнем. Вместе с тем не будет обеспечено необходимое взаимодействие пехоты с артиллерией и, в частности, артиллерийская разведка не добудет своевременно необходимых данных, обеспечивающих успех действий артиллерии.

Отрицательным примером использования артиллерии во встречном бою может служить бой в районе Галков, Колюшки 23 ноября 1914 г., в период Лодзинской операции (схемы 6 и 7).

Группа германских войск Шеффера, зашедшая в тыл русских с целью завершить их окружение, сама оказалась почти окруженной

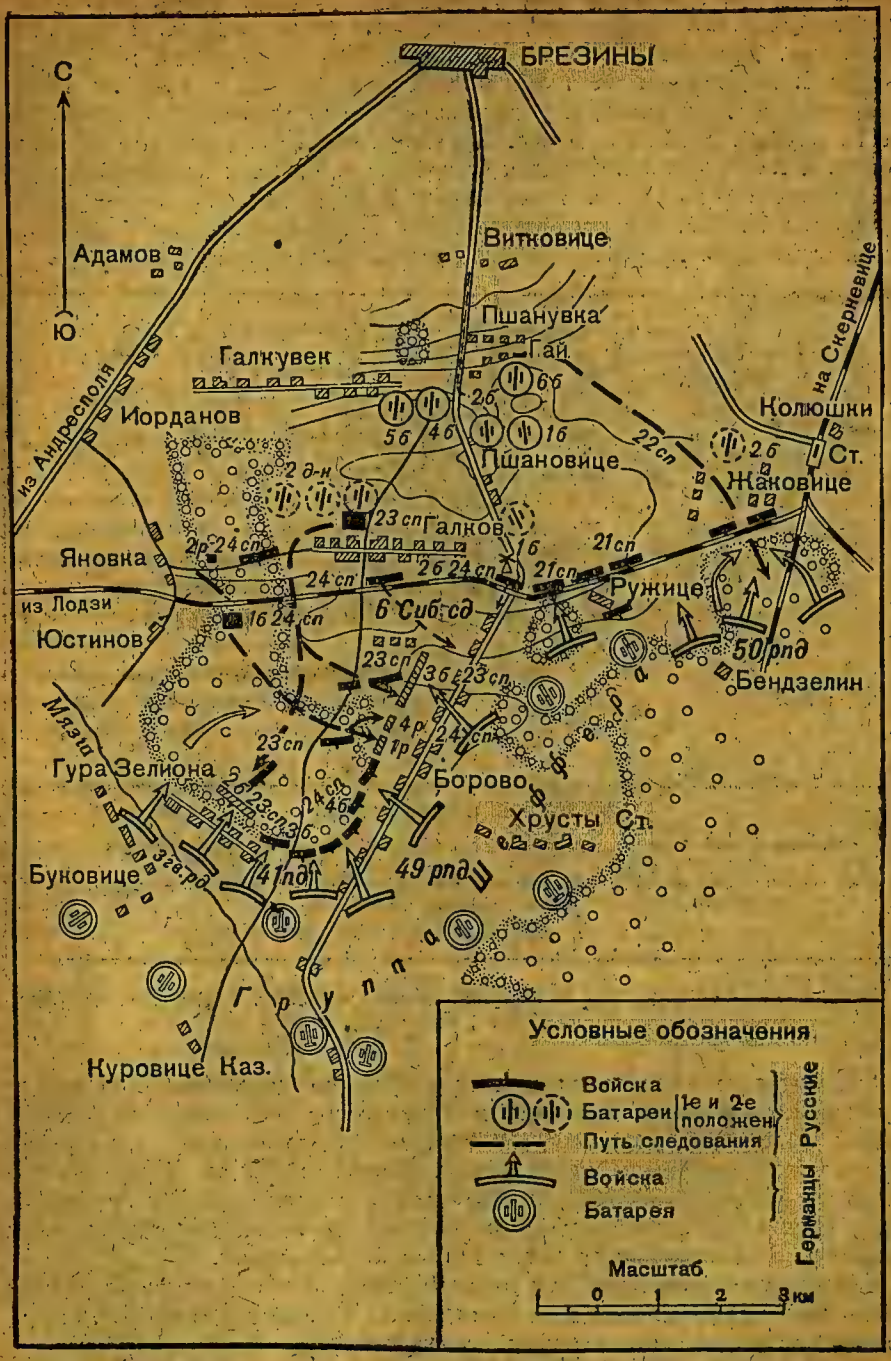


Схема 7. Бой в районе Галков, Колюшки 23 ноября 1914 г. (к 16 час.).

и должна была искать спасения путем отхода в северном направлении, чтобы прорваться через единственный оставшийся свободным узкий промежуток в районе Брезины.

Ловичскому русскому отряду поставлена была задача замкнуть этот промежуток и выйти в тыл группы Шеффера. Выполнение этой задачи было возложено на 6-ю Сибирскую стрелковую дивизию (из состава Ловичского отряда), уже успевшую к тому времени занять Брезины.

Не располагая сколько-нибудь подробными сведениями о противнике и не произведя предварительной разведки, 6-я Сибирская стрелковая дивизия начала в 5 ч. 30 м. 23 ноября 1914 г. наступление на Воля Ракова и Вардзин двумя колоннами: правая в составе 23-го и 24-го стрелковых полков и четырех батарей, имея в авангарде два батальона без артиллерии, через Галков и далее по лесной дороге на Воля Ракова; левая в составе 21-го стрелкового полка с одной батареей, имея в авангарде один батальон, тоже без артиллерии, через Борово и Каршин на Вардзин.

Между тем группа Шеффера, ввиду угрозы окружения, выступила в ночь с 22 на 23 ноября в северном направлении с целью прорыва на Брезины, прикрываясь арьергардами и конницей, тремя колоннами: правая — 50-я резервная дивизия из Воля Грабова на Колюшки; средняя — 49-я резервная дивизия из Рзгово на Хрусты Старе и Брезины; левая — 3-я гвардейская дивизия с частью 41-й дивизии из района Бедонь на Борово и Брезины. В авангардах каждой колонны шла сильная артиллерия.

Германское командование предполагало встретиться на фронте Галков, Колюшки с тремя дивизиями Ловичского отряда.

О ночном марше Шеффера командование 6-й Сибирской дивизии, повидимому, не имело сведений. Только около 8 час. 23 ноября узнали от местных жителей, что три дня назад около 40 000 немцев прошли через Галков на юг.

Встречное столкновение авангардов произошло неожиданно. В 9 ч. 30 м. 23 ноября 49-я и 50-я резервные дивизии германцев закончили переправу через р. Мязга и началась переправа 3-й гвардейской дивизии.

В 8 час. авангард левой колонны русских выбил передовые части немцев, занявших д. Пшановице, но дальнейшее движение русской левой колонны было остановлено сильными пехотными частями немцев и огнем из двух легких и одной тяжелой гаубичной батареи, развернувшихся непосредственно за своей пехотой (схема 7). При этом авангард левой русской колонны, не имея артиллерии и своевременно не поддержанный огнем артиллерии главных сил, оказался в тяжелом положении.

В это время авангард правой русской колонны, пройдя Галков, втянулся в лес, что южнее Галков. Дозоры авангарда, выйдя на южную опушку леса, неожиданно встретились с германскими дозорами, вступили с ними в перестрелку и обстреляли обозы противника, проходившие Борово.

Под прикрытием авангардов части 6-й Сибирской стрелковой дивизии постепенно развертывались и втягивались в бой, образовав

на фронте около 7 км два боевых участка: правый — три батальона и пулеметная команда 24-го полка — развернулся на южной опушке леса и вдоль полотна железной дороги в районе Галков и Гура Зелиона; левый — 21-й полк вел бой за высоту с мельницей между Галков и Ружице. Севернее Галков стали в резерве 23-й полк и два батальона 22-го полка.

Батареи 6-й Сибирской арт. бригады заняли позиции лишь к 9 ч. 30 м., т. е. пехота вступала в бой без поддержки артиллерии. Раньше других вступила в бой 1-я батарея из левой колонны; она стала за высотою к северо-востоку от д. Пшановице. Из правой колонны 4-я и 5-я батареи стали за высотою в 1 км юго-западнее Гай, а 6-я батарея—за высотою в ½ км юго-восточнее с. Гай. Через 2 часа подошла из Брезины 2-я батарея и, расположившись около 1-й батареи, была готова к открытию огня приблизительно к 12 час. Из 40 легких орудий, развернувшихся на позиции, бо́льшая часть — 24 орудия 4-й, 5-й и 6-й батарей — оказались отставшими от своей пехоты на 5—7 км и вследствие большого своего удаления не установили с нею надлежащей связи и не могли оказывать огневой поддержки своим наступающим частям.

До 12 час. 24-й стрелковый Сибирский полк держался на достигнутом рубеже в опушке леса — южнее Галков. Но когда к 12 час. подошла к Гура Зелиона 3-я гвардейская дивизия германцев и под прикрытием сильного артиллерийского огня повела наступление на юго-западную опушку леса, некоторые части 24-го полка, не поддерживаемые своей артиллерией, были отведены внутрь леса, другие упорно оборонялись, неся большие потери. Один из батальонов 24-го полка контратакой даже захватил, впрочем временно, одну из тяжелых германских батарей. На поддержку 24-го полка были выдвинуты части 23-го полка.

К 14 час. 4-я, 5-я и 6-я Сибирские батареи выдвинулись вперед за западную окраину Галков, откуда открыли огонь по Борово и по опушке леса к югу от Ружице (т. е. отчасти помогли левому боевому участку). Но и с этой позиции они не могли помогать своему 24-му полку из-за отсутствия связи с ним и за дальностью расстояния, находясь в 5 км за своей пехотой. Несмотря на отсутствие связи и даже наблюдения, батареи эти открыли огонь по лесу между Галков и Гура Зелиона, в котором в то время еще оставались две роты 24-го Сибирского полка, прикрывавшие его отступление. Эти роты попали под огонь своей артиллерии, продолжавшийся почти 2 часа, и понесли потери. В то же время отходившие части 24-го полка попали под фланговый огонь германской артиллерии с востока из района д. Хрусты Старе, против которой русская артиллерия огня не открывала.

В результате бой на правом участке, несмотря на исключительную доблесть пехоты 24-го Сибирского стрелкового полка, не поддержанной ни единым выстрелом своей артиллерии, закончился потерей леса к югу от Галков. К 17 час. 24-й полк и части 23-го полка отошли на линию железной дороги юго-западнее Галков.

На левом боевом участке 21-й Сибирский стрелковый полк при сильной огневой поддержке 1-й батареи разгромил авангард 49-й гер-

манской резервной дивизии, который не мог продвинуться дальше Борово. Около 17 час. при контратаке одного из батальонов 21-го полка, поддержанной метким огнем 1-й батареи, занявшей новую маскированную позицию за высотой с мельницей между Галков и Ружице, захвачено было у немцев 3 гаубицы, легкая батарея и 600 пленных. Главные силы 49-й резервной дивизии германцев подошли к своему авангарду лишь к вечеру, уже в темноте.

Правая колонна германской группы Шеффера, в составе 50-й резервной дивизии с артиллерией, около 15 ч. 30 м. достигла своим авангардом рощи восточнее Ружице и линии железной дороги на Скерневицы, охватывая левый фланг 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Для парирования охвата были выдвинуты из резерва два батальона 22-го Сибирского полка и 2-я батарея, которые подошли к Жаковице к 16 час., когда стало темнеть. Батарея заняла позицию севернее Жаковице, но огонь вследствие наступившей темноты не открывала. Батальоны перешли полотно железной дороги, вступили в рощу, но под давлением занявших рощу частей 50-й германской резервной дивизии, атаковавших с трех сторон, отошли на северо-восток, открыв немцам путь на Брезины.

В выводах, которые можно сделать в отношении действия русских из приведенного примера, следует подчеркнуть:

а) Крайне неудачную организацию марша: бóльшая часть артиллерии придается правой колонне, наступление которой ведется через лес, лишающий артиллерию возможности наблюдать и вести огонь; напротив, левой колонне, наступление которой имеет более важное значение, придается лишь одна батарея и значительно позже — часа через 2—3 — подходит другая батарея; авангардам — и правому и левому — артиллерия вовсе не придается, и тем самым авангарды лишаются огневой поддержки артиллерии, особенно необходимой при завязке встречного боя для обеспечения захвата инициативы в свои руки. В связи с отсутствием артиллерии в авангардах отсутствует и передовая артиллерийская разведка, вследствие чего артиллерия, особенно правой колонны, вступает в бой вслепую и никакого содействия своей пехоте не оказывает.

б) Неумелое использование и управление артиллерией: бóльшая часть артиллерии (в правой колонне) остается далеко в тылу своей пехоты и ей не помогает, направляет свой огонь прямо перед собой наудачу по лесу, занятому своей пехотой, нанося поражение ей, а не противнику; объединенное управление артиллерийским огнем отсутствует; между тем при наличии такого управления огонь 4-й, 5-й и 6-й батарей правой колонны возможно было направить в юго-восточном направлении почти во фланг наступающей 49-й германской резервной дивизии и тем оказать настолько мощное содействие своей левой колонне, что 21-й полк этой колонны совместно с резервом (два батальона 22-го полка) мог бы перейти в решительную контратаку, преградить путь немцам, прорывающимся на Брезины, и способствовать окончательному окружению и уничтожению германской группы Шеффера; наконец, при умелом использовании артиллерии 2-ю батарею 6-й Сибирской артиллерийской бригады вовсе не следовало для парирования охвата левого фланга 6-й Сибирской стрел-

ковой дивизии перетягивать на новую позицию к северу от Жаковице (в затылок своей пехоте), куда она опоздала вследствие наступившей темноты, а нужно было оставить на прежней позиции у Пшановице (близ 1-й батареи), откуда она могла бы фланговым, а следовательно, более сильным огнем поражать 50-ю германскую резервную дивизию и тем оказать самое действительное содействие парированию охвата.

в) Полное отсутствие взаимодействия артиллерии с пехотой в правой колонне и недостаточное взаимодействие в левой колонне (особенно 2-й батареи с батальонами 22-го полка, направленными для парирования охвата).

г) Отсутствие инициативы и взаимной выручки у артиллеристов; каждый действует по большей части прямо перед собой, не решаясь в полной мере помогать соседу косоприцельным и фланговым огнем; командование артиллерией правой колонны — ни командир дивизиона, ни командиры батарей не переносят сосредоточенного огня по своей инициативе не только на пехоту и артиллерию немцев, действующие против левой колонны 6-й Сибирской стрелковой дивизии, но и против тяжелой германской артиллерии, поражающей фланговым огнем со стороны Хрусты Старе отходящие к северу части 24-го полка правой колонны.

В продолжение всего дня 23 ноября 1914 г. 6-я Сибирская стрелковая дивизия вела бой с превосходными силами немцев (14 батальонов и 40 орудий против 23 батальонов и 130—140 орудий), задержала продвижение на север группы Шеффера, т. е. выиграла время для принятия действительных мер к окружению немцев. Не по вине дивизии не был использован достигнутый ею выигрыш времени. Было много непростительных ошибок русского командования, благодаря которым германская группа Шеффера, находившаяся в состоянии окружения русскими, усталая, страдающая от голода и холода, в мороз без теплой одежды, не только вышла из крайне тяжелого положения и прорвала окружавшее ее кольцо, но и вывела с собою все свои обозы, всех своих раненых (до 3 000 человек), всех пленных русских (около 10 000 человек) и все трофеи (64 орудия, 39 пулеметов).

Причины такого успеха заключались в численном превосходстве немцев, в особенности их артиллерии, и не столько в их искусстве, сколько в ошибках русского командования. Тем не менее Гинденбург признал прорыв у Брезины «самым блестящим подвигом» Шеффера.

В результате неравного боя с немцами в продолжение 23—24 ноября 6-я Сибирская стрелковая дивизия вследствие огромных потерь перестала временно существовать как боевая единица. Одной из главных причин ее разгрома следует считать нецелесообразное использование артиллерии общевойсковыми начальниками и неумелые действия самой русской артиллерии в тактическом отношении.

В целом опыт маневренных действий показал, что указания изданных в 1912 г. «Полевого устава» и «Наставления для действия артиллерии в бою» были правильны.

Артиллерия при выходе из боя

В основу воспитания старой русской армии положено было, как неоднократно приходилось уже отмечать, «стремление к наступательным действиям». Обстановка может привести к необходимости обороняться, но, как указывалось «Уставом полевой службы» 1912 г., «обороняясь, должно не только отбиваться, но действовать так, чтобы, расстроив неприятеля, нанести ему решительный удар энергичным переходом в наступление и атакою всеми силами». Что же касается выхода из боя (отступления), то этот вопрос старательно замалчивался.

Уставом лишь вскользь упоминалось, что «в случае вынужденной необходимости отойти, следует занять новую позицию», чтобы дать на ней отпор неприятелю и, подорвав его силы огнем пехоты и артиллерии и действиями конницы во фланги и в тыл, перейти в наступление. Относительно артиллерии в «Уставе полевой службы» имелось краткое указание, что «при вынужденном отходе пехоты» она должна «остановить развитие успеха противника, чтобы дать возможность своей пехоте устроиться для возобновления боя».

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. указывалось, что задача артиллерии при отступлении — «помочь войскам выйти из сферы огня, собраться и перейти в походный порядок». Таким образом, согласно «Наставлению», артиллерия при отступлении должна была помочь своей пехоте перейти в походный порядок и затем, разумеется, отступать, а согласно «Уставу полевой службы» — помочь своей пехоте возобновить бой. Такое противоречие «Устава» и «Наставления» было далеко не единственным.

«Наставлением» указывалось в развитие основной задачи, что артиллерия при отступлении должна своим огнем замедлять наступательное движение противника и ослабить «огромную действительность огня» его артиллерии, а затем батареям арьергарда рекомендовалось занимать фланговые позиции позади пригодных для обороны рубежей и теснин, допускающие незаметное их оставление, открывать огонь с самых дальних расстояний, в случае надобности упорно держаться до последней возможности и т. д.

Во время войны русской артиллерии неоднократно приходилось для поддержки и выручки пехоты, особенно при ее отходе под натиском неприятеля, занимать маскированные и даже открытые огневые позиции, несмотря на риск понести большие потери от неприятельского огня или даже быть захваченной в плен.

Для прикрытия отхода русского гвардейского корпуса к Влодава 2-я гвардейская пех. дивизия около 4 час. утра 4 августа 1915 г. заняла оборонительную позицию на фронте оз. Сомин, Борысик, кол. Малков, кол. Велькополе и далее по опушке леса до Тарнов. В тылу позиции оз. Великое и Коровье болото образовывали теснину, через которую пролегали единственные пути отхода всего гвардейского корпуса — шоссе на Вытычно и гать от Андреев на г. дв. Черников. Левый участок дивизии составили два полка с дивизионом

легкой артиллерии и 107-мм тяжелой батареей[1] гвардейского тяжелого артиллерийского дивизиона на фронте от Борысик до Тарнов.

Тяжелая батарея заняла позицию юго-западнее Андреев за Забродье, закрытую высотой 88,2, имея наблюдательный пункт командира на дереве в 500 шагах за пехотными окопами, вблизи ф. Загуже (схема 8). Легкие батареи стали за Верещин — севернее деревни.

Командир тяжелой батареи был подчинен командиру легкого артиллерийского дивизиона, имея в то же время специальную задачу: обстрел подступов вдоль шоссе и оказание помощи правому участку дивизии (фронт его — озеро Сомин, деревня Борысик) путем обстрела дальних целей. От батареи выслан передовой артиллерийский наблюдатель в пехотные окопы на опушке леса к юго-востоку от кол. Вельконоле, так как этот участок был плохо наблюдаем с командирского наблюдательного пункта.

В течение дня 4 августа противник ограничился пристрелкой на всем фронте дивизии. Сильная артиллерийская группа противника была обнаружена южнее Свершов и Примерки. Командир тяжелой батареи заметил сосредоточение артиллерийских наблюдательных пунктов на высоте 88,0, что южнее д. Свершов, и ведущую пристрелку тяжелую неприятельскую батарею юго-восточнее высоты 87,5, у Свершов, по которой открыл огонь. Стрельба была чрезвычайно удачной — замечены были прямые попадания снарядов на огневой позиции тяжелой батареи противника, после чего она прекратила огонь, а ночью переменила позицию.

Около 16 час. русская тяжелая батарея открыла огонь по деревне Свершов, зажгла ее и отогнала накапливающуюся в деревне пехоту противника в южном направлении. Уже около 22 час. пехота противника, пользуясь темнотой, повела наступление на кол. Вельконоле; получив донесение об этом от передового артиллерийского наблюдателя, командир тяжелой батареи открыл огонь по карте; наступление было остановлено.

Утром 5 августа, около 8 час., неприятельская артиллерия зажгла своим огнем Верещин и стала сильно обстреливать окопы левофлангового полка, а пехота противника превосходными силами перешла в наступление. Русский левофланговый полк начал отходить к д. Верещин, на южной окраине которой стал укрепляться. Около 10 час. легкие батареи прекратили огонь и начали отход на тыловые позиции. Командир тяжелой батареи перешел на новый наблюдательный пункт, заблаговременно выбранный у кладбища Верещин высланным для этой цели офицером, но оставаться на нем не пришлось, так как дым горевшей деревни мешал наблюдению, и по телефону с батареи сообщили, что солдаты, видя отступление пехоты и легких батарей, выражают беспокойство и задают вопросы, не пора ли уходить и батарее.

Ко времени приезда командира к своей батарее правый полк под угрозой обхода отходил. Пехота противника, хорошо видимая с позиции

---

[1] На вооружении батареи состояли четыре 107-мм (42-лин.) скорострельные пушки обр. 1910 г.

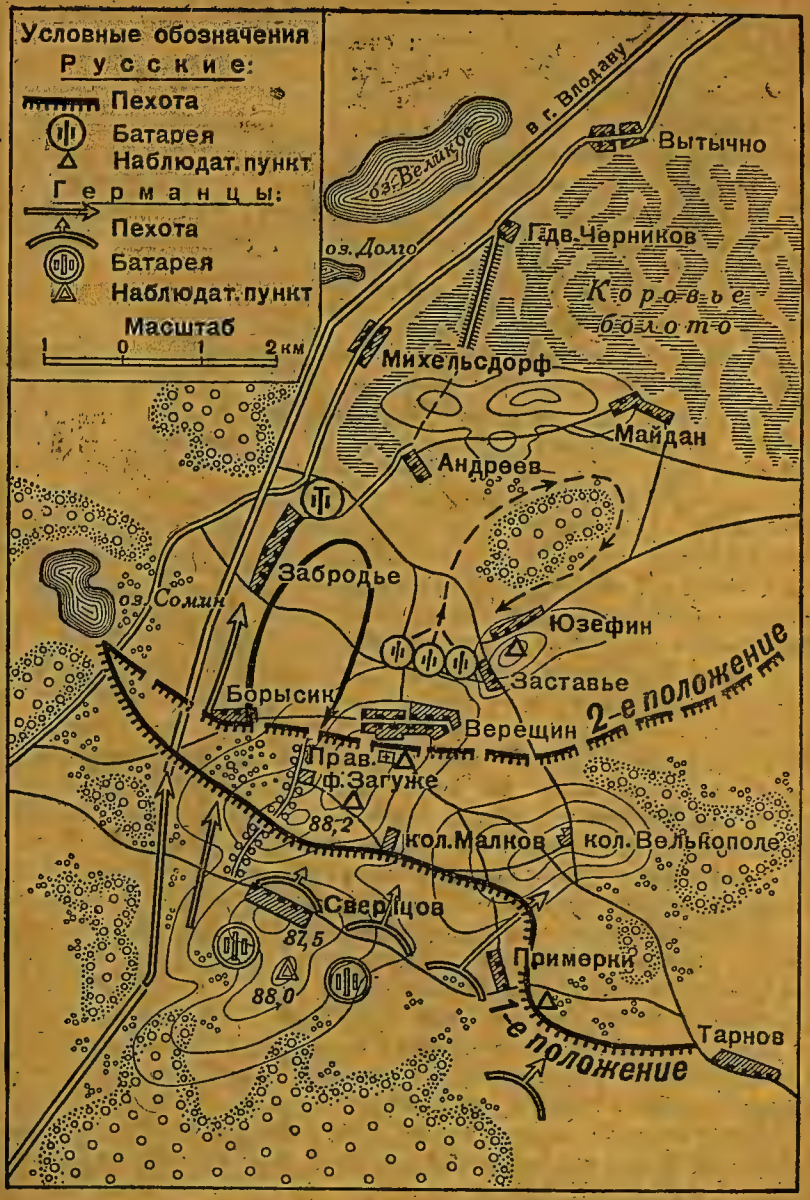


Схема 8. Бой у Верещин, Забродье 4—5 августа 1915 г.

батареи, быстро наступала вдоль шоссе, прикрываясь кустарником; стык между правым и левым участками дивизии был прорван; деревня Верещин горела, но левый полк еще держался у деревни; на батарею долетали пули, видимо, от дальнего пулеметного огня.

Командир батареи обратился к своим солдатам и кратко им объяснил, что нельзя сниматься с позиции до устройства легких батарей на тыловых позициях и открытия ими огня, оставив свою пехоту без поддержки артиллерийским огнем, и рассказал, что может произойти, если противник займет дефиле между озером и болотом, а также указал на невозможность подачи передков к орудиям, так как пулеметным огнем противник перебьет лошадей. Единственным почетным выходом для батареи при создавшейся обстановке, как объяснил командир, было отбиваться. В это же время начальник 2-й гвардейской дивизии по телефону из Михельсдорф сообщил командиру батареи, что гать и шоссе между этой деревней и деревней Вытычно под таким сильным артиллерийским огнем противника, что это пространство доступно лишь для отдельных перебегающих людей, и, одобрив решение командира батареи отбиваться, гарантировал ему доставку боеприпасов к Андреев (откуда они доставлялись на батарею конными посыльными).

Неприятельская пехота, силою около батальона, продолжала движение от Борысик и фольварка Загуже вдоль шоссе. Первая очередь огня по ней шрапнелью прямой наводкой на прицеле 60, выпущенная русской тяжелой батареей, была удачной, что сразу подняло настроение; огонь батареи становился все интенсивнее, а когда пехота противника стала занимать Забродье, батарея перешла на беглый огонь при прицеле 12, трубка на картечь. Огонь высокой интенсивности продолжался около 15 мин., вследствие чего орудия так нагрелись, что на них стала лопаться краска.

Пехота противника понесла огромные потери и стала отходить от Забродье, но в то же время другие ее части обошли с тыла со стороны Борысик русскую пехоту, державшуюся у Верещин. Командир батареи направил на обходящего противника огонь правого взвода батареи, а левый взвод обстреливал неприятельскую пехоту, наступающую с фронта. Атака немцев была отбита, они отошли, а русские вновь заняли позицию на линии Борысик, Верещин, где и закрепились; легкие батареи выехали на позицию в районе Заставье, Юзефин. Германская артиллерия во все время боя обстреливала русскую пехоту и дефиле между Коровьим болотом и оз. Великое, а по русской тяжелой батарее огонь не вела, повидимому или не обнаружив ее укрытую позицию, или опасаясь нанести поражение своей пехоте, наступающей на Забродье.

В этом примере обращает на себя внимание нецелесообразное использование русским командованием своей артиллерии. Дальнобойные 107-мм тяжелые пушки, имеющие основным назначением ведение огня на большие дальности и борьбу с неприятельской артиллерией, вынуждены были отбивать атаки германской пехоты,—ведя даже беглый огонь на картечь и предоставляя возможность артиллерии противника безнаказанно поражать пехоту и обстреливать пути отступления гвардейского корпуса через дефиле между оз. Великое и Ко-

ровым болотом. В то же время дивизион легких батарей (18 полевых 76-мм пушек), обязанностью которого было выручать свою пехоту при создавшемся для нее критическом положении и отбивать направленные на нее атаки противника, снимается с позиций, оставляя пехоту без огневой поддержки. Тыловые позиции для легких батарей не были, повидимому, заблаговременно выбраны, так как, не открывая огня с тыловых позиций, батареи эти к тому времени, когда атаки противника были отбиты, возвратились почти на прежние позиции в районе Заставье, Юзефин, севернее Верещин.

Действия русской гвардейской тяжелой батареи, прикрывшей по инициативе своего командира отход пехоты и успешно отбившей атаки на нее немцев, несмотря на создавшуюся для батареи крайне тяжелую и рискованную обстановку, следует признать образцовыми.

* * *

Опыт маневренного периода войны подтвердил основную обязанность артиллерии при выходе из боя: прикрывать отход своих войск, ведя огонь по наседающему противнику до последней возможности и жертвуя собою при крайней необходимости.

Вместе с тем опыт войны указал, что при выходе из боя необходимо в отношении использования артиллерии предусматривать: переподчинение большей части артиллерии прикрывающим отход войсковым частям, придачу батарей артиллерии пехотным полкам и более мелким подразделениям пехоты; децентрализацию управления артиллерией, имея в виду, что действия ее при отходе происходят главным образом по инициативе ближайших начальников и нередко младших командиров; возложение задач прикрытия начала отхода на более глубоко эшелонированные батареи, предпочтительно на дальнобойные.

Особенности боевых действий конной артиллерии

Конная артиллерия применяется: а) при участии кавалерии в общем бою, совместно с войсками других родов; б) при самостоятельных действиях кавалерийских частей, в кавалерийском бою.

В довоенное время главное внимание обращалось на боевую подготовку конной артиллерии для действий в кавалерийском бою. Подготовка конной артиллерии в составе всех родов оружия считалась второстепенной; в этом случае конная артиллерия, согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., должна была действовать в общем «применительно к указаниям», данным в «Наставлении» для полевой артиллерии.

Относительно действий конной артиллерии в кавалерийском бою имелись довольно подробные указания и в «Наставлении» и в «Уставе полевой службы».

По «Наставлению», «задача конной артиллерии в кавалерийском бою — содействовать огнем развертыванию и атаке кавалерии» (§ 176, 180).

«Уставом полевой службы» и «Наставлением» основы действий конной артиллерии в кавалерийском бою трактовались по существу

одинаково, но в «Наставлении» более подробно развивались в частностях.

При боевой работе конной артиллерии придавали огромное значение элементу времени. Задачи конной артиллерии в кавалерийском бою и обстановка, в которой ей приходится действовать, требуют от командиров конной артиллерии: высокого уменья быстро оценивать боевую обстановку, большой решимости, как и от всякого другого кавалерийского начальника, находчивости и способности к самостоятельным, инициативным действиям. От конной артиллерии требовались огромная подвижность, гибкость маневрирования, искусство и быстрота ведения стрельбы (технике стрельбы конная артиллерия обучалась наравне с легкой артиллерией и почти не уступала ей в искусстве стрельбы, а в стрельбе с открытых позиций даже несколько ее превосходила).

Конные батареи должны были во что бы то ни стало открывать огонь своевременно и в общем, ввиду скоротечности кавалерийского боя, быстро, а потому разведку артиллерийских начальников требовалось выполнять в кратчайшее время, а позиции выбирать так, чтобы огонь мог быть открыт возможно скорее, с расстояния, допускающего максимальную действительность поражения, и чтобы огонь как можно долее, с одной стороны, не стеснял действий своей кавалерии и, с другой стороны, не стеснялся ею. Считалось выгодным располагать конные батареи на возвышенных пунктах, на фланге или уступом впереди фланга своей наступающей конницы.

«В кавалерийском бою», говорилось в «Наставлении», «соображения об укрытии артиллерии теряют свое значение» (§ 181).

Конной артиллерии во время кавалерийского столкновения рекомендовалось вести стрельбу: а) по передним линиям неприятельской конницы, если она находится в сфере действительного огня, т. е. бить по атакуемой кавалерии, не обращая внимания на артиллерию противника; б) в некоторых случаях по кавалерийским частям противника, производящим охват; в) по тыловым линиям и резервам неприятеля, если стрельба по передним линиям его конницы становится опасною для своей конницы; г) при невозможности действовать по кавалерии, что будет иметь место в момент самого столкновения, — по батареям и пулеметам противника.

В случае успеха конной атаки артиллерия должна быстро выдвигаться вперед для преследования неприятеля; при неудачном исходе атаки конные батареи должны были оставаться на своих позициях и вести огонь до последней возможности, чтобы облегчить положение своей кавалерии.

В «Наставлении» указывалось, что конная артиллерия может оказать «большое содействие кавалерии в ее работе впереди фронта армии». При этом конные батареи должны были: помогать выбивать противника из местных предметов и опорных пунктов, стрельбой с больших дальностей задерживать движение неприятельских колонн, вынуждать их к развертыванию и обеспечивать необходимую устойчивость оборонительным действиям своей конницы,

Обращалось внимание также и на то, что подвижность конных батарей позволяет им быстро менять место своего расположения, внезапно открывая огонь с различных пунктов, обманывать противника относительно своих сил и помогать своей коннице при ее действиях на фланги и тыл противника, обстреливая его особенно губительным фланговым или косоприцельным огнем.

По соображениям генеральных штабов, господствовавшим в мирное время, предстоящая война должна была начаться обязательно столкновением кавалерийских масс перед фронтом сосредоточения и развертывания армий. При этом предполагалось, что та сторона, конница которой уничтожит кавалерию противника и загонит ее остатки за пехоту, получит свободу действий, обеспечивающую в дальнейшем успех ее боевых операций.

Указанные соображения легли в основу обучения русской конной артиллерии, которое велось, как уже упоминалось, почти исключительно в направлении подготовки к действиям в кавалерийском бою. Конная артиллерия приучалась маневрировать и вести бой в составе кавалерийских частей на удобных для конного боя, открытых, сравнительно небольших пространствах.

Установился даже определенный, внешне весьма эффектный, развивающий смелость и лихость шаблон маневрирования и действий конной артиллерии в кавалерийском бою, являвшийся пережитком еще наполеоновской эпохи. В умах командования русской армии крепко засела мысль, проповедуемая Генеральным штабом, что кавалерия как представительница неизменного холодного оружия остается неизменно постоянной в формах ее боевого строя с конной артиллерией; при этом почти никакого внимания не обращали на развитие военной техники и силу огня.

Конные батареи должны были с началом перестроения своей кавалерии для конной атаки из резервного порядка в боевой выскочить лихо, на полном карьере, упреждая свою конницу, уступом вперед возможно дальше на ее внутренний фланг, сняться быстро с передков и, не обращая внимания на артиллерию и пулеметы противника, открыть беглый прицельный огонь по неприятельской кавалерии, которая к этому моменту будет открыто скакать во встречную атаку на нашу конницу. А затем, когда стрельба по передовым линиям неприятельской конницы становилась опасной для своей кавалерии, огонь конных батарей переносился на тыловые линии и резервы конницы противника. Наконец, при невозможности вести огонь по атакуемой кавалерии, что чаще всего могло иметь место в момент самого столкновения, конные батареи направляли свой огонь на артиллерию и пулеметы противника.

На практических занятиях мирного времени для совершения описанного маневра конной артиллерии на карьере и для ведения беглого огня по неприятельской коннице уделяли для конных батарей обычно не более 2—3 мин., имея в виду, что своя атакующая кавалерия быстро закроет собою цель, т. е. атакующую конницу противника. По большей части на полигонных стрельбах для ведения огня конных батарей по подвижным мишеням, изображающим собою неприятельскую кавалерию и двигающимся гораздо медленнее, чем

действительная конница, несущаяся в атаку, оставалось не более 1/2—1 мин. При этом подвижные мишени часто оказывались слабо пораженными, так как номера орудийного расчета, разгоряченные быстрой скачкой, а также за краткостью остающегося времени, чрезвычайно торопились и нередко вели огонь на перелетах через мишени.

Руководители боевой подготовки русской артиллерии сознавали, что случаи подобного применения конной артиллерии в кавалерийском бою если и могут представиться на войне, то лишь в виде весьма редкого исключения. Они понимали, разумеется, что конные батареи, вследствие большого веса системы их 76-мм пушек, не смогут упредить атаку своей конницы хотя бы на несколько сот шагов, чтобы на карьере успеть занять позицию впереди нее уступом и нанести своим огнем потери неприятельской кавалерии. Они понимали, что, быстро заняв огневую позицию уступом не впереди, а сзади своей конницы (и даже не открытую, а закрытую огневую позицию) и внезапно открыв огонь по неприятельской кавалерии, конная артиллерия может достигнуть несравненно более решительных результатов. Однако до самого начала мировой войны так и не могли отрешиться от гипноза красивой картины бешеной скачки конных орудий, поворота их на лихом карьере «налево кругом, с передков» и мгновенного открытия беглого огня прямой наводкой.

Для охранения конной артиллерии к ней назначалось особое прикрытие от кавалерии, которое располагалось во время боя уступом за внешним флангом конных батарей.

Ввиду особенностей и скоротечности кавалерийского боя орудийные передки конных батарей оставались по большей части на огневой позиции возле орудий, а зарядные ящики батарейных резервов располагались в некотором удалении от огневой позиции, в безопасном месте. Пополнение боевых припасов в конных батареях, которые своих парковых запасов не имели, производилось из ближайших артиллерийских парков легкой артиллерии.

Действия конной артиллерии в бою спешенной конницы производились в общем по указаниям, данным для полевой артиллерии. В этом случае конным батареям приходилось нередко занимать закрытые огневые позиции и действовать со значительных расстояний, как и легким полевым батареям.

Батареи одного и того же конно-артиллерийского дивизиона двигались на походе и действовали в бою в большинстве случаев совместно, под руководством командира дивизиона.

Перед боем командир конно-артиллерийского дивизиона получал от начальника конницы общие сведения о его плане действий и приказ относительно первого выезда на позицию и открытия огня конных батарей. Для исполнения приказа, перед моментом начала действий, командир дивизиона оставлял начальника конницы, организовав с ним связь, и затем уже не мог рассчитывать на своевременное получение от него распоряжений и должен был действовать самостоятельно в духе общего плана, сообщенного ему начальником конницы.

Предположения генеральных штабов не оправдались: нигде на фронтах мировая война не началась столкновением конных масс. Бо-

лее слабая кавалерия той или иной из встречающихся сторон обыкновенно уклонялась от решительного конного боя, грозящего катастрофическими последствиями, и, пользуясь своею подвижностью, отходила под прикрытием своих огневых средств или пехоты, останавливающих конницу противника. В общем в период мировой войны боевые столкновения в конном строю бывали весьма редким исключением, причем конной артиллерии, как показал опыт войны, приходилось действовать в кавалерийском бою несколько иначе, чем это предусматривалось при ее подготовке к войне. Русская конная артиллерия действовала во время войны в огромном большинстве случаев, как легкая полевая.

Русская кавалерия, приученная к действиям на открытых широких родных полях, вторгнувшись в августе 1914 г. в Восточную Пруссию, встретила там множество небольших, приспособленных к обороне хуторов с огороженными дворами, садами и огородами, посевные поля и луга, изрезанные глубокими и недоступными для движения в конном строю канавами, огражденными колючей живой или проволочной изгородью, и другие препятствия, затрудняющие движение на коне. Вместо кавалерийских масс она встретила мелкие отряды противника, по большей части из всех родов оружия, останавливающие вторгнувшуюся русскую конницу главным образом ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. И с первых же столкновений коннице потребовалась огневая помощь конной артиллерии, действующей при этом не по шаблону, установленному для кавалерийского боя, а применительно к тем же правилам, по каким действовали батареи легкой артиллерии в составе пехотных соединений.

Необходимо воздать должное русской конной артиллерии. В маневренный период войны во всех тех случаях, когда русской коннице приходилось воевать не по-старинке, т. е. не только на коне и не только клином, а в спешенном порядке (и таких случаев было большинство), — конная артиллерия со своими 76-мм пушками оказывала огромную помощь своей коннице и неоднократно выручала ее из тяжелых положений. Особенно велика бывала помощь русской конной артиллерии в тех случаях, когда ее умело использовали при действиях кавалерии против флангов противника.

Столкновение в начале войны, 21 августа 1914 г., 10-й русской с 4-й австрийской кавалерийской дивизией у деревни Ярославице является чуть ли не единственным примером конного боя, в котором конная артиллерия маневрировала и действовала до некоторой степени подобно описанной практике мирного времени, но занимая огневую позицию не по шаблону уступом впереди, а сзади своей конницы.

19 августа 1914 г. русская 3-я армия перешла в наступление. Прикрывавшая сосредоточение армии 10-я кавалерийская дивизия ген. Келлера, перешедшая австрийскую границу, к вечеру 20 августа заняла Заложице, имея задачей на 21 августа отбросить прикрывающие части австрийцев.

4-я австрийская кавалерийская дивизия, под командой ген. Заремба, прикрывавшая свою армию, 20 августа вечером расположилась в Нуще, имея приданный ей пехотный полк в Гарбузов. Заремба

получил предписание атаковать русских, «имеющих много конницы, обнаруженной на марше через Олеюв на Зборов» (схема 9).

Ген. Келлер для выполнения своей задачи решил двинуться на Зборов. В 3 часа 21 августа для розыска австрийской конницы были высланы 4 офицерских разъезда на линию Зборов, Злочов (к северо-западу от Зборова), а в 6 ч. 30 м. 10-я кавалерийская ди-

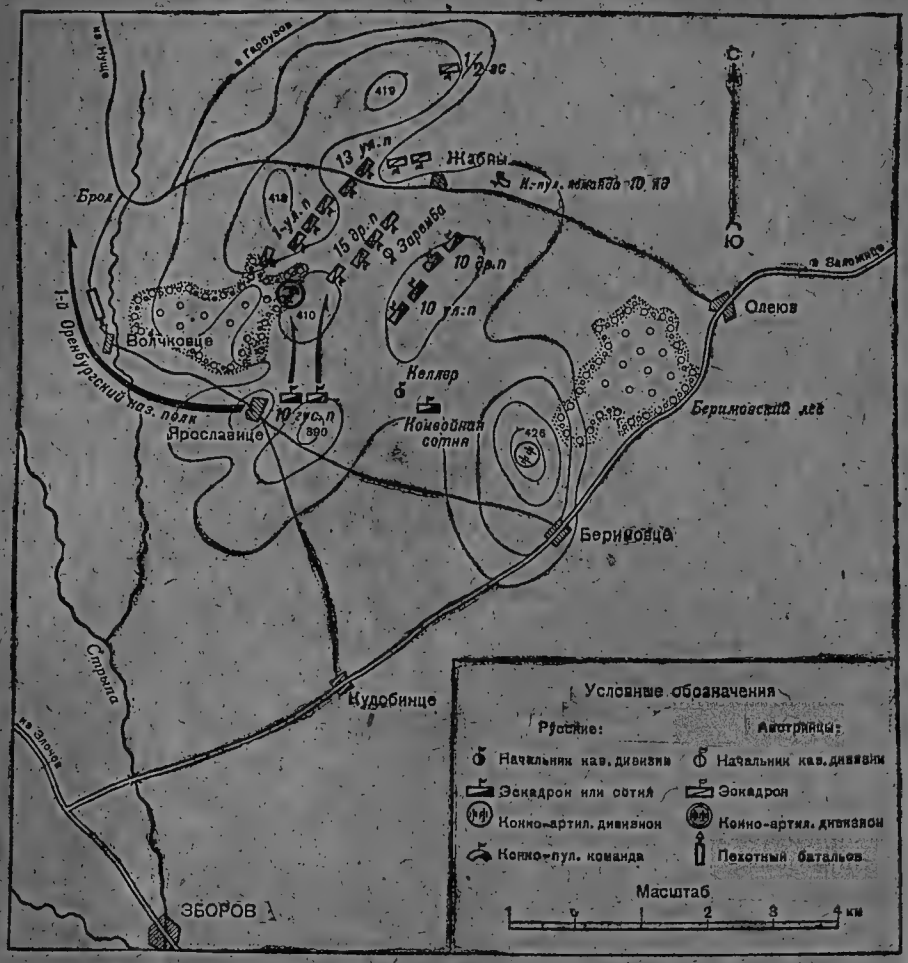


Схема 9. Кавалерийский бой у Ярославице 21 августа 1914 г.

визия выступила из Заложице на Зборов, имея в авангарде 1-й Оренбургский казачий полк с одной батареей 12-го Донского казачьего конно-артиллерийского дивизиона и в главных силах остальные три полка дивизии с другой донской батареей. Два эскадрона улан были назначены в левый авангард. Одна сотня казаков составила конвой ген. Келлера.

Ген. Заремба в 4 часа того же 21 августа выступил с дивизией к высотам 418 и 419, предполагая выждать на этих высотах резуль-

татов высланной им разведки. В 6 час., получив неверное сведение о том, что русские уже заняли Зборов, он решил повернуть свою конницу на Кудобинце, чтобы пересечь дорогу Олеюв—Зборов, а свой пехотный полк направил на Волчковце и Зборов.

Когда голова 4-й австрийской кавалерийской дивизии прошла Яновице, получено было донесение, что главные силы русских находятся еще в районе Олеюв. Заремба сосредоточил всю свою дивизию к югу от Ярославице, а сам стал объяснять обстановку командирам своих частей, собравшимся на высоте 390 (восточнее Ярославице).

В то же время, около 9 час., когда русский авангард прошел Беримовце, а главные силы были у Беримовского леса, дозоры заметили австрийцев, сосредоточенных южнее Ярославице. Немедленно обе донские батареи выскочили на позицию у высоты 426 (западнее Беримовского леса) и открыли огонь по австрийцам. Первые шрапнели русских конных батарей разорвались над серединой 13-го уланского полка, который в полном беспорядке бросился к Ярославице, а за ним повернули и остальные полки. Удалось привести их в порядок только на северной окраине Ярославице под прикрытием австрийских конных батарей, занявших позицию у высоты 410 и открывших огонь по русским батареям.

Ген. Заремба решил вернуться к высотам 418 и 419.

Видя отход австрийцев к северу, ген. Келлер решил их атаковать. С этой целью он направил 1-й Оренбургский казачий полк через Волчковце к северу в обход и в тыл австрийцев, а бо́льшую часть сил (около 9 эскадронов)—для атаки противника, показавшегося из-за гребня высот 418 и 419; два эскадрона гусар Келлер держал уступом слева и два эскадрона оставил в прикрытие к батареям.

Русские эскадроны, открыто совершая перестроения, представляли хорошую цель для конных батарей противника, которые могли бы их разгромить. Но этого не случилось благодаря донским батареям, которые своим огнем успели нейтрализовать неприятельскую артиллерию.

Рукопашная схватка с первой линией 15-го драгунского австрийского полка была удачной для русских. Однако подоспевшая на выручку вторая линия австрийцев прорвала центр русских, и один из прорвавшихся эскадронов бросился на штаб Келлера, но был отбит конвойной сотней, усиленной ординарцами штаба.

В это время приближается третья линия — три или четыре эскадрона австрийцев. Наступает критический для русских момент, когда казалось, что успех противнику обеспечен. Положение спасают, однако, находившиеся уступом сзади русские гусары, один эскадрон которых атаковал батареи противника и захватил все его 8 орудий, а другой эскадрон атаковал во фланг третью линию австрийских улан, попавшую с другого фланга (со стороны Жабны) под огонь русской конно-пулеметной команды.

Результатом неожиданной атаки гусар во фланг было общее бегство австрийцев к западу в направлении к броду (севернее Волчковце). Русские не могли преследовать, так как лошади их выдохлись. Но это не спасло в беспорядке скачущих к броду небольшими группами австрийцев, которые были атакованы и по большей части изруб-

лены оренбургскими казаками. Выполняя приказ начальника дивизии, казаки при движении в северном направлении были неожиданно встречены у Волчковце пехотой австрийцев. Конная атака казаков «лавой» заставила батальон остановиться и окопаться на окраине деревни. Казаки спешились и атакой с фронта и флангов овладели деревней, причем занимавшие ее два батальона австрийцев сдались в плен.

Ожесточенная стрельба в стороне Волчковце была слышна конным частям австрийцев, ввязавшимся в бой на высотах 418 и 419, вселив в них беспокойство за свой тыл и понизив их дух.

Оренбургские казаки, овладев Волчковце, бросились к броду, где нанесли огромные потери 15-му драгунскому и 13-му уланскому австрийским полкам.

Бой у Ярославице закончился блестящей победой русской конницы. 4-я австрийская кавалерийская дивизия понесла в этом бою настолько существенные потери, что продолжительное время отсутствовала на полях сражений.

Необходимо отметить большую роль русской конной артиллерии в этом бою, ее своевременное и удачное использование. Донские батареи еще до начала атаки своим неожиданным для австрийцев огнем нанесли им поражение и внесли расстройство в ряды 4-й австрийской кавалерийской дивизии, сосредоточившейся у Ярославице, а затем к началу конной атаки заставили замолчать конные батареи противника и тем не только предохранили свою конницу от потерь от артиллерийского огня, но и способствовали успеху атаки своих гусар, захвативших неприятельские орудия и ударивших во фланг противника.

Нельзя также не отметить, что в этом бою русская конная артиллерия проявила инициативу, способствующую общему успеху, действуя во многом не так, как ее учили в мирное время. Своим огнем она обрушилась прежде всего на артиллерию противника, а не на кавалерию, как предлагалось уставами и наставлениями мирного времени[1].

В состав 1-й русской армии, наступавшей в августе 1914 г. в Восточной Пруссии, была включена многочисленная конница — 134 эскадрона с 48 конными орудиями,— с образованием из нее двух конных групп: правая, более сильная Хана Нахичеванского—70 эскадронов с 42 конными орудиями, левая Гурко — 18 эскадронов при 6 конных орудиях. Отдельная кавалерийская бригада — 12 эскадронов—была выделена для обеспечения правого фланга армии; остальные эскадроны и сотни были распределены по корпусам и отрядам.

В первые же дни начавшейся войны конница Хана Нахичеванского была выброшена вперед к границе с Восточной Пруссией и прикрыла

[1] Кавалерийский бой у Ярославице является чуть ли не единственным примером боя в конных порядках, считающимся многими кавалеристами классическим примером, изучающимся в разных армиях. Описание этого боя можно найти не только в русской военной литературе, но и в заграничной печати. Описания эти весьма различны и почти совершенно не касаются действий конной артиллерии. Проверить описание боя под Ярославице по архивным материалам не удалось.

собою мобилизацию и сосредоточение своей армии. В дальнейшем действия русской конницы 1-й армии в Восточной Пруссии свелись к ряду самостоятельных, разрозненных и в общем мало значительных боев с кавалерией и пехотой немцев. Бои эти велись почти исключительно в пешем строю при поддержке конной артиллерии, действовавшей в общем весьма успешно благодаря хорошей ее подготовке в отношении искусства стрельбы. Некоторые бои сводились даже главным образом к действиям русской конной артиллерии.

В начальный период войны целью действий конницы 1-й русской армии являлась разведка неприятеля. Задача эта могла быть выполнена только движением в глубь Пруссии, где сосредоточивались силы немцев. Но разведка ограничивалась высылкой разъездов и разведывательных частей и попытками к наступлению, приводившими к незначительным столкновениям с противником; на решительное движение с боем для прорыва в глубину неприятельского расположения это не походило.

В происходивших стычках боевые действия русской конницы основывались главным образом на огне конной артиллерии.

Действуя в спешенном бою, начальники русской конницы направляли удар обычно в лоб неприятелю, но без особой настойчивости в достижении поставленной себе цели. Наступление, встреченное огнем, останавливалось, и в большинстве случаев завязывался тягучий стрелковый бой, равномерный по всему фронту, а затем под прикрытием огня конной артиллерии, приковывающего противника к месту, начинался отход русской конницы.

Для производства усиленной рекогносцировки в направлении Сталупенен, Бильдервейчен два полка русской 1-й гвардейской кавалерийской дивизии с конной батареей 12 августа 1914 г. перешли в наступление на всем занимаемом ими фронте от Лацикайме до Шикшнево (схема 10).

Спешенные эскадроны этих полков (Кавалергардского и Конного), поддержанные огнем конной батареи, вытеснили слабые пехотные части немцев из деревень на левом берегу р. Липона, но затем, обстрелянные неприятельской артиллерией со стороны Бильдервейчен, остановились под сильным огнем пехоты противника. Конные батареи соседней 3-й кавалерийской дивизии, подошедшей к тому времени к г. дв. Бояры, открыли огонь по германской артиллерии у Бильдервейчен; на нее же перенесла огонь и гвардейская конная батарея. Огонь русских конных батарей был весьма удачен и очень скоро заставил замолчать артиллерию немцев.

Начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, вместо того чтобы продолжать наступление и произвести более глубокую разведку, счел цель рекогносцировки достигнутой и беспрепятственно отвел Кавалергардский и Конный полки в район Волковишки. Одновременно 3-я кавалерийская дивизия возвратилась в Вержболово.

Занимавшие Бильдервейчен части немцев (несколько рот пехоты с 2—3 эскадронами и 4—6 орудиями) ушли в Сталупенен.

С утра 14 того же августа полк германской пехоты с артиллерией повел наступление от Сталупенен на фронт г. дв. Бояры, Эйдкунен, Кибейки (схема 10). Начальник 3-й кавалерийской дивизии,

находившейся в Вержболово, выдвинул против наступающих немцев один полк к северу от Кибарты и два полка с конно-артиллерийским дивизионом южнее Кибарты. Полки спешились, конные батареи заняли позицию возле Кибарты и около 13 час. открыли огонь по германской артиллерии, державшей под своим огнем спешенные рус-

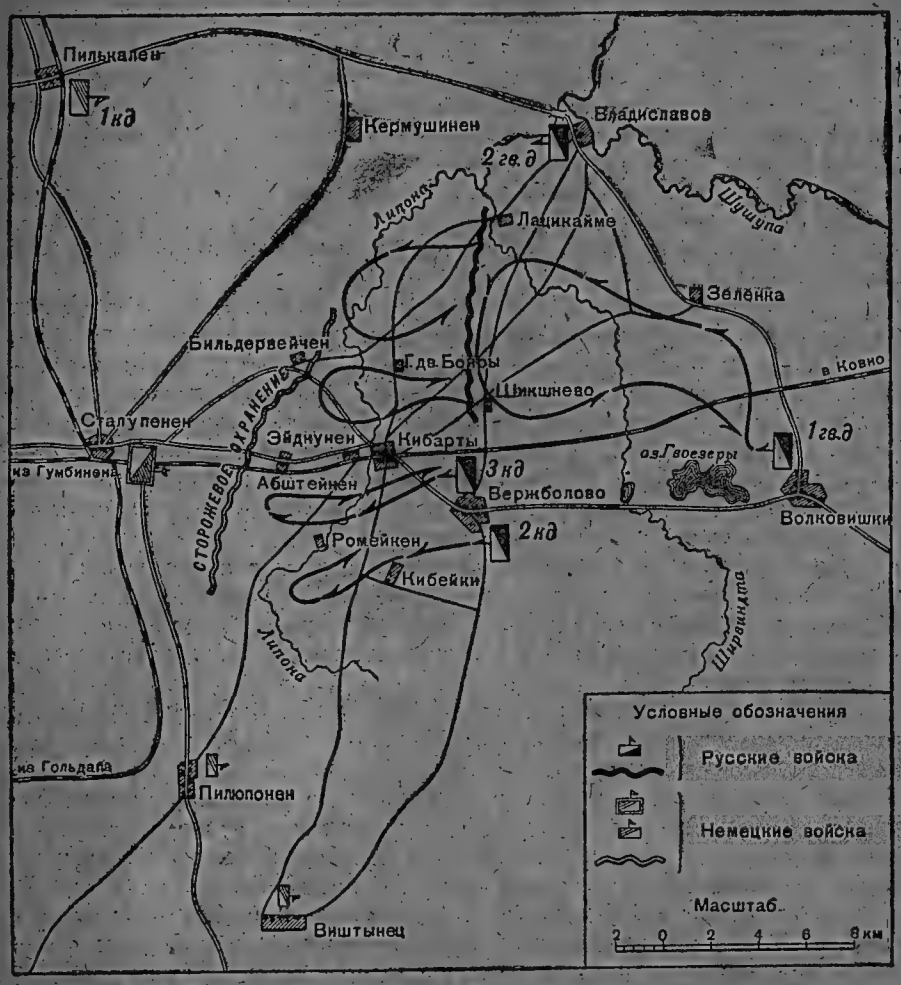


Схема 10. Район действий конницы Хана Нахичеванского с 31 июля по 16 августа 1914 г.

ские части. К 18 час. германские батареи вынуждены были замолчать, бой затих, немцы отошли от Эйдкунена, оставив сторожевое охранение по линии Бильдервейчен, Абштейнен, Ромейкен. Русская 3-я кавалерийская дивизия, прикрываясь огнем своих конных батарей, также отошла в район Вержболово.

В общем разведка конной группы Хана Нахичеванского не привела к существенным результатам на всем занимаемом ею фронте.

Левой конной группе Гурко, к которой был придан стрелковый полк с легкой батареей, поставлена была задача выяснить, какие части германцев и в каких силах занимают Маркграбов. Задача эта была выполнена. Выделенный Гурко отдельный отряд Лео, в составе 9 эскадронов с конной батареей, взял 14 того же августа Маркграбов, выяснив, что Маркграбов занимали 147-й егерский и 44-й пех. полки с несколькими орудиями и 10-й конно-егерский полк. Отряд разрушил в нескольких местах железную дорогу Маркграбов, Гольдап. Но занимавшие Маркграбов и охранявшие железную дорогу немцы благополучно ушли, не преследуемые русскими, которые не воспользовались случаем проникнуть в глубь Восточной Пруссии.

При взятии Маркграбова отрядом Лео конная батарея оказала весьма существенную помощь своей коннице. Наступавшие на Маркграбов спешенные уланы Лео попали под артиллерийский и ружейный огонь немцев. Русская конная батарея заставила замолчать германские орудия, а затем перенесла огонь на пехотные цепи немцев и принудила их отойти. Тогда только уланы, а за ними и вся бригада Лео вошли в Маркграбов, но вскоре получили приказание Гурко оставить Маркграбов и возвратиться на ночлег в Ольшанку (на дороге в Сувалки).

Во время Гумбиненского сражения 16—21 августа 1914 г. конница Хана Нахичеванского не оправдала возлагавшихся на нее надежд и принесла мало пользы своей 1-й армии.

Директивой 15 августа 1914 г. 1-й русской армии, сосредоточенной в районе Владиславов, Сувалки, предлагалось наступать на фронт Инстербург, Ангербург (в Восточной Пруссии) в обход Мазурских озер с севера с задачей возможно глубже охватить левый фланг неприятеля и отрезать его от крепости Кенигсберг. Той же директивой коннице Хана Нахичеванского предписывалось выступить на Инстербург в обход Сталупенен и Гумбинен с севера. Таким образом армейское командование не поставило ясной и определенной задачи Хану Нахичеванскому, предоставляя ему свободу действий.

Из действий конницы Хана Нахичеванского на фланге 1-й армии наиболее интересным является бой у Краупишкен 19 августа, так как в этом бою кавалерия с конной артиллерией действовали исключительно против пехоты, готовой к отражению атаки.

Хан Нахичеванский решил наступать в направлении на Краупишкен с целью отбросить противника за р. Инстер и выйти во фланг и в тыл противника, отходящего на Гумбинен. Конница Хана Нахичеванского начала движение тремя колоннами: сводная кавалерийская дивизия на Мешкен, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия по шоссе на Краупишкен, 1-я гвардейская кавалерийская дивизия между ними на деревни Шулинен, Тутельн, Гиренен (схема 11).

Авангард 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, встреченный ружейным и пулеметным огнем из хуторов в районе Опелишкен, Каушен, спешился и завязал перестрелку; шедший в авангарде взвод конной артиллерии стал на позицию у Опелишкен, и, как только открыл огонь, на него обрушилась германская артиллерия со стороны Каушен, Тутельн и Краупишкен, вследствие чего взводу пришлось

Схема 11. Бой у Краупишкен 19 августа 1914 г.

временно замолчать. Около 13 час. подошедшие с главными силами 2-й гвардейской кавалерийской дивизии конные батареи заняли позицию у Шулишен, открыли огонь по ближайшим германским батареям, обнаруженным у Тутельн и Каушен, и заставили их замолчать. Это дало возможность спешенным частям 2-й гвардейской кавалерийской дивизии начать наступление на Каушен. К 15 час. к полю боя подошла 1-я гвардейская кавалерийская дивизия и, спешив два полка, повела наступление при поддержке своих конных батарей на Тутельн, правее боевого порядка 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Почти одновременно авангард сводной кавалерийской дивизии, подошедший к деревне Спиргинен, был встречен ружейным огнем с высоты, что между Спиргинен и Гиренен, а боковой отряд, подошедший к Раудонаген, был остановлен ружейным огнем с левого берега р. Инстер от Лаугален, Краупишкемен. Авангард и боковой отряд спешились и завязали перестрелку. Для поддержки их авангардная батарея и вскоре к ней присоединившиеся еще две конные батареи (4-я и 6-я) выскочили на открытую позицию севернее Спиргинен, но оказались в сфере ружейного огня противника со стороны хуторов на высоте западнее дороги из Спиргинен и Мешкен и понесли потери. Это заставило отвести все три батареи несколько назад к северу на закрытую позицию, откуда они открыли огонь по пехоте противника и по батарее, замеченной в районе Краупишкен.

Вся конница Хана Нахичеванского ввязалась в пеший бой с германской пехотой, занимавшей оба берега р. Инстер на фронте около 8 км по линии Каушен, Мешкен, Лаугален. Спешенные части 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий медленно подвигались с боем вперед, а сводная кавалерийская дивизия, развернувшаяся на фронте Спиргинен, Раудонаген, оставалась на месте. Все части русской конницы несли большие потери от огня немцев; особенно велики были потери в частях 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, попавших под косоприцельный огонь взвода германской артиллерии, возобновившего стрельбу со стороны Каушен.

Около 16 час. командир одного из эскадронов Конного гвардейского полка (1-й гвардейской кавалерийской дивизии) бросился со своим эскадроном в конном строю в атаку на указанный взвод германской артиллерии. Атака была настолько неожиданной и стремительной, что немцы успели встретить ее лишь единственным орудийным выстрелом и слабым ружейным огнем пехотного прикрытия. Эскадрон захватил немецкие орудия. За эскадроном бросились в атаку ближайшие спешенные части, и весь боевой порядок 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий двинулся вперед. Немцы начали отступать.

Весть об успехах конной гвардии и взятии германских орудий быстро распространилась и в частях сводной кавалерийской дивизии, которые перешли в наступление и заняли Мешкен. Все конные батареи дивизии (4-я, 5-я и 6-я) переехали вперед на позицию в районе высоты южнее д. Мешкен и открыли огонь по германской пехоте, занимавшей деревни на левом берегу р. Инстер (на

схеме 11 показаны 1-я, 2-я и 3-я позиции батарей сводной кавалерийской дивизии).

В результате боя конница Хана Нахичеванского отбросила за р. Инстер 2-ю германскую ландверную бригаду (5 батальонов, 2 эскадрона, 12 орудий), взяв 2 орудия и 4 зарядных ящика. Переправы через р. Инстер у Мешкен, Краупишкемен и Лаугален были захвачены, но вся русская конница через Инстер не переправилась и на г. Инстербург для действия в тыл главных сил немцев не пошла. Хан Нахичеванский не решился на вполне возможный быстрый и глубокий обход, который заставил бы германскую ландверную бригаду не только отступить, но и открыть левый фланг своей армии ударам русской конницы.

Успех, одержанный русской конницей в бою под Краупишкен, был куплен дорогой ценой потерь убитыми и ранеными: 45 офицеров, 429 солдат и 369 лошадей, в том числе полки Кавалергардский и Конный потеряли более половины своих офицеров, 129 солдат и 83 лошади. Успех этот оказался даже неблагоприятным для 1-й русской армии, так как ландверная бригада немцев свою задачу выполнила: прикрыла тыл своей армии, притянув на себя на весь день 19 августа главную массу русской конницы (70 эскадронов с 42 конными орудиями) и расстроив ее настолько, что она бездействовала на другой день 20 августа, когда разыгрывалось сражение под Гумбиненом.

Бой у деревни Краупишкен выигрывается благодаря самоотверженности русских кавалеристов, не останавливающихся перед потерями, а также благодаря силе огня и уменью русской конной артиллерии вести стрельбу. Немцы, уходя за р. Инстер, оставили на поле боя много убитых и тяжело раненых. По показанию пленных немцев, действие русских конных батарей произвело на немцев «удручающее впечатление и было ужасно». Русские конные батареи в этом бою израсходовали много снарядов; наименьший расход произвела 4-я конная батарея — 510 снарядов, т. е. израсходовала более половины батарейного боевого комплекта.

Русская армейская конница почти не принимала участия в общих боях 1-й армии под Гумбиненом, за исключением двух сравнительно ничтожных эпизодов при отходе из Восточной Пруссии 9 сентября 1914 г.: а) оборона промежутка между 2-м и 4-м русскими корпусами конницей Хана Нахичеванского; б) прикрытие левого фланга 2-го корпуса и всей армии кавалерией Гурко.

Русская кавалерия имела перед собою в первом случае германскую пехоту с артиллерией, во втором — превосходящую в силах германскую кавалерию с артиллерией и пехотой. В обоих случаях задачи были успешно выполнены русской конницей, причем бои свелись главным образом к действиям русской конной артиллерии.

Командующий 1-й русской армией утром 9 сентября, когда стало ясно, что немцы подготовляют главный удар на левый (южный) фланг армии, приказал Хану Нахичеванскому двигаться на Даркемен и Гольдап, чтобы произвести разведку и задержать противника, направляющегося в обход фланга 4-го корпуса.

Хан Нахичеванский направился от Гр. Соброст к левому флангу 4-го корпуса с целью выйти во фланг противника, действующего против этого корпуса. Но оказалось (схема 12), что неприятельская пехота заняла лес западнее деревень Гр. Байорен и Лангфельд и наступает в северном направлении в промежутке около 4 км, образовавшемся между 57-й пех. дивизией и 5-й стрелковой бригадой. Конница Хана Нахичеванского заняла этот промежуток, спешилась и приготовилась к обороне участка позиции вдоль железной дороги

Схема 12. Бой конного отряда Хана Нахичеванского 9 сентября 1914 г. у Гр. Байорен.

Гордауен, Норденбург. Немцы наступали здесь настолько медленно и не энергично, что Хан Нахичеванский решился оставить на позиции один драгунский полк с конной батареей, приказав ему задерживать немцев до смены полка пехотой, а остальные части своей конницы вывел из боя и отвел их на ночлег в Даркемен. Оставленный на позиции полк задачу выполнил благодаря приданной ему конной батарее, которая своим огнем все время удерживала германскую пехоту на северной опушке леса, не позволяя ей продвинуться дальше Лангфельд и Гр. Байорен.

Начальник 1-й кавалерийской дивизии Гурко, действовавший со своей дивизией на левом фланге 1-й армии в районе д. Петрашен,

получил донесение в ночь на 19 сентября 1914 г., что ночевавший у д. Видминен батальон русской пехоты отошел под натиском противника к перешейку между озерами Сольтманер и Габлик (схема 13).

По распоряжению Гурко 1-й драгунский полк его дивизии занял в спешенном порядке перешеек между озерами Габлик и Шонстаг; остальные полки дивизии и конные батареи стали восточнее д. Петрашен.

К 8 час. вся 43-я пех. дивизия русских была уже в бою на фронте озер Стренгельн, Гольдапгар, Сольтманер; батальон между озерами Сольтманер и Габлик сильно обстреливался неприятельской артиллерией; дд. Грабник и Нейгоф были заняты противником.

Около 12 час. кавалерия противника стала надвигаться от Видминен и с юга вдоль западного берега оз. Шонстаг на перешеек между этим озером и оз. Габлик, занятый драгунским полком. Русские батареи 1-го конно-артиллерийского дивизиона, занимавшие закрытую позицию у Петрашен, своим внезапным убийственным огнем остановили наступление не только кавалерии, рассеяв и расстроив ее ряды, но и появившейся за нею германской пехоты с тяжелой батареей. Кроме того, конные батареи оказывали своим огнем существенную поддержку и пехотному батальону, оборонявшемуся на перешейке между озерами Габлик и Сольтманер.

В общем конная артиллерия своим искусно направляемым огнем обеспечила кавалерии Гурко возможность удерживать в течение всего дня вдвое превосходившую в силах (48 эскадронов против 24) германскую кавалерию, стремившуюся прорваться в тыл русской армии, а также остановила наступление пехоты немцев, направленное в обход левого фланга русской 43-й пех. дивизии.

В период первой Восточно-Прусской операции многочисленная русская конница не сумела прикрыть свою 1-ю армию, не обеспечила ее от внезапной атаки во фланг и не прикрыла от преследования немцев. С большими потерями в людях и в материальной части 1-й армии пришлось отойти в исходное положение за р. Неман.

«История кавалерии есть история ее начальников», — вот старый ответ на вопрос, почему русская конница не оправдала надежд, возлагавшихся на нее в начале мировой войны. Среди кавалерийских начальников русской армии война не обнаружила ни одного выдающегося, талантливого боевого кавалериста. Между тем опыт войны указал, что в боях, в которых приходилось участвовать русской коннице и ее конной артиллерии, та и другая проявляли обычно отличные боевые качества, причем конная артиллерия всегда являлась могущественной помощницей конницы, не только обеспечивающей ее боевой успех своим искусным огнем, но неоднократно и выручавшей ее из тяжелого положения.

При довоенной подготовке русской конной артиллерии имелось в виду между прочим, что в маневренной войне на нее будут возлагаться задачи неожиданного для противника появления против его флангов с целью поражения продольным огнем (т. I, ч. I). Предполагали, что такой маневр, требующий большой подвижности, конная артиллерия сможет произвести под прикрытием конницы и что

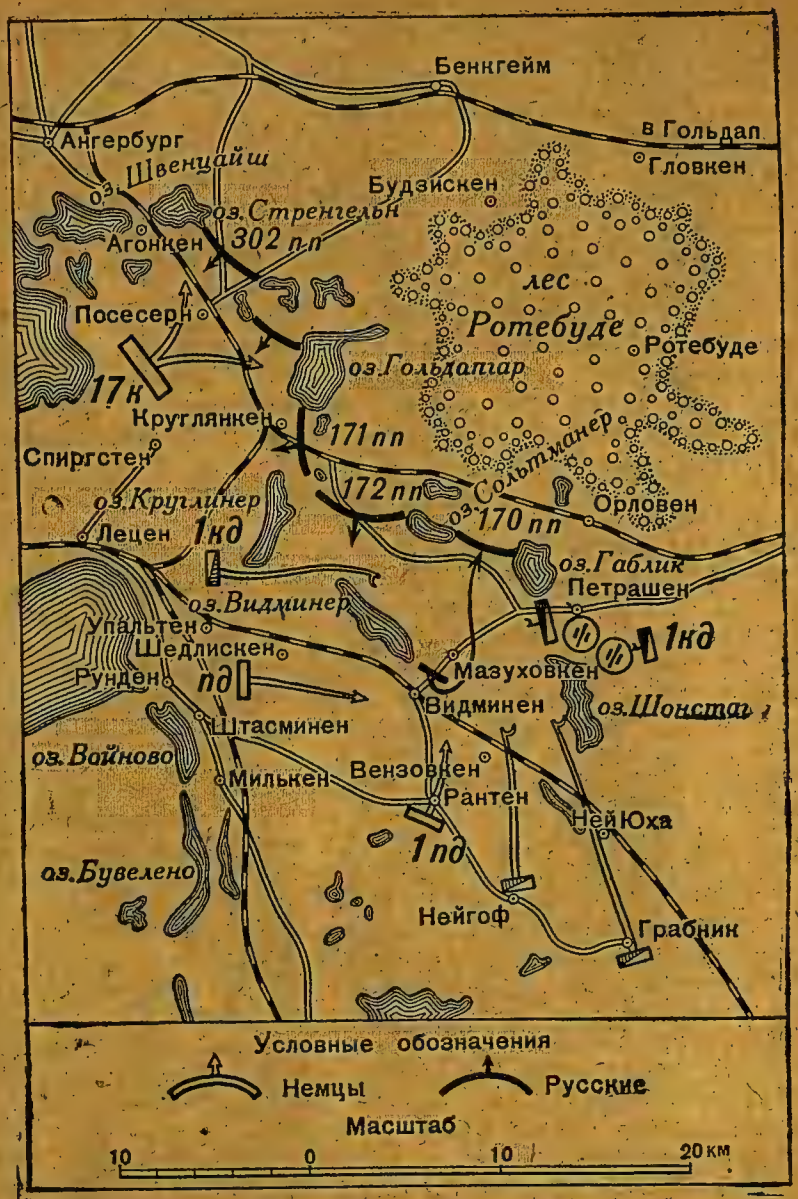


Схема 13. Бой в районе левого фланга 1-й русской армии 19 сентября 1914 г.

фланговый или косоприцельный огонь конных батарей позволит атакующей пехоте ближе подойти к неприятелю без особого риска подвергнуться поражению от огня своей артиллерии.

На практических стрельбах мирного времени такие маневры конной артиллерии (но без конницы в большинстве случаев) производились, особенно в Офицерской артиллерийской школе, где по полигонным условиям это допускалось (например при обширности полигонов возле Двинска — в 1904—1908 гг. и возле Луги — в 1909—1913 гг.). Иногда групповые стрельбы школы заканчивались именно таким эффектным маневром внезапного появления конной артиллерии против фланга мишеней, изображавших противника, и поражения их продольным беглым огнем, обычно с расстояния не более 2—3 км. При отсутствии действительного неприятеля подобные маневры конной артиллерии легко удавались.

Руководители довоенной подготовки старой русской армии предполагали, что действия кавалерии с конной артиллерией против флангов противника могут во многих случаях иметь решающее значение на участь боя и что, в частности, конная артиллерия может в подобных случаях даже возместить отсутствие при пехоте специальной артиллерии сопровождения (т. I, ч. I).

В маневренный период войны боевая обстановка для совершения удара во фланг неприятеля неоднократно слагалась чрезвычайно благоприятно для русской конницы с ее конной артиллерией. Но высшее командование русской кавалерии оказалось неспособным для осуществления подобных маневров, по крайней мере в крупных операциях большого значения.

В Гумбиненском сражении Хан Нахичеванский, как мы видели, имел возможность произвести удар во фланг и даже в тыл немцев, но он этого не совершил ни 19-го, ни на другой день 20 августа 1914 г.

В период Лодзинской операции в ноябре 1914 г. (см. выше «Артиллерия во встречном бою», схемы 6 и 7) массы русской конницы решительными действиями во фланг — с востока и в тыл — с юга могли бы завершить окружение и уничтожение германских войск группы Шеффера, попавшей в западню. Но штаб кавалерийского корпуса Новикова совершенно не понимал обстановки. Вместо сосредоточенного удара (в данном случае в конном строю) в одном избранном решающем направлении дивизии корпуса спешиваются и завязывают тягучий стрелковый бой при поддержке своих батарей, действуя разрозненно — каждая русская кавалерийская дивизия приблизительно против одной задерживающей ее спешенной кавалерийской бригады немцев. В результате русский кавалерийский корпус (64 эскадрона с 30 конными орудиями) задерживается вдвое слабейшими силами немцев (32 эскадрона, 1 батальон пехоты, около 12—16 орудий) и не оказывает никакого содействия 6-й Сибирской стрелковой дивизии, отходящей на Брезины под давлением противника, хотя штаб кавалерийского корпуса и был осведомлен о тяжелом положении этой дивизии. Конная атака лишь одного Нижегородского драгунского полка, произведенная по инициативе его командира, была единственной попыткой спасти 6-ю Сибирскую дивизию

от наседавших на нее немцев. Мощным ударом крупной конной массы в 60 эскадронов с 30 орудиями можно было произвести потрясающее впечатление и достигнуть несравненно более решительных результатов, чем атака одних нижегородцев и затяжной стрелковый бой в спешенном порядке всех остальных эскадронов, поддержанных огнем конных батарей, разбросанных на широком фронте.

Опыт маневренного периода войны дает несколько примеров удачных действий конной артиллерии против флангов неприятеля, но не в крупных боевых операциях, а во время боевых столкновений менее серьезного значения, имевших иногда случайный характер.

При обратном отходе русской армии от Кракова шедшая в арьергарде бригада пехоты заняла Тарнобжег как единственную и последнюю позицию перед переправой через р. Сан. Прикрывавшая переправу русских через Сан 14-я кавалерийская дивизия занимала район Мокржишев, Орлиска, Жупава (схема 14).

Около 10 час. утра 21 сентября 1914 г. австрийцы стали обходить Тарнобжег с востока, чтобы отрезать русской бригаде путь отступления к р. Сан. В это время 14-я кавалерийская дивизия была сосредоточена у Орлиска. По приказанию начальника дивизии, конная батарея быстро заняла чрезвычайно выгодную позицию восточнее Стале и открыла огонь во фланг австрийцам, обходившим Тарнобжег. Западная окраина Стале была занята двумя спешенными кавалерийскими полками с пулеметами, которые прикрыли конную батарею справа (с запада), но сами огня не открывали, так как расстояние до австрийцев превышало дальность ружейного огня. Остальные два полка дивизии располагались в резерве в лесу возле Орлиска. Слева (с юго-востока) конная батарея прикрыта не была.

Стрельба русской конной батареи была нетрудная — ни один снаряд ее не пропадал напрасно. Австрийцы, никак не ожидая артиллерийского огня и удара с фланга, стали поспешно отходить и под впечатлением больших потерь от огня конной батареи обратились вскоре в бегство. Они отошли на юго-запад, не преследуемые русской конницей, так как конная атака обречена была на неудачу ввиду крайних неудобств, представляемых местностью.

Начальник 14-й кавалерийской дивизии с двумя полками резерва отошел в лес у ф. Боров, приказав туда же стойти через Мокржишев своей бригаде с конной батареей, занимавшей Стале. С наступлением темноты он предполагал со всей дивизией двинуться к переправе через р. Сан.

В то время, как уланский полк, занимавший спешенными частями южную половину Стале, сел на коней и стал отходить к ф. Боров, австрийцы, накопившиеся в районе дома лесника (южнее Стале), незаметно перешли в наступление, открыли пачечный ружейный огонь по русской конной батарее и тем приковали ее к месту, не давая возможности подвести к батарее передки для ухода с позиции. Расстояние от батареи до обстреливавшей ее австрийской пехоты было лишь около 1 км. Командир батареи передал инициативу самозащиты командирам взводов и обратился с просьбой о помощи к уланскому полку. Задний из эскадронов отходивших улан тотчас

Схема 14. Бой 14-й кавалерийской дивизии у Стале 21 сентября 1914 г.

же повернул назад и бросился было в атаку на австрийцев, но местность не позволила атаковать; эскадрону пришлось спешиться и открыть ружейный огонь во фланг противнику. Тогда цепь австрийцев залегла в густом люпине, настолько высоком — до ½ м высотой, — что нельзя было стрелять. Временным прекращением ружейного огня австрийцев воспользовался командир конной батареи и, снимаясь с позиции по одному орудию, успел в течение 1½—2 мин. отвести батарею галопом на дорогу в Мокржишев. Австрийцы быстро спохватились и снова открыли пачечный ружейный огонь по батарее, но, лежа в высоком люпине, они стреляли наугад; пули летели вверх, и батарея отошла без потерь, если не считать одной убитой лошади. В целях уменьшения потерь номера при орудиях отводили лошадей в поводу бегом до Стале, где под прикрытием домов садились верхом и догоняли свои орудия.

В этом примере обращает на себя внимание недостаточная заботливость командования о прикрытии своей артиллерии. В данном случае конная батарея не имела никакого прикрытия на своем внешнем левом открытом фланге, откуда как раз и появилась австрийская пехота, обстрелявшая батарею и едва не захватившая орудия. Ничего этого не случилось бы, если бы левее (восточнее) батареи, уступом впереди, на опушке леса расположилось прикрытие и выслало бы в сторону противника в южном направлении разведку.

Наконец, нельзя не обратить внимания и на то, что уланский полк, прикрывавший батарею справа, стал уходить из Стале, не ожидая снятия с позиции и отхода батареи через ту же Стале на Мокржишев. Только получив просьбу командира конной батареи о помощи, тыловой эскадрон улан возвратился в Стале и спас свою батарею.

Другим показательным примером могут служить весьма удачные действия конной артиллерии против фланга противника в бою 1-й Донской казачьей дивизии 15 августа 1914 г. у Томашова (схема 15).

Дивизия прикрывала сосредоточение 5-й русской армии в районе Холма и 1 августа расположилась на ночлег в Томашове, выслав на юго-западную опушку Томашовского леса сторожевой отряд в составе четырех сотен 10-го Донского казачьего полка с 6 пулеметами. Около 5 час. утра 2 августа австрийцы стали теснить сторожевой отряд. На поддержку сторожевого отряда начальник дивизии направил три сотни 13-го Донского казачьего полка, которые повели наступление в направлении на пасеку (по дороге из Томашова в Рыбницы).

Авангардный батальон 4-го австрийского пех. полка перешел в решительное наступление по всему фронту и принудил все семь сотен спешенных казаков отходить к Томашовскому лесу. За стрелковыми цепями австрийцев шла их сомкнутая резервная колонна, силою около трех батальонов пехоты.

Начальник Донской казачьей дивизии приказал своим 6-й и 7-й донским батареям немедленно занять позицию за холмом южнее Томашова и задержать наступление австрийцев, открыв по ним огонь. В прикрытие к батареям были приданы состоявшие в

распоряжений начальника дивизии два эскадрона гвардейских гусар. Сам начальник дивизии с оставшимися у него сотнями казаков выступил из Томашова и, дойдя до южной опушки Томашовского леса, остановился между полем боя и шоссе на Белжец.

Донские батареи понеслись в указанном им направлении, прикрываясь гребнем холма, быстро снялись за ним с передков и,

Схема 15. Бой 1-й Донской казачьей дивизии под Томашовым 15 августа 1914 г.

определив расстояние до австрийцев по карте, приблизительно через 2 мин. открыли во фланг наступающей пехоты австрийцев беглый перекрестный огонь: 6-я батарея (правая) — влево по резервной колонне австрийцев, 7-я батарея (левая) — вправо по наступающим цепям.

Эффект огня казачьих батарей получился поразительный: в течение 2—3 мин. поляна, по которой стройно наступали цепи и резервная колонна 4-го австрийского пех. полка, оказалась усеянной

трупами и обезумевшими от страха случайно уцелевшими людьми, искавшими спасения в складках местности. Продолжать ведение огня батареями по разбросанным по полю отдельным группам людей было затруднительно, вследствие чего командиры батарей передали ведение огня командирам отдельных орудий (орудийным фейерверкерам).

Подошедшая к Рыбница австрийская батарея попыталась открыть огонь, чтобы выручить свою пехоту, но, сделав всего два выстрела, под огнем донских батарей снялась с позиции и ушла назад.

К 9 час. утра бой закончился почти полным уничтожением одного из лучших австрийских пехотных полков, комплектовавшегося жителями Вены. На поле боя осталось до 1 000 трупов людей и собрано было более 10 повозок австрийских ружей.

Гибель в самом начале войны этого полка, шедшего в голове наступавшего 2-го австрийского корпуса, произвела настолько гнетущее впечатление, что австрийцы смогли возобновить движение вперед лишь 6 августа, подарив таким образом почти 5 суток важнейшего начального периода войны для сосредоточения и развертывания 5-й русской армии.

Итоги маневренного периода войны

Мировая война на русском фронте началась встречными сражениями на границах России с Германией и Австрией. Широкие пограничные пространства, в общем мало стеснявшие действия войск, позволяли осуществить самые смелые замыслы маневренных боевых столкновений.

На русском театре войны маневренный период тянулся приблизительно до ноября 1915 г., когда обе стороны — русские и австро-германцы — истощились, зарылись в землю и перешли к позиционной войне. И если на французском театре войны краткий период маневренных действий, прерванный позиционной войной в октябре 1914 г., не дал определенных выводов о применении артиллерии в маневренном сражении, то, наоборот, почти 15 месяцев маневренной войны на русском фронте должны были бы дать, несомненно, большой опыт и те или иные выводы для использования артиллерии в разнообразных условиях обстановки маневренных боевых действий. Но русская Ставка верховного главнокомандующего не сочла нужным ни заменять, ни дополнять «Устав полевой службы» и «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., повидимому, считая их вполне отвечающими боевым требованиям, предъявляемым к артиллерии в маневренный период войны.

В этот период войны выявилось большое разнообразие выпадавших на долю артиллерии задач, потребовавших для их разрешения огромного количества орудий разных калибров, обладающих отлогой и крутой траекториями, обильно снабженных различного типа снарядами. Опыт маневренной войны резко подчеркнул необходимость самой тесной увязки действий артиллерии с пехотой и организованного планового использования артиллерийского огня, направляемого одной волей к достижению общей цели. Возросшая сложность боя потребовала от общевойсковых начальников и от пехотных командиров

знания свойств артиллерии, уменья ею распоряжаться и организовать ее боевую работу в соответствии с ее свойствами, а от артиллеристов потребовала не только уменья вести стрельбу, но и уменья быстро оценивать тактическую обстановку и использовать свое мощное оружие в соответствии с этой обстановкой.

Опыт маневренного периода войны в отношении боевого применения артиллерии не был зафиксирован верховным командованием русской армии.

С первых же дней войны и в течение всего маневренного периода высшее командование русской армии, под тяжелым впечатлением боевых неудач (гибель 2½ корпусов 2-й армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г., неудачный штурм Перемышля осенью того же года), озабочено было прежде всего и больше всего недостатком в армии боевых припасов, слабой обеспеченностью армии артиллерией вообще и тяжелой артиллерией в особенности.

Выше указывалось (т. I), что в маневренный период войны проводились мероприятия главным образом по организации, вооружению и снабжению артиллерии, причем осуществлялись они по большей части импровизированным порядком, и что необходимые мероприятия по артиллерийской части, вызванные опытом войны, в том числе и в отношении использования артиллерии в бою, получили более широкое и планомерное развитие лишь в 1916 г., т. е. уже в позиционный период войны, когда было создано при Ставке главковерха Управление полевого инспектора артиллерии (Упарт).

АРТИЛЛЕРИЯ В ПОЗИЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

В «Уставе полевой службы» и в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. имелись некоторые указания о действиях артиллерии при атаке и обороне укрепленной позиции.

При атаке артиллерия должна была группироваться на тщательно оборудованных, предпочтительно закрытых позициях и притом так, чтобы ее охватывающее расположение способствовало перекрестному обстрелу атакуемого участка, в особенности опорных пунктов. Для разрушения укреплений, опорных пунктов и блиндажей, особенно ценным признавалось применение гаубичных и полевых тяжелых батарей, соответственно расположенных. Искусственные препятствия требовалось, если возможно, сбить или завалить, или испортить и ослабить артиллерийским огнем, препятствуя их исправлению также огнем.

В том случае, если занять намеченные позиции днем было невозможно, батареи продвигались лишь до сферы артиллерийского огня и засветло должны были произвести разведку, а позиции занимали под покровом ночной темноты с тем, чтобы с рассветом открыть огонь.

Имея в виду огромный расход снарядов, неизбежный при атаке укрепленной позиции, требовалась искусная и широкая подготовка стрельбы, а также обдуманное распределение артиллерийских парков и целесообразное их размещение.

Указывалось, что артиллерии должно быть предоставлено достаточно времени, необходимого ей для надлежащей подготовки к стрельбе.

Для более целесообразных действий артиллерии признавалось полезным управление ею объединить в руках одного начальника.

Артиллерийский огонь по укреплениям и пунктам атаки следовало вести одновременно с наступлением на них пехоты. Угроза удара наступающей пехоты удерживает обороняющегося на линии огня, заставляет его стрелять, не позволяет ему укрываться и этим дает артиллерии атаки уязвимые цели.

Боевую работу артиллерии требовалось, как всегда, вести в тесной связи с боевой деятельностью пехоты.

При упорной обороне сильно укрепленной позиции, продолжающейся несколько дней, артиллерия должна была пользоваться ночным временем для приближения к противнику с переменой своих позиций, поддерживая и ночью огонь, начатый или подготовленный засветло, и пользуясь при этом для освещения целей прожекторами.

Для укрепления оборонительной позиции ограничивались: устройством на фронте и внутри позиции маскированных окопов и опорных пунктов; улучшением обстрела и устранением препятствий для движения войск внутри района позиции; передовые пункты избирались так, чтобы они обстреливались с позиции артиллерийским огнем. Для артиллерии обороны огневые позиции должны были обеспечивать возможность сосредоточения огня на вероятных подступах атакующего и поражения его пехоты до самых близких расстояний, а также способствовать защите флангов артиллерии обороны от покушений противника.

С целью усиления, тщательного оборудования и подготовки позиций артиллерии обороны требовалось организовать сеть наблюдательных пунктов и связь всех видов, произвести возможно полную подготовку стрельбы по всем важным пунктам местности и заблаговременную пристрелку для проверки исходных данных стрельбы, составить необходимые кроки, перспективные наброски и схемы стрельбы.

Считалось весьма полезным произвести предварительную артиллерийскую разведку района наступления противника. При этом наметить и исследовать его вероятные наблюдательные пункты, места для расположения батарей, подступы к ним, укрытые пути выездов и переездов на огневые позиции, укрытые подступы для наступающей пехоты; принять меры для лучшего распознавания неприятельских позиций со своих наблюдательных пунктов; определить видимость своих позиций с вероятных наблюдательных пунктов противника и принять меры для уменьшения этой видимости.

Обстрел с избранных для артиллерии обороны позиций требовалось улучшать путем расчистки местности, уничтожения мешающих обстрелу предметов и т. п.

Предлагалось уничтожать находящиеся вблизи позиций ориентиры (отдельные деревья и пр.), облегчающие пристрелку артиллерии противника; устраивать маски и земляные закрытия; подготавливать и улучшать пути сообщения вдоль фронта огневых позиций и от

них в тыл, исправлять мосты и т. п. При инженерном оборудовании позиций артиллерии рекомендовалось принимать все меры, чтобы не облегчить противнику ориентировку и разведку позиций. Ставить орудия в сомкнутых укреплениях вообще не рекомендовалось.

Должны были приниматься меры для обеспечения возможности ведения стрельбы ночью.

Для обеспечения достаточного и надежного питания батарей боевыми припасами предписывалось вблизи позиций сосредоточивать запасы снарядов, артиллерийские парки сближать с батарейными резервами (2-й эшелон зарядных ящиков) и между собою.

На случай перемещения артиллерии обороны должны были подготавливаться запасные позиции.

В том случае, если атакующий прорвет фронт укрепленной позиции, обороняющийся должен был продолжать «отстаивать каждый шаг внутреннего пространства позиции» при содействии флангового и косоприцельного огня артиллерии обороны. Это последнее указание «Устава полевой службы» 1912 г. (§ 528) как бы подчеркивало необходимость эшелонирования артиллерии обороны в глубину.

Изложенные указания для действий артиллерии при атаке и обороне укрепленных позиций могли бы служить, но лишь до некоторой степени, отправными данными для организации борьбы за укрепленные полосы в артиллерийском отношении в условиях позиционной войны. Но эти указания были известны русским артиллеристам лишь отчасти и только теоретически, так как в довоенное время не производилось ни практических занятий по борьбе в условиях укрепленных позиций, ни тем более практических стрельб, требующих огромного расхода снарядов для разрушения укреплений и прочих сооружений, тогда как снаряды на практику отпускались в крайне ограниченном размере. Даже в крепостях практические стрельбы артиллерии производились в обстановке, совершенно не похожей на действительную оборону крепости (т. I, ч. I).

В общем русская артиллерия, как и артиллерия всех других армий, участвовавших в войне, оказалась не подготовленной к боевым действиям в позиционных условиях, — тем более, что методы таких действий, выявленные опытом войны, в очень многом отличались от способов действий артиллерии за укрепленные позиции, предусматривавшихся теоретическими указаниями «Устава» и «Наставления» 1912 г.

Создававшиеся в позиционный период мировой войны «укрепленные полосы» были почти вовсе не похожи на «укрепленные позиции», какими последние представлялись в довоенное время.

Укрепленная полоса состояла обычно из трех линий окопов с особо прочными железобетонными сооружениями долговременного характера, усиленными искусственными препятствиями. Между собою и с тылом окопы соединялись ходами сообщения, из которых некоторые приспосабливались к обороне и имели искусственные заграждения. Такое устройство затрудняло распространение атакующих в стороны и позволяло вести фланговый огонь по неприятельским войскам, занявшим первые линии укрепленной полосы, главная сила

обороны которой заключалась именно во фланговом огне, как артиллерийском, так и ружейно-пулеметном. Для получения такого огня делались фланкирующие изломы в окопах и возводились специальные прочные сооружения в окопах или промежутках между ними. Для той же цели выдвигались вперед прочно сооруженные окопы или блиндажи, хорошо защищенные проволочными заграждениями.

Для успешной борьбы за укрепленные полосы оказалось безусловно необходимым производить предварительно основательно продуманную подготовку и составлять план действий артиллерии, с расчетом заблаговременного сосредоточения необходимых артиллерийских и прочих сил и средств, обеспечивающих подавляющее превосходство над противником вообще и в решающем направлении главного удара в особенности.

Русская артиллерия, в лице ее главного командования и высшего руководства, осознала это в полной мере лишь к началу третьего года мировой войны, наученная горьким опытом напрасного пролития крови при попытках ведения операций методами маневренных действий при штурме крепости Перемышль в октябре 1914 г., при прорыве германской укрепленной позиции у оз. Нарочь в марте 1916 г. (обе эти операции описаны ниже в ч. IV) и других операциях позиционного характера в конце 1915 г. и в начале 1916 г.

Первой попыткой Ставки верховного главнокомандующего зафиксировать опыт применения артиллерии в условиях позиционной войны явилась вторая часть изданных в мае 1916 г. «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы». Первая часть этих указаний «Действия всех родов войск» была составлена Управлением генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего; вторая часть «Действия артиллерии» была разработана Управлением полевого инспектора артиллерии и обсуждалась в особой комиссии при участии представителей от Управления генкварта, инспекторов артиллерии фронтов и некоторых армий, а также других выдающихся артиллеристов.

По существу в «Общих указаниях» развивались те же идеи, которые были положены в основу «Устава полевой службы» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., но при составлении «Общих указаний» были учтены особенности действия артиллерии в условиях позиционной войны, выяснившиеся главным образом в результате неудачи мартовской операции 1916 г.

Основания борьбы за укрепленные полосы в общем выводе «Общих указаний» формулировались следующими словами[1]:

«1) Постоянная подготовка к наступательным и оборонительным действиям, способствующая внезапной атаке и требующая особой бдительности от обороны.

2) Начало атаки прямо с громоносного штурма: подавляющей артиллерийской подготовки и немедленного, вслед за тем, короткого, но могучего пехотного скачка...

---

[1] «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», т. I, изд. 2-е, 1916 г., § 54, 68—94.

3) Необходимость иметь две особо назначенные массы войск — одну для прорыва, т. е. для образования искусственных флангов (и для противодействия сему — у обороняющегося), другую для действия в направлении образовавшихся флангов — как обороняющегося, так и атакующего».

После неудачных боев на Юго-западном фронте, происходивших в конце 1915 г. и в начале 1916 г., началась разработка наставлений и указаний для действия артиллерии в борьбе за укрепленные полосы главным образом по инициативе инспектора артиллерии того же Юго-западного фронта.

Накануне майского наступления в 1916 г. на Юго-западном фронте были даны указания инспекторами артиллерии фронта (Дельвига) и одной из армий (Ханжина) для действия артиллерии при предстоящей атаке укрепленной позиции.

Сущность указаний Ханжина сводилась к необходимости более осторожно и тщательно выполнять задачи с тем, чтобы ни один снаряд не пропадал.

Указаниями предлагалось:

а) Тяжелым гаубицам — только разрушать окопы и более прочные сооружения; 42-лин. (107-мм) пушкам — действовать главным образом по обнаруженной артиллерии и по дальним крупным живым целям; легкой артиллерии — пробивать проходы в проволочных заграждениях, создавать огневые завесы, обстреливать разрушенные окопы, отбивать контратаки. Наряду с артиллерией, разрушающей окопы и сооружения, действовать минометам и бомбометам, а также применять ручные гранаты и удлиненные заряды.

б) Из 6-дм. (152-мм) пушек, из 6-дм. (152-мм) и 48-лин. (122-мм) гаубиц стрельбу вести методически, не спеша, пристреливать каждое орудие, с наблюдением каждого выстрела; бомбами (гранатами) безусловно запретить вести стрельбу батарейными очередями, допускать стрельбу взводными сериями — после пристрелки орудий, при хорошем наблюдении.

в) Для разрушения выбирать после тщательного изучения места, наиболее препятствующие атаке и наиболее прочные (которые не могут быть разрушены легкими орудиями и минометами); все время изучать расположение противника, чтобы не натолкнуться на сюрпризы (пулеметы, траншейные орудия); пользоваться аэрофотоснимками, привлекать артиллерийских офицеров-наблюдателей (особенно передовых пунктов) к воздушной разведке, чтобы они находили батареи противника, точно наносили их на карты и ставили об этом в известность наши 107-мм и легкие 76-мм батареи. Определять, как видимы наши батареи.

г) Работу артиллерии в период подготовки и непосредственно следующий за атакой точно распределять: каждой батарее давать свою задачу, каждой пристреляться (особенно легким батареям, у которых много задач и переносов огня); заранее назначать батареи на пробивание проходов, для наблюдения на случай контратак, на стрельбу химическими снарядами. На исполнение каждой задачи на-

значать по две батареи (на случай отказа одной). Все в расположении противника, предназначенное для разрушения, должно быть известно командирам батарей и всем офицерам. Направление намеченных проходов в заграждениях отмечать знаками, хорошо видимыми с наблюдательных пунктов. Наблюдать за производимыми разрушениями с близких расстояний. Командирам батарей изучать все предназначенное к разрушению в отношении значения и прочности сооружений и определять порядок стрельбы по ним.

д) Стремиться к расходованию лишь строго необходимого количества снарядов и на основании наблюдений за результатами стрельбы экономить их. Использовать фланкирующий огонь, требующий меньше снарядов и меньше времени для решения задачи. Начинать артиллерийскую подготовку с таким расчетом, чтобы закончить ее всем одновременно. Огонь от начала до конца подготовки вести одним темпом; в конце (перед атакой) темп не усиливать.

е) Разрежать наблюдательные пункты и перейти от точек к линиям, к открытым окопам, чтобы обеспечить возможность наблюдателям передвигаться при обстреле. На передовых наблюдательных пунктах применять щиты. Обращать особое внимание на обеспечение связи: связь командира с батареей — двойная, важные линии связи — также двойные; через каждые 50 м бирки на проводах, чтобы отличать их; устанавливать посты для наблюдения за проводами и для их исправления (они же могут быть постами летучей почты).

ж) Подготавливать запасные позиции для батарей. Намечать и подготавливать пути для непосредственной поддержки пехоты. Принимать меры к тому, чтобы быть готовым помочь по выполнении задачи соседнему корпусу.

з) Обеспечить боевое питание: боеприпасы на батареях и в тылу — не далее 4 км; склады боеприпасов подготовить в таком расстоянии, чтобы своевременно подать боеприпасы даже при внезапной порче путей. В период артиллерийской подготовки боевые комплекты батарей и парков неприкосновенны.

Дельвиг телеграфировал начальникам войсковых штабов: «Ознакомившись с подготовкой огня артиллерии, нахожу, что снарядов на пристрелку тратят много, а местность изучают мало».

Указания Дельвига сводились к следующему:

а) Артиллеристы должны съемкой нанести точно на карту-верстовку (масштаб 42 000) места батарей и наблюдателей и все существенные местные предметы в районе противника, особенно окопы, определив их засечками стереотрубами с трех отдельных точек; установить условные названия (кодирование) или номера предметов и целей, общие для всего корпуса; вести обмен наблюдателями на разных пунктах и всем изучать цели вблизи — из пехотных окопов.

б) Не тратить снарядов зря, а вести пристрелку, пользуясь картой; полученные данные записывать в табели и на панорамных схемах (чертежах).

в) Подготовить места складов снарядов и пути их подвоза; орудия и зарядные ящики окапывать, не ограничиваясь маскировкой, или зарядные ящики заменять нишами на интервалах не менее 30 шагов.

г) Телефонные провода везде, где можно, проложить укрыто или закопать и вести не пучком, а врозь; подготовить ходы сообщения для наблюдателей и запасные наблюдательные пункты.

Дельвиг и Ханжин в своих указаниях не напоминали ни о сосредоточении огня и объединенном управлении артиллерией, ни о необходимости нейтрализации огня неприятельской артиллерии. То и другое с большой настойчивостью проводилось в Офицерской артиллерийской школе при подготовке командиров в мирное время (т. I), причем Дельвиг был одним из инициаторов и главных руководителей такой подготовки. Повидимому, Дельвиг и Ханжин полагали, что указанные основы хорошо известны русским артиллеристам, и потому не находили нужным говорить о них в своих указаниях.

Кроме указаний Дельвига и Ханжина, тогда же, в мае 1916 г., на том же Юго-западном фронте издана была обстоятельная брошюра «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке», составленная подполковником Киреем по опыту неудачных боев в декабре 1915 г. и в начале января 1916 г., в которых он участвовал как состоявший при артиллерийском руководстве.

Генерал-квартирмейстер 9-й армии, бывший профессор тактики артиллерии в Академии Генерального штаба Кельчевский в предисловии к брошюре Кирея говорил, что она «написана артиллеристом, знания и талант которого, невзирая на чин, выдвинули на роль начальника артиллерии ударной группы в армии в период исполнения ею операций с 22 мая по 30 июля[1], которые дали России всю Буковину и значительную часть Галиции...» Действительно, основные мысли Кирея, изложенные ясно и точно в его брошюре, оправдались успешными прорывами укрепленной позиции австрийцев 4 июня 1916 г. у Доброноуц, летом того же года при взятии предмостного укрепления у Черновиц и в операциях на Станиславовском направлении.

В конце ноября 1916 г. Кирей закончил составление брошюры «Артиллерия обороны», а в марте 1917 г. составил «Добавление к выводам из применения артиллерийских масс при атаке».

Сделанные в 1916 г. Киреем выводы из применения артиллерии в позиционный период войны в значительной мере оправдали себя и в 1917 г.

Кирей в своих «Выводах» указывает не только то, что нужно делать, но и то, кто, когда и как должен делать. Такие указания были тогда очень полезны для исполнителей.

Ставка, предложив армиям утвержденные ею 31 мая (13 июня) 1916 г. «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», не настояла на том, чтобы эти указания были приняты к обязательному руководству войсками, поэтому в 1916 г. некоторые операции проведены были не на основах «Общих указаний», а на несогласован-

[1] С 4 июня по 12 августа.

ных указаниях, разработанных самими армиями и фронтами. Среди них, кроме упомянутой брошюры Кирея, заслуживает внимания получившее в то время довольно большое распространение «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», составленное подполковником Замбржицким по указаниям и под редакцией командующего 5-й армией ген. Гурко.

«Наставление» ген. Гурко выдержало 7 изданий. К 4-му изданию, утвержденному к руководству 1 июля 1916 г., предпосылается общее указание, что «Наставление» служит дополнением к действующим уставам и наставлениям и дает руководящие указания по вопросам, выдвинутым войной, которые до того времени не были совершенно или недостаточно разработаны и освещены в уставах и наставлениях, «о с т а ю щ и х с я п о п р е ж н е м у в п о л н о й с и л е», и что «Наставление» согласовано со второй частью (артиллерийской) «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы». Поэтому не будем останавливаться на «Наставлении» ген. Гурко, хотя оно не в полной мере согласовано с артиллерийской частью «Общих указаний» и более согласовано с брошюрой Кирея.

В начале мая 1917 г. Ставкой издано было (в трех частях) «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», утвержденное для руководства всей русской армии, взамен «Общих указаний», вновь назначенным верховным главнокомандующим ген. Алексеевым.

Вторая часть (артиллерийская) тех же указаний была переработана и вышла в виде двух частей — II и III — «Наставления для борьбы за укрепленные полосы».

Во вступлении к части II «Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы» говорилось, что переработка этой части «выполнена на основании отчетов строевых начальников о боевом применении «Общих указаний», и что «отчеты эти отмечают ту громадную пользу, которую принесли «Указания», а также и то, что нарушение преподанных в них «о с н о в н ы х положений приводило нередко к кровавым неудачам».

«Указанные нарушения о с н о в н ы х положений, — говорилось далее во вступлении, — являлись следствием недостаточного знакомства некоторых общевойсковых начальников с преподанными указаниями для использования боевой силы артиллерии...».

Во вступлении обращалось также внимание и на такие случаи, когда «нормы, имевшие в виду атаку т щ а т е л ь н о у к р е п л е н н ы х п о л о с, применяли дословно к обороне или к полевому бою, следовавшему за удачным прорывом, и исключали этим быстрое развитие успеха».

Заканчивалось вступление подтверждением, что часть II «Наставления» «обязательна для всех армий и должна быть изучена начальниками всех родов оружия, всех степеней», и приказанием Алексеева «применять «Наставление» согласно обстановке, избегая закрепощения норм и цифр; никакие нормы не могут освободить начальствующих лиц от обязанности размышлять и руководить боем».

Часть III «Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы» была утверждена 10 июня 1917 г. сменившим Алексеева вер-

ховным главнокомандующим Брусиловым. В приказе Ставки [1], предлагавшем принять к руководству III часть, указывалось, что II и III части «Наставления» обнимают всю совокупность действий артиллерии при борьбе за укрепленные позиции, что обе части исключают собою все разновременно изданные различными фронтами и армиями инструкции и наставления для действий артиллерии при атаке и обороне укрепленных полос. Затем приказом вновь подтверждалось, что «Наставление» должно быть изучено начальниками и что применять его надлежит, «постоянно имея в виду воплощение основных его указаний сообразно обстановке, в которой приходится действовать, избегая всемерно шаблонов и закрепощения норм и цифр». «Наставление» в общем развивает «Общие указания» 1916 г., но в нем гораздо определеннее выражены идея централизованного управления артиллерии и вопрос организации борьбы с артиллерией противника.

Из войск, назначенных для выполнения прорыва, корпуса, направленные для нанесения главного удара в первую линию, назывались «ударными корпусами»; за ними эшелонировались сильные резервы.

Официальное «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» не вполне удовлетворяло войска вследствие несоответствия поставленных им задач имеющимся артиллерийским и другим техническим средствам, с другой стороны, вследствие неопределенности некоторых указаний «Наставления» и прочих недостатков, особенно III части. Ввиду этого фронтовое командование продолжало издавать от себя руководящие оперативно-тактические указания. Так, например, в июне 1917 г. были изданы указания помощника главкома Румынского фронта Щербачева, в которых по части артиллерии имеются правильные по существу положения, но не обращается должного внимания на борьбу с неприятельской артиллерией, как и в брошюре Кирея.

Щербачев указывает между прочим на следующее:

«Наши артиллерийские средства не могут сравниться с французскими и английскими. Мы не можем задаваться целью достигнуть полного уничтожения позиций противника на всем фронте атаки одновременно.

Поэтому нам нужно использовать дальнобойность и искусный перенос огня: разрушив один участок и передав его легкой и лишь части тяжелой артиллерии под наблюдение, огонь другой части (большей) тяжелых батарей переносить на смежные участки, усиливая действующие по ним батареи.

Подготовка такого переноса огня обязывает заранее наладить и соответственное наблюдение и нужную связь.

Та же ограниченность в артиллерии может не позволить каждой дивизии дать необходимые ей средства разрушения с самого начала операции. Но лишь только общая работа массы артиллерии по окопам и другим оборонительным сооружениям будет закончена, каждая дивизия должна получить в непосредственное распоряжение на-

[1] ЦВИА. Приказ верховного главнокомандующего, 10 июня 1917 г., № 509.

чальника ее известное количество тяжелых орудий для борьбы со вновь появляющимися орудиями и преградами по указанию войск.

Руководитель артиллерийской подготовки обязывается заранее всесторонне организовать такую передачу части артиллерии и обеспечить ее наблюдателями и связью...

Решение всех значительных артиллерийских вопросов должно вестись совместно с пехотой...

В тесной связи артиллерии и пехоты и взаимном доверии их — крупный залог успеха».

Опыт июльских операций 1917 г. при попытках прорыва укрепленной полосы австро-германцев на Юго-западном и Западном русских фронтах также указал на некоторые неясности и неправильности II и особенно III части «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», утвержденных верховным главнокомандующим в апреле и в июне 1917 г. Вследствие этого в августе того же 1917 г. и со стороны полевого инспектора артиллерии последовали телеграфные распоряжения всем инспекторам артиллерии фронтов, дополняющие и отчасти разъясняющие некоторые указания «Наставления». Распоряжения полевого инспектора артиллерии были подтверждены к исполнению верховным главнокомандующим [1].

Во II и III частях «Наставления» 1917 г. и в указаниях Гурко (см. выше о «Наставлении», составленном Замбржицким для 5-й армии) и Щербачева имеется немало позаимствованного из брошюры Кирея «Выводы из применения артиллерийских масс». С другой стороны, и Кирей при составлении своей брошюры пользовался, очевидно, «Указаниями для борьбы за укрепленные полосы», изданными Ставкой в мае 1916 г.

В брошюре Кирея вопросы тактики артиллерии в позиционных условиях борьбы получили в общем соответственное освещение и довольно удачное разрешение. Но некоторые выводы Кирея грешат предвзятой односторонностью, их нельзя считать достаточно правильными, и к их восприятию следует подходить с критической оценкой. Как бы то ни было, но Кирей был одним из первых инициаторов составления систематического руководства для действия русской артиллерии в период позиционной борьбы.

Более подробная оценка брошюры Кирея и официального «Наставления» 1917 г. приводится ниже.

Артиллерия при прорыве укрепленной полосы

Выше указывалось, что уже в маневренный период мировой войны от артиллерии потребовались не только содействие, поддержка и сопровождение огнем атаки пехоты, но и предварительная подготовка атаки артиллерийским огнем. При атаке же укрепленной позиции и прорыве укрепленных полос, созданных в позиционный период войны, к артиллерии предъявлена была задача полного разрушения фортификационных сооружений и уничтожения проволочных заграждений и других преград.

---

[1] ЦВИА, 683, лл. 33—45.

В 1915 г., ко времени перехода на русском фронте от маневренной к позиционной войне, требования, предъявляемые русской пехотой к артиллерии, сводились к тому, чтобы артиллерия своим огнем уничтожала, разрушала и вычищала на пути атаки положительно все, мешающее пехоте двигаться вперед, и давала ей возможность занять совершенно обезвреженную позицию противника почти без всяких потерь для себя.

Без предварительного уничтожения артиллерийским огнем всей системы огня обороны наступление пехоты не обещало успеха.

В целях более широкого и всестороннего освещения вопроса о роли артиллерии и методах ее применения в период позиционной борьбы, особенно при прорывах укрепленной полосы, остановимся на эволюции взглядов на данный вопрос бывших союзников и противников России. Познакомиться с этими взглядами небесполезно еще и потому, что русская артиллерия не переживала (и об этом не приходится сожалеть) всех видоизменений в методах применения артиллерии в условиях позиционной борьбы, какие переживала артиллерия Антанты.

В первой инструкции Жоффра, составленной французским командованием 2 января 1915 г. (о ней упоминалось выше, см. «Артиллерия в наступательном бою», стр. 66), подчеркивалось, что успех каждой атаки обусловливается «могучей артиллерийской подготовкой», которая прокладывает дорогу пехоте.

Французские генералы Фош и Мишле так оценивали свою пехоту в 1916 г.: «...Не будем искать успеха ценой жертв пехоты... будем пользоваться тем оружием, которое не рискует притупиться, — будем очищать путь нашим армиям артиллерией...» «Большие массы артиллерии на атакующих фронтах необходимы, так как без решительной подготовки атаки предварительной бомбардировкой наша пехота вперед не пойдет...».

В приказе 10-й французской армии, в целях побуждения пехоты к движению вперед, давалось такое указание: «...пехота будет направляться на рубеж лишь тогда, когда этот последний уже окажется в полной власти артиллерии и в состоянии разрушения, допускающем занятие его пехотой».

В основу второй инструкции ген. Жоффра, изданной 16 января 1916 г., т. е. ровно через год после первой, кладется методическая подготовка наступления пехоты массированным огнем артиллерии, причем массирование понимается не только в смысле сосредоточения в определенном важнейшем районе огня (снарядов), хотя бы при разбросанном расположении батарей на широком фронте, как это понималось русской артиллерией, но и в смысле «массирования» самой артиллерии, доводимого до 100 орудий и более на 1 км атакуемого фронта.

«Артиллерия разрушает, пехота наводняет», — говорилось во второй инструкции Жоффра. Продвижение пехоты должно сопровождаться подвижным заградительным огнем (огневым валом) артиллерии. Инструкцией предусматривались последовательная методическая подготовка и штурм одного за другим рубежей (первой, второй, третьей линии) неприятельской позиции. По инструкции «цель

общей наступательной операции заключается в уничтожении всей пехоты и артиллерии, которые в состоянии противник нам противопоставить на всех своих последовательных позициях в районе атаки».

Значение артиллерийской подготовки еще резче подчеркивается в инструкции ген. Фоша, изданной 20 апреля 1916 г., в которой говорилось:

«Опыт показал: где разрушение артиллерией было действительным, там наступление пехоты было успешным и стоило небольших потерь в людях; там же, где разрушение было произведено лишь частично, наступление пехоты немедленно останавливается... атака неразрушенных позиций недоступна...»

Борьба артиллерии с фортификацией, обострившаяся в позиционный период войны, являлась основной причиной эволюции первой — в смысле непрерывного увеличения ее численности, усовершенствования материальной части и усиления могущества огня.

Инструкция Жоффра 16 января 1916 г., окончательно порывая с довоенными взглядами, указывала новые пути развития тактики артиллерии. Наступательные действия пехоты основываются на артиллерийской подготовке, уничтожающей все преграды, закрытия и живую силу, и на непрерывной и мощной поддержке пехоты массовым артиллерийским огнем.

Необходимость сосредоточения массы артиллерии на узком фронте привела к созданию в начале января 1917 г. во французской артиллерии главного резерва тяжелой артиллерии, а трудность управления огнем артиллерийской массы вызвала создание, еще раньше — в начале декабря 1916 г., должности начальника артиллерии армии.

Создание резерва тяжелой артиллерии — ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения) в русской армии предрешено было в октябре 1916 г. (см. выше).

Последовательность решения задач — от рубежа до рубежа, вызываемая ограниченной по глубине возможностью (предельной дальностью стрельбы) артиллерийской поддержки, затягивала подготовку иногда на несколько дней. Не менее длительного периода требовали массирование артиллерии и подготовка ее к действию: сосредоточение артиллерии (в особенности тяжелой) в район действия, выбор и занятие наблюдательных пунктов и огневых позиций, их оборудование, организация связи, подвоз боеприпасов и устройство для них хранилищ, подготовка данных для стрельбы, пристрелка и т. д.

Артиллерия, получившая решающую роль в подготовке атаки неприятельских позиций, вместе с тем ограничивала наступательный порыв пехоты дальнобойностью своих орудий. Пехота вынуждена была останавливаться на пределе досягаемости артиллерийского огня и ожидать немало времени, пока артиллерия перейдет на более близкие к противнику позиции.

Длительность артиллерийской подготовки при наступлении исключала один из важнейших факторов, обеспечивающих боевой успех, —

элемент внезапности. Противник получал возможность открыть намерения наступающего и принять все меры к ликвидации достигнутого противником успеха. Он успевал подтянуть нужные силы к угрожаемому пункту; позади первых линий обороны вырастали новые; в результате — наступление захлебывалось и нередко, после контратак свежими силами, заканчивалось неудачей (с большими потерями) и возвращением на исходные позиции.

Внезапность как один из основных принципов войны нельзя безнаказанно игнорировать. Внезапность наступления требовала короткой артиллерийской подготовки, измеряемой несколькими часами, а не днями. Но короткая артиллерийская подготовка не могла обеспечить уничтожение всех огневых средств противника. Сокращения времени на артиллерийскую подготовку можно было достигнуть отказом от постановки артиллерии задач «все разрушать» с заменой их задачами «нейтрализовать» все огневые средства неприятельской артиллерии и пехоты, а также применением новых методов артиллерийской стрельбы на поражение «без пристрелки» по заранее вычисленным данным.

После тяжелых неудач 1916 г. резко изменяются взгляды французов, и 16 декабря 1916 г. издается новая, третья, инструкция ген. Нивель, критикующая установленный прежними инструкциями крайний методизм подготовки и проведения операций, не оправдавший себя в сражениях предшествующего времени.

В инструкции Нивеля говорилось, что способ действий, установленный прежними инструкциями, часто ограничивал возможность использования достигнутых успехов и «всегда давал противнику время оправиться и организовать по мере нашего продвижения новые оборонительные линии». Инструкция рекомендовала стремиться соединить методизм с быстротой, чтобы преодолеть отрицательные стороны методизма. Предлагалось научиться пользоваться тяжелой артиллерией, ставшей орудием полевой войны, как 75-мм пушкой, т. е. столь же быстро занимать позиции и открывать огонь.

Общие указания инструкции в отношении атаки сводились к следующему: «Безостановочное, производимое в полном порядке, последовательное и быстрое движение вперед совершенно естественным путем приводит снова к полевому бою, к которому и надлежит стремиться в итоге прорыва. Перед общим наступлением необходимо стряхнуть с себя окончательно неподвижность и медлительность, въевшиеся в наши приемы боя благодаря излишне затянувшейся окопной войне».

В инструкции указывалось на необходимость «короткой» артиллерийской подготовки, исчисляемой 3—5 днями. Этот срок, конечно, нельзя признать «коротким».

Весною 1917 г. в операции на р. Эн французы для подготовки и поддержки атаки сосредоточили против фронта в 40 км около 4 000 артиллерийских орудий, в том числе: 1 047 тяжелых орудий (из них 17 орудий большой мощности) и около 2 000 полевых 75-мм пушек, в среднем по 100 орудий на 1 км фронта. Предполагали, что столь многочисленная артиллерия сможет в течение 7—12 апреля довести своим огнем до полного разрушения все неприятельские позиции

на всю их глубину. Однако к 12 апреля артиллерийская подготовка признана была незаконченной и велась еще до 16 апреля; причем за последние 5 дней артиллерия вела столь интенсивный огонь, что выпустила около 3 215 000 снарядов (больше 600 000 в сутки). Все же подготовка оказалась незаконченной. Атака пехоты, которой приказано было «одним ударом взять все оборонительные сооружения противника и весь район, занятый его артиллерией», потерпела полную неудачу. Встреченная убийственным заградительным огнем германской артиллерии и уцелевших пулеметов в блиндированных и бетонированных капонирах атакующая пехота была отброшена назад с огромными потерями — свыше 150 000 человек.

Причинами неудачи считаются: а) отсутствие внезапности (операция рекламировалась французами задолго до ее начала с целью поднятия настроения страны, подготовительные к операции работы тянулись долго, артиллерийская подготовка продолжалась не менее 10 дней), вследствие чего немцы успели вывести свои войска из зоны огня французской артиллерии, которая разрушала опустевшие окопы, и укрепиться на новой «позиции Зигфрида»; б) отсутствие должного взаимодействия пехоты с артиллерией, недостаточная подвижность последней и неуменье ею пользоваться.

Переходя в контрнаступление в 1918 г., Антанта имела огромную потерявшую маневренность армию и утратившую гибкость тактику, выразительницей которой являлась инструкция 31 декабря 1917 г. Сущность инструкции в отношении артиллерии сводилась к следующему.

Наступательная операция слагается из ряда последовательных атак со строго ограниченной целью. Непрерывность и быстрота проведения операции отвергаются. Методичность во всем: в подготовке по строго регламентируемым планам, в исполнении, даже в развитии успеха. Во всем предусмотрительность и осторожность. Никакой инициативы и самодеятельности у низших начальников.

Ширина фронта атаки — в полной зависимости от имеющихся артиллерийских и других технических средств. Цель артиллерийской подготовки атаки — полное разрушение всей укрепленной полосы противника. По существу артиллерийская подготовка — продолжительная (3—5 дней), несмотря на то, что по плану военных действий, изложенному в записке ген. Фоша от 24 июля 1918 г., «необходимым условием успеха является внезапность», которая обеспечивается «отказом от длительных, многодневных артиллерийских подготовок».

Продолжительность артиллерийской подготовки вызывалась требованием «полного разрушения», так как для разрушения необходима точность стрельбы, достигаемая пристрелкой каждой батареи и орудия и методическим корректированием стрельбы на поражение с наблюдением каждого отдельного выстрела; кроме того, разрушение требует большой плотности огня и огромного расхода снарядов.

Инструкция была заполнена массой мелочных указаний по разведке, наблюдению, связи, исправлению дорог, транспорту и т. д.

Операции начала 1918 г. привели высшее командование англо-французов к сознанию, что тактика, установленная инструкцией 31 декабря 1917 г., привела к отрицательным результатам: пехота

потеряла понятие о маневре и пришла к убеждению, что она ничего не может достичь, пока мощная артиллерия не выполнила своих задач — разрушения и уничтожения всего, что может препятствовать наступлению и атаке; артиллерия также потеряла способность к маневрированию, не умела оценивать и пользоваться ни обстановкой, ни местностью, не желала рисковать и проявляла активность лишь в стремлении к точности и массированию стрельбы.

Использование в сражениях больших масс артиллерии приняло «характер фабричного производства, осуществляемого по разработанному до мелочей плану»[1].

Командование Антанты изменило свои тактические взгляды уже в ходе операций. В директиве 12 июля 1918 г. отказались от принципа ограниченных целей и задачей атаки ставили захват всех артиллерийских позиций противника «в течение первого дня боя». Артиллерийская подготовка требовалась «возможно короткая и мощная...», тем более, что наличие значительного количества тяжелой артиллерии и применение дымовых и химических снарядов позволяло «добиться вместо разрушения средств противника (артиллерии и пехоты) их нейтрализации». Артиллерия должна была перемещаться своевременно с тем, «чтобы обеспечить пехоте постоянную и насколько возможно мощную поддержку во все время ее продвижения вперед». Директивой внушались начала инициативы и решительности, — в общем подчеркивался переход к маневренной войне[2].

В германской армии основы использования артиллерии в позиционной войне были выражены более четко, чем в армиях Антанты. К последнему году войны главное командование германской армии издало утвержденную 1 января 1918 г. инструкцию «Наступательное сражение в позиционной войне».

Общие основы германской инструкции и дополнений к ней таковы.

Прорыв укрепленной позиции осуществляется сосредоточением мощных сил и средств на широком фронте, строгой планомерностью подготовки, быстротой и непрерывностью атаки. Внезапность является необходимым залогом успеха.

Войсковым начальникам, не исключая низших, предоставляется полная инициатива. Они должны руководить и управлять войсками в ходе боя, в противоположность механическому проталкиванию пехоты по заранее разработанному плану.

Артиллерия своим огнем должна подготовить дорогу пехоте и действовать в полном согласии с нею.

Артиллерийская подготовка краткая. Артиллерия отказывается от разрушения неприятельской укрепленной полосы и переходит к ее «нейтрализации». Краткость артиллерийской подготовки обеспечивается: сосредоточением мощной артиллерии — свыше 100 орудий на 1 км фронта, комбинацией артиллерийского и минометного огня,

---

[1] В. Токаревский, Тактика артиллерии, ГВИЗ, 1931 г., стр. 47.

[2] О роли танков при прорыве укрепленной полосы, более или менее выявившейся на французском фронте в 1918 г. лишь к концу войны, здесь не упоминается, так как на русском фронте танки вовсе не применялись в период мировой войны.

нейтрализацией неприятельской артиллерии химическими средствами борьбы и применением методов уточненной стрельбы (методы капитана Пулковского).

Непосредственно после подготовки артиллерия образует подвижной огневой вал, под прикрытием которого пехота идет вперед.

Успех наступления зависит от своевременного перемещения полевой и тяжелой артиллерии, достаточного количества минометов и боеприпасов.

Указанной инструкцией германской армии устанавливались следующие средства, необходимые для решения задач позиционной войны: для борьбы с неприятельской артиллерией на каждый участок пехотной дивизии 1—2 батареи легких гаубиц, 2—3 тяжелые гаубичные и 1—2 тяжелые пушечные батареи; для разрушения окопов и заграждений на каждые 100—150 м траншей по одной гаубичной батарее 10—15-см калибра с 600 до 800 снарядами на каждую батарею.

Людендорф требовал на фронте ударной дивизии (2 км) сосредоточения от 40 до 60 батарей, из них не менее половины — легких и тяжелых гаубиц (в 1917 г. англичане на таком же участке сосредоточивали 24 полевые и 33 тяжелые батареи)[1].

По словам Людендорфа, грандиозное массирование артиллерии давало ей возможность равномерно поделить с пехотой тяжесть боя, взяв главным образом на себя подготовку прорыва и содействие пехоте в распространении и закреплении в занятом ею районе.

Тактика германской артиллерии на русском фронте в общем мало отличалась от тактики ее на Западе, хотя обстановка — меньшая насыщенность русского фронта войсками, более слабые артиллерийские и прочие технические средства борьбы — была несколько иная, чем на англо-французском театре войны.

Внезапность ставилась в основу успеха. Артиллерийская подготовка длилась не более 4—5 час., имея задачей нейтрализовать неожиданным ожесточенным огневым нападением артиллерийские и пехотные позиции, наблюдательные и командные пункты. По окончании подготовки подвижной заградительный огонь артиллерии вел пехоту на штурм.

Нейтрализующий артиллерийский огонь не мог подавить в полной мере огневые средства, имеющие прочные укрытия и рассредоточенные в глубину. Атакующая пехота всегда встречала в глубине неприятельской позиции огонь одиночных, а иногда целых очагов пулеметных гнезд. Для быстрого уничтожения этих огневых точек непосредственно за пехотой следовала артиллерия сопровождения в виде приданных и подчиненных пехоте артиллерийских орудий и минометов, но это обычно удавалось лишь при условии подавления артиллерийского огня обороны.

Указанные методы использования артиллерии удачно применялись немцами на русском фронте несколько раз. При прорыве немцами русского фронта под Ригой 1 сентября 1917 г. против участка

---

[1] Л. А. Кравков, Очерк развития артиллерии за последнее десятилетие, Ленинград, 1924 г., стр. 83.

главного удара, составлявшего лишь 4½ км, германцы сосредоточили около 630 орудий и 550 минометов (в среднем на одно орудие и миномет приходилось до 7 м). Артиллерийская подготовка началась еще в темноте, в 4 часа утра, интенсивным обстрелом химическими снарядами, с целью нейтрализации русских батарей, командных и наблюдательных пунктов. Такая стрельба продолжалась два часа. После рассвета, с 6 час. утра, тяжелая артиллерия стала разрушать пехотную позицию. С началом движения пехоты, в 9 час. утра, артиллерия открыла подвижной заградительный огонь для прикрытия фронта и флангов атакующей пехоты.

Германская артиллерия в отношении управления была разделена на две группы: контрбатарейную из 4 подгрупп и группу разрушения окопов и поддержки пехоты, в свою очередь разделенную на 3 группы, по числу ударных дивизий, причем каждая из этих групп подразделялась на 2 или 3 подгруппы, по числу полков первой линии. Вся масса артиллерии, объединенная общим начальником ударной артиллерии, подчинялась командующему армией.

Все действия артиллерии происходили по единому подробно разработанному плану.

С развитием успеха штурма артиллерия постепенно возвращалась в подчинение своих общевойсковых начальников для выполнения задач по их указанию, причем пехотные дивизии не только получали обратно свою артиллерию, но и усиливались 2—3 дивизионами тяжелой артиллерии.

Тактика русской артиллерии также весьма осложнилась в связи с особыми требованиями, предъявляемыми в условиях позиционной борьбы. Ограниченность артиллерийских и других технических средств, особенно недостаток снарядов, привела к тому, что русская артиллерия не могла в полной мере использовать методы борьбы, установившиеся в позиционный период войны у бывших союзников и противников России. В отношении установления этих методов русская артиллерия шла по самостоятельному пути своего боевого опыта, хотя и весьма тяжелого, но все же не сопровождавшегося теми колоссальными затратами средств и теми огромными жертвами, какие понесли на французском фронте французы, англичане и немцы.

Со стороны русских первое крупное наступление в условиях позиционной войны было предпринято в декабре 1915 г. на Юго-западном фронте. Это была неудачная попытка русского командования произвести прорыв фронта укрепленной позиции австро-германцев без артиллерийской подготовки.

Русская армия к тому времени еще мало была знакома со способами прорыва укрепленных позиций, не обеспечила себя необходимыми средствами для совершения этого прорыва и возлагала больше всего надежд на внезапность.

Главный удар наносила 7-я армия ген. Щербачева — та самая, которая так жестоко поплатилась за попытку овладеть штурмом крепостью Перемышль в начале войны, в 1914 г. (см. ч. IV).

Перед операцией, 3 декабря 1915 г., Щербачев преподал своим войскам ряд в общем правильных тактических указаний по вопросам применения артиллерии и по атаке укрепленных позиций, но не

настоял на соответствующем обеспечении армии достаточно сильной артиллерией и боеприпасами.

Указания Щербачева по артиллерийской части сводились к тому, что для успеха прорыва необходимы: а) уменье сосредоточить огонь возможно большего числа артиллерийских единиц на определенном участке расположения противника и установить полное взаимодействие между артиллерией и пехотой; б) централизация артиллерии в корпусе; в) организация тщательной предварительной разведки расположения неприятеля; г) точное распределение задач по уничтожению проволоки, фланкирующих построек и пулеметов противника; д) постоянная и надежная связь батарей с командирами пехотных частей, которым батареи назначены помогать; наблюдатели-артиллеристы в передовых частях пехоты; е) организация надежного непрерывного питания боеприпасами артиллерии, особенно тяжелой. Но в указаниях Щербачева не было сказано, сколько именно нужно боеприпасов для выполнения задачи, сколько нужно и каких орудий, по каким именно целям и какой вести огонь. Большинство указаний осталось невыполнимыми — лишь добрыми пожеланиями.

Армия Щербачева для нанесения удара на фронте Бенево, Бучач протяжением в 48 км (на р. Стрыпе) имела всего 428 орудий (т. е. средняя плотность — 8,9 орудия на 1 км), в том числе лишь 24 полевые тяжелые 152-мм гаубицы и 12 полевых тяжелых 107-мм пушек с крайне ограниченным запасом снарядов: для 152-мм гаубиц 3 654 гранаты и 1 770 шрапнелей, для 107-мм пушек 2 064 гранаты и столько же шрапнелей.

Прорыв на участке неприятельской позиции протяжением 4 км был возложен на 2-й армейский корпус в составе 26-й и 43-й пех. дивизий и 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду, всего с 132 орудиями, что составляло 33 орудия на 1 км фронта или в среднем одно орудие на 30 м, а одна гаубица на 166 м (под Ригой немцы против 4½ км фронта сосредоточили 630 орудий (или 140 орудий на 1 км и сверх того 550 минометов).

30 декабря (второй день боя) артиллерийская подготовка продолжалась лишь ½ часа. Атака 26-й дивизии была отбита с большими потерями, так как проволочные заграждения оказались неповрежденными. На другой день, также после получасовой артиллерийской подготовки, атака повторилась и опять была отбита, хотя фронт атаки был сокращен до 2 км.

Через три дня, 3 января, решено было прорвать 43-й пех. дивизией участок австрийской позиции лишь в 800 м. Атаку подготавливала артиллерия дивизии — 18 полевых 76-мм и 24 горных 76-мм пушек и вся приданная армии полевая тяжелая артиллерия — 24 гаубицы и 12 пушек. После методической артиллерийской подготовки с наблюдением каждого выстрела были сделаны проходы в двух полосах проволочного заграждения, и пехота прошла их, но остановилась перед третьей уцелевшей полосой и затем повернула назад.

Ввиду недостатка артиллерии решено было внезапно атаковать на рассвете 7 января Туркестанской стрелковой бригадой, сократив участок главного удара. Накануне тяжелая артиллерия и ночью саперы

с помощью ножниц и пироксилиновых зарядов сделали до 30 проходов в проволочных заграждениях.

Стрелки бросились на штурм еще в темноте. Заранее пристрелявшаяся артиллерия перенесла огонь на фланкирующие постройки. К 8½ час. стрелки прошли три полосы заграждений, продвинулись вглубь, захватили пленных и 12 орудий, но оказались без поддержки своей артиллерии, которая не могла видеть своей пехоты, скрывшейся за перегибом ската. Между тем австрийская артиллерия и пулеметы с трех сторон из глубины позиции встретили огнем прорвавшихся стрелков; в то же время завеса артиллерийского огня преградила путь идущим на поддержку русским резервам, австрийские же резервы перешли в контратаку и заставили русских стрелков отступить [1].

Неудача операции вызвала приказы, указания и наставления со стороны командования 7-й армии и Юго-западного фронта. Многое в этих указаниях было заимствовано из иностранных источников, главным образом из французских; в указаниях встречались противоречия.

Командующий армией Щербачев в своих указаниях, изданных 12 января 1916 г., неудачу операции объяснял между прочим недостатками управления и взаимодействия пехоты с артиллерией. Артиллерийских наблюдателей в передовых частях не было, вследствие чего артиллерия не могла оказать ближайшей поддержки своей пехоте при контратаках противника, а иногда даже расстреливала свою пехоту. Стрельба артиллерии, расположенной слишком далеко, не была тщательно подготовлена.

Главком Юго-западного фронта Иванов в своих указаниях во многом отрешается от прежних своих директив, считает невозможным осуществление быстрого прорыва, переходит к постановке ограниченных целей операции и до некоторой степени противопоставляет методизм внезапности. Указания Иванова отражают во многом французские инструкции.

«Трудно и не следует рассчитывать, чтобы артиллерии в один период огневой подготовки удалось пробить достаточную по фронту брешь во всю толщу или глубину системы укрепленной полосы. А потому в большинстве случаев прорыв таких полос будет требовать от нас ряда последовательных атак укрепленных линий в глубину...»— говорится в указаниях Иванова.

В отношении артиллерии штаб 7-й армии пришел к следующим выводам.

Умелое применение мощной тяжелой артиллерии, обеспеченной боеприпасами, является главнейшим необходимым залогом успеха атаки укрепленной позиции. Атака пехоты не может иметь успеха, пока артиллерия не разрушила проволочных заграждений и фланкирующих построек противника.

Оборудование позиций в несколько линий с 3—4 полосами проволочных заграждений, усиливаемых электрическим током, с системой отсеков и с пулеметным огнем по проволочным сетям и по внутренности отсеков, вызывает необходимость образования широких

[1] ЦВИА, 442.

завес артиллерийского огня, распространяющихся в глубину оборонительной позиции на 10—12 км (приблизительно на двойную дальность шрапнельного огня того времени), чтобы иметь возможность подвести резервы и противодействовать контратакам.

Прорывающимся частям пехоты необходимо обеспечить поддержку артиллерийским огнем на всем пути их продвижения в глубину неприятельской позиции.

Ввиду невозможности видеть внутренность позиции с наземных наблюдательных пунктов, аэрофотографирование позиции является обязательным для разработки плана и выполнения атаки.

Расчет количества артиллерии, особенно тяжелой, и боеприпасов должен производиться в каждом частном случае на основании аэрофотоснимков неприятельской позиции, учета местных условий и прочих данных обстановки.

Основными причинами неуспеха операции русских на р. Стрыпе являлись: подготовка операции, не соответствующая замыслу, неуверенность в успехе операции командования и в первую очередь главкома Иванова, всячески уклонявшегося от ее исполнения (операция производилась по распоряжению Ставки), недостаток артиллерии, особенно тяжелой, и необеспеченность ее боеприпасами, разрозненные атаки небольшими силами вместо общего единого удара всеми силами, ошибки артиллерийского руководства — разбрасывание огня по чрезмерно широкому фронту вместо сосредоточения в решающем направлении, неумение обеспечить фланги атаки от поражения огнем уцелевшей в глубине позиции артиллерии и пулеметов.

Печальный опыт декабрьской операции на Стрыпе должен был бы убедить командование русской армии, что с недостаточными силами и средствами, с расчетом главным образом на удар живой силой, нельзя надеяться на успех атаки укрепленной позиции. Это подтверждалось и не менее печальным опытом бывших союзников России, обильный материал о котором получила русская Ставка в начале 1916 г.

Тем не менее русское командование предпринимает в марте 1916 г. операцию прорыва германского укрепленного фронта путем массового удара войсками Северного и Западного фронтов (главнокомандующие Куропаткин и Эверт).

Операция эта, являясь первым приближением к овладению техникой борьбы за укрепленные полосы, закончилась тяжелой неудачей. Русская армия залила поле сражения потоками крови, не одержав успеха вследствие многих причин: исключительно плохое руководство командования, отсутствие всесторонне обдуманной подготовки операции, недостаточность артиллерии, боеприпасов и прочих технических средств, несогласованность действий артиллерии с пехотой, безграмотная постановка задач артиллерии и т. д.

Мартовская операция 1916 г. настолько поучительна в отношении неумелого боевого применения артиллерии, что эту операцию мы в дальнейшем (ч. IV) разберем подробно.

После ряда неудачных попыток прорыва укрепленных полос австро-германцев и в особенности после крайне тяжелой мартовской неудачи русское командование пришло к заключению, что для успешной борьбы в позиционных условиях неприменимы привычные, уста-

новившиеся способы ведения наступательного боя, хотя они в значительной мере и оправдались в маневренный период войны.

Начиная с весны 1916 г., на русском фронте издаются руководящие указания и наставления, устанавливающие новые методы борьбы за укрепленные полосы на основе боевого опыта как своей, русской, так отчасти и союзной французской армии (см. выше). Среди изданных в 1916 г. руководств пользовались популярностью и получили более широкое распространение в армии составленные Киреем «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке» укрепленных полос.

«Выводы» свои Кирей начинает с работы штабов фронта и армии, подчеркивая при этом, что при организации прорыва укрепленной полосы работа начальника артиллерии неотделима от работы старших общевойсковых начальников, что план операции должен строиться на действительно имеющихся артиллерийских средствах (орудия и снаряды), а не «исходя из теоретических или французских норм», что в личности начальника ударной группы «главный залог успеха» и что этот начальник «выбирает себе начальника артиллерии».

С последним положением Кирея нельзя согласиться. Ударная группа должна представлять сплоченную организованную единицу, постоянный начальник которой должен оставаться и начальником ударной группы. Старший начальник частей артиллерии, включенных в состав ударной группы, должен быть начальником артиллерии этой группы. Иначе будет нарушена организация. Личный пример Кирея, к тому же не выбранного начальником ударной группы, а назначенного командованием армии начальником артиллерии ударной группы 9-й армии в период боев 4 июня—12 августа 1916 г., является удачным исключением, но никак не обязательным общим правилом.

Подобное исключение может, однако, иметь место и в будущем, когда командование сочтет необходимым в качестве начальника многочисленной артиллерии ударной группы назначить наиболее авторитетного и опытного артиллериста из числа начальников, артиллерия которых не входит в данную группу. Начальником артиллерии ударной группы может быть назначен также начальник артиллерии армии или фронта. Некоторое нарушение организации окупится в таких случаях пользой, которую принесет начальник, обладающий бо́льшим опытом и лучше справляющийся с весьма сложным делом управления крупными артиллерийскими массами.

Совершенно правильна руководящая мысль Кирея, что «прорыв укрепленной полосы—не полевой бой, состоящий из массы неожиданных случайностей, а строго продуманная, рассчитанная по снарядам и саженям операция».

Эту мысль необходимо иметь всегда в виду и учитывать, что выводы из опыта борьбы за укрепленные полосы, подлежащие основательному изучению при подготовке к такой борьбе, могут быть использованы лишь отчасти и с большой осторожностью при подготовке к маневренной войне. И если при атаке укрепленной позиции действительно крайне необходим заблаговременно детально разработанный и строго продуманный план действий артиллерии, то при атаке

в маневренной войне, особенно во встречном бою, такой детальный план, вследствие изменчивой обстановки боя, разработать заблаговременно нельзя и такой план не только был бы бесполезным, но и вредным, так как связал бы действия артиллерии и проявление инициативы артиллерийских начальников, являющейся одним из основных условий, обеспечивающих успех боя в маневренной войне.

По мнению Кирея, против которого нельзя возражать, сущность артиллерийской работы при атаке укрепленной позиции сводится к тому, чтобы обеспечить возможность «в час, указанный для атаки..., поднять одновременно всю назначенную для этого пехоту и довести ее до намеченной цели».

Для достижения этого на артиллерию возлагаются следующие задачи: а) способствовать постепенному выдвижению пехоты вперед для занятия ею исходного для атаки положения — задача легкой пушечной и гаубичной артиллерии, в исключительных случаях отдельных тяжелых орудий; б) пробить проходы в проволочных заграждениях — легкая артиллерия; в) разбить пулеметные блиндажи, пулеметы, убежища, окопы и завалить ходы сообщения — тяжелая артиллерия (гаубицы и осадные пушки), отчасти легкая артиллерия; г) устроить огневую завесу и отбивать контратаки — легкая и отчасти тяжелая артиллерия; д) подготовлять атаку окопов противника вправо и влево от прорыва (расширять прорыв) — тяжелая артиллерия и отчасти легкая; е) вести борьбу с неприятельской артиллерией — дальнобойные пушки тяжелой артиллерии и легкая артиллерия.

Многие положения в «Выводах» Кирея являются развитием и уточнением тех идей, которые были заложены в наставлениях для боевой подготовки русской артиллерии в мирное время. Например, о том, что нельзя окончательно «подавить» неприятельскую артиллерию, расположенную на закрытых позициях, но можно только заставить ее замолчать[1]; что «возможность фланкирования должна быть исходной данной при выборе позиции», а если фланкировать нельзя, то «стремиться получить возможно косой огонь»; что для возможности фланкирования «батареи можно ставить не только в соседней дивизии, но даже и в соседней армии, лишь бы только лучше использовать их огонь», т. е. участок, данный для дивизии, не должен считаться вместе с тем обязательным участком для расположения артиллерии той же дивизии и пр.

Впрочем, ниже, в гл. XXII своей брошюры, Кирей говорит, что «подавление неприятельского артиллерийского огня возможно только при помощи корректирования стрельбы с самолетов», но там же оговаривается, что при скудности авиационных средств «невыгодно уменьшать противоокопную артиллерию для сомнительных попыток борьбы с невидимыми неприятельскими батареями», и считает, что для этой борьбы не стоит выделять

[1] В маневренный период войны были случаи, когда русская артиллерия своим огнем уничтожала неприятельские батареи, стоящие открыто или на полузакрытых позициях (см. выше).

больше $^1/_8$—$^1/_7$ числа всех орудий ударной группы. Там же указывается, что на противобатарейную артиллерийскую группу будет также возложен обстрел тыла противника и потому по окончании артиллерийской подготовки, во второй период боя, противобатарейную группу необходимо усилить до $^1/_3$.

В отношении продолжительности артиллерийской подготовки у Кирея не замечается достаточно четкой установки. В гл. V брошюры он считает, что «подготовку можно вести несколько дней», если имеется много снарядов и есть уверенность, что расстрелянные орудия будут немедленно заменены. Этот вывод сделан, очевидно, под влиянием французов, у которых в то время действовала инструкция Жоффра: «артиллерия разрушает, пехота наводняет» (см. выше)—и артиллерийская подготовка длилась по несколько дней в ущерб принципу внезапности. Там же Кирей оговаривает, что «при ограниченных средствах и в видах скрытности подготовку атаки лучше вести один день в течение 7—8 часов».

В главе же XXI подчеркивается необходимость соблюдения «внезапности». В ней сказано: «Чем продолжительней подготовка, тем больше будет у противника времени, чтобы подвести резервы и сосредоточить артиллерию... многодневная подготовка требует большого расхода снарядов, а главное, она не дает внезапности, одного из главнейших условий успеха».

Кирей считает, что только та артиллерия, которая будет обслуживать второстепенные участки на флангах прорыва, не войдет в объединенную артиллерийскую группу и останется в распоряжении начальников участков; вся же прочая легкая и тяжелая артиллерия должна быть подчинена начальнику артиллерии. Но после прорыва неприятельских окопов часть легкой пушечной и гаубичной артиллерии должна выдвинуться вперед на новые позиции, выйдя из состава объединенной группы и поступив в распоряжение начальников участков.

Работу артиллерии при прорыве Кирей разделяет на предварительную и боевую, считая первую более важной.

«Все должно быть заранее предусмотрено и расписано до мелочей»,—указывает Кирей. Но затем совершенно правильно он подчеркивает, что с началом распространения атакующей пехоты в тылу противника, т. е. когда наступает как бы полевой ближний бой, всякие расписания отбрасываются и в силу вступает творчество младших боевых начальников (командиров дивизионов и батарей), действующих сообразно обстановке.

В брошюре Кирея подробно указывается, кем и как должны производиться: предварительные работы штаба ударной группы по разведке, составлению общего артиллерийского плана, распределению артиллерии и по составлению ориентирных планов; работы по выбору и оборудованию наблюдательных пунктов и позиций, по организации связи (главнейшей связью Кирей считает командную связь командира батареи, перерыв которой «недопустим», а потому связь эта должна «устраиваться двумя совершенно самостоятельными проводами»); по производству пристрелки и ведению стрельбы (при-

стрелку рекомендуется производить непосредственно перед стрельбой в день атаки, чтобы заблаговременной пристрелкой не раскрывать карты противнику; пристреливать каждое орудие в отдельности, так как при извилистости неприятельских окопов и заграждений получаются обыкновенно разные прицелы для каждого орудия).

В брошюре Кирея имеется много других указаний технического характера — о ведении стрельбы при устройстве проходов в проволоке, при артиллерийской подготовке атаки, о переносах огня с началом пехотной атаки, об устройстве огневой завесы и отбитии контратак и пр. Указывается, какую поддержку и как должна оказывать артиллерия пехоте в период ее сближения с противником, а также, каким образом производится выдвижение артиллерии вперед при успехе атаки; при этом подчеркивается, что главная задача выезжающей вперед артиллерии — открыть возможно скорее огонь по тем целям, которые не видны с тыловых наблюдательных пунктов или которые недосягаемы для оставшихся сзади батарей, а поэтому кругозор наблюдательного пункта и выгодные свойства огневой позиции отходят на второй план.

В гл. XXVIII дан интересный пример работы артиллерии атаки при прорыве австрийской позиции 4 июня 1916 г. у Добронуц (начальником этой артиллерии был Кирей) и приведен приказ одной из групп артиллерии.

Командир 11-го корпуса (9-й армии) решил произвести главный удар на участке в 3½ км.

Корпусу было придано 211 орудий; из них назначено было: а) на главный участок прорыва 159 орудий (все 35 тяжелых, 20 полевых 122-мм гаубиц, 102 легкие и 2 горные пушки); б) на правый и левый второстепенные участки 36 легких пушек и 4 гаубицы 122-мм; в) в распоряжение командиров пехотных полков на участке главного удара 8 горных пушек; г) для стрельбы по самолетам 4 горные пушки (по 2 на дивизию). В общем 211 орудий распределены были по целям так: 94 орудия по окопам главного участка, 36 орудий по проволоке главного участка, 27 — по неприятельской артиллерии и 54 — по разным остальным целям.

В приказе даются подробные указания: об участках обстрела в I период боя (до начала и с началом движения пехоты) и во II период (после занятия пехотой второй неприятельской линии); о пристрелке — с 4 до 6 час. утра, о подготовке атаки — стрельба с 6 час. до 11 ч. 15 м. (с подробным расчетом времени — всего лишь около 5 час.) и количестве снарядов (всего 600 гранат, в том числе 255 гранат по проволочным заграждениям); о переносах огня, когда пехота подойдет к опасной зоне поражения огнем своей артиллерии; о запасе снарядов; о наблюдении и связи. В приказе имеется оговорка, что секторов обстрела, указанных на II период боя, не следует держаться «аки слепой стены», а руководствоваться действительной обстановкой, донося об изменениях начальнику артиллерийской группы.

Атака у Добронуц удалась: русские прорвали фронт австрийцев.

Тогда же 2-му армейскому корпусу поставлена была задача прорвать в районе Язловец весьма сильные, с бетонированными по-

стройками позиции австрийцев на фронте около 7 км. Главный удар наносился на участке в 2 км. В ударную группу было выделено 32 батальона из 48, т. е. 75%, и только 84 орудия из 156 (42 орудия на 1 км), т. е. немного более 50%; управление артиллерией прорыва было централизовано в руках инспектора артиллерий корпуса. Все имевшиеся в корпусе 22 тяжелых орудия (6 пушек 107-мм и 16 гаубиц 152-мм) были включены в объединенную артиллерийскую группу, в числе остальных легких орудий группы были 42 пушки 76-мм и 20 гаубиц 122-мм. К группе приданы были воздухоплавательная рота и авиационный отряд.

Объединенной артиллерийской группе поставлена была задача — разрушить фланкирующие постройки и пробить проходы в проволочных заграждениях. Назначенных артиллерийских средств было недостаточно для выполнения поставленной задачи (хотя борьба с неприятельской артиллерией не была указана в задаче), вследствие чего подготовка атаки растянулась на 2½ суток, чем нарушалась внезапность, хотя для обеспечения внезапности командование предприняло ряд мероприятий.

Для удобства управления объединенная артиллерийская группа была разделена на три подгруппы; в состав каждой подгруппы вошли и легкие и тяжелые пушки и гаубицы.

Артиллерийская подготовка велась методически с применением, хотя и в скромных размерах, змейковых аэростатов для наблюдения и самолетов для корректирования стрельбы.

После артиллерийской подготовки пехота на рассвете 6 июня успешно атаковала, все время поддерживаемая артиллерийским огнем, и проникла в глубину неприятельской оборонительной полосы на 2—3 км. На другой день, развивая успех, пехота прошла вперед до 5 км, прорвав окончательно австро-германский фронт.

В 1916 г. идея централизации управления массами артиллерии еще недостаточно четко проникла в сознание командования русской армии (не исключая и Кирея), несмотря на истекший почти двухлетний опыт войны, и осуществлялась довольно нерешительно. При этом, очевидно, считались с недовольством начальников дивизий, которое вызывалось временным изъятием из их подчинения дивизионной артиллерии, передаваемой в объединенную группу, подчиняемую особому начальнику артиллерии.

В ударную группу выделяется у Язловец лишь 54% орудий (84 из 156) и отчасти поэтому артиллерийская подготовка затягивается на 2½ суток, а у Доброноуц — 75% (159 из 211), и в результате артиллерийская подготовка сокращается, включая время на пристрелку, до 7 час., чем в значительно большей степени обеспечивается внезапность.

Кирей в первой части своих «Выводов» предусматривает необходимость разработки одновременно с планом атаки и плана обороны на случай наступления противника.

«Общими указаниями для борьбы за укрепленные полосы», изданными Ставкой в мае 1916 г., в отношении действий артиллерии при прорыве предусматривалось следующее:

а) «Для исполнения своего прямого назначения — прокладывать дорогу пехоте — артиллерия должна быть предварительно надлежаще устроена» и способ ее действий должен быть тщательно разработан в предвидении предстоящих задач: по разрушению оборонительных сооружений, действию по войскам, по борьбе с неприятельскими батареями, содействию атаке (в частности — уничтожению неприятельских пулеметов).

б) «План артиллерийских действий» должен быть разработан «в согласии с общим планом атаки».

в) С началом боя артиллерия должна располагаться возможно ближе к противнику, так как она «должна поражать не только первый ряд укреплений, но вообще обстреливать всю глубину полосы и зачастую бороться с отдельными батареями противника».

г) «Разработанный план артиллерийских действий надлежит проводить в жизнь неуклонно, педантично», имея в виду, что «молодой состав войск нуждается в такой артиллерийской подготовке, чтобы части могли продвигаться до намеченных рубежей почти беспрепятственно; ограничивать эту подготовку часами несоответственно; нужно определять длительность ее действительно достигнутым успехом, засвидетельствованным донесениями передовых частей и специальных опытных наблюдателей». Выбор минуты для начала пехотного натиска «не может быть определен задолго вперед, вследствие зависимости от успеха артиллерийской подготовки».

д) «Огонь следует вести редкий, с наблюдением, при каждом выстреле, не только перелетов и недолетов, но и производимого разрушения»; «ураганный огонь» следует совсем вывести из обихода; «беглый огонь» допустим только в отдельных случаях появления открытых, скоропроходящих целей; «для нравственного воздействия на противника» нужен не «ураганный» огонь отдельных частей артиллерии, а «планомерное, тщательно подготовленное совместное действие их».

е) Требуется полное напряжение всех артиллерийских средств, но урегулированное и согласованное с задачами.

«Связь между артиллерией и авиацией, между батареями и передовыми наблюдателями при пехоте должна быть налажена в полной мере».

ж) «Артиллерийская подготовка должна быть закончена лишь тогда, когда все преднамеченные разрушения выполнены».

«Атаке, начинаемой лишь после того, как убедятся в разрушении искусственных препятствий, обыкновенно предшествует огонь всех орудий».

После разрушения назначенных построек «артиллерия постепенно увеличивает дистанцию своего огня с тем, чтобы произвести на фронте и флангах участка атаки продольную и поперечные завесы, под прикрытием которых пехота может продвигаться...» «Продвигающаяся пехота должна все время чувствовать, что она с фронта и флангов прикрывается могущественной, подвижной и осведомленной артиллерийской защитой».

з) «Без ослабления неприятельской артиллерии захват передовых окопов противника не может быть прочным, так как именно по этим окопам, заранее пристрелянным, противник открывает ожесточенный огонь».

«Обстрел батарей противника и приведение их к молчанию возможно вести с должным успехом лишь при использовании всех средств воздушного флота для целей наблюдения и корректирования стрельбы. Большая часть воздушных аппаратов должна быть передана в непосредственное подчинение артиллерии задолго до начала операции, дабы наладить совместную работу».

и) «Независимо от орудий, придаваемых пехоте и продвигающихся следом за ней, должно разработать способы перемены позиций и для прочей артиллерии».

«Необходимо иметь в виду, что перемещение артиллерии вперед поднимает дух пехоты».

к) «Стрельба артиллерии может быть действительна лишь при организации наблюдения вперед и тесной связи с пехотой...» «Связь обеспечивается расположением вместе или поблизости друг от друга начальников артиллерии и пехотных участков, надежно связанных особым телефоном, а также расположением передовых артиллерийских наблюдателей в передовых цепях пехоты...» «Артиллерия с плохо налаженным наблюдением бесполезна пехоте и даже вредит ей...»

Изданная в 1916 г. артиллерийская часть «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы» была заменена изданным Ставкой в 1917 г. «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы», причем указания о действиях артиллерии при прорыве укрепленной полосы, окончательно установленные верховным командованием русской армии, были изложены во II части — артиллерийской — названного «Наставления». Указания эти сводились в общем к следующему.

Удобный для прорыва район, захватывающий обычно фронт около 20 км, выяснялся заблаговременно при содействии общевойсковой и артиллерийской разведки. Для получения точного представления о расположении неприятеля намеченный район требовалось сфотографировать с самолета. Район прорыва делился на участки: главного удара и второстепенные. Избранный для атаки район, в особенности участок главного удара, должен был предоставлять удобства для артиллерии в отношении расположения на позиции, наблюдения, маневрирования и питания боеприпасами, а также соответствовать силам артиллерии, сосредоточенной для подготовки прорыва.

Работа артиллерии при прорыве состояла из предварительной и боевой. Предварительную работу требовалось начать заблаговременно. Подчеркивалось при этом, что «операцию прорыва укрепленной полосы нельзя импровизировать», что «все должно быть продумано и подготовлено», что торопливость или расчет на благоприятные случайности предрешают неудачу и тяжелые потери.

Согласно «Наставлению», главная масса артиллерии обычно назначалась в ударные корпуса. В пределах каждого ударного корпуса вся артиллерия подразделялась на группы.

Для объединения действий артиллерии при прорыве укрепленной полосы противника в каждом ударном корпусе назначался особый «начальник артиллерии ударного корпуса»; в большинстве случаев таким начальником являлся старший артиллерийский начальник в данном корпусе, иногда же такой начальник избирался командиром корпуса из известных ему артиллеристов корпуса, обладающих энергией, знаниями и опытом управления артиллерийскими массами в бою, стремлением давать указания и проверять работу лично в поле.

При начальнике артиллерии каждого ударного корпуса заблаговременно с необходимым имуществом формировался штаб следующего состава:

а) 1 или 2 помощника начальника артиллерии из штаб-офицеров (полковников или подполковников) артиллерии, адъютант из младших офицеров и 1 офицер Генерального штаба для поручений и для облегчения связи со штабом корпуса;

б) участковый комендант с 3—4 помощниками офицерами, взводом конницы и взводом пехоты;

в) 1 младший офицер для службы наблюдения, 1 офицер-топограф с чертежником, 1 младший офицер с 10—15 опытными саперами;

г) телеграфная рота или кабельное отделение;

д) 1—2 авиационных отряда с истребителями для охраны, со средствами для радиокорректирования и фотографирования (однако вся работа аэрофотографирования должна была выполняться, независимо от указанных средств, штабом корпуса или армии);

е) 2—3 змейковых аэростата;

ж) звуковые наблюдательные станции;

з) при каждом офицере по 2 конных ординарца;

и) 2—3 писаря.

Рабочие назначались от войсковых частей распоряжением штаба корпуса.

Из имущества полагалось иметь: автомобиль, парную повозку для вещей, большую стереотрубу, пишущую машинку, шапирограф, запас канцелярских принадлежностей, обильный запас фотопланов и карт и, главное, карт участка главного удара в масштабе 100—250 саж. в дюйме (8 400—21 000); карт крупного масштаба требовалось около 200 экземпляров.

Для справок начальствующего и командного состава ко II части «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» изд. 1917 г. приложен был краткий перечень задач, какие могли выпадать на долю артиллерии, а также перечень орудий, которые следовало назначать для решения этих задач (см. табл. 1). Перечень составлен на основании изданного в 1916 г. Управлением полевого инспектора артиллерии руководства «Свойства орудий и краткие указания для их применения» (т. I, ч. II).

Таблица 1

Краткий перечень задач для артиллерии и соответствующих этим задачам орудий

Название задач (целей)	Наиболее соответствующие им орудия
А. Прочные сооружения и окопы	
1. Особенно прочные постройки из бетона—убежища, укрытые 3—4 м земли, и прочные блокгаузы в крепостях, укрепленных узлах и оборонительных полосах	а) Гаубицы: 305-мм обуховские и Виккерса; 280-мм Шнейдера; 203-мм Виккерса; 20-см обр. 1912 г. (японские); 234-мм английские б) Береговые мортиры: 280-мм и 228-мм (9-дм.) в) Пушки: 228-мм и 254-мм береговые (последние по вертикальным целям, а по горизонтальным—лишь за неимением указанных выше гаубиц или мортир, с дистанции, имеющей угол падения больше 20°)
2. Прочные постройки, легкие бетонные (около 50 см бетона), блиндажи и укрытия менее прочные, нежели указанные в п. 1	а) Указанные выше орудия и, кроме того: б) Пушки: 152-мм в 120 пуд., 190 пуд. и 200 пуд. и 155-мм французские (для последних угол падения должен быть больше 20°; для прочих—тоже, если гранатный взрыватель с замедлением) в) Гаубицы: 152-мм полевые и крепостные обр. 1910 и 1909 гг. и 152-мм английские
3. Окопы укрепленной полосы с блиндажами полевого типа, козырьками и пулеметными гнездами	а) Для разрушения важнейших участков применяют: 152-мм пушки и гаубицы, упомянутые выше в п. 2 „б". Кроме того: б) Гаубицы: 122-мм и 114-мм; 12-см и 15-см Круппа; 10-см австрийские (последние четыре по наиболее слабым участкам и ходам сообщения) в) Мортиры: 152-мм полевые г) Если имеются орудия крупного калибра, упомянутые в п. 1, то их применяют для разрушения главнейших и сильнейших пунктов атакованного участка при обязательном условии образцового наблюдения
4. Окопы в полевых боях; ходы сообщения и их скрещения	а) Гаубицы: 152-мм полевые и крепостные; 152-мм английские; 122-мм и 114-мм легкие. 10-см австрийские (последние две значительно слабее прочих) б) Мортиры: 152-мм полевые в) Пушки: 90-мм и 155-мм французские; все полевые легкие и полевые тяжелые (76-мм и 107-мм), гранатой по преимуществу косым или фланговым огнем (пушки 120-мм обуховские и Виккерса применять не следует, а 120-мм французские можно использовать)
Б. Артиллерия	
5. Открыто стоящая или прикрытая легкими блиндажами	Пушки: 76-мм легкие и горные; полевые легкие и батарейные обр. 1877 г.: 105-мм и 107-мм скорострельные и обр. 1877 г.

Название задач (целей)	Наиболее соответствующие им орудия
6. Артиллерия, казематированная не особенно прочно	Пушки: 127-мм английские и 120-мм французские; 120-мм обуховские и Виккерса
7. Прочно казематированная	Пушки: 155-мм французские; 152-мм в 200 пуд., 152-мм береговые Канэ, 152-мм осадные Шнейдера

Примечание. Пушки, указанные в пп. 6 и 7, применяются по наиболее дальнобойной, крупной и вредящей артиллерии

8. Артиллерия исключительной силы (например по 42-см германским гаубицам)	Пушки: 254-мм береговые

Примечание. В случаях, когда гаубицы свободны от решения задач по разрушению блиндажей и окопов или нет указанных выше пушек, а неприятельская артиллерия прочно казематирована, применяют и 152-мм, 122-мм, 114-мм и 10-см гаубицы. Можно применять и 152-мм пушки старых образцов в 120 пуд. и 190 пуд.

9. В. Пулеметы	а) Пушки: 76-мм легкие и горные; 76-мм штурмовые; противоштурмовые 37-мм, 40-мм, 47-мм и 57-мм б) Орудия более крупных калибров, если пулеметы расположены в прочных постройках Кроме того, пулеметы разбивают попутно при разрушении окопов
10. Г. Проволочные заграждения	а) Пушки: 76-мм легкие и горные; легкие полевые и батарейные обр. 1877 г.; 90-мм французские; трофейные германские и австрийские полевые пушки б) Гаубицы: 122-мм и 114-мм; 10-см австрийские и 12-см Круппа—для разрушения заграждений, укрытых скатом и недоступных для отлогой траектории пушек, а также для разрушения особо прочных заграждений
11. Д. Открытые живые цели	а) Пушки: преимущественно 76-мм легкие и горные, а также 76-мм штурмовые, 37-мм, 40-мм, 47-мм и 57-мм б) Все орудия до 152-мм калибра включительно, преимущественно комбинированным огнем (часть орудий шрапнелью, прочие гранатой)
12. Е. Самолеты	Пушки: 76-мм противосамолетные обр. 1914 г.; 76-мм легкие обр. 1900 и 1902 гг., помещенные на особые установки; 40-мм пушка-пулемет Виккерса
13. Ж. Аэростаты	Пушки: 107-мм скорострельные и обр. 1877 г.; 120-мм французские При случайном расположении аэростата в пределах досягаемости полевой легкой артиллерии применяют и 76-мм легкие пушки

В распоряжении начальника дивизии оставалась часть легкой артиллерии, но только в тех случаях, если ее имелось много. Однако «в период подготовки и ближайшей поддержки атаки» задачи, возлагаемые на эту артиллерию, должны были находиться, «по соглашению соответственных начальников, в полной связи с задачами артиллерии своего ударного корпуса и входить в общий и частные планы действий артиллерии корпуса».

Для борьбы с неприятельской артиллерией выделялись противобатарейные группы, объединенные в руках одного или при широком фронте двух начальников, подчиняемых инспектору артиллерии армии.

Тяжелая артиллерия крупных калибров, предназначенная для подготовки атаки на участках двух или нескольких корпусов, выделялась в армейскую группу (группы) и подчинялась также инспектору артиллерии армии. План действия этой артиллерии согласовывался с планами действий артиллерии и пехоты ударных корпусов.

Минометы (иногда и бомбометы) соединялись в группы во главе с артиллерийскими офицерами и подчинялись начальнику той артиллерийской группы, на участке расположения которой минометы находились.

Группировка артиллерии определялась «*теми участками (секторами) фронта и тыла противника, куда стреляют*» орудия той или иной группы.

«Артиллерийские группы, по окончании поставленной объединенной артиллерии задачи, по мере захвата позиции противника и продвижения пехоты вперед, должны были выделять из себя и передавать в войсковые боевые участки необходимую им артиллерию».

Указания «Наставления» об артиллерийской подготовке атаки укрепленной полосы сводились в общем к следующему (§ 127—227, ч. II «Наставления»):

а) противобатарейная артиллерия ведет борьбу с артиллерией противника и обстрел его расположения в тылу;

б) тяжелая и гаубичная артиллерия ударных корпусов ведет разрушение главных элементов обороны;

в) минометы разрушают заграждения и окопы;

г) легкая 76-мм пушечная, а где это требуется—и легкая 122-мм гаубичная артиллерия делают проходы в искусственных заграждениях;

д) легкая артиллерия обстреливает периодически, а часа за два до начала атаки — непрерывно, промежутки между участками разрушения в районе главного удара, чтобы там не оставалось ни одного безопасного места и прекратилось перемещение противника;

е) легкая 76-мм пушечная артиллерия, усиленная по возможности 122-мм гаубицами и минометами, ведет обстрел (и частичное разрушение) участков, смежных с участками главного удара, чтобы атакующие части не были взяты под фланговый огонь; смежные участки берут под обстрел на протяжении не менее 1 км с каждой стороны участка главного удара;

ж) на второстепенных участках прорыва, в различных местах, артиллерия и минометы ведут подготовку согласно указанному выше;

з) артиллерия ведет огонь химическими снарядами по резервам, батареям, окопам и убежищам;

и) «артиллерия должна выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, но связывать артиллерию точным, часто чрезмерно коротким сроком подготовки нельзя» (в летние дни 8—10 час. возможно).

При подготовке атаки русская артиллерия успешно применяла особый прием с целью ввести неприятельскую пехоту в заблуждение, заставить ее вылезти из убежищ еще до начала атаки, затем нанести ей возможно большие потери и деморализовать ее.

Непосредственно перед атакой пехоты бывает обыкновенно сильная вспышка ураганного артиллерийского огня и затем следует атака, заставляющая артиллерию наступающего перенести огонь на тыл атакуемого участка. При этом с началом атаки получается некоторый короткий перерыв артиллерийского огня — между последней вспышкой огня по окопам и началом огня по тылу. Перерыв в артиллерийском огне служил для неприятельской пехоты сигналом к выходу из убежищ для встречи атаки пулеметным и ружейным огнем и огнем траншейных орудий.

Русская артиллерия создавала полную иллюзию начала пехотной атаки, умышленно перенося после короткой паузы огонь свой с окопов на тыл (ложный перенос огня — по терминологии наших современных уставов).

Примером может служить артиллерийская подготовка при Черновицком прорыве 9-й русской армии в мае 1915 г.

Вспышки ураганного огня в разное время артиллерийской подготовки и следовавшие за ними короткие перерывы и переносы огня в тыл, согласованные с наступлением разведчиков, заставляли австрийцев несколько раз вылезать из убежищ и занимать окопы, после чего русская артиллерия обрушивалась сильнейшим огнем на головы открывшихся неприятельских стрелков. После таких дорого стоивших для противника попыток занять свои окопы с целью встречи атакующего огнем австрийцы перестали оставлять свои убежища, и когда русская пехота действительно атаковала, то застала главную их массу укрытой в убежищах.

В числе других мер, способствующих деморализации неприятельской пехоты, защищающей оборонительные сооружения, русская артиллерия применяла еще следующие: а) одновременно с разрушением оборонительных построек снарядами тяжелой артиллерии, выгонявшими людей из убежищ, легкая артиллерия поражала их шрапнелью; б) во время артиллерийской подготовки периодически обстреливались химическими снарядами оборонительные постройки, убежища и вероятные места расположения резервов противника с целью заставить людей быть в масках, что их изнуряет и сильно понижает действительность ружейного и пулеметного огня.

В отношении организации борьбы с неприятельской артиллерией «Наставлением» были даны определенные подробные указания: о необходимости непрерывного наблюдения днем и ночью с наземных пунктов на широком фронте, об использовании самолетов, привязных

аэростатов, звуковых наблюдательных и искровых станций, о пристрелке и технике огня.

Даны также указания об усилении противобатарейной артиллерии, так как сила ее обычно является недостаточной для обстрела всех неприятельских батарей и выяснившихся целей. Между тем с началом движения пехоты в атаку часть тяжелых и гаубичных «батарей разрушения» обычно освобождается и может быть обращена на усиление противобатарейной артиллерии. Планом действия артиллерии должно быть предусмотрено такое усиление противобатарейных артиллерийских групп.

Вызванная условиями позиционной войны группировка артиллерии на группы разрушения главных и второстепенных элементов обороны противника, на группу разрушения заграждений и на контрбатарейную группу — часто не применялась на практике, по крайней мере в 1916 г. и в начале 1917 г. Приходилось распределять артиллерию иначе главным образом вследствие бедности артиллерийских средств — количественной и качественной (последней в смысле могущества орудий).

Бо́льшую часть батарей приходилось занимать разрушением проволочных заграждений, проделыванием в них проходов, так как «если препятствия не прорваны, то рассчитывать на успешный исход атаки большею частью нельзя» (§ 143, ч. II «Наставления»). Оставшаяся меньшая часть батарей, особенно при недостаточности калибра и дальнобойности орудий, не могла справиться с задачами разрушения элементов обороны; поэтому приходилось давать эту задачу и тем батареям, которые были уже заняты на проделывании проходов в проволоке. Вследствие тех же причин и борьба с артиллерией также нередко возлагалась на орудия среднего калибра.

Разрушение проволоки относилось, в сущности, к обязанностям орудий ближнего боя, а окончательное расчищение проходов в проволоке лежало на самой пехоте. Но орудий ближнего боя было мало, инструментов для резки проволоки (ножниц) пехота почти не имела, а если бы и имела, то проходов в заграждениях не сделала бы, так как резка проволоки под огнем в условиях позиционной войны — дело почти безнадежное. Поэтому задача проделывания проходов отвлекала на себя большинство батарей, являлась для них задачей первой очереди, задачу же разрушения окопов приходилось выполнять по окончании первой.

Таким образом, процесс артиллерийской подготовки разделялся на две фазы: а) образование проходов в проволоке; б) разрушение окопов и, кроме того, борьба с артиллерией противника.

Не столько обеспечение внезапности, сколько ограниченность технических средств, особенно снарядов, приводила к сокращению времени на артиллерийскую подготовку до нескольких часов. Обычно атаку приурочивали к 14—16 час. дня с тем, чтобы в случае успеха атаки оставалось 3—4 часа светлого времени на развитие удара. Проделывание проходов в проволоке, в общем весьма трудное, особенно при многополосных заграждениях, отнимало от 5 до 6 час. Нередко артиллерийская подготовка начиналась в 8—9 час. утра, вследствие чего почти не оставалось времени для выполнения второй

фазы, т. е. на разрушение окопов. Между тем командование, стремясь ускорить атаку, мало считалось с ее неподготовленностью. Бывало немало примеров, когда общевойсковое командование даже не обращало внимания на то, что первая задача пробивания проходов еще не выполнена, и предлагало артиллерии поторопиться с подготовкой, т. е. и с разрушением укреплений, так как через 15—20 мин. начнется атака. Такая недопустимая торопливость приводила к тому, что задача разрушения сводилась к поверхностному обстрелу окопов и почти всегда влекла за собою кровавую неудачу атаки.

Были и другие вредные последствия расчленения артиллерийской подготовки на два указанных периода: а) продолжительное проделывание проходов без одновременного разрушения окопов обнаруживало противнику направление будущей атаки и давало ему возможность заблаговременно усилить сопротивление в районе предстоящей атаки; б) весьма значительный расход снарядов, необходимый для последовательного решения двух задач — для пробивания проволоки и отдельно для разрушения, тогда как обилие артиллерии, преимущественно тяжелой, у австро-германцев приводило в результате обстрела к одновременному, параллельному разрушению как окопов, так и заграждений (последнее вытекало из первого); в) сравнительно ничтожное воздействие на неприятельскую артиллерию, так как, во-первых, трудно было обнаружить укрыто стоящие батареи, особенно при отсутствии воздушного наблюдения, а во-вторых, борьба с ними велась, так сказать, урывками лишь некоторыми батареями, периодически отрываемыми от исполнения задач по пробиванию проходов и разрушению окопов.

Наконец, задача по разрушению, возлагавшаяся за недостатком тяжелой артиллерии крупных калибров на легкую полевую (дивизионную), была для последней трудно выполнимой, а иногда и непосильной. Полевые легкие 76-мм пушки, на долю которых нередко выпадала задача разрушения, справлялись с разрушением ходов сообщений и окопов легкого полевого типа лишь при косоприцельной и при фланговой стрельбе. При ином направлении огня и при обстреле более прочных укрепленных построек (пулеметных и орудийных гнезд, блиндажей, фланкирующих построек и т. п.) огонь дивизионной (легкой) артиллерии мог иметь лишь изоляционное значение и в лучшем случае, при достаточной его плотности и интенсивности, нейтрализовать сопротивление.

«Наставлением» (ч. II, § 206—226) предусматривалось применение для прорыва укрепленной полосы подвижного заградительного огня в виде огневого вала, который должен был переноситься вперед от рубежа к рубежу, увлекая за собою вперед атакующую пехоту. Заградительный артиллерийский огонь должен был создать на пути неприятеля непроходимую зону поражения, чтобы преградить его контратаку или подход резервов, а также прикрыть атакующую пехоту.

Применение заградительного огня было связано с огромным расходом снарядов. Поэтому «Наставлением» предлагалось общевойсковым начальникам не злоупотреблять заградительным огнем. «Нельзя требовать огня артиллерии во всех случаях и

по тем целям, с которыми может и должна справиться пехота ружейным и пулеметным огнем», — указывалось «Наставлением» (§ 206). Об организации и ведении заградительного огня подробнее будет сказано ниже (см. «Стрельба артиллерии»).

В отношении поддержки атаки «Наставление» подчеркивало, что «перерыв или ослабление огня между окончанием подготовки и началом движения пехоты в атаку — недопустимы»; когда атакующая пехота находится примерно в 400 шагах от неприятельских окопов, артиллерийский огонь «переносят в стороны, на окопы и тыл, расширяя этим участок и придавая устойчивость флангам атаки», а часть артиллерии назначается «для заградительного огня», согласно заранее разработанному плану. В этот период боя главная связь будет «зрительная», на связь и наблюдение должно быть обращено особое внимание (передовые наблюдатели и пр.).

«Артиллерия должна быть всегда проникнута желанием движения вперед для развития успеха и поддержки своей пехоты», но непосредственно сопровождать атакующую пехоту она «не может» — «это бесцельная растрата своей силы». Если занята атакующей пехотой лишь первая или вторая линия окопов, «выдвигают вперед только артиллерийское наблюдение», бомбометы, легкие минометы и 37-мм пушки (иногда «дерзко выдвинутые взводы штурмовых, горных или легких орудий... могут принести пользу»); заранее назначенные и подготовленные для движения батареи штурмовых, горных или легких пушек выдвигаются вперед при продвижении примерно на 1 км за первую или вторую линию окопов противника, в особенности при завладении районом удобных для артиллерии позиций. Выдвижение вперед этих батарей прикрывается огнем батарей, остающихся на прежних позициях. Выдвинутые батареи переходят в подчинение того командира полка, в районе которого они предназначены действовать (§ 236—239 «Наставления»).

Указания «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. в отношении составления плана артиллерийских действий, разведки, связи, расположения батарей и наблюдательных пунктов, оборудования позиций, подготовки данных для стрельбы и ее ведения, о питании боеприпасами и пр. во многом сходны с указаниями брошюры Кирея и с указаниями французских наставлений.

«Наставлением» требовалось, чтобы командующий армией составлял общий план прорыва укрепленной полосы, определяющий частные задачи войск, при обязательном участии инспектора артиллерии армии, и чтобы дальнейшая разработка плана в нисходящих штабах проводилась «при непременном участии начальников артиллерии ударных корпусов», а также начальников артиллерии второстепенных участков и начальников артиллерийских групп.

Разработка плана должна была заканчиваться установлением всех деталей атаки путем совместной работы на местности командир-

ров полков, батальонов и даже рот с командирами артиллерийских групп, дивизионов, батарей.

«Наставление» обращало внимание на то, что при составлении плана необходимо учитывать опыт боев, который указал: «а) против обороняемых огнем и защищенных искусственными препятствиями сооружений пехота, без содействия артиллерии, теряет свою наступательную силу; б) работа артиллерии должна быть согласована с действиями прочих войск». Согласованность эта может быть достигнута только при совместной работе начальников и только тогда окажется возможным «поставить задачи артиллерии согласно ее свойств, соразмерить эти задачи с назначенными или наличными артиллерийскими средствами».

При разработке плана прорыва артиллеристы должны были получить от общевойсковых начальников совершенно определенные и ясно выраженные задания. Общевойсковые начальники обязывались давать указания задач на местности с наблюдательных пунктов и из передовых окопов. Таким же путем все артиллерийские начальники должны были ставить задачи и передавать указания последующим артиллерийским начальникам.

Результатом совместной работы общевойсковых и артиллерийских начальников являлся как общий план прорыва, так и подробно разработанный план действий артиллерии при прорыве. Этот последний должен был охватывать с возможной полнотой предстоящую объединенную работу артиллерии: а) при предварительной подготовке данных для стрельбы; б) в период подготовки атаки (I период); в) в период поддержки атаки (II период); г) по окончании атаки — в предположении того или иного ее исхода (III период).

Такой план составлялся для действий артиллерии каждого ударного корпуса, дивизий, для каждой артиллерийской группы, дивизиона, батареи, причем каждый частный план являлся развитием плана предыдущего высшего соединения.

При составлении плана действий артиллерии предлагалось иметь в виду:

а) «Масса артиллерии может выполнять только твердо установленный и заранее тщательно разработанный план». Задачи батареям, дивизионам и артиллерийским группам должны быть просты и немногочисленны; границы участков обстрела и разрушения—заблаговременно точно намечены показом на местности; стремиться предусмотреть, по возможности, даже мелочи, чтобы избежать необходимости давать новые задачи уже во время действия артиллерии.

б) Необходимо принять меры, чтобы батареи (дивизионы) возможно менее мешали друг другу при стрельбе, назначая им хотя бы узкие, но самостоятельные участки, чтобы не происходило накладывания огня нескольких батарей (дивизионов) на один участок.

в) Все вопросы по применению разного рода снарядов (в том числе химических), по распределению и переносам огня должны быть заранее выяснены, и задания распределены по периодам. Перенос

огня с атакуемого участка разработать детально, установив совершенно точно, какая батарея и куда переносит свой огонь в тот момент, когда станет возможным поражение своих атакующих частей.

Количество артиллерийских средств должно было исчисляться в зависимости от поставленной задачи или, с другой стороны, задачу приходилось соразмерять с наличными средствами.

При исчислении расхода снарядов и общего их количества, необходимого для операции прорыва, руководствовались исходными данными, приведенными ниже в табл. 2, 3, 4 и 5. В частности, при расчете числа снарядов, необходимого для разрушения окопов, принимали во внимание не общее протяжение линий, а лишь сумму участков, назначенных к разрушению; в противном случае пришлось бы требовать непомерно много снарядов.

Таблица 2

Примерный расход снарядов по дням на орудие при прорыве укрепленной полосы

По данным операций 1916 г.

Калибр и род орудия	Расход на орудие в день					
	День (дни) подготовки атаки и самой атаки		Первый и второй день развития успеха		Дальнейшие дни: преследование противника (средняя за 7 дней)[2]	
	всего снаряд.	из них шрапн.	всего снаряд.	из них шрапн.	всего снаряд.	из них шрапн.
76-мм легкие (горные) и прочие полевые пушки	250[1]	50	250	125	50	25
107-мм пушки (скорострельные и обр. 1877 г.), 127-мм английские и 120-мм пушки	150	50	125	50	15	7
122-мм и 114-мм гаубицы	175	25	125	25	25	5
152-мм гаубицы и 152-мм пушки в 120, 190, 200 пуд. и пушки 155-мм	150	—	125	25	12	2
152-мм осадные пушки Шнейдера	100	—	100	—	—	—
203-мм и 234-мм гаубицы[3]	75	—	20	—	5	—
Орудия более крупных калибров	75	—	5	—	2	—

[1] Это среднее число; на орудия, разрушающие проволоку, давали снаряды, судя по задаче (обычно около 500 снарядов).

[2] Боевые комплекты должны были пополняться к утру следующего дня независимо от этих чисел.

[3] Французские данные.

Таблица 3

Примерный расход снарядов для разрушения искусственных заграждений в расчете на 2 пог. м (при фронтальном огне)

Описание заграждений	76-мм полевая пушка. Граната без замедлит. Дальность 2 км	122-мм и 114-мм гаубицы. Граната стальная. Дальность около 3 км	47-мм миномет Лихонина. Дальность 400 шагов	58-мм миномет типа Ф. Р. Дальность 400 шагов
1. Полосы проволочных заграждений на деревянных кольях толщиной около 70—80 мм. Общая глубина заграждения около 20 м[1] .	50[2]	30—40	ок. 20	ок. 20
2. Рогатки в 4 ряда; общая ширина около 6 м	25[3]	15	10	10
3. Засека шириной около 7 м, опутанная проволокой[4] . .	25	15	10	10

Таблица 4

Примерный расход гранат для разрушения различных целей орудиями калибром до 152-мм при хорошем наблюдении

Название целей	152-мм гаубица (пушка 120 пул.). Дальность около 3 км	122-мм гаубица. Дальность около 3 км	76-мм легкая и горная пушка. Дальность около 2 км
1. Окоп полного профиля или ход сообщения. На каждые назначенные к разрушению 2 пог. м[5]			
а) фронтальный огонь	15—20	30—40	ок. 30[2]

[1] Приведенные данные применимы для расчета в случае образования проходов в 6 м и более. Проходов, шириной менее 4 м, благодаря рассеиванию, сделать нельзя, причем расход снарядов такой же, как и для прохода в 6 м.

[2] При многополосных и очень прочных заграждениях до 100 гранат, при общей глубине полос проволоки и отделяющих их промежутков до 30 м. Широко расставленные (на 20 м и более) полосы, каждая отдельно, требуют расхода около 50 гранат на 2 пог. м фронта. При гранатах с замедлением прохода шириной менее 12—15 м получить нельзя. Расход этих гранат: проход 12—15 м требует около 500 гранат, шириной около 20 м—всего 600 гранат, а в 40 м—около 1 000 гранат (дальность 2—4 км). Граната без замедления очень чувствительна к дальности: если при прицеле 50 требуется 50 гранат, то прицел 75 требует 100 гранат, а прицел 85—уже 150 гранат на каждые 2 пог. м.

[3] Граната с замедлением почти не разрушает.

[4] Опушки лесов, опутанные проволокой, разрушаются крайне трудно, так как сбитые деревья, перепутываясь с проволокой, еще более затрудняют проход войск. Приходится после образования проходов 76-мм гранатами (п. 1) расчищать проходы гаубичными гранатами.

[5] При условии ширины участка более 8 м при фронтальном или 40 м при фланговом огне. Участки меньшего протяжения—см. п. 2.

Продолжение табл. 4

Название целей	152-мм гаубица (пушка 120 пуд.) Дальность около 3 км	122-мм гаубица. Дальность около 3 км	76-мм легкая и горная пушка Дальность около 2 км
б) фланговый огонь	ок. 7	10—15	ок. 10[1]
2. Блиндаж, пулеметное гнездо, узел ходов сообщения или окопов, протяжением 6 м и менее, в направлении, перпендикулярном к стрельбе[2], или каждое орудие уничтожаемой батареи	60—80	ок. 100	50—75[3]
3. Окоп с целью более сильного повреждения выгодно разрушать участками (по п. 2), причем эти участки могут быть один от другого приблизительно в 30 м при фронтальном огне и до 60 м при фланговом огне. Для такого разрушения требуется в среднем на каждые 2 пог. м окопа:			
а) фронтальный огонь	4—5	ок. 8	—
б) фланговый огонь	ок. 3	ок. 5	—

Таблица 5

Примерный расход снарядов для разрушения различных целей орудиями крупных калибров (выше 152-мм)

Название целей	Калибр	Приблизительное число снарядов
1. Особенно прочные подземные убежища	203—234 мм 280—305 мм	80—60
2. Бетонные убежища или пулеметные и пушечные казематы . . .	280—305 мм	50 100 выстрелов при дальности меньше 9—10 км и 150 — при дальности свыше 10 км
3. Деревня с каменными домами и погребами	152—203 мм	По одной гранате на каждые 2 м[2]
4. Железнодорожный мост или виадук	234—305 мм	200—100
5. Железнодорожная линия на насыпи	152—203 мм	500—300
6. Железнодорожные стрелки и вокзальные сооружения	107 мм, 152—234 мм	200—100

[1] Для разрушения козырьков и бойниц. Для разрушения окопов и блиндажей 76-мм пушки непригодны. Эти пушки могут быть использованы только для разрушения ходов сообщения, но при обязательно фланговом огне (10 гранат на 2 пог. м).

[2] Расход снарядов для целей (участков) большой ширины—см. п. 1, причем приобретает большое значение фланговый огонь.

[3] Для разбития пулеметной щели или орудия неказематированной батареи.

Задержка противника на тыловых позициях снова повышала расход снарядов до потребности первых дней.

Определенных норм для расчета числа и рода орудий, необходимых для совершения прорыва укрепленной полосы, установлено не было, хотя попытки установить плотность артиллерии были.

Например, «Указаниями для борьбы за укрепленные полосы», изд. 1916 г., предлагалось на каждые 20 м атакуемого участка назначать одну 122-мм или 152-мм гаубицу; в период движения пехоты в атаку для обстрела района главного удара на каждую легкую 76-мм пушку назначать по 20—30 м атакуемого участка, а для обстрела соседних с главным ударом районов — на каждое легкое орудие по 30—60 м участка. В «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» (ч. II, § 168) были даны следующие указания, которые до некоторой степени могли служить исходными данными для определения числа и рода орудий, необходимых для прорыва:

а) Каждая 152-мм гаубица или 152-мм пушка в 120, 190 и 200 пуд. может разрушить около 20 м фронта атакуемого участка, действуя в составе четырехорудийной батареи фронтальным огнем с расстояния около 3 км в течение 8—10 час.

Гаубица 122-мм, стреляя несколько быстрее, может с того же расстояния и за то же время разрушить участок укреплений приблизительно в 16—20 м по фронту, но более слабого сопротивления.

При фланговом огне на каждое орудие можно назначать до 40 м укрепленного фронта противника, причем задача может быть выполнена примерно вдвое скорее.

б) Для орудий более крупных калибров величина участка разрушения исчисляется по дальности и по заданному времени.

в) Для обстрела окопов и ходов сообщения на участке главного удара на каждое легкое орудие (или горное) назначают 20—30 м, а на участках, смежных с участком главного удара, по 30—60 м неприятельского фронта. При фланговом огне на каждое орудие можно назначать участок по фронту противника приблизительно вдвое больше.

г) Для второстепенных участков, не прилегающих к участку главного удара, можно назначать, при фронтальном огне, на каждое легкое (горное) орудие до 60 м неприятельского фронта. Такой участок при этом обстреливался достаточно надежно.

В табл. 6 показана густота расположения (плотность) англо-французской и германской артиллерии в некоторых более крупных операциях позиционного периода войны, дошедшая в среднем до 100 орудий на 1 км фронта, т. е. до нормы, какая была установлена инструкцией германской армии к 1918 г. Такое небывалое обилие артиллерийских средств возможно было лишь при чрезвычайном развитии мощной военной промышленности и достаточном наличии технических сил. То и другое в царской России стояло на весьма низком уровне развития.

Таблица 61

Плотность артиллерии французов, англичан и германцев в сражениях 1915—1918 гг.

Операции	Ширина фронта в км	Общее число орудий		Число орудий на 1 км фронта		
		легких	тяжелых	легких	тяжелых	всего
Французы						
Шампань — осень 1915 г.	35	1 100	872	31	25	56 (52)
Артуа — осень 1915 г.	15	500	400	33	27	60
р. Сомма — июль 1916 г.	15	444	645	30	43	73 (76)
р. Эн — апрель 1917 г.	40	2 000	1 947	50	49	99 (100)
Фландрия — июль 1917 г.	4	240	373	60	93	153
Верден — август 1917 г.	17	948	1 384	56	81	137
Мальмезон — октябрь 1917 г.	10	624	984	62	98	160
Шато-Тьери, Суасон; июль - август 1918 г.	18	864	709	48	39	87
Шампань — сентябрь 1918 г.	25	1 332	1 226	53	49	102 (104)
Амьен — осень 1918 г.	35	780	836	22	24	46
Уаза — Эн, осень 1918 г.	15	828	742	55	49	104
Англичане						
Мессин—Витшете, июнь 1917 г.	16	1 600	800	100	50	150
Германцы						
Рига — август 1917 г.	—	—	—	—	—	140
Пикардия — март 1918 г.	—	—	—	—	—	84
р. Эн — май 1918 г.	—	—	—	—	—	128
Шампань — июнь 1918 г.	—	—	—	—	—	100

1 Таблица составлена по данным, заимствованным из трудов проф. Цитовича «Тяжелая артиллерия сухопутных войск», Эрра «Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем» и Кюльмана «Тактика артиллерии. Артиллерия в 1914—1918 гг.».

Из числа указанных в этой таблице 16 сражений данные о плотности насыщения артиллерией в 4 сражениях приведены и в табл. 19 т. I этого труда. Данные эти, несколько различающиеся в итогах с данными этой таблицы, показаны здесь в скобках. Несогласованность данных объясняется различием источников, по которым составлены таблицы.

Впрочем, существо вопроса заключается не в том, чтобы определить число орудий на 1 км поражаемого фронта, необходимое для решения задач, какие могут встретиться в позиционный период для артиллерии, а в том, чтобы в данный возможно короткий отрезок времени поразить или разрушить цель с затратой минимально необходимого для решения задачи числа снарядов соответственного калибра и мощности.

При расчете артиллерийских сил и средств, требующихся для выполнения той или иной боевой операции, следует, разумеется, исходить из уставных норм, определяемых на основании опытных данных. Однако нормы эти, являясь безусловно полезными отправными данными для производства расчетов, не должны приниматься слепо к руководству во всех случаях. Как показал опыт войны, боевой успех в каждом частном случае определяется условиями обстановки, соотношением материальных и моральных сил, взаимодействием артиллерийских и всех прочих средств борьбы, а также искусством противников.

1-я Кавказская стрелковая бригада в составе 7 батальонов (4 520 штыков), 17 пулеметов и лишь 10 полевых 76-мм пушек прорвала 15 мая 1915 г. на фронте в 3 км германскую позицию за р. Дубиссой у Савдыники, укреплявшуюся немцами в течение около 15 дней, имевшую проволочные заграждения в 2—3 кола.

В данном случае русские добились успеха, имея лишь по 3—4 орудия на 1 км атакуемого фронта, тогда как рекомендовалось иметь не менее 20 орудий на 1 км, а по германскому наставлению — даже до 100 орудий.

В период операции русской 10-й армии 19—23 июля 1917 г. главнокомандующий Западным русским фронтом Эверт считал необходимым иметь для прорыва укрепленной позиции немцев на 1 км их фронта до 73 орудий (в том числе 48 легких пушек, остальные гаубицы и тяжелые орудия), а в действительности имелось лишь около 50% этой нормы орудий, т. е. приблизительно по 35—40 орудий на 1 км, или не более 40% германской нормы. Между тем русская артиллерия 10-й армии поставленную ей задачу выполнила вполне успешно, обеспечив своей пехоте прорыв германского фронта на участках, избранных для нанесения главного удара (см. ниже, ч. IV).

С другой стороны, бывало немало неудачных атак, особенно на французском фронте войны, и в тех случаях, когда число орудий на 1 км фронта превосходило норму, указываемую наставлениями.

Как бы то ни было, но нельзя отказываться от атаки при наличии прочих благоприятных для нее условий обстановки только потому, что имеющегося числа орудий или количества снарядов нехватает до установленных норм.

Несмотря на то, что во вступлении к ч. II «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» имелось указание о необходимости применения установленных норм сообразно с обстановкой, все же нередко нормы применялись как обязательные во всех случаях. При этом боевые неудачи объяснялись иногда недостатком наличия орудий и снарядов до установленных норм.

В августе 1917 г. полевому инспектору артиллерии пришлось объявить по приказанию верховного главнокомандующего следующее распоряжение, дополняющее ч. II «Наставления»:

«Необходимо обратить внимание инспекторов артиллерии армий и корпусов на важность наблюсти за тем, чтобы нормы расчетов артиллерийских средств для подготовки прорыва пехотных позиций противника, указанные в «Наставлении», выполнялись лишь тогда, когда это действительно вызывается прочностью и большим развитием неприятельских укреплений. На тех участках, где против нас имеются позиции, возведенные противником недавно и наспех, должно сохранить больше средств для борьбы с неприятельской артиллерией за счет орудий, обычно даваемых в группы разрушения. Одновременно надлежит обратить внимание на то, что проделывание достаточного количества проходов в искусственных препятствиях и прикрывающий нашу пехоту артиллерийский огонь сохраняют всегда свое полное значение».

Выше упоминалось, что в условиях позиционной войны имеющаяся в распоряжении войск артиллерия, а также сформированные наспех части тяжелой артиллерии, вооруженные преимущественно орудиями устаревших систем, взятыми из крепостей, не в силах были справиться с теми задачами, какие неизбежно ставились артиллерии с 1916 г. при всякой попытке прорыва укрепленной позиции австро-германцев.

Выше (т. I, ч. II) приведена записка полевого генерал-инспектора артиллерии от 4 ноября 1916 г., подробно объясняющая необходимость создания тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) в виде резерва главного командования. Формирование ТАОН закончено было (в большей части) к весне 1917 г., и можно считать, что с того времени главный недостаток в технических средствах русской артиллерии был в значительной мере восполнен.

Значение «техники», в первую очередь значение артиллерии, в современной войне особенно ярко сказалось на ТАОН.

При наличии ТАОН организация действий артиллерии при попытках прорыва австро-германцев в июле 1917 г. на Западном и Юго-западном русских фронтах была основана на «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы», причем действия артиллерии во время этих прорывов были вполне успешными, несмотря даже на то, что первоначальная идея создания ТАОН в виде мощного «артиллерийского кулака» для нанесения сосредоточенным огнем сокрушающего решительного удара в районе расположения противника, избранном для главной атаки, была несколько искажена.

По плану Ставки, главный удар наносился на Юго-западном фронте, куда и были направлены четыре (из шести) тяжелые артиллерийские бригады ТАОН; на Западный и Северный фронты передано было по одной артиллерийской бригаде ТАОН; правильнее было бы дать Юго-западному фронту пять бригад или дать две бригады Западному фронту, а Северному фронту вовсе не назначать частей ТАОН, так как этот фронт при июльском наступлении играл второстепенную, пассивную роль. Директивой Ставки от 12 апреля

1917 г. Северному фронту ставилась задача: «...если обстоятельства позволят ему перейти в наступление, то направить главный удар на Митаву».

Части ТАОН, переданные фронтам, вышли из подчинения своего непосредственного старшего начальника ген. Шейдемана Ю. М. (командира 48-го корпуса) и лишились его общего руководства. Он со своим штабом оказался «не у дел», а потому генерал-квартирмейстер Ставки Лукомский настоял на расформировании штаба 48-го корпуса (т. е. штаба ТАОН).

Шейдемана следовало командировать на Юго-западный фронт, куда были направлены четыре артиллерийские бригады ТАОН. Там он поступил бы в подчинение командования фронта, но сохранил бы за собою общее руководство и мог бы оказывать влияние на правильное использование ТАОН, соответствующее тем основам, какие были установлены при ее создании.

На фронтах части ТАОН были распределены по разным армиям вместо придачи к одной армии, назначенной для нанесения главного удара противнику в решающем направлении. Вместо одного артиллерийского «кулака», наносящего уничтожающий удар сосредоточенным огнем, получилось несколько сравнительно слабых «кулаков», действовавших разрозненно и не всегда правильно руководимых.

Тем не менее впервые собранные «кулаки» сильной тяжелой артиллерии, являясь армейскими артиллерийскими резервами, независимыми от командования дивизий и корпусов, допускали использование их по воле армейского или фронтового командования как могучего ударного средства. Вместе с тем подобная организация тяжелой артиллерии, вызванная к жизни боевой необходимостью, могла гарантировать от нецелесообразного ослабления артиллерийских средств, входящих в состав органически с ними связанных войсковых соединений.

Организация ТАОН вполне себя оправдала, так как выделенные из нее артиллерийские «кулаки», несмотря на недостаточно полную концентрацию их действий, своим мощным огнем вполне обеспечили атаку пехоты во время июльского наступления 1917 г.

Артиллерия при обороне укрепленной полосы

При атаке укрепленной полосы заблаговременность подготовки прорыва почти в полной мере обеспечивает планомерность действий артиллерии атакующего; напротив, при обороне инициатива противника, исключая возможность все предусмотреть, создает необходимость для артиллерии обороны действовать большей частью в соответствии со сложившейся обстановкой.

Согласно «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», изд. 1917 г. (ч. III «Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы», § 1 и 2), «задача предварительной методической разработки плана обороны заключается в том, чтобы свести к минимуму импровизацию в критический момент обороны и привести действия обороняющихся к заранее обдуманным, по возможности, автоматическим действиям».

Артиллеристы обороны должны быть вполне ознакомленными с сущностью плана обороны и всегда быть готовыми к необходимому проявлению инициативы в развитие этого плана. Они должны действовать со всей энергией, чутко отзываясь на все потребности пехоты, чтобы своевременно и самоотверженно приходить ей на помощь.

«Оборона должна быть активна»,— указывалось «Наставлением», и действия всех родов оружия должны быть проникнуты этой активностью.

Не только на атаку пехоты противника, но уже на его артиллерийскую подготовку и стягивание сил артиллерия обороны должна отвечать возможно сильным огнем, направленным против его пехоты, артиллерии и против других собранных им для удара средств.

«Наставление» требовало, чтобы «огневая активность артиллерии» как представительницы оружия дальнего и широкого действия все время, «от начала и до конца, одухотворяла оборону», мешая во всем противнику достигнуть превосходства, необходимого ему для производства удачной атаки.

Общевойсковым начальникам предлагалось, однако, помнить, что «нельзя переложить всю работу обороны на артиллерию», как ни велико может быть ее содействие, и что поэтому, независимо от артиллерийских средств, необходимо «широко использовать пулеметный и ружейный огонь, так же как минометы и бомбометы». «Наставление» указывало, что нельзя требовать артиллерийского огня по тем целям, с которыми легко может и должна справиться своим огнем пехота.

Что же касается общих указаний второй части брошюры Кирея «Артиллерия обороны», то они сводятся к следующему:

а) При обороне главная задача артиллерии — «не впустить противника в наши окопы, а в случае неудачи — задержать дальнейшее распространение его в нашем тылу и помочь пехоте выбить его обратно».

Для разрешения этой задачи необходимо уметь устроить огневую завесу (заградительный огонь), т. е. «сосредоточить на любом участке нейтральной зоны в кратчайший срок огонь наибольшего числа орудий, хотя бы многие из них входили в состав других полков, дивизий, корпусов и даже армий».

Под нейтральной зоной разумеется открытая полоса между расположением своих войск и войск противника, в которой нет окопов и других укрытий, но могут быть разрушенные проволочные заграждения, затрудняющие продвижение атакующего.

б) При обороне батареи должны так стоять, чтобы они могли обстреливать окопы и ближайший тыл противника, нейтральную полосу, свои окопы и свой тыл. «Обстрел же глубины расположения противника — задача второстепенная». Поэтому позиции значительной части батарей (не менее половины) должны быть в 3 км и более позади своих окопов, чтобы иметь возможность стрелять по ним и по тыловому району своих позиций, если противник в него ворвется. Позиции остальных батарей должны быть ближе 3 км от своих окопов, чтобы стрелять по ней-

тральной зоне, по артиллерии и тылу противника, а также и по своим окопам.

Словом, Кирей рекомендует при обороне эшелонировать позиции артиллерии в глубину, чтобы избежать переезда батарей на тыловые запасные позиции при отходе своей пехоты на вторую линию обороны и неизбежного при переезде нежелательного перерыва в артиллерийской стрельбе.

Только «отдельные взводы или орудия, особенно 42-лин. (107-мм), горные и 3-дм (76-мм) 1910 г.[1] пушки полезно», по мнению Кирея, «ставить непосредственно за окопами для обстрела удаленных целей и как противоштурмовые орудия».

в) «Возможность фланкирования расположения противника и подступов к нашей проволоке должна служить отправной данной при выборе артиллерийской позиции».

При этом Кирей отмечает, что многие с этим не считаются и не позволяют батареям становиться вне тыловых разграничительных линий своей общевойсковой части, не желая, с одной стороны, «залезать в чужой район и создавать недоразумения», с другой стороны, из опасения за целость своих батарей, за которые они отвечают, тогда как их батареи стоят в районе другой части; многие считают также, что чужая батарея, ставшая в районе их части, должна им подчиняться и выполнять их задачи.

Устанавливаемые Киреем основы использования артиллерии при обороне укрепленных позиций в значительной степени расходятся с идеями обороны, проводившимися в жизнь в мирное время при подготовке командного состава в Офицерской артиллерийской школе и отчасти закрепленными «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. Хотя тогда имелась в виду оборона в маневренную войну, а не в позиционную, как у Кирея, тем не менее проводимые им основы, за исключением бесспорного положения о необходимости фланкирования, до известной степени верны лишь для пассивной обороны и при соблюдении некоторых условий, которые он замалчивает.

Главной задачей артиллерии при обороне Кирей считает сосредоточенный огонь по атакующей пехоте в нейтральной зоне, чтобы не впустить ее в окопы обороняющегося, а затем в тыловом районе обороняющегося, чтобы выбить оттуда противника обратно. О борьбе с неприятельской артиллерией Кирей упоминает лишь вскользь и вообще считает, что при обороне «обстрел глубины расположения противника — задача второстепенная», а в специальной гл. XIV «Борьба с артиллерией противника» он весьма неясно говорит, что борьбу эту «можно» вести, согласно указаниям о борьбе с неприятельской артиллерией при атаке, «но, конечно, принимая во внимание имеющиеся средства и учитывая разницу между кратковременностью атаки и продолжительностью обороны». И затем в той же главе Кирей продолжает:

[1] Штурмовые пушки Путиловского завода.

а) «При всех артиллерийских и авиационных средствах, которые будут в корпусе, стоящем на пассивном участке, борьба с батареями противника не может окончиться подавлением их огня. Вероятно, придется ограничиться обстрелом плохо укрытых или сильно вредящих нам неприятельских батарей». б) «Вообще же на борьбу с батареями при этих условиях надо смотреть, как на практику нашей артиллерии, летчиков, звуковых станций и т. п. Только путем многочисленных упражнений в боевой обстановке можно получить опытных наблюдателей и слить воедино батарею и аэроплан... На аэроплан и на аэростат надо смотреть, как на вышку, находящуюся в распоряжении артиллерийского командира».

Все эти рассуждения Кирея относятся лишь к случаю расположения одного из корпусов на пассивном участке и притом недостаточно обеспеченном средствами воздушной разведки и наблюдения.

Кирей не останавливает внимания на том, что на активном участке борьба с неприятельской артиллерией хотя и не должна быть самостоятельным отдельным актом боя, не должна быть «артиллерийской дуэлью», как говорили раньше, но неизбежна и необходима как одна из основных задач артиллерии — подавления огневых средств противника. Артиллерия может и должна избавить свою пехоту от поражения огнем неприятельской артиллерии, должна упреждать и срывать артиллерийскую подготовку атаки противника. Нельзя отрицать чрезвычайно больших трудностей, какие представляет борьба с артиллерией, расположенной на хорошо укрытых огневых позициях, но не следует останавливаться перед этими трудностями и ничего не предпринимать для преодоления их. Труднее всего обнаружить расположение батарей на закрытых позициях и наблюдать результаты огня, направленного против укрытых батарей. Однако не только практика довоенного времени, но и опыт войны показал, что при искусной организации артиллерийской разведки и умелом наблюдении (особенно с флангов) оказывалось возможным обнаруживать расположение неприятельских батарей даже с наземных наблюдательных пунктов. Большую помощь при этом могут оказать воздушная разведка и наблюдение с самолетов и змейковых аэростатов, но при обязательном условии, что те и другие защищены от нападения неприятеля с воздуха своей истребительной авиацией. Наконец, обнаружить расположение неприятельских батарей можно путем применения звукометрии и других средств современной техники. Обстрел же района расположения артиллерии противника химическими снарядами может нейтрализовать огонь последней и привести ее к молчанию.

По свидетельству многих участников войны из начальствующего и командного состава русских артиллеристов, нередко удавалось обнаруживать неприятельские батареи с наземных наблюдательных пунктов. Ниже (стр. 219—221) приводится пример борьбы с артиллерией противника 2-го отдельного тяжелого арт. дивизиона при обороне русского 17-го корпуса в районе Тарнополя в период боев 16—20 июля 1917 г. Во время этих боев приходилось пользоваться главным образом наземными наблюдательными пунктами; неприятельские батареи, хорошо укрытые, непосредственно с наземным

ных наблюдательных пунктов не наблюдались, но с тех же пунктов многие из них были обнаружены по вспышкам, дымкам или пыли от выстрелов.

При подготовке русской артиллерии в мирное время придавали большое значение борьбе с неприятельской артиллерией.

Офицерская артиллерийская школа считала, что при обороне главная роль принадлежит огню вообще и что главной задачей артиллерии при обороне является обеспечение своей пехоте полной возможности отразить атаку ружейным и пулеметным огнем (см. ч. I настоящего труда), а так как мешать этому огню будут главным образом батареи атакующего, то против них преимущественно должен быть направлен артиллерийский огонь обороны. Школа требовала, чтобы артиллерия обороны не оставляла безнаказанными батареи противника, а по наступающей пехоте, и почти исключительно по направленной для главного удара, стреляла только в случаях, когда она обнаруживала себя в положениях, удобных для поражения ее артиллерийским огнем. Настойчиво проводилась мысль, что пехота обороны, если она избавлена от артиллерийского огня противника, своим огнем вполне способна остановить и расстроить атакующего, так как пехота обороны лучше артиллерии может обстреливать складки местности на близких расстояниях и так как стрельба артиллерии по умело наступающей пехоте — одиночными людьми, искусно применяющимися к местности, — вообще трудна и требует большого, не окупающегося расхода боеприпасов.

В этом отношении Офицерская артиллерийская школа несколько отступила от утвержденных в 1912 г. официальных «Устава полевой службы» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою». По этим официальным руководствам от обороны также требовалась борьба с артиллерией атаки, но не так настойчиво, как артиллерийской школой.

Полевой устав требовал от артиллерии: а) пользуясь выгодами укрытого расположения, стремиться, «сколь возможно, погасить артиллерийский огонь противника» (§ 542); б) когда выяснится направление главной атаки неприятеля, сосредоточивать огонь «большей своей части по наступающим в этом направлении, оставляя лишь необходимое количество батарей или орудий для действия против других войск наступающего и его артиллерии, обстреливающей участок главной атаки» (§ 525); в) фланговым или косым огнем остановить натиск неприятеля, ворвавшегося во внутреннее пространство позиции, чтобы перенести успех на сторону обороняющегося.

Согласно «Наставлению» 1912 г.: а) «Первыми целями для артиллерии обороны до начала наступления пехоты будут преимущественно батареи...» «Задача батарей обороны в этот период боя — расстроить... артиллерию противника, отвлечь ее огонь и не дать возможности поддерживать наступление пехоты» (§ 162). б) «С началом пехотного наступления, артиллерия обороны, продолжая действовать и по батареям, главной своей задачей ставит противодей-

ствие приближению пехоты...» «Пехота обороняющегося, благодаря силе своего огня и содействию пулеметов, нередко будет в состоянии самостоятельно остановить наступление противника, но лишь в том случае, если сама не будет подвержена огню его батарей, не позволяющему ей спокойно стрелять и заставляющему искать укрытия. Отвлечение огня батарей атакующего от пехоты есть обязанность артиллерии обороны, и правильное в этот период боя распределение огня между артиллерией и пехотой противника есть важнейшая обязанность артиллерийских начальников обороняющегося» (§ 164). в) «Если атака удалась, то батареи обороны сосредоточивают огонь по ворвавшейся пехоте противника и на войсках, непосредственно за нею следующих. Те из батарей, которые не могут действовать по пехоте, стреляют по артиллерии, переезжающей на захваченную позицию. В эти минуты артиллерия должна жертвовать собою, стреляя до последней возможности» (§ 168).

Условия обороны в позиционной войне значительно отличаются от условий обороны в войне маневренной, тем не менее и в этих условиях нельзя вовсе игнорировать артиллерию атаки и позволять ей безнаказанно громить обороняющегося. Оставляя даже в стороне действия артиллерии атаки, артиллерия обороны сможет успешно исполнить свою «главную задачу», которую Кирей видит в сосредоточенном огне по атакующей пехоте, вошедшей в «нейтральную зону», лишь при соблюдении некоторых условий. Одним из таких условий является достаточная ширина «нейтральной зоны». Если же, как показал опыт позиционной войны, эта «нейтральная зона» не широка (400—600 м, а иногда лишь десятки шагов), то артиллерийская стрельба обороняющегося через головы защитников окопов по неприятельской пехоте, вошедшей в узкую нейтральную зону, будет опасна для своей пехоты и потребует предварительного ухода ее на тыловые линии обороны. Так это и установилось на Западе по примеру германцев (см. выше — отход германцев на позицию «Зигфрид» в апреле 1917 г. в сражении на р. Эн). На Западе создалась так называемая эластическая оборона, т. е. первая линия обороны обращалась как бы в сторожевой пояс (предполье), слабо занятый живой силой, но хорошо оборудованный пулеметами. Такое предполье имело целью обманывать противника и скрывать расположение главных линий сопротивления, к которым своевременно отходили защитники предполья и откуда сохранившиеся силы обороняющегося производили контрудар. На русском фронте этот прием не применялся.

Решить задачу обстрела нейтральной зоны можно также ружейным и пулеметным огнем и огнем траншейных орудий — штурмовых пушек, бомбометов, минометов, которых Кирей вовсе не учитывает. Наконец, огонь по нейтральной зоне могут вести и поставленные с этой целью непосредственно за окопами 76-мм горные и короткие пушки обр. 1913 г. (о них Кирей пишет, но ставит им совсем иную задачу — обстрел удаленных целей).

Бо́льшую часть артиллерии обороны Кирей рекомендует располагать в 3 км и более позади своих окопов, чтобы иметь возможность стрелять по своим окопам и по тыловому району своих позиций, если противник в него ворвался.

Опять и это верно лишь в том случае, если пехота обороняющегося не замедлит очистить свои окопы и отойти на тыловые позиции; иначе она поведет наседающего противника на своих плечах, и артиллерия не сможет стрелять по атакующему во избежание поражения своих.

Нельзя согласиться с Киреем, что для обстрела удаленных целей полезно ставить непосредственно за окопами 107-мм пушки. Не следует рисковать потерей этих ценных орудий, которые настолько тяжелы, что их трудно будет своевременно отвести в тыл, и они станут добычей противника в случае успеха его атаки. Пушки эти по своей дальнобойности могут обстреливать удаленные цели, располагаясь в 1—1½ км позади своей пехоты, где, кстати, будет много легче выбрать для них укрытую позицию, чем при расположении непосредственно за окопами пехоты.

В гл. III[1] о распределении артиллерии при обороне и об организации управления Кирей рекомендует для удобства управления и жизненной связи с пехотой всю артиллерию, не исключая тяжелой, разбивать на группы по числу пехотных полков, стоящих на позиции.

«Тяжелая артиллерия», по его мнению, «особенно гаубичная и мортирная, нужна на участке почти каждого полка»; поэтому, как общее правило, она должна быть разбита по-батарейно, а в исключительных случаях — по-взводно и даже по-орудийно и подчинена соответствующим командирам артиллерийских групп. Оставлять тяжелые батареи в подчинении своих командиров дивизионов и создавать тяжелую «дивизионную» и «корпусную» артиллерию Кирей находит нежелательным вследствие бедности в средствах, растянутости фронтов и в связи с этим большого удаления от окопов дивизионных и корпусных артиллерийских начальников.

В гл. III указывается, что приданной к пехотной дивизии «всей артиллерией распоряжается командир арт. бригады, подчиненный непосредственно начальнику дивизии»; что при разбивке артиллерии на группы по числу полков «лучше нарушить штатную артиллерийскую организацию» и допустить «перемешивание батарей», чем «оторваться от пехоты»; что начальник артиллерийской группы «подчинен только командиру арт. бригады, поэтому при распределении начальников групп по полкам надо принимать во внимание личные отношения между ними и командирами полков», во избежание вредных недоразумений, возникающих в большинстве случаев на почве личных отношений; что «ответственный участок каждой группы будет совпадать с полковым участком обороны», поэтому

[1] В подлинной редакции Кирея (см. его «Артиллерия обороны», изд. «Армейского вестника», 1917 г., стр. 9—34).

необходима полная согласованность в действиях; начальник артиллерийской группы выполняет «пожелания» командира полка, с которыми он к нему обращается, но «если пожелания командира полка невыполнимы или идут вразрез с указаниями командира бригады, то решение вопроса принадлежит начальнику дивизии».

С указаниями, приведенными в гл. III, нельзя согласиться.

Нарушение штатной организации никогда не проходит безнаказанно. Сам Кирей признает в той же главе, что «при вышеуказанном порядке подчиненности на каждом боевом участке будет два равноправных ответственных начальника» и что «пока дивизия стоит на месте или двигается в порядке, двоевластие особого вреда не принесет, но если начнется неожиданный, вынужденный, спешный отход в непредвиденном направлении, то отсутствие единоначалия может повести к нежелательным последствиям».

«Двоевластие» в военном деле совершенно недопустимо и всегда, во всех случаях, приведет к вредным последствиям. В равной мере также недопустимо ставить распределение артиллерийских групп по полкам в зависимость от личных отношений между начальниками этих групп и командирами полков. Каждый военный работник обязан исполнять возложенные на него обязанности добросовестно по долгу перед своей родиной и ее правительством, не преследуя личных целей и независимо от тех или иных взаимоотношений.

Рекомендуемый Киреем порядок подчиненности артиллерии является недопустимым нарушением установленной организации.

Если Кирей имеет в виду достижение сосредоточенного огня путем подчинения всей артиллерии, приданной дивизии, командиру артиллерийской бригады, то зачем он находит нужным распределение артиллерии строго по полковым участкам? Если последнее необходимо, по мнению Кирея, чтобы артиллерия «не оторваться от пехоты», то артиллерийскую группу, вошедшую в полковой участок, следует подчинить непосредственно командиру пехотного полка, и тогда начальник подчиненной артиллерийской группы будет исполнять не «пожелания», а приказания командира полка, как это и должно иметь место в военном деле. Если же артиллерийская группа, вошедшая в полковой пехотный участок, останется в подчинении командира артиллерийской бригады, то она далеко не всегда сможет выполнять «пожелания» командира пехотного полка, хотя бы, например, в таких случаях, когда по распоряжению командира артиллерийской бригады она должна будет действовать при сосредоточении артиллерийского огня, для подавления огня неприятельской артиллерии, для образования заградительного огня и т. д.[1]

[1] Выводы автора о распределении и подчинении артиллерии обороны нельзя признать полностью верными. В обороне дивизии на нормальном фронте управление артиллерией, как правило, должно быть централизованным, т. е. находиться в руках старших артиллерийских начальников, но дивизионная артиллерия при этом образует группы ПП (поддержки пехоты) по числу полковых участков обороны. И, как вытекает из нашего устава (БУА, ч. II), поддерживающая пехоту артиллерия групп ПП, подчиняясь непосредственно артиллерийским начальникам, будет выполнять и огневые требования командиров пехоты, поддерживая с ними тесную связь. Конечно, могут быть случаи, когда занятая

Предлагаемое Киреем распределение по группам в полковые участки даже тяжелой артиллерии, не создавая и из нее дивизионной или корпусной артиллерии, не оправдывается его мотивами: бедность артиллерийских средств вовсе не вызывает необходимости их распыления, а наоборот; удаленность от окопов старших начальников не имела серьезного значения при существовавших даже в то время средствах связи, да, наконец, их можно приблизить к важнейшему району позиции, имеющему решающую роль, и вовсе необязательно им находиться, как в большинстве случаев бывало, в центре дуги, образуемой общей средней линией окопов, занимаемых частями подчиненного им войскового соединения[1].

В остальных главах второй части брошюры Кирея заключаются в общем правильные детальные указания, и некоторые из них настолько элементарны, что они не могли быть незнакомы не только артиллеристам, но и всякому сколько-нибудь грамотному в военном деле командиру. Имеются указания: а) о составлении артиллерийского плана обороны, согласно которому каждая артиллерийская группа должна иметь «свой ответственный участок, но для обстрела ближнего и дальнего тыла противника и борьбы с его артиллерией все батареи получат добавочные задачи», т. е. этим опять подчеркивается второстепенность борьбы с неприятельской артиллерией; б) о наблюдательных пунктах и позициях, об их маскировке, о полях обстрела, о службе наблюдения и службе на батарее, о связи, о пристрелке; в главе о пристрелке имеется вполне целесообразное указание, что «кроме своего ответственного участка, командир батареи пристреливает нейтральную зону во всех участках справа и слева, по которым позволяют стрелять наименьшие прицелы и предельные дальности орудий, хотя бы эти участки были на фронте другой дивизии или корпуса»; в) о проверке готовности и слаженности артиллерии при обороне, о проверке занятий с комсоставом (умение стрелять проверялось пристрелкой одного орудия на большую дальность и при смещении стреляющего до 2 км и более; самое большое смещение давалось командирам батарей, вооруженных орудиями крупных калибров, и в особенности дальнобойных); г) о действиях артиллерии обороны во время сближения противника, его артиллерийской подготовки и атаки, во время контратаки (подчеркивается необходимость проявления инициативы не

решением огневой задачи в интересах всего войскового соединения (сосредоточение огня по приказанию старшего артиллерийского начальника и т. п.) артиллерия не сможет выполнить отдельных требований пехоты. Но все же такое централизованное управление артиллерией, поддерживающей пехоту, т. е. выполняющей и ее требования, является вполне законным и необходимым для обеспечения взаимодействия с пехотой и в то же время для использования всех выгод массированного огня.— *Ред.*

[1] Согласно нашему уставу (БУА, ч. II), корпусная артиллерия составляет дивизионные группы ДД лишь при наличии обеспечивающих эти группы средств наблюдения и разведки. При отсутствии этого условия группы ДД не создаются и задачи их выполняют группы ПП, в которые, очевидно, войдут и части корпусной («тяжелой») артиллерии.— *Ред.*

только командиров групп и батарей, но даже и командиров отдельных взводов) и при отходе на тыловую позицию; д) об организации завесы заградительного артиллерийского огня; е) о взаимопомощи соседних дивизий (имеется правильное указание, что, «помогая соседу, нельзя ограничиться поворотом туда одной фланговой батареи; надо использовать дальнобойность полностью»).

В конце второй части дается примерный план артиллерийской обороны и в приложениях — указания о стрельбе по воздушному флоту, о борьбе артиллерии с газами и с танками (хотя танков на русском фронте не было), о необходимых для артиллерии схемах, планах и таблицах.

Только в одной гл. XV своей брошюры, трактующей о действиях артиллерии обороны в период неприятельской артиллерийской подготовки, Кирей упоминает о стрельбе химическими снарядами. Он говорит о необходимости «заблаговременно установить путем агентуры, опроса перебежчиков, наблюдений и фотографий будущие места скопления ударной пехоты» противника и обстрела «этих мест бомбами (гранатами) и химическими снарядами», чтобы создать «контрподготовку, которая если и не разгонит противника, то причинит ему материальный и моральный вред».

В гл. XVI своей брошюры Кирей лишь вскользь упоминает о химических снарядах, но не останавливается на том, что обстрел химическими снарядами являлся наиболее действительным средством заставить замолчать неприятельскую артиллерию. Правда, в то время химических снарядов в русской артиллерии было немного, но Кирей не мог не знать о той огромной роли, какую играли химические снаряды в борьбе с артиллерией, так как они чрезвычайно успешно применялись во время Брусиловского прорыва, активным участником которого был Кирей, и в артиллерии той же 9-й армии, при штабе которой он тогда работал.

В целях развития Брусиловского прорыва левофланговая 9-я армия Юго-западного фронта наступала в конце июня 1916 г. на Станиславов, Галич. Австро-германцы неоднократно переходили в контратаки по всему фронту; русские отбивали контратаки и продолжали наступление. После одной такой контратаки австрийцев в районе д. Тысмянице русский 41-й армейский корпус (9-й армии), в составе 3-й Заамурской и 74-й пех. дивизий с их артиллерией, с одной батареей 122-мм гаубиц и одной батареей 107-мм полевых тяжелых пушек, расположился на ночлег, окопавшись на боевых позициях. В 2—3 км в тылу окопов 74-й пех. дивизии был лес, по западной (ближайшей к противнику) опушке которого пролегала дорога. Ночью проезжавшие по этой дороге обозы подняли такой шум, что австрийская артиллерия открыла по ним и по площади леса сильный огонь, обнаружив себя блеском выстрелов. Русская артиллерия на огонь австрийцев не отвечала, чтобы блеском выстрелов не выдать места своих огневых позиций, а по засечкам блеска выстрелов противника нанесла на карту места расположения его батарей. С утра на другой день все 12 батарей (72 полевые

76-мм пушки) 74-й и 3-й Заамурской арт. бригад внезапно обрушились на артиллерию австрийцев и отчасти на окопы их пехоты, ведя стрельбу почти исключительно химическими снарядами. К огню полевых легких батарей присоединили свой огонь тяжелая 107-мм и легкая 122-мм гаубичная батареи.

В результате неожиданного обстрела химическими снарядами у австрийцев возникла паника. Их полевая легкая артиллерия успела сняться с позиции и ускакать в тыл, тяжелые орудия были брошены и захвачены русскими, бо́льшая часть пехоты австрийцев сдалась в плен.

Русский 41-й армейский корпус продолжал наступление беспрепятственно и без боя взял г. Станиславов.

Кирей в своей брошюре уделяет внимание борьбе артиллерии с танками, хотя их на русском фронте не было и он их до того времени не видел. Напротив, в брошюре его нигде не упоминается о минометах и бомбометах, которые были тогда у русских (бомбометы были в достаточном количестве); в брошюре не уделяется почти никакого внимания ни траншейной, ни штурмовой артиллерии, игравшей немалую роль в позиционной борьбе. В брошюре Кирея вовсе не говорится о новых методах стрельбы артиллерии без пристрелки, как об одном из средств, обеспечивающих внезапность поражения артиллерийским огнем; недостаточно заострено внимание на корректировании стрельбы при помощи наблюдения с самолетов, имеющего большое значение для борьбы с артиллерией, и пр.

В этом отношении брошюра Кирея, несмотря на многие положительные ее качества, являлась несколько отсталой от достижений артиллерийской техники даже того времени, т. е. 1916—1917 гг.

Относительно действий артиллерии при обороне укрепленной полосы в «Указаниях для борьбы за укрепленные полосы», изд. 1916 г., имелись следующие положения общего характера:

а) «Батареи, минометы и бомбометы в укрепленной полосе располагаются таким образом, чтобы можно было, кроме обстрела построек и артиллерии противника, сосредоточить огонь на каждой точке впереди и внутри полосы для пехотной поддержки».

В случае неудачи обороны оказываемая пехоте огневая поддержка артиллерии должна возрастать по мере продвижения противника в глубь обороны.

Артиллерия, как и прочие рода войск, должна так располагаться, чтобы добиться наивыгоднейшего обстрела — фронтального, фланкового и перекрестного — всех подступов к позиции обороны и появляющихся неприятельских целей.

Батареи должны располагаться «относительно близко к первой линии окопов», чтобы с таких именно позиций обеспечить фланкирование соседних участков. «Пулеметы можно считать за главное оружие для фланкирования».

б) «Общее правило расположения артиллерии на позиции требует установления между отдельными артиллерийскими группами и батареями такой связи, чтобы в любое время можно было сосредоточить огонь по атакующему противнику независимо от принадлежности каж-

дой отдельной группы батарей или отдельной батареи к определенному участку фронта».

«Должно подготовить ведение сосредоточенного огня и обратить самое большое внимание на службу наблюдения».

в) «Необходимо прибегнуть к точному распределению батарей. Для отбития ведущейся неприятельской атаки полевые 3-дм. (76-мм) пушки чрезвычайно действительны».

«Некоторую особо назначаемую часть легких орудий всякого типа надо использовать для ближней обороны окопов (для отбития штурма); эти орудия надо укрывать в убежищах до минуты действия, которое должно быть преимущественно фланкирующим».

г) «Приказ об обороне должен прежде всего сообразоваться... с могущественным артиллерийским огнем наступающего, открываемым в начале атаки укрепленных полос». Поэтому артиллерии обороны указываются такие места, где она была бы незаметна для артиллерии атаки; в крайних случаях надо прибегать к перемене позиций, заранее оборудованных, с готовыми данными для стрельбы.

д) «Главное внимание артиллерии обороняющегося... сосредоточивается против живой силы наступающего на исходных плацдармах или на таких окопах противника, откуда скорее всего ожидается наступление пехоты».

Артиллерия обороны должна обрушиться действительным огнем на атакующую пехоту как раз при выходе ее из закрытий, чтобы ослабить ее наступательный порыв. В дальнейшем наступающая пехота обстреливается огнем легких и окопных орудий, бомбометным, ружейным и пулеметным, а тяжелая артиллерия продолжает обстреливать плацдармы и ходы сообщения, чтобы первая атакующая линия противника оставалась без поддержки.

е) Артиллерия обороны должна бороться с неприятельской артиллерией и этим облегчить положение своей пехоты.

При борьбе с артиллерией атакующего необходимо вести огонь по участкам, сосредоточивая его на определенных батареях, причем для обеспечения успеха следует производить с должной точностью наземные и воздушные наблюдения и поражать неприятельскую артиллерию с фланга.

ж) В случае «прорыва передней опушки укрепленной полосы артиллерия обороны должна без всякого замедления открыть напряженный огонь по ворвавшемуся противнику...» Борьба за внутренность укрепленной полосы, вследствие невозможности для атакующего использовать всю силу артиллерийского огня из опасения попасть в своих, обыкновенно успешно оканчивается для той стороны, у которой чувство взаимной поддержки проникло больше в сознание как начальников всех степеней, так и одиночных бойцов, и выражается в предпочтении флангового удара...»[1]

В «Общих указаниях» довольно много неясного и недосказанного, особенно в разделе «Оборона». В них, как и в других уставах и наставлениях царской армии, немало общих мест и довольно робких

[1] «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», ч. I, изд. 2-е, 1916 г., § 180, 182, 212, 215, 222, 223, 272—282, 289.

шагов в подходе к разрешению вопроса об управлении и подчиненности артиллерии, о ее распределении и пр.

По существу «Общие указания» совершенно иначе решают многие вопросы боевого применения артиллерии, чем решались они в брошюре Кирея. Такое заключение не должно вызвать никаких дополнительных пояснений, если сопоставить приведенные выше выдержки из брошюры Кирея и из «Общих указаний».

Подробности о действиях артиллерии в борьбе за укрепленные полосы даны во второй части «Общих указаний» — «Действия артиллерии».

Во второй части подчеркивается, что «борьба с артиллерией противника имеет громадное значение». Согласно первой части «Общих указаний» главное внимание артиллерии должно быть сосредоточено «против живой силы наступающего на исходных плацдармах», т. е. в глубине его расположения, а в дальнейшем приближающаяся пехота противника «обстреливается огнем легких и окопных орудий, бомбометным, ружейным и пулеметным».

В указаниях «Действия артиллерии» нет определенного требования о выделении специальных контрбатарейных групп, так как (§ 114) «нельзя заранее предназначать батареи для борьбы с артиллерией, если место ее расположения и силы неизвестны». Но отсюда никак нельзя сделать вывод, что раз место и сила неприятельской артиллерии неизвестны, то не следует эту артиллерию найти и с нею бороться, а приходится «сложить оружие» и предоставить ей безнаказанно разрушать и поражать нас.

Для выполнения борьбы с артиллерией указаниями «Действия артиллерии» рекомендовались 76-мм, 107-мм, 120-мм и 152-мм пушки.

В отношении централизации управления предлагалось объединить в руках старшего артиллерийского начальника только тяжелую, гаубичную и часть легкой артиллерии, изъятую из дивизий; вся же легкая артиллерия, выполняющая задачи непосредственного содействия пехоте, должна была оставаться в подчинении пехотным начальникам боевых участков, т. е. в этом отношении указания являлись гораздо более определенными, чем у Кирея.

На фронтах еще до объявления к руководству «Указаний» Ставки применялись для борьбы с артиллерией контрбатарейные группы, управление которыми объединялось в руках старшего артиллерийского начальника, т. е. в данном случае шли даже впереди «Указаний». Так, например, на русском Западном фронте предписанием главнокомандующего фронтом 8 мая 1916 г. предложено было образовать сильную артиллерийскую группу для подавления огня неприятельской артиллерии, направленного против русского 24-го корпуса, атаковавшего Кревскую позицию. В состав группы были назначены дивизион 152-мм пушек 12-й тяжелой арт. бригады и дивизион 152-мм гаубиц, имевшихся при 24-м корпусе. В целях объединения артиллерийского огня созданная артиллерийская группа была подчинена инспектору артиллерии армий фронта, известному артиллеристу, бывшему руко-

водителю Офицерской артиллерийской школы Шихлинскому. Поставленная группе задача была выполнена, судя по его донесению, вполне успешно [1].

Во второй части «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы» изложены основы организации артиллерийского огня обороны и разработки подробного плана действий, которым должна предусматриваться работа артиллерии во все периоды оборонительного боя.

Утвержденная верховным главнокомандующим Брусиловым ч. III «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г., трактующая о действии артиллерии при обороне укрепленной полосы, является по существу повторением ч. II «Общих указаний» 1916 г., но изложенной в более пространной и довольно неясной редакции, изобилующей «общими местами», наряду иногда с мелочными подробностями, заимствованными то у Кирея, то из французских наставлений.

В ч. III указываются следующие задачи артиллерии при обороне укрепленной полосы: а) в период подготовительный — бороться все время с неприятельской артиллерией, препятствовать усилению позиции противника и обстреливать его тылы; б) в период артиллерийской подготовки — наносить «встречный удар» по неприятельскому плацдарму, обстреливать пути подхода резервов противника и подвоза боеприпасов, бороться с батареями атаки; в) во время атаки — бороться с атакующей пехотой главным образом заградительным огнем.

В отношении подчиненности и группировки артиллерии даются такие неопределенные указания теоретического характера:

а) «Артиллерия, приданная какому-либо войсковому соединению, должна быть подчинена одному обобщающему ее действия артиллерийскому начальнику» (§ 11).

б) «Каждое войсковое соединение получает всю артиллерию, которая, решая совокупность основных возложенных на нее задач, работает для этого войскового соединения в его целом...» «Армейская артиллерия во время боевых действий отдается в тот или другой корпус для оказания совершенно определенного содействия войскам корпуса в их боевых действиях» (§ 12).

в) «Указанная в § 12 группировка не должна лишать артиллерию возможности принять участие в объединенной деятельности артиллерии обороны...» (§ 14).

г) «Парализовать действия противника не небольшими участковыми средствами, а огнем мощных объединенных арт. групп. Чтобы избежать потери времени, при обороне предоставляется право каждому артиллерийскому и общевойсковому начальнику в экстренных случаях и согласно установленному плану вводить в дело артиллерию непосредственно высшего соединения» (§ 15) и т. д.

---

[1] ЦВИА, 444, л. 151.

Указания «Наставления» о составлении плана действий артиллерии, о расположении батарей и наблюдательных пунктов отличались также неопределенностью.

«Противостоять планомерным и тщательно подготовленным действиям атакующего можно лишь таковыми же действиями обороняющегося», говорилось в «Наставлении» (ч. III, § 7). Поэтому признавались необходимыми: разработка детального плана действий артиллерии обороны в развитие задач, указанных артиллерии общим планом обороны; осуществление этого плана в соответствии с изменяющейся обстановкой; самое широкое использование артиллерийских средств обороняющегося, допуская лишь строго необходимое их дробление, имея всегда в виду объединенную, планомерную боевую работу сильной организованной артиллерии обороны, необходимую для захвата возможно шире по фронту и в глубину района сосредоточения боевых средств неприятеля. Планом следовало также предусмотреть: подготовку к переходу на последовательные тыловые полосы и к обороне их, имея в виду создать сильное, развитое в глубину сопротивление; возможность создания новых артиллерийских групп обороны и усиления существующих разными родами орудий.

«Наставление» подчеркивало, что «недостаточная разработка вопросов обороны или расчет на благоприятные случайности заранее предрешают неуспех и тяжкие потери». А потому требовалось, чтобы в плане действий артиллерии обороны все было «продумано, подготовлено и проконтролировано». Требования эти были неисполнимы и противоречили общим указаниям того же «Наставления», согласно которым, как упоминалось выше, инициатива атакующего «создает необходимость действий по внезапно сложившейся обстановке» (ч. III, § 1). В действительности, как показал опыт войны, в составленных планах оборонительных действий артиллерии было в большинстве случаев многое продумано и частью подготовлено, но не бывало проконтролировано.

Общий план обороны войскового соединения составлялся, как и план прорыва укрепленной полосы, при обязательном участии начальника артиллерии того же соединения и начальников артиллерийских групп (участков). Общий план должен был включать: а) порядок обороны каждого участка («отсека») оборонительной полосы и участие артиллерии в этой обороне; б) способ действий артиллерии в отношении подготовки и поддержки контратаки, в случае если тот или иной «отсек» позиции будет занят противником; в) порядок перехода к обороне второй или третьей линий окопов или тыловой полосы.

План действий артиллерии создавался одновременно и в развитие общего плана обороны. Артиллерийским планом предусматривалось в первую очередь осуществление «обязательного минимума содействия, даваемого артиллерией пехоте, — прикрыть важнейшие участки заградительным огнем». Затем предусматривалось постепенное развитие более широкой «планомерной активной артиллерийской деятельности», направленной против позиционного района противника.

План действий артиллерии составляется в каждом дивизионе, группе, дивизионной и корпусной артиллерии. В плане должно быть

указано для каждой батареи (отдельного взвода): что она должна делать при отбитии атаки, направленной из того участка противника, по которому главным образом работает артиллерийская группа, включающая эту батарею; что она делает при отбитии атак, направленных из соседних и дальних участков, а также в случае занятия противником одного или нескольких «отсеков» первой полосы обороны.

Планом обороны ближайшей укрепленной тыловой полосы должны быть намечены позиции батарей, наблюдательные пункты и «нормальные секторы действия батарей», исследованы и подготовлены дороги.

Имеющиеся артиллерийские средства распределяются по плану в зависимости от решения двух главных задач, «возлагаемых на артиллерию до того момента, как атакующая пехота бросится в атаку: а) борьбы с артиллерией и б) встречного артиллерийского удара по плацдарму, наполненному пехотой противника». При обороне артиллерии бывает обыкновенно недостаточно, а потому для решения указанных последовательных задач приходится нередко привлекать одни и те же части.

«Наставление» подчеркивало, что в течение подготовительного периода обороны «особое внимание обращается на борьбу с артиллерией, подавление которой в корне подрывает возможность успехов атакующего и сохраняет не только обороняемую позицию, но и свою пехоту».

«Чем бо́льших результатов можно ожидать от борьбы с артиллерией, тем больше на нее переносится центр тяжести»,—указывалось «Наставлением» (ч. III, § 27). Предлагалось обращать «особое внимание на встречный удар по плацдарму» только в том случае, если при сложившихся условиях работы воздухоплавания и артиллерии обороны достижение перевеса над артиллерией атаки оказывалось невозможным.

Разработку плана оборонительных действий артиллерии требовалось производить «обязательно на основании постоянно освежаемых и дополняемых личных разведок и работ на местности начальников всех степеней», которые должны были давать указания своим помощникам при совместных объездах и обходах позиционного района обороны.

В «Наставлении» не было прямых указаний на необходимость эшелонного расположения артиллерии обороны; имелись лишь намеки на необходимость эшелонирования. В ч. III «Наставления» имеются указания (§ 101 и 103) на то, что «основой обороны является фланговый огонь для прострела подступов к нашим позициям: одно орудие, стреляющее вдоль окопа, сильнее, чем 4 орудия, действующие фронтально», а также на то, что «батареи, выдвинутые сильно вперед на участках, соседних с атакованными (обычно это будут легкие и горные батареи), дают непрерывный фланговый огонь и могут продолжать обстрел противника даже тогда, когда он глубоко проник в наше расположение». Дальше указывается, что «главной задачей выдвигаемых вперед батарей яв-

ляется оборона соседнего участка в том случае, когда район расположения батарей противником не атакуется». При этом делается довольно неопределенная дополнительная оговорка, что в случае атаки того участка, на котором расположены выдвинутые вперед батареи, они, «выполнив возложенную на них краткую задачу фронтальной обороны, будут сняты, а главная масса огня должна быть получена с соседних участков и батарей, расположенных в глубине».

Изложенные указания «Наставления» являются довольно туманным намеком на необходимость эшелонного расположения батарей обороны и больше на необходимость эшелонирования вперед, чем в глубину.

В отношении расположения артиллерии обороны в «Наставлении» имелись еще указания (ч. III, § 104, 105) на то, что задачи борьбы с неприятельской артиллерией и обстрел тыла противника возлагаются главным образом на артиллерию, выдвинутую вперед. Но так как выдвинутых вперед батарей будет недостаточно «для выполнения такой важной и широкой задачи, как борьба с неприятельскими батареями», то придется их усиливать, «временно выдвигая вперед батареи, которые по выполнении определенных, назначенных им задач возвращаются на свои нормальные позиции». Затем имелась непонятная оговорка, что такое временное выдвижение батарей «производится лишь до начала артиллерийской подготовки противника и одновременно небольшим числом батарей». Указывалось между прочим, что «иногда, в особенности в горах, гаубицы найдут позиции ближе к противнику, нежели легкие и тяжелые пушки». Довольно странное указание: гаубицы обладают вообще меньшей дальнобойностью, чем пушки, а потому не «иногда, в особенности в горах», а почти всегда и на всякой местности гаубицы должны располагаться ближе к противнику, чем пушки.

Указания § 104 и 105 «Наставления» служат также намеком на необходимость не только эшелонного расположения артиллерии обороны, но и на необходимость ее маневрирования в смысле перемены позиций в период оборонительного боя.

Относительно расположения наблюдательных пунктов при обороне даны в ч. III «Наставления» те же указания, как и в ч. II, трактующей о действиях артиллерии при прорыве укрепленной полосы. В ч. III подчеркивались следующие общие положения: «разрушать и поражать, не видя цели, нельзя»; вся сеть наблюдательных пунктов должна быть расположена так, чтобы, по возможности, «не оставалось ненаблюдаемых участков фронта и тыла противника»; наблюдательный пункт располагают там, откуда хорошо видно; нельзя требовать непременного расположения наблюдательных пунктов в передовых окопах; нельзя располагать наблюдательные пункты на заметных вершинах и скучивать их; необходимо иметь запасные наблюдательные пункты; наблюдательные пункты должны иметь обеспеченную от огня противника телефонную связь, должны быть тщательно маскированы, прочно построены, иметь маскированные ходы сообщения; на основных

наблюдательных пунктах должно иметь схему целей, табель стрельбы и журнал наблюдений. «Панорам требовать нельзя», категорически указывало «Наставление» (ч, III, § 111).

Организацию питания боеприпасами из тыла, устройство складов, подачу боеприпасов артиллерийскими парками, автомобилями, поездами и пр. — все это требовалось разработать и подготовить заранее. Количество боеприпасов, выложенных на батареях, должно было обеспечить работу артиллерии при отбитии атаки, причем на батареях, питание которых во время боя было невозможно, разрешалось выкладывать запас снарядов, обеспечивающих дневную потребность, приблизительный размер которой указан в табл. 7.

Таблица 7

Примерный расход снарядов в день отбития атаки

Калибр и род орудия	На одно орудие	
	всего снарядов	из них шрапнелей
76-мм легкие и горные скорострельные пушки и прочие полевые пушки	250	100
107-мм пушки (скорострельные и обр. 1877 г.), 127-мм английские и 120-мм пушки	150	75
122-мм и 114-мм гаубицы	175	35
152-мм гаубицы и 152-мм пушки в 120, 190, 200 пуд. и 155-мм пушки	150	25
152-мм осадные пушки Шнейдера	100	20
203-мм гаубицы	75	10

«Наставление» отмечало (ч. III, § 114), что выкладывать на батареях большие запасы снарядов вообще крайне нежелательно, так как хранение в погребках, устроенных наскоро в земле, вредно отражается на балистических качествах пороха.

В табл. 7 не вошли химические снаряды. Количество последних рассчитывалось в зависимости от числа батарей противника, необходимость подавления огня которых предвиделась, а также в зависимости от того, насколько вероятно в данном частном случае успешное применение химических снарядов для создания отравленных районов в расположении неприятельской артиллерии и на путях подхода резервов атакующего.

В августе 1917 г. полевой инспектор артиллерии, по приказанию верховного главнокомандующего, сообщил для исполнения следующее распоряжение, дополняющее и разъясняющее ч. III «Наставления» в отношении обороны тылового района укрепленной полосы:

«Учитывая возможность прорыва противником нашего фронта, надлежит принять все меры к тому, чтобы в вероятных местах удара организовать сильное артиллерийское содействие общему сопроти-

влению, активность которого выяснится в нанесении прорвавшимся неприятельским силам удара из глубины нашего расположения. Планы действий для таких ударов должны быть подготовлены. Для артиллерии тех резервных войсковых соединений, которые должны быть двинуты на активные участки, следует подготовить планы развертывания в различных вероятных направлениях, в которых желательно нанести удар прорвавшемуся противнику. Должны быть разведаны районы позиций и наблюдательных пунктов. Весьма желательно подготовить средствами армий основную самую схематическую сеть связи, приспособив для этого имеющиеся уже магистральные линии или вместе с тем немного их дополнив. В дальнейшем при подходе войск в определенный район такая сеть связи может быть быстро развита к тем центральным пунктам, от которых, согласно вариантам плана, пойдут уже телефонные линии войсковых артиллерийских частей».

Ввиду неясности и неопределенности довольно многих указаний ч. III «Наставления» русской артиллерии при обороне укрепленной полосы приходилось руководствоваться не столько официальным «Наставлением», сколько правилами и сноровками, выработанными на местах самими войсками на практике в период продолжительного «позиционного сидения», по большей части зафиксированными в распоряжениях фронтового и армейского командования или в полуофициальных изданиях, подобных брошюре Кирея, наставлению Замбржицкого, утвержденному Гурко, и другим.

* * *

В 1915 г. австро-германцы, пользуясь слабостью русской армии, имевшей большой некомплект в людях, ощущавшей острый недостаток в боевых припасах, не имевшей почти вовсе мощной тяжелой артиллерии, предприняли ряд удачных для себя операций прорыва русского фронта, растянувшегося в одну линию от Балтийского до Черного моря на позиции с окопами полевой профили.

Перед верховным русским командованием предстала трудная задача — вывести из-под ударов австро-германцев истощенную русскую армию (к лету 1915 г. на Юго-западном фронте некомплект людей в армиях достигал ½ миллиона, а некомплект боевых припасов—до 60% установленного размера). На все просьбы русского правительства, обращенные в то тяжелое время к союзникам России о помощи артиллерийскими орудиями и боевыми припасами, последние отвечали только сочувственными обещаниями помочь, но только после того, когда будут удовлетворены потребности французской и английской армий.

Русская армия отошла в 1915 г. за выгодные для обороны естественные рубежи и принуждена была перейти к позиционной войне. Она была надолго лишена возможности возобновить активные действия, но все же австро-германцам не удалось вывести ее из строя окончательно. Победа досталась им дорогой ценой чрезвычайного форсирования и расстройства своей армии.

И нужно отдать должное русской артиллерии, что она как в период тяжелого отхода армий в 1915 г., так и в последующий затем

период позиционной борьбы всегда оказывала мощную поддержку своей пехоте при отбитии ею атак австро-германцев.

В мае 1915 г. для прорыва у Горлицы австро-германцы скрытно сосредоточили на пространстве 35 км 4 корпуса с массой тяжелой артиллерии, минометов и бомбометов. Русские на этом участке имели лишь около 1½ корпусов, расположенных на примитивно укрепленной позиции (в то время на русском фронте позиционная война была еще в зачаточном состоянии). Ближайшие резервы русских (около 1½ корпусов) могли подойти через 4—5 дней.

После сильнейшей подготовки артиллерийским огнем, произведенной вечером 14 мая, причем русские окопы полевого профиля были сравнены с землей, германцы на другой день утром, 15 мая, под прикрытием ураганного огня своей артиллерии атаковали русских. Русская полевая легкая артиллерия (76-мм пушки и 122-мм гаубицы) не в состоянии была бороться с превосходящей ее по числу и мощности орудий австро-германской артиллерией и почти весь свой огонь сосредоточила на атакующей пехоте немцев.

Огонь артиллерии наносил настолько сильное поражение немцам, что русская пехота отбивала их яростные атаки в течение двух дней, 15 и 16 мая, и только на третий день немцам удалось овладеть двумя линиями разрушенных русских окопов.

После прорыва у Горлицы на фронте 3-й русской армии отход соседней справа 4-й русской армии прикрывался 25-м армейским корпусом. Действия частей русской артиллерии при активной обороне 25-го корпуса на фронте Броды, Опатов описаны ниже (см. ч. IV).

В сентябре того же 1915 г. после ряда упорных боев с немцами между 5-й и 10-й русскими армиями образовался разрыв на участке между Двинском и Вильной. Немцы бросили в этот разрыв в направлении Вилькомир, Свенцяны кавалерийскую массу, поддержанную егерями, которая вскоре достигла Свенцян и прошла в тыл, даже до Борисова. Однако свенцянский прорыв германской кавалерии, наткнувшийся на сосредоточенную русскую пехоту и не поддержанный своей пехотой, не привел к существенным результатам.

При ликвидации свенцянского прорыва русская артиллерия неоднократно выручала свою пехоту, попадавшую иногда в тяжелое, критическое положение за недостатком и даже за отсутствием ружейных патронов.

Одним из показательных примеров, подтверждающих сказанное, может служить эпизод, происшедший при ликвидации свенцянского прорыва в бою у Жуйраны и Солы 29 сентября 1915 г.

Русская 10-я армия отходила на восток. Зашедшая в тыл германская кавалерия заняла рубеж р. Ошмянка с целью замкнуть пути отхода русских. С утра 29 сентября части 10-й пех. русской дивизии, имея 39-й пех. полк в районе Жуйраны и батальон 40-го пех. полка в Солы, вошли в соприкосновение с 4-й германской кавалерийской дивизией на линии р. Ошмянки и вели с нею перестрелку.

Вскоре 39-й пех. полк расстрелял весь комплект ружейных патронов и вынужден был драться только штыками. Германская кавалерия решила этим воспользоваться и атаковать русскую пехоту в конном строю.

Тем временем на поддержку 39-го пех. полка была направлена русская 4-орудийная батарея 76-мм пушек, прибывшая из Вильны на ст. Гудогай (железнодорожная линия Вильна, Молодечно). Командир этой батареи еще на походе к д. Жуйраны получил сведения от своей разведки о переправе германской кавалерии с восточного на западный берег р. Ошмянка и, выехав вперед, увидел перестраивавшуюся для атаки германскую кавалерию. Не теряя ни минуты времени, он вывел галопом свою батарею на ближайшую открытую позицию и прямой наводкой с расстояния ружейного выстрела неожиданно открыл убийственный беглый огонь по кавалерии немцев, которая после нескольких очередей шрапнельного огня шарахнулась врассыпную в разные стороны, отказавшись не только от атаки и уничтожения 39-го пех. полка, но и от удара в тыл 10-й русской армии.

Опыт прорывов русского фронта австро-германцами в 1915 г. не может служить для определенных выводов о методах действий артиллерии при обороне в условиях позиционной борьбы, так как 1915 г. на русском фронте являлся переходным периодом от маневренной к позиционной войне, когда борьба велась не за укрепленные полосы, а на полевых позициях, едва усиленных слабыми окопами полевой профили. Да и к тому же истощенная русская армия, слабо вооруженная и в общем почти не обеспеченная достаточным количеством боевых припасов, не могла оказывать сколько-нибудь упорного сопротивления наступающим австро-германцам.

В 1916 г. русская армия значительно окрепла, отсиделась на своих сильно укрепленных позициях и перешла к активным действиям, в первое время неудачным (мартовская неудача 1916 г.), а затем и к весьма удачным (Брусиловский прорыв в июне того же 1916 г.). Между тем австро-германцы не предполагали, по соображениям стратегического порядка, вести в 1916 г. и не вели наступательных операций на русском фронте, если не считать контратак с их стороны для противодействия развитию успеха русских после Брусиловского прорыва, закончившихся неудачей для немцев (30 июня была отбита атака немцев на 8-ю русскую армию у г. Ковеля, где немцы собрали достаточно сильный «кулак»).

Словом, опыт борьбы за укрепленные полосы на русском фронте и в 1916 г. почти ничего не дал для выводов о применении артиллерии в условиях позиционной обороны. Именно этим можно объяснить в первую очередь недостаточную определенность, неясность и другие недостатки как официального «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», ч. III («Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы»), так и ч. II брошюры Кирея («Артиллерия обороны»).

Что же касается опыта 1917 г., то тут во всех оборонительных сражениях русская артиллерия действовала в общем весьма успешно, но не от нее зависела участь этих сражений, а от пехоты, боеспособность которой в тот период стала весьма низкой.

Июльское наступление 1917 г. русских на Юго-западном фронте, начатое весьма успешно, благодаря отличной боевой работе артиллерии, как известно, быстро прекратилось. Ко 2 июля угас искусственно созданный порыв 8-й русской армии, удачно прорвавшей после

мощной артиллерийской подготовки укрепленную полосу противника, захватившей свыше 7 000 пленных и 48 орудий.

Тогда успевший подготовиться противник решил нанести контрудар и 6 июля повел наступление против 11-й армии того же Юго-западного фронта. Несмотря на сильное огневое противодействие русской артиллерии, все же после двухдневного боя фронт был прорван, и 11-я русская армия стала отходить, увлекая за собой соседнюю 7-ю, а затем и 8-ю армию. Однако немцы не сумели развить свой прорыв в глубину и не решили поставленной себе задачи: прорваться в богатые хлебом районы Украины и Бессарабии.

Прорывы Юго-западного и Западного русских фронтов австро-германцами в 1917 г. производились не по заблаговременно подготовленному плану, а являлись контрударами.

Интересно поэтому познакомиться с методами использования немцами артиллерии во время единственной операции прорыва укрепленного русского фронта, осуществленной ими в сентябре 1917 г. по заранее продуманному и разработанному до мелочей плану, с целью овладения г. Ригой.

Немцам предстояло встретить здесь сильно укрепленные позиции, в особенности на левом берегу р. Западной Двины, занимаемые русскими уже в течение почти двух лет. Главная масса русских войск была сосредоточена в районе Риги (три корпуса), на рижской предмостной позиции. Один корпус охранял побережье Рижского залива, один корпус оборонял участок около 100 км по правому берегу р. Двины.

Немцы решили форсировать р. Двину возле Риги на фронте 4½ км сосредоточенным кулаком из 8 пехотных и 2 кавалерийских дивизий, после артиллерийской подготовки огнем 157 батарей и 21 роты минометов, сверх дивизионной артиллерии. С чрезвычайной скрытностью артиллерия заняла позиции за несколько дней до переправы, а минометы — накануне операции.

Германская артиллерия была разделена на две группы: дивизионную, предназначенную для поддержки пехоты, и контрбатарейную — 36 батарей, объединенных в руках одного особого начальника. Управление всеми минометами также было объединено в руках одного лица.

За 5 час. до начала переправы немецкой пехоты через реку артиллерия открыла непрерывный огонь химическими снарядами для нейтрализации русских батарей. Стрельба по русским батареям продолжалась 2 часа. Затем начались разрушение позиций, обстрел подступов и наиболее чувствительных пунктов, стрельба по привязным аэростатам и уничтожение проволочных заграждений особо назначенными батареями дивизионной артиллерии и почти всей массой остальной артиллерии. В то же время непрерывно продолжался интенсивный обстрел русских батарей химическими снарядами. Некоторые селения обстреливались зажигательными снарядами.

За 2½ часа до начала переправы через р. Двину немцы начали обстрел первых двух линий русских окопов из минометов.

За несколько минут до начала переправы германской артиллерией открыт был ураганный огонь. Непосредственно вслед за сильнейшей

артиллерийской подготовкой, произведенной по плану, немцы переправились через Двину и сравнительно легко сбили малобоеспособную русскую пехотную дивизию, оборонявшую участок позиции в районе переправы.

Во время самой переправы немецкие батареи вели заградительный огонь и обстреливали русские батареи химическими снарядами, а некоторые батареи тяжелых гаубиц стреляли дымовыми снарядами с целью образования дымовой завесы.

Русская артиллерия, ввиду непрекращающегося сильного обстрела химическими снарядами, оказалась не в состоянии ни достаточно интенсивно отвечать на огонь неприятельской артиллерии, ни обстреливать наступающую пехоту противника.

Этот пример еще раз подтверждает, что обстрел химическими снарядами является лучшим средством нейтрализации огня артиллерии.

Немцы, развивая свой прорыв и охватывая левый фланг русских, заставили их поспешно отходить и 3 сентября заняли Ригу. Русские 6 сентября 1917 г. остановились на Венденских позициях.

Итоги позиционного периода войны

На фронтах империалистической войны 1914—1918 гг. позиционная борьба отняла большую часть времени, продолжаясь на русском фронте почти два года — с осени 1915 г. до конца 1917 г. — и на французском фронте больше трех лет — с конца 1914 г. до осени 1918 г. Но это обстоятельство не может служить показателем того, что позиционная борьба является основным видом вооруженных столкновений и будет постоянно повторяться.

Позиционная борьба представляет особый, так сказать, окаменелый, способ ведения войны, вызванный непредвиденными, исключительными условиями обстановки, сложившейся в период мировой войны.

Только маневренные боевые действия могут привести к окончательному и сравнительно быстрому решающему успеху на войне. Поэтому в позиционный период мировой войны каждый из противников на всех фронтах стремился вырваться из «позиционного сиденья» и перейти к подвижным маневренным действиям путем широкого развития тактического успеха, достигнутого при прорывах укрепленных позиций.

Необходимо, разумеется, изучать условия и особенности позиционной борьбы, но не следует обобщать ее законы и явления в применении к борьбе в маневренных условиях. Тенденция к подобным обобщениям может привести к тяжелым ошибкам в будущем.

В огромном большинстве случаев основные положения тактики являются для данной эпохи справедливыми для всех видов боевых столкновений — как подвижных маневренных, так и в позиционных условиях. Но применение тактических положений вообще различно для каждого из способов ведения боя соответственно отличающимся особенностям каждого из них. Позиционные условия войны, отличающиеся относительным постоянством, допускают такие методы применения и боевой работы артиллерии, которые невозможны в усло-

виях быстрого развития и непрерывно меняющейся обстановки маневренных подвижных боевых действий.

Необходимо иметь в виду, что тактика позиционной борьбы, перенесенная в маневренные условия, может оказать тяжелое давление на боевые действия и приведет, во всяком случае, к весьма нежелательному переходу инициативы в руки более подвижного противника.

ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА ВОЙНЫ В ОТНОШЕНИИ ТАКТИКИ АРТИЛЛЕРИИ

Опыт мировой войны указал на безусловную необходимость организованности боевых действий артиллерии, выражающейся прежде всего в объединении управления огнем большей части артиллерии в руках старшего артиллерийского начальника и в своевременном сосредоточении артиллерийского огня по важнейшим целям в решающем направлении.

При использовании артиллерии в бою можно руководствоваться следующим:

1. Главным назначением артиллерии остается могущественная огневая помощь своим войскам, в первую очередь своей пехоте.

В довоенное время это основное положение носило характер общей идеи, без каких бы то ни было конкретных данных, определяющих род и количество средств, необходимых для оказания действительной помощи своим войскам в тех или иных условиях боевых столкновений.

Война подтвердила необычайную силу и могущество артиллерийского огня вообще и особенно силу действия полевых 76-мм пушечных батарей по открытым живым целям. Самая доблестная пехота не могла противостоять огню полевых 76-мм пушек, если она наступала открыто и была видна с артиллерийских наблюдательных пунктов.

Выявившаяся во время войны чрезвычайная мощность огня артиллерии, возросшая сила ружейного и пулеметного огня, необходимость уничтожения проволочных и других заграждений, разрушения окопов и укреплений, поражения укрывшейся живой силы противника — все это потребовало от артиллерии прежде всего борьбы за огневое превосходство с тем, чтобы, нейтрализовав или ослабив огонь неприятеля, обеспечить своим войскам переход к удару живой силой.

Борьба с неприятельской артиллерией с целью прикрыть от ее губительного огня свои войска оказалась одной из главных задач артиллерии. Успех этой борьбы обеспечивался наличием дальнобойной артиллерии и воздушным наблюдением с самолетов и привязных аэростатов.

Достижение огневого превосходства потребовало не только борьбы с артиллерией противника и решения многих других частных задач артиллерийским огнем, но и расчета необходимых артиллерийских

средств, обеспечивающих огневое превосходство. Разрушение сооружений, уничтожение заграждений и прочих препятствий также требовали расчета артиллерийских сил и средств.

В большинстве случаев нельзя предпринимать ту или иную боевую операцию, предварительно не подсчитав необходимое количество артиллерии и боевых припасов. План операции зависит от наличия артиллерийских средств, в особенности при атаке укрепленных позиций. Войска, наносящие главный решительный удар, должны быть обеспечены артиллерийскими средствами по определенному расчету, основанному хотя бы на приблизительных данных, выясненных опытом войны, с учетом по мере возможности вероятных новых средств вооруженной борьбы.

Сила и могущество артиллерийского огня обеспечиваются наличием необходимого числа орудий соответствующего калибра и конструкции, снабженных достаточно большим количеством снарядов, правильностью постановки огневых задач и умением вести стрельбу в различных условиях боевой обстановки, не особенно считаясь с неизбежной по большей части затратой огромного расхода выстрелов, особенно в легких пушечных батареях.

2. Успех боевых действий артиллерии основывается на внезапности применения и массировании ее огня.

Массовый артиллерийский огонь, внезапно обрушивавшийся на войска противника, угрожавший уничтожением, ошеломлял неприятеля и лишал его возможности стрелять. Этим моментом пользовался атакующий, чтобы выполнить свою задачу и овладеть намеченным объектом действий.

Внезапность применения артиллерии была положена в основу в боях последнего периода мировой войны 1914—1918 гг. на всех фронтах.

Массирование артиллерии заключается не только в массировании артиллерийских средств, но и главным образом в массировании или сосредоточении артиллерийского огня путем централизованного управления артиллерией, а также путем применения соответствующих наиболее мощных систем орудий при условии максимального их использования.

К концу мировой войны глубина расположения обороны достигала 10 км. Для подавления огневых средств обороняющегося, рассредоточенных в такой глубокой полосе, требовалась быстрая поддержка артиллерийским огнем продвигающейся вперед пехоты атакующего. При этом для обеспечения более тесного взаимодействия артиллерии с пехотой приходилось часть артиллерии передавать в непосредственное распоряжение пехотных командиров.

Для перехода от централизованного управления артиллерией к децентрализованному без больших затруднений и без потери времени необходима была достаточно гибкая организация управления артиллерийским огнем.

При борьбе на широких фронтах также приходилось децентрализовать управление артиллерией, так как маневрирование огнем при

широком фронте и слабой плотности артиллерии осуществить почти невозможно.

3. Наивыгоднейшее использование артиллерийского огня обеспечивается: целесообразной организацией огня, правильным боевым распределением артиллерии соответственно расчленению боевого порядка войскового соединения и взаимодействием орудий всех калибров сообразно их боевым свойствам.

В начале войны, в маневренный ее период, боевое использование артиллерии не носило организованного характера. В первых маневренных сражениях на русском фронте из задач артиллерии предусматривалась только борьба с пехотой на дальностях примерно 2—3 км и с артиллерией на дальностях до 6 км. Война выдвинула много новых задач для борьбы артиллерии: поражение живой силы укрывшегося противника, разрушение закрытий, поражение на больших дальностях артиллерии противника и его тылов, борьба с воздушным флотом (см. ниже гл. VIII), поражение броневых сил в виде танков и броневых автомобилей и пр. Опыт войны указал на необходимость иметь на вооружении армии тяжелую гаубичную и дальнобойную пушечную артиллерию, специальную зенитную артиллерию и облегченную малокалиберную артиллерию для непосредственного сопровождения и поддержки пехоты в бою, а также для поражения пулеметов, танков, штурмовой артиллерии и т. д. (см. т. I, ч. II).

Опыт войны разграничил назначение и задачи всех видов артиллерии: дивизионной — поддержка и сопровождение пехоты, корпусной — борьба с неприятельской артиллерией и поражение ближайших тылов противника, армейской (ТАОН) — разрушение более прочных фортификационных построек и обстрел важных пунктов в дальнем тылу противника, малокалиберной и зенитной — их специальные задачи.

Таким образом, огонь артиллерии в целом, независимо от вида сражения — наступления или обороны, должен представлять организованную систему, основанную, с одной стороны, на разделении труда между разными видами артиллерии, с другой — на взаимодействии артиллерийских групп в процессе боя.

4. Боевая деятельность артиллерии при всех условиях боевых столкновений неотделима от действий пехоты.

Необходима полная согласованность действий пехоты и артиллерии, т. е. самое тесное их взаимодействие для обеспечения непрерывной и могущественной поддержки пехоты артиллерийским огнем.

Недостаточное взаимодействие артиллерии с пехотой было крупным недочетом русской армии в сражениях мировой войны. Случалось, что пехота в наиболее тяжелые для нее периоды боя оставалась без поддержки артиллерии, которая не всегда стреляла туда, куда требова-

лось пехоте, или не в то время, когда это было ей нужно; случалось иногда, что пехота попадала под огонь своей артиллерии.

Для непосредственной ближайшей поддержки пехоты в наиболее критическое и опасное для нее время производства или отбития штурма необходима специальная, легкой системы, артиллерия сопровождения пехоты.

Необходимость прочного взаимодействия артиллерии с пехотой подчеркнула важность осуществления мероприятий, о которых уже упоминалось, как-то: установление непрерывно и надежно действующей связи артиллерии с другими родами войск, взаимная ориентировка между ними, организация постоянного наблюдения и разведки, установление общего языка для ориентировки и целеуказания и пр.

Но вернейшим залогом взаимодействия служит внутренняя органическая связь между артиллерией и другими войсками, достигаемая путем совместной жизни и работы войск еще в мирное время, взаимного знакомства со свойствами и условиями боевого использования разных родов войск. Главное же, чего не было и не могло быть в царской армии и что является основой в РККА, — путем правильного политического воспитания войск в духе единства понимания необходимости и долга защиты своей социалистической родины, в духе любви и преданности партии Ленина—Сталина и советскому правительству; путем политической работы в армии, воспитывающей в каждом рядовом бойце, командире и начальнике единую высокую и сознательную революционную дисциплину, смелый и самоотверженный боевой порыв, инициативу, решительность и непоколебимую готовность взаимной выручки.

В частности, тактические выводы в отношении использования артиллерии в различных условиях сражений мировой войны сводятся к следующему.

При наступлении и атаке общая роль артиллерии, предназначавшаяся ей в довоенное время, подтвердилась. Заключается она в том, что артиллерия, прикрытая своей сражающейся впереди пехотой, поддерживает последнюю и прокладывает ей путь для атаки противника, поражая своим огнем его живую силу, уничтожая средства борьбы и разрушая закрытия, препятствия и укрепления, создаваемые неприятелем.

Пехота, не прикрытая во-время достаточно сильным артиллерийским огнем с фронта и флангов от огня противника, не могла выполнять поставленных ей задач и несла напрасные потери.

Атаке пехоты должна предшествовать предварительная подготовка огнем артиллерии. Артиллерийская подготовка атаки должна начинаться одновременно с развертыванием в боевой порядок и началом наступления пехоты в сфере огня неприятельской артиллерии. Артиллерийская подготовка не является самостоятельным отдельным актом боя; непосредственным ее продолжением должна служить атака пехоты.

При наступлении артиллерийская подготовка необходима на всю глубину района расположения обороняющегося, однако не в ущерб массированию артиллерийского огня на решающих участках.

В артиллерийской подготовке атаки главную роль играют, особенно при атаке укрывшегося или укрепившегося противника, гаубицы

и тяжелые орудия, обладающие крутой (навесной) траекторией и сильным фугасным снарядом, необходимым для разрушения закрытий и укреплений.

Тяжелая артиллерия, стреляющая снарядами большой разрушительной силы и на большие дальности, недоступные для легкой артиллерии, получила огромное значение не только в позиционной, но и в маневренной борьбе.

Действие тяжелой дальнобойной и мощной артиллерии, особенно при искусном использовании ею внезапности открытия огня, производило на пехоту ошеломляющее впечатление. Та же артиллерия при помощи воздушного наблюдения в полной мере справлялась с задачами: гаубичная — с разрушением укреплений, опорных пунктов и закрытий, дальнобойная пушечная — успешно боролась с неприятельской артиллерией и обстреливала тылы противника.

Лучшим средством подготовки атаки, обеспечивающим ее успех, служит внезапность. Поэтому прежде всего, и особенно в маневренных условиях боя, необходимо всемерно стремиться к осуществлению принципа внезапности как в отношении поражения артиллерийским огнем, так и в отношении самой атаки, а также к воздействию артиллерийского огня преимущественно на живую силу противника и затем уже иметь в виду разрушение фортификационных и прочих сооружений неприятеля.

Опыт позиционного периода войны показал, что артиллерийская подготовка по методу разрушения позиции противника и уничтожения его артиллерии исключала использование внезапности и не могла дать большого успеха. Метод разрушения, требуя огромных артиллерийских средств и много времени, позволял живой силе неприятеля покинуть разрушаемые окопы и встретить атаку либо контратакой, либо губительным для атакующего огнем с новой, хотя бы и наспех построенной, оборонительной позиции. Артиллерийская подготовка с заменой разрушения позиций нейтрализацией живой силы противника приводила к лучшим результатам. Метод нейтрализации, соединенный с внезапностью, позволял сосредоточивать в желаемом решающем участке неприятельского расположения массированный артиллерийский огонь такой силы, который был недостижим при методе разрушения, требовавшем рассредоточения огня артиллерии во времени и пространстве по отдельным задачам.

В условиях позиционной войны метод нейтрализации, соединенный с внезапностью действий, признан был основным, хотя и требовал наличия богатых артиллерийских средств, оборудования различными специальными приборами, широко поставленной метеорологической службы и довольно длительного времени для подготовки артиллерии ко вступлению в бой. При этом обязательным условием обеспечения успеха являлось соединение нейтрализующего артиллерийского огня с частичным разрушением проволочных заграждений (так как танков не было) и тех фланкирующих пулеметных гнезд, которые представляли опасность для атакующей пехоты.

Атака пехоты, своевременно не поддержанная достаточно сильным артиллерийским огнем, не обещает успеха и легко может превратиться в собственное поражение. Поэтому при наступлении артиллерия, под

прикрытием продвинувшейся вперед пехоты и под защитой своего огня, должна постепенно продвигаться вперед, чтобы занять новые позиции, отвечающие новым задачам пехоты и позволяющие своевременно поддержать ее огнем в целях обеспечения общего успеха.

Решающий удар главных сил во всех случаях наступательного боя должен быть поддержан сосредоточенным огнем подавляющего количества артиллерии, превосходящей неприятельскую во всех отношениях, в том числе и в отношении могущества орудий.

При наступлении управление артиллерией должно быть настолько гибким, чтобы обеспечивать объединение действий в руках старшего артиллерийского начальника в период огневой подготовки атаки и в начальный период ее развития и вместе с тем допускать переподчинение частей артиллерии пехотным подразделениям при развитии наступательного боя в глубине расположения противника.

При обороне сила ее основана на наивыгоднейшем использовании артиллерийского и всех прочих видов огня, а также местности, фортификационных, химических и других средств борьбы в сочетании с активными действиями и последующим переходом в наступление.

Задача артиллерии обороны во все периоды боя[1] — «решительное поражение пехоты и борьба с артиллерией противника».

Артиллерия обороны должна: дальним огнем поражать наступающего в период сближения, решительно бороться с неприятельской артиллерией, стремясь к нейтрализации ее огня с целью воспрепятствовать ей поражать обороняющуюся пехоту и разрушать укрепления, остановить и стремиться уничтожить атакующую пехоту, помочь своей пехоте выбить противника, если он ворвется в расположение обороняющегося, содействовать своим огнем переходу в контратаку.

В связи с развитием глубокого расположения обороняющейся пехоты необходимо эшелонированное размещение артиллерии обороны, разбросанное не только по фронту, но и в тыловом районе. Успех обороны обеспечивается глубоким расположением артиллерии, если такое расположение обусловливается возможностью осуществления ею уничтожающего огня на достаточную дальность перед фронтом позиции и сохранения системы и непрерывности огня артиллерии по атакующему, ворвавшемуся в глубину оборонительной полосы.

Система артиллерийского огня обороны основывается на огневом маневрировании с использованием сосредоточенного, фланкового и косоприцельного огня.

Возможность планомерности, наибольшего массирования и сосредоточения артиллерийского огня в требуемых направлениях легче всего достигается при централизованном управлении ар-

[1] «Боевой устав артиллерии РККА», ч. II, 1937 г., § 216 по данному вопросу говорит следующее: «Задачи артиллерии в обороне во все периоды боя — уничтожение танков, решительное поражение пехоты и борьба с артиллерией противника». В тексте книги пропущены слова «уничтожение танков», так как танков не было на русском фронте во время мировой войны.

тиллерией обороны. Однако централизованное управление огнем артиллерии в оборонительном бою не должно ограничивать проявления личной инициативы, в пределах поставленной артиллерии задачи, артиллерийских начальников, начиная с командира батареи (отдельного взвода).

Встречный бой. Задача артиллерии во встречном бою заключается, как это имелось в виду и в довоенное время, в быстром достижении огневого превосходства над противником: быстрота введения в бой подавляющей по силе и количеству артиллерии и решительность ее действий предрешают успех встречного боя.

Распределение артиллерии во встречном бою должно соответствовать замыслу общевойскового командования. Большая часть артиллерии, включая часть дальнобойных 107-мм пушечных батарей, назначается в состав авангарда. Артиллерия авангарда должна поддержать вступление в бой пехоты (кавалерии) авангарда и обеспечить беспрепятственное развертывание в боевой порядок и совершение маневра главных сил.

Подтвердилось, что скоротечная, изменчивая обстановка встречного боя требует самых смелых действий со стороны артиллерийских начальников и особенно командиров батарей. Всем им должна быть предоставлена широкая инициатива, как имеющая почти решающее значение для успеха боя, однако при условии, что инициатива преследует цель достижения общей задачи боя и не нарушает тесной связи и взаимодействия с пехотой (конницей).

Действия конной артиллерии с кавалерией. Опыт маневренного периода мировой войны указал, что основной задачей конной артиллерии является быстрая поддержка своей кавалерии огнем. Однако конная артиллерия должна избегать преждевременного открытия огня, чтобы не выдать противнику плана своего кавалерийского начальника, а потому действия ее должны быть согласованы по времени с действиями конницы. В первую очередь конная артиллерия должна своим огнем, по большей части с закрытых или маскированных позиций, содействовать фронтально охраняющей кавалерийской части «сковыванию» противника и лишению его свободы маневрирования; затем, иногда частично меняя позиции, содействовать своим огнем маневру своих кавалерийских частей, направленных для нанесения решительного удара; наконец, быстро и по возможности скрытно заняв, если нужно, новую позицию, преимущественно маскированную или открытую — на флангах, а иногда впереди или в тылу своей атакующей конницы, обратить самый интенсивный огонь против той части неприятеля, которая непосредственно представляет угрозу своей коннице, и прежде всего против неприятельской кавалерии. Конная артиллерия во встречном кавалерийском бою должна вести огонь по конным целям почти до столкновения своей конницы с неприятельской, после чего, во избежание поражения своей конницы, переносит огонь на резервы и на артиллерию противника.

Опыт войны подчеркнул, что ввиду быстротечности кавалерийского боя, недостаточной ясности и изменчивости в обстановке начальник конной артиллерии должен: действовать быстро и решительно, чтобы подготовить успех конной атаки в кратчайший срок; тщательно наблюдать за полем боя, чтобы не упустить благоприятного случая нанести противнику поражение огнем и чтобы не поражать частей своей конницы; обладать инициативой, чтобы самостоятельно разрешать без малейшего колебания вопросы о выборе целей для стрельбы, времени их обстрела, о выборе и перемене позиций, причем разрешать эти вопросы как на основе задачи, полученной от своего кавалерийского начальника, так и в случае неполучения задачи, что нередко может иметь место вследствие скоротечности боя кавалерии.

* * *

В конечном выводе войны определилось, что в сфере сильного артиллерийского и пулеметного огня противника пехота и другие войска не могут двигаться и выполнять поставленные им задачи, что необходимо добиться огневого превосходства своей артиллерии над огнем неприятеля — путем ли уничтожения его живой силы и огневых средств или только путем нейтрализации живой силы.

За основу боевого применения артиллерии, по опыту империалистической войны на русском фронте, следует принять: важнейшим объектом артиллерийского огня является живая сила противника; разрушение и уничтожение его укреплений и прочих материальных средств необходимо лишь постольку, поскольку это нужно для поражения его живой силы.

СТРЕЛЬБА АРТИЛЛЕРИИ

Подготовка русской артиллерии в специальном стрелково-техническом отношении доведена была к началу мировой войны до высокой степени совершенства и в общем, по тому времени, не оставляла желать лучшего. Подготовка эта в полной мере себя оправдала на опыте войны.

По свидетельству одного из виднейших русских артиллеристов, троекратно побывавшего в командировке в 1914 г. в действующей армии в Галиции, вполне осведомленного и беспристрастного свидетеля действительного положения артиллерийского дела на фронте, «блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили полное одобрение и восхищение; наши артиллеристы стрелять умели, они не забыли уроков полигонных стрельб, и каждый раз, когда надо, они давали то, что может дать современная артиллерия в умелых руках»[1].

Известный представитель командования германской армии Гинденбург, давая оценку русской армии в 1915 г., выразился между прочим так: «Русская артиллерия стреляет хорошо, хотя с огромным расходом снарядов».

---

[1] ЦВИА. Личный архив Барсукова. Отчет Карачана.

Действия русской артиллерии по открыто расположенным или открыто двигающимся неприятельским войскам были ужасающими. История мировой войны знает немало тому примеров (некоторые из них были приведены).

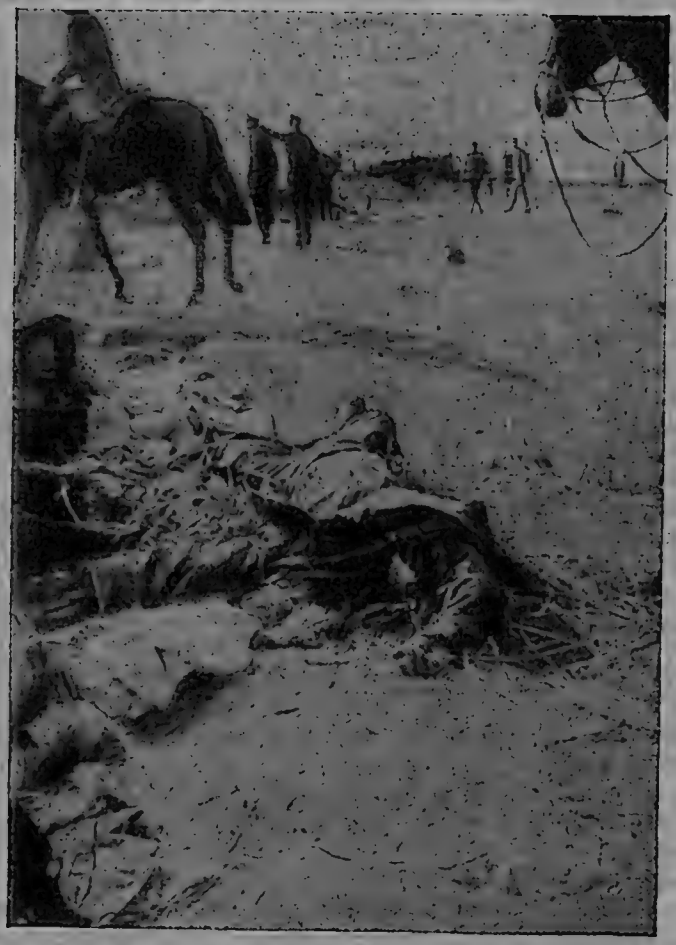


Рис. 22. Результат артиллерийского огня по австрийской пехоте в бою под д. Тарнавка. Октябрь 1914 г.

В первых же боевых столкновениях маневренного периода мировой войны выяснилась чрезвычайная сила огня русских полевых батарей, особенно против открытой живой силы в густых построениях, в каких действовали в начале войны войска австро-германцев. Наступающая австро-германская пехота обычно представляла исключительно выгодные цели для артиллерии: боевой порядок в виде ряда сплошных густых цепей с интервалами между отдельными пехотинцами всего в один шаг, двигавшихся открыто на дистанции 100—200 шагов одна

цепь за другой. Шрапнель 76-мм пушек русской артиллерии находила себе обильную жатву в скоплении 3 000—4 000 людей открыто наступавшего неприятельского пехотного полка на площади до 2 км по фронту и не более 1 000 шагов в глубину. Не исключением бывало, что наступавшая таким образом австро-германская пехота, попадая под убийственный огонь шрапнели 76-мм полевых пушек, уничтожалась почти до последнего человека.

Рис. 23. Результат артиллерийского огня по австрийской пехоте в бою под д. Тарнавка. Октябрь 1914 г.

Жестокое поражение наносила полевая русская артиллерия и неприятельским батареям, располагавшимся в начале войны на открытых или маскированных позициях, особенно в тех случаях, если они попадали под огонь русских 122-мм гаубиц (см. выше пример уничтожения германской артиллерии в бою у Тарнавка 26 августа 1914 г. и другие примеры).

В бою в Восточной Галиции у Майдан-Гурио 27 августа 1914 г. австрийская 15-см тяжелая батарея была расстреляна перекрестным огнем русских легких 76-мм батарей и вся осталась на месте. При осмотре ее оказалось: одно из орудий, видимо, пытались выкатить из окопа; около орудия валялась сраженная вся шестерка лошадей подъехавшего передка и лежало несколько человек убитых. На позиции были воронки от разрыва фугасных гранат, и всюду, даже на дне орудийных площадок, валялись шрапнельные стаканы. Найденная тут же неразорвавшаяся шрапнель имела дистанционную трубку,

поставленную на удар. Очевидно, русские батареи, за недостатком гранат, вели стрельбу шрапнелью на удар на большую дальность, превышающую дальность с максимальной установкой дистанционной трубки.

В позиционный период мировой войны, особенно в 1917 г., когда были сформированы батареи ТАОН, вооруженные мощными тяжелыми орудиями, искусным огнем русской артиллерии производились настолько сильные разрушения неприятельских окопов, укреплений и других сооружений особой прочности, что в некоторых местах они буквально сравнивались с землей, а жилые постройки, иногда целые селения, попадавшие под огонь артиллерии, обычно загорались и уничтожались нередко дотла. Примеры огневого действия русской артиллерии в период позиционной борьбы см. ниже (ч. IV).

Успех боевой работы артиллерии всецело зависит от искусства ведения ею огня.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., которым руководствовалась русская артиллерия в маневренный период войны, указывало, что артиллерия должна вести огонь непременно в видах определенных боевых задач, по вполне выясненным, достаточно важным целям, с расстояний, позволяющих нанести противнику существенный вред, и что результаты артиллерийского огня сильно повышаются при совместной стрельбе многих артиллерийских частей, «объединенных общим управлением». Требовалось такое общее распределение артиллерийского огня, чтобы противник ни на одном боевом участке не мог действовать беспрепятственно, избегая, однако, «чрезмерного дробления огня», так как при этом нельзя «своевременно и быстро достигать решительных результатов».

«Наставление» указывало, что быстрое подавление неприятеля лучше всего достигается «сосредоточением огня» многих артиллерийских частей, в особенности «при сочетании фронтального огня с фланговым» (косоприцельным или продольным).

Сосредоточение огня легко достигается при численном превосходстве артиллерии, при отсутствии же численного превосходства может быть осуществлено последовательно путем переносов огня.

«Наставление» подчеркивало, что «сосредоточение огня крупных артиллерийских частей (несколько дивизионов) должно выражаться в более согласованном решении огневых задач, объединенных общей идеей, нежели в одновременной стрельбе по общим целям».

При выборе целей для стрельбы предлагалось постоянно иметь в виду потребности войск и стремиться поражать в соответствии с тактической обстановкой те цели, которые наиболее вредят или стесняют их действия.

Относительно проявления инициативы при выборе целей в «Наставлении» 1912 г. имелось только указание, что «командиры батарей могут, под своей ответственностью, самостоятельно перенести огонь для использования выгодных, важных и в то же время скоро-

Рис. 24. Деревня Лопушно после двухдневного обстрела артиллерией.
Февраль 1915 г.

Рис. 25. Деревня Лопушно после длительного обстрела артиллерией.
Апрель 1915 г.

преходящих моментов боя», а также в видах самообороны батареи и в видах содействия самообороне соседних войск, наконец — «в ближнем бою, при разрыве связи» с командиром дивизиона.

Но все такие переносы огня по инициативе командира батареи признавались «Наставлением» безусловно «недопустимыми в минуты поддержки атаки своей пехоты и отражения удара противника».

Офицерская артиллерийская школа при подготовке командиров в мирное время придавала большое значение проявлению инициативы в широком смысле этого понятия, признавая ее особенно необходимой при выборе целей для стрельбы в условиях маневренной борьбы и прежде всего в условиях встречного столкновения.

Школа внушала проходившим курс командирам, что артиллерийский начальник обязан проявить почин и принять самостоятельное решение в тех случаях, когда требуется немедленная помощь соседним войскам или когда обстановка изменилась, а новых приказаний не получено. Проявление инициативы артиллерийскими начальниками школа признавала необходимым всемерно развивать, так как случаи выгодного действия артиллерии представляются в бою часто совершенно неожиданно и бывают обычно скоропреходящими, а свойства артиллерийского огня позволяют наносить поражение в самый короткий срок. Несмотря на всю желательность объединения управления артиллерийским огнем в руках старших начальников, школа считала необходимым предоставить свободу в выборе целей для стрельбы и командирам батарей. Но все артиллерийские командиры и начальники при выборе целей для стрельбы по личному почину обязаны были: руководствоваться прежде всего долгом взаимной выручки и поддержки своих войск; помнить, что в бою усилия всех войск должны быть направляемы к достижению одной общей задачи; доносить непосредственному старшему начальнику о принятии решения стрельбы по личной инициативе и не обстреливать по своему почину фронтальным огнем те цели, против которых уже рвутся снаряды своей артиллерии, допуская обстрел таких целей лишь фланговым огнем.

В маневренный период войны бывало немало положительных примеров уместного проявления личной инициативы со стороны командиров батарей и других артиллерийских начальников.

В бою у м. Тышовцы (в Восточной Галиции) 7 сентября 1914 г. командир одной из батарей 3-й арт. бригады, заметивший вдалеке открыто стоящую неприятельскую батарею, стал ее обстреливать. Расстояние до этой батареи оказалось так велико, что при максимальном угле возвышения орудия (76-мм пушки) с неподрытым сошником давали недолеты, при верном направлении стрельбы. Командир батареи приказал подрыть сошники. После нескольких выстрелов гранатой при подрытом сошнике батарея противника, видимо обеспокоенная разорвавшимися вблизи гранатами, спешно снялась с позиции и ушла, не открывая огня против русских.

Но бывали и отрицательные примеры, когда некоторые артиллерийские начальники не проявляли инициативы в необходимых слу-

чаях, отговариваясь в большинстве случаев неполучением приказания.

Например, из переписки начальника штаба Юго-западного фронта с начальником штаба 40-го армейского корпуса в мае 1915 г. по поводу неудачного расположения батарей в отношении организации анфиладного огня видно, что некоторые батареи не были пристреляны по ясно для них видимым и анфилируемым неприятельским окопам потому, что эти «окопы находятся против фронта другой дивизии», причем, судя по переписке, это считалось только «мелким недоразумением» [1].

Офицерская артиллерийская школа обращала также большое внимание на предоставление командирам, проходящим курс школы, практики в управлении группами батарей, объединяемыми в целях достижения сосредоточенного массового огня. Однако, вследствие крайне ограниченного отпуска снарядов на практические стрельбы и недостаточного числа батарей, прикомандировываемых к школе, групповые стрельбы производились обычно в составе лишь одного дивизиона и только два-три раза в период лагерного сбора в составе нескольких (3—5) дивизионов.

В маневренный период мировой войны бывали примеры вполне целесообразного применения сосредоточенного артиллерийского огня под объединенным управлением почти исключительно командиров дивизионов и редко под управлением более старших артиллерийских начальников.

В период позиционной борьбы в наставлениях, изданных на русском фронте в 1916—1917 гг., не было определенных указаний ни о методах сосредоточения огня артиллерии, ни относительно необходимости проявления инициативы со стороны артиллерийских начальников и командиров.

В борьбе за укрепленные полосы артиллерия действовала, после неудач 1916 г., по строго продуманному и заранее составленному плану, разработанному в некоторых частях до мелочей (так было особенно в 1917 г. — см. примеры ч. IV).

В позиционный период войны такая постановка данного вопроса являлась необходимой. Она была обоснована боевым опытом и в значительной степени была заимствована у союзников и противников России. Но, как мы видели (см. выше), и французы и германцы в своих инструкциях и директивах, изданных в последний год мировой войны, стали внушать своим войскам начала инициативы и решительности действий, как бы подчеркивая необходимость того и другого с переходом к маневренной войне. В германской инструкции «Наступательное сражение в позиционной войне», утвержденной 1 января 1918 г., говорилось, между прочим: «Войсковым начальникам, не исключая низших, предоставляется полная инициатива».

В русском «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. (чч. II и III) только во введении имелся намек на необходимость проявления инициативы артиллерийскими начальниками. В ч. II «Наставление» указывало, что нормы «Наставления» «не могут осво-

[1] ЦВИА, 108—009, лл. 44—51.

бодить начальствующих лиц от обязанности размышлять и руководить боем», а в ч. III указывалось, что создание планов действий артиллерии «не освобождает начальников от обязанности непрерывно руководить боем» и что «одновременно оно и не стесняет их творчества в бою, лишь значительно облегчая последнее и делая его вполне отвечающим обстановке боя...»

Во вступлении ко второй части своей брошюры Кирей свидетельствует, что, «следя с наблюдательных пунктов за атаками наших позиций австрийцами и германцами, неоднократно приходилось видеть грустное явление: по наступающим цепям вели огонь только те батареи, которые были расположены позади атакуемого участка. Артиллерия соседней дивизии, а иногда и своего соседнего полка участия в отражении атаки либо совсем не принимала, либо оказывала самую незначительную поддержку, несмотря на полную пассивность противника на фронте».

Следовательно, во время мировой войны повторялась тогда та же возмутительная картина отсутствия взаимной выручки, какая наблюдалась во время русско-японской войны.

16 февраля 1905 г. во время Мукденского сражения японцы атаковали деревню Безымянную, занятую двумя ротами русских стрелков. Вследствие уничтожения закрытий артиллерийским огнем японцев и тяжелых потерь (в одной из рот осталось только 37 стрелков) оборонявшиеся роты вынуждены были отступить. Во время этого боя, длившегося с раннего утра до полудня, в борьбе с японской артиллерией принимал участие лишь один артиллерийский дивизион. Стоявший же на позиции рядом с ним другой артиллерийский дивизион, вероятно, в силу своей принадлежности к составу другой стрелковой бригады, совершенно не угрожаемой атакой, не поддержал боевого соседа, хотя Безымянная от него находилась в сфере действительного артиллерийского огня (дальность около 2 км) и была хорошо видна [1].

«Между тем, отрешившись от сепаратизма,— продолжает Кирей в своем вступлении, — от обязательного заключения артиллерии в узкие рамки тыловых разграничительных линий своей дивизии и приложивши небольшой сравнительно труд старших и младших командиров, можно и должно встретить врага заранее организованным огнем всех батарей, дальность орудий которых позволяет стрелять по атакуемому участку».

«Наставление» 1912 г., которым русская артиллерия должна была руководствоваться до официального издания указаний и наставлений 1916—1917 гг., от нее требовало: стрельбу на поражение вести преимущественно «сильными, короткими взрывами огня (ураганами)», при которых определенное число выстрелов выпускалось бы в возможно меньший промежуток времени. Считалось, что огонь «ураганами» вызовет сильное моральное потрясение и материальное расстройство противника. Вместе с тем требовалось, чтобы ураганы

[1] Е. З. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, ГВИЗ, 1926 г., стр. 50.

Там же, стр. 47—51, см. другие примеры.

выпускались только «при наличности твердого убеждения в верности данных для стрельбы»; возмещать же неверность данных увеличением количества выпускаемых снарядов или увеличением продолжительности ураганной стрельбы запрещалось. Для удержания противника в подавленном состоянии в промежутках между ураганами, которые по самой сущности своей должны были быть кратковременными, а также для уточнения пристрелочных данных рекомендовалось вести медленный артиллерийский огонь.

Вопреки этим указаниям «Наставления» 1912 г., в русской артиллерии под давлением общевойсковых начальников, большинство которых почти не знало ни «Наставления», ни свойств артиллерии, установилось во время войны вредное начало непрерывного обсеивания снарядами цели, а иногда даже довольно больших районов расположения противника массою снарядов, как это делалось во французской артиллерии, не особенно считаясь ни с важностью цели, ни с верностью данных для стрельбы и злоупотребляя во вред орудиям их скорострельностью.

В 1916 г. пришлось, чтобы положить этому предел, особым приказом наштаверха и «Указаниями для борьбы за укрепленные полосы» предписать «вывести из обихода ураганный и подобные ему виды огня, порождаемые неспокойным состоянием духа» и при этом подчеркнуть, что «стрельба без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов».

В 1917 г. в «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» было довольно подробно разъяснено, что действительность стрельбы достигается не безудержным расходом снарядов, а методическим ведением огня, целесообразным его распределением по заданному фронту противника, тщательным наблюдением каждого выстрела и производимого им разрушения. Методичный и длительный огонь давал возможность корректировать стрельбу каждого орудия и к тому же, как показал опыт войны, сильно действовал на психику противника. В условиях позиционной борьбы стрельба артиллерии имела задачей последовательное уничтожение или расстройство сил неприятеля, причем расход снарядов ставился в зависимость от важности задачи и от наличия запасов снарядов.

В обход указания «Наставления» прекратить ведение «ураганного» и ему подобных видов артиллерийского огня войсковые начальники ставили артиллерии задачи вести огонь: «интенсивный», «напряженный», «барабанный» и т. п. Методичный артиллерийский огонь вообще не удовлетворял общевойсковое командование, не исключая высших начальников. Например, в июле 1917 г. при подготовке прорыва 10-й русской армией германской укрепленной позиции на фронте Шалудьки, Геверишки методический огонь артиллерии произвел на самого главнокомандующего Западным фронтом впечатление «недостаточно интенсивного». По его мнению, противник под таким огнем «сидел на многих участках спокойно, хотя и достигнуты намеченные результаты разрушения». Главнокомандующий требовал вести огонь и во время артиллерийской подготовки такой интенсивности, чтобы всегда держать

противника в тревожном состоянии и воодушевлять свои войска «видимым эффектом и непрерывностью звуков от выстрелов и разрывов»[1] (см. ниже ч. IV).

Методы стрельбы

Русская артиллерия во все время мировой войны придерживалась хорошо освоенных ею методов стрельбы, основанных на «пристрелке» путем наблюдения «знаков разрывов» (недолетов и перелетов) или, иначе говоря, путем «захвата цели в вилку» (см. т. I, ч. I). Довоенные правила стрельбы русской артиллерии заключали в себе основательно разработанные указания главным образом о задачах и способах ведения пристрелки, затем о подготовке батареи к открытию огня, о наблюдении выстрелов, о разделении огня, о признаках успешности стрельбы и скорости огня; что же касается методов ведения огня на поражение, то о них правила стрельбы содержали краткие и мало определенные указания, сущность которых сводилась к тому, что после получения вилки (в 5, 10 и иногда более делений) следовало переходить на поражение с малого предела вилки, обстреливая площадь между пределами найденной вилки скачками в 2—3 деления, причем попутно наблюдениями по дальности пользовались для сужения границ обстреливаемой площади.

В общем правила стрельбы, по которым подготавливалась русская артиллерия, несмотря на отсутствие в них определенных указаний о ведении стрельбы на поражение по разным целям и другие недостатки, признавались вполне целесообразными в маневренный период войны, и, как неоднократно приходилось об этом упоминать, стреляла русская артиллерия по этим правилам во время войны весьма успешно. Но с переходом к позиционной борьбе, когда для разрушения неприятельских окопов и заграждений потребовалась очень точная стрельба, в особенности при сближении окопов своих с неприятельскими иногда до нескольких десятков шагов и риске при этом нанести поражение своей пехоте,— необходимы были новые методы более точной пристрелки и определенные методы ведения стрельбы для поражения разнообразных целей, а для обеспечения внезапности поражения появилась необходимость ведения стрельбы даже вовсе без пристрелки, на основании исчисленных данных.

При сосредоточении значительного количества артиллерии на небольших участках фронта обычная пристрелка всех батарей затягивалась на несколько часов, отнимая до 15% всего времени, назначенного для артиллерийской подготовки прорыва укрепленной позиции противника. Продолжительная пристрелка обнаруживала противнику направление прорыва и исключала внезапность атаки. Наконец, данные, полученные заблаговременной пристрелкой, нередко оказывались несоответствующими, особенно если требовалась весьма точная стрельба: по данным пристрелки, полученным ранним утром, стрельба днем давала перелеты снарядов вследствие уменьшения плотности воз-

[1] ЦВИА, 174—756, лл. 181—188.

духа, а стрельба по данным пристрелки, полученным днем, давала вечером и ночью недолеты, иногда же приводила к опасным разрывам снарядов в расположении своей пехоты. В отношении обеспечения точности стрельбы играли роль не только метеорологические условия, но и индивидуальные свойства каждого отдельного стреляющего орудия (расстрелянное орудие сообщает снаряду меньшую скорость и, следовательно, бросает снаряд не на ту дальность, какая указана в таблицах стрельбы, и пр.), свойства боевого заряда данной партии пороха и т. д.

Новые методы стрельбы, к которым перешли австро-германцы и англо-французы во время войны 1917—1918 гг., основаны были: на топографическом определении исходных данных—расстояния от орудий до цели, направления на цель, разности высот орудий и цели; на метеорологических данных состояния атмосферы—ветер, температура, влажность и плотность воздуха; на поправках, учитывающих свойства поступающих в батарею боеприпасов (расчеты этих поправок сводились в таблицу).

Русская артиллерия во время войны не имела систематических сводок и данных опытно-полигонных исследований для производства стрельбы без пристрелки. Впрочем, новые способы артиллерийской стрельбы, принятые бывшими союзниками и противниками России, не могли в полной мере заменить пристрелку, так как до самого конца войны данные топографической, метеорологической и балистической подготовки получались не настолько верными, чтобы по ним безошибочно производить все необходимые расчеты. Новые методы стрельбы все-таки требовали пристрелки, но значительно ее облегчали и позволяли выполнить в более короткий срок и с меньшим расходом снарядов. По этому поводу во французской инструкции по стрельбе артиллерии говорится:

«Подготовка и пристрелка взаимно дополняют друг друга: как общее правило, стрельба должна быть подготовлена так, как если бы она должна была бы вестись без пристрелки; затем следует пристрелка, выполняемая так, как будто бы ей не предшествовала подготовка».

Стрельба по сближенным участкам неприятельской укрепленной позиции, производившаяся, за недостатком у русских траншейных орудий, батареями дивизионной артиллерии, требовала весьма тщательных строгих расчетов, являлась весьма сложной и ответственной и сводилась к учету индивидуальных свойств каждого отдельного орудия, т. е. к назначению при стрельбе разных установок прицела и уровня, принимая при этом во внимание изменение метеорологических условий (температуры, влажности и плотности воздуха, направления и силы ветра). Русская артиллерия в общем справлялась с этой трудной задачей, хотя случаи попадания в свою пехоту не были исключены. Считалась русская артиллерия и с разнообразием метеорологических условий. Батареи при обстреле сближенных передовых окопов обычно меняли установки прицелов (уровней) в ясные дни до трех раз.

Стрельба с корректурой каждого орудия, необходимая для обстрела сближенных участков, вырабатывала в артиллеристах при ее проведении

напряженную внимательность, постепенно воспитывая в них уверенность в своих знаниях, уменье и наблюдательность.

Австро-германская артиллерия вообще избегала обстрела участков, сближенных менее чем на 200 шагов, так как при таком обстреле часто случались разрывы снарядов в районе первых укрепленных линий своей пехоты. Для обстрела таких весьма сближенных участков австро-германцы обычно применяли огонь минометов.

Особенности пристрелки и техники стрельбы артиллерии на поражение, выявленные в позиционный период войны на русском фронте, были зафиксированы «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г., особенно в ч. II («Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы») и отчасти в ч. III («Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы»).

При обороне требовалось, чтобы местность и сооружения противника были тщательно изучены и чтобы батареи и отдельные взводы были пристреляны по всем целям, предназначенным им по плану артиллерийских действий. Эта пристрелка, говорилось в «Наставлении», «должна дать возможность направить огонь в любое место совершенно точно или только с самой краткой пристрелкой».

При обороне требовалось определять «прицел дня» проверочной пристрелкой по определенной, ясно видимой цели. Эта проверка выполнялась одним орудием на группу однотипных орудий и обычно на три различных дальности. Данные проверки сообщались батареям.

Несоответствие дневного и ночного прицелов также принималось во внимание.

Все полученные данные стрельбы помещались в виде сводок в дивизионные и групповые таблицы, в которых указывалось, по каким целям (цели занумеровывались) и какие именно батареи (взводы) пристреляны.

При прорыве укрепленной полосы заблаговременная пристрелка всей массы артиллерии, как явно подчеркивающая район предполагаемого удара, не допускалась. Разрешалось получать заблаговременно лишь грубые пристрелочные данные для орудий только некоторых батарей (ограничиваясь вилкой около 200 м) и при этом распределять время для пристрелки между батареями так, чтобы она имела характер и напряженность стрельбы, производившейся и ранее.

Для орудий крупных калибров, чтобы не тратить напрасно их дорогих снарядов, рекомендовалось первоначальные данные подыскивать стрельбой однотипных орудий малого калибра.

Окончательную пристрелку предлагалось тщательно «выполнить в день боя, непосредственно перед подготовкой атаки» (в течение около 2—4 час.).

На второстепенных участках, удаленных от места намечаемого главного удара, разрешалось производить пристрелку накануне боя, чтобы обмануть противника.

«Наставление» (§ 128) указывало: «Пристрелять надо каждое орудие, для чего батарейный участок

делят на орудийные. Пристрелка «батареею» недопустима».

В случае сближения с противником менее чем на 400 шагов требовалось перед началом пристрелки и артиллерийской подготовки атаки отводить незаметно назад пехоту, чтобы не поражать ее своим огнем и не нервировать ее.

Наблюдатели с самолетов и змейковых аэростатов должны были следить за пристрелкой и стрельбой на поражение и предупреждать стреляющего командира в том случае, если будет замечено неудовлетворительное распределение разрывов снарядов.

Разрушение искусственных препятствий

Рассчитывать на успешный исход атаки укрепленной позиции большею частью нельзя было, если искусственные препятствия не прорваны.

Разрушение искусственных препятствий требует большого расхода снарядов (см. выше табл. 3). Поэтому с указанной целью рекомендовалось использовать не только артиллерию, но и другие средства: бомбометы и минометы, ручные гранаты, ножницы, удлиненные заряды.

Предпочтительно сделать большое число узких проходов (на каждую атакующую роту примерно 2—4 прохода, шириною 8—10 м каждый), чем немного широких проходов.

Успешность стрельбы для разрушения заграждений требует: небольшой дальности — от 2 до 3 км; отчетливого наблюдения — разрушаемый участок, каждая проволока должны быть хорошо видны; твердого грунта у цели (топкий или мягкий грунт при отсутствии взрывателя мгновенного действия почти исключает возможность разрушения).

Глубокие заграждения выгоднее разрушать фронтальным огнем. Узкие полосы заграждений (6—8 м глубиной), напротив, выгодно разрушать фланговым огнем, так как при этом, благодаря рассеиванию в направлении стрельбы, получается широкий по фронту проход.

Стрельбу предпочтительно вести полубатареями (т. е. по 3 орудия при 6-орудийной батарее), задавая каждой полубатарее прочистить свой особый проход. При этом одна батарея, работающая по-полубатарейно, может в течение 8—10 час. сделать до 6 проходов, шириной каждый 8—10 м (при общей глубине заграждений не более 20 м и при деревянных кольях), т. е. расчистить путь в заграждениях первой линии примерно для двух рот.

При фронтальном огне требовалось каждое орудие пристрелять с точностью до 1/2 деления прицела и так проводить пристрелку и стрельбу, чтобы для каждого орудия получалось около 20—25% недолетов относительно переднего края заграждения.

Темп стрельбы должен был допускать наблюдение каждого выстрела.

Несколько полос заграждений, разделенных промежутками в 20 м и более, требовалось разрушить постепенно одну за другой, производя каждый раз перед обстрелом полосы проверочную пристрелку.

Разрушение и обстрел оборонительных сооружений

Артиллерия не могла в большинстве случаев совершенно уничтожить и разрушить окопы особой прочности, построенные с применением бетона и железа. «Наставление» напоминало, что артиллерия «не уничтожает, а всемерно ослабляет материальные и моральные силы противника» и что «потрясенного противника добивает пехота стремительной атакой».

Сплошное разрушение всех сооружений на всем участке, избранном для нанесения главного удара противнику, обычно бывает не по силам артиллерии. А потому не должно быть «равномерного распределения огня по всему участку главного удара»: огонь нужно сгущать на более сильных участках и на таких, которые приходятся против мест проходов, уже сделанных в заграждениях.

Изучив во всех подробностях избранный для совершения прорыва участок укрепленной позиции противника, оборонительные сооружения на этом участке распределяют на «главные и второстепенные». К главным элементам относят фланкирующие постройки и изломы укреплений, блокгаузы, пулеметные блиндажи, узлы скрещения окопов и ходов сообщений, дворики и блиндажи траншейных пушек, укрытия для защитников укрепленной полосы. Планом артиллерийских действий главные элементы должны быть заблаговременно распределены между батареями и назначены к разрушению (подавлению) артиллерией или минометами.

Второстепенные элементы желательно держать под нейтрализующим огнем легкой артиллерии (преимущественно гранатами), усиливаемым перед атакой часа за два (гранатой и шрапнелью) и поддерживаемым в течение атаки, чтобы загнать неприятеля в норы и не допустить с его стороны ружейного и пулеметного огня по атакующему.

Батареям требовалось назначить соразмерные силам участки и определить приблизительный расход снарядов на каждую задачу (см. выше табл. 4 и 5).

«Наставление» указывало для предварительных соображений следующие примерные данные:

а) В составе 4-орудийной батареи, действуя фронтальным огнем в течение 8—10 час. с расстояния около 3 км, каждая 152-мм гаубица (или пушка в 120, 190 и 200 пуд.), делая 15—25 выстрелов в час, может разрушить около 20 м фронта заданной цели.

Гаубица 122-мм, стреляя несколько быстрее (в час около 20—30 выстрелов), может за то же время разрушить участок в 15—20 м по фронту, но более слабого сопротивления.

При фланговом огне на каждое орудие можно назначать до 40 м, считая по фронту противника; при этом задача будет выполнена примерно вдвое скорее.

б) Для орудий более крупных калибров величина участка исчисляется по дальности и заданному времени.

в) Для обстрела окопов и ходов сообщения на участке главного удара на каждое легкое (горное) орудие назначают 20—30 м, а на

смежных участках — по 30—60 м неприятельского фронта. При фланговом огне назначают примерно вдвое больший участок.

г) Для второстепенных участков, не прилегающих к участку главного удара, можно считать при фронтальном огне на каждое легкое (горное) орудие до 60 м фронта.

Для успешности стрельбы на разрушение требовались: «точная пристрелка каждого орудия, фланговый или возможно косой огонь, надлежащая дистанция, методическое ведение огня и тщательное наблюдение» (примерно с расстояния не дальше 1 км). Требовалось отчетливо видеть (в стереотрубу) каждую деталь разрушаемого сооружения; запрещалось стрелять на разрушение по карте, по предположенному расстоянию между линиями окопов, или при наблюдении издалека.

Скорость огня должна была допускать наблюдение каждого выстрела, как и при разрушении искусственных препятствий.

Стрельбу на разрушение укреплений рекомендовалось чередовать с обстрелом химическими снарядами.

Стрельбу на разрушение предлагалось вести «орудиями» с возможно равными промежутками между выстрелами; батарейные очереди и залпы не допускались. Методичный и длительный артиллерийский огонь, сильно действуя на психику противника, давал возможность корректировать огонь каждого орудия.

Борьба с неприятельской артиллерией[1]

При прорыве укрепленной полосы признавалось необходимым вести огневую борьбу с артиллерией обороны с полным напряжением, изыскивая все средства, чтобы преодолеть трудности этой борьбы, так как артиллерийский огонь имеет преобладающее значение по сравнению с прочими боевыми средствами.

При обороне укрепленной полосы, в период до начала встречного артиллерийского удара, с целью нанести потери пехоте противника, собранной на исходном для атаки плацдарме, борьба с артиллерией атакующего считалась «важнейшей и одновременно наиболее трудной задачей, возлагаемой на артиллерию обороны».

Батареи на закрытых огневых позициях мало уязвимы, а потому «нельзя предполагать, что огонь артиллерии противника будет совершенно потушен», — такая оговорка имелась в «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» (изд. 1917 г., ч. II, § 175). Но при невозможности «уничтожения» неприятельских батарей выступала задача «подавления огня».

Успешная борьба с артиллерией возможна лишь при наличии достаточно хорошо организованного воздушного наблюдения, при наличии непрерывного искусного наземного наблюдения, при достаточном

[1] «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г., ч. II, § 174—198; ч. III, § 33—61.

числе соответствующего типа орудий, главным образом дальнобойных, вполне обеспеченных боеприпасами.

При атаке укрепленной позиции борьбу с артиллерией обороны признано было необходимым организовать не только на участке главного удара, но и на смежных с ним участках с тем, чтобы вести борьбу с батареями, расположенными на 4—5 км вне флангов участка главного удара, откуда они могли обстреливать во фланг подступы к атакуемому участку, а затем и самый участок по его занятии.

Батареи, назначенные для борьбы с артиллерией, соединялись в противобатарейные группы, которые в свою очередь делились на подгруппы.

Для обеспечения успеха борьбы с неприятельской артиллерией необходимо: заблаговременно установить непрерывное наблюдение за противником как днем, так и ночью (засечки по блеску); организовать постоянный взаимный обмен и ежедневную сводку наблюдений; предоставить в распоряжение начальника противобатарейных групп самолеты, привязные змейковые аэростаты, звукометрические посты и радиостанции.

Стрельба по неприятельским батареям, невидимым, но обнаруженным по фотографии, по звуку и другими средствами, должна корректироваться самолетами. Пристрелка орудий противобатарейной артиллерии при содействии самолетов производится систематично и заблаговременно; в день боя пристрелка только проверяется.

Борьба с артиллерией, полеты самолетов и подъемы аэростатов усиливались и вне намеченного района прорыва с тем, чтобы пристрелка противобатарейной артиллерии не обнаружила подготовляемого удара.

Пристрелка (и стрельба) по батареям, обнаружившим себя дымом или пылью, бывала успешной при наличии двух наблюдателей (сопряженное наблюдение).

Для уничтожения неприятельской артиллерии (материальной части) огонь противобатарейной артиллерии должен быть прежде всего точным. Рассчитывать на уничтожение батарей противника за короткий промежуток времени артиллерийской подготовки атаки трудно; поэтому борьбу с неприятельской артиллерией начинали заблаговременно, заканчивая пристрелку стрельбой на поражение с расчетом уничтожения материальной части обнаруженных батарей противника при расходе достаточного количества снарядов.

В «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» (ч. III, § 50) имелось указание, что для достижения желаемых результатов, при надежном непрерывном наблюдении и средних условиях стрельбы, на каждое разбиваемое неприятельское орудие потребуется: 76-мм снарядов до 100—200 соответственно дальностям 3—5 км, 107-мм снарядов до 100—150 при дальностях 5—7 км и до 70 гаубичных снарядов на различных дальностях, кроме предельных.

Для уменьшения расхода снарядов и сокращения продолжительности стрельбы стремились использовать косой или фланговый огонь, хотя бы при этом стреляющим батареям и пришлось несколько увеличить дальности.

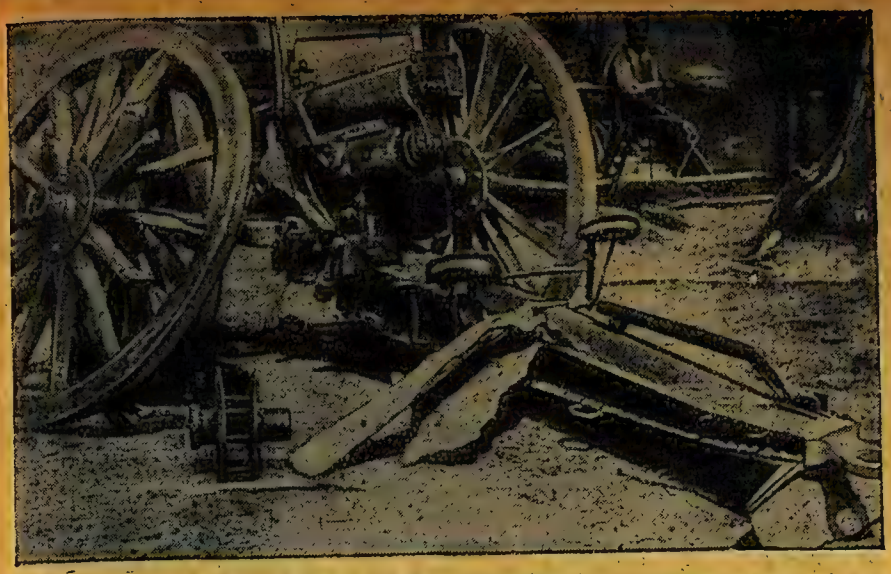


Рис. 26. Орудие, сильно поврежденное прямым попаданием снаряда.

Рис. 27. Орудие, разбитое прямым попаданием снаряда.

Согласно «Наставлению» (ч. II, § 197), огонь противобатарейной артиллерии по действующим и всем пристрелянным (хотя бы в данный момент и не действующим) батареям противника должен быть «особенно силен, когда наша пехота двигается в атаку, занимает окопы или закрепляет их за собой», причем в этот период боя следует иметь в виду не уничтожение неприятельских батарей, а «лишь подавление их огня», при возможно высоком темпе стрельбы.

Существенную пользу в борьбе с неприятельской артиллерией может оказать продолжительный обстрел химическими снарядами, который заставит номеров при орудиях противника работать в противогазах, что быстро их утомит и в результате приведет неприятельскую батарею к молчанию.

«Наставление» (ч. III, § 54) предусматривало возможность сосредоточения огня нескольких батарей обороны по площади, в пределах которой тесно сгруппирована артиллерия атакующего, что бывало при значительном усилении артиллерии атаки. В этом случае каждая батарея обороны пристреливала вспомогательную цель, а затем батареи последовательно переносили огонь на указанные им участки общего района и пристреливались к этим участкам с помощью летчика-наблюдателя. После окончания пристрелки все батареи одновременно переходили на поражение. Подобная стрельба допускалась лишь при условии, что она будет наблюдаться летчиком во все время ее выполнения и что неприятельские батареи расположены густо на огневых позициях.

Там же, в ч. III «Наставления», даны указания о «подавлении» огня неприятельской артиллерии. Подавление огня должно было производиться коротким и сильным обстрелом («взрывами огня»), причем скорострельность орудий играла господствующую роль. Наиболее подходящими орудиями считались 76-мм полевая (горная) пушка и 107-мм полевая тяжелая пушка. Комбинированная стрельба гранатой и шрапнелью заставляет личный состав батарей скрываться в убежища и прекращать стрельбу.

Выше сказано (см. т. I, ч. II) о попытках русской артиллерии применять разведку, наблюдение и корректирование огня с помощью самолетов и привязных аэростатов, пользоваться радиосвязью, отыскивать и указывать цели с помощью самолетов, карты, звукометрических приборов и звукосветовых методов (время прохождения звука выстрела неприятельского орудия до слуха наблюдателя от момента появления блеска — вспышки — выстрела определялось по секундомеру, а затем расстояние до цели определялось по таблице, в которой указывались дальности, соответствующие отрезкам времени в секундах на прохождение звука). Там же говорилось о попытках получить беспламенный порох с тем, чтобы лишить противника возможности определять по блеску выстрелов места расположения батарей.

Наконец, дымовая завеса, образуемая перед артиллерийскими наблюдательными пунктами противника, затрудняя ему наблюдение, служила средством к понижению действительности огня неприятельской артиллерии. С другой стороны, продолжительная, широкая и непроницаемая завеса скрывала противника, например, его накапливание

или выход из окопов для атаки, а потому в применении дымовой завесы следовало быть осторожным.

Немцы широко пользовались дымовой завесой при обороне — именно в целях затруднения наблюдения и стрельбы русской артиллерии.

В октябре 1915 г. на 12-й Кавказский стрелковый полк возложена была задача овладеть участком Двинской укрепленной позиции немцев в районе Пурвинка. Для подготовки атаки была сосредоточена тяжелая и легкая (пушечная и гаубичная) русская артиллерия. Командир полка, предвидя открытие немцами огня дымовыми снарядами перед русскими передовыми наблюдательными пунктами, выставил особый наблюдательный пехотный пост между русской и германской позициями, соединив его телефоном с артиллерией. Действительно, как только русская артиллерия открыла огонь по германским окопам и проволоке для образования в ней проходов, батареи немцев создали дымовую завесу перед русскими окопами и наблюдательными пунктами, сделав невозможным артиллерийское наблюдение. Только выдвинутый вперед ближе к германским окопам наблюдатель 12-го Кавказского стрелкового полка оказался в состоянии корректировать стрельбу. Благодаря этому артиллерийским огнем были пробиты проходы в заграждениях, и кавказские стрелки, бросившись в атаку, овладели укрепленным районом Пурвинка и захватили несколько сот пленных немцев и пулеметы.

Но, как выяснилось опытом войны, главным и самым действительным средством подавления огня артиллерии явились химические снаряды, действия которых бывали особенно успешными, если стрельба ими начиналась внезапно для противника и сразу большим количеством снарядов. Хорошо пристрелявшиеся (с помощью воздушного наблюдения) батареи могли химическими снарядами подавить огонь иногда даже значительно превосходившей их по численности неприятельской артиллерии. Боевые примеры этого см. выше (стр. 180—181) и ниже (стр. 224—234).

Русской артиллерии при борьбе с неприятельскими батареями приходилось нередко вести огонь на большие, предельные дальности. Она очень нуждалась в дальнобойных скорострельных пушках; между тем на вооружении русской артиллерии 107-мм скорострельных пушек обр. 1910 г. в начале войны почти вовсе не было, а в позиционный период войны, в 1916—1917 гг., было в общем недостаточно. По сформировании ТАОН приходилось назначать для борьбы с артиллерией не только 107-мм пушки, но и тяжелые 120-мм и даже 152-мм пушки.

Приведем кратко описание действий русского 2-го отдельного тяжелого арт. дивизиона за время боев 29 июня—20 июля 1917 г. в отношении борьбы с артиллерией противника[1].

---

[1] «Доклад о боевом употреблении 2-го отдельного тяжелого дивизиона батарей 120 за время боев с 16 июня по 7 июля 1917 г.», составленный командиром дивизиона полковником М. М. Борейша 25 августа 1917 г. Описание составлено по рукописи доклада, переданной после смерти М. М. Борейша в Воениздат.

Дивизион из трех батарей, вооруженных 120-мм пушками Обуховского завода, был передан в мае 1917 г. в состав 17-го армейского корпуса (2-й армии — в районе Тарнополя). План действий корпуса сводился в общем на большей части фронта к обороне, и только левофланговая 35-я пех. дивизия получила задачу наступать вдоль Злочевского шоссе, решение которой находилось в полной зависимости от действий соседей — 6-го и 49-го корпусов. Дивизиону поставлена была задача: борьба с неприятельской артиллерией, расположенной в трех группах.

Судя по карте с нанесенными на ней неприятельскими батареями, обнаруженными тем или иным путем в течение зимы и весны 1917 г., против фронта 17-го корпуса имелось до 50 батарей. Данные эти не соответствовали действительности и требовали строгой проверки. Имевшиеся аэрофотоснимки значительно устарели.

Личная разведка позиций противника, производившаяся командиром дивизиона несколько дней, почти ничего не дала. На позициях стояла тишина, лишь изредка нарушаемая одиночными выстрелами легких русских батарей. Неприятельская артиллерия почти вовсе не стреляла. Сведения о батареях противника, добытые путем опроса артиллерийских и пехотных наблюдателей во время обхода окопов, были весьма скудны и относились к прошедшему времени. Отношение многих пехотных солдат к артиллеристам, производившим разведку, было недоброжелательным.

Крайне необходимо было проверить имеющиеся данные о расположении неприятельских батарей воздушной разведкой, которая производилась бы ежедневно и свои наблюдения подкрепила бы фотоснимками. Между тем 17-й корпусный воздухоплавательный отряд не делал подъемов за отсутствием необходимых материалов для добывания газа, а недавно прибывший в состав корпуса 3-й Сибирский авиационный отряд только начинал знакомиться с местностью.

Командир дивизиона расположил свои батареи на огневых позициях в двух группах: одна батарея (7-я) — в лесу за пассивным боевым участком корпуса, две батареи (1-я и 2-я) — в оврагах за активным участком корпуса. Командир 17-го корпуса первоначально не давал согласия на такое расположение 1-й и 2-й батарей, так как избранные для них командиром дивизиона позиции находились в районе другого корпуса (6-го), и только по получении письменного согласия командира 6-го корпуса разрешил их поставить там.

Наблюдательные пункты для командиров дивизиона и батарей были выбраны на шести разных близлежащих высотах (в том числе два запасных наблюдательных пункта).

Наблюдательные пункты, огневые позиции и погреба для боеприпасов были надлежащим образом оборудованы и замаскированы.

Бетонные наблюдательные пункты, устроенные военными инженерами, сильно выдавались над землей, были хорошо видны противнику, который и разбивал их тяжелыми снарядами. За время боев были разбиты наблюдательные пункты всех трех командиров батарей. По мнению командира дивизиона, лучше находиться, пожалуй, просто в открытом окопе второй линии или в ходе сообщения, имея поблизо-

сти «лисью нору» для укрытия во время обстрела, чем в бетонированном, но явно видимом противнику специальном пункте.

Осуществлена была надлежащая связь, в меру имевшихся средств связи, командира дивизиона с командирами батарей, с инспектором артиллерии корпуса, со штабами корпуса и своих дивизий (3-й и 35-й), с командиром 3-й арт. бригады, с правой и левой радиостанциями, с двумя привязными аэростатами и через правый аэростат с авиационным отрядом.

Предварительная пристрелка при помощи 76-мм легких пушек не производилась, так как большинство целей находилось вне их досягаемости.

Дивизионом за время операции сделано было всего 3 287 выстрелов, из них: шрапнелью лишь 66, остальные гранатой (бомбой) — тяжелой 55, фугасной 1 332 и легкой 1 834. Стрельбу приходилось вести экономно, так как шрапнельный огонь был мало действителен (вследствие плохого действия дистанционных трубок), легких гранат было недостаточно, а стрельба тяжелыми гранатами ускоряла окончательный выход из строя 120-мм пушек, уже и без того значительно расстрелянных.

Со стороны командира 17-го корпуса и начальников пехотных дивизий к дивизиону, помимо поставленной ему основной задачи борьбы с артиллерией, неоднократно предъявлялись требования принять участие в работе артиллерии других типов по разрушению окопов, блиндажей и других сооружений, по ведению заградительного огня и пр. Командиру дивизиона стоило немало труда убедить общевойсковых начальников в том, что задачи, которые они желали возложить на его батареи, не отвечали свойствам 120-мм пушек Обуховского завода. Все же, по категорическому приказанию командира корпуса, одна из батарей дивизиона (7-я) должна была подготовиться к обстрелу первой линии окопов своей пехоты, на случай занятия их противником.

Борьбу с неприятельскими батареями пришлось вести во время операции почти исключительно тяжелому дивизиону «батарей 120»; кроме того, дивизиону приходилось иногда обстреливать глубокий тыл противника. В общем дивизион боролся с 25 неприятельскими батареями, стрелявшими во время операции почти одновременно и весьма интенсивно. При таких условиях признаком, указывающим на достаточное поражение цели, приходилось считать замолкание неприятельской батареи, хотя бы временное. С замолкавшей батареи огонь переносился немедленно на другую. Каждой батарее дивизиона приходилось бороться с 10 неприятельскими, причем бывали случаи, когда одна «батарея 120» стреляла одновременно по двум батареям противника.

Батареи противника, хорошо укрытые, непосредственно с наземных наблюдательных пунктов не наблюдались, но с тех же пунктов многие из них были обнаружены по вспышкам, дымкам или пыли от выстрелов. Наблюдатели с привязных аэростатов обнаруживали неприятельские батареи также только во время их стрельбы. Наблюдение велось и с самолетов, но работа артиллерии с ними была поставлена плохо. В течение всей операции ни разу не удалось получить фотоснимка с

самолета, чтобы наглядно убедиться в результатах стрельбы «батарей 120».

Обстрел тылов противника: дорог с двигавшимися по ним колоннами войск, обозов, тракторов и т. п., замеченных складов, сосредоточения войск, транспортов и пр. — наблюдался и оценивался непосредственно с наземных наблюдательных пунктов.

Для воздушного наблюдения дивизион пользовался двумя привязными аэростатами, на которые назначались офицеры-наблюдатели от обслуживаемых батарей. Наблюдение с привязных аэростатов—дело не легкое и не вполне надежное, так как зависит от состояния погоды, от освещения и других причин. За недостатком офицеров назначалось лишь по одному офицеру от батареи на аэростат. Высидеть же на нем одному весь день крайне трудно, в особенности при ветре и в постоянном ожидании атаки со стороны неприятельских самолетов, которые ежедневно по нескольку раз появлялись с целью сжечь аэростат. К этому нужно добавить почти полную беззащитность аэростатов и неуверенность наблюдателя в возможности спасения в случае аварии за недостатком парашютов (на каждом аэростате имелось лишь по одному парашюту, на котором мог спуститься только один наблюдатель).

За время июльской операции 1917 г. на Юго-западном фронте было сожжено самолетами противника до 10 русских привязных аэростатов, все наблюдатели которых погибли. Недостаток парашютов невыгодно отражался на деле, так как наблюдатели вообще неохотно поднимались на аэростате и при появлении самолета противника спешили скорее снизиться.

При благоприятных условиях наблюдатели с привязных аэростатов давали ценные указания о стрелявших батареях противника и корректировали стрельбу своих батарей. В бою 19 июля вследствие жестокого артиллерийского обстрела, продолжавшегося в течение почти 7 час., была прервана связь 7-й тяжелой батареи с наблюдательными пунктами; телефонные линии трудно было чинить, так как на протяжении около $1^1/_2$ км они пролегали по лощине, наполненной удушливыми газами, не расходившимися благодаря безветрию. Командир дивизиона вынужден был взять в свои руки огонь 7-й батареи, пользуясь указаниями наблюдателя с привязного аэростата.

Боевой опыт показал, что для обеспечения надлежащего наблюдения с привязных аэростатов необходимо: назначать на каждый аэростат по 2 наблюдателя, чтобы они могли чередоваться; при каждом аэростате иметь парашюты на каждого наблюдателя; поднимать аэростат на возможно большую высоту и, в случае надобности, быстро его спускать; иметь надежную охрану аэростатов — с земли в виде зенитных орудий и пулеметов, с воздуха — в виде самолетов-истребителей.

Совместная работа дивизиона с летчиками началась 12 июля. Первая пристрелка 7-й батареи при корректуре с самолета прошла быстро и гладко. Выпустив всего лишь 6 гранат, батарея получила четырехделенную вилку.

Затем начались неудачи: два самолета, в том числе истребитель, прикрывавший самолет с наблюдателем, разбились; при сильном вет-

ре или дожде самолеты не вылетали; вследствие порчи мотора самолет не мог подняться; плохо работали радиостанции на самолетах и требовали урегулирования; приемник воспринимал волны неприятельской радиостанции, которая старалась помешать работе; наблюдение и работа с самолета, имеющего радиоустановку, возможны были лишь в то время, когда самолет шел по отношению к цели боком, так как при поступательном движении наблюдению мешал пропеллер, — с земли приходилось чрезвычайно внимательно следить за полетом самолета, чтобы давать выстрелы именно в то время, когда он начинает делать поворот, иначе летчик разрыва не видел; летчики, попадая под сильный огонь зенитных батарей противника или будучи атакованы неприятельскими самолетами, что особенно часто случалось при вылете на корректировку без охраны своих истребителей, вынуждены были уходить, не выполнив задачи.

Вообще работа с самолетами того времени была кропотливая, зависела от многих случайностей и во время операции почти никакой пользы в смысле корректирования стрельбы не принесла. Приходилось пользоваться главным образом наземными наблюдательными пунктами, откуда неприятельские батареи обнаруживались вспышками или пылью при выстрелах, и отчасти наблюдением с привязных аэростатов.

Результаты совместной работы артиллеристов с летчиками, продолжавшейся почти целый месяц, нужно признать более чем скромными: пристрелялись по двум деревням, по железнодорожной станции Плухов и по пяти батареям противника.

По мнению командира 2-го отдельного тяжелого арт. дивизиона, необходимо было: самолеты для корректирования стрельбы передавать на время операции в полное распоряжение, в боевом отношении, командирам соответствующих дивизионов и артиллерийских групп для использования исключительно по своему прямому назначению (самолеты, назначенные для корректирования стрельбы дивизиона во время июльской операции, нередко выполняли задачи общевойсковой разведки или такого второстепенного характера, как перелеты из одного отряда в другой, т. е. отрывались от работы по обслуживанию стрельбы дивизиона); усовершенствовать систему самолетов и не назначать для наблюдения таких систем, в которых пропеллер мешает наблюдению летчика при движении вперед; прикрывать работу самолета с наблюдателем истребителями (1—2 на самолет-наблюдатель), которые своим вылетом должны сопровождать вылет первого; вылетать самолетам на работу во всякое время дня и даже ночью, как это делали германские самолеты (русские самолеты вылетали обычно около 5—6 час. утра, а к 8 час. работу заканчивали из боязни так называемых «воздушных ям»; под вечер не вылетали, так как наблюдению мешало солнце); ангары самолетов, назначенных для артиллерийских частей, должны быть недалеко от них и иметь с ними прочную связь; дежурный самолет должен быть в полной готовности, в течение всего дня, к вылету по первому требованию командира артиллерийской части.

Обещанная на время операции звуковая станция В. Ж. не поступила в распоряжение командира дивизиона «батарей 120».

По адресу противоартиллерийских групп сыпались незаслуженные упреки в бездействии в тех случаях, когда какие-нибудь хорошо укрытые неприятельские батареи начинали громить русские окопы или батареи, а между тем назначенные для борьбы с артиллерией русские батареи, не имея достаточных средств для обнаружения стреляющей артиллерии противника, не могли при всем желании помочь и защитить своих от ее огня.

«Батареи 120» отдельного 2-го тяжелого арт. дивизиона подвергались обстрелу неприятельской артиллерии во время операции. Особенно сильно обстреливалась 7-я батарея, расположенная в лесу. Огневые позиции 1-й и 2-й батарей, расположенных в открытых оврагах, где было трудно замаскировать орудия от наблюдения с самолетов, обстреливались гораздо слабее. Это объяснялось тем, что кругом 1-й и 2-й батарей стояло много других, вследствие чего артиллерийский огонь противника разбрасывался. Зато наблюдательные пункты этих батарей подвергались жестокому обстрелу из орудий разных калибров, до 305-мм включительно, причем были разбиты построенные инженерами бетонные блиндажи, и наблюдателям пришлось отсиживаться во время обстрела в «лисьих норах», вырытых в пехотных окопах и ходах сообщения. Утром 19 июля эти окопы и ходы сообщения противник обстрелял химическими снарядами, и среди наблюдателей обеих батарей оказались пострадавшие от ОВ.

Огневая позиция 7-й тяжелой батареи, стоявшей на опушке редкого леса, была довольно хорошо замаскирована, но скрыть ее выстрелы не удалось. Несмотря на ежедневную поливку земли впереди батареи перед началом стрельбы, все же не удавалось вполне устранить поднимавшегося при выстреле большого облака дыма и пыли, тем более, что стояла сухая погода. Лишь только батарея открывала пристрелочный огонь, как через несколько минут над ней появлялись 2—3 германских самолета, которые безнаказанно кружились над батареей и приемной радиостанцией, одновременно мешая русским самолетам корректировать стрельбу своих батарей, а затем начинался обстрел батареи германской артиллерией. Чтобы скрыть батарею, приходилось временно прекращать ее стрельбу.

В районе русских позиций 3 июля упал подбитый легкими батареями неприятельский самолет. У одного из убитых летчиков была найдена карта с точным обозначением на ней расположения 7-й батареи.

Противник несколько раз сильно обстреливал батарею, выпуская в день до 200—300 снарядов 110—155-мм калибра, но попаданий в орудия или блиндажи не было. С раннего утра 19 июля батарея подверглась обстрелу ураганным огнем нескольких неприятельских батарей, одновременно обстреливался и наблюдательный пункт командира. Непрерывный обстрел продолжался в течение 6—7 час., сперва 155-мм снарядами, а затем химическими. Весь район между батареей и наблюдательным пунктом наполнился ОВ, которые, благодаря полному безветрию, держались не расходясь, особенно в лощине и в лесу.

В 7-й батарее были отравлены 1 офицер и 39 солдат; многие из них теряли сознание, но, будучи вынесены из сферы ОВ на чистый воздух, довольно скоро приходили в себя и возвращались в строй.

В общем условия обстановки сложились во время операции крайне неблагоприятно для действий «батарей 120», особенно в отношении наблюдения и корректирования их стрельбы с воздуха. Тем не менее задачи по борьбе с артиллерией противника выполнялись батареями удовлетворительно. Многие неприятельские батареи, попадая под обстрел «батарей 120», приводились к молчанию — по большей части временно, некоторые вынуждены были переменить позиции.

Но бывали случаи, когда некоторые батареи противника, невидимые с наземных наблюдательных пунктов русских батарей, безнаказанно обстреливали расположение русских войск. Такие случаи имели место в начале июля, обычно во второй половине дня, когда солнце светило прямо в глаза наблюдателям на привязных аэростатах, мешая им обнаружить стрелявшие неприятельские батареи, а самолеты, как уже отмечалось, летали только по утрам. Обстрел расположения русских тяжелыми батареями противника часто сопровождался вылетом нескольких его самолетов, которые частью корректировали стрельбу своей артиллерии, частью атаковали привязные аэростаты, делая наблюдения с них невозможными.

Описанные действия «батарей 120» 2-го отдельного тяжелого арт. дивизиона указывают: а) на трудность контрбатарейной борьбы, для успешности ведения которой необходимо обеспечение дальнобойными орудиями, боеприпасами и прочими техническими средствами и господство в воздухе, обеспечивающее наблюдение и корректирование стрельбы; б) на обязательность и возможность ведения контрбатарейной борьбы; три «батареи 120», несмотря на почти полное отсутствие наблюдения с воздуха и другие весьма неблагоприятные условия, ведут в течение нескольких дней довольно успешную борьбу с 20—25 неприятельскими батареями.

Стрельба по открытым войскам

Стрельба по открытым войскам производилась с успехом по правилам довоенного времени, по преимуществу из 76-мм легких и горных пушек. Попадавшие под убийственный огонь русских легких пушечных батарей неприятельская пехота и под огонь легких гаубичных батарей неприятельская артиллерия нередко совершенно уничтожались (примеры приведены выше).

В «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» (ч. III, § 121) имелось лишь краткое указание, что стрельбу по открытым войскам производит по преимуществу легкая (горная) артиллерия, чтобы заставить противника отказаться от выполнения каких-либо передвижений или работ. Стрельбы эти проводились по инициативе командиров дивизионов, а по целям, быстро преходящим, — по инициативе командиров батарей (отдельных взводов).

«Наставление», между прочим, подчеркивало, что «в пределах досягаемости ружейного и пулеметного огня» задача стрельбы по открытым войскам «по преимуществу выполняется войсками, занимающими первую линию окопов», т. е. пехотой или назначенной для обороны окопов спешенной конницей.

Борьба с траншейными орудиями и пулеметами

Артиллерия, назначенная для разрушения и обстрела неприятельских окопов и сооружений, вела также борьбу с траншейными орудиями и пулеметами противника.

Траншейная артиллерия иногда обнаруживалась заблаговременно воздушной разведкой (аэрофотографирование), в большинстве же случаев обнаруживала себя с началом атаки, отбивая ее своим огнем. Во время атаки каждый артиллерийский начальник должен был перенести огонь хотя бы части орудий на обнаруженную или указанную ему траншейную артиллерию противника. К борьбе с траншейной артиллерией привлекались также свои траншейные пушки и минометы.

Борьба с пулеметами была крайне трудна, так как до начала атаки они обычно были укрыты в надежных убежищах. До уничтожения пулеметов или до приведения их к молчанию наступление и атака оказывались нередко невыполнимыми. Поэтому требовалось, чтобы каждый артиллерийский начальник принял «все меры к немедленному уничтожению или приведению к молчанию каждого замеченного или указанного ему пулемета». Пулеметы уничтожались попутно при разрушении окопов, причем в тех случаях, когда пулеметы оказывались укрытыми в прочные постройки (блокгаузы), приходилось тяжелой артиллерии постройки эти разрушать, а с ними уничтожать и пулеметы. Как дополнительное положительное средство борьбы применялся обстрел пулеметных гнезд и казематов химическими артиллерийскими снарядами.

Борьба с танками

На русском фронте в период мировой войны танки не были использованы (ни в германской, ни в русской армиях их не было), но в предвидении их применения некоторые указания о борьбе с ними были даны и в брошюре Кирея (о чем уже говорилось) и в «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы».

В ч. II «Наставления» — «Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы» — только упоминалось (§ 192), что при подготовке и во время атаки противобатарейная группа должна особенно внимательно выслеживать «автомобильные батареи и сухопутные броненосцы (танки), появляющиеся около окопов, и немедленно их уничтожать». В ч. III — «Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы» — имелись более подробные, но недостаточно определенные указания. В этой части, между прочим, было сказано (§ 98 и 99), что пехота противника «может пойти в атаку под прикрытием танков» и что приближение последних к окопам обороняющегося «должно автоматически вызывать заградительный огонь гранатами» (о заградительном огне сказано ниже).

Пока танк будет проходить полосу завесы заградительного огня, по нему предполагалось вести сосредоточенный огонь, чтобы его подбить, так как «это несомненный моральный успех», говорилось в «Наставлении». Но когда танк, пройдя полосу заградительного огня, уже станет подходить к окопам обороны, заградительный огонь предпола-

галось направлять для встречи следующей за танком атакующей пехоты.

Считалось весьма желательным иметь на тех участках, где могут появиться танки, малокалиберные скорострельные пушки с бронебойными снарядами, которые при малых дальностях стрельбы «могут успешно действовать против сухопутного броненосца».

Но таких специальных орудий было мало, а потому «главным и лучшим артиллерийским средством борьбы с танками» оставалась 76-мм полевая или горная пушка. При «маневрировании танка вдоль фронта» обороны и при прорыве танка сквозь пехотные линии обороняющегося следовало, согласно «Наставлению», быстро выдвигать отдельные орудия (из батарей или взводов, назначенных для фланкирования соседних участков) с тем, чтобы «стараться подбить танк прямой наводкой».

Заградительный огонь

Заградительный огонь имел целью создать на пути противника непроходимую зону поражения артиллерийскими снарядами и этим остановить его атаку, контратаку или подход резервов. Ширина указанной зоны зависела от количества имеющейся артиллерии, ее расположения и обеспечения боеприпасами.

При прорыве укрепленной полосы противника артиллерия наступающего вела заградительный огонь в виде подвижного огневого вала, прикрывающего и увлекающего за собою вперед атакующую пехоту. Применение заградительного огня требует чрезвычайно большого расхода снарядов вообще. Что же касается катящейся волны заградительного огня перед атакующей пехотой, то для образования такой волны необходимы огромные артиллерийские средства (орудия и снаряды), которыми русская артиллерия не обладала за все время войны.

«Наставление для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. (ч. II, § 206—226 и ч. III, § 73—97) не предусматривало деление заградительного огня на подвижный и неподвижный. Не только при прорыве, но и при обороне укрепленной полосы предусматривалась организация подвижного заградительного огня. Хотя при обороне и требовалось «наметить» как бы неподвижную, «заградительную полосу возможно ближе» к своей линии окопов, чтобы успеть предупредить движение противника, бросившегося в атаку (§ 80), но дальше (§ 93) указывалось, что вообще «на ближайшую неподвижную завесу» заградительного огня «надо смотреть как на обязательный минимум, даваемый всегда, когда не может быть надежного наблюдения за движущейся целью», и что «в противном случае завеса становится подвижной, переходя с одного из подготовленных рубежей на другой сообразно обстановке».

В заградительном огне участвовала обычно легкая (горная) пушечная артиллерия, свободная от борьбы с неприятельской артиллерией, а также бомбометы и минометы, если хватала дальность их действия. Гаубицы 122-мм и 114-мм привлекались для прострела оврагов, долин с крутыми откосами и ходов сообщения. Гаубицы

152-мм применялись как исключение главным образом для морального воздействия. Прочие орудия вообще не должны были привлекаться.

План заградительного огня вырабатывался заблаговременно и совместно старшими общевойсковыми и артиллерийскими начальниками, основываясь на тщательном изучении на местности своих позиций и расположения противника, его тыла, подступов и вероятного расположения резервов.

При прорыве планом заградительного огня намечали рубежи, до которых должна последовательно доходить своя атакующая пехота, и впереди каждого такого рубежа намечали «полосы заградительного огня», причем эти полосы должны были охватывать избранный рубеж с тыла и с флангов. По мере захвата рубежей атакующими частями огонь переносился на последующие «заградительные полосы», отвечающие следующим намеченным к захвату рубежам. Во избежание поражения своих, между ближайшей границей заградительной полосы и линией намеченных к захвату пунктов должно быть не менее 400 шагов.

При обороне стремились к тому, чтобы заградительная полоса была расположена между своими окопами и окопами противника и возможно ближе к первой линии своих окопов — в 300—400 шагах впереди нее; при фланговом огне это расстояние может быть для гранаты всего 100 шагов и для шрапнели 150. При тесном сближении окопов для обстрела промежутков между ними прибегали к фланговому огню, к огню траншейной артиллерии, минометов и бомбометов. Недостаточное количество артиллерии на растянутом фронте обороны не давало возможности получить сплошную полосу заградительного огня. В этом случае оборону менее важных или трудно доступных участков возлагали на перекрестный или фланговый пулеметный огонь, на траншейные пушки и минометы, имея в виду «дать сильный артиллерийский огонь только на важных участках».

Намеченные полосы заграждения делились на «батарейные участки». Во избежание организации длинной связи и ввиду возможности ее нарушения в критический момент, желательно было, чтобы каждая батарея стреляла перед собою. Обычно на батарею назначалось несколько «батарейных участков», расположенных по одному в разных заградительных районах с тем, чтобы усилить огонь в том или ином районе, если батарея будет свободна на своем участке.

Согласно «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», в штабе ударного корпуса (при обороне в штабе дивизии) должна быть изготовлена и разослана во все батареи и штабы, до полковых включительно, схема заградительного огня с указанием батарей, обстреливающих соответственные участки. В штабе полка должны копировать соответственную часть схемы с тем, чтобы каждый пехотный начальник, до ротного командира включительно, имел схему заградительной полосы, соответствующей его боевому участку.

Батареи заблаговременно пристреливаются по местным рубежам на своих участках. Пристрелку и заградительный огонь легкие бата-

реи ведут шрапнелью и гранатой; артиллерия более крупных калибров стреляет преимущественно гранатой. Данные для стрельбы должны быть особенно точными для тех участков, где заградительная завеса проходит весьма близко к своим окопам. На случай закрытия дымом или газовым облаком точек отметки, на упорном брусе, укладываемом под сошник, делались отметки, дающие возможность направить орудия на тот или другой участок без точной горизонтальной наводки.

Заградительный огонь предлагалось открывать сразу «на поражение», проверяя попутно заблаговременно пристрелянные данные. Открытые участки рекомендовалось держать под редким одиночным огнем и лишь с появлением противника обрушиваться на него беглым огнем; закрытые участки днем или любые участки ночью предлагалось сразу обстреливать настолько сильным огнем, чтобы прекратить движение на этих участках.

Нормальным видом заградительного огня считалась стрельба «параллельным веером», т. е. ширина участка обстрела для батареи должна была равняться фронту батареи, но при недостатке батарей ширину участка разрешалось увеличить вдвое. Таким образом, при фронтальном заградительном огне на орудие давался участок от 30 до 60 шагов; при косом направлении огня на каждое орудие участок давался больше — от 60 до 120 шагов. Нормальной плотностью заградительного огня для легкой (горной) артиллерии считалось 2 разрыва на участке в 20 м.

Участки заградительного огня, в целях непрерывности огневой завесы, должны были соприкасаться на флангах с соседними. Вследствие значительной протяженности участков и недостаточного количества артиллерии обыкновенно не было возможности получить сплошную полосу заградительного огня и приходилось ограничиваться лишь усиленным обстрелом главных и наиболее опасных участков.

Для своевременного открытия заградительного огня от артиллерии требовались «безотказная связь и чуткая бдительность». Открытие заградительного огня должно было следовать не позже 3 мин. после подачи сигнала, а ночью при повышенной бдительности — не позже как через ½ мин.

Продолжительность и темп стрельбы при заградительном огне, которые могут оказаться необходимыми при выполнении поставленных задач, требовалось установить заранее и указать в плане. Продолжительность заградительного огня устанавливалась в минутах, но «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» определенно не подчеркивалось, что заградительный огонь, особенно при обороне, необходимо вести вспышками и что продолжительность каждой вспышки должна ограничиваться самым кратким сроком — 2—3 мин. В «Наставлении» имелось только неясное указание, что после открытия заградительного огня — на закрытых участках или ночью — следует «немедленно выяснить обстановку, чтобы регулировать скорость огня по потребности и своевременно его прекратить» и что «при несоблюдении этого условия получится громадный непроизводительный расход снарядов».

Заградительный огонь требовалось прекращать по указанию начальника того пехотного соединения, против участка которого огонь был открыт, или по приказанию артиллерийских начальников, убедившихся в том, что необходимость в огне миновала.

Признавалось, что минометы и бомбометы, ввиду медленности их стрельбы, могут служить лишь для усиления заградительной завесы, образуемой артиллерийским огнем. Обыкновенно огонь минометов и бомбометов сосредоточивался на определенных пунктах особой важности.

Беспорядочное применение заградительного огня, без соблюдения указанных правил, приводило к печальным результатам. Это подтверждается следующим приказом главнокомандующего армиями Западного фронта от 16 декабря 1916 г. № 975:

«В боях за Скробовские позиции 27 и 28 октября с. г.[1] заградительный огонь нашими батареями был открыт немедленно за началом артиллерийского огня противника.

Вместо того чтобы огонь большей части своих батарей направить против батарей неприятельской артиллерии, успешно обстреливавшей исключительно наши артиллерийские позиции и тыл атакованного участка от 6 до 10 час. и только после этого приступившей к разрушению передовых окопов, наша артиллерия была занята бесцельной тратой огромного количества снарядов на заградительный огонь задолго до наступления неприятельской пехоты, начавшегося после 12 час.

По полученным донесениям, столь преждевременный заградительный огонь был открыт по настоятельному требованию начальников боевых участков, о чем были осведомлены и начальники дивизий.

Последствия известны: а) дорого стоящие снаряды и энергия артиллеристов растрачены совершенно непроизводительно; б) неприятельская артиллерия безнаказанно, спокойно выполнила свою задачу; в) неприятельская пехота задолго до своего наступления ознакомилась с планом и характером нашего заградительного огня и имела полную возможность учесть это при атаке; г) наша артиллерия дымом своих снарядов и подымаемою ими пылью покрывала впереди лежащую местность в течение всей артиллерийской подготовки противника, не могла во многих случаях усмотреть начало атаки и в нужный момент продолжала заградительный огонь так же, как вела и раньше, независимо от того, где и как наступает неприятельская пехота.

В данном случае, как и всегда, понесенная нами неудача являлась последствием многих причин. Несомненно, однако, что одною из важнейших причин неудачи был описанный выше непорядок».

Русская артиллерия стала довольно широко применять заградительный огонь в 1917 г., руководствуясь изложенными выше указаниями «Наставления для борьбы за укрепленные полосы» (чч. II и III изд. 1917 г.). Особенно удачно применялся заградительный огонь во время июльской операции 1917 г. на русском Западном фронте (см. ч. IV, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии»). По

[1] 10 и 11 ноября по новому стилю.

общему плану действий артиллерии, в эту операцию предполагалось вести заградительный огонь легкой артиллерии в период закрепления. По более подробным планам действий артиллерии отдельных корпусов, определенно указывались: время ведения заградительного огня; рубежи по местным предметам, подлежащие обстрелу заградительным огнем; число и род орудий, назначаемых для ведения заградительного огня. Например, по плану артиллерии 1-го Сибирского корпуса заградительный огонь по определенному рубежу во время атаки должны были вести 48 легких орудий и 58 тяжелых (последние из числа решавших задачи по разрушению); во II период боя на заградительный огонь по северной опушке Богушинского леса назначались 12 тяжелых и 24 легких орудия, а на заградительный огонь по южной опушке того же леса—12 тяжелых и 12 легких орудий. Приказом по артиллерии 38-го корпуса, участвовавшего в той же операции, предлагалось открывать заградительный огонь с началом атаки — по закрытым или пересеченным местам частым огнем, а по открытым местам редким огнем, но быть готовым ежесекундно перейти к беглому огню в случае появления цепи или колонны противника. Распоряжением полевого инспектора артиллерии подчеркивалась чрезвычайная важность детальной разработки последовательного положения завес заградительного огня при атаке, особенно для того положения, которое займет атакующая пехота и на котором она будет закрепляться в ожидании артиллерийской подготовки последующих укрепленных полос противника.

Во время операции артиллерия 20-го корпуса открывала заградительный огонь 21 июля всего на 12 мин., а 22 июля вела почти беспрерывно — вначале для поддержки своей наступающей пехоты, а затем по ее требованию как для отбития, так и в ожидании контратак немцев. При атаке 22 июля артиллерия 1-го Сибирского и 38-го корпусов вела заградительный огонь некоторое время даже в виде подвижного огневого вала, сдвигая его перед своей наступающей пехотой и укрывая ее дымом и пылью, поднимавшимися при разрывах снарядов. Но вообще русская артиллерия избегала вести подвижной заградительный огонь в виде катящейся перед наступающей пехотой огневой волны, так как не обладала требующимися для этого огромными средствами (орудиями и снарядами). Заградительный огонь в значительной мере помог русской пехоте почти без потерь взять опушки Новоспасского леса, Богушинский бугор, Фердинандов Нос и дойти до Попелевичского леса, где были расположены на огневых позициях неприятельские батареи.

Опыт войны указал: а) умело организованный заградительный огонь давал хорошие результаты, облегчая своей пехоте атаку и отбитие контратак противника; б) успех заградительного огня обеспечивается наличием большого числа орудий и огромного количества боеприпасов, а также внезапностью его применения; в) темп заградительного огня не должен носить характер «урагана»; необходима непрерывность разрывов артиллерийских снарядов на определенном рубеже или участке, и лишь в исключительных случаях, и притом на короткий промежуток времени, огонь может быть доведен до наибольшего напряжения.

Стрельба ночью

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., ночная стрельба артиллерии допускалась: при атаке — преимущественно для образования в тылу атакуемого пункта огневой завесы, изолирующей его от подхода резервов; при обороне — для образования огневых преград на путях возможного движения противника.

Для обеспечения успеха ночной стрельбы требовалась тщательная подготовка засветло позиции и данных для стрельбы. При обороне артиллерия должна была располагаться против наиболее вероятных направлений атаки и заблаговременной пристрелкой подготавливать данные для встречи ее огнем. Данные для стрельбы определялись засветло с возможно большей точностью. Орудиям на ночь придавалось наиболее вероятное для стрельбы направление. Переносы огня ночью признавались возможными лишь при условии заблаговременной, проверенной стрельбой подготовки угловых поворотов и дальностей или при наличии точных планов местности.

Управление огнем осуществлялось по телефону и сигналами фонарями. Пользовались показаниями передовых наблюдателей. Признавалось полезным применять при ночной стрельбе прожекторы.

Ночью блеск выстрелов выдает расположение артиллерии на огневой позиции; поэтому для введения противника в заблуждение устраивались ложные вспышечные батареи в достаточном удалении от действительных позиций.

В довоенное время артиллерия редко практиковалась в производстве ночных стрельб (см. т. I, ч. I).

В маневренный период мировой войны стрельба артиллерии ночью бывала исключением. По большей части артиллерийская стрельба с наступлением темноты прекращалась с обеих сторон, как бы по взаимному молчаливому соглашению. Нередко русские батареи снимались на ночь с огневых позиций и отводились в тыл на 2—3 км, где спокойно отдыхали, а на рассвете выходили вперед и вновь занимали позиции.

В позиционный период войны, напротив, ночные стрельбы артиллерии стали довольно обычным явлением, несмотря на то, что они вообще не рекомендовались «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г., в котором было указано следующее:

При атаке (ч. II «Наставления»): «Ночью подготовка и поддержка атаки огнем невозможна и недопустима. Ночная стрельба открывает расположение батарей; прибегать к ней можно лишь при настоятельной необходимости» из орудий калибром не более 152-мм с тем, чтобы мешать работам противника по восстановлению разрушенного, беспокоить его в особо важных участках расположения, отбивать ночные атаки «по заблаговременно пристрелянным данным», уничтожать прожекторы. При ночной стрельбе стремились вести огонь одновременно с нескольких мест и особыми взводами, выдвинутыми на «ночные позиции»; при этом применялись пламегасители, где они имелись.

При обороне (ч. III «Наставления») ночные стрельбы производились взводами или отдельными орудиями со специальных позиций, допускающих продольный обстрел важных путей (в особенности перекрестков), по которым совершалось движение противника, или районов обнаруженного сосредоточения значительных его сил, причем требовалось ночные стрельбы разнообразить, чтобы они не выливались в какой-либо определенный шаблон, к которому мог бы приспособиться неприятель.

Русская артиллерия вообще не обращала должного внимания на стрельбу ночью и только в июле 1917 г., после того как стали известны немецкие сообщения, констатирующие чрезмерное ослабление и недостаточную интенсивность ночных стрельб русской артиллерии на Юго-западном фронте, полевой инспектор артиллерии предложил подготовить план стрельб ночью для предстоящей операции прорыва укрепленной полосы германцев на Западном фронте в районе 10-й русской армии (см. ч. IV, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии»). Предлагалось артиллерии огнем ночью не давать противнику возможности исправлять произведенные разрушения и свободно передвигаться и вообще не позволять противнику отдыхать ночами от артиллерийского огня.

Всю ночь на 20 июля поддерживался редкий огонь по сделанным в проволоке проходам, по разрушенным участкам, по некоторым неприятельским батареям, деревням, опушкам лесов, по железнодорожным веткам, чтобы беспокоить противника, не давать ему отдыха и не позволять передвигаться. Такой огонь повторялся и в следующие ночи операции, а в ночь на 23 июля артиллерия открывала иногда по требованию пехоты и заградительный огонь по данным, подготовленным засветло.

Опыт войны указал на необходимость подготовки артиллерии к ведению стрельбы ночью как при атаке, так и при обороне, причем ввиду трудности такой стрельбы необходимо план действия артиллерии ночью разрабатывать особенно тщательно, заблаговременно на местности и засветло.

Стрельба химическими снарядами

Во время мировой войны стрельба химическими снарядами не получила широкого применения в русской артиллерии — отчасти вследствие того, что артиллерия стала получать эти снаряды лишь в 1916 г. и в ограниченном количестве. Тогда же, в 1916 г., в действующую армию присланы были описание химических снарядов (см. т. I, ч. II) и «Указания для применения 3-дм. (76-мм) химических снарядов в бою», объявленные при циркуляре ГАУ 1916 г., № 1.

До самого конца войны русская артиллерия признавала, как это предусматривалось и «Указаниями», обстрел химическими снарядами полезным лишь как «вспомогательное средство, наряду со стрельбою обыкновенными снарядами, для разрешения определенных боевых задач».

Расходовать эти снаряды при обычных во время позиционной борьбы перестрелках запрещалось.

Действительность огня достигалась только при большом количестве химических снарядов, выпущенных в короткое время; поэтому применять стрельбу химическими снарядами одиночными выстрелами или отдельными взводами не рекомендовалось.

Наиболее благоприятными условиями для действия химических снарядов являлись: теплая погода, безветрие или слабый ветер (не сильнее 3 м/сек), сухой и твердый грунт, способствующий разрывам снарядов на поверхности земли, ложбины, лес и кустарник, так как там облако газов более устойчиво.

Назначение химических снарядов: сделать невозможным для неприятеля пребывание на намеченных участках его позиции и парализовать их оборонительную силу; сделать для неприятеля непроходимыми на некоторое время важные в тактическом отношении участки местности («завесная стрельба»). Обстреливание химическими снарядами открытых целей считалось невыгодным, так как картечное и фугасное действие обыкновенных снарядов признавалось более действительным.

«Указаниями» не предусматривалось назначение химических снарядов для обстрела артиллерии противника; между тем опыт войны указал, что наиболее действительным средством подавления неприятельских батарей, расположенных на закрытых позициях, является обстрел их химическими снарядами. Выше приводился пример поражения австрийцев летом 1916 г. у Станиславова в результате их обстрела химическими снарядами батареями 74-й и 3-й Заамурской арт. бригад (стр. 180—181). Приводился пример обстрела химическими снарядами русской 7-й батареи «120» 2-го отдельного тяжелого арт. дивизиона в июльских боях 1917 г. (стр. 224).

Приведем еще пример обстрела химическими снарядами батареи противника.

В ясный, тихий день 22 августа 1916 г. на позиции у Лопушаны в Галиции (на Львовском направлении) одна из русских батарей вела огонь по окопам противника. Неприятельская батарея 15-см гаубиц с помощью специально высланного самолета открыла по русской батарее огонь, который вскоре стал очень действительным. Тщательным наблюдением были обнаружены в стороне противника кольца дыма, поднимавшиеся из-за одного из гребней высот.

В этом направлении одним взводом русской батареи был открыт огонь, но ослабить огонь батареи противника не удавалось, несмотря, повидимому, на правильное направление огня взвода и правильно определенный угол возвышения. Тогда командир русской батареи решил продолжать обстрел неприятельской батареи химическими «удушающими» снарядами (нижняя часть корпуса 76-мм гранаты, наполненной удушающим веществом, окрашивалась выше ведущего пояса в красный цвет — см. т. I, ч. II). Стрельба химическими 76-мм гранатами велась по площади за гребнем, за которым был обнаружен дым от выстрелов батареи противника, протяжением около 500 м, беглым огнем, по 3 снаряда на орудие, скачками через одно деление прицела. Минут через 7—8, выпустив около 160 химических снарядов, командир русской батареи прекратил обстрел, так как неприятельская батарея замолчала и не возобновляла огня, несмотря на то,

что русская батарея перенесла огонь попрежнему на окопы противника и отчетливо выдавала себя блеском выстрелов.

«Наставление для борьбы за укрепленные полосы» требовало, чтобы всякий артиллерийский начальник принял все меры к безотлагательному уничтожению или приведению к молчанию каждого замеченного им или указанного ему пулемета противника. Опыт войны показал, что эта трудная задача нередко удачно выполнялась также путем обстрела пулеметных гнезд или пулеметных казематов химическими снарядами («Указания для применения химических снарядов в бою» изд. 1916 г.).

В отношении правил ведения огня при стрельбе химическими снарядами русская артиллерия руководствовалась следующими указаниями:

«Внезапность открытия огня химическими снарядами существенно необходима для успеха». Ввиду этого требовалось: участки неприятельского расположения, подлежащие обстрелу химическими снарядами, заблаговременно распределять между батареями; открывать огонь одновременно всеми батареями, снабженными химическими снарядами.

Каждая 6-орудийная батарея может обстреливать успешно, параллельным веером и не меняя направления, участки не более 120 м по фронту. При слабом ветре от противника в нашу сторону наименьшее удаление обстреливаемых целей от своих окопов (первой линии) должно быть: при стрельбе «ядовитыми» снарядами (с синими поясами) — 1 км, а «удушающими» (с красными поясами) — 1/2 км. Одновременное обстреливание одних и тех же целей химическими и фугасными снарядами недопустимо, так как сотрясение воздуха при разрыве фугасного снаряда рассеивает облако и понижает концентрацию газов, получающихся при разрыве химического снаряда.

Стрельба химическими снарядами ведется в общем согласно правилам стрельбы обыкновенными снарядами, но с учетом некоторых их особенностей, а именно: ограниченной сферы их действия; образования при разрывах сравнительно большого облака газов, могущего препятствовать наблюдению последующих выстрелов; большого влияния на действие газового облака силы и направления ветра.

Пристрелка выполняется заблаговременно фугасными снарядами или шрапнелью, с целью получить батарейный веер, равный фронту батареи по ширине, и вилку в 2—3 деления прицела. При корректуре направления первой очереди химических снарядов принимают во внимание силу и направление ветра с тем, чтобы облако газов от разрывов распространялось над обстреливаемым участком. Для корректуры возвышения первую очередь химических снарядов следует выпустить на большем пределе вилки, так как газовое облако, если разрывы будут перед целью, может затруднить дальнейшую пристрелку. При обстреливании химическими снарядами тонких целей — батарей, окопов и т. п. — нужно получить возможно более узкую вилку.

Стрельба на поражение химическими снарядами имеет целью «образовать облако» газов над обстреливаемым участком и некоторое время «поддерживать» это облако.

Для «образования» газового облака стрельбу ведут беглым огнем, напряженность которого определяется командиром батареи по степени густоты наблюдаемого облака. При обстреливании тонких целей огонь ведется на одном прицеле полученной вилки, дающем большинство попаданий с наветренной по отношению к цели стороны. При отсутствии ветра или при ветре вдоль обстреливаемой цели стреляют попеременно на обоих пределах вилки, причем в этом случае допустима корректура возвышения до полуделения прицела.

При «завесной» стрельбе химическими снарядами обстреливается полоса, широкая по фронту и лишь настолько глубокая, чтобы трудно было пробежать ее с задержанным дыханием (приблизительно до 200 шагов). При выполнении этой задачи последовательно, начиная с одного края полосы, переносят веер на величину фронта батареи; затем, изменив прицел на 2—3 деления, таким же образом вновь проходят весь фронт батарейного участка, начав с того же края. Такое прохождение обстреливаемой полосы производится несколько раз до получения газовой «завесы» надлежащей плотности. Подобным же образом ведется обстрел химическими снарядами более широких и глубоких (3 и более делений прицела) целей.

Для «поддержания» газового облака требуется меньшая напряженность огня, чем для его образования. Стрельба для поддержания облака ведется или беглым огнем, или одиночными выстрелами, с указанием промежутка времени между выстрелами.

Приближенное представление о количестве химических снарядов и темпе стрельбы ими во время атаки могут дать следующие числа, заимствованные из «Указаний для применения 3-дм. химических снарядов в бою» изд. 1916 г.: а) для «образования» газового облака на фронте 120 м 6-орудийная батарея должна выпускать приблизительно в течение 2 мин. по 60 выстрелов в минуту (по 10 патронов из орудия); б) для «поддержания» облака на том же фронте — по 24 выстрела в минуту (по 4 патрона на орудие в минуту). В зависимости от условий местности и погоды темп стрельбы для создания облака и поддержания его может оказаться меньше или больше указанных норм.

Стрельба по воздушному флоту

В мирное время русская артиллерия не практиковалась в стрельбе по воздушным целям и к началу мировой войны не имела никаких правил такой стрельбы.

В «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. только упоминалось (§ 87), что при выборе целей важное значение имеет обстреливание наблюдательных пунктов артиллерии противника, пунктов расположения его начальников и их штабов, а также «воздушных шаров и летательных машин».

В Офицерской артиллерийской школе вопросами стрельбы по воздушному флоту интересовался чуть ли не один капитан Тарновский, изобретательская мысль которого еще за 2—3 года до начала мировой войны стала работать в этом направлении. Но изобретения Тарновского, как не получившего законченного высшего артиллерийского

образования, почти не привлекали к себе внимания коллегии «ученых» членов Артиллерийского комитета ГАУ. Тарновский вынужден был передать свою идею создания зенитной пушки Путиловскому заводу, где она и была осуществлена инженером завода Лендером совместно с Тарновским (см. т. I, ч. II).

К сентябрю 1914 г., ко времени начала формирования 1-й своей автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту, Тарновский разработал теорию стрельбы по летательным аппаратам с целью поражения их не одиночными разрывами шрапнелей, а разрывами одновременно нескольких шрапнелей, образующими целую сферу поражения. Затем, в течение всего периода войны, Тарновский стремился доработать и осуществить свою идею воздушной стрельбы, обосновав ее на боевом опыте стрельбы по самолетам, но добиться окончательных положительных результатов ему, по существу, не удалось. В частности, введенные Тарновским к зенитным пушкам прибо-

Рис. 28. Подвижный зенитный станок системы Розенберга.

ры для искусственного рассеивания снарядов были впоследствии отменены ввиду их сложности, не оправдывавшейся необходимостью их применения.

Зенитная стрельба из специально спроектированных орудий системы Тарновского — Лендера имела шансы на успех, но все же оказалась мало действительной. Статистических данных о стрельбе русской зенитной артиллерии найти не удалось, но по личному признанию Тарновского, сделанному им начальнику Упарта в конце лета 1917 г., из пушек его системы за все время их участия в войне было сбито, вероятно, не более 5—8 неприятельских самолетов (впрочем, нельзя при этом упускать из виду, что на обширном русском фронте войны имелось очень мало зенитных пушек Тарновского — Лендера; см. т. I, ч. II).

Стрельба по воздушному флоту чрезвычайно сложна и трудна, как требующая одновременного разрешения ряда задач: определения истинного положения цели в воздушном пространстве в данный момент; предугадывания наиболее вероятного перемещения цели за некоторый последующий короткий отрезок времени и определения вытекающих отсюда вероятных данных для стрельбы; придания орудию угла возвышения и направления, определяемых по полученным дан-

лым для стрельбы, но с учетом метеорологических условий, влияющих на полет снаряда (т. е. плотности и движения воздуха в верхних слоях атмосферы) и т. д.

Для решения всех подобных задач необходимы специальные приборы, которые автоматически определяют положение самолета в воздухе, учитывают его дальнейшее перемещение и дают исходные данные величины прицела и установки дистанционной трубки. Приборы эти отличались в то время сложностью конструкции и при малейшей погрешности в их изготовлении, а также в связи с огромной скоростью полета самолета не всегда достаточно точно определяли его местоположение в воздухе.

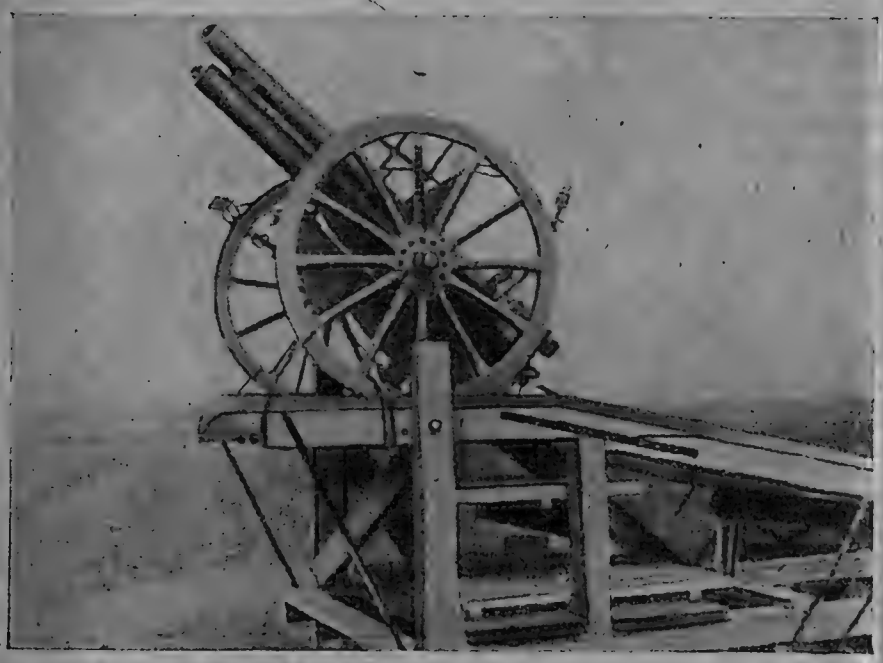


Рис. 29. Зенитный станок системы Розенберга (стационарного типа) с трофейной германской пушкой.

Стрельба по самолету вообще тем труднее, чем большей скоростью полета и большей поворотливостью он обладает и чем короче периоды его прямолинейного движения.

В старой русской армии необходимые для ведения противосамолетной стрельбы приборы отсутствовали; существовавшие правила этой стрельбы были неудовлетворительны. Было стремление упорядочить противосамолетную стрельбу и поставить ее на более или менее научно-практическую основу, но в общем ко времени выхода России из мировой войны тактические и технические методы борьбы русской артиллерии с воздушным противником продолжали оставаться далеко не совершенными — такими же кустарными, какими были и установки для зенитной стрельбы 76-мм полевых легких пушек. При существо-

вавших способах стрельбы попадание в самолет являлось скорее непредвиденной случайностью, чем искусством.

Совершенно правильно заключение Кирея, который в своей брошюре «Артиллерия обороны» о стрельбе по воздушному флоту из легких и горных орудий говорит, между прочим, следующее[1]:

«Стрельба по аэроплану из легких и горных орудий хотя и необходима, но не действительна: вероятность попадания почти равна нулю... Поэтому лучше открыто сознаться в своей беспомощности, отказаться от надежды попасть в аэроплан и вести стрельбу, действуя на психику сидящих в нем. Имеющиеся в настоящее время наставления, графические таблицы, приборы и приспособления для стрельбы по воздушному флоту вопроса не разрешают. Рассчитывать на подбитие аэроплана легким или горным орудием возможно только при наличии: а) приборов, дающих быстро (в несколько секунд) величину отклонения разрыва от аэроплана в трех координатных плоскостях, б) прибора, определяющего, хоть приблизительно, закон движения летящего аппарата, в) жизненных правил стрельбы, разработанных в соответствии с этими приборами...»

Таких приборов и правил стрельбы тогда русская артиллерия не имела; поэтому Кирей рекомендовал вести противосамолетную стрельбу, действуя на психику летчика и наблюдателя, т. е. так, чтобы разрывы шрапнели были впереди самолета и чтобы летчик и наблюдатель их видели, знали, что их обстреливают, и теряли бы присутствие духа.

Командование (командиры корпусов, командующие армиями) требовало обычно от батарей для стрельбы по воздушному флоту уничтожения неприятельских самолетов, не отдавая себе отчета в чрезвычайной трудности зенитной стрельбы и малой вероятности поражения быстро летящего самолета при имевшихся тогда средствах борьбы. Стремление уничтожить самолет в большинстве случаев оставалось безуспешным, что порождало немало разочарований в значении зенитной артиллерии. Между тем, по многим проверенным данным, во время войны было установлено, что попадания в части самолета бывали нередким явлением, но самолет, даже серьезно поврежденный, не говоря уже о попаданиях в нежизненные его части, мог продолжать полет и терпел аварию уже при самой посадке. Поражение же жизненных частей самолета, благодаря небольшому их объему, было весьма мало вероятным. Поэтому у многих русских артиллеристов сложилось во время войны убеждение, что основной задачей зенитной артиллерии является не уничтожение самолетов, а моральное «запрещающее» воздействие на летчика. Считали, что моральное поражение летчика будет почти обеспечено, если его самолет окажется в сфере рассеивания снарядов батарейной очереди.

В период войны, особенно в 1915—1917 гг., появилось много разных инструкций и правил стрельбы по воздушному флоту, составлен-

[1] Кирей, Артиллерия обороны, Действующая армия, 1917 г., приложение № 5, стр. 51—54.

ных по большей части на основании не проверенных опытом теоретических соображений. Эти инструкции и правила предлагали использовать при стрельбе по самолету массу таблиц и приборов. Во всем этом разобраться было крайне трудно. Командиры зенитных батарей нередко предлагаемые им правила и инструкции изменяли сами в соответствии со своим боевым опытом. В результате сочетания боевой практики с теоретическими предпосылками были разработаны различные методы зенитной стрельбы Лендером и Тарновским (изобретателями 76-мм зенитной пушки 1914 г.), Труновым, Энденом, Тиграновым, Игнатьевым, Гладковым, Кузьминским и другими.

Рис. 30. 76-мм пушка обр. 1902 г. с подрытым станком на деревянной платформе (приспособлена для стрельбы по самолетам). Май 1915 г.

Инструкциями и наставлениями для стрельбы по воздушному флоту предлагалось применять различные виды огня: одиночными выстрелами, батарейными очередями, беглым огнем определенным числом патронов, залпами.

По распоряжению ГАУ, в начале 1915 г. был издан одобренный Арткомом (журнал Арт. комитета 8 ноября 1914 г., № 1383) «Проект указаний для стрельбы по воздушным целям для батарей, вооруженных 3-дм. (76-мм) скорострельными пушками (легкими и конными), помещенными на «специальных установках» (системы Розенберга или иных)». Проект этот являлся первой попыткой дать правила стрельбы по воздушным целям из 76-мм легких пушек, уста-

навливаемых для стрельбы на особых приспособлениях, устраиваемых из подручного материала, позволяющих придавать орудиям довольно большой угол возвышения (описание таких установок см. т. I, ч. II).

Согласно «Проекту указаний», огонь по воздушной цели возможно было открывать при удалении ее от стреляющей батареи не свыше 6 км, т. е. по вступлении цели в «зону возможного поражения», определяемую оптическим дальномером или глазомером. Стрельба по воздушной цели ведется дистанционными выстрелами и с непосредственной наводкой в цель. Основной задачей стрельбы ставилось получе-

Рис. 31. Пушка обр. 1900 г. на самодельном зенитном станке системы Гвоздева.

ние недолетных разрывов, кажущихся с батареи выше цели. Орудиям батареи командуется: прицел на 15—25 делений меньше дальности, определенной или предположенной до цели; трубка — короче этого прицела на 15—35 делений; угломер—с принятием во внимание деривации и бокового перемещения цели. Наводчики орудий должны были держать перекрестье панорамы (прицельную линию) несколько впереди цели. Выстрел 1-го орудия был контрольным для нахождения исправленных установок. Исправив установки угломеров, батарея ведет огонь «по команде», непрерывный и возможно быстрый, с таким расчетом, чтобы можно было отличать разрывы снарядов каждого орудия или отдельных очередей. Если при этом наблюдались разрывы ниже цели, то для следующих выстрелов прицел увеличивался на 5—10 делений, но при той же установке трубки. При движении воздушной цели от батареи стрельбу следовало вести при прицеле на 20—30

делений больше того, который отвечает определенной до цели дальности, а трубку назначать на 5—15 делений длиннее прицела.

Боевая практика стрельб из 76-мм легких пушек с кустарных установок, производившаяся по указанным правилам, показала, что поражение воздушных целей если и бывало, то как весьма редкая случайность.

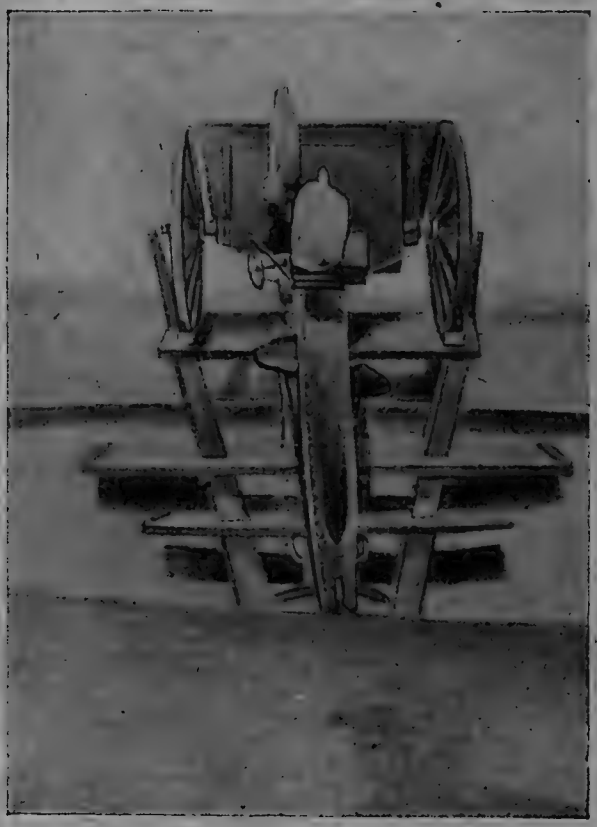


Рис. 32. 76-мм пушка обр. 1902 г. на зенитном станке ямного типа «Охранный взвод» под г. Ново-Александрия. Июнь 1915 г.

В том же 1915 г., по распоряжению ГАУ, изданы были составленные Тарновским в виде проекта «Правила стрельбы по летательным аппаратам (аэропланам и дирижаблям) для батарей, вооруженных полевыми пушками обр. 1902 г., горными обр. 1909 г. и пушкою для стрельбы по воздушному флоту обр. 1914 г.» (т. е. 76-мм зенитной пушкой системы Тарновского—Лендера). В «Объяснительной записке» к проекту «Правил стрельбы» Тарновским разобраны наиболее трудные случаи стрельбы по самолету, а именно: когда он летит на батарею или от нее, т. е. когда углы упреждения и углы места цели быстро возрастают или убывают. «Объяснительная записка» изложена

Рис. 33. Зенитный станок ямного типа «Охранный взвод» у г Ново-Александрия. Июнь 1915 г.

Рис. 34. Вкатывание пушки на станок системы Иванова.

в виде отдельных графических таблиц с описанием разобранных в них 10 разных случаев. В «Правила стрельбы» Тарновский включил средние данные, полученные им как вывод из разобранных в «Объяснительной записке» случаев и из опыта стрельб по самолетам в течение первых месяцев мировой войны.

По методу Тарновского, предложенному им в «Правилах стрельбы» в 1915 г., пристрелка производится одиночными корректируемыми выстрелами и заключается в отыскании посредством отражателя и угломера панорамы упреждения на скорость перемещения самолета в вертикальной и горизонтальной плоскостях за время полета снаряда. Но быстротечность зенитной стрельбы и большая маневренность самолета исключают возможность пристрелки в обычном понимании таковой. Одиночные выстрелы почти ничего не давали для корректуры стрельбы, они могли служить лишь для учета влияний, происходящих от метеорологических условий и отчасти для выверки приборов.

Огонь батарейной очередью также не приводил к положительным результатам. Вследствие быстроты полета самолета, каждую секунду меняющего свое положение в воздухе, выстрелы обычно запаздывали и тратились впустую.

Переход на поражение производился беглым огнем не прямой наводкой, а после того, как наводчики отметились по разрыву. Беглый огонь большим числом патронов деморализующе действовал на орудийный расчет батареи, управление ею уходило из рук командира, установки производились наспех, без соблюдения необходимой точности; в результате получались в воздухе обширные огневые заслоны, но самолеты противника часто не оказывались в районе этих заслонов. Беглый огонь ограниченным числом патронов (2—3 патрона) в виде коротких огневых шквалов, обрушивающихся на самолет с некоторыми промежутками времени один от другого, производил более существенное впечатление на летчика; при этом стрельба не была такой беспорядочной, как при беглом огне большим числом патронов. В обоих случаях стремились к тому, чтобы в зоне искусственного рассеивания разрывов оказался обстреливаемый самолет противника.

Залповый огонь оказался наиболее целесообразным в боевой обстановке, и к этому виду огня перешли почти все русские зенитные батареи к концу войны. Исходные данные для залпа, подсчитанные более правильно в спокойном состоянии, обеспечивали получение зоны поражения уплотненной группы одновременных разрывов, что могло иметь решающее значение для успешности зенитной стрельбы. Залповый огонь базировался не столько на скорострельности орудий, сколько на одновременном получении группы возможно большого числа разрывов в районе самолета, т. е. на принципе стрельбы не столько пулеметной, сколько митральезной. Поэтому были во время войны предположения довести состав зенитных батарей до 6 орудий (вместо четырех) или проектировать двуствольные орудия для зенитной стрельбы (проект руководителя Офицерской школы для стрельбы по воздушному флоту).

В вопросе о возможности корректирования стрельбы по самолетам мнения «зенитчиков» того времени расходились. Одни, базируясь на скоротечности зенитной стрельбы, считали корректуру невыполнимой;

напротив, другие, которых было большинство, считали корректуру обязательной, полагая, что она компенсирует невозможность предварительной пристрелки и позволит исправлять отклонения разрывов от цели, являющиеся следствием ошибок в показаниях приборов и исполнения команд орудийным расчетом или следствием других, не поддающихся сколько-нибудь точному учету баллистических причин[1].

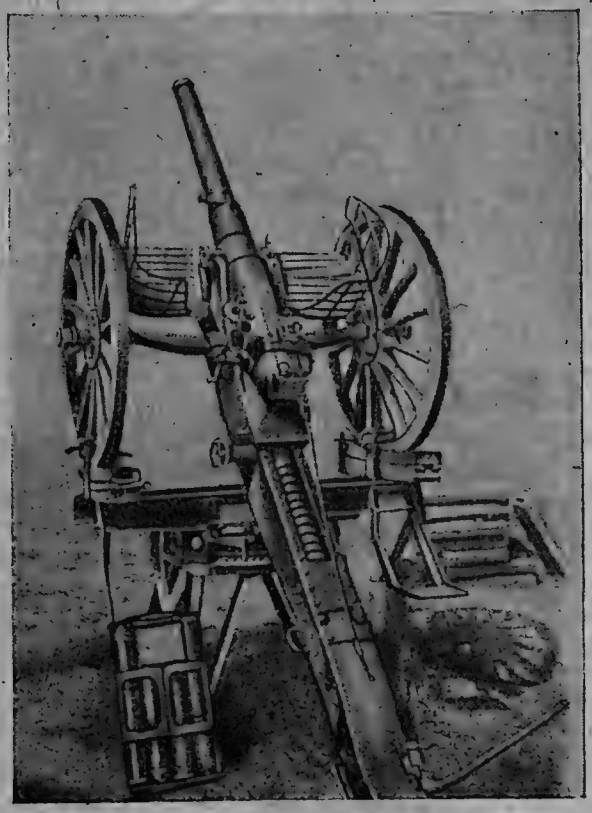


Рис. 35. 76-мм пушка обр. 1900 г. на станке системы Иванова.

В 1917 г., в целях общей подготовки командного состава артиллерии, была сделана попытка издать «Инструкцию командиру полевой батареи для стрельбы по самолетам». Эту «Инструкцию» никак нельзя было считать правилами противосамолетной стрельбы, научно обоснованными и оправдавшими себя на боевой практике. По этой «Инструкции» стрельба артиллерии по самолетам считалась, в сущности, довольно безнадежной, так как стрельба признавалась «о т л и ч н о й,

[1] Интересные обстоятельные сведения по вопросу о стрельбе по воздушному флоту во время мировой войны можно извлечь из труда Б. И в а н о в а «Борьба с воздушным врагом», ГИЗ, 1930 г.

когда летчик не выдерживал огня батареи и изменял направление».

В том же 1917 г. отказались от подготовки всего командного состава артиллерии к производству стрельбы по самолетам и создали на фронтах действующей армии особые курсы стрельбы по воздушному флоту для подготовки специалистов только такой стрельбы лишь среди комсостава зенитной артиллерии. Но и эта попытка не привела к достаточно положительным результатам. Курсы были упразднены, и взамен курсов в конце 1917 г. создана была в Крыму специальная офицерская школа стрельбы по воздушному флоту (создателем которой и первым начальником был Тарновский — см. ниже).

В этой школе выявилась, между прочим, необходимость взаимодействия между зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Было признано необходимым разграничить зоны действия каждой из них для создания наиболее выгодных условий их применения, обеспечивающих чередующееся воздействие на воздушного противника со стороны то артиллерии, то истребительной авиации. Истребительная авиация должна действовать в воздушном районе, недоступном для огня зенитной артиллерии, т. е. в воздушном пространстве, окружающем границы досягаемости артиллерийского огня, и в сфере мертвой воронки, образующейся над стреляющей зенитной батареей.

Считая, что стреляющее орудие находится в вершине как бы опрокинутой мертвой воронки, дно ее (или верхний потолок) будет представлять круг, радиус которого будет тем больше, чем меньше предельный угол возвышения орудия и чем выше летит самолет над орудием. Мертвая воронка в значительной степени уменьшает сферу зенитной стрельбы; влетевший в нее неприятельский самолет находится в безопасности от поражения артиллерийским огнем находящейся под ним зенитной батареи и может производить ее бомбежку в границах мертвой воронки с полной безнаказанностью. Помешать этому и заставить самолет противника покинуть мертвую воронку может либо свой самолет-истребитель, находящийся в районе мертвой воронки, либо взаимодействующая с данной батареей другая зенитная батарея.

Для обеспечения взаимодействия зенитной артиллерии с истребительной авиацией признавались желательными подчиненность их общему начальнику, взаимное изучение их свойств, воспитание сознательной дисциплины и взаимной выручки.

Кроме самолетов-истребителей, для непосредственного охранения зенитных батарей и для усиления воздушной обороны считали необходимым придавать этим батареям пулеметные взводы, которые могли бы вести стрельбу по снижающимся или атакующим батарею самолетам.

Что касается снарядов, применяемых для стрельбы по воздушному флоту, то обыкновенная полевая шрапнель оказалась малопригодной для такой стрельбы. Наиболее пригодной оказалась бризантная граната с 28-секундной дистанционной трубкой. Граната при попадании в самолет сильно его разрушала своими осколками, что производило подавляющее моральное впечатление на летчиков противника, которые при виде черного облака разрыва гранаты часто не выдерживали и из

опасения поражения поворачивали обратно. Резко видимое облако разрыва гранаты облегчало и ведение стрельбы.

Зенитная стрельба у бывших союзников и противников России стояла во время мировой войны на гораздо более высоком уровне. Однако, как показывают имеющиеся в литературе данные германской, французской, английской, итальянской и американской статистики, сведенные в табл. 8, число самолетов, сбитых иностранной зенитной артиллерией за время войны, сравнительно невелико и, напротив, число выстрелов на один сбитый самолет довольно большое.

Таблица 8[1]

Результаты стрельбы по самолетам артиллерии Германии, Франции и Англии в войну 1914—1918 гг.

Название и род артиллерии	Число сбитых самолетов					Число выстрелов на один сбитый самолет			
	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	всего 1915—1918 гг.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Германская артиллерия									
а) Зенитная специальная	51	322	467	748	1 588	—	—	—	—
б) Приспособленная и зенитная — в среднем	—	—	—	—	—	11 565	9 880	7 415	5 040
Французская артиллерия									
а) Зенитная специальная	0	60	127	220	407	—	—	—	3 200
б) Приспособленная и зенитная — в среднем	—	—	—	—	—	—	11 000	7 500	—
Английская артиллерия									
а) Зенитная специальная	—	—	—	—	—	—	—	—	1 500
б) Приспособленная и зенитная — в среднем	—	—	—	—	—	—	—	8 000	4 500

Примечания. 1. Итальянская зенитная специальная артиллерия сбила в 1918 г. всего 129 самолетов.

2. Американская зенитная специальная артиллерия сбила всего 58 самолетов, считая расход около 600 снарядов на один сбитый самолет.

Из табл. 8, между прочим, видно, что наличие специальной зенитной артиллерии значительно снижало расход снарядов на сбитие самолетов и что по мере совершенствования приборов, необходимых для

[1] Таблица составлена по данным труда проф. Цитовича «Краткий очерк эволюции артиллерии».

зенитной стрельбы, и прогрессирования методов этой стрельбы действительность ее огня повышалась. Все же число снарядов, требующихся для сбития одного самолета даже из специальных зенитных орудий, оставалось большим до самого конца войны — в 1918 г. во французской артиллерии 3 200 и в английской 1 500 снарядов. Показанное в примечании 2 к таблице число 600 снарядов на один самолет для американской артиллерии вызывает сомнения, тем более что участие в войне американской артиллерии было сравнительно весьма кратким.

СОСТОЯНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА АРТИЛЛЕРИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Личный состав офицеров и солдат артиллерии оказался к началу мировой войны отлично подготовленным в техническом отношении к ведению стрельбы, за небольшими исключениями среди некоторых старших, престарелых артиллерийских начальников, случайно оставшихся в рядах строевых частей артиллерии (большинство из них было в начале войны отчислено в тыл или уволено в отставку), и из числа запасных офицеров. Подготовка же командного состава русской артиллерии вообще и старших артиллерийских начальников в особенности в тактическом отношении оказалась значительно слабее. Проявление целесообразной личной инициативы в необходимых случаях не было обычным явлением среди русских артиллеристов во время войны.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., которым должна была руководствоваться русская артиллерия, подчеркивало в предисловии, что «Наставление», давая руководящие указания для работы артиллерии и указывая приемы для ее действия, «требует от артиллерийских начальников высокой тактической подготовки, понимания потребностей и приемов действий войск других родов, уменья правильно и быстро применять общие принципы к условиям изменчивой обстановки».

В общих указаниях «Наставления» также подчеркивается, что каждый артиллерийский начальник «обязан уметь принимать, не колеблясь перед риском ответственности, самостоятельные решения, когда этого требует быстрое изменение обстановки», и что это требуется тем чаще и тем в большей степени, чем выше стоит начальник и чем больше артиллерии ему подчинено.

Но руководители царской русской армии, проводя в армии доктрину активности, не подготовили соответственно личный командный состав ни в духе безбоязненного проявления инициативы, ни в сознании долга взаимной выручки.

Отсутствие в царской армии единого мировоззрения на боевую подготовку и на методы ведения боевых действий отрицательно влияло на единство военной мысли и воли, столь необходимое для обеспечения боевого успеха.

Среди довольно многих артиллеристов укоренилась мысль, что их дело — только уметь стрелять, а тактика их мало касается. Такое мнение встречалось даже среди прошедших курс Офицерской артиллерийской

школы командиров батарей и высших артиллерийских соединений, несмотря на стремление школы убедить своих слушателей в том, что знание тактики имеет для артиллериста не менее важное значение, чем уменье стрелять. Офицерская артиллерийская школа настойчиво проводила мысль: во-первых, что артиллерист, обладающий оружием, дающим возможность наносить внезапно поражение на большие дальности («дальнобойность и повсюдубойность», как говорилось в прежних тактиках артиллерии), должен иметь в виду не только частные нужды отдельных пехотных подразделений, которым он помогает, но и те цели, которые представляются общими по их значению и которые требуют сосредоточенных и объединенных действий артиллерии; во-вторых, что для правильной оценки значения этих общих целей и для принятия целесообразного решения артиллерист должен быть широко образованным в тактическом отношении и свободно разбираться в сложной изменчивой обстановке современного боя; в-третьих, что артиллерист должен не только уметь свободно читать карту, но и обладать в совершенстве способностью ориентироваться на любой незнакомой местности.

Значительный процент командного состава русской артиллерии имел боевой опыт русско-японской войны, что являлось большим преимуществом. Русские артиллеристы, помимо свойственного им большого искусства стрельбы, чрезвычайно умело применялись к местности при выборе позиции и при достаточных средствах связи очень хорошо организовали службу наблюдения, не особенно считаясь с удалением наблюдательных и командных пунктов от огневых позиций батарей.

Серьезным недостатком боевого применения русской артиллерии являлось отсутствие прочного взаимодействия ее с пехотой и в общем слабая маневренность артиллерии, что неблагоприятно отражалось на успехе боевых действий. Указанный недостаток объясняется, во-первых, тем, что вопрос взаимодействия артиллерии с пехотой не был твердо регламентирован русскими боевыми уставами того времени и не был выработан довоенной маневренной практикой, во-вторых, слабой тактической подготовкой русской артиллерии и громоздкостью организации ее легких батарей, состоявших в первое время войны из 8 орудий, в-третьих — самое существенное — неумением общевойсковых начальников распорядиться использованием своей артиллерии.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою», утвержденное в феврале 1912 г., было разослано в войска лишь в конце того же года, т. е. появилось в войсках слишком поздно. При условиях дислокации русской армии, широко разбросанной в Европе и в Азии от р. Вислы до Тихого океана и от тайги Сибири до Афганистана, двухлетний срок до начала войны был весьма недостаточным для того, чтобы руководящие идеи названного «Наставления» могли проникнуть в толщу армии и быть ею хорошо освоены. Даже артиллерия не успела достаточно изучить «Наставление» к началу войны; что же касается общевойсковых начальников, то они совсем не знали этого «Наставления», а некоторые из них и не слыхали о нем (см. т. I, ч. I).

Большинство общевойсковых начальников совершенно не интересовалось артиллерией, особенно в то время, когда она не была еще под-

чинена начальникам дивизий, и вовсе не следило за развитием быстро шагающей вперед артиллерийской техники.

В результате общевойсковые начальники, мало знакомые в общем со свойствами современной артиллерии и с условиями ее боевого применения, оказались настолько неподготовленными в артиллерийском отношении к началу мировой войны, что они нередко даже не отдавали себе отчета и не знали, что им делать с подчиненной им артиллерией, и часто, в особенности в начале войны—в маневренный ее период, предоставляли артиллерии полную свободу действий, отделываясь при постановке ей боевой задачи привычной в старой русской армии стереотипной фразой, общепринятой и постоянно встречающейся в приказах для боя: «Артиллерии оказывать содействие огнем».

Подобная формулировка при постановке задач артиллерии была обычной и на практических стрельбах мирного времени, не исключая учебных занятий Офицерской артиллерийской школы, которая в данном случае преследовала учебную цель: заставить исполнителя задачи самостоятельно оценить тактическую обстановку и принять решение, по каким целям и какую вести стрельбу.

Составители «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» руководствовались необходимостью не связывать свободу действий исполнителей уставными положениями, а также имели в виду, как это видно из предисловия к «Наставлению», соблюдение начал, заложенных в основу прежних уставов, и более всего — «особого внимания к завету Петра Великого: «не держаться Устава, яко слепой стены».

Отчасти вследствие указанных соображений, отчасти вследствие особенностей личного характера составителей «Наставления» редакция его отличается некоторой расплывчатостью, подчас неясностью и даже неопределенностью выражения идей тактики артиллерии, хотя по существу и обоснованных опытом русско-японской войны.

Начальствующий и командный состав артиллерии, вообще довольно слабо и неохотно разбиравшийся в тактических вопросах, недостаточно ясно и твердо усвоил мысли «Наставления» и «Устава полевой службы» 1912 г., правильные по существу.

Что же касается общевойсковых начальников, то они, как уже упоминалось, вышли на войну со смутным представлением о свойствах современной им артиллерии и о боевом ее использовании, причем действия артиллерии в бою мыслились ими в общем лишь в рамках дивизии.

В первый период войны артиллерия в большинстве случаев дробилась по-батарейно и ее огонь носил характер индивидуального огня отдельных батарей. Постепенно действительность боевых столкновений заставила осознать частую необходимость объединенного управления многими батареями и даже массами артиллерии в руках одного начальника с целью решения главных задач, выпадающих на долю артиллерии в бою, сосредоточением ее мощного огня.

Относительно обязанностей и взаимоотношений артиллерийских и общевойсковых начальников в «Наставлении» 1912 г. имелись следующие общие указания.

Под «начальником артиллерии» во всех случаях подразумевается старший артиллерийский начальник, непосредственно подчиненный общевойсковому начальнику, условно именуемому «начальником отряда».

«Начальник отряда ответствует за целесообразное употребление артиллерии в бою, за правильность постановки ей задач; начальник артиллерии — за правильность работы артиллерии, за выбор и применение средств для решения задач, ей поставленных» (§ 8 «Наставления» 1912 г.). Разделение обязанностей между начальником отряда и начальником артиллерии, изложенное в такой редакции, можно было понимать за указание «Наставления» (большинство артиллеристов так и понимало) на то, что начальник артиллерии отвечает только за техническую сторону использования артиллерии в бою и что использование артиллерии в тактическом отношении его не касается.

В последующем изложении обязанностей начальника артиллерии в «Наставлении» имеются некоторые указания на то, что начальник артиллерии отвечает и за боевое использование артиллерии в тактическом отношении, но эти указания недостаточно определенны.

«Наставлением» указывается, что начальник артиллерии должен непрерывно находиться в курсе обстановки, намерений начальника отряда и всех получаемых им сведений; что для наилучшего направления работы артиллерии в бою начальник ее должен иметь или испросить указания начальника отряда, определяющие: исходную задачу и позиционный участок артиллерии; время первого открытия огня; новые задачи и новые позиционные участки, обусловливаемые развитием боя; вероятные пункты атаки, предполагаемое их направление и, с возможным приближением, время начала главного удара.

Согласно «Наставлению», начальник артиллерии обязан: направлять и объединять артиллерийскую разведку, подготовляя этим вступление артиллерии в бой и решение ею задач; докладывать начальнику отряда о важных сведениях, полученных артиллерийской разведкой, о результатах работы артиллерии и о самостоятельно принятых решениях; держать непосредственно подчиненных ему артиллерийских начальников в курсе обстановки; объединять и согласовывать действия непосредственно ему подчиненных артиллерийских частей, распределяя между ними исходную задачу на частные задачи и общий позиционный участок на частные участки; в случае изменения обстановки — самостоятельно указывать артиллерии новые задачи и связанные с ними перемены позиций вперед; принимать меры к тому, чтобы все действия артиллерии были своевременны и чтобы они по техническим соображениям не замедляли действий, вызываемых тактическими требованиями или надобностями войск других родов; наблюдать за обеспечением безопасности артиллерии; следить за расходом боеприпасов и принимать меры к обеспечению непрерывного и своевременного их пополнения.

Тесной органической связи между артиллерийскими и общевойсковыми начальниками не было, вследствие чего к началу войны не успела достаточно окрепнуть внутренняя связь артиллерии с другими

родами войск, являющаяся залогом их боевого содействия (см. т. I, ч. I). В результате во время войны, особенно в маневренный ее период, совместные действия артиллерии и пехоты далеко не всегда бывали согласованы. Не было обычным то, что пехота наступает, а артиллерия уничтожает своим огнем все преграды и препятствия по пути движения своей пехоты, будь то ружейный, пулеметный или орудийный огонь, будь то искусственные препятствия и фортификационные сооружения противника. Словом, не было всегда того, к чему подготавливалась артиллерия в мирное время и что практиковалось на полигонных стрельбах артиллерии, но, впрочем, без пехоты, которая только воображалась.

Один известный артиллерист того времени в своем отчете о результатах его командировки в Галицию в 1914 г.[1] отмечает, что главнейшей причиной большого расхода боеприпасов является «неумелое применение в бою современной полевой артиллерии и в тактическом и в техническом отношениях со стороны войсковых начальников и отсутствие сведущего руководства в боевой работе артиллерии». По его убеждению, «тактическое применение артиллерии, находящееся в руках войсковых начальников, оставляло желать очень многого».

Управления артиллерией со стороны командиров артиллерийских бригад и отчасти со стороны командиров дивизионов не было. Последние только после 4 месяцев войны стали получать более широкую возможность управлять боевой работой артиллерии своих дивизионов; что же касается командиров бригад, то они попрежнему не принимали почти никакого участия в этой работе.

В еще большей мере были устранены от указанного руководства инспектора артиллерии корпусов, главною обязанностью которых (согласно «Положению о полевом управлении» — см. т. I) являлась забота о питании артиллерии боеприпасами.

Батареи и дивизионы, разбросанные по мелким боевым участкам, подчиненные командирам полков и командирам пехотных бригад, нередко получали от них несоответствующие задачи.

Начальники боевых участков заставляли свою артиллерию открывать огонь по целям, не имеющим тактического значения, — небольшие группы людей, разъезды, местные предметы, не занятые противником, и пр.; артиллерия должна была стрелять по невидимым для нее целям, существование которых в данном месте сообщалось пехотой, причем в большинстве случаев сообщаемое ею грешило неточностью: отдельные малочисленные группы людей принимались за колонны, обозы—за артиллерию и т. п. Артиллерии приходилось стрелять по целям, существование которых в данном месте лишь подозревалось (в лесу, в лощине, за гребнем высот), и обстреливать площади более или менее значительных размеров (как это делала французская артиллерия и что запрещалось на практических стрельбах русской артиллерии в мирное время). В данном случае и полевая тяжелая артиллерия не представляла исключения; иногда ее также применяли для обстреливания обозов в тылу противника и площадей, на которых нередко отсутствовали цели, требующие обстрела артиллерийским огнем.

---

[1] ЦВИА, Личный архив Барсукова, Отчет Карачана.

Артиллерию заставляли стрелять в условиях невозможности получить материальный результат, как, например, обстреливание шрапнелью глубоких окопов, снабженных козырьками, а также вести стрельбу ночью без предварительной пристрелки данных для стрельбы засветло и обстреливать по ночам те места, где днем были замечены окопные работы противника, без всякой уверенности, что он в них находится.

Артиллерия должна была вступать в состязание с неприятельской артиллерией, хотя бы и совершенно скрытой от наземного наблюдения; она своим огнем «нащупывала» невидимые батареи противника и пыталась привести их к молчанию, но за отсутствием средств воздушного наблюдения и звукометрических приборов попытки эти в большинстве случаев сводились к напрасной трате снарядов.

Случалось даже в начале войны, что пехота просила артиллерию подготовить атаку огнем, предъявляя к ней требование «стрелять» и обещая «потом», по окончании подготовки, перейти в наступление. И вот артиллерия вела огонь, опустошала свои зарядные ящики, растрачивая боеприпасы, а пехота не двигалась и продолжала бездействовать.

Желание пехоты, поддерживаемое многими общевойсковыми начальниками, так сказать, «выехать на артиллерии» сказывалось всюду довольно резко, особенно после того, как боевая подготовка пехоты заметно ослабевала по мере поступления в ее ряды новых пополнений на замену убитых и раненых.

Наконец, со стороны войсковых начальников предъявлялись к артиллерии настойчивые требования стрельбы для морального впечатления, для звукового и зрительного эффектов и притом иногда совершенно независимо от того, имеются ли цели, требующие обстрела артиллерийским огнем, и могут ли быть получены от обстрела какие-либо результаты.

В отчете упомянутого артиллериста приводится пример, когда от артиллерии, действующей под крепостью Перемышль в 1914 г., потребовался самый сильный огонь только потому, что в то время было отбито наступление противника на Варшаву и надо было, как говорили, «поддержать наши армии и показать осажденному в крепости противнику, что предполагается его штурмовать».

С октября-ноября 1914 г., когда вследствие недостатка боеприпасов действия артиллерии стали не столь успешными, это послужило поводом для войсковых начальников к обвинению артиллерии в неумелой боевой работе и к отстранению многих артиллерийских начальников и командиров от руководства боевыми действиями подчиненной им артиллерии и даже к тому, что чуть ли не каждый войсковой начальник не ограничивался постановкою задач артиллерии, а хотя и был мало осведомлен о ее свойствах, но непременно хотел *сам учить* свою артиллерию, как ей надо стрелять, нередко считая при этом, что ураганный огонь является нормальным видом огня артиллерии.

От руководства боевой работой артиллерии отстранялись иногда даже те артиллерийские начальники, которые руководили обучением своей артиллерии в мирное время, а это приводило к тому, что проис-

ходившие ошибки оставались без исправления, не устранялись и повторялись все чаще и чаще.

Артиллерия, воспитанная в мирное время своими прямыми начальниками на известных основах (см. т. I, ч. I), должна была в некоторых случаях эти основы забывать и действовать по приказаниям своих новых, а иногда и случайных войсковых начальников, нередко совершенно незнакомых с началами боевого обучения артиллерии.

Среди нескольких корпусов в период осенних операций 1914 г. русских армий на Юго-западном фронте только в одном корпусе видно было то огромное значение, какое имел инспектор артиллерии корпуса, не отстраненный от руководства артиллерией. Командир этого корпуса считал своего инспектора артиллерии не только «снабжателем», как установлено было «Положением о полевом управлении», но оставил за ним обязанности, исполнявшиеся в мирное время, соответствующие во время войны наблюдению за боевой работой артиллерии и руководству ею. Инспектор артиллерии этого корпуса проводил много времени на позициях, находил время и возможность «поговорить» и «убедить» начальников дивизий и командиров пехотных полков изменить или отменить их распоряжения, если они делали ошибки в боевом применении артиллерии. Командир корпуса всегда его поддерживал и предоставлял ему решать его именем все специальные артиллерийские вопросы. В результате такой объединенной и дружной работы командира корпуса со своим инспектором артиллерия корпуса получала боевые задачи, отвечающие ее свойствам, и успешно разрешала их с небольшой сравнительно затратой боеприпасов; взаимодействие артиллерии и пехоты в данном корпусе было обеспечено в достаточной степени.

В упрек самой артиллерии можно было поставить недостаточно энергичное с ее стороны противодействие к исполнению даваемых ей несоответственных задач. По поводу исполнения подобных задач в отчете артиллериста, командированного на Юго-западный фронт в 1914 г., говорилось, между прочим: «Повидимому, артиллерия забыла уроки мирного времени в этом отношении и что ее обучали всегда именно так не поступать». Действительно, большинство артиллерийских начальников не обладало достаточным гражданским мужеством, чтобы доложить своему высшему начальству о несоответствии свойствам артиллерии поставленных ей задач, и нередко «беспрекословно», как говорилось в прежних уставах, исполняло подчас прямо даже нелепые приказания, приводившие не только к напрасной трате снарядов, но и к боевым неудачам, сопровождавшимся большими потерями в людях.

Некоторым оправданием для артиллерии в нерешимости противодействовать исполнению неправильных задач может служить недостаток военного и гражданского воспитания ее командиров как результат общего воспитания царской русской армии в духе беспрекословного повиновения начальству на принципе: «Не сметь своего суждения иметь».

Имеют отчасти основание упреки артиллерии в том, что в маневренный период войны, особенно в начале войны, артиллеристы иногда злоупотребляли применением беглого огня и всегда вели пристрел-

ку батарейными очередями (да еще при 8-орудийных батареях), как это обычно бывало на практических стрельбах в мирное время, тогда как во многих случаях можно было пристреливаться полубатареями, взводами и даже отдельными орудиями, причем значительно сократился бы расход боеприпасов, затрачиваемых на пристрелку.

Но в более серьезный упрек русским артиллеристам, главным образом некоторым старшим артиллерийским начальникам, можно поставить то, что бывали случаи во время войны, когда не только общевойсковые и пехотные начальники, но и они сами ставили своей артиллерии несоответственные боевые задачи в развитие общей задачи, поставленной высшим командованием, или избирали по своей инициативе цели для стрельбы, не отвечавшие условиям тактической обстановки или даже иногда не отвечавшие свойствам орудий.

Некоторые отрицательные примеры распоряжений артиллерийских начальников, подтверждающие эти случаи, приводились выше.

В записной книжке инспектора артиллерии Юго-западного фронта Дельвига [1] имеются копии двух его замечаний, сделанных им в начале октября 1914 г., а именно:

1. Командиру 3-го дивизиона 4-й арт. тяжелой бригады.

«Командир корпуса категорически запретил обстреливание города Ярослава. Вашу стрельбу по башне костела, где п р е д п о л а г а л с я (?) неприятельский наблюдательный пункт, считаю бесцельным вандализмом и показывающую непонимание тактики, так как в Ярославе много крыш, могущих быть наблюдательными пунктами. Тратить на это дело 6-дм. бомбы (152-мм гранаты) нельзя. Мне стыдно за эту стрельбу и за Вас.

...Г.-м. Клейненберг застал одну из Ваших батарей, стреляющую очередями, и приказал вести огонь одиночными выстрелами. Видимо, Ваш командир 6-дм. батареи еще недостаточно усвоил себе задачи тяжелой артиллерии...».

2. Командиру 42-й арт. бригады.

«Командир 3-го дивизиона 4-й тяжелой арт. бригады мне донес, что стрельба по башням костела была им произведена по Вашему приказанию, переданному адъютантом 1-го дивизиона 42-й арт. бригады... словами: «р а з р у ш и т ь обе башни костела, где предполагается неприятельский наблюдательный пункт», и что вообще с 4 октября все стрельбы дивизиона производились по Вашему приказанию. Сообщаю, что командиром корпуса было категорически приказано не обстреливать города Ярослава».

По поводу основного назначения артиллерии и взаимодействия ее с пехотой тот же Дельвиг сообщал инспектору артиллерии 28-го корпуса в записке от 11 января 1915 г. [2]: «... Какая цель сосредоточения огня вне Вашего фронта? — и до начала продвижения пехоты?.. Примем за основу всего: тесную связь артиллерии с пехотой и задачу артиллерии опрокинуть все, что мешает движению пехоты вперед... Неизбежное пристреливание всех батарей, конечно, должно быть выполнено до начала продвижения пехоты. Батареи, не пристрелянные,

[1] ЦВИА, 57—799, Записная книжка Дельвига (продолжение), стр. 16 и 17.
[2] ЦВИА, 57—799, Записная книжка Дельвига (продолжение), стр. 32.

готовыми считаться не могут... А во всем остальном только совместная работа огня артиллерии и движения пехоты дает успех...»

Приведенные примеры относятся к маневренному периоду войны, но они повторялись и в позиционный период, особенно в первой половине 1916 г., когда при Ставке главковерха уже существовал полевой генерал-инспектор артиллерии с Упартом, но его мероприятия по упорядочению артиллерийской части в действующей армии еще не успели пройти в жизнь.

Наиболее ярким примером крайне нецелесообразного использования артиллерии и несоответственной постановки ей задач, не отвечающих основным ее свойствам, служит применение русской артиллерии на Западном фронте в операции у оз. Нарочь 18—28 марта 1916 г. (подробное исследование действий артиллерии в этой операции см. ниже, ч. IV).

Приведем выдержки из телеграмм командующего армией Плешкова, указывающие на то, что высшее командование не понимало свойств артиллерии и ставило ей невыполнимые задачи или такие, какие не могли привести к положительным результатам, несмотря на огромный расход снарядов. Телеграммы относятся к мартовской операции:

18 марта 1916 г. «...Приказываю: первое, всей артиллерии вести наступающей ночью и с утра завтра сосредоточенный огонь по строго указанным ей целям, усилив огонь к полудню до возможного и доведя его к двум часам дня до урагана».

20 марта 1916 г. «...Приказываю: первое, продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы; второе, когда скажутся результаты огня нашей артиллерии и по моему особому приказанию, корпусам атаковать неприятеля».

21 марта 1916 г. «...Первое, с 4 часов утра должен вестись ураганный огонь; второе, в 5 часов утра должна начаться атака...»

25 марта 1916 г. «...Второе, всей артиллерии в час ночи усилить огонь до возможного, к трем часам довести огонь до урагана и тогда же перенести его на ближайший тыл неприятеля. Третье, в три часа ночи, прикрываясь артиллерийским огнем, корпусам атаковать неприятеля».

Все эти ни с чем несообразные и крайне неопределенные приказания командования армии выполнялись артиллеристами беспрекословно, хотя они не могли не понимать, что стрельба их, в особенности стрельба ночью, будет безрезультатной и вызовет только бесполезную большую затрату боеприпасов. Старшие артиллерийские начальники не пытались даже доложить высшему командованию, что поставленные артиллерии задачи не отвечают ее свойствам и потому невыполнимы. Мало того, некоторые из них, как увидим ниже, поставили своим подчиненным артиллерийским частям, в развитие и в исполнение задач, полученных от общевойскового командования, частные задачи, еще менее сообразные и крайне неудовлетворительные, несоответственные ни в тактическом, ни в техническом отношениях.

Произведенное полевым инспектором артиллерии расследование действий артиллерии в мартовской операции 1916 г. обнаружило, что, несмотря на продолжительный кровавый опыт войны, давший немало

новых ценных указаний и подтвердивший большинство основных положений в отношении применения в бою артиллерии, настойчиво проводимых в жизнь еще в мирное время, все же многие старшие общевойсковые и пехотные начальники и даже некоторые старшие артиллерийские начальники не умели целесообразно использовать могущество огня артиллерии при наименьшей затрате снарядов.

* * *

Русская артиллерия вышла на войну с отлично подготовленным в общем личным составом солдат и офицеров. Что же касается подготовки пополнений офицеров и солдат артиллерии во время войны, то эта подготовка, как упоминалось выше (см. т. I, ч. II), была неудовлетворительной.

В начале войны много артиллеристов, призванных из запаса, вследствие переполнения артиллерийских запасных частей попало в пехоту и было потеряно для артиллерии. С 1915 г., с увеличением числа запасных батарей с 35 до 54, положение несколько улучшилось, но с 1915 г. в запасные батареи поступали солдаты уже не из запаса, в значительной степени иссякшего, которым нужно было только напомнить обязанности службы, а в большинстве случаев новобранцы, требовавшие обучения всему вновь. Между тем командный состав запасных артиллерийских частей состоял преимущественно из артиллерийских офицеров, признанных по состоянию здоровья негодными для строевой службы или назначенных из отставки в ополченские части стариков, т. е. из таких офицеров, для которых служба в строю была уже тяжела и особенно в неблагоприятных условиях, в которых в значительной степени оставались запасные артиллерийские части и после 1915 г.: большое число обучаемых переменного состава и крайне ограниченное число учителей, т. е. кадрового командного состава, недостаток материальной части и лошадей, почти полная невозможность производства практических стрельб за недостатком исправных орудий и боеприпасов и т. д.; наконец, почти полное отсутствие высшего руководства и контроля над запасными артиллерийскими частями. Все это приводило к тому, что пополнения, отправляемые из запасных артиллерийских частей в действующую армию, оказывались плохо подготовленными. В особенности слабой была подготовка пополнений для полевой (легкой) гаубичной и для тяжелой артиллерии, так как для первой и по организации 1915 г. оставалось прежнее недостаточное число запасных батарей — лишь 5, тогда как к концу войны в армии состояло 223 действующие полевые гаубичные батареи (см. т. I, табл. 14 и 15), а для тяжелой артиллерии вовсе не имелось своего специального запаса, пока не были сформированы в конце 1915 г. 1-й запасный тяжелый арт. полк из остатков крепостной артиллерии и весною 1916 г. 2-й запасный тяжелый арт. полк. Что же касается пополнений для конной артиллерии, то подготовка этих пополнений также была слабой вследствие малого числа запасных конных батарей — всего 3 на 126 действующих.

Уровень боевой подготовки офицерского состава артиллерии, стоявший к началу войны довольно высоко, особенно в отношении искусства стрельбы, значительно понизился в период войны. Большой

некомплект артиллерийских офицеров стал особенно чувствоваться с 1916 г. в связи с многочисленными формированиями артиллерийских частей, потребовавшими много офицеров. Острее всего давал себя знать в артиллерии недостаток офицеров для замещения должностей командиров батарей и выше.

Между тем существовавшая в мирное время организация подготовки офицерского состава артиллерии была нарушена с началом войны. Из артиллерийских и других военных училищ, служивших для подготовки младших офицеров, производились во время войны ускоренные выпуски офицеров, прошедших сокращенный курс теории и практики военного дела; к тому же оставляло желать лучшего и качество преподавательского состава, набираемого из случайных оказавшихся свободными в тылу лиц, так как большинство постоянных преподавателей было откомандировано в действующую армию. Поэтому офицеры ускоренных выпусков из военных училищ оказались подготовленными много слабее офицеров, закончивших полный курс тех же училищ. Что же касается прапорщиков, призванных в артиллерию из запаса, то их подготовка была еще гораздо слабее. Офицеры других родов войск, переводимые в артиллерию на пополнение некомплекта, совершенно не имели специальной артиллерийской подготовки и знакомились с артиллерийской службой путем боевой практики.

Подготовка в Офицерской артиллерийской школе офицеров для замещения должностей командиров батарей и дивизионов была на время войны прекращена.

Приостановлены были занятия и в Артиллерийской академии; все слушатели академии, не исключая слушателей последнего курса, которым до окончания академии оставалось несколько месяцев, были откомандированы в свои части в действующую армию. Ввиду того что война приняла затяжной характер, а для работы в военной промышленности нехватало артиллерийских инженеров-технологов, учебные занятия в Артиллерийской академии были возобновлены, начиная с первого курса, с вновь принятыми на этот курс слушателями — в большинстве прапорщиками запаса из студентов высших технических учебных заведений. Что же касается слушателей-офицеров, откомандированных из академии в свои части в начале войны, то в 1917 г. решено было возвратить их в академию для окончания курса, но возвратились лишь некоторые, остальные были потеряны для академии и для корпуса офицеров, получивших высшее артиллерийское образование, и без того весьма малочисленного.

Прибывавшие в войсковые части действующей армии пополнения офицеров доучивались в условиях боевой обстановки, что бывало крайне трудно и нередко даже невозможно. Прибывавшие пополнения солдат доучивались сравнительно легко.

Вообще во все время войны степень боевой подготовки русской артиллерии, несмотря на приобретаемый боевой опыт, понижалась, неизменно оставаясь, однако, сравнительно гораздо выше подготовки других родов войск и в особенности пехоты.

В действующей армии попытки поднять боевую подготовку войск, в особенности командного состава, начались с осени 1914 г. Так, например, приказом 1-й армии 17 октября 1914 г. предлагалось:

«Использовать свободное время на строевое и тактическое обучение войск, имеющих в своих рядах большой процент запасных. Это особенно важно для второочередных.

Офицеров артиллерии для тактических занятий распределять по соответственным полкам пехоты и конницы, обратив особое внимание на взаимодействие всех родов войск...

Боевой опыт обнаружил слабую дисциплину в строю, малую сплоченность и слабую тактическую подготовку частей — с недостатком у солдат сведений по стрелковому делу (пехота часто стреляет через головы неприятеля)».

Приказом главнокомандующего Северо-западным фронтом от 19-го того же октября подтверждалась необходимость ориентировать подчиненных в обстановке и ставить им ясные, определенные задачи. «Батальонные и ротные командиры, не говоря уже о нижних чинах, идут в бой совершенно вслепую», — говорилось в приказе [1].

В приказе войскам 4-й армии от 18 апреля 1915 г. указывалось в отношении боевой подготовки следующее:

«Война есть экзамен уже сделанному, переучивать поздно, а потому надлежит требовать точного проведения в жизнь действующих уставов, и из них особенно полевого.

Не подлежит сомнению, что кадровые и боевые офицеры не нуждаются ни в каких указаниях, но вновь прибывающие офицеры ускоренных выпусков нуждаются в первое время в тщательном руководстве. С ними необходимо под руководством старших офицеров проходить практически все, что относится к прямым их обязанностям по всем отделам полевой службы.

Богатый опыт, приобретенный старшими офицерами, должен быть использован для подготовки младших, причем не следует увлекаться мелочами и ограничиваться только безусловно необходимым и существенным».

В маневренный период войны, в 1914—1915 гг., пока кадровый состав артиллерии еще достаточно сохранялся и не был значительно ослаблен боевыми потерями и многочисленными новыми формированиями артиллерийских частей, на фронте действующей армии не проявлялось никаких существенных попыток к поднятию боевой подготовки артиллерии. Только в периоды боевого затишья в артиллерийских частях, отводимых в тыл на отдых, производились иногда строевые занятия при орудиях, верховая езда и пр., как это делалось и в мирное время, причем главной целью этих занятий было повышение подготовки пополнений, приходивших из запасных артиллерийских частей.

В позиционный период войны, с 1916 г., когда при штабе верховного главнокомандующего была создана должность полевого генерал-инспектора артиллерии, было обращено внимание на необходимость переподготовки артиллерии в соответствии с условиями борьбы за укрепленные полосы и с вновь появившимися во время войны средствами артиллерийской, воздушной и химической борьбы (последняя в то время была отнесена к артиллерийским средствам — см. т. I, ч. II).

[1] ЦВИА, 812, лл. 170, 175.

В 1916—1917 гг. Управлением полевого инспектора артиллерии были разработаны и изданы соответствующие наставления, указания и руководства, служившие пособием для указанной переподготовки артиллерии (см. выше). Кроме того, в те же годы распоряжением Ставки были созданы для переподготовки разные специальные курсы и школы.

Непосредственное руководство и наблюдение за подготовкой возлагались на соответственных строевых начальников. Высшее руководство и проверка подготовки на местах в сущности во время войны отсутствовали. Ставка, в лице полевого инспектора артиллерии, ограничивалась письменными указаниями, хотя, согласно Положению о полевом инспекторе артиллерии, на него возлагалось наблюдение за боевой подготовкой артиллерийских частей, личного состава артиллерийских пополнений и вновь сформированных артиллерийских частей, и он был обязан производить лично или через состоящих при нем для поручений начальника и чинов Упарта осмотр и проверку артиллерийских частей. Иногда только командировались от Упарта специалисты для инструктажа в той или иной области артиллерийской техники, по большей части в области новой химической борьбы, и не более 4—5 раз в течение 1916—1917 гг. сам полевой инспарт с чинами своего управления или по его назначению особые комиссии выезжали на фронт, по большей части для расследования в артиллерийском отношении причин той или иной крупной боевой неудачи.

Выше упоминалось о составленных в Упарте и объявленных для руководства Ставкой: «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы», чч. II и III (действия артиллерии при прорыве и обороне укрепленной полосы), являющемся основным руководством, «Наставлении для стрельбы артиллерии при помощи летчиков-наблюдателей», «Инструкции для применения сигналов цветными звездками», инструкции о передаче наблюдения с самолетов, разных инструкциях и наставлениях по химической борьбе.

В строевых артиллерийских частях получаемые из Ставки наставления, указания и руководства прорабатывались среди офицеров под контролем командиров артиллерийских бригад и дивизионов. Офицеры под непосредственным руководством командиров батарей ознакамливали с новыми наставлениями подчиненных им солдат, главным образом фейерверкеров (низший командный состав), поскольку это было для них необходимо. Постепенно приобретенный боевой опыт, как зафиксированный указанными новыми наставлениями и руководствами, так и не зафиксированный, усваивался практическим путем всем личным составом частей артиллерии. Что же касается уставов, наставлений и правил довоенного времени, то они проводились в жизнь на боевой практике, и если с ними теоретически и ознакамливались во время войны, то лишь вновь прибывающие в части артиллерии пополнения солдат и офицеров, причем это делалось обычно в периоды боевого затишья на фронте или в случаях нахождения той или иной артиллерийской части в тылу.

Сколько-нибудь планомерных занятий по обучению артиллерии по определенным программам, составленным для отдельных отраслей ар-

тиллерийской службы, в сущности, не проводилось во все время войны, по крайней мере в строевых частях артиллерии, находившихся на фронте. Артиллеристы, как и прочие военные того времени, с Генеральным штабом во главе, были убеждены в том, что война будет кратковременной, что во время войны не только не потребуется переучивать войска, но не нужно будет освежать в памяти и повторять с ними что-либо из того, чему они были обучены в мирное время. Артиллеристы считали, как это говорилось в приведенном выше приказе командующего 4-й армией, что война является экзаменом уже выученного в мирное время и что во время войны «переучивать поздно».

В маневренный период войны, когда части артиллерии действующей армии постоянно находились в состоянии похода или в боях, нельзя было и думать о каких-нибудь регулярных занятиях по их обучению, об укреплении или поднятии боевой подготовки артиллерии; к тому же артиллерия в этом в первое время войны и не нуждалась, так как вышла на войну достаточно хорошо подготовленной. В маневренный период войны производились занятия только по обучению пополнений, приходивших из запасных артиллерийских частей недостаточно подготовленными, и при этом только, как об этом упоминалось, в частях артиллерии, отводимых на отдых в тыл.

В позиционный период войны продолжительное стояние на одном и том же месте и выпадающие временами случаи боевого затишья позволяли периодически вести занятия в артиллерии по строевому обучению при орудиях, верховой езде и пр., по повышению подготовки офицеров в отношении стрельбы и тактики и т. д. Занятия эти велись, причем в артиллерии, расположенной на боевых позициях, они носили случайный характер и производились по большей части по частной инициативе отдельных лиц командного состава, разнообразно — где лучше, где хуже, без указаний и руководства старших начальников; в артиллерии же, находившейся в тыловых районах фронта, и в частях артиллерии, вновь формировавшихся в глубоком тылу, занятия производились систематически по определенным программам, более интенсивно, чем в мирное время, и под наблюдением, а иногда и под непосредственным руководством старших артиллерийских начальников (например, под руководством командира 2-го запасного арт. тяжелого полка, при котором формировались тяжелые батареи, вооружаемые орудиями новейших образцов, получаемыми главным образом из Франции и Англии).

Не говоря уже о безусловной необходимости обучения артиллерийских пополнений в запасных артиллерийских частях и личного состава вновь формирующихся артиллерийских частей, строевые и прочие учебные занятия во всех остальных частях артиллерии, хотя бы и находившихся на боевых позициях, были необходимы для поддержания на известном уровне как боевой подготовки артиллерии, так и дисциплины в ее частях, расшатывавшейся прежде всего от безделья и скуки в условиях «позиционного сиденья».

В частности, верховая езда и проездки лошадей в частях артиллерии были необходимы для сбережения конского состава.

Артиллерийское командование учитывало необходимость ведения регулярных занятий во всех строевых частях артиллерии, но устано-

Рис. 36. Учебные занятия на биваке (батарея, вооруженная 76-мм пушками обр. 1900 г.) в местечке Молодечно. Июль 1917 г.

Рис. 37. Учебные занятия на биваке (76-мм пушка обр. 1900 г.) в местечке Молодечно. Июль 1917 г.

вить такие занятия в условиях боевой обстановки на позициях было невозможно, и в батареях на фронте занятия велись лишь в мере возможности, в зависимости от энергии и проявления личной инициативы ближайших командиров, иногда даже младших офицеров батарей.

Удалось организовать систематическое обучение только в тыловых артиллерийских частях и в частях тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН), на боевую подготовку которых было обращено самое серьезное внимание. Даже в 1917 г., после Февральской революции, в частях ТАОН велись занятия регулярно по установленным программам — и с офицерами, с обращением особого внимания на усовершенствование их в искусстве стрельбы, и с разными командами специалистов (разведчиков, телефонистов, связистов, наблюдателей, наводчиков, орудийных фейерверкеров и т. д.), и с полным составом батарей и дивизионов, которому давалась практика в маневрировании и стрельбе. Хорошая боевая подготовка частей ТАОН вполне оправдала себя отличными боевыми действиями ТАОН в период июльской операции 1917 г. на Юго-западном и Западном фронтах (см. ч. IV).

Для подготовки личного состава артиллерийских частей при управлении начальника ТАОН в мае 1917 г., согласно приказу Ставки [1], была сформирована полевая офицерская артиллерийская школа, имевшая назначением: а) подготовку командиров дивизионов и батарей; практическое изучение способов устройства позиций, наблюдательных пунктов, снарядохранилищ и пр.; ознакомление с новейшими приемами борьбы, выведенными из опыта войны, и выработку общего взгляда на методы ведения артиллерийского боя за укрепленные позиции и в полевой войне; б) производство опытов, составление таблиц и правил стрельбы из орудий новейших образцов; в) подготовку артиллерийских наблюдателей с самолетов — обучение их: разведке целей, правильной передаче наблюдений при стрельбе по целям, встречающимся в боевой обстановке, умению корректировать огонь своих орудий, фотографировать неприятельские позиции, чтению полученных снимков, развертыванию их в планы и стрельбе с самолетов из пулемета; г) подготовку артиллерийских наблюдателей с аэростатов в отношении корректирования огня и наблюдения за полем; д) подготовку офицеров к управлению работой приемных радиостанций во время корректирования стрельбы; е) подготовку специалистов связи.

К школе было придано: 2 артиллерийских авиационных отделения с 4 приемными радиостанциями, 1 воздухоплавательный отряд, 4 пушки 152-мм в 120 пуд., 8 пушек 76-мм обр. 1902 г., 4 горные 76-мм пушки обр. 1909 г. и 2 гаубицы 122-мм; кроме того, прикомандировывались части тяжелой артиллерии.

Продолжительность курса для командиров дивизионов и батарей — 4 недели, для наблюдателей — около 6 недель.

Таким образом, полевая офицерская артиллерийская школа при ТАОН должна была обслуживать не только ТАОН, но и прочую полевую и тяжелую артиллерию и по своему назначению могла до некоторой степени заменить Офицерскую артиллерийскую школу мир-

[1] Приказ Ставки 13 мая 1917 г., № 277.

ного времени. Впрочем, курс школы ТАОН был значительно сокращен и ограничивался главным образом практической подготовкой в области новых условий, выдвинутых позиционной войной.

Так или иначе, но создание школы ТАОН вызывалось действительной необходимостью повышения боевой подготовки комсостава артиллерии. Деятельность Офицерской артиллерийской школы была прекращена в расчете на краткосрочность войны, но раз война приняла затяжной характер, необходимо было работу школы восстановить и периодически проводить в ней хотя бы сокращенную подготовку комсостава, в особенности вновь назначаемого в ряды действующей армии. Надо полагать, что тогда не понизилась бы настолько подготовка артиллерии в отношении искусства стрельбы, как это давало себя знать уже со второго года войны. Школа ТАОН была организована несколько раньше официального ее оформления приказом Ставки, но все же существование школы было так кратковременно, что она не успела развернуть в полной мере своей работы и в общем принесла сравнительно немного пользы, что можно также объяснить и не совсем удачным подбором ближайших руководителей школы.

Несколько позже, уже в сентябре 1917 г., при офицерской артиллерийской школе ТАОН были сформированы отделения авиационно-артиллерийское и авиационно-радиотелеграфное: первое, в составе 6 самолетов, назначалось для производства полетов, связанных с выполнением задач школы ТАОН по корректированию стрельбы и подготовке наблюдателей; второе — для обучения офицеров переменного состава школы радиотелеграфному делу и практическому изучению применения радиотелеграфа на самолетах для корректирования стрельбы.

В начале ноября того же года приказом Ставки продолжительность прохождения курса школы ТАОН была значительно увеличена — с 4—6 недель до 2 месяцев для всех слушателей переменного состава — командиров батарей и дивизионов и для наблюдателей [1].

Для подготовки фейерверкеров и специальных команд — разведчиков и телефонистов и других специалистов из солдат — начальнику ТАОН предложено было в августе 1917 г. образовать его распоряжением при артиллерийских бригадах, вошедших в состав ТАОН, учебные команды [2].

Приказом начальника штаба верховного главнокомандующего 24 ноября 1917 г. полевая офицерская артиллерийская школа ТАОН была расформирована [3].

Между прочим, русскому командованию приходилось принимать меры к надлежащему обучению румынской армии. В апреле 1917 г., по приказу главковерха, образована была при управлении инспектора артиллерии Румынского фронта русская артиллерийская миссия, состоявшая при румынской армии. Согласно положению об этой миссии, в круг ее деятельности входило: распространение в частях румынской артиллерии методов современного боя, обучение личного состава этой

[1] Приказы Ставки 8 и 12 ноября 1917 г. № 497 и 891.
[2] Приказ Ставки 7 августа 1917 г., № 775.
[3] Приказ Ставки 24 ноября 1917 г., № 938.

артиллерии, обучение командного состава способам употребления артиллерии в бою, вопросы организации и боевой подготовки [1].

В целях обеспечения искусства стрельбы по воздушному флоту и при помощи воздушного наблюдения были сформированы в 1917 г. [2] на Северном и на Юго-западном фронтах (по объявленным одновременно положению и штатам) курсы стрельбы по воздушному флоту, имеющие назначением: а) теоретическое и практическое обучение офицеров полевой артиллерии стрельбе по воздушному флоту, имея в виду, что окончившие курсы офицеры должны явиться передатчиками полученных сведений и организаторами воздушной обороны в войсках; б) надлежащую подготовку личного состава вновь формируемых батарей для стрельбы по воздушному флоту; в) ознакомление обучающихся с организацией специальных команд службы связи и наблюдения при стрельбе по воздушному флоту; г) установление тесного взаимодействия артиллерии и авиации при совместной борьбе с воздушным флотом противника; д) ведение опытов и разработку новых способов и правил стрельбы по воздушному флоту; е) выработку способов ведения подготовительных к стрельбе упражнений и правильных приемов обучения; ж) ведение испытаний вновь предлагаемых приборов и приспособлений.

В переменный состав для прохождения курсов командировалось по 20 командиров батарей и артиллерийских офицеров на 3 недели. Курсы подчинялись непосредственно инспектору артиллерии армий фронта. Полевой инспарт должен был объединять деятельность курсов, образованных на разных фронтах.

В октябре 1917 г. курсы Северного фронта, расположенные возле г. Двинска, были переформированы в офицерскую школу стрельбы по воздушному флоту и при школе была сформирована своя зенитная батарея в составе 12 орудий на позиционных (неподвижных) установках, из которых только 4 орудия — обр. 1914 г., т. е. специальные 76-мм зенитные пушки системы Тарновского—Лендера, остальные 8 орудий, приспособленные для противосамолетной стрельбы,— 4 пушки 76-мм обр. 1900 г. и 4 пушки обр. 1902 г. Школа эта имела такое же назначение, как и курсы, но с изменением только в том смысле, что на обучающихся возлагалось не ознакомление, а изучение организации службы специальных команд — прожекторной, связи и наблюдения, изучение материальной части, приборов и способов их применения. Срок обучения был установлен в 1½ мес. В переменный состав школы для прохождения курса командировалось от всех фронтов 15 артиллерийских офицеров, 10 офицеров от пулеметных команд и по 2 солдата на каждого офицера.

Начальник Упарта представил тогда же, 19 октября 1917 г., доклад наштаверху о неудобстве размещения школы для стрельбы по воздушному флоту в Двинске, а именно: а) отсутствие целей для стрельбы, так как противник будет избегать производить полеты в районе расположения школы, как избегал совершать полеты в рай-

[1] Приказ Ставки 23 апреля 1917 г., № 177.
[2] ЦВИА, Приказы Ставки 30 апреля, 8 сентября, 23 октября и 6 декабря 1917 г., № 236, 494, 785 и 999.

оне Двинска в течение двух учебных периодов расположения там курсов Северного фронта — с одной стороны, вследствие рациональной постановки дела стрельбы по воздушным целям на курсах, с другой стороны, вследствие умышленного сокращения полетов немцами с целью парализовать деятельность курсов, существование которых для них не было секретом; б) невозможность надлежащего оборудования школы, размещения и устройства полигона вследствие близости боевой линии; в) зависимость устойчивости размещения школы от стратегической обстановки, могущей вызвать прекращение деятельности школы при изменениях фронта, и невозможность спокойной работы при таких условиях; г) отсутствие постоянного контакта с определенными авиационными частями, затрудняющее выработку методов и приемов борьбы с воздушным флотом противника, а также установление основ тесного взаимодействия противосамолетной артиллерии и авиации.

Ввиду этого начальник Упарта, согласно с мнением начальника авиации и воздухоплавания при штабе главковерха, полагал сформировать единую офицерскую школу стрельбы по воздушному флоту в Евпатории, где в то время формировалась авиационная школа, имевшая специальною целью тактическую и боевую подготовку летчиков. Такому расположению школы способствовали и климатические условия Евпатории, допускающие беспрерывное ведение занятий в течение почти круглого года.

В школе в Евпатории предполагалось производить теоретическую подготовку офицеров переменного состава, вести подготовительные к стрельбе упражнения по своим самолетам и практические стрельбы по искусственным воздушным целям (в Двинске имелось в виду, помимо теоретической подготовки, давать главным образом практику стрельбы по неприятельским самолетам).

Помещения, отводимые в Евпатории Офицерской артиллерийской школе стрельбы по воздушному флоту, отвечали своему назначению.

Одновременно с формированием этой школы упразднялись курсы стрельбы по воздушному флоту Юго-западного фронта, причем необходимая часть личного состава этих курсов обращалась на сформирование управления школы.

На формирование батарей школы обращался личный состав: 7-й отдельной позиционной батареи для стрельбы по воздушному флоту, находившейся в 6-й армии, и отдельной пулеметной команды для стрельбы по воздушному флоту, находившейся в 5-й армии [1].

Наштаверх изъявил согласие на осуществление предложения начальника Упарта. Офицерская школа стрельбы по воздушному флоту стала формироваться в Евпатории с конца ноября 1917 г. под руководством Тарновского.

Успех стрельбы по воздушному флоту, ввиду больших трудностей, какие она представляет, зависит не только от командира стреляющей батареи и от точности приборов, при помощи которых ведется стрельба, но и от всего личного состава батареи — офицеров и солдат, от которых, между прочим, требуются гибкость и быстрота соображения. Поэтому в Офицерской школе стрельбы по воздушному флоту (или,

[1] ЦВИА, 683, лл. 340—341.

как ее стали называть, в «Зенитной школе») было обращено внимание не только на подготовку офицеров, но и на подготовку солдат как инструкторского кадра.

Предполагалось, что 12-орудийная батарея школы с двумя пулеметными и одним прожекторным взводом сможет пропускать во время войны в течение двухмесячного курса до 300 солдат.

В дальнейшем, по окончании войны, предполагалось всех «зенитчиков», уходящих в запас, держать на особом учете и периодически призывать ежегодно на двухнедельный срок на службу в батареи для стрельбы по воздушному флоту с целью ознакомления с новыми требованиями для тренировки.

Начальник школы для стрельбы по воздушному флоту Тарновский, придававший большое значение противовоздушной обороне, докладывал в то время начальнику Упарта о безусловной необходимости иметь в составе армии возможно большее число зенитных батарей, причем в мирное время значительное число их иметь в полном составе по штатам военного времени и расквартировывать их ближе к границам в виде, так сказать, артиллерийской воздушной пограничной стражи; остальные же зенитные батареи иметь в мирное время в кадровом составе, достаточно сильном, с тем, чтобы они могли быстро развернуться при первом реальном признаке войны и еще до ее начала быть в готовности отразить совместно с истребительной авиацией воздушное нападение противника.

Согласно приказу Ставки 31 августа 1916 г. для образования в артиллерийских частях кадра опытных артиллерийских наблюдателей по корректированию стрельбы с самолетов к каждому корпусному авиационному отряду прикомандировывалось на 6 недель по 2 артиллерийских офицера из более опытных и сведущих в артиллерийской стрельбе (в чине не ниже поручика). Для наблюдения и корректирования стрельбы с привязных аэростатов прикомандировывалось к воздухоплавательным ротам по 2 артиллерийских офицера на каждую воздухоплавательную станцию. Приказом была объявлена программа теоретических и практических занятий с артиллерийскими офицерами, прикомандированными к авиационным отрядам и воздухоплавательным ротам [1].

Временное положение об офицерах артиллерии, командируемых в авиационные отряды для исполнения обязанностей артиллерийских наблюдателей, было объявлено к руководству несколько позже — в марте 1917 г. На этих офицеров возлагались специальная разведка по указаниям артиллерийских начальников и корректирование артиллерийской стрельбы с самолетов [2].

Приказом Ставки 8 сентября 1917 г. были сформированы на каждом фронте, кроме Кавказского, курсы стрельбы при помощи наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов. Курсы подчинялись непосредственно инспарту армий фронта.

Назначение курсов: а) подготовка комсостава артиллерии к стрельбе при помощи самолетов и привязных аэростатов; б) подго-

[1] Приказ Ставки 31 августа 1916 г., № 1226.
[2] Приказ Ставки 24 марта 1917 г., № 36.

товка наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов из артиллерийских офицеров, обучение их фотографированию с самолетов и обращению с радиотелеграфом и радиотелефоном; в) ознакомление артиллеристов с авиацией и авиаторов со стрельбой артиллерии (первое — для целесообразного использования воздушного наблюдения при корректировании стрельбы, второе — для сознательной работы на артиллерию); г) выработка наилучших способов и приемов в отношении предварительной разведки, связи с землей и корректировании стрельбы с самолетов; д) подготовка комсостава артиллерии к организации широкого и согласованного земного и воздушного наблюдения, а равно выработка приемов сводки и обработки полученных данных наблюдения и разведки.

Состав курсов: личный состав (постоянный и переменный), полевая легкая батарея, 2 тяжелых орудия, корпусной авиационный отряд, радиотелеграфное отделение и воздухоплавательный отряд.

Переменный состав — 20 командиров батарей и 20 младших офицеров, предназначенных в наблюдатели с самолетов и привязных аэростатов. Срок обучения два месяца (теоретические и практические занятия).

Для практических занятий по аэрологии, аэронавигации, фотографии и пулемету при курсах имелись: аэрологическая станция, аэронавигационный и фотографический кабинеты и пулеметная команда.

В начале декабря 1917 г. приказом Ставки были ликвидированы курсы стрельбы при помощи наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов, сформированные на Западном фронте; курсы, сформированные на других фронтах, оставались до конца войны.

Для подготовки траншейной артиллерии приказом Ставки 8 сентября 1917 г. в каждой армии, за исключением Кавказского фронта, были сформированы курсы траншейной артиллерии, подчиненные инспарту армии.

Назначение траншейных курсов: обучение личного состава полковых команд траншейных орудий бомбометному и минометному делу и подготовка инструкторов в полках по метанию ручных гранат.

Постоянный состав курсов имел 3 отделения: минометное, бомбометное и гренадерское. В переменный состав командировалось возможно больше офицеров и унтер-офицеров—от каждого полка не меньше двух офицеров и все унтер-офицеры состава полковых команд траншейных орудий (в команде состояло по 2 старших и по 6 младших унтер-офицеров — приказ 1916 г., № 716). Срок прохождения курса по всем трем отделениям — 2—3 недели. Пособиями при прохождении курса по специальной программе служили составленные Упартом «Наставление для применения траншейных орудий ближнего боя» (изд. 2-е) и «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», чч. II и III, а также изданные ГАУ описания материальной части минометов, бомбометов и ручных гранат[1].

---

[1] Приказ Ставки 8 сентября 1917 г., № 495.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

АРТИЛЛЕРИЯ В АКТИВНОЙ ОБОРОНЕ ПРАВОГО БОЕВОГО УЧАСТКА ПОЗИЦИИ 25-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА НА ФРОНТЕ БРОДЫ, ОПАТОВ В МАЕ 1915 г.[1]

Русская 4-я армия, расположенная в апреле 1915 г. на фронте между р. Пилицей на севере и р. Вислой на юге (Доманевице, Седлов, Конск, Гура, Пинчов, Н. Корчин), вследствие прорыва 3-й армии у Горлицы германской армией Макензена, стала отходить в северо-восточном направлении на фронт Высмержице, Броды, Опатов, Копржившица (см. схему 16), на котором должна была укрепиться и задерживать противника. Находившемуся в центре расположения армии 25-му армейскому корпусу приказано было активно обороняться на участке Броды, Островец, Опатов (искл.).

Командир 25-го корпуса 14 мая приказал (см. схему 17): правый участок позиции от Любеня (искл.) на Броды, Яблонна, Калков, Вюры, ф. Загае Болеское оборонять 2-й бригаде 46-й пех. дивизии (183-й и 184-й пех. полки) с 46-й арт. бригадой и 1-й батареей 25-го мортирного арт. дивизиона; левый участок позиции от ф. Загае Болеское на Струпице, Стрычевице, Рушков, Опатов (искл.) оборонять 3-й гренадерской дивизии с ее артиллерией и одной тяжелой батареей; 1-й бригаде 46-й пех. дивизии составить корпусной резерв (182-й пех. полк у Нетулиско, 181-й пех. полк у Кунов); дивизиям занять позиции и укрепиться с рассветом 15 мая; оборону вести активно, основывая ее на активности резервов, которые выделить в возможно большом количестве; на позиции иметь не сплошную линию окопов, а узлы сопротивления.

По плану командира 25-го корпуса, оборона должна была иметь исключительно активный характер, имея целью разбить противника перед своими позициями. Левый участок корпуса, составляя ударную группу, должен был, перейдя в наступление, разбить сильнейшего противника перед фронтом корпуса, т. е. германскую дивизию Бредова. Правый участок — 46-я пех. дивизия — являлся сковывающей группой.

Однако, вследствие изменившейся обстановки, контрудар сначала был нанесен заходом правого фланга ударной группы не против Бре-

[1] ЦВИА, Личный архив Барсукова, Описание действий батарей 46-й артиллерийской бригады с 11 по 21 мая 1915 г.
А. Н. Де-Лазари, Активная оборона корпуса, ГИЗ, 1928 г.

дова, а против 25-й австрийской дивизии, потерпевшей жестокое поражение. Что же касается сковывающей группы, то действия 46-й пех. дивизии на пассивном участке были не только не пассивными, а образцовыми в смысле проявления активности на оборонительном фронте: полки этой дивизии при содействии приданной им артиллерии не довольствовались отражением атак Бредова, но встречали или отвечали на них своими контратаками, в большинстве случаев успешными, особенно на участках, соседних с теми, против которых вели наступление немцы.

Перейдем к рассмотрению действий артиллерии 46-й пех. дивизии. Согласно приказу по дивизии, отданному 15 мая 1915 г., назначенный ей для обороны командиром корпуса правый участок был разделен в свою очередь на два: а) 183-й пех. полк с 1-м дивизионом 46-й арт. бригады должен был занять и оборонять правый участок позиции от Броды (вкл.) до Домброва (вкл.); б) 184-й пех. полк со 2-м дивизионом 46-й арт. бригады и 1-й батареей 25-го мортирного арт. дивизиона должен был занять и оборонять левый участок позиции от Домброва (искл.) до ф. Загае Болеское (см. схему 17).

В каждом полку по два батальона было выделено в дивизионный и полковой резервы (по одному батальону в каждый), вследствие чего всю указанную для 46-й дивизии позицию протяжением около 13 км фактически занимали четыре батальона, т. е. на батальон приходилось по 3,5 км. При таком слабом насыщении оборонительной позиции пехотой сила ружейного и пулеметного огня обороны оказалась чрезвычайно недостаточной — она компенсировалась огнем артиллерии.

Против 46-й русской дивизии действовала германская дивизия Бредова из трех пехотных полков с артиллерийским полком и с приданной тяжелой артиллерией. В отношении пехоты противники были почти в равных силах (если принять во внимание, что находящаяся в корпусном резерве 1-я бригада 46-й дивизии располагалась у Нетулиско и Кунов, т. е. за находящейся в боевом участке 2-й бригадой той же дивизии), но в артиллерии австро-германцы превосходили в общем на 25% (всего в составе 25-го корпуса имелось 94 орудия, в том числе 12 полевых гаубиц и 4 тяжелых орудия; у австро-германцев имелось 120 орудий, в том числе не менее 22 тяжелых).

Артиллерия 25-го корпуса была обеспечена боевыми припасами на время операции у Опатова далеко не достаточно. Ко времени операции — к 16 мая 1915 г. — возимый некомплект 76-мм патронов составлял 94 снаряда на орудие, к концу же пятидневных боев 25-го корпуса, т. е. к 21 мая, некомплект увеличился до угрожающих размеров — от 125 до 170 патронов на полевую 76-мм пушку. Подвоз боевых припасов на пополнение некомплекта производился средствами артиллерийских парков; головной парк 46-й парковой арт. бригады располагался у Бор Куновский, тыловой парк той же бригады — у Явор Солецкий, мортирный парк — у Тржемха Дольна (у м. Сенно) [1].

---

[1] Последних трех пунктов на схеме 17 нет; все они расположены северо-восточнее.

Условные обозначения

Русские } Положение к 1 мая
Германцы }
Положение правого фланга 3-й армии 11 мая
Линия, на которую командование фронтом приказало отвести левый фланг 4-й армии
Подготовленные в тылу армии Радомские позиции
Линия фронта, на которой армия должна была перейти к активной обороне
Участок 25 армейского корпуса 11 мая.

Масштаб
10 0 10 20 30 40 км

Схема 16. Общая обстановка на фронте 4-й армии к 14 мая 1915 г.

Схема 17. Боевые действия 25-го армейского русского корпуса у Опатова 15 мая 1915 г. (первый день боя). Расположение артиллерии указано только на участке 46-й пехотной дивизии и только к началу боя 15 мая 1915 г.

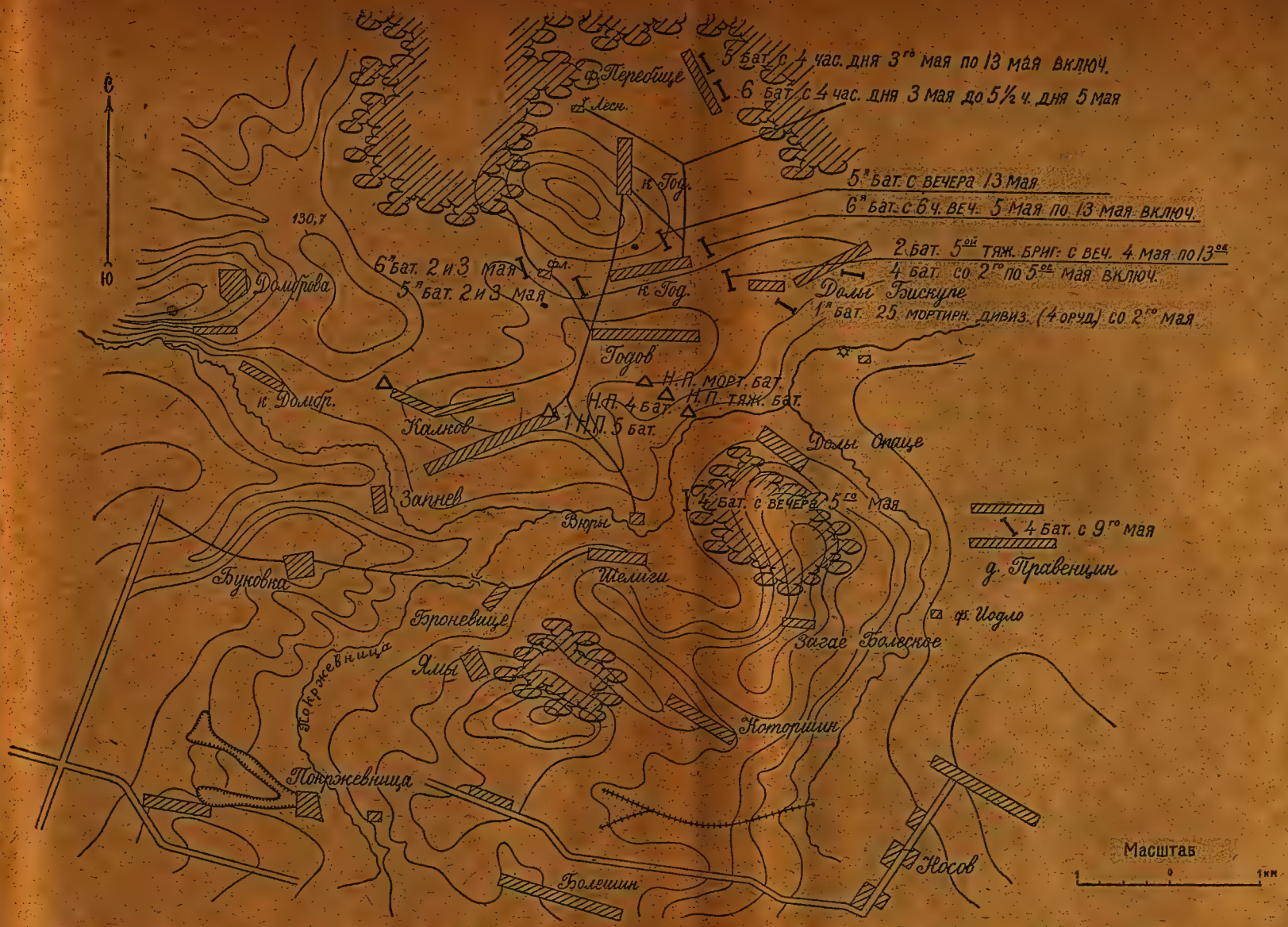


Схема 18. Расположение артиллерии левого боевого участка (184-го пехотного полка) 46-й пехотной дивизии в бою 15—19 мая 1915 г. у Опатова.

Копия с кроки к описанию действий 2-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады с 11 по 20 мая 1915 г. (из дела ЦВИА, личный архив Барсукова).

Около 9—10 час. 15 мая артиллерия, приданная 46-й дивизии, заняла закрытые позиции (см. схемы 17 и 18): а) 1-й дивизион 46-й арт. бригады — 2-я батарея, находившаяся в арьергарде, за высотой 130,7 (северо-восточнее Домброва), имея наблюдательный пункт командира батареи на северо-западной окраине Домброва; 1-я и 3-я батареи южнее Крынки на опушке леса фронтом на запад, имея наблюдательные пункты командиров — 1-й батареи южнее костела Крынки, 3-й батареи западнее на скате высоты; 2-й дивизион 46-й арт. бригады — 4-я батарея в районе северо-восточнее Долы Бискупе, 5-я и 6-я батареи у Фл [1], что северо-западнее Годов, имея наблюдательные пункты командиров — 4-й на скате высоты южнее Годов, 5-й у северо-восточной окраины Калков (южный), 6-й у западной окраины Калков (северный); 1-я гаубичная батарея 25-го мортирного дивизиона между Долы Бискупе и Годов, имея наблюдательный пункт командира батареи на высоте южнее Годов (на той же высоте находился наблюдательный пункт командира тяжелой батареи, переданной в левый боевой участок 3-й гренадерской дивизии).

Первый день боя 15 мая. Около 11 час. утра, когда 2-я бригада 46-й пех. дивизии частью еще приступала к занятию позиции, а частью уже ее укрепляла, германская дивизия Бредова повела наступление, открыв сильный артиллерийский огонь со стороны Павлов по участку Яблонна, Домброва.

Бой продолжался до 22 час. Наибольшую активность проявляли в этот день немцы в районе Калков, Домброва. Все их атаки были отбиты мелкими частями (разведчиками) русской пехоты при поддержке своей артиллерии. Действия 2-й батареи 46-й арт. бригады были особенно удачны.

Батарея эта открыла огонь в 11 ч. 15 м. по неприятельской батарее, занявшей открытую огневую позицию на гребне к югу от костела Павлов (вилка 98—103), и настолько удачно обстреляла ее, что та пыталась подвести передки, чтобы уйти с позиции; однако это ей не удалось, пришлось убрать немедленно передки обратно, номера разбежались вправо и влево от своих орудий и попрятались за ближайшие халупы. Огнем 2-й батареи халупы эти были вскоре сожжены и одновременно был взорван один из зарядных ящиков на позиции неприятельской батареи. Только к вечеру удалось противнику скатить с гребня орудия своей батареи, за исключением одного орудия, оставленного на позиции.

В 16 час. 2-я батарея открыла огонь по пехотной колонне противника силою около двух батальонов, наступавшей на Домброва; обстрелянная метким огнем 2-й батареи (вилка 73—75) неприятельская колонна рассеялась во все стороны.

Между тем огонь легкой и тяжелой артиллерии противника чрезвычайно усилился. Деревня Домброва от артиллерийского огня загорелась; находившийся на наблюдательном пункте возле Домброва командир 2-й батареи был тяжело ранен; огневая позиция батареи

[1] См. схему 18 (копия с кроки, составленной адъютантом 2-го дивизиона 46-й арт. бригады).

стала обстреливаться сначала легкой, а потом и тяжелой артиллерией, на батарее были раненые. Однако батарея продолжала вести огонь и около 20 час. удачно обстреляла артиллерию противника, двигавшуюся с запада к Павлов, и заставила ее повернуть назад. Только с наступлением темноты, около 22 час., 2-я батарея, с разрешения начальника участка, отошла с позиции, по которой неприятельская артиллерия точно пристрелялась, и стала в лесу у дороги из Яблонна на ф. Перебице [1], в 600 м от этого фольварка. В 3 часа утра 16 мая один взвод батареи, по распоряжению начальника участка, был возвращен на прежнюю позицию за высотой 130,7 (схема 18).

В первый день боя 2-я батарея израсходовала 149 шрапнелей и 11 гранат, 1-я и 3-я батареи не стреляли.

Действия батарей 2-го дивизиона 46-й арт. бригады, вошедших в состав левого боевого участка 46-й дивизии, свелись 15 мая лишь к наблюдению за неприятелем, о результате которого доносилось начальнику участка. С 13 час. замечены были колонны неприятельской пехоты, двигавшиеся вне досягаемости артиллерийских выстрелов, в чем можно было убедиться после нескольких безрезультатных выстрелов, произведенных 5-й батареей.

Второй день боя 16 мая. Ночь на 16 мая прошла спокойно. С 6 час. утра замечено было движение войсковых колонн противника с запада в направлении на Павлов и с юго-запада в направлении на Домброва. За войсками двигались обозы и зарядные ящики.

В 6 час. взвод 2-й батареи, занимавший огневую позицию за высотой 130,7, открыл огонь по колонне пехоты, шедшей в Павлов, затем перенес огонь по орудийным передкам, замеченным за Павлов, откуда выбежало много людей.

С 8 час. обнаружено было накапливание до двух батальонов немцев в районе Павлов, которые повели наступление на Домброва, и движение большой колонны войск с артиллерией, глубиной не менее 5 км, вдоль Ржепин (см. схему 17). Вскоре противник открыл сильный артиллерийский огонь по деревням Домброва и Калков и начал обстреливать 5-ю и 6-ю батареи, а затем пехота его повела наступление на фронт Домброва, Калков.

В 9 час. взвод 2-й батареи открыл огонь по неприятельской пехоте, наступавшей на Домброва, но наблюдательный пункт командира взвода, огневая позиция и передки, расположенные в лесу, стали сильно обстреливаться ружейным огнем и тяжелой артиллерией противника. Пришлось орудия взвода откатить с помощью пехотного прикрытия в лес к передкам; в это время тяжелый снаряд попал в передки, ранил 11 и убил 7 лошадей; все же взводу удалось присоединиться к своей батарее.

Колонна противника, двигавшаяся вдоль Ржепин, была внезапно обстреляна 3-й батареей 46-й бригады, что заставило части, попавшие под огонь, броситься в лес севернее Ржепин

[1] На схеме 17 нет (см. схему 18).

По неприятельской пехоте, наступавшей на фронт Домброва, Калков, главным образом по наступавшей на Калков, открыли огонь 5-я и 6-я батареи 46-й бригады.

В 10 ч. 30 м. была обнаружена новая колонна противника, видимо, из скрывшейся в лесу части большой колонны, наступавшая через деревни Кучов и Стыков на Яблонна. Это было замечено и командиром 3-й батареи, который сейчас же открыл огонь по неприятельским цепям, наступавшим из леса, что южнее Кучов. После нескольких очередей огня пехота противника рассеялась и укрылась в складках местности.

Около 12 час. командир 2-й батареи получил телефонограмму от начальника боевого участка: «Немедленно занять позицию и открыть огонь по району Ржепин и восточной опушке леса, что севернее Ржепин». Командир батареи решил занять огневую позицию у ф. Перебице, выдвинув туда для ускорения открытия огня 1-й взвод батареи, который в 12 ч. 30 м. открыл огонь в направлении деревень Ржепин и Домброва по наступавшей пехоте противника.

К 13 час. немцы, введя в дело 4 легкие батареи (2 пушечные и 2 гаубичные) и 1 тяжелую 155-мм батарею, усилили артиллерийский огонь по участку Яблонна, Домброва до высшего напряжения. Деревня Яблонна была зажжена, и под прикрытием дыма, образованного пожаром, германцы густыми цепями с поддержками сзади повели наступление от Ржепин и Кучов на Яблонна. Атаки продолжались в течение всего дня, но задерживались успешным огнем батарей 1-го дивизиона 46-й бригады и отбивались контратаками участковых резервов 183-го пех. полка. Наступление немцев на правый участок позиции 46-й пех. дивизии было остановлено с большими для них потерями, и они стали окапываться в 400—600 шагах от русских окопов.

В 17 час. 2-я батарея занимала огневую позицию на вырубке в 1½ км к северо-западу от Лесн. (дома лесника), что к северу от «к Год»[1], и вела огонь по пехоте противника, наступавшей на Яблонна, а в 20 ч. 20 м. открыла огонь по Домброва. В 21 час огонь был прекращен.

3-я батарея приблизительно с 13 до 17 час. вела огонь по взводам неприятельской артиллерии, стрелявшим по Яблонна от леса, что западнее этой деревни. С 17 до 19 час. 3-я батарея стреляла, по приказанию начальника участка, по треугольной роще (южнее Кучов), по четырехугольному лесу (юго-западнее Яблонна) и по лощине между этими лесами, где накапливался противник. После удачного обстрела четырехугольный лес был очищен пехотой немцев, но обстрел продолжался редким огнем, чтобы воспрепятствовать новому накапливанию и укреплению противника в этом лесу. С наступлением темноты батарея прекратила огонь, выдвинув один взвод к северу за высоту у Крынки.

1-я батарея, по приказанию начальника участка, обстреливала с 16 час. до 20 ч. 30 м. сначала взводными очередями, а потом редким орудийным огнем ту же треугольную рощу и промежуток между нею

[1] См. схему 18.

и лесом, что юго-западнее Яблонна; затем перенесла огонь на Домброва, где накапливался противник, и на опушку леса, что севернее Ржепин, вдоль которой двигалась неприятельская пехота. Видно было, как пехота противника, попадая под обстрел батареи, убегала в западном направлении.

Расход снарядов за второй день боя был небольшой: 1-я батарея израсходовала лишь 70 шрапнелей, 2-я батарея — 190 шрапнелей, 3-я батарея — 104 шрапнели и 45 гранат.

Действия немцев против левого участка 46-й дивизии (против 184-го пех. полка) были для них более удачны, чем против 183-го пех. полка. Не успели 5-я и 6-я батареи отбить своим огнем наступление неприятельской пехоты, как по Калков был открыт сильный сосредоточенный огонь артиллерии, под прикрытием которого пехота противника стремительно бросилась вперед, в 9 час. перешла р. Свислину и оказалась в непосредственной близости к Калков. Наблюдательные пункты командиров 5-й и 6-й батарей (см. схему 17) подверглись не только артиллерийскому, но и ружейному обстрелу, вследствие чего оставаться на них не было возможности, в особенности на наблюдательном пункте 6-й батареи, расположенном на западной окраине Калков (северный).

Около 10 час. немцам удалось занять Калков (южный) и хорошо окопаться в его районе. Безнаказанному накапливанию их в этом районе способствовало множество узких глубоких оврагов и складок местности. 5-я и 6-я батареи продолжали стрелять по цепям противника, которые после захвата Калков стали осыпать батареи ружейными пулями. Батареям приходилось стрелять при прицеле 50, 40, даже 30. Наконец, им было разрешено командиром дивизиона переменить позиции, чтобы выйти из сферы ружейного огня. Батареям удалось сняться с позиций без больших потерь только благодаря тому, что германские цепи, встреченные орудийным огнем с близкого расстояния, несколько осадили назад, и тому, что густой дым от горевшей деревни скрывал от них батареи. К 16 час. 5-я и 6-я батареи заняли новые огневые позиции у ф. Перебице, прикрываясь строениями, имея наблюдательные пункты на высоте южнее Годов и передовых наблюдателей в окопах 184-го пех. полка близ Калков (северный). С новой позиции 5-я и 6-я батареи пристреляли окопы и разные пункты в расположении противника на фронте Домброва, «к Домбр.», Запнев, Буковка (схемы 17 и 18).

В течение 16 мая 4-я батарея сначала обстреливала район Запнев, Буковка и наносила поражение находившемуся в этом районе противнику, а затем, как увидим ниже, получила другую задачу. Расположенные вблизи нее у Долы Бискупе 4 гаубицы 122-мм гаубичной батареи 25-го мортирного дивизиона, пристрелявшись по деревням Покржевница и Хыбице и по оврагу у Калков, Запнев, удачно поражали и рассеивали показывающиеся там пехотные части противника, обстреляли проходивший Хыбице обоз, произведя в нем большое замешательство, а также поднимавшуюся из оврага у Покржевница неприятельскую батарею, в которой произошло смятение, причем видно было, как орудия поскакали врассыпную.

Против левофлангового участка 184-го пех. полка немцы не предпринимали решительных действий и были довольно пассивными; свою кавалерийскую бригаду они из Хыбице направили на север для действия через Вержбник и Любеня в правый фланг и тыл 46-й дивизии. Этим воспользовался начальник левого боевого участка дивизии и приказал левому флангу 184-го полка перейти в наступление и занять Шелиги, рощу юго-западнее ее, а также Броневице и Ямы с тем, чтобы угрожать правому флангу противника, сосредоточившему свои усилия против середины и правого фланга всего участка, обороняемого 183-м и 184-м пех. полками.

Одновременно приказано было командиру 4-й батареи занять позицию в районе Котаршин для фланкирования оврага, идущего между Вюры и Шелиги от деревень Запнев и Броневице (по долинам речек Свислина и Покржевница). Батарея заняла огневую позицию на западной опушке рощи, что севернее Котаршин, откуда могла весьма успешно обстреливать сосредоточенные в овраге значительные силы противника.

Указанное вполне целесообразное решение начальника участка было выполнено при поддержке огня 4-й батареи частями 184-го полка. С занятием ими деревень Вюры, Шелиги, Броневице, Ямы создалась настолько серьезная угроза правому флангу и тылу правофланговой бригады германской дивизии Бредова, что он принужден был отозвать обратно в Хыбице свою кавалерийскую бригаду, которая уже подошла к Вержбник.

По выдвинувшимся вперед частям 184-го пех. полка немцы сосредоточили губительный огонь своей тяжелой артиллерии; пришлось эти части отвести к ночи на прежние их позиции, тем более что соседи их слева (Сибирский гренадерский полк) из ударной группы 25-го корпуса оставались пассивными.

Что же касается немцев, занявших Калков, то около 2 час. в ночь на 17 мая они были выбиты оттуда штыками, дружной атакой пяти рот 184-го пех. полка и бежали в направлении Домброва; русские роты были встречены сильным артиллерийским огнем и, прикрывшись складками местности, отошли несколько назад и утвердились на позиции, примыкая левым флангом к Калков (южный).

В день 16 мая сковывающая группа 25-го корпуса не только с успехом отбила наступление германской дивизии Бредова, но дружной контратакой во фланг атакующего противника приковала эту дивизию к фронту ее исходного положения. В действиях сковывающей группы обращает на себя внимание сочетание артиллерийских и прочих огневых средств с искусным использованием местности и с применением контратак, но наряду с этим приходится отметить и отрицательную сторону использования артиллерии: отсутствие объединенного управления и сосредоточения артиллерийского огня.

Третий день боя 17 мая. В этот день германцы не предпринимали почти никаких активных действий против сковывающей группы (183-й и 184-й пех. полки) 46-й дивизии, но весь день поддерживали непрерывный и сильный артиллерийский огонь по всему фронту. Только ночью, около 24 час., противник попытался атаковать

левый фланг 183-го полка на участке у высоты 130,7 (в стыке с 184-м полком), но был отбит ружейным и артиллерийским огнем.

Действия 1-го дивизиона 46-й арт. бригады сводились к следующему.

1-я батарея еще ночью на 17 мая обстреливала треугольную рощу южнее Стыков, южные подступы к ней и окопы севернее рощи, препятствуя попыткам противника перейти в наступление; днем продолжала вести стрельбу по тем же целям.

2-я батарея открыла огонь в 9 ч. 30 м. по Домброва, затем с 16 час. до вечера обстреливала лес к северу от названной деревни и восточную опушку леса, так как в лесу накапливался противник и на деревьях опушки леса устроил себе наблюдательные пункты; огонь по лесу возобновлялся в ночь на 18 мая и усилился с 3 час.

3-я батарея в первом часу ночи на 17 мая открыла огонь по четырехугольному лесу, что юго-западнее Яблонна, откуда противник повел наступление, и содействовала своим огнем отражению атаки германцев на левый фланг 183-го пех. полка. Около 12 ч. 30 м. открыла огонь по неприятельской артиллерии, замеченной по вспышкам на опушке леса южнее Кучов, и привела ее к молчанию. Около 17 час. командир батареи заметил у Кучов южнее перебежки, а также рытье окопов и открыл по ним огонь, заставивший противника прекратить работы и скрыться. Затем, по приказанию начальника участка, одним взводом, выдвинутым вперед от батареи, был обстрелян лес, что юго-западнее Яблонна, в котором замечено было накапливание пехоты противника.

Действия батарей 2-го дивизиона 46-й арт. бригады, а также батареи 25-го мортирного арт. дивизиона 17 мая свелись к обстреливанию окопов противника на фронте Домброва, Запнев, Буковка и южнее с целью держать там неприятельскую пехоту в подавленном состоянии, причем огонь был настолько действителен, что во многих местах противник был выбит из окопов. «Мортирная» (гаубичная) батарея, кроме того, заставила своим огнем замолчать неприятельскую батарею, расположенную на закрытой огневой позиции и обнаруженную боковым наблюдателем 4-й батареи за высотой, что западнее Буковка.

К вечеру 17 мая прибыла в расположение 184-го пех. полка 2-я батарея 5-й тяжелой арт. бригады, которая заняла выбранную для нее заблаговременно по указанию начальника участка позицию в лощине между западной окраиной Долы Бискупе и «к Год» (см. схему 18).

В день боя 17 мая на фронте сковывающей группы 46-й пех. дивизии имелось, на участке обороны от Броды до ф. Загае Болеское включительно, 12 батальонов пехоты (считая и 182-й полк, находившийся в резерве корпуса за 184-м полком), 24 пулемета и 42 орудия (не считая 4 тяжелых орудий, прибывших к вечеру). Против этой группы немцы могли противопоставить лишь 6 батальонов, 12 пулеметов, 24 орудия и 8 эскадронов. Понятно, почему в этот день немцы не проявляли активности. Сковывающая группа русских должна была воспользоваться сложившейся благоприятной для нее обстановкой, перейти в наступление и лишить немцев маневроспособности. Но

этого сделано не было, что не могло не отразиться на успешности действий всего 25-го армейского корпуса в отношении удара по войскам Бредова, который, по плану командира корпуса, предполагалось нанести после окончательного разгрома опатовской группы австрийцев, успешно начатого ударной группой корпуса.

Это не было сделано по вине русского командования. Что же касается действий мелких войсковых соединений русских, до полков и батарей включительно, то действия их, как и в предшествующие дни боя 15 и 16 мая, вполне соответствовали требованиям активной обороны.

Четвертый день боя 18 мая. По плану командира 25-го корпуса на 18 мая для производства намеченного удара по германской дивизии Бредова ударная группа корпуса (гренадерская дивизия) должна была охватывать правый фланг немцев, а сковывающая группа (183-й и 184-й полки) наступать, сообразуясь с гренадерами.

Австро-германское командование, со своей стороны, решило 18 мая продолжать наступление, начатое 16-го и временно прерванное 17 мая.

Таким образом, наступление германской дивизии Бредова было встречено контрударом русских по всему фронту.

Сообразуясь с соседним гренадерским полком, 184-й пех. полк начал наступление на Буковка лишь около 12 час.; поддержанный огнем взвода 4-й батареи, прибывшего вперед заблаговременно, по приказанию начальника боевого участка, в район ф. Загае Болеское и занявшего позицию у Шелиги, полк левым флангом подошел к 15 час. к Ямы. Но затем, вынужденный выравнивать фронт с соседними гренадерами, дважды в течение дня приостанавливавшими свое наступление, 184-й полк остановился на линии Домброва, Броневице, где и стал окапываться. Вечером, около 22 час., полк левым флангом продвинулся вперед к деревне Покржевнице, которая к тому времени была занята правофланговым гренадерским полком ударной группы корпуса (левый фланг ударной группы подошел к поселку Слупя Нова).

К почи фронт сковывающей группы 25-го корпуса занимал линию Броды, Яблонна, Домброва, Покржевница.

Результатом боя 18 мая было: а) для русских — задуманное на этот день наступление немцев не удалось, но и выход ударной группы 25-го корпуса на фланг дивизии Бредова для разгрома ее также не удался, несмотря на значительное продвижение вперед левого участка корпуса; б) для немцев — наступление не удалось, но маневр русских с целью выхода на фланг дивизии Бредова был сорван.

Объяснение причин невыполнения задачи, поставленной 25-му корпусу, опять следует искать в неумелом управлении боем русского командования. Силы русских на фронте 25-го корпуса почти вдвое превосходили силы дивизии Бредова, но русское командование расположило свои силы кордоном почти без всякого увеличения плотности насыщения на фронте решающего удара, тогда как Бредов оказался в центральном районе этого фронта численно сильнее русских, не говоря о значительном превосходстве тяжелой артиллерии.

Что же касается действий отдельных частей русской пехоты и артиллерии, то в общем они были положительными и свидетельствовали о хорошей боевой подготовке и довольно тесном взаимодействии артиллерии с пехотой.

Еще ночью на 18 мая 1-я и 3-я батареи 46-й арт. бригады, по приказанию начальника участка, несколько раз открывали огонь по треугольной роще и четырехугольному лесу, что к западу от Яблонна, останавливая попытки противника перейти в наступление.

В 8 ч. 45 м. 1-я батарея заставила своим огнем мелкие части пехоты и велосипедистов противника очистить Стыков, а затем около 13 час. дня заставила пехоту противника уйти из треугольной рощи, в которой она накапливалась.

2-я батарея в то же время, около 13 час., обстреливала пехотные цепи противника, отступавшие от Домброва к Павлов; около 18 час. открыла огонь по колоннам неприятельской пехоты и артиллерии (13 запряжек), движение которых было замечено на дороге из леса, что к северу от Ржепин, в направлении на Павлов.

3-я батарея около 15 час. открыла огонь «по уровню» на дистанцию до 9 км по неприятельской колонне из пехоты с артиллерией, движение которой было замечено на той же дороге из леса севернее Ржепин в эту деревню; огонь был удачен и заставил пехотную колонну рассыпаться, а артиллерию скрыться галопом по дороге на Павлов.

Прибывший в распоряжение командира 1-го дивизиона 46-й арт. бригады взвод 122-мм гаубичной батареи (25-го мортирного арт. дивизиона) стал к 7 час. утра на позицию в лесу у юго-восточной окраины Крынки, имея наблюдательный пункт рядом с наблюдательным пунктом командира 3-й батареи. Гаубичный взвод пристрелялся по окопам противника на восточной опушке треугольной рощи и леса, что к северу от Домброва, а в 13 ч. 45 м. открыл огонь по окопам южнее треугольной рощи, причем видно было, как одна граната разорвалась в самом окопе; в 16 ч. 30 м. гаубичный взвод стал обстреливать четырехугольный лес, с деревьев которого немцы обстреливали русские окопы.

Батареи 2-го дивизиона 46-й арт. бригады, оставаясь на прежних своих позициях (см. схему 18), оказывали огневую поддержку наступлению левофланговых частей 184-го пех. полка. Выделенный из 4-й батареи взвод, о котором упоминалось выше, выполнил свою задачу блестяще и оказал существенную помощь наступлению левофлангового батальона, с которым действовал в тесной связи. Удачным огнем 5-й и 6-й батарей противник быстро был выбит из окопов в районе Домброва, «к. Домбр.», Запнев. Затем 4-я и 6-я батареи выбили своим огнем немцев из окопов в районе Буковка. В то же время гаубичная батарея (25-го мортирного дивизиона) удачно обстреливала окопы между Буковка и Велиборовице, а также вела борьбу с артиллерией противника, заставляя несколько раз временно замолкать одну из его батарей. Тяжелая батарея, по приказанию командира 2-го дивизиона, вела огонь по неприятельской артиллерии, стоявшей за высотой у южной окраины Павлов, и пристреливалась к костелу у ф. Павлов, что севернее указанной высоты,

По распоряжению начальника боевого участка, 4-я и 6-я батареи к вечеру переменили позиции для содействия наступлению левого батальона 184-го полка; 6-я батарея стала в лощине между Долы Бискупе и «к Год» и тотчас пристрелялась по окопам у Буковка, по деревне Запнев и роще к северо-западу от нее; 4-я батарея стала у опушки леса восточнее Вюры (схемы 17 и 18).

Пятый день боя 19 мая. Бой к вечеру 18 мая не затих и продолжался в течение всей ночи на 19 мая. Русские и германские атаки и контратаки чередовались между собой. К началу 1-го часа левый фланг 184-го полка продвинулся к Хыбице; в то же время образовался разрыв у Буковка, чем воспользовались немцы и открыли по этому участку сильный ружейный и пулеметный огонь, но не успели двинуться в атаку, как разрыв был заполнен выдвинутым вперед участковым резервом. Однако фронт 184-го полка сильно растянулся, полковые резервы были уже израсходованы; из опасения прорыва начальник 46-й дивизии подтянул в район Вюры один батальон 182-го пех. полка из корпусного резерва, но не решался его расходовать без разрешения командира корпуса.

В течение ночи немцы вели яростные атаки не только на 184-й, но и на правофланговый 183-й пех. полк. Атаки эти успешно отражались при содействии огня батарей 1-го дивизиона 46-й арт. бригады, но все же немцам удалось закрепиться на опушке леса, что западнее Яблонна, и в некоторых местах оплести опушку проволокой. Контратаки 183-го полка с целью овладеть этой опушкой леса не удались.

Пленные немцы, взятые на фронте дивизии Бредова, показали, что к нему подошли подкрепления. К утру настойчивые атаки немцев стали угрожать прорывом центра оборонительной линии 25-го корпуса. Командир корпуса потерял надежду разгромить Бредова, но, полагая, что активные действия могут лучше всего обеспечить успех обороны, он решил продолжать наступление и 19 мая, отвечая ударами на атаки противника. Для этого было приказано: 3-й гренадерской дивизии (левый боевой участок корпуса) продолжать выполнять поставленную задачу; 46-й дивизии перейти в контрнаступление на всем ее фронте, причем за нею оставался в корпусном резерве попрежнему 182-й полк.

По распоряжению начальника 46-й дивизии, 183-й полк, составивший правый участок, должен был наступать в полосе между р. Каменная и южной опушкой леса, что севернее Ржепин, а 184-й полк, составивший левый боевой участок, наступать левее в полосе от указанной опушки леса до линий Котаршин, Ядовники (включ.).

Наступление 183-го полка не имело успеха. Дойдя до восточной опушки леса, что к северу от Ржепин, полк остановился, не имея возможности пройти через проволочные заграждения. Один из батальонов полка, направленный в обход левого фланга противника, занял Стыков, но, встретив сильное сопротивление, дальше продвинуться не мог и стал окапываться. Около 14 час. немцы при поддержке сильного артиллерийского огня повели наступление против левого фланга 183-го полка со стороны Домброва, которая вновь перешла в их руки.

184-му полку удалось оттеснить немцев за р. Свислина на заранее ими подготовленные позиции, усиленные проволочными заграждениями.

Во время атак 183-го и 184-го полков между ними и соседями справа и слева образовались разрывы, которыми германцы старались воспользоваться и обратить их в прорывы, но контратаками русских резервов положение восстанавливалось.

Наступление гренадер левого боевого участка корпуса привело лишь к частным успехам, но овладеть линией Хыбице, Слупя Нова гренадерам не удалось.

Содействие артиллерии наступлению 183-го и 184-го полков 19 мая выразилось в следующем.

В 6 час. утра 1-й дивизион 46-й арт. бригады получил задачу: «всеми батареями открыть огонь для подготовки атаки Пултусского полка» (183-го). Был еще сильный туман, а потому стрельба велась по ночным данным, приблизительно до 8 ч. 30 м., когда туман рассеялся.

1-я батарея открыла огонь в 6 час. по треугольной роще и через полчаса перенесла его в глубину рощи; после пяти очередей роща была оставлена противником. Затем батарея стреляла по четырехугольному лесу, откуда противник встретил атакующие пехотные части сильным ружейным и пулеметным огнем. В 10 час. батарея заняла новую позицию, на 1 км вперед, южнее и уступом относительно 3-й батареи; с этой позиции пристрелялась по прежним целям. В 16 час. открыла огонь по неприятельской пехоте, накапливающейся южнее Стыков.

2-я батарея в 6 час. открыла огонь по четырехугольному лесу и вела его с перерывами приблизительно до 13 ч. 30 м. В этот же период времени обстреляла большую походную колонну противника, двигавшуюся к Ржепин из леса, что севернее этой деревни. Около 14 час. батарея обстреляла Домброва, зажгла ее своим огнем и сбила пулеметы противника, поставленные на крышах некоторых домов. Почти в то же время отбила своим огнем наступление немцев, стремившихся захватить 2 пулемета, оставленные русской пехотой перед своими окопами, и помогла спасти эти пулеметы. В 20 час. батарея стала обстреливать Домброва и лощину юго-западнее этой деревни, в которой замечено было накопление германской пехоты с пулеметами.

3-я батарея в 6 ч. 40 м. присоединилась своими двумя взводами к выдвинутому 16 мая вперед взводу и стала на огневой позиции южнее высоты у Крынки (западной). Выдвинутый взвод уже с 6 час. обстреливал четырехугольный лес, по которому был пристрелян ранее. Присоединившиеся к взводу 4 орудия могли открыть огонь лишь с 8 час., так как из-за тумана не могли вести пристрелку. Около 10 ч. 30 м. батарея остановила своим огнем перебежки неприятельской пехоты, замеченные в лощине к юго-западу от Стыков. С 11 ч. 30 м. обстреливала треугольную рощу.

Взвод 1-й гаубичной батареи (25-го мортирного дивизиона) открыл огонь по той же треугольной роще с 6 ч. 30 м., а с 8 до 13 час. обстреливал четырехугольный лес. По приказанию начальника боевого участка, гаубичный взвод около 15 час. стал переходить на но-

вую позицию у Броды (за р. Каменная), куда прибыл около 19 час. и начал вести пристрелку по треугольной роще косоприцельным огнем с северо-востока.

Весь день стрельба батарей 1-го дивизиона велась по приказаниям начальника боевого участка или по указаниям командира дивизиона, а также по личной инициативе командиров батарей.

Расход снарядов в этот день был много больше, чем в предыдущие дни, а именно было израсходовано: 1-й батареей 431 шрапнель, 2-й батареей 272 шрапнели и 60 гранат, 3-й батареей 444 шрапнели, гаубичным взводом 63 гранаты и 27 шрапнелей.

Командир 2-го дивизиона 46-й арт. бригады, согласно полученным указаниям начальника боевого участка, приказал своим батареям к 6 час. выдвинуться вперед на новые позиции для более тесного ближайшего содействия наступлению пехоты. Но затем это распоряжение было отменено, батареям приказано было возвратиться на прежние позиции, и им поставлена была задача: «мешать противнику строить новые окопы и укреплять позицию». Исполняя эту довольно неопределенную задачу, батареи в течение всего дня обстреливали разные участки неприятельского расположения, главным образом по усмотрению своих командиров, не позволяли противнику обстреливать ружейным огнем русские окопы и тем мешать нашей пехоте устраиваться на позиции.

Можно указать лишь на следующие отдельные эпизоды действия артиллерии левого участка 46-й дивизии за день 19 мая.

В 6 ч. 45 м. утра немцы повели атаку в районе Домброва. Этот участок находился под наблюдением 5-й батареи, но в это время 5-я батарея занята была переездом на новую позицию; поэтому командир дивизиона приказал 6-й батарее содействовать отбитию атаки.

6-я батарея открыла огонь по окопам противника в районе Домброва, Запнев. Стрельба была очень удачна. Атака была отбита. В 9 ч. 30 м. была обстреляна долина р. Свислина к юго-западу от Домброва, в которой предполагались резервы противника. Затем удачным огнем 6-й батареи была рассеяна полурота противника, начавшая рыть окопы севернее Домброва, и нанесено было поражение неприятельской колонне силою около двух рот, появившейся в районе Запнев.

4-я батарея нанесла поражение неприятельской колонне силою около двух рот, направлявшейся от Хыбице на Буковка; затем удачно обстреляла западную часть Буковка, где было замечено накопление противника.

Окопы противника, идущие в три ряда между Буковка и Хыбице, были удачно обстреляны также 6-й батареей.

Гаубичная батарея (4 легкие 122-мм гаубицы) 25-го мортирного дивизиона заставила неприятельскую батарею, обстреливавшую русские окопы в районе Калков, прекратить огонь. Она же своим огнем сильно повредила окопы противника в районе Буковка, от ружейного огня из которых очень страдала одна из рот 184-го полка; огонь из этих окопов прекратился.

Что касается тяжелой батареи, прибывшей в распоряжение 184-го полка вечером 17 мая, то эта батарея держала под огневым наблюдением наблюдательный пункт противника, предполагаемый на колокольне костела у Павлов, и погасила огонь неприятельской батареи, стоявшей за высотой у Павлов. Затем, по приказанию начальника дивизии, обстреливала восточную часть леса, что севернее д. Ржепин, в котором накапливался противник.

Сильные потери, особенно в 46-й дивизии (в некоторых ротах потери достигли 75% состава, причем офицеры убыли полностью; за один день 19 мая 183-й полк потерял 10 офицеров и 620 солдат), принудили 25-й корпус к вечеру 19 мая остановиться на занятых позициях.

В описании боевых действий 184-го полка большие потери объясняются наступлением пехоты по совершенно открытой местности под сильным ружейным огнем и «главное, под огнем тяжелой артиллерии».

К 21 мая выяснилось, что дальнейшее упорство в развитии контрудара впереди оборонительной позиции причинит только бесцельные потери в людях и вызовет излишний расход боевых припасов. Поэтому командир 25-го корпуса приказал прекратить наступление и укрепиться на занятых позициях, а затем в ночь на 22 мая отойти на свои прежние позиции, где 4-я русская армия должна была обороняться.

Активная оборона только одного корпуса отозвалась на всем огромном протяжении фронта 4-й армии — свыше 160 км от р. Вислы до р. Пилицы,— заставив противника притянуть к этому фронту новые силы и довести численность их до 145 батальонов, не говоря уже о том, что активной обороной 25-го корпуса была оказана существенная поддержка соседям, особенно 31-му корпусу, положение которого было крайне тяжелым.

Переходя к общей краткой оценке действий русской артиллерии в пятидневном сражении 25-го корпуса под Опатовым, необходимо прежде всего заметить, что с началом сражения артиллерия была распределена по полковым боевым участкам пехоты, не исключая корпусной 122-мм гаубичной и даже тяжелой артиллерии, причем в полковых участках артиллерийские дивизионы нередко делились и придавались по-батарейно батальонам, а иногда дробились даже и батареи выделением отдельных взводов, придаваемых ротам для непосредственной их поддержки. Этим как бы выражалось стремление к установлению более тесной связи и ближайшего сотрудничества артиллерии с пехотой, но необходимая органическая действительная связь все же далеко не была установлена. Дробление артиллерии на части с придачей их не только полкам, но и более мелким подразделениям пехоты привело к тому, что никакого объединенного управления артиллерийским огнем не было; командиры артиллерийских дивизионов оставались в течение 5 дней сражения по большей части не у дел, не говоря уже о командире 46-й арт. бригады, роль которого совершенно игнорировалась (о нем даже не упоминается в архивных документах). Между тем в руках командира артиллерийской бригады, являвшегося начальником артиллерии, приданной всему правому бо-

вому участку 25-го корпуса, можно было и должно было организовать артиллерийский «кулак», выделив в состав его часть легких батарей, 122-мм гаубичную батарею и тяжелую батарею, чтобы таким «кулаком» наносить мощные огневые удары в решающих направлениях главной атаки, задуманной старшим общевойсковым командованием.

Дробление артиллерии в данном случае привело к тому, что боевая работа артиллерии 46-й дивизии в сражении под Опатовым свелась к отдельным разрозненным действиям, имеющим характер довольно случайных эпизодов; в результате подобного дробления артиллерии стрельба батарей и выделенных из них взводов велась по самым разнообразным целям, разбросанным по широкому фронту противника, указываемым то командирами мелких пехотных подразделений, то начальниками боевых участков, то изредка командирами артиллерийских дивизионов, или обнаруживаемым самими командирами батарей и артиллерийских взводов. Во всех таких частных случаях артиллерийская стрельба отличалась большим искусством и наносила поражение противнику. Но в общем подобная разрозненная стрельба артиллерии не может привести и не привела к нанесению поражения, обеспечивающего успех главного удара в решающем направлении. К тому же задачи, которые ставились артиллерии пехотными начальниками, не всегда отвечали ее свойствам, а иногда не заслуживали внимания, чтобы на выполнение подобных задач второстепенного характера тратить дорогие артиллерийские снаряды: например, задача обстрела колокольни костела, на которой предполагался наблюдатель противника, поставленная тяжелой батарее. Вообще в сражении у Опатова 122-мм легкой гаубичной и 152-мм тяжелой русским батареям ставились малозначащие задачи, а потому они не в состоянии были оказать существенную помощь своей пехоте.

При обороне артиллерия не должна быть все время привязана к одной первоначально занятой позиции; обстановка может ее заставить маневрировать не только в отношении перемены направления огня, но и в отношении перемены наблюдательных пунктов и огневых позиций. Но в боях под Опатовым командиры пехотных полков заставляли подчиненную им артиллерию неоднократно менять позиции, главным образом в целях притянуть ее поближе к боевым линиям своей пехоты для непосредственной поддержки, не сообразуясь с тем, а быть может и не понимая того, что артиллерия, расположенная не близко и в стороне от своей пехоты, окажет ей более существенную поддержку своим, если не фланговым, то косоприцельным огнем, чем занимающая позиции непосредственно в затылок за своей пехотой и стреляющая через нее фронтальным огнем. Повидимому, пехотные начальники не отдавали себе отчета в том, что важно организовать прочную связь со своей артиллерией, иметь в боевых линиях пехоты передовых артиллерийских наблюдателей, которые своевременно передадут своим батареям о всех нуждах, предъявляемых пехотой к артиллерии, и что нет надобности располагать батареи на огневых позициях в непосредственной близости к своей пехоте. Необходимо считаться и с тем, что перемена артиллерийских позиций сопряжена с потерей времени и недопустимыми в бою перерывами в артиллерийском огне. Поэтому перемена позиций должна производиться не сразу

всеми батареями, а постепенно: одни батареи переезжают на новые позиции, другие в это время продолжают усиленно стрелять. Между тем в бою 19 мая все батареи 2-го дивизиона 46-й арт. бригады должны были, по приказанию начальника боевого участка, переехать вперед на новые позиции, а затем, когда батареи уже снялись с прежних своих позиций и начали переезд, приказание было отменено, и им пришлось возвращаться назад; при этом было потеряно немало времени на переезд с позиции на позицию, и произошел перерыв в стрельбе артиллерии в то время, когда необходимо было отражать атаку немцев в районе Домброва. Должна была отражать эту атаку 5-я батарея, но она была занята переменой позиций и так много потеряла времени на переезды, что почти не открывала огня в этот день боя.

В сражении под Опатовым управление огнем русской артиллерии не объединялось, а потому не имело места и сосредоточение артиллерийского огня по важнейшим целям. Отчасти поэтому же не было и надлежащей борьбы с неприятельской артиллерией; между тем такая борьба могла бы быть успешной, особенно на участке сковывающей группы 46-й пех. дивизии, так как на этом участке русские имели значительное превосходство сил не только в отношении пехоты, но и по числу орудий — 17 мая 42 русским орудиям немцы могли противопоставить лишь 24 орудия. Во всяком случае, при планомерно организованной борьбе русской артиллерии с германской русская пехота не понесла бы таких больших потерь, какие она имела в бою 19 мая главным образом от огня тяжелой артиллерии немцев.

Несомненно, что при централизованном управлении была бы обеспечена возможность сосредоточения и массирования артиллерийского огня в требуемых решающих направлениях, что могло бы привести к осуществлению идеи командира 25-го корпуса, т. е. к переходу от обороны к общему наступлению и к разгрому германской дивизии Бредова.

ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ ПРИ ШТУРМЕ ПЕРЕМЫШЛЯ 7 ОКТЯБРЯ 1914 г.[1]

Австро-венгерские армии, потерпевшие поражение в Галицийской битве, отходили за рр. Днестр и Сан. Русские армии Юго-западного фронта вышли к 14 сентября 1914 г. передовыми частями на линию от устья р. Сан до верховья р. Днестр у г. Самбор, имея рядом 3-ю и 8-ю армии — первую на фронте Немиров, Яворов, вторую на фронте Яворов, Комарно (схема 19).

Развал разбитых австро-венгерских армий требовал уклонения их от боевых столкновений с русскими и отхода на линию Тарнов, Ясло

---

[1] ЦВИА, дела: 11—429, 11—479, 12—199, 17—183, 57—699, 83—848, 55—765, 17—659, 87—277, 87—278, 85—433, 105—119, 252—861, 15—280; листы: 53, 32—914; 64, 70, 11—424; 8, 98, 104, 128, 129, 191—811; 65, 123, 124, 170.

П. Черкасов, Штурм Перемышля 7 октября 1914 г., Штаб РККА, 1927 г.

и частью за Карпаты, без задержки на р. Сан. Коменданту Перемышля австрийское командование сообщило, что крепость «предоставляется собственным силам и должна держаться до крайности». Между тем отходившие в беспорядке через крепость 3-я австрийская армия и масса обозов внесли разлагающие начала и в гарнизон крепости. Комендант с огромными усилиями восстанавливал порядок и очищал крепость от проникших в нее нескольких тысяч отбившихся от своих частей дезертиров и мародеров. Промежуток времени с 13 по 16 сентября был чрезвычайно опасным для жизни крепости, которая могла бы стать легкой добычей русской кавалерии, если бы ей была поставлена задача захватить Перемышль. Но такой задачи она не получила, и критический момент для крепости был ею благополучно изжит.

Главкоюз ген. Иванов, вследствие необходимости пополнить огромные потери[1], вынужден был отказаться от энергичного наступления в глубь Галиции и ближайшей задачей поставил своим армиям выйти на рубеж р. Сан, изолировать крепость Перемышль и занять выходы из Карпат у городов Самбор и Хыров и местечка Санок.

Наштаюз ген. Алексеев, оценивая большое значение крепости Перемышль как выгодного плацдарма, откуда неприятель мог угрожать путям сообщений и тылу русских армий, и определяя силу гарнизона крепости в 60 000—100 000 человек, высказывался за блокаду или осаду крепости. Но для осады не имелось достаточных средств. Для создания осадной артиллерии могли быть использованы только те орудия и снаряды, какие состояли на вооружении своих крепостей. Однако главкоюз ген. Иванов не считал возможным ослабить единственную подчиненную ему крепость Брест-Литовск, ввиду неустойчивости соседнего Северо-западного фронта.

Крепость Перемышль и вся инженерная оборона Галиции были изучены в довоенное время русским Генеральным штабом довольно хорошо. Было известно, что в Перемышле кирпичные кладки были заменены бетоном толщиной в наиболее важных укреплениях до 6 фут. (1,83 м). Для разрушения такого бетона требовались, как показала опытная стрельба, произведенная русской артиллерией в 1912 г., осадные орудия калибром выше 6 дм. (152 мм). Известно было, что в Перемышле имелись броневые установки для 10-см и 15-см гаубиц и броневые купола для противоштурмовых пушек и наблюдателей. Но русские считали, что броневые купола можно разрушить огнем не только полевых тяжелых орудий, но даже полевых легких пушек и гаубиц. В действительности же для разрушения броневых установок требовалась артиллерия калибром выше 15 см. Артиллерия Перемышля рисовалась русскому Генеральному штабу более слабой, чем оказалась в действительности.

---

[1] До 120 000 человек — по данным труда П. Черкасова «Штурм Перемышля». По другим источникам, ссылающимся на архивные дела, потери за весь период Галицийской битвы, продолжавшейся 33 дня, составляли: русских до 230 000 человек, из них 40 000 пленных и 94 орудия; австрийцев до 326 000 человек, причем русскими было взято в плен около 100 000 австрийцев и 400 орудий.

Крепость Перемышль имела внутреннюю ограду, которая прикрывала непосредственно переправы через р. Сан и могла обеспечить от нечаянного нападения жизненный центр крепости и внешний фортовой пояс, вынесенный от центра крепости на расстояние от 4 до 10 км, имевший по обводу до 43 км и состоявший из 15 фортов и 25 опорных пунктов для пехоты и батарей, расположенных в промежутках между фортами (схема 20). Сила сопротивления крепости была сосредоточена на внешнем фортовом поясе, преодолеть который можно было лишь при наличии осадной артиллерии крупных калибров.

Гарнизон крепости, слабо обученный, был мало пригоден для активных действий, а по своему моральному состоянию мало способен к перенесению лишений, связанных с осадой. Это учитывалось австрийским командованием, среди которого поднимался вопрос об эвакуации крепости. Но 16 сентября после свидания австрийского главнокомандующего с ген. Людендорфом, гарантировавшим в ближайшее время возобновление наступления совместно с германскими войсками, австрийское командование решило держаться в Перемышле до крайности.

Генкварт русской Ставки ген. Данилов в записке своей от 3 августа 1914 г. оценивал крепость Перемышль как значительно более слабую по сравнению с большими германскими крепостями. По его мнению, упорная оборона Перемышля была возможна в том только случае, если полевая армия выделит для усиления гарнизона крепости 1—2 дивизии. Данилов считал, что для полной блокады Перемышля достаточно 6 пехотных дивизий, а при 8 пехотных дивизиях возможна энергичная атака крепости. Оценивая артиллерию Перемышля в 300 орудий среднего калибра, Данилов считал, что перевес над нею может быть быстро достигнут при наличии вдвое или втрое меньшего числа современных гаубиц. «Привлечение к атаке полусотни орудий 8—9-дм. калибра для усиления огня крайне желательно»,— писал Данилов. Таким образом, он допускал возможность атаки крепости Перемышль открытой силой, не придавая решающего значения осадным орудиям крупного калибра, хотя ему хорошо было известно, что для разрушения бетона, который был на крепостных верках Перемышля, необходимы были орудия калибра свыше 6 дм. (152 мм).

Впрочем, записка ген. Данилова едва ли была известна командованию армий Западного фронта.

Мысль об атаке Перемышля открытой силой была чужда главкоюзу ген. Иванову и его начальнику штаба ген. Алексееву. Отсутствие осадной артиллерии привело их к решению блокировать Перемышль. Это решение было одобрено главковерхом, который 21 сентября телеграфировал ген. Иванову: «Осада Перемышля не входила в мои планы. Я считаю, что следует ограничиться соответственным заслоном. Отсутствие у нас осадных парков и недостаток тяжелой артиллерии не дают права рассчитывать на благоприятный исход осады. Надо искать живую силу и ее разбить...»

К концу сентября 3-я русская армия закончила обложение крепости; затем 3-ю армию постепенно сменяли второочередные части вновь формируемой блокадной армии, назначенной вместе с 3-й и 8-й армия-

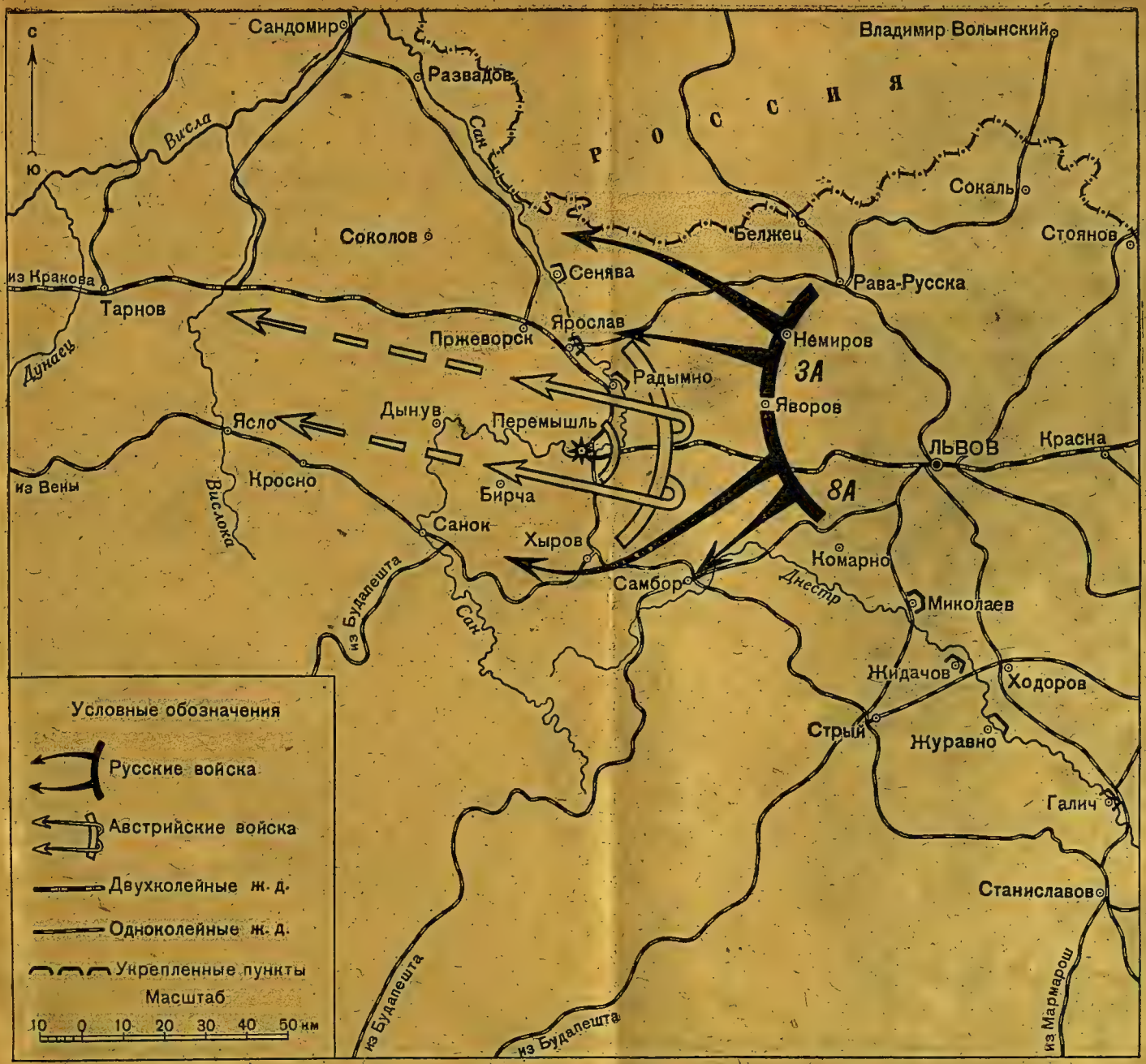


Схема 19. Штурм Перемышля 7 октября 1914 г. Общая обстановка к 27 сентября 1914 г.

Схема 20. Крепость Перемышль (схема ориентирная; более точная и подробная схема 21).

ми в состав Галицийской группы под командой ген. Брусилова, которому была поставлена задача: противодействовать наступлению австрийцев по правому берегу Вислы, продолжать блокаду Перемышля, прикрыть г. Львов и обеспечить левый фланг всего Юго-западного фронта.

Вскоре обнаружились первые попытки австрийцев перейти в наступление. 1 октября русская передовая конница была оттеснена несколько к востоку пехотными частями противника. Брусилов решил воспользоваться несколькими днями, пока противник подойдет к Перемышлю, чтобы овладеть крепостью открытой силой. Он телеграфировал 2 октября главкоюзу: «Совокупность всех сведений о Перемышле привела меня к заключению, что штурм крепости имеет много шансов на успех. Ген. Щербачев, непосредственно ведавший блокадой крепости на правом берегу Сана, ознакомленный с обороноспособностью крепости, совершенно того же мнения. Так как овладение Перемышлем будет иметь громадное моральное и военное значение, освободит скованные крепостью 5 дивизий, передаст в наши руки важный узел дорог, что даст возможность 3-й и 8-й армиям действовать в тесной связи и даст уверенность в обеспечении тыла, мне представляется соответственным теперь же попытаться овладеть Перемышлем, и в этом направлении мною даны указания ген. Щербачеву начать подготовку, на которую предполагаю употребить 4—5 дней. Направляю на поддержку тяжелый дивизион, саперный батальон, 19-ю пех. дивизию, стрелковую бригаду».

«Совокупность всех сведений о Перемышле», на которой базировался Брусилов, однако, не во всем благоприятствовала принятому им решению.

Русская воздушная разведка обнаружила, что, кроме укреплений, о которых имелись данные, на северном фронте крепости насчитано до 30 новых укреплений, окопов и батарей, а на южном фронте — «две линии фортов, между которыми сплошные линии окопов, чередующиеся с батареями...» Наблюдатели отмечали присутствие гарнизона только в фортах и малое число орудий на батареях. Показания пленных и перебежчиков свидетельствовали о малой боеспособности частей гарнизона из русин и галичан и о том, что серьезное сопротивление может оказать лишь одна мадьярская дивизия гарнизона. Эти сведения подкреплялись почти полной пассивностью гарнизона в борьбе за передовые позиции при обложении крепости. О действиях австрийской артиллерии при обложении крепости ген. Дельвиг писал наштаюзу ген. Алексееву: «Противник начал обстреливать наши пехотные линии и арт. наблюдательные пункты, а иногда наугад и тыл орудиями разнообразного калибра, стреляя чугунными кольцевыми гранатами, чугунными шрапнелями и другим старьем. Потерь мы не понесли».

Наряду с благоприятными для русских сведениями разведка отмечала энергичную подготовку гарнизона к обороне крепости и разного рода оборонительные работы.

Имелись сведения, что некоторые форты имели рвы глубиной до 5 м с каменными эскарпами и бетонными контрэскарпами, что внутри фортов имеются бронекупольные установки, что многие укрепления,

а в группе Седлиска все укрепления, были окружены проволочными сетями и «волчьими ямами», что впереди фортов и укреплений заложены фугасы, что для защиты стрелков и орудийной прислуги от шрапнельных пуль устроены козырьки из железных листов с присыпкой земли, что сильные осветительные средства крепости не дадут возможности атаковать форты и промежутки между ними даже ночью.

Судя по огню крепостной артиллерии в период обложения Перемышля, русское командование считало, что австрийская артиллерия слабо подготовлена в отношении стрельбы и вооружена орудиями устаревших систем.

Штаб 19-й пех. дивизии дал совсем иную характеристику австрийской артиллерии: огневое превосходство, отсутствие шаблонов, широкая инициатива, единение с другими родами оружия, тактическое управление в руках старших начальников, тщательность артиллерийской разведки и изучения впереди лежащей местности, скрытое занятие позиций, тактическое руководство огнем в руках артиллерийских начальников, удачный выбор целей, стрельба по неподвижным целям с закрытых позиций, по живым и подвижным — с маскированных и открытых, огонь быстрый и напряженный, три периода стрельбы: а) подавить огонь неприятельской артиллерии, б) сосредоточение огня на избранном пункте атаки, в) перенос огня по резервам противника; периоды стрельбы не нормируются цифровыми данными; при обороне стремление к огневому превосходству; забота о пополнении расхода снарядов; отсутствие особого прикрытия у артиллерии.

Во всяком случае, если русское командование было убеждено в численной и качественной слабости гарнизона и артиллерии Перемышля, то оно должно было считаться с тем, что для преодоления целой системы долговременных сооружений крепости потребуется не только большая живая сила, но и огромные технические средства и в первую очередь мощная тяжелая артиллерия крупных калибров — свыше 152-мм.

Штаб 3-й русской армии, блокировавшей Перемышль, считался наиболее знакомым с крепостью. Генкварт штаба 3-й армии полковник Дитерихс на основании сведений, собранных о Перемышле в период обложения с 25 сентября по 3 октября, пришел к заключению, что хотя крепость «в своем современном состоянии представляется значительно усиленной по сравнению с первоначальным мирным положением», но все же постоянные укрепления не дают Перемышлю впечатления «солидной неприступной твердыни», что некоторые опорные пункты не могут противостоять даже огню полевой тяжелой артиллерии (152-мм гаубиц и 107-мм пушек), так как «толщина бетонных прослоек кажется не более 3 футов» и «есть постройки, безусловно перешедшие в фортификационном отношении в область истории». В общем, по заключению Дитерихса, Перемышль «едва ли отвечает представлению о современной первоклассной крепости, и можно считать, что даже одна только артиллерийская атака могла бы решить участь крепости».

Дитерихс в своей записке не оговорил, в чем должна заключаться эта артиллерийская атака, но, судя по выводам его записки, можно

предполагать, что для такой атаки он считал достаточным иметь только полевые тяжелые орудия. Но не только Дитерихс, а и никто другой, как Дельвиг, игравший очень видную роль руководителя артиллерии при штурме Перемышля, не пытался рассчитать, сколько и каких орудий и сколько снарядов потребуется на разрушение крепостных верков и на борьбу с крепостной артиллерией, хотя бы на одном фронте главной атаки.

Нельзя утверждать, но возможно, что записка Дитерихса оказала некоторое воздействие на решение атаковать Перемышль, не имея осадной артиллерии.

Главкоюз Иванов и наштаюз Алексеев, считавшие невозможным действия под крепостью без осадной артиллерии, не обладали достаточной волей, чтобы остановить внезапно возникшее, не отвечающее обстановке решение Брусилова атаковать крепость, и предоставили ему свободу действий.

Исполнителем своего решения Брусилов избирает ген. Щербачева, которому с 3 октября подчинены были все войска, предназначенные для атаки. Войска спешно стягивались к Перемышлю, двигаясь форсированными маршами под непрерывным дождем, по невылазной грязи; многие войсковые части вступали в боевую линию переутомленные прямо с похода, пройдя до 50—70 км.

При таких условиях никакой подготовки войск к исполнению предстоящей задачи по атаке крепости не было. Специальные «Указания по атаке крепости Перемышль», составленные 5 октября штабом Щербачева, были доставлены войскам поздно, а некоторыми частями вовсе не были получены. Даже разведку подступов к крепостным укреплениям войскам пришлось производить уже в ходе самой атаки.

«Указания», проникнутые безудержным смелым порывом вперед, годились для маневренного наступательного боя, но не для действий под крепостью, требовавших методического сочетания технической и живой силы по заблаговременно составленному плану.

От пехоты «Указаниями» и приказом войскам блокадного корпуса требовалась стремительность наступления: «равнение по передним, фланги обеспечиваются общим натиском... Частям, встретившим наибольшее сопротивление, содействие оказывают соседи движением вперед, дающим возможность огневого охвата противника».

Артиллерийская часть «Указаний», составленная, вероятно, при непосредственном участии Дельвига, мало отличалась от тех начал, какие проводились при боевой подготовке русской полевой артиллерии в довоенное время, имевшей в виду действия артиллерии исключительно в полевом маневренном бою, а не при атаке крепости. «Указаниями» требовалось: путем наступления пехоты отвеснить передовые части противника с целью облегчить выдвижение артиллерии на позиции, «допускающие возможность обстрела искусственных препятствий, укреплений и фортов действительным огнем (2—2½ км)». «... Полевая и тяжелая артиллерии содействуют наступлению пехоты, обстреливая все атакуемые окопы, лишая противника возможности показаться и открыть огонь. Часть артиллерии действует против батарей противника, особенно мешающих наступлению нашей пехоты. Тяжелая артиллерия, помимо выполнения специальных задач, указанных каждому

дивизиону ген. Дельвигом, частью батарей переносит огонь на тяжелые батареи австрийцев, открывающие огонь по пехоте, и сосредоточенным огнем обрушивается на них». Во время производства штурма требовалось, чтобы полевая артиллерия поддерживала огонь по укреплению, не допуская защитников противодействовать атаке; тяжелая артиллерия должна была сосредоточивать огонь «по броневым установкам и по видимому бетону»; тяжелые мортиры должны были действовать «по гласисам редутов для разрушения искусственных препятствий...»

«Указаниями» обращалось «главное внимание на уничтожение фланговой обороны рвов», без чего требовалось «штурма укреплений не начинать». Уничтожение фланговой обороны рвов возлагалось не на артиллерию, а предполагалось произвести подрывными командами зарядами в 50—60 кг пироксилина.

Для обеспечения взаимодействия артиллерии и пехоты «Указаниями» требовалось иметь «передовых артиллерийских наблюдателей в пехотных окопах, соединенных телефоном с местом расположения дивизионов».

В приказе блокадному корпусу 4 октября по вопросу о взаимодействии пехоты и артиллерии предписывалось войскам корпуса «помнить, что успех арт. огня в значительной степени зависит от организации связи пехоты с артиллерией. Артиллерия должна стрелять, чтобы заставить противника скрыться, а пехота должна наступать, чтобы заставить его открыть живые цели. Поэтому командир корпуса требует от артиллерии высылки передовых наблюдателей к пехоте и от пехоты стремительного движения вперед».

Обращает на себя внимание несоответствие свойствам орудий задач, поставленных артиллерии «Указаниями». На тяжелую артиллерию возлагается, в целях содействия наступлению пехоты, не разрушение окопов противника, а наравне с полевой артиллерией лишь обстрел окопов, чтобы лишить противника «возможности показаться и открыть огонь». На тяжелые гаубицы возлагается разрушение искусственных препятствий, в то время как легкие батареи должны были «поддерживать огонь по укреплениям»; между тем уничтожение проволочных заграждений и искусственных препятствий могли с успехом исполнить легкие пушки, а разрушение укреплений могли исполнить только тяжелые гаубицы. По броневым установкам и по тяжелым батареям противника должна была «сосредоточить огонь тяжелая артиллерия, но из каких именно орудий — из 107-мм пушек или 152-мм гаубиц — не оговорено. Вероятно, эти задачи тяжелой артиллерии относились к «специальным», которые должен был указать Дельвиг. Но и этот выдающийся артиллерист того времени ставил задачи, как это ни странно, не всегда отвечающие свойствам полевой тяжелой артиллерии, имевшейся в его распоряжении. Например, для стрельбы по неприятельским батареям, требующей меткости и большой дальности, наиболее подходящими были 107-мм пушки, равно как и для стрельбы по броневым куполам, также требующей хорошей меткости, но Дельвиг такой задачи имевшимся у него всего четырем 107-мм пушкам не ставил. Эту несоответственную для них задачу исполняли 152-мм гаубицы, стрелявшие преимущественно фу-

гасными снарядами, главное назначение которых — разрушать укрепления полевого типа.

Для атаки Перемышля были собраны довольно внушительные силы русских: 117 батальонов, 24 эскадрона, 483 орудия, 10 саперных и телеграфных рот, 24-й авиационный отряд (для разведок). В числе 483 орудий главную массу составляли полевые легкие 76-мм пушки — 420 пушек, легких 122-мм гаубиц было 36, или около 7%, полевые тяжелые орудия составляли ничтожный процент — 6,5%, а именно 23 тяжелые 152-мм гаубицы и лишь 4 тяжелые 107-мм пушки; орудий осадного типа калибров свыше 152 мм вовсе не было.

Легкие 76-мм пушки, имея в своем боевом комплекте $^5/_6$ шрапнелей и только $^1/_6$ гранат, предназначались для поражения живых открытых целей, а для стрельбы по укреплениям или по укрывшимся за ними войскам могли иметь самое ограниченное применение. Между тем за недостатком крупнокалиберной артиллерии легкая полевая артиллерия являлась для большинства частей пехоты, участвующих в штурме крепости, единственным средством подготовки атаки.

План атаки Перемышля сводился к одновременному штурму крепости с севера, востока и юга с направлением главного удара на юго-восточный сектор крепости (схемы 20, 21 и 22), с целью овладеть Седлиской группой укреплений с фортами Гурко (14) и Седлиска (1). Тяжелая артиллерия и 8-й мортирный арт. дивизион были выделены в особую группу, подчиненную Дельвигу, исполнявшему обязанности инспектора всей артиллерии блокадного корпуса. Артиллерийская группа Дельвига должна была содействовать главной атаке юго-восточного сектора.

В приказах войскам блокадного корпуса об атаке и штурме Перемышля имеются только следующие указания по части артиллерии: в приказе № 1, п. 4: «Тяжелым арт. дивизионам занять позиции по указанию ген. Дельвига», и п. 6: «Полевой артиллерии (очевидно, легкой) занять позиции в пределах действительного арт. огня», и в приказе № 4, п. 5: «Тяжелым арт. дивизионам исполнять задачи по содействию наступлению и атаке, согласно данных указаний инспектору артиллерии ген. Дельвигу».

Вся легкая полевая артиллерия (за исключением 8-го мортирного дивизиона) была оставлена в подчинении своим начальникам дивизий и корпусов, от которых она и должна была получать задачи.

Рассмотрим действия некоторых частей артиллерии, участвовавшей в атаке юго-восточного сектора крепости: а) действовавших в составе своих дивизий батарей 19-й, 58-й, 60-й и 69-й арт. бригад и действовавшего в составе своей 3-й стрелковой бригады, обеспечивавшей левый фланг атакующей группы, 3-го стрелкового арт. дивизиона; б) действующих в составе особой артиллерийской группы Дельвига 4-й тяжелой арт. бригады (1-й, 2-й и 3-й дивизионы) и 8-го мортирного арт. дивизиона.

На юго-восточный участок атаки протяжением около 14 км назначено было всего 67 батальонов и 279 орудий, т. е. на 1 км фронта приходилось 4,75 батальона и до 20 орудий.

Количество тяжелой артиллерии, относя к ней и легкую гаубичную, было несоразмерно мало и не отвечало поставленной задаче, а также

не соответствовало нормам, выработанным русским Генеральным штабом в довоенное время на основании опытных стрельб по бетонным сооружениям, произведенным в 1912 г. По этим нормам, на каждый атакуемый форт следовало иметь по 6 осадных орудий калибром свыше 152 мм и на каждый километр фронта для борьбы с артиллерией и пехотой, занимающими промежутки между фортами, по две 6-орудийных батареи с орудиями 107-мм, 122-мм и 152-мм калибров. В данном случае для разрушения бетона атакуемых фортов вовсе не было осадных орудий свыше 152-мм калибра, а на километр фронта для обстрела промежутков между фортами приходилось в среднем по 20 орудий и главным образом 76-мм пушек; весьма же незначительное число 122-мм и 152-мм гаубиц (всего 39 гаубиц) и ничтожное количество 107-мм пушек (всего 4 пушки на 14 км), в общей сумме 43 орудия, составляли в среднем 3 орудия на 1 км, тогда как, по упомянутым нормам Генерального штаба, следовало иметь на 1 км не менее 12 орудий указанных калибров.

Прорыв фортового пояса крепости мог быть осуществлен либо атакой самих фортов, либо атакой промежутков между фортами.

При атаке фортов открытой силой артиллерия атакующего не только должна привести к молчанию артиллерию фортов, но и разрушить казематы, служащие убежищем для гарнизона, и капониры во рвах, чтобы подготовить атакующей пехоте возможность перехода через них. Прорыв крепостной позиции вообще невозможен без участия мощной осадной артиллерии и без нее совершенно немыслима атака фортов, требующая разрушения бетонных сооружений.

Что же касается атаки промежутков между фортами, или так называемой ускоренной атаки, то в данном случае задача артиллерии ограничивается разрушением промежуточных укреплений по большей части полевого или временного типа, сооруженных во время войны, и подавлением флангового огня соседних фортов. При благоприятных условиях полевая тяжелая артиллерия при достаточном числе 107-мм пушек и 152-мм гаубиц способна справиться с этой задачей.

Поэтому казалось бы, что если при отсутствии осадной артиллерии и решаться на атаку Перемышля, то следовало бы остановиться на втором методе, т. е. на ускоренной атаке промежутков между фортами и ни в каком случае не на атаке открытой силой фортов. Но, принимая решение атаковать Седлискую группу, на этом вопросе, повидимому, не останавливались ни Брусилов, ни Щербачев, ни даже консультант последнего — Дельвиг, хотя он был отлично ориентирован во всех вопросах, связанных с атакой крепости. Уже 25 сентября, когда еще не закончилось расположение на позициях войск, назначенных для блокады Перемышля, Дельвиг доносил Щербачеву: «Личная разведка меня убеждает, что занятие нашей пехотой линии Медыка, Велики Ляс (схема 21) позволит нашей тяжелой артиллерии занять такие позиции, с которых возможно будет поражать форты группы Седлиска. С наших наблюдательных пунктов видны верки этой группы... Наличие бетона подтверждается видимыми стенками с наблюдательных пунктов и показанием артиллерийских разведчиков, проникающих в занятый противником район...»

Кроме того, Дельвиг доносил, что с высот к юго-западу от Балице видна вся картина укреплений у Седлиска: форт с открыто установленным прожектором, несколько укреплений сильной профили, три батареи и в том числе одна броневая с бетонной стенкой и т. д.

Препровождая донесение Дельвига командующему армией, Щербачев сообщал: «...Сегодня произведена арт. разведка. Тяжелая артиллерия наша, широко поставленная, по докладу инспектора артиллерии, имеет возможность подбить броневую установку противника. Наши позиции значительно командуют неприятельской группой у Седлиска и форта Гурко...»

О невозможности разрушения казематов во рвах и бетонных сооружений Щербачев умалчивает, хотя Дельвиг, разумеется, понимал это. В письме к Алексееву, правда уже после штурма, Дельвиг сообщал: «...мы не преувеличивали способность нашу разрушать казематы. Поставлена могла быть задача лишь подавить наружную оборону, а фланкирующие постройки рвов предполагалось взорвать... При успехе можно было надеяться лишь овладеть группой Седлиска, подготовив сосредоточенным огнем целого дня атаку на форт 1...»

Надо полагать, что мнение Дельвига было известно и Щербачеву и Брусилову и у них не могло быть оснований для преувеличения надежд на свою артиллерию, которой было под силу справиться с пехотой и артиллерией противника, расположенными вне фортов, т. е. с наружной обороной фортов, но не с самыми фортами — с их бетонированными казематами и капонирами. Тем не менее Брусилов, не задумываясь, решает овладеть открытой силой Седлиской группой фортов и укреплений, возлагая надежды на сапер, которым была поставлена задача взорвать пироксилиновыми зарядами во время штурма капониры, фланкирующие рвы. Мысль же об ускоренной атаке лишь промежутков между фортами, дающей некоторые шансы на успех, была отброшена Брусиловым. Повидимому, он считал имевшиеся у него в распоряжении технические средства достаточными. Уверенность Брусилова в успехе штурма основывалась на сведениях о слабой боеспособности австрийских войск, дух которых был поколеблен постигшими их неудачами в Галиции, и на приподнятом духе русских войск, одержавших ряд побед над австрийцами.

Подготовка к штурму велась чрезвычайно поспешно. По всей вероятности, за недостатком времени или вследствие легкомысленного, даже пренебрежительного отношения к силам крепости и ее гарнизона, русское командование не составило никакого плана атаки, хотя бы ориентировочного для осуществления лишь первого этапа своего замысла. Последствия этого сказались немедленно: в течение одного дня 3 октября штабом блокадного корпуса было отдано семь приказов, дополняющих и отчасти изменяющих друг друга, что указывало на отсутствие строгой продуманности и твердой руководящей роли в решении предстоящей серьезной задачи и вносило в управление войсками вредную суетливость.

Согласно приказу № 1 части блокадного корпуса должны были к утру 4 октября закрепиться (см. схемы 21 и 22): а) на участке главной атаки: 58-я пех. дивизия по высотам восточнее дороги Медыка, Быкув, 19-я пех. дивизия от высоты 261 на

западной опушке Вельки Ляс (к востоку от Быкув) через высоту 281 у Плешовице до р. Бухла, 69-я пех. дивизия по высотам в районе Ходновице, Тышковице и 60-я пех. дивизия по гребню высот у Лисковице, высота 256 (у Велюнице) до р. Вяр; б) на южном участке атаки, обеспечивающей левый фланг главной атаки, 3-я стрелковая бригада по линии от р. Вяр у Малховице до Княжице включительно.

Легкие полевые батареи находились при своих дивизиях и стрелковой бригаде. Полевые тяжелые артиллерийские дивизионы расположились в районах, указанных Дельвигом, под личным руководством которого производились артиллерийская разведка и выбор позиций, им же были указаны районы действий огнем, а именно:

3-й тяжелый дивизион в составе 7-й и 8-й гаубичных 152-мм батарей, наблюдательный пункт — высота 254 (у северной опушки Вельки Ляс): 7-я батарея у южной окраины Шехине (за высотой 254), 8-я батарея севернее Вельки Ляс, за высотой 254. Район действия огнем: форты Гурко (14), Борек (15) и Седлиска (1), северная группа батарей Седлиска; дальность 5—6 км.

1-й тяжелый дивизион в составе 1-й и 2-й гаубичных 152-мм батарей, наблюдательный пункт — высота 311 к северу от Новоселки: обе батареи к западу от д. Балице, между нею и высотой 311 (с наблюдательным пунктом). Район огневого действия: форты Седлиска (1) и Борек (15) и батареи 1_1—1_5 Седлиской группы; дальность 6—8 км.

2-й тяжелый дивизион в составе 4-й и 5-й гаубичных 152-мм батарей, наблюдательный пункт — высота 306 (Лисковице); обе батареи у северной окраины д. Стронновице. Район огневого действия: Седлиская группа, форт 4 (на западном берегу р. Вяр, северо-западнее Германовице); дальность 5—7 км.

Полевая тяжелая батарея 107-мм пушек — у Дроздовице, имея специальную задачу обстрела площади во внутренней ограде крепости форта 20 и крепостных складов; дальность 9—11 км (схемы 20 и 21).

Тяжелые батареи, расположенные по дуге, охватывающей Седлискую группу с северо-востока, с востока и с юга, могли сосредоточить по ней огонь с разных сторон: по северному району — с трех сторон, по южному району — с двух.

При наличии слабой количественно и качественно тяжелой артиллерии успех действий мог быть достигнут лишь при сосредоточенном огне, требовавшем умелого центрального управления подчиненной ему артиллерией. Поэтому ген. Дельвиг приложил много усилий не только для выбора наблюдательных пунктов и позиций батарей, но и для организации связи тяжелых дивизионов между собой, с легкой артиллерией, с пехотой и с командованием корпуса, штаб которого располагался в Рудники (на шоссе во Львов). Однако ограниченный запас телефонного провода и недостаток средств приданной телеграфной роты не позволили полностью осуществить намеченную схему связи; это крайне затруднило управление огнем тяжелых артиллерийских дивизионов и в значительной степени помешало необходимому сосредоточению их огня.

Условные обозначения

Русские

- 19 — Штаб дивизии
- 19 — Головной артиллерийский парк 19пд
- 19 — Дивизионный лазарет 19пд
- Наблюдательный пункт
- Направление движения пехоты или артиллерии
- „ „ наступления пехоты
- Полк пехоты — Батальон пехоты
- Пех. дивизия

Положение войск к вечеру 5.10

- Пехота в окопе
- Легкая 76-мм батарея
- Полевая тяжелая 107-мм батарея

Положение войск к вечеру 6.10

- Пехота в боевом порядке
- Легкая 76-мм батарея
- Полевая тяжелая 107-мм батарея
- Легкая 122-мм гаубичная батарея
- Полевая тяжелая 152-мм гаубичная батарея

Положение пехоты при штурме 7.10

- Направление атаки
- Батальон
- Полк

Австрийцы

- Батарея вылазочная (подвижная)
- Проволочные заграждения

Обозначения фортов и укреплений те же, что на схеме № 20

Схема 21. Атака юго-восточного сектора крепости Перемышль 5—7 октября 1914 г.

Схема 22 Штурм крепости Перемышль 5—7 октября 1914 г. Участок атаки 3-й стрелковой бригады.

Связь тяжелых дивизионов была установлена только со штабами ближайших дивизий и, кроме того, 3-го дивизиона с 230-м полком 58-й дивизии и с 73-м полком 19-й дивизии, 1-го дивизиона — с командиром 2-й бригады 19-й дивизии, 2-го дивизиона — с командиром 1-й бригады 69-й дивизии.

4 октября не успели занять назначенное им приказом положение только 19-я пех. дивизия и 3-я стрелковая бригада. Но в течение дня 4 октября командир 19-й арт. бригады с командирами дивизионов и батарей произвел рекогносцировку артиллерийских позиций в районе Балице, Новоселки.

Части же 60-й и 69-й пех. дивизий с утра 4 октября перешли в наступление, и 240-й полк занял западную окраину Цыкув, а 239-й полк под огнем крепостной артиллерии окопался, не доходя 1 000 шагов до той же деревни.

Русское командование считало Седлискую укрепленную группу ключом к Перемышлю, и потому решено было главный удар направить именно на эту группу. Задача эта была возложена на 19-ю пех. дивизию и на 1-ю бригаду 69-й пех. дивизии, всего 6 полков с 96 легкими 76-мм пушками. Действуя на главном направлении Мочерады, Седлиска, эти части, составляя ударную группу, должны были овладеть передовыми седлискими укреплениями, а затем ядром их — фортом 1 [1]. Для отвлечения внимания и сил противника на флангах ударной группы действовали 58-я пех. дивизия с ее артиллерией — справа и 60-я пех. дивизия со своей артиллерией — слева. С юга левый фланг атаки обеспечивался действиями 3-й стрелковой бригады. Общий резерв — около 7 пехотных полков с 48 легкими 76-мм пушками — стягивался в район деревень Крысовице (схема 20), Злотковице для действия в главном направлении — за ударной группой. Что же касается тяжелой артиллерии, то ее группировка позволяла сосредоточивать огонь по Седлиской группе с разных сторон.

Атака 5 октября

Ген. Щербачев поставил задачей первого дня атаки отбросить противника к фортам, с целью занять линию Халупки Медыкские, лес На Блоню, высоты западнее Быкув, Плешовице, деревни Поповице, Германовице, Княжице, «твердо закрепить ее за собой, а при трудности держаться — податься вперед» (приказ № 7). Начало наступления назначено было в 9 час. (схемы 20 и 21).

Действия ударной группы. Начальник 19-й дивизии, заняв исходное положение на участке от высоты 267 (северо-восточнее Новоселки) до Байовице, решил наступать на фронт Быкув, высота 290 (в лесу западнее южной части Плешовице), с целью овладеть передовыми укреплениями Седлиской группы, расположенными на высотах 231, 285 и по восточной опушке леса, в западной части которого

[1] Командование ударной группой не было объединено в руках одного начальника. Поэтому входившие в состав ударной группы 19-я и 69-я дивизии действовали самостоятельно по усмотрению своих начальников дивизий. Действия их описываются ниже отдельно.

находился форт Седлиска (1). Ближайшей задачей он поставил: а) правому участку — 73-й полк — овладеть позицией от северной окраины Быкув до северной окраины Цу-Плешовице; б) левому — 75-й и 76-й полки — от северной окраины Цу-Плешовице до высоты 290 включительно; в) 19-й арт. бригаде (48 л. ор. и 2 роты прикрытия) из района Новоселки, Байовице начать в 9 час. подготовку атаки передовой позиции противника; г) резерву дивизии — 74-й полк — из Мочерады передвинуться в Новоселки. Штаб дивизии и головной артиллерийский парк — в Мочерады. Дивизионный госпиталь в Балице. Остальные госпитали дивизии и обозы 2-го разряда отошли в Мосциска.

Командир 19-й арт. бригады еще 4 октября получил приказ начальника дивизии о том, что артиллерийская бригада составит особый артиллерийский участок под его командой и что на нее возлагается задача: «содействовать общему успеху атаки, продвигаясь вперед по мере наступления пехоты», а также о том, что распоряжением начальников участков следует произвести разведку подступов к противнику и характера неприятельских укреплений. С своей стороны, в развитие приказа начальника дивизии и на основании данных, полученных личной разведкой, командир бригады приказал:

«К утру 5 октября занять выбранные позиции. За ночь (с 4-го на 5-е) вырыть окопы, в следующие дни усовершенствовать их, обеспечив людей блиндажами от осколков и пуль, также от дурной погоды, так как придется жить на батареях. Сделать окопы на наблюдательных пунктах для командиров, разведчиков и телефонистов. Особенно позаботиться о маскировке окопов. Сделать ходы сообщений, установить телефонную связь с командиром бригады и начальниками участков (1-му дивизиону — с полковником Бескровным, 2-му дивизиону — с полковником Соколовым) [1]. С начальниками участков установить также связь ординарцами — особенно на ночь. По возможности обеспечить телефонную линию от порчи разрывов. Выставить боковых наблюдателей. Установить непрерывное наблюдение за полем и за противником, замечая его работы, передвижения, места батарей и наблюдателей. Отмечать следует передвижения даже отдельных людей, если они происходят в определенном направлении и продолжительное время и тем служат доказательством скапливания людей в одном пункте.

Изучить район противника: его расположение, окопы, укрепления, батареи; определить дистанции и боковые отклонения. Сделать схемы расположения противника или панорамы, нанеся на них все данные, необходимые для стрельбы. Твердо установить и уяснить ориентировку. Передки и батарейные резервы расположить безопасно от огня и по возможности скрыть сверху. Исправить дороги, идущие от батарейного резерва, и тем облегчить питание патронами. Разведать местность и пути вперед. Командирам дивизионов распорядиться соответствующим расположением пехотных прикрытий. Наблюдательный пункт командира бригады: выступ леса к северо-востоку от Новоселки».

---

[1] Бескровный — командир 73-го полка, Соколов — командир 76-го полка.

Батареи 1-го дивизиона 19-й бригады заняли первые позиции к северо-востоку от Новоселки по обе стороны дороги из Новоселки в Балице: 1-я и 3-я батареи севернее дороги, 2-я батарея южнее. В тылу 1-й и 3-й батарей приблизительно в 2 км возле ф. Казимерж стояли две батареи 1-го тяжелого арт. дивизиона. Первые позиции батарей 2-го дивизиона были за высотой 272 к северо-востоку от Байовице.

Позиции батарей 19-й арт. бригады показаны на схеме 21. Подробности расположения на позициях 2-го дивизиона 19-й бригады показаны на схеме 23, представляющей копию схемы, составленной на поле сражения адъютантом дивизиона поручиком Маевским [1].

Около 10 час., с началом движения 73-го полка, по его цепям был открыт противником ружейный и пулеметный огонь с передовой позиции, занимающей фронт восточная окраина Быкув, высота 276, высота 281 с рощей (к северо-востоку от Цу-Плешовице), и артиллерийский огонь с седлиских укреплений. Полк залег, хотя одновременно с началом его наступления открыли огонь по передовой позиции батареи 1-го дивизиона, поддержанные двумя батареями 58-й арт. бригады, расположенными севернее ф. Казимерж. Эти батареи стали обстреливать седлиские укрепления 1_1 и 1_2 и бронированную батарею возле и севернее 1_1.

Огонь бронированной батареи наносил наибольшие потери 73-му полку, поэтому по ней был сосредоточен огонь также 1-й и 3-й батарей 19-й бригады, но огонь по броне оказался безрезультатным. В 11 час. 73-й полк перешел в наступление и настолько опередил соседние полки справа и слева, что попал под перекрестный огонь из развалин Быкув и окопов с высот к юго-западу от Быкув, вынужден был опять залечь и завязать стрелковый бой.

2-й дивизион 19-й арт. бригады открыл огонь по окопам на высоте 280 (к западу от Овчарня). При содействии этого огня 76-й полк овладел высотой 280 и, преследуя австрийцев, к 14 час. занял с боем и высоту 290 (к западу от Плешовице) в 2 км от укрепления 1_4.

Левее 73-го полка наступал 75-й полк на высоту 281 (к северу от Цу-Плешовице). Занимавшие эту высоту австрийцы, обойденные с фланга наступавшим южнее 76-м полком, стали отходить. Преследуя их, 75-й полк продвинулся в северо-западном направлении, причем два батальона этого полка окопались в 1·000 шагах от укрепления 1_2.

К тому же времени 73-й полк, по которому перекрестный огонь прекратился, захватил последовательно ряд окопов, несмотря на сильный артиллерийский огонь с линии седлиских укреплений, и к вечеру окопался в 800—1.000 шагах от укреплений 1_1—1_2.

Как только австрийцы стали отходить с передовых позиций, командир 19-й арт. бригады приказал командирам дивизионов произвести разведку укрытых путей для переезда ближе к противнику.

[1] К делу ЦВИА, 55—765, с журналами военных действий 19-й арт. бригады за период времени с 17 июля 1914 г. по 27 марта 1916 г., должны быть приложены 844 схемы, но их в ЦВИА не нашли. Копия схемы 19—из другого дела ЦВИА за № 17—659 (л. 1064). Схема 23 несколько отличается от схемы 21.

Батареи поодиночке переехали к очищенным противником высотам. К 16 час. 2-я батарея заняла закрытую позицию к юго-востоку от Быкув, а 6-я батарея стала южнее Плешовице, прикрываясь высотой 290. С наступлением темноты переменили позиции и остальные батареи 19-й арт. бригады, расположившись: 1-я и 3-я батареи возле 2-й; 4-я и 5-я батареи в районе д. Плешовице, возле 6-й батареи (схемы 21 и 23). К ночи на 6 октября все батареи 19-й бригады занимали позиции в 2½—3 км от укреплений противника.

В общем задача, поставленная 19-й пех. дивизии на 5 октября, была к вечеру выполнена с потерей 25 человек убитыми и 238—ранеными. В артиллерии потерь не было, так как благодаря хорошему укрытию позиций неприятельская артиллерия не могла нащупать русские батареи.

Ночью на 6 октября тяжелая артиллерия противника обстреливала деревни Плешовице и Новоселки и высоту 290 с лесом (западнее Плешовице).

В действиях 19-й арт. бригады первого дня атаки обращает на себя внимание почти полное отсутствие управления огнем со стороны командира бригады. Согласно приказу начальника дивизии, вся бригада выделена была в самостоятельный артиллерийский участок под начальством ее командира, которому, следовательно, была предоставлена полная инициатива действий. Командир 19-й арт. бригады проявил много энергии при производстве 4 октября под личным его руководством рекогносцировки, выборе позиций и наблюдательных пунктов и по отдаче предварительных распоряжений по оборудованию позиций, по организации связи, наблюдения и пр. Но в день боя он ограничился почти единственным распоряжением о рекогносцировке подступов и переезде батарей на вторые позиции. Что же касается управления огнем в тактическом отношении, то он придал 1-й дивизион своей бригады правому боевому участку и связал его с командиром 73-го полка, а 2-й дивизион — левому участку, связав его с командиром 76-го полка. Дивизионы располагались в затылок за своими полками, которым оказывали непосредственное содействие, обстреливая главным образом окопы и пехоту противника, если не считать безрезультатной попытки 1-й и 3-й батарей уничтожить совместно с батареями 58-й арт. бригады бронированную батарею возле укрепления 1_1 и успешной стрельбы 4-й батареи по батарее противника, обнаружившей себя в начале боя у Быкув и оттуда скоро отошедшей. В общем артиллерия противника, часть которой располагалась в промежутках между укреплениями на батареях полевого профиля, и была более уязвима, чем бронированные батареи, оставалась неподавленной и наносила большие потери наступающей пехоте, особенно 73-му полку.

Надо полагать, что со стороны артиллерии была бы оказана своей пехоте более действительная помощь, если бы командир 19-й арт. бригады, оставив в своих руках бо́льшую часть батарей, направлял их сосредоточенный огонь на уязвимые неприятельские батареи и уничтожал перекрестным огнем ту пехоту противника, которая оказывала сильное сопротивление; для непосредственной же поддержки пехоты было бы достаточно передать по одной батарее 73-му и 76-му полкам.

Кроме того, было бы правильнее помогать не фронтальным огнем, т. е. не той пехоте, сзади которой располагались артиллерийские дивизионы, а перекрестным огнем, т. е. 1-му (правому) дивизиону помогать левому боевому участку (75-му и 76-му полкам), 2-му (левому) дивизиону — правому участку (73-му полку). Дистанция вполне допускала ведение подобного перекрестного огня, несравненно более губительного для противника, чем фронтальный огонь, который вели батареи 19-й бригады через головы своей впереди наступавшей пехоты.

Действия на правом фланге ударной группы. Составлявшая правый фланг ударной группы 58-я пех. дивизия получила задачу овладеть фортом Гурко (см. форт 14 на схеме 21). В приказе не указывалась разграничительная линия между 58-й и 19-й дивизиями, а потому лежащий на стыке их форт 15—Борек не попал в участок ни той, ни другой дивизии.

Начальник 58-й пех. дивизии распределил свою дивизию для наступления на два участка с задачами: правый — 3 батальона (230-го и 231-го полков) и 24 легкие пушки (2-й дивизион 58-й арт. бригады) — овладеть фортом Гурко и укреплением Мурованка; левый — 4 батальона (229-го и 231-го полков) и 24 легкие пушки (1-й дивизион 58-й арт. бригады) — выдвинуться на линию Мурованка, Длуге, Лозы. За каждым боевым участком имелся свой резерв — за правым один, за левым два батальона.

1-я и 2-я батареи 58-й арт. бригады с 3 октября занимали укрытые лесом позиции у ф. Казимерж, в 3 км за линией своей пехоты, имея наблюдательный пункт на высоте 311 впереди, к юго-западу от батарей.

На слишком большое удаление батарей 58-й арт. бригады от своей пехоты Дельвиг обращал внимание начальника 58-й дивизии, сообщив ему еще 25 сентября, между прочим, следующее: «Прибыв в 3 ч. 30 м. в район 231-го и 232-го полков для разведки позиций тяжелым батареям,... я, к удивлению своему, нашел полки без артиллерийской поддержки. Единственная батарея находилась в 3 верстах позади, а прочие еще дальше, не будучи в состоянии даже открыть огонь... Считаю необходимым немедленно передвинуть вперед легкие батареи, так как с позиций доносят, что пехота обстреливается артиллерией австрийцев».

1-й батарее была поставлена задача содействовать наступлению 231-го полка своей дивизии и 73-го полка 19-й дивизии. На прицеле 120—122 батарея стала обстреливать одну из промежуточных батарей противника возле укрепления 1_1, сильно мешавшую наступлению 73-го полка, но вреда ей не наносила, так как батарея оказалась в бронированных куполах. Тогда огонь был перенесен на другую батарею, стоявшую в лесу недалеко от бронированной, замаскированную дровами; сильным шрапнельным огнем, совместно с огнем соседней 3-й батареи 19-й бригады, эта неприятельская батарея была приведена к временному молчанию. Около 12 час. артиллерийский разведчик-офицер, возвратившийся из расположения 231-го полка, сообщил, что движению полка препятствует ружейный огонь пехоты противника из леса На Блонь (к северо-востоку от форта 15). После

нескольких очередей комбинированного огня гранатой и шрапнелью по опушке этого леса на прицелах 110—115 австрийская пехота стала отступать в беспорядке к фортам, преследуемая огнем батареи до предела дальности.

К 16 час. батарея переменила позицию, выдвинувшись вперед на 1½—2 км, и стала укрыто в лесу, откуда вновь пристрелялась по трем промежуточным батареям противника.

За день боя 5 октября 1-я батарея израсходовала лишь 200 снарядов, в том числе 178 шрапнелей и 22 гранаты.

Вследствие хорошо закрытой позиции батарея потерь не понесла.

2-я батарея 58-й арт. бригады с утра 5 октября, согласно полученному приказанию, пристрелялась к укреплениям 1_3 и 1_1 Седлиской группы и вела по ним редкий огонь. Затем около 10 час. выбила своим огнем, вместе с огнем 1-й и 3-й батарей, австрийскую пехоту, занимавшую лес На Блоню, который и был занят частями 231-го полка после слабой ружейной перестрелки. Но вскоре части эти вынуждены были очистить лес, так как броневая батарея противника с форта 15 наносила им большие потери своим огнем, и только после того, как батарея эта прекратила огонь, повидимому из-за недостатка гранат, части 231-го полка вновь заняли На Блоню.

Пользуясь продвижением вперед 231-го полка, командир батареи решил переместиться также вперед. Произведя рекогносцировку около 12 час., командир батареи к 14 час. перевел свою батарею на 1½ км к западу на вторую позицию, закрытую лесом. С этой позиции батарея пристрелялась по нескольким целям: по батарее на укреплении 1_1, промежуточной 2-орудийной батарее несколько сзади и правее (севернее) этого укрепления, по форту 15 (Борек), по двум участкам окопов, идущим вправо от него (на северо-запад) к форту 14 (Гурко) и по двум батареям левее (южнее) форта 15. Большинство указанных целей находилось на дистанции от батареи свыше 4½ км. Желая стать поближе к противнику, командир батареи около 17 час. произвел рекогносцировку и наметил позицию почти на западной опушке леса Вельки Ляс у высоты 227 (к востоку от Быкув), куда направил людей для рытья окопов. Перед рассветом 6 октября 2-я батарея занимала уже эту новую позицию (третью) в 2½—3 км от неприятельского укрепления 1_1. Наблюдательный пункт командира батареи находился вблизи батареи, южнее ее, на покрытой кустарником небольшой возвышенности.

В бою 5 октября 2-я батарея израсходовала лишь 149 шрапнелей, т. е. еще меньше снарядов, чем 1-я батарея. Потерь в батарее не было ни в людях, ни в лошадях.

3-я батарея заняла позицию неудачно — почти открытую, в стороне от 1-й и 2-й батарей, между Вельки Ляс и Шехине и могла благодаря своему открытому расположению легко сделаться добычей неприятельской крепостной артиллерии. Но этого не случилось, и 3-я батарея своим огнем помогла частям 231-го полка занять лес На Блоню.

Частям 229-го полка, наступавшим по открытой местности с фронта Вельки Ляс, Шехине на Мурованка обстреливаемым батареями

группы форта Борек, удалось выдвинуться вперед не более как на 600—700 шагов, несмотря на огневую поддержку своей артиллерии.

Назначенный в правый боевой участок 2-й дивизион 58-й арт. бригады расположился на позиции: 4-я и 6-я батареи, прикрываясь деревней Медыка, возле железной дороги в Львов, 5-я батарея у западной окраины Шехине, прикрываясь гребнем высоты 254, на которой находился наблюдательный пункт. За той же высотой стояла 7-я тяжелая гаубичная батарея, а 8-я тяжелая гаубичная батарея располагалась южнее, за высотой 254, у северной опушки Вельки Ляс. Обе эти тяжелые батареи обстреливали форт Гурко (14). Батареи 2-го дивизиона 58-й бригады обстреливали неприятельские батареи, расположенные вне фортов 14 и 15 и открывшие сильный огонь по наступающей пехоте правого участка 58-й дивизии.

При поддержке артиллерийского огня дивизиона два батальона 230-го полка, укрываясь складками местности от артиллерийского, пулеметного и ружейного огня противника, выбили австрийцев из окопов у д. Халупки Медыкские и к вечеру окопались там, оставив далеко сзади себя уступом части левого участка 58-й дивизии.

Энергичное наступление русских на форт Гурко заставило коменданта крепости усилить атакуемый участок тремя батареями из имеющегося у него подвижного артиллерийского резерва. Этот артиллерийский резерв, о существовании которого русское командование не имело, повидимому, сведений, сыграл большую роль в обороне крепости.

В общем задачу первого дня атаки (5 октября) 58-я пех. дивизия далеко не выполнила, хотя правый боевой участок дивизии значительно продвинулся вперед, овладев окопами противника у Халупки Медыкские; что же касается левого участка, то поставленная ему задача — выдвинуться на линию Мурованка, Длуге Лозы — не могла быть выполнена без предварительного овладения лежащим на пути наступления фортом Борек (15).

В действиях артиллерии 58-й дивизии не замечается объединенного управления не только в руках командира 58-й арт. бригады, но и командиров дивизионов; не видно и постановки артиллерии определенных задач ни со стороны начальника дивизии, разделившего ее поровну — по дивизиону между правым и левым участками, ни со стороны командиров боевых участков. В сущности батареи действуют порознь — каждая самостоятельно, выбирая цели для стрельбы по своей инициативе, но не всегда удачно; по своей же инициативе батареи переходят на другие позиции, чтобы стать ближе к противнику, и в этом отношении особенно отличается 2-я батарея 58-й бригады, переменившая позицию за день боя дважды. Но сосредоточенного огня нет, так как нет объединенного управления огнем; огонь ведется почти исключительно фронтальный через головы своей пехоты, сзади которой расположены приданные ей батареи, если не считать косоприцельного огня 1-й и 2-й батарей 58-й бригады, оказавших содействие наступлению соседнего полка 19-й пех. дивизии.

Действия на левом фланге ударной группы. Начальник 69-й пех. дивизии ближайшей задачей действий на 5 октября поставил овладение подступами к южной группе седлиских укреплений, т. е. дерев-

ней Поповице и рощей к северо-востоку от нее на высоте 290 (см. схему 21). Атаку Поповице начальник дивизии решил произвести при поддержке огня всех 6 батарей 69-й арт. бригады.

Командир 69-й арт. бригады с командирами дивизионов еще 3 октября произвел рекогносцировку и наметил позиции для всех своих батарей за высотами в районе деревень Ходновице, Тышковице: для батарей 1-го дивизиона — за высотой 281 у южной окраины Ходновице; для батарей 2-го дивизиона — за высотами 311—286 у Боратыче. К вечеру 3 октября все батареи 69-й арт. бригады по лесной грязной, скверной дороге, но скрытно были подтянуты к Боратыче. На другой день еще до рассвета приступили к рытью окопов и уничтожению отдельных деревьев и других ориентирных предметов, которые могли бы облегчить противнику пристрелку, а в 5 час. командир бригады с командирами батарей объехал все намеченные позиции. С 7 час. позиции стали заниматься по-батарейно, причем батареи подходили к позициям укрытыми путями.

Учитывая бесполезность ввязывания в состязание с артиллерией крепости, решено было открыть ураганный огонь всех батарей по деревне Поповице. Под прикрытием этого огня пехота повела энергичное наступление, заставшее австрийцев врасплох. Части русской 69-й дивизии заняли Поповице и окопы впереди нее с налета, почти без потерь, но не успели в них закрепиться, как по ним был открыт сильный огонь нескольких неприятельских 2-орудийных батарей, расположенных в промежутках между укреплениями 1_4, 1_5 и 1_6. По просьбе пехоты, остановленной этим огнем, 1-й дивизион открыл сильный огонь по искусно маскированной 6-орудийной батарее противника между 1_5 и 1_6 и привел ее к молчанию, но все же пехота не могла продвигаться вперед вследствие продолжавшегося убийственного огня разбросанных между укреплениями 2-орудийных батарей, одновременно нащупывавших места расположения русских батарей.

Около 14 час. австрийцы, прикрываемые огнем своей артиллерии, перешли в контратаку и вновь заняли Поповице, выбив оттуда русских.

Начальник дивизии решил повторить атаку и приказал 1-му дивизиону подавить огонь неприятельской артиллерии из укреплений 1_5 и 1_6 и из промежутков между ними, а 2-му дивизиону — подготовить атаку пехоты на Поповице.

Высланная от 1-го дивизиона передовая артиллерийская разведка обнаружила, что при огневых налетах на укрепления австрийцы скатывают орудия с валов в блиндажи, а в перерывы между налетами тотчас выкатывают орудия и продолжают стрельбу. Вследствие этого огонь по укреплениям стали вести методически, не прерывая его, что значительно облегчило наступление пехоты.

5-я и 6-я батареи открыли огонь по Поповице, а 4-я батарея—по цепям противника, двигающимся по лощине восточнее Поповице навстречу 274-му полку. На прицеле 90 шрапнелью и 100 гранатой 5-я батарея прямыми попаданиями выбила австрийцев, засевших в белый домик на краю Поповице, откуда они сильно поражали ружейным огнем наступающую русскую пехоту. 4-я батарея, по инициативе своего командира, несмотря на сильный артиллерийский огонь про-

тивника, переехала кратчайшим скрытым путем по лощине от высоты 311 к высоте 272 у северной окраины Тышковице на новую позицию за этой высотой, на близкой дистанции, около 1½ км от Поповице. Переезд батареи совершался по-орудийно на четырех уносах, поэтому сначала открыли огонь только первые переехавшие 4 орудия, а затем и остальные. Командир батареи выбрал себе наблюдательный пункт в саду в северо-восточной части Тышковице. Для поддержки 274-го полка 4-я батарея открыла огонь сначала по батарее между укреплениями 1_5 и 1_6, затем по укреплениям 1_4 и 1_5. Командир 5-й батареи переменил свой наблюдательный пункт, переместившись к высоте 281 (недалеко от наблюдательных пунктов командира 4-й батареи и командира 2-го дивизиона), что имело большое положительное значение, так как на высоте 281 находился и командир 274-го полка, руководивший наступлением левого участка 69-й дивизии. Около 14 ч. 30 м. все батареи (4-я, 5-я и 6-я) 2-го дивизиона вели огонь по Поповице и подступам к укреплениям, а с 15 час. по Поповице был сосредоточен огонь 1-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й батарей. Благодаря могущественной поддержке артиллерии 274-й полк утвердился в северной части Поповице, а 273-й полк занял юго-западный склон высоты 290 с рощей. С 17 час., когда пехота подошла к Поповице, артиллерийский огонь, во избежание поражения своих, был перенесен за Поповице, а около 18 ч. 30 м. прекращен.

Ночью 1-я и 3-я батареи переехали к высоте 281, 2-я осталась на прежней позиции юго-западнее Ходновице, 5-я батарея присоединилась к 4-й за высотой 272, а 6-я батарея была оставлена далеко в тылу к северо-востоку от Боратыче в распоряжении командира 69-й арт. бригады — на случай стрельбы «по неожиданно появившимся целям».

Для стрельбы ночью оставлены были на батареях дежурные — по одному офицеру и по два номера на орудие на каждую батарею; для стрельбы по прожекторам в батареях были сделаны отметки направлений по всем укреплениям.

За день боя была установлена тесная связь артиллерии с пехотой, — от артиллерии в передовых пехотных частях находились разведчики и телефонисты. Все требования пехоты, предъявляемые во время боя 5 октября, исполнялись батареями 69-й бригады быстро и точно. Выразившееся в этом взаимодействие артиллерии 69-й дивизии со своей пехотой следует отметить. Действительно, при подготовке атаки на Поповице артиллерия, в особенности 2-й дивизион 69-й бригады, а из него 4-я батарея, переехавшая по инициативе своего командира на вторую, близкую к противнику позицию, оказала своим огнем огромную помощь пехоте; при этом перед атакой по Поповице был сосредоточен сильнейший огонь пяти батарей бригады. Однако, ведя убийственный огонь по пехоте противника, артиллерия не обратила достаточного внимания на необходимость одновременного подавления огня неприятельских батарей. В начале боя командир артиллерийской бригады считал даже вовсе бесполезным ввязываться в состязание с крепостной артиллерией, но, вынужденный изменить свое первоначальное решение в то время, когда наступающая пехота была остановлена артиллерийским огнем против-

ника, он около 14 час. возложил на 1-й дивизион «специальную задачу: подавлять огонь фортов и ясно видимых батарей противника». Но, не дав достаточно времени на исполнение такой задачи, командир бригады огонь и 1-й и 3-й батарей сосредоточивает по Поповице, предоставив только 2-й батарее выполнять «специальную задачу» подавления огня артиллерии противника, что для одной батареи было задачей непосильной.

Следует также отметить управление артиллерией со стороны командира артиллерийской бригады в день боя 5 октября, в особенности при выборе позиций и наблюдательных пунктов и при сосредоточении огня пяти батарей по Поповице.

Артиллерия противника во все время боя наносила большие потери русской пехоте, оставаясь почти безнаказанной, и способствовала переходу в контратаку своей пехоты. Один из командиров артиллерийской группы в крепости (укреплений форта Цыков 2) в своем журнале военных действий записал между прочим о действиях артиллерии 69-й дивизии 5 октября следующее: «Огонь русской артиллерии был настолько слаб, что позволил нашей артиллерии обрушиться на пехоту».

Нельзя не обратить внимания на то, что наряду с целесообразными распоряжениями командира 69-й арт. бригады было и такое странное, как оставление у себя, так сказать в резерве, 6-й батареи на тыловой позиции — «для стрельбы по неожиданно появившимся целям». Оставаясь на позиции у Боратыче, приблизительно в 6—7 км от передовых укреплений, 6-я батарея не могла принять деятельного участия в подготовке атаки на эти укрепления. Наконец, находясь далеко в тылу, она не в состоянии была бы достаточно скоро обнаруживать и обрушиваться своим огнем на внезапно появлявшиеся цели.

Начальник 60-й пех. дивизии, действующей левее 69-й дивизии, получил приказание командира корпуса овладеть 5 октября скатами высот между деревней Разубовице и хутором Дзевенчице (схемы 20 и 21). Начальник дивизии возложил эту задачу на 239-й и 240-й полки, утвердившиеся к 14 час. в долине р. Бухла и в Цыкув. Легкие батареи 60-й арт. бригады занимали позиции: 1-й дивизион у высоты 267, между деревнями Строновице и Дроздовице; 4-я и 6-я батареи за высотами 289 и 293, западнее Дроздовице; 5-я батарея у северо-западной опушки рощи Лангевальд, прикрываясь высотой 261. При поддержке огня легких батарей и двух 152-мм батарей 2-го тяжелого арт. дивизиона, занимавших позицию у северной окраины Строновице, 240-му полку удалось овладеть высотой и деревней Злота Гура, но сильным огнем с фортов 3 (Лучице) и 4 (Германовице) полк был оттуда выбит, и только к вечеру одному батальону удалось вновь занять Злота Гура, остальные же батальоны 240-го полка и 239-й полк окопались на склонах высот на линии Злота Гура, Дзевенчице (на северном берегу р. Бухла). Артиллерия противника, расположенная на форту 2 (Могилка — южнее Якмонице), вела слабый огонь по атакующим 239-му и 240-му полкам, связанная сосредоточенным огнем русских тяжелых 152-мм батарей и легких батарей 60-й бригады. Материальные повреждения от этой бомбар-

дировки были незначительны. Командир артиллерии форта 2 записал в своем дневнике: «Русская артиллерия, стрелявшая до 4 ч. 30 м. тротиловыми 12- и 15-см гранатами и 8-см шрапнелями, производила лишь моральное впечатление».

Действия 3-й стрелковой бригады. Задача 3-й стрелковой бригады на 5 октября сводилась к овладению фортами 4 (северо-западнее Германовице) и 5 (северо-восточнее Гроховице) и промежутком между ними (схема 22). Командир стрелковой бригады еще до рассвета выдвинул в исходное для атаки положение: 11-й стрелковый полк с 1-й легкой батареей на участок от высоты 289 (у шоссе из Низанковице в Перемышль) до деревни Купятыче, 10-й стрелковый полк с 3-й батареей — от Даровице до Княжице. С рассветом австрийцы открыли артиллерийский огонь с фортов 3 и 4 и повели контрнаступление, охватывая левый фланг 10-го полка со стороны Витошнице, но были отброшены пулеметным и ружейным огнем. Вторичное наступление австрийцев в 16 час. также не имело успеха. Батареи 3-го стрелкового арт. дивизиона огня 5 октября не открывали. В 8 час. командир дивизиона был вызван с командирами батарей к командиру 3-й стрелковой бригады, который объяснил им обстановку, указал на предстоящие задачи и приказал произвести рекогносцировку позиций для 1-й и 2-й батарей в районе высоты 289, а для 3-й батареи — в районе Корманице. К 12 час. рекогносцировка была закончена, но занять намеченные позиции до наступления темноты было невозможно вследствие сильного артиллерийского обстрела с фортов. Днем 2-я батарея оставалась на позиции у Заблотце, имея наблюдательный пункт командира в 1 км впереди, на высоте 272; около 14 час. батарея получила приказание присоединиться к 11-му стрелковому полку и действовать совместно с приданной тому же полку 1-й батареей. Командир 3-й батареи, приданной 10-му полку для содействия атаке форта 5, получив от командира полка данные обстановки и боевую задачу, занял позицию севернее деревень Клоковице, Яксмонице, имея впереди в 1 км наблюдательный пункт на высоте 297. Удаление 2-й и 3-й батарей на 2—3 км за своей пехотой было слишком велико. Командир стрелковой бригады приказал батареям переместиться вперед, чтобы быть ближе к фортам. В ночь на 6 октября батареи переехали на вторые позиции и к 7 час. утра располагались: 1-я и 2-я батареи рядом за высотой 289, имея на этой высоте наблюдательные пункты командиров батарей; стрельбой этих батарей руководил командир 3-го стрелкового арт. дивизиона, находившийся у Заблотце и установивший связь с командиром 11-го полка и командиром стрелковой бригады; 3-я батарея действовала отдельно с 10-м полком, переместившись на позицию к северу от Млодовице за высоту 281, на которой находился наблюдательный пункт командира батареи.

Результаты наступления 5 октября. Значительный успех был достигнут 19-й пех. дивизией, составлявшей ударную группу; 230-м пех. полком 58-й дивизии на правом фланге; 60-й дивизией и 1-й бригадой 69-й дивизии на левом фланге. Действия 230-го полка были парализованы фланговым огнем с форта 15 (Борек); части 69-й дивизии понесли наибольшие потери от флангового артиллерийского

огня с форта 2 и укрепления 1_6. Выяснилась безусловная слабость огня полевой легкой пушки по крепостным сооружениям. Артиллеристы пришли к убеждению в бесполезности траты снарядов для стрельбы по отчетливо видимой 4-орудийной броневой батарее, стоявшей возле укрепления 1_1, так как сосредоточенный по ней интенсивный огонь пяти батарей 19-й и 58-й бригад не причинил ей никакого вреда. Командир 73-го Крымского полка, против которого бронированная батарея действовала весь день, успех атаки обусловил уничтожением этой батареи.

Действие тяжелой артиллерии совершенно не удовлетворило начальника 19-й дивизии, так как она не оказала никакого содействия ударной группе и вела огонь лишь на флангах. Начальник 19-й дивизии просил командира корпуса выдвинуть 1-й тяжелый арт. дивизион вперед в район Овчарня, Храплице «для более действительного содействия атаке передовых укреплений и форта Седлиска».

Дельвиг писал Алексееву, что в день боя 5 октября «тяжелые гаубицы понадобились лишь для овладения Золотой Горой, которая была взята около 2—3 час. дня при поддержке двух батарей тяжелых гаубиц 2-го дивизиона 4-й тяж. бригады». Между тем сложившаяся 5 октября обстановка выдвинула перед командованием серьезнейший вопрос о наилучшем использовании тяжелой артиллерии, которая оказалась, вопреки мнению Дельвига, всюду необходимой.

Ген. Щербачев, усматривая из донесения начальника 19-й дивизии «колебание духа», напомнил ему, что атака должна быть доведена до конца, и указал, что «против укреплений должна действовать легкая артиллерия, а тяжелая будет содействовать». Такое указание явно противоречило основным свойствам легкой и тяжелой артиллерии, и если именно по такому принципу были распределены 5 октября роли между тяжелой и легкой артиллерией, то, вероятно, вследствие малочисленности первой. Во всяком случае, такое решение вопроса оказалось совершенно нежизненным, и на другой день, 6 октября, пришлось отвести тяжелой артиллерии иное место в подготовке атаки.

За день боя 5 октября выяснилась нецелесообразность одновременной атаки на обе группы седлиских укреплений, ввиду трудности борьбы с бронированными батареями и анфилирования подступов к крайним укреплениям Седлиской группы. Более благоприятным для прорыва являлся участок между укреплениями 1_2 и 1_5 протяжением около $2^1/_2$ км, так как, во-первых, атакующие этот участок войска были бы избавлены от анфиладного огня, во-вторых, из четырех укреплений участка только два имели бронированную артиллерию и для подавления огня с атакуемого сравнительно небольшого участка было бы, вероятно, достаточно огня 23 тяжелых гаубиц и 96 легких пушек (около 48 орудий на 1 км атакуемого фронта).

Но оптимистическое настроение Щербачева, уверенного в моральной подавленности гарнизона Перемышля, преобладало над здравым смыслом. Несоответствие средств поставленной задаче его не смущало. Технику противника он решил преодолеть кровью и мужеством русских солдат, показавших высокие боевые качества. Щербачев требовал от войск подвига и надеялся на моральный подъем их.

Всем начальникам дивизий он телеграфировал: «Прошу всем напомнить, что мы делаем великое дело и что для успеха нужна твердая решимость, геройство и искусство... Никакие частные препятствия не должны останавливать. Противник упорен, но подавлен».

Но сам ген. Щербачев не проявил искусства в выборе района для решительного удара, с целью поставить в более выгодные условия свои войска и тем обеспечить успех атаки.

К вечеру 5 октября штаб 8-й русской армии получил сведения о начавшемся на Галицийском фронте наступлении австрийцев, что делало вероятным появление их под Перемышлем через 2—3 суток. Медлить со штурмом крепости было нельзя. В 22 ч. 30 м. был отдан приказ о продолжении наступления с целью атаки фортов Седлиска (1) и Гурко (14) и прилегающих к ним укрепленных групп.

В общем русская пехота при поддержке главным образом легкой артиллерии поставленную ей задачу 5 октября выполнила и, подойдя к фортовому поясу на 1—2 км, здесь к ночи окопалась. Артиллерия получила возможность вынести вперед наблюдательные пункты и выдвинуться ближе к укреплениям, чтобы точным огнем с наивыгоднейших дистанций возместить бессилие легкой 76-мм пушки в борьбе с крепостными сооружениями. Выдвижение артиллерии было рискованным, так как в случае ее обнаружения оставшаяся неподавленной крепостная артиллерия могла бы ее уничтожить. Но большинство легких батарей переместилось вперед с тем, чтобы в мере сил помочь своей пехоте. Из тяжелой артиллерии только гаубичные батареи 1-го тяжелого дивизиона переехали в район высот 311—267, к северу от Новоселки, и стали на позицию, занятую перед тем 1-м дивизионом 19-й арт. бригады, в 4½—6 км от укреплений Седлиской группы, а 107-мм пушечная батарея этого дивизиона была передана в распоряжение командира 2-го тяжелого дивизиона, которому ген. Дельвиг предписал: «выбрать позицию возможно ближе к городу[1], имея в виду обстрел форта 20 и его окрестностей». Имелось в виду бомбардировкой форта 20 облегчить прорыв в Перемышль 58-й пех. дивизии по овладении ею фортом Гурко (см. схему 21). Пушечная 107-мм батарея заняла позицию, как упоминалось, у Дроздовице (схема 21) и должна была приготовиться к открытию огня на рассвете 6 октября.

Легкие батареи оставались в распоряжении своих начальников дивизий и начальников боевых участков, от которых получали задачи и на 6 октября.

Плана действий тяжелой артиллерии, подчиненной ген. Дельвигу, не было выработано, и на 6 октября были поставлены только следующие частные задачи (схема 21): одной гаубичной батарее 3-го тяжелого дивизиона содействовать 58-й пех. дивизии бомбардировкой фортов Гурко и Борек (14 и 15), другой гаубичной батарее — содействовать 19-й пех. дивизии бомбардировкой Седлиской группы; 1-му тяжелому дивизиону — также бомбардировать Седлискую группу с целью поддерживать наступление 19-й дивизии, штаб которой в Мочерады был, по распоряжению Дельвига, соединен с наблю-

[1] Перемышль.

дательным пунктом командира 1-го тяжелого дивизиона на высоте 311 (к северу от Новоселки); при этом Дельвиг приказал командиру тяжелой артиллерийской бригады держать с ним связь через командированного в Мочерады офицера, выслать к рассвету передового наблюдателя для непосредственной связи с пехотой 2-й бригады 19-й дивизии, ориентироваться через начальника 19-й дивизии и командира 19-й арт. бригады в обстановке и позициях батарей 19-й арт. бригады; 2-му тяжелому дивизиону поддерживать наступление 69-й пех. дивизии, наблюдательный пункт командира дивизиона на высоте 306 связать телефоном со штабом 69-й дивизии (Боратыче) и через него с наблюдательным пунктом 1-го тяжелого дивизиона, что давало возможность взаимно корректировать огонь 1-го и 2-го тяжелых дивизионов по южной и северной группам седлиских укреплений. Указанными мерами достигалась возможность сосредоточения по Седлиской группе огня пяти тяжелых гаубичных батарей, из которых две средних 1-го дивизиона могли действовать с дистанции 4½—6 км, а три фланговые (обе 2-го дивизиона и одна 3-го дивизиона) — с 4½—8 км.

Атака 6 октября

Действия ударной группы. Начальник 19-й дивизии указал ближайшие цели действий (схема 21): правому участку (73-й полк) укрепление 1_1 и высота 231 на северной опушке Седлиской рощи; левому участку (75-й и 76-й полки) укрепления 1_2 и 1_3 на восточной опушке той же рощи и на высоте 285.

В дополнительном приказе начальника дивизии, разосланном около 3 час. 6 октября, указывалось:

«Сегодня... с 5 час. утра, блокадный корпус продолжает наступление на Перемышль, начиная с бомбардировки фортов тяжелой артиллерией. Боевым участкам дивизии после подготовки атаки тяжелой артиллерией продолжать наступление и штурмовать... укрепления (указанные выше), обратив главное внимание на уничтожение фланговой обороны рвов, без чего штурма укреплений не начинать.

По овладении передовыми опоясывающими укреплениями продолжать дальнейшее наступление на форт Седлиска, пройдя предварительно лес редкими цепями, которым под руководством сапер уничтожить минные и телефонные провода и только после этого вводить в лес более крупные части...»

Артиллерийская подготовка атаки северной группы седлиских укреплений велась легкими батареями 19-й бригады и 1-й батареей 58-й бригады, которыми руководил командир 19-й арт. бригады, и тремя тяжелыми гаубичными батареями 1-го дивизиона (две батареи) и 3-го дивизиона (одна батарея), действовавшими независимо от легких под руководством Дельвига. Действия легких батарей свелись к стрельбе по окопам в промежутках между укреплениями и отчасти по укреплениям и к подавлению огня вылазочных батарей. Командир 19-й арт. бригады придавал второстепенное значение огню легких батарей, отводя главную роль тяжелой артиллерии. Он правильно объяснял: «Мы будем способствовать,—когда тяжелая артил-

лерия сделает свое дело, то полки будут атаковать укрепления 1_1, 1_2, 1_3». В архивных материалах имеются лишь отрывочные сведения о стрельбе 8-й батареи 3-го тяжелого дивизиона, выпустившей по укреплениям 1_1, 1_2, 1_3, 1_4 лишь 249 гранат (от 35 до 70 по каждому), причем по донесению командира дивизиона только одна батарея противника в укреплении 1_4, по которой направление огня было почти во фланг, к вечеру замолчала, а все остальные неприятельские батареи продолжали успешно обстреливать высоты в районе Шехине, Вельки Ляс.

В общем, если судить по отзывам войсковых начальников и пехоты, работа и тяжелой и легкой артиллерии была мало удовлетворительной.

По донесению начальника правого участка 19-й дивизии, вылазочные батареи в промежутке укреплений 1_2 и 1_3 беспрепятственно действовали по наступающей пехоте (73-го полка), несмотря на огонь русских батарей, уничтоживший одну австрийскую батарею. По его наблюдению, в укрепление 1_2 попал лишь один тяжелый снаряд, не причинив вреда; проволочные заграждения остались совершенно целы. Командир полка просил усилить бомбардировку, чтобы обеспечить успех штурма, — иначе он считал штурм бесцельным.

Командир 19-й арт. бригады приказал 6 октября своим батареям «потушить огонь артиллерии противника» и точно пристреляться по видимым целям. Батареи стояли лишь в 2 км от укреплений, поэтому была достигнута точная стрельба и цели, поддающиеся легким снарядам, были разрушены, а неприятельские батареи с закрытиями полевого типа приведены к молчанию. Укрепления крепостного типа и поставленные в них батареи продолжали свою деятельность, так как снаряды не только легкой, но и полевой тяжелой артиллерии «не имели абсолютно никакого разрушительного действия по укреплениям крепостного типа».

К концу дня прибыл на позицию к северу от д. Новоселки 8-й мортирный дивизион (122-мм гаубиц) и усилил артиллерийскую группу, действовавшую против седлиских укреплений. Огонь его по участку атаки ударной группы был фронтальным; занятая им позиция более благоприятствовала действию по южной группе седлиских укреплений.

В результате артиллерийский огонь противника на участке 19-й пех. дивизии почти не был ослаблен. Начальник 19-й дивизии в ответ на просьбу ген. Щербачева (в 12 ч. 30 м.) «энергично готовиться к штурму», так как, по его мнению, положение на атакованном фронте «прекрасно», телеграфировал (в 17 ч. 21 м.): «Сильный штурм может быть успешен лишь при условии уничтожения нашей тяжелой артиллерией броневых артиллерийских установок противника и уничтожения фланговой обороны рвов, почему прошу доложить командующему армией, так как арт. огонь противника, по моим личным наблюдениям, очень еще силен и затрудняет дальнейшее наше наступление даже для уничтожения проволочных заграждений».

Передовые части 19-й дивизии, сильно обстреливаемые артиллерийским огнем противника, оставались к вечеру 6 октября в том же положении, какое они занимали в начале боя, т. е. окопались в 800—

1 200—1 600 шагах от высоты 231 и укреплений 1_1, 1_2, 1_3 Седлиской группы, имея в резерве 74-й полк у Цу-Новоселки.

Действия на правом фланге ударной группы. Начальник 58-й пех. дивизии поставил на 6 октября задачи: наступать — правому участку (3 батальона 230-го и 231-го полков, 24 легкие пушки) на фронт Гурко, Мурованка, левому (4 батальона 229-го и 231-го полков, 24 легкие пушки) — на форт 15 (Борек) Седлиской группы.

Атака началась в 7 час. при поддержке 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й батарей 58-й бригады и 7-й гаубичной батареи 3-го тяжелого дивизиона. Легкие батареи обстреливали форт 14 (Гурко) и батареи, расположенные вправо и влево от него. В частности, 2-я батарея, имея в виду помощь не только своему левому боевому участку, но и наступающему влево от батареи 73-му полку 19-й дивизии, обстреливала также промежуточные батареи между фортом 15 (Борек) и укреплением 1_1; батарея установила телефонную связь с 231-м полком, а о действиях и расположении частей 73-го полка имела непрерывное осведомление от командира 1-го дивизиона 19-й бригады, наблюдательный пункт которого располагался в 40—50 шагах от командира 2-й батареи; батарея за день боя 6 октября израсходовала 164 шрапнели и лишь 6 гранат; потерь в батарее, занимавшей хорошо закрытую позицию, не было. Наоборот, 5-я батарея 58-й бригады, расположившаяся на маскированной позиции у западной окраины Шехине, была открыта противником и лишена возможности вести огонь. Тяжелая гаубичная батарея обстреливала наиболее важные цели в зоне форт 14, форт 15, укрепление 1_1, выпустив за день боя 228 бомб, из которых 116 — по форту 14 и 72 — по башенной батарее на форту 15. По австрийским данным командиров групп крепостной артиллерии Перемышля, по форту 14 было выпущено русскими не 116, а лишь 61 снаряд, из которых попало в форт только 3 снаряда, причинивших настолько сильные повреждения, что для их исправления потребовалась работа в течение всей ночи на 7 октября; из 72 снарядов, выпущенных по батарее на форту 15, попало в бронированную батарею 29 снарядов, но, как говорится австрийцами в журнале военных действий, «полная безвредность действия снарядов по броне рассеяла подавленное моральное состояние, возникшее с началом бомбардировки».

Легкие и тяжелые батареи не оказали в день боя 6 октября почти никакой поддержки наступлению пехоты 58-й дивизии, так как артиллерия противника, оставаясь безнаказанной, сильным огнем поражала русскую пехоту и препятствовала ее наступлению. По описанию командира артиллерии форта Гурко, русская пехота «наступала редкими цепями, следовавшими одна за другой, служа отличной мишенью для артиллерии».

Все попытки пехоты левого участка 58-й дивизии продвинуться из леса На Блоню (схема 21) и со стороны Быкув к форту 15 оказались безрезультатными. К вечеру 6 октября на правом участке 230-й полк дошел на 300—400 шагов до форта Гурко, а батальон 231-го полка окопался в 200 шагах от люнета Мурованка.

Действия на левом фланге ударной группы. На 6 октября 1-й бригаде 69-й пех. дивизии была поставлена задача подойти воз-

можно ближе к южным укреплениям Седлиской группы при содействии огня артиллерии, для чего правый участок (3-й батальон 273-го полка, 1-я, 3-я и 4-я батареи 69-й бригады) направлен для атаки укрепления 1_4, левый (274-й полк, 2-я и 5-я батареи) — для атаки укреплений 1_5 и 1_6.

На рассвете началась артиллерийская подготовка легкими орудиями. Моросивший дождь мешал наблюдению, вследствие чего стрельба велась по указаниям командиров батальонов первой линии, связанных телефонами с командирами батарей, и передовых артиллерийских наблюдателей-офицеров, высланных в пехотные цепи. 1-я и 3-я батареи стали обстреливать укрепление 1_4 и окоп правее (севернее) его. Около 6 час. открыли огонь 4-я батарея также по укреплению 1_4 и 2-я батарея по укреплению 1_5. 5-я батарея обстреливала пулеметы, замеченные возле 1_4, и заставила их прекратить огонь, что позволило наступать 273-му полку.

Несмотря на неблагоприятные условия наблюдения, стрельба батарей давала, как полагали артиллеристы, хорошие результаты. Утром, когда прояснилось и получилась возможность наблюдать непосредственно результаты стрельбы, огонь с обеих сторон стал интенсивным; вскоре артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь с фортов и укреплений по наступающей пехоте был доведен до высшего напряжения. Австрийцы обнаружили 1-ю и 3-ю батареи, выдвинутые слишком вперед и стоявшие за высотой 281 недостаточно укрыто, и открыли по ним огонь из тяжелых мортир; в 5—10 мин. 1-я батарея потеряла 8 солдат и подбитым один зарядный ящик, а в 3-й батарее было повреждено 2 орудия, ранены 1 офицер и 7 солдат. Засыпанная 10- и 15-см снарядами, 1-я батарея вынуждена была прекратить огонь, а 3-я батарея продолжала стрельбу взводами, пока огонь не стал опасен для подошедшей к укреплениям своей пехоты и пока по укреплениям 1_5 и 1_6 не открыли огонь тяжелые гаубичные батареи. В 8 час. двум взводам 3-й батареи и 2-му дивизиону 69-й бригады приказано было открыть огонь по проволочным заграждениям.

Батареи 2-го тяжелого арт. дивизиона вступили в дело с 10 час., открыв огонь по южной группе седлиских укреплений и по форту 1 (Седлиска), вызвав на нем пожар. Легкие батареи, получившие благодаря огню тяжелых батарей некоторую свободу действий, переносили огонь то по проволочным заграждениям, то по укреплениям, то по пулеметам и, как говорится в журнале военных действий 69-й арт. бригады, «периодически обстреливали живые цели на всем фронте боевого участка дивизии, не пропуская ни одной, достойной внимания. По мелким группам, парным пулеметам, взводам легкой артиллерии батареи вели огонь полубатареями и даже взводами». Открывая огонь по усмотрению командиров пехотных и артиллерийских бригад, артиллерийских дивизионов и батарей или по указаниям командиров полков, батареи «вели гибкий и живой огонь решительно по всем целям, заслуживающим внимания...» «Идеальная организация службы связи и наблюдения позволяла следить за малейшими движениями нашей пехоты, — выполнять с необыкновенной быстротой ее желания...»

Ни в журнале военных действий, ни в других архивных документах нет ни одного слова о сосредоточении артиллерийского огня под объединенным управлением старшего начальника. Ясно, что «живой огонь решительно по всем целям, заслуживающим внимания», был огнем рассеянным и, следовательно, в общем слабым, что и подтвердил в своем донесении ген. Щербачеву начальник 69-й дивизии, которого результаты артиллерийской подготовки 6 октября далеко не радовали.

Неприятельская артиллерия продолжала громить наступающую пехоту, и около 11 час. тяжелая артиллерия из фортов и укреплений открыла усиленный огонь по батареям 69-й арт. бригады, вследствие чего командир бригады через начальника дивизии стал обращаться за содействием то ко 2-му, то к 1-му тяжелому арт. дивизиону, прося подавить огонь тяжелой артиллерии противника. Тяжелые дивизионы периодически вели огонь по укреплениям 1_4, 1_5 и 1_6, пользуясь наблюдениями 69-й арт. бригады. Одна из тяжелых батарей открыла, между прочим, огонь по подкреплениям австрийцев, подход которых из убежища за укреплением 1_5 был обнаружен командиром 1-го дивизиона 69-й бригады; австрийцы, попавшие под огонь тяжелых гаубиц, стали разбегаться и почти все были расстреляны беглым огнем обрушившихся на них легких батарей 69-й бригады. Этот инцидент характеризует действия тяжелой артиллерии с отрицательной стороны, так как 152-мм гаубицы для поражения открытых войск вообще не назначаются и отвлекать тяжелую гаубичную батарею для обстрела идущей на подкрепление австрийской пехоты от выполнения прямой задачи по разрушению укреплений и поражению крепостной артиллерии не следовало; кроме того, этот случай свидетельствует о том, что и тяжелые русские батареи рассеивали свой огонь даже по второстепенным целям вместо того, чтобы пытаться сосредоточенным огнем разрушить то или иное атакуемое укрепление или привести к молчанию ту или иную крепостную батарею, сильно поражающую атакующую пехоту или ее артиллерию.

Ген. Щербачев, сообщая начальнику 69-й пех. дивизии о решении штурмовать Перемышль, предупредил его еще 3 октября, что штурму должна предшествовать артиллерийская подготовка в течение 4—5 дней.

В действительности артиллерийская подготовка атаки укреплений 1_4, 1_5, 1_6 продолжалась лишь несколько часов. После усиленного обстрела их тяжелой и легкой артиллерией пехота 69-й дивизии перешла в наступление около 15 час., но, встреченная сильным огнем из укреплений и расположенных между ними окопов и батарей, продвинуться вперед не могла.

Артиллерийская подготовка велась без всякого плана и объединенного управления огнем и, как видно из журнала военных действий штаба 69-й дивизии, форты и укрепления обстреливались в течение дня 6 октября не только легкой, но и тяжелой артиллерией не по распоряжению командования дивизии, а «по указаниям пехоты», что также приводило вместо сосредоточения к разбрасыванию огня.

Наконец, по показаниям передовой пехоты, действие снарядов не только 76-мм, но и тяжелых 152-мм гранат было «совершенно без-

вредно для укреплений крепости», как это и следовало предвидеть в отношении бетонированных крепостных сооружений Перемышля.

После боя начальник 69-й дивизии доносил ген. Щербачеву о действии артиллерии: «при образцовой меткости, разрушения никакого...»

Атака южных укреплений Седлиской группы 6 октября успеха не имела; 69-я дивизия понесла большие потери, растратила энергию, силы и много огнестрельных припасов. Донесение начальника дивизии указывало на слабость полевой тяжелой артиллерии и на безнадежность штурма фортов без наличия осадных орудий более крупного калибра.

К вечеру 6 октября пехота 69-й дивизии занимала то же первоначальное положение, в каком она находилась при начале боя этого дня. С наступлением темноты 1-я и 3-я батареи 69-й бригады, значительно пострадавшие от огня крепостной артиллерии, были отведены назад на прежние позиции к южной окраине д. Ходновице, где стояла 2-я батарея.

Начальник штаба ген. Щербачева отправил в штаб 8-й армии следующее, не отвечающее действительности донесение о бое 6 октября: «69-я пех. дивизия упорно атакует форты 5 и 4. Легкая артиллерия дивизии — на маскированных позициях непосредственно за пехотой. Тяжелый дивизион поддерживает их огнем (около 25 прямых попаданий бомбами)...» Подобными необоснованными донесениями, не представляющими исключения в русской армии, вводилось в заблуждение высшее командование. В данном случае Щербачев, упрямо уверенный в успехе штурма, вводил в заблуждение ген. Брусилова, повидимому, сознательно.

Наступление 60-й пех. дивизии для атаки группы укреплений Яксмонице, Лучице (форты 2, 2в, 2а, 3), поддерживаемое огнем легких батарей 60-й арт. бригады, было остановлено огнем крепостной артиллерии. Дивизия не продвинулась 6 октября ни на шаг вперед и осталась на позиции Злота Гура, Дзевенчице.

О действии артиллерии в день боя 6 октября в архивных материалах штаба 60-й дивизии имеются весьма краткие сведения: а) приказание командира 60-й арт. бригады накануне боя командиру 1-го дивизиона об экономном расходовании снарядов ввиду отдаленности парков от занимаемых позиций; б) его же донесение командиру корпуса о том, что 239-й полк, наступающий на форт 2, «сильно страдает от шрапнельного и гранатного огня противника со стороны фортов 2 и 2в», что помощи тяжелой артиллерии нет, так как она стреляет по южной группе Седлиска, и что «наша полевая артиллерия существенной пользы принести не может». Таким образом, и со стороны командования 60-й дивизии подтверждалось бессилие легких пушек против укреплений. Но Щербачев оставался глухим к донесениям войск и верил только себе.

По австрийским документам, бой 60-й дивизии 6 октября рисуется кратко так.

Утром, когда рассеялся туман и стали ясно видны вырытые русскими за ночь в 1½—2 км от фортов окопы, по ним со всех крепостных батарей был открыт огонь, вызвавший ответный огонь рус-

ской полевой легкой артиллерии. Ей удалось подбить одно орудие и обстрелять наблюдательный пункт на форту 2. Она особенно хорошо пристрелялась по этому форту и, сильно его обстреливая, лишила возможности передвигаться в нем. Русская артиллерия не могла причинить большого материального вреда, но моральное впечатление было «очень сильное».

Действия 3-й стрелковой бригады (схема 22). Начальник 3-й стрелковой бригады поставил на 6 октября задачи: правому участку (11-й стрелковый полк, 16 орудий 1-й и 2-й батарей) овладеть рощей к северо-востоку от Купятыче и деревней Германовице; левому участку (10-й стрелковый полк и 3-я батарея), оставаясь левым флангом у Княжице, правым подвигаться вперед по мере успеха движения 11-го стрелкового полка.

Ночью батареи продвинулись вперед и к 7 час. 6 октября занимали позиции: 1-я и 2-я батареи за высотой 289, имея на ней наблюдательный пункт командиров батарей; 3-я батарея действовала отдельно с 10-м стрелковым полком.

Командир дивизиона имел наблюдательный пункт у Заблотце, откуда руководил стрельбой 1-й и 2-й батарей, установив связь с начальником стрелковой бригады и командиром 11-го стрелкового полка. Задачи 1-й и 2-й батареям на 6 октября: обстрел форта 4 (к северо-западу от Германовице), внутренней его части и впереди лежащей местности, тяжелых и легких батарей на флангах форта, «а равно и всех целей», как говорилось в приказе, «которые будут появляться перед фортом и мешать продвижению наших стрелков вперед», причем задачей ставилось — 1-й батарее правая часть форта и все вправо от него, 2-й батарее левая часть форта и все влево от него, чем достигался перекрестный огонь. Множество целей, заданных для обстрела, приводило к тому, что огонь получился разбросанный по всему довольно широкому фронту, а следовательно, недостаточно сильный.

Тем не менее артиллерийский огонь, открытый с рассветом 1-й и 2-й батареями, был в общем удачен, так как неприятельские батареи и пулеметы периодически умолкали, позволяя частям правого участка продвигаться вперед. Несмотря на неблагоприятные для наступления условия — дождь, холод, размокшая почва, — все же пехота правого участка задачу свою выполнила, заняв к вечеру окопы противника к северу от Германовице, в 300—500 шагах от форта 4.

Позиции 1-й и 2-й батарей не были открыты противником, и в батареях потерь не было. Наблюдательный пункт командира 1-й батареи был обнаружен и обстрелян артиллерией крупного калибра.

Начальник 3-й стрелковой бригады ген. Фок приказал командиру 3-й батареи передвинуться ближе к 10-му стрелковому полку, помогать его наступлению и «обеспечить» левый фланг полка в случае обхода из лесов со стороны сожженной д. Витошнице. Командир 3-й батареи, выбрав себе наблюдательный пункт на высоте 281 (к северу от Млодовице), двинул свою батарею на позицию за той же высотой лишь около 10 час. утра сначала укрыто, а потом по открытой поляне, замаскировав путь движения шпалерой срубленных мелких деревьев. Противник открыл огонь 15-см снарядами по походным

кухням, когда батарея уже скрылась за бугор и была в безопасности. В течение всего дня 6 октября батарея вела редкий огонь по важнейшим целям для получения точных данных для стрельбы, выпустив за весь день лишь 82 шрапнели.

Вследствие сильного огня противника и не имея огневой поддержки своей батареи, 10-й стрелковый полк оказался не в состоянии продвинуться вперед и оставался на месте на фронте Княжице, Даровице.

Начальник бригады ген. Фок в день боя 6 октября стал сомневаться в возможности овладеть фортами 4 и 5 при наличных технических средствах и уже в 14 ч. 30 м. телеграфировал ген. Щербачеву: «Окопы блиндированы — легкая артиллерия против них бессильна».

Результаты наступления 6 октября. За день боя огонь крепости нисколько не ослабел. Начальник 19-й пех. дивизии, наносивший главный удар, доносил командиру блокадного корпуса в 17 ч. 30 м., что части дивизии сильно обстреливаются неприятельской артиллерией в башенных установках из седлиских укреплений 1_1, 1_2 и 1_3, из батарей по сторонам укреплений и расположенных в лесу Седлиска, число которых не позволяют определить деревья; что укрепление 1_3 имеет сильнейшую артиллерию, не подавленную нашим огнем и препятствующую наступлению. Броневые купола и башни не поддавались огню не только легкой, но и полевой тяжелой артиллерии, а потому расположенные в них батареи противника создавали серьезную угрозу успеху штурма. Искусственные препятствия оставались неразрушенными. Легкие 76-мм пушки и даже 152-мм полевые тяжелые гаубицы оказались слабыми для разрушения крепостных сооружений и капониров во рвах, а до уничтожения последних переход через рвы был невозможен для атакующей пехоты. Только передовые части 19-й и 58-й дивизий находились в близком расстоянии от противника, позволяющем его атаковать; остальным частям пехоты 60-й и 69-й дивизий и 3-й стрелковой бригады приходилось пройти до целей атаки еще 1—2 км.

В общем для ген. Щербачева к вечеру 6 октября не должно было оставаться сомнений в том, что артиллерийская подготовка к штурму, произведенная в предшествующие два дня, не привела к сколько-нибудь положительным результатам и что войска вверенного ему блокадного корпуса далеко не готовы к штурму крепости. В то же время получены были сведения о проявлении активности австрийцев, значительные силы которых обнаружились на перевалах Карпат и на р. Вислоке.

Штурм 7 октября

При создавшихся условиях следовало штурм Перемышля признать невозможным и отвести русские войска от крепости. Но ген. Щербачев, не считаясь с обстановкой, все же решил рискнуть и в 21 ч. 20 м. 6 октября отдал приказ овладеть ночью крепостью Перемышль, начав штурм в 3 часа 7 октября; в частности, приказом предлагалось (схемы 20, 21 и 22) овладеть: 19-й дивизии—северной группой Седлиска, 58-й дивизии — группой Гурко и промежутком

между ней и группой Седлиска, 69-й дивизии — южной группой Седлиска и деревней Седлиска, 60-й дивизии — гребнем между деревнями Яксмонице и Лучице и на нем утвердиться, 3-й стрелковой бригаде — высотой (293) южнее Нерыбка и содействовать атаке 60-й дивизии; бывшей в резерве у Боратыче 65-й дивизии предписывалось наступать за 60-й дивизией, чтобы завершить ее успех (т. е. намечался прорыв в тыл Седлиской группы укреплений); дивизиям ген. Леша предлагалось прорваться в крепость с севера.

В приказе нет ни слова о задачах артиллерии. Очевидно, легкая артиллерия должна была действовать по указаниям своих начальников дивизий, а полевая тяжелая по указаниям ген. Дельвига. Таким образом, объединенное управление артиллерией, необходимое для сосредоточения огня в важнейшем направлении, не предусматривалось.

Штурм северной группы укреплений Седлиска. Начальник 19-й дивизии поставил задачи на 7 октября: правому участку (73-й и 75-й полки) овладеть высотой 231 (северный угол леса Седлиска) и укреплениями 1_1 и 1_2; левому (76-й полк) — овладеть укреплением 1_3, артиллерийскому участку (19-я арт. бригада с двумя ротами прикрытия) ген. Ханжина «содействовать общему успеху атаки»; общему резерву (74-й полк) перейти к северо-восточной окраине Цу-Плешовице; головной артиллерийский парк расположить у северной окраины Злотковице.

Полкам было приказано утвердиться в захваченных укреплениях и быть готовыми к дальнейшему преследованию.

Приказ получен был полками поздно, и потому они смогли занять исходное для штурма положение лишь в 4 часа.

Еще вечером 6 октября батареи 19-й арт. бригады получили приказание своего командира, переданное по телефону: «Ночью будет произведена атака. Немедленно всем занять свои места. Лошадей запрячь. Пополнить патроны. Подготовиться к ночной стрельбе. Огня не открывать. Выслать боковых наблюдателей на случай стрельбы по прожекторам. Установить прочную связь с начальниками участков, для чего выслать офицеров». По получении в 24 часа 6 октября приказа по дивизии о штурме от каждой батареи тогда же было выставлено по взводу (2 орудия) на открытые позиции для стрельбы по крепостным прожекторам. Но огня по прожекторам не открывали, так как они мало освещали, и с рассветом взводы присоединились к своим батареям, занимавшим прежние свои позиции — 1-й дивизион за высотой 281, к северо-востоку от Цу-Плешовице; 2-й дивизион за высотой 290, южнее Плешовице.

Батареи 19-й бригады открыли огонь с рассветом и весь день 7 октября помогали, сколько могли, своей пехоте, обстреливая укрепления, особенно прилегающие к ним окопы противника, вылазочные и другие батареи, расположенные в лесу, в промежутках и сзади седлиских укреплений. Батареям 2-го дивизиона в 8 час. приказано было выкатить орудия вперед для уменьшения мертвого пространства и вести огонь не только по промежуточным укреплениям, батареям и фланкирующим постройкам, но и по другим целям по указаниям 76-го пех. полка, в передовые части которого был выслан от дивизиона наблюдатель-офицер. По кинжальной батарее, указанной

Схема 23. Копия кроки позиций батарей 2-го дивизиона 19-й арт. бригады в боях против группы укреплений Седлиска при штурме крепости Перемышль с 4 по 8 октября 1914 г. (из дела ЦВИА, 17—659, л. 1064).

пехотой возле укрепления 1_3, был открыт удачный огонь 6-й батареи: были разрушены блиндажи, люди и лошади кинжальной батареи разбежались, батарея замолкла.

Весь день 7 октября батареи 19-й бригады вели стрельбу по окопам, батареям и укреплениям противника, стараясь облегчить атаку своей пехоты, несмотря на открытый по ним огонь неприятельской артиллерии. Особенно сильно поражался выдвинувшийся вперед 2-й дивизион; по наблюдательным его пунктам, батареям и даже по расположению орудийных передков был открыт не только артиллерийский, но и ружейный огонь. Командир 2-го дивизиона был тяжело ранен. Всего в 19-й арт. бригаде было ранено 2 офицера, 11 солдат и 18 лошадей, убиты 1 солдат и 11 лошадей. За день штурма 7 октября 19-я арт. бригада израсходовала 1 958 шрапнелей и 679 гранат, в среднем по 55 снарядов на орудие.

По свидетельству пехоты, огонь батарей 19-й бригады был «удачный». В реляции штаба 19-й дивизии о бое 7 октября говорилось: «Бригада, засыпая снарядами самые укрепления и промежутки между ними, в высшей степени содействовала общему успеху своим огнем. Позиции бригады находились не дальше двух верст от фортов».

В действительности огонь легких батарей заставлял защитников укреплений укрываться от поражения и позволял штурмующей пехоте приближаться к укреплениям почти без потерь. Но, дойдя до подошвы гласиса укреплений, когда легкая артиллерия, во избежание поражения своих, прекращала или переносила огонь в тыл укреплений, штурмовые колонны останавливались перед уцелевшими проволочными заграждениями, засеками, волчьими ямами, фугасами, водяными или обстреливаемыми из капониров рвами и другими неразрушенными крепостными сооружениями. И тогда противник, не поражаемый артиллерийским огнем, встречал штурмующих убийственным огнем. Несмотря на изумительную стойкость и упорство русской пехоты, прорезавшей проволоку, проходившей под огнем через засеки и фугасы, побывавшей, не считаясь с потерями, во рвах и даже внутри укреплений, все горячие порывы штурма заканчивались неудачей главным образом вследствие бессилия легкой артиллерии для действий против крепости.

К 10 ч. 30 м. выяснилось: а) штурмовые колонны 73-го полка, подошедшие ночью к гласису укрепления 1_1, преодолев засеки, фугасы и проволоку, частью (около 150 человек) ворвались в укрепление на плечах австрийцев, частью спрыгнули в ров по мостику, вскоре рухнувшему, частью залегли на гласисе под жестоким фланговым пулеметным огнем из укрепления 1_2, отрезавшим всякое сообщение с тылом, причем ворвавшиеся внутрь укрепления были перебиты огнем из пулеметов и противоштурмовых орудий, оказавшихся во вращающихся башнях в дворике укрепления, а спрыгнувшие в ров были перебиты пулеметным огнем из капониров, сохранившихся в углах рвов; б) два батальона 75-го полка остановились перед проволочными заграждениями укрепления 1_2; в) два батальона 76-го полка ворвались в лес севернее укрепления 1_3, заняли высоту 285, но все заграждения и укрепления остались совершенно целы, артиллерий-

ский огонь противника не ослаблен, и потому штурмовать укрепление 1_3 было невозможно.

Просьбы начальника 19-й дивизии об оказании содействия штурму со стороны 1-го тяжелого арт. дивизона оставались без внимания, и только в 11 час. после обращения к командующему армией этот дивизион поступил в распоряжение начальника дивизии, который поставил ему задачу совместно с 8-м мортирным дивизионом уничтожить пулеметы и ослабить артиллерию противника, мешающие взять укрепление 1_3.

В 13 ч. 30 м. начальник дивизии донес ген. Щербачеву: «Дивизия старается энергично развить успех, но сказывается недостаток общей арт. подготовки. Крымский полк (73-й) пытался развить успех из занятой батареи 1_1 (укрепление 1_1), но встречен сильным пулеметным огнем из блиндированных построек сзади батареи. Кубанцы (76-й полк) ворвались в ров укрепления 1_3. Попытки их эскаладировать укрепление парируются сильным пулеметным огнем с фланговых окопов. Сейчас тяжелый дивизион разрушает эти фланкирующие окопы. Вся артиллерия занята и не может обстрелять укрепления 1_2, перед проволочным заграждением которого в 300 шагах находятся севастопольцы (75-й полк)».

В 16 ч. 30 м. 76-й полк овладел укреплением 1_3. Тогда тяжелые батареи перенесли огонь на укрепление 1_2, чтобы подготовить атаку на него 75-го полка, но около 18 час. огонь пришлось направить опять на укрепление 1_3, так как оно оказалось снова в руках противника, выбившего оттуда части 76-го полка. Повторная атака этого полка захлебнулась под сильным огнем блиндированной неприятельской батареи; открытый по ней 3-й легкой батареей огонь тротиловыми гранатами оказался без результата.

В общем 19-я пех. дивизия, ввиду слабости артиллерийской подготовки, задачу штурма выполнить 7 октября не смогла. На другой день дивизия, по приказу ген. Щербачева, стала отходить.

С 8 ч. 30 м. утра 8 октября батареи 19-й бригады, оставаясь на своих позициях, продолжали огонь по прежним целям. В 10 час. приказано было усилить огонь, чтобы облегчить начавшийся отход своей пехоты, а в 11 час. сняться с позиции и отойти в деревню Гориславице[1], что было исполнено без значительных потерь благодаря поднявшейся снежной метели и прикрытию огнем оставленной на позиции у Овчарня 3-й батареи с арьергардом.

За все 4 дня боев 5—8 октября 19-я арт. бригада израсходовала 6 162 шрапнели и 1 554 гранаты, т. е. в среднем в день по 40 снарядов на орудие.

Штурм группы форта Гурко. Начальник 58-й пех. дивизии поставил на 7 октября задачи: правому участку дивизии (два батальона 230-го и один батальон 231-го полка) овладеть фортом Гурко (14); левому участку (два батальона 231-го и два батальона 229-го полка) «наступать в промежуток между Мурованка и северной группой Седлиска, направляя правый фланг на Мурованка»; общему резерву подтянуться к местечку Медыка и высоте 254. Батареи 58-й арт. брига-

[1] В нескольких километрах восточнее Мочерады.

ды оставались на прежних позициях, переданные в распоряжение начальников участков — 1-й дивизион на левом, 2-й дивизион на правом участке. Батареи 3-го тяжелого арт. дивизиона располагались на своих прежних позициях у Шехине и Вельки Ляс (схема 21).

Ночью 230-му полку удалось продвинуться вперед и окопаться, несмотря на пулеметный огонь, в 100 шагах от форта Гурко; залегший против люнета Мурованка батальон 231-го полка не мог двинуться с места вследствие сильного огня противника. Наступление левого участка, начатое уже при дневном свете, успеха не имело и было ликвидировано неприятельским огнем. Атака возобновлялась несколько раз, но, неся большие потери от огня, русские вынуждены были отходить назад.

Начальник дивизии, не теряя надежды на успех, решил около 14 час. предварительно подготовить атаку артиллерийским огнем. Приказано было 5-й батарее переехать от Шехине к западной окраине Медыка для усиления огня 4-й и 6-й батарей, а тяжелым батареям занять новые позиции: 7-й батарее за высотой 254 у Шехине, откуда подготовить штурм фортов Гурко (14) и Борек (15); 8-й батарее за высотой 254, у северной опушки Вельки Ляс, откуда содействовать 1-му тяжелому дивизиону в подготовке штурма Седлиской группы. Позиции батарей 1-го дивизиона 58-й бригады оставались те же: 1-й и 2-й батарей — в районе Вельки Ляс, 3-й батареи — между Вельки Ляс и Шехине.

5-я батарея 58-й бригады перешла на новую позицию без потерь, проскакивая открытые места галопом на дистанции 50 шагов между упряжками. Через ¾ часа после получения приказания она заняла маскированную позицию в обгоревших зданиях в местечке Медыка, но открыть огня не могла, так как у нее нехватило телефонного кабеля, чтобы связаться с наблюдательным пунктом командира, вынесенным вперед по полотну железной дороги; недостающие 1½ км кабеля были получены лишь к 20 час., когда уже стемнело. Батарея с первой своей позиции у Шехине вела с раннего утра интенсивный огонь гранатой по форту Гурко и, несмотря на большую дальность, удачно обстреляла на прицеле 140—145 гранатой замеченную в момент выезда вылазочную батарею, заставив орудийную прислугу разбежаться и бросить орудия. На второй же позиции батарея бездействовала в течение почти трех часов, и приходится удивляться нераспорядительности командира батареи, который за недостатком телефонного провода должен был установить связь с батареей сигнализацией или другим способом и, наконец, или самому стать ближе к батарее, или подтянуть батарею ближе к своему наблюдательному пункту. Утром 8 октября батарея возвратилась на прежнюю позицию к Шехине, совершив переезд назад тем же порядком, как и вперед. За день боя 7 октября батарея с первой позиции израсходовала 262 шрапнели и 144 гранаты, в среднем по 50 снарядов на орудие.

4-я и 6-я батареи 58-й бригады весь день 7 октября обстреливали форт Гурко и расположенные в его районе батареи и окопы, но огонь их не причинял вреда крепостным сооружениям и только держал под угрозой поражения защитников укреплений, побуждая их перио-

дически укрываться, что до некоторой степени облегчало продвижение вперед штурмующей пехоты.

Батареи 1-го дивизиона 58-й бригады своим огнем стремились оказать содействие штурмующей пехоте левого участка 58-й дивизии. В частности, 1-я батарея большей частью вела огонь по проволочным заграждениям, препятствующим наступлению пехоты. Заграждения во многих местах были значительно повреждены, хотя в то время еще не были выработаны правила стрельбы на пробитие проходов в проволочных заграждениях. В 17 час. батарея по просьбе 229-го полка «подготовить атаку форта 15» (Борек) стала обстреливать этот форт на прицелах 120—125, а также фланкирующие к нему подступы и промежуточные батареи на прицелах 130—135. Было израсходовано батареей 260 шрапнелей и 105 гранат (на орудие около 45 снарядов), но без сколько-нибудь существенного вреда для противника. Ночью на 8 октября батарея, по просьбе пехоты, выпустила еще две очереди (16 снарядов) по тому же форту 15, так как предполагалось начать штурм его на рассвете 8-го. Но в 5 ч. 30 м. утра батарее приказано было, ввиду прекращения штурма, отойти на занимаемую прежде ею позицию у Балице, куда батарея пришла лишь к 10 ч. 30 м., потратив на переход около 8 км до 4 час. времени, так как дождь испортил дорогу, пролегающую к тому же по лесисто-болотистой местности, и приходилось последовательно вытаскивать орудия из грязи на восьмерках лошадей. 2-я батарея с утра 7 октября продолжала борьбу с неприятельскими батареями, чтобы освободить от их огня свою наступающую пехоту, а затем обстреливала гранатой проволочные заграждения у форта 15 с целью их уничтожения. На рассвете батарее приказано было отойти на позицию у Балице, которая была занята лишь около 13 час. 8 октября, т. е. 2-я батарея затратила на переход не меньше времени, чем 1-я батарея. За день боя 7 октября 2-я батарея израсходовала лишь 129 шрапнелей и 67 гранат, т. е. около 25 снарядов на орудие.

Батареи 1-го дивизиона весь день обстреливались крепостными батареями; особенно сильно обстреливалась артиллерийским огнем 2-я батарея — с фронта и с фланга со стороны укрепления 1_1; благодаря закрытым позициям и солидно устроенным окопам в батареях потерь почти не было (во 2-й батарее только два солдата ранены).

Тяжелая 7-я батарея выпустила по форту Гурко 139 гранат, причинив довольно серьезные повреждения, хотя попаданий в форт замечено было лишь 36. На форту было подбито два орудия и были разрушены банкеты для стрельбы пехоты и блиндаж для орудий; был разрушен бруствер, причем обвалившейся землей были засыпаны орудия и снарядные погребки, но каменной одежде форта, в особенности бетонированной, 152-мм снаряды почти никакого вреда не причинили. Заданный 58-й дивизии на 7 октября штурм фортов Гурко и Борек с укреплениями между ними в сущности не состоялся; предполагалось начать штурм этих фортов ночью, но штурм был отменен и 58-й дивизии было приказано отойти на линию Шехине, Новоселки.

Содействие 8-й тяжелой гаубичной батареи подготовке штурма Седлиской группы выразилось в том, что батарея стреляла по башенной батарее на форту 15 и от попадания 152-мм гранаты в башню одно орудие противника замолкло на весь день 7 октября; кроме того, 8-я тяжелая батарея заставила замолчать неприятельскую батарею правее форта 15 и разогнала передки другой батареи.

Штурм южной группы седлиских укреплений (схемы 20 и 21). Начальник 69-й пех. дивизии решил штурмовать укрепления 1_4, 1_5 и 1_6, возложив штурм на 273-й и 274-й полки, придав им в поддержку батальоны 275-го полка. Батареи 69-й арт. бригады, расположенные на позициях в районе деревень Ходновице, Тышковице и Боратыче, начали в 2 часа ночи 7 октября подготовку атаки, открыв огонь по укреплениям с установками прицела и трубки, определенными накануне днем, но в 2 ч. 30 м. командир артиллерийской бригады приказал огонь прекратить, «дабы не мешать штурмующим войскам».

Первая атака пехоты, произведенная от 3 до 4 час., не имела успеха вследствие сильного пулеметного и артиллерийского огня из укреплений. К 5 час. пехота отошла на свои исходные позиции.

С 5 до 9 час. продолжалась повторная артиллерийская подготовка, в которой приняли участие не только легкие батареи 69-й бригады, но и тяжелые гаубичные батареи 2-го дивизиона, расположенного у Стронновице в районе 60-й дивизии, и даже 1-го тяжелого дивизиона с участка 19-й дивизии, к начальнику которой обратился по этому поводу с просьбой начальник 69-й дивизии. Около 6 час. командир 69-й арт. бригады приказал 1-му дивизиону бригады усиленно обстреливать укрепления 1_4 и 1_5, а 2-му дивизиону — укрепление 1_6 и батарею между укреплениями 1_6 и 1_5. В 8 ч. 15 м. он приказал развить огонь до высшего напряжения по всем трем укреплениям и промежутками между ними. Необходимость пробития проходов в проволочных заграждениях, повидимому, не предусматривалась командованием 69-й дивизии.

Почти четырехчасовая артиллерийская подготовка и на этот раз не привела к решительному успеху второй атаки, начатой в 9 час. Атакующие пехотные цепи не смогли подойти к укреплениям ближе 1 000 шагов, и только отдельным смельчакам удалось подойти к проволочным заграждениям.

В 10 час. началась артиллерийская подготовка в третий раз, причем было приказано: «батареям открывать огонь по всем появляющимся в их участках целям, не щадя снарядов в нужных случаях», т. е. опять артиллерийский огонь разбрасывался вместо его сосредоточения по определенным важнейшим целям. Поэтому естественно, что и третья атака в 14 час., несмотря на меткую стрельбу по отдельным целям легкой и тяжелой артиллерии и массу выпущенных снарядов, была так же неудачна, как и две первые.

Весь день, с небольшими перерывами, легкие и тяжелые батареи вели стрельбу по укреплениям, промежуточным окопам и батареям, которые почти каждый раз через 10—15 мин. после открытия по ним огня замирали, позволяя продвинуться вперед атакующей пехоте. Но когда огонь становился опасным для своей штурмующей

пехоты и прекращался или переносился в тыл за укрепления, австрийцы вновь открывали огонь и останавливали русскую пехоту, заставляя ее окапываться или отходить.

В 17 ч. 30 м. артиллерийский огонь был прекращен. В 19 час. начальник штаба 69-й дивизии сообщил начальнику штаба 19-й дивизии, что 273-й, 274-й и 275-й полки с 14 час. пытаются занять укрепления 1_4 и 1_5, что передовые цепи находятся в 300 шагах от них «перед самыми искусственными препятствиями. При попытке продвинуться вперед их засыпают с фортов пулеметы и легкая артиллерия картечью. Полки ожидают темноты для перехода в энергичную атаку».

Действительно, с наступлением темноты пехота 69-й дивизии упорно пыталась овладеть укреплениями при поддержке артиллерии, которая сбивала прожекторы противника. Австрийцы стали применять осветительные ракеты, против которых артиллерия бессильна. Артиллерия, как говорилось в журнале военных действий 69-й арт. бригады, «старалась ночью по мере сил и возможности подавить всякую жизнь на фортах». Но освещению из фортов не могла воспрепятствовать даже тяжелая 107-мм пушечная батарея, стоявшая на позиции у Дроздовице, так как осветительные команды австрийцев работали из глубоких железобетонных закрытий.

Утром 8 октября был получен приказ ген. Щербачева об отходе 69-й пех. дивизии с ее артиллерией на линию Овчарня, Ходновице.

Атака фронта фортов Яксмонице (2), Лучице (3). Начальник 60-й пех. дивизии решил атаковать 7 октября тремя штурмовыми колоннами: правая (239-й полк) — должна была штурмовать форт 2 (Яксмонице) и укрепление 2в (Цыкув), средняя (238-й полк) — батарею 2а и промежуточные укрепления к западу от нее, левая (240-й полк) — форт 3 (Лучице), наступая через Разубовице (схема 21).

Батареи 60-й арт. бригады, оставаясь в распоряжении своего командира бригады на занятых накануне позициях в районе Дроздовице, Велюнице, должны были оказывать огневое содействие штурмующей пехоте; определенные те или иные огневые задачи батареям поставлены не были.

В штабе 60-й дивизии была разработана специальная инструкция для штурма, согласно которой предлагалось избегать штурмовать форты в лоб, а первоначально овладеть промежутком между укреплениями, после чего атаковать форты с горжевого фаса. Расчистка проходов в проволочных заграждениях возлагалась на особые рабочие команды с саперами. Приказывалось при штурме не кричать «ура» и не стрелять.

Пользуясь темнотой, передовые части полков подкрались незаметно к проволочным заграждениям, но тишина была нарушена раздавшимися кой-где криками «ура». Австрийцы по тревоге открыли огонь, причинивший большие потери штурмующим. Например, батальон 240-го полка, залегший перед укреплением 3в (Разубовице) в ожидании, когда рабочие команды прочистят проходы в проволоке, был забросан ручными гранатами из укрепления и обстрелян с соседних фортов, причем потерял убитыми 224, ранеными 24 и

взятыми в плен 86 человек. Между тем укрепление 3в защищалось лишь одним взводом пехоты и 80 артиллеристами.

С рассветом русская артиллерия открыла сильный огонь, который помешал австрийским резервам подойти к укреплениям, но не приносил почти никакого вреда укреплениям и их защитникам. Крепостная артиллерия продолжала интенсивно обстреливать атакующих и наносить им потери.

Начальник 60-й дивизии в своем донесении Щербачеву так обрисовал положение штурмующих к 8 час.: «239-й полк несет большие потери от огня с форта 2 и укрепления 2в, 238-й полк задержали арт. и пулеметным огнем у проволочных заграждений батареи 2а, 240-й полк задержан сильнейшим арт. огнем на высоте у сев. окраины Разубовище. В резерве 237-й полк у Злота Гура... Помощи тяжелой артиллерии нет, так как она стреляет по южной группе Седлиска, а наша полевая артиллерия существенной пользы оказать не может. Без поддержки тяжелой артиллерии дневное продвижение будет крайне медленно и с большими потерями».

Тогда, по просьбе начальника 60-й дивизии, гаубичные батареи 2-го тяжелого дивизиона для поддержки легких батарей 60-й бригады открыли огонь по форту 2 и по батарее 2а (Мотилка), причинивший им значительные повреждения. До 50 тяжелых 152-мм гранат, упавших на форт 2, разрушили наблюдательный пункт, взорвали склад боеприпасов, вывели из строя одно орудие и заставили убрать все полевые орудия с барбета в блиндажи. Из 11 тяжелых гранат, попавших на батарею 2а, только одна проникла на 20 см в бетон.

Поддержка тяжелой артиллерии оказалась запоздалой: 238-й и 239-й полки не могли удержаться вблизи атакованных укреплений и к 12 час. отошли в свои окопы к Дзевенчице. Удержался на высоте у Разубовище только 240-й полк.

Попытки овладеть укреплениями в течение ночи на 8 октября также не имели успеха. Крепостные прожекторы, освещавшие район наступления атакующих, были сбиты русской артиллерией, но вместо них австрийцы широко использовали для освещения ракеты, как и при отбитии атак 69-й дивизии.

Утром 8 октября 60-й дивизии приказано было отойти на Вышковица, Мижинец.

Штурм форта 4 (Германовице) (схема 22). В 2 часа ночи, т. е. за час до начала штурма, в штабе 3-й стрелковой бригады получен был приказ: «овладеть высотой южнее Нерыбка (форт 4) и содействовать атаке 60-й пех. дивизии...» Начальник 3-й стрелковой бригады поставил задачи: а) 9-му и 11-му стрелковым полкам атаковать форт 4 — 9-му с юго-востока, 11-му с юга и с юга-запада; б) 10-му полку с 3-й батареей 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона по овладении впереди лежащей позицией противника наступать в промежуток между фортами 4 и 5; в) общий резерв (два батальона 276-го полка) у Заблотце; г) 1-й и 2-й батареям 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона составить артиллерийский участок под командой командира дивизиона полк. Смирнова и «оставаться на позиции южнее выс. 289, западнее шоссе». Таким образом, начальник 3-й стрелковой бригады, образовав самостоятельный

артиллерийский участок, не дал его командиру никакой боевой задачи, очевидно, предоставив полк. Смирнову открывать огонь по его усмотрению, в зависимости от той или иной сложившейся обстановки или по указаниям, какие будут получены от пехоты. Что же касается 3-й батареи, то она была передана в распоряжение командира 10-го стрелкового полка, от которого и должна была получать задачи.

В 2 часа ночи 3-я батарея заняла позицию за высотой 281, имея наблюдательный пункт командира на этой высоте. В 3 часа командир батареи получил общую задачу от командира 10-го полка поддержать атаку полка на форт 5. Огонь был открыт около 7 час., когда стало почти светло. С наблюдательного пункта командира батареи обнаружены были (см. копию панорамного чертежа на схеме 24) семь полевых легких батарей противника, две гаубичные и одна тяжелая, а на линии фортов 4 и 5 и впереди них по берегам р. Болотная видно было много различного типа укреплений. Огонь был открыт по тяжелой гаубичной батарее, обнаруженной западнее и несколько сзади форта 4, затем по внутреннему дворику этого форта. Вскоре, по указанию командира 10-го стрелкового полка, огонь был сосредоточен по редуту южнее Витошнице и по редуту возле и западнее дороги из Фредрополь к форту 5, затем по двум батареям, расположенным по одну и другую сторону той же дороги, сильно обстреливавшим передовые части 2-го батальона 10-го стрелкового полка. Стрельба велась полубатареями одновременно по обеим батареям, огонь которых затих, что позволило атакующей пехоте продвигаться вперед. В дальнейшем батарея решала все задачи, указываемые командиром 10-го стрелкового полка. Задач давалось много, приходилось обстреливать укрепления противника на фронте протяжением около 6—7 км, бороться с десятью неприятельскими батареями. Разумеется, что одна легкая батарея при таких условиях не была в состоянии оказать сколько-нибудь существенную поддержку своей пехоте. Огонь ее рассеивался по всему широкому фронту противника и потому нигде не мог быть достаточно сильным, не говоря уже о том, что форты и укрепления были вообще неуязвимы для 76-мм пушек. Командир батареи доносил начальству: «...сожалею, что у меня только одна батарея, а не шесть». Без наличия тяжелой артиллерии крупных калибров не только шесть, но и в несколько раз большее количество легких батарей не могло бы выполнить непосильную для 76-мм пушек задачу — подготовку штурма долговременных фортов и других крепостных сооружений.

С командирского наблюдательного пункта цели были видны отлично, стрельба не представляла затруднений, хотя за дальностью производилась при помощи артиллерийских наблюдателей в передовых частях пехоты (иногда корректировалась командиром 10-го полка) и, по мнению командира батареи, «наносила большие потери». В действительности крепостная артиллерия австрийцев, оставаясь безнаказанной, наносила несравненно большие потери русской пехоте и довольно легко отбила ее штурм. Удачной была стрельба 3-й батареи по привязному аэростату, который австрийцы пытались поднять трижды, очевидно с целью обнаружить местонахождение русских батарей, расположенных на закрытых позициях. В первый раз, около 12 час.,

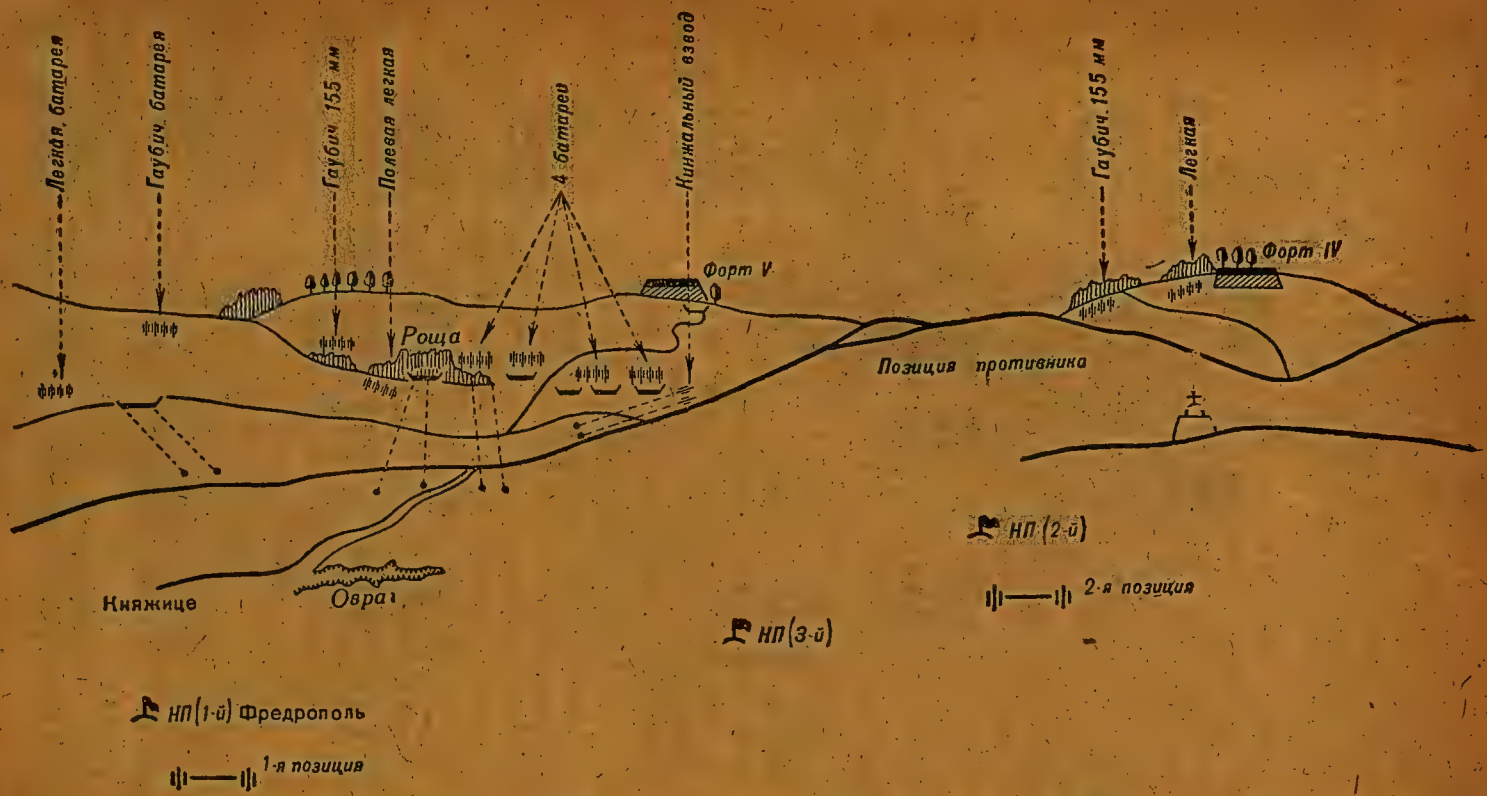


Схема 24. Копия панорамного чертежа позиции противника у крепости Перемышль с командирского пункта 3-й батареи (из дела ЦВИА 11—429).

3-я батарея не позволила своим огнем подняться аэростату, обнаруженному в лощине, между фортами 4 и 5; второй раз, в 16 ч. 40 м., поднявшийся аэростат после 10-минутного обстрела быстро пошел книзу; в третий раз, в 17 ч. 30 м., вновь поднявшийся привязной аэростат после нескольких минут обстрела стал падать и уже до темноты не поднимался. Австрийцы, появившиеся около 17 час. со стороны Витошнице и леса северо-западнее Княжице против левого фланга 10-го стрелкового полка, были отбиты также при содействии огня 3-й батареи. В конце боя батарее приходилось вести огонь по неприятельской батарее у форта 4, сильно обстреливавшей 11-й стрелковый полк.

Благодаря хорошо укрытой позиции батарея потеряла только двух солдат ранеными и трех лошадей убитыми. Командирский наблюдательный пункт был обнаружен благодаря собравшейся на нем заметной группе наблюдателей, и по нем около 15 час. был открыт сильный артиллерийский огонь противника, заставивший командира батареи выбрать себе другой наблюдательный пункт впереди на том же массиве высоты 281.

На другой день, 8 октября, 3-й батарее приходилось все время отбивать своим огнем наступление австрийцев, наседавших на отходившие части пехоты 3-й стрелковой бригады. Поздно вечером под покровом темноты 3-я батарея стала отходить и к 2 час. ночи стала на ночлег в Низанковице.

За два дня, 7 и 8 октября, батарея израсходовала 1 106 шрапнелей и 184 гранаты (в среднем за день боя на одно орудие по 80 снарядов).

С наблюдательного пункта командира 3-го стрелкового арт. дивизиона на высоте 289 хорошо был виден форт 4, броневые купола с противоштурмовыми орудиями в его плечевых углах и проволочные заграждения вокруг него.

Хотя 76-мм пушка была заведомо бессильна против бетонированных окопов, крепостных сооружений и броневых куполов, но все же обстрел форта 4 и батарей в промежутках между фортами являлся основой первой задачи, поставленной батареям 3-го стрелкового дивизиона. Были видны прямые попадания в бруствер форта, но разрушений бруствера не наблюдалось. Пригодность 76-мм пушки для проделывания проходов в проволочных заграждениях была в то время еще не признана, а потому стрельба легких батарей по проволочным заграждениям вовсе не предусматривалась приказом об артиллерийской подготовке атаки.

Командир 1-й батареи, по просьбе командира 9-го стрелкового полка (полковника Радовского), с которым была установлена связь, открыл огонь по форту 4, сильно поражавшему полк. Командир батареи доносил о стрельбе своей батареи: «Благодаря тому, что полковник Радовский корректировал мою стрельбу по телефону, как шрапнельный огонь по защитникам форта, так и гранатный по артиллерии форта был настолько меток, что заставил замолчать надолго тяжелую артиллерию, а также ружейную и пулеметную стрельбу». Это подтверждается реляцией штаба 3-й стрелковой бригады о штурме Перемышля, в которой говорилось: «Изумительно точная и меткая

стрельба 1-й батареи стрелкового арт. дивизиона (подполк. Рудольфа), корректируемая по телефону моими (т. е. начальника 3-й стр. бригады) наблюдателями, видимо, подбила блиндированную за цементно-бетонным укрытием батарею противника, расположенную восточнее форта 4, и заставила ее молчать в течение 3—4 час. Так метко поражались части гарнизона форта, что они в течение всего дня 24.IX (7.X) не смели высунуть головы и не стреляли, но форт с его батареями за крепкими бетонными сооружениями оставался для легкой батареи неуязвимым; наши гранаты отскакивали от бронированных закрытий, как градины от железной крыши дома, совершенно не причиняя вреда... только 6-дм. (152-мм) гранаты тяжелой артиллерии, может быть, могли разрушить эту броню... Огонь батареи гранатой по амбразурам 2-орудийной батареи на форту был настолько точный, что в одну из амбразур получилось прямое попадание снаряда, после чего неприятельские орудия почти полдня молчали».

По предложению Радовского, батарея вела огонь при помощи передовых наблюдателей по легким и тяжелым батареям противника между фортами 4 и 3, сильно беспокоившим 9-й и 11-й стрелковые полки и наблюдательный пункт командира батареи и нащупывавшим расположение 1-й и 2-й батарей. Огонь 1-й батареи был настолько удачен, что в батареях противника осталось лишь по одному стреляющему орудию.

Около 12 час. батальон Купянского полка, шедший на поддержку 9-го стрелкового полка, попал под огонь неприятельской вылазочной батареи со стороны форта 3 и Злота Гура на правом берегу р. Вяр (схема 21). По приказанию командира дивизиона, 1-я батарея открыла по ней огонь и заставила ее замолчать.

В предвидении штурма форт 4 обстреливался 1-й и 2-й батареями еще накануне под вечер. В течение более 2 час. батареи засыпали внутренность форта и искусственные препятствия вокруг него шрапнелью и гранатой, ведя огонь батарейными очередями шкалою вперед, назад, вправо и влево, причем в стороны по всей видимой ширине форта, а в глубину на 500—600 м. По мнению артиллеристов, «огонь был безусловно действителен, потому что в это время батареи форта молчали и не было слышно ружейного огня против расположения 11-го стрелкового полка». На рассвете 2-й батарее приказано было усиленно обстреливать форт 4 и встречающиеся препятствия на пути наступления 11-го стрелкового полка, что и было исполнено; огонь был прекращен только тогда, когда пехота подошла к гласису форта и огонь мог поражать уже своих. В дальнейшем стрельба 2-й батареи велась большею частью по указаниям начальников участков передовых цепей 11-го стрелкового полка. Стрелки с просьбами командиров рот обстрелять ту или иную цель часто приходили к командиру 2-й батареи и тем самым обнаружили его наблюдательный пункт противнику, который около 14 час. стал обстреливать его тяжелой артиллерией. Между прочим, один из командиров рот просил обстрелять накапливающуюся приблизительно в километре влево от форта 4 на лужайке австрийскую пехоту. Командир 2-й батареи открыл огонь, и по первой же очереди лужайка была найдена и обстреляна беглым комбинированным огнем гранатой и шрапнелью,

Командир роты сообщил командиру батареи, что под огнем его батареи полегло много австрийцев и они бегут в полном беспорядке; при этом он просил перенести огонь в глубь лужайки за гребень, так как там находилась неприятельская батарея. Тогда обстрел стал производиться по площади приблизительно 400 м в ширину и 800 м в глубину. Огонь был прекращен с наступлением темноты.

Приходится отметить разрозненность действий 1-й и 2-й батарей 3-го стрелкового артиллерийского дивизиона, несмотря на то, что согласно распоряжению начальника стрелковой бригады батареи составляли самостоятельный артиллерийский участок, огнем которого должен был управлять командир дивизиона. В начале боя еще замечается до некоторой степени объединенное управление огнем, но стрельба ведется заведомо бесцельная по форту 4; затем батареи ведут огонь каждая самостоятельно в полном согласовании с пехотой по указаниям ее передовых частей, но не считаясь с важностью и значением той или иной указываемой пехотою цели.

В общем стрельба легких батарей позволила русской пехоте подойти к гласису форта 4. Большего эти батареи дать не могли; штурма форта они не подготовили, так как бетонированные сооружения форта, башенные и блиндированные батареи оставались для них неуязвимыми.

В реляции штаба 3-й стрелковой бригады о действиях под Перемышлем за 7 октября говорится, между прочим, следующее: «...роты 9-го и 11-го стр. полков уже облепили гласис форта, обстреливаемые бешеным огнем. Так как проволочные заграждения не удалось разрушить (ножницы их не брали), роты залегли в 300—400 шагах от форта на линии заграждений и стали врываться в землю... С утра до вечера противник ружейным и пулеметным огнем старался уничтожить залегшие у гласиса форта наши части. И только напряженная работа батарей 3-го стр. арт. дивизиона, засыпавшего в течение дня форт и его промежутки непрерывным метким огнем, облегчала положение героев и противодействовала всяким попыткам противника сделать вылазку во фланг. В таком вынужденном положении в виду форта бригада провела целый день... Вечером решено не уходить с гласиса, дабы ночью продолжать штурм».

Командир 9-го стрелкового полка рапортовал командиру бригады, что он и все чины его полка с 7 ч. 15 м. утра 7 октября до 1 ч. 45 м. ночи 8 октября «не имели возможности выйти из окопов, чтобы не быть ранеными или убитыми неуменьшавшимся огнем австрийских батарей с форта 4 и правее его».

1-я и 2-я батареи в течение боя 7 октября не были обнаружены противником и потерь не понесли; случайным снарядом было разбито колесо в одном из орудий 2-й батареи, в другом орудии от частой стрельбы погнулся лафет и вышел из строя. Наблюдательный пункт командира 2-й батареи обстреливался снарядами крупного калибра с фортов 4 и 5. Вечером батареи приготовились к ночной стрельбе и ночью после нескольких очередей выстрелов заставили замолчать неприятельскую артиллерию.

С утра 8 октября батареи продолжали обстрел противника и отбивали его вылазки против отходящих полков 3-й стрелковой

бригады. 1-я батарея своим огнем не дала возможности подняться привязному аэростату противника из-за форта 4. Вечером батареи отошли к Низанковице почти без обстрела неприятельской артиллерией, если не считать нескольких снарядов крупного калибра, выпущенных по батарее и не нанесших ей никаких потерь.

Командир 3-го стрелкового арт. дивизиона, благодаря командирам стрелковых полков, с которыми он держал постоянную связь, был всегда в курсе обстановки и получал необходимые указания от командира 3-й стрелковой бригады ген. Фока. Согласно реляции командира дивизиона о действиях под Перемышлем, успешными действиями батареи дивизиона «всецело обязаны командирам 9-го и 11-го стр. полков и командиру батальона Купянского полка» (поддерживавшего 9-й и 11-й стрелковые полки), так как они держали тесную связь с командиром дивизиона и с командирами батарей и «все время боев давали ценные указания для нанесения своевременно удара австрийцам в том или ином направлении».

Во время боя 7 октября командир 3-й стрелковой бригады Фок, получая донесения командиров полков: «огонь наших батарей нисколько не погасил огня крепостных орудий форта 4, которые нас поражают», или: «прошу направить огонь тяжелой артиллерии на форт 4, дабы погасить его огонь; полевые пушки не действительны, они ему безвредны» и т. д. и не имея в своем распоряжении тяжелых батарей, считал невозможным овладеть фортом до подавления его броневой артиллерии. Еще днем Фок донес Щербачеву: «3-я стр. бригада остается в том положении, в каком ее застало утро, так как без поддержки тяжелой артиллерии продвинуться вперед невозможно». Он полагал, что даже в случае удачного штурма форта в ночь на 8 октября удержаться в нем «под перекрестным огнем соседних укреплений и батарей с наступлением дня будет весьма затруднительно».

За день боя 7 октября 3-я стрелковая бригада потеряла убитыми 1 офицера и 35 солдат, ранеными 21 офицера и 319 солдат, пропавшими без вести 62 солдата. Батареи 3-го стрелкового арт. дивизиона израсходовали 1 050 гранат и 4 382 шрапнели, в среднем по 225 снарядов на орудие.

Повторение штурма в ночь на 8 октября не состоялось. 3-я стрелковая бригада отошла к Низанковице и затем к Балице. Туда же отошел 2-й тяжелый арт. дивизион. 1-й тяжелый и 8-й мортирный дивизионы стягивались в Мочерады. Командир 3-го тяжелого арт. дивизиона получил 8 октября приказание Дельвига присоединиться к своему корпусу, следуя на Яворов и Ярослав.

Результаты штурма. Неудача штурма была ясна для всех его исполнителей и ближайших начальников штурмовавших войск. Они сознавали свою техническую беспомощность; после бесплодных кровопролитных атак 7 октября у них не оставалось никакой надежды на успех. Но высшее русское командование в лице Щербачева и Брусилова, продолжая быть легкомысленно убежденным в возможности взять крепость с наскока пехотой лишь при поддержке полевой артиллерии и совершенно игнорируя главную причину неудачи — отсутствие осадной артиллерии,— решило повторить штурм 8 октября.

Весьма странным является такая же оптимистическая уверенность в успехе Дельвига, который лучше всех других должен был понимать слабость действия по крепостным веркам не только полевой легкой, но и полевой тяжелой артиллерии. После штурма он писал Алексееву: «...Благодаря теснейшей связи родов войск, мы могли продвигаться без потерь под защитой наших снарядов легких и тяжелых. Конечно, сказывалось малое количество тяжелых орудий. Как правило, тяжелые батареи работали по-взводно, а полевые мортирные (гаубичные) батареи работали по 3 орудия, или тоже по-взводно. Наконец, одной батарее, 8-й тяжелой, пришлось держать под огнем 4 цели (4 батареи), стреляя, когда одна из сдерживаемых батарей хотела открывать огонь, при этом каждое орудие было направлено в свою цель.

...Труднее всего была борьба с броневыми батареями, которая требовала очень большого числа выстрелов, чтобы попасть в купола. Самая точнейшая пристрелка, выверка отдельных орудий, не совсем помогала, так как грунт был мягкий и менялась дальность полета от нагревания орудий. Во всяком случае часть броневых орудий привели к молчанию, форт 5 (1_5 — южный в группе Седлиска) обращен снаружи в бесформенную массу [1], хотя мы не преувеличивали способность нашу разрушать казематы. Поставлена могла быть задача лишь подавить наружную оборону, а фланкирующие постройки рвов предполагалось взорвать.

...Вечером в штабе корпуса была получена телеграмма, требовавшая прекратить операцию, если нельзя надеяться ее закончить к вечеру 25-го числа [2]. Это условие было, конечно, невыполнимо, так как при успехе можно было надеяться лишь овладеть группой Седлиска, подготовив сосредоточенным огнем целого дня атаку на форт 1 (высота 304 — Седлиска).

...Операция ускоренной атаки Перемышля, столь блестяще начатая и проводимая и остановленная в то время, когда стали выясняться надежды на положительный ее результат, доказывает не только беззаветную храбрость и мужество войск, но и наше искусство. Мы с гордостью можем заявить, что научились атаковать без потерь благодаря тесной связи артиллерии с пехотой.

...Форты Перемышля — современные, имеют броневые башни, фланговую оборону рвов и внешние пулеметные капониры и фланкирующие батареи, также несколько линий искусственных препятствий...»

Штурм повторен не был, так как к вечеру 7 октября в штабе 8-й армии стала ясной неизбежность столкновения перешедших в наступление австрийцев с 3-й русской армией, вследствие чего дальнейшие действия под Перемышлем являлись бесцельными. В 0 ч. 10 м. 8 октября Щербачев отменил штурм во исполнение приказа Брусилова.

Атака крепости открытой силой возможна лишь после того, как будет совершенно подавлен огонь атакуемого участка укреплений или будут разрушены атакуемые форты. Без этого штурм Перемышля

---

[1] Так представлялось Дельвигу, а в действительности стрельба была для форта безвредной.

[2] Т. е. к вечеру 8 октября.

казался защитникам крепости безумием со стороны русских ввиду тех колоссальных потерь, какие должны были понести атакующие. Русские атаковали действительно при крайне тяжелых условиях: противоштурмовая артиллерия в броневых башнях была неуязвима для русской артиллерии и все время сильно поражала атакующих; стрелки и пулеметчики австрийцев, укрытые бетонными сооружениями, оставались также неуязвимыми и, по выражению австрийского военного историка фон-Рода, «вели стрельбу как в тире, расстреливая атакующих на выбор». Описывая ужасы штурма Перемышля, фон-Рода свидетельствует, что австрийцами было погребено около 15 000 трупов русских. Известный русский военный инженер К. Величко в своем труде «Крепости в мировой войне» определяет потери русских при трехдневном штурме Перемышля в 20 000 человек.

Приведенные потери, надо полагать, преувеличены, но, во всяком случае, они были очень велики. По русским архивным источникам определено точно число потерь только по трем дивизиям, атаковавшим в наиболее тяжелых условиях, а именно: наносившая главный удар 19-я пех. дивизия понесла наибольшие потери — 44 офицера, 2 975 солдат и 32 лошади, т. е. потеряла около 25% всего состава офицеров и солдат; 58-я пех. дивизия потеряла 12 офицеров и 1 634 солдата; 3-я стрелковая бригада — 22 офицера и 416 солдат. О потерях 60-й и 69-й пех. дивизий, атаковавших южную группу седлиских укреплений с линией фортов Якмонице, Лучице, а также о потерях 12-й, 78-й и 82-й пех. дивизий, атаковавших северный и северо-западный участки (действия артиллерии которых здесь не рассматривались), определенных сведений не имеется. Лишь предположительно можно считать, что при трехдневном штурме Перемышля блокадный корпус ген. Щербачева потерял около 10 000—12 000 человек и что, следовательно, убитых могло быть (30%) не более 3 000—4 000, а не 15 000, как уверяет австрийский историк фон-Рода.

Никакого предварительного, хотя бы ориентировочного плана действий артиллерии для подготовки штурма крепости Перемышль не было составлено русским командованием, не было и плана снабжения боеприпасами. Русской артиллерии предоставлялось действовать «по обстановке», а так как обстановка в бою крайне неопределенна и изменчива, то считалось, повидимому, невозможным или даже ненужным составление предварительного расчета потребности артиллерии в боеприпасах. Заведующий артиллерийской частью 8-й армии (Зач 8), повидимому, считал, что имеющихся в его распоряжении запасов местных артиллерийских парков будет достаточно сверх возимых войсковых запасов, которые были пополнены. В архивных документах имеется заметка Зач 8, в которой подведен им следующий предположительный расход боеприпасов местных парков под Перемышлем 4—8 октября:

	Всего	На орудие
Легких 76-мм пушечных патронов	40 000	105
Легких 122-мм гаубичных выстрелов . . .	1 500	42
Тяжелых 152-мм гаубичных выстрелов . .	1 800	75
Тяжелых 107-мм пушечных патронов . . .	200	50

Точных сведений о расходе снарядов за время штурма Перемышля не имеется, как и вообще среди архивных материалов о штурме Перемышля не находится данных для основательного исследования вопросов боепитания в боях 5—8 октября. Имеются неполные сведения только о расходе 76-мм патронов, составленные самими войсками. По этим данным, было израсходовано:

	Шрапнелей	Гранат	Всего снарядов	На 1 орудие
19-я арт. бригада	6 162	1 554	7 716	161
58-я арт. бригада	2 944	356	3 300	68
69-я арт. бригада	5 829	955	6 784	141
60-я арт. бригада, 1-й дивизион	629	302	931	39
3-й стрелковый арт. дивизион	4 382	1 050	5 432	226

Интенсивность артиллерийского огня, как видно из этих сведений, была крайне неодинакова — от 39 патронов на орудие в 1-м дивизионе 60-й бригады до 226 патронов на орудие в батареях 3-го стрелкового дивизиона.

Большое напряжение огня батарей 3-го стрелкового дивизиона можно объяснить обширностью района огневого действия этих батарей, отсутствием содействия тяжелой артиллерии и маневренным характером боя на участке 3-й стрелковой бригады, тогда как на других участках противник оставался сравнительно пассивным.

Батареи 60-й арт. бригады чрезвычайно скупо расходовали патроны, вероятно потому, что сознавали бессилие огня 76-мм пушки по укреплениям и рассчитывали на огонь 2-го тяжелого арт. дивизиона, расположенного на участке 60-й дивизии. Но так как большинство укреплений на участке атаки 60-й дивизии не имело броневой артиллерии, то возможно, что при интенсивном огне батарей 60-й бригады, производившем деморализующее впечатление на противника, результат атак 60-й дивизии был бы другим.

Наибольший дневной расход дали: 1 114 патронов — три батареи 69-й бригады в бою 7 октября, т. е. около 140 на орудие, и 967 патронов — две батареи 3-го стрелкового дивизиона в бою 8 октября — около 120 патронов на орудие. Такой однодневный расход боеприпасов в горячем бою никак нельзя считать чрезмерным, так как в русско-японскую войну расход 76-мм патронов доходил в отдельных русских батареях до 500 на орудие.

Расход 76-мм гранат был значительно меньше расхода 76-мм шрапнелей, тогда как для стрельбы по окопам и укреплениям граната является более действительным снарядом. Это можно объяснить тем, что при подготовке штурма укреплений Перемышля стрельба легкой 76-мм артиллерии велась не с целью разрушения, а с целью принудить противника под действием шрапнели укрыться за бруствером укреплений или за другим сооружением и тем лишить возможности вести огонь по наступающим войскам. Словом, стрельба русской полевой легкой артиллерии велась при атаке укреплений Перемышля в огромном большинстве случаев так же, как рекомендовалось ее вести в полевом маневренном бою против остановившегося противника и

«Наставлением 1912 г.» и Офицерской артиллерийской школой в 1905—1914 гг.

Организация питания батарей боеприпасами была осуществлена в общем по схеме, указанной «Наставлением 1912 г.», но оставляла желать лучшего, в особенности в отношении огнепитания 60-й пех. дивизии, от которой огнесклад в местечке Садова Вишня отстоял в 50 км, а все эшелоны 60-й парковой арт. бригады были сосредоточены в районе Мижинец, Радохонце — в 40—45 км от передового огнесклада и в 6—8 км от батарейных резервов. При столь значительной растяжке подвоза доставка боеприпасов была крайне затруднительна, так как непрерывные осенние дожди и суглинистая почва сделали дороги непроезжими. Приходилось запрятать в один зарядный ящик до 10 лошадей или подвозить снаряды в одних передках.

Лишь в последний день штурма, 7 октября, ген. Дельвиг, вследствие жалоб войсковых начальников на трудность доставки снарядов, решил организовать полевой подвижной огнесклад в железнодорожных вагонах на ст. Хоросница и назначить в распоряжение командира парка 4-й тяжелой арт. бригады грузовой автомобиль для подвоза снарядов к Балице для 1-го и 3-го тяжелых арт. дивизионов.

Решение ген. Брусилова атаковать крепость Перемышль открытой силой было принято в расчете на поколебленный дух австрийских войск после неудач их в Галиции и на слабую боеспособность ландштурменных частей гарнизона крепости, а также в расчете использовать приподнятое настроение русских войск после одержанных ими успехов. Ген. Щербачев в своем приказе о штурме напоминает войскам о выпавшей на их долю «высокой чести» овладеть Перемышлем, возлагает надежды на то, что войска «оправдают доверие верховного вождя» и т. п. Материальной силе противопоставляется сила духа; технические средства русских были несоразмерно малы по сравнению с грандиозностью поставленной задачи, и прежде всего именно потому ставка на силу духа была бита.

Штурм крепости, успех которого был построен только на высоких качествах русских солдат, не удался. За недостатком технических средств самоотверженные усилия русских войск разбились в борьбе за передовые укрепления и искусственные препятствия, окружающие форты Перемышля.

Но было немало и других причин неудачи, среди которых большую роль играли ошибки русского командования в оценке боевой обстановки и в принятии решения, в искусстве вождения войск вообще и боевого использования артиллерии в особенности.

Юго-восточный сектор фортового пояса Перемышля, по силе своих верков несколько уступавший северному сектору, представлял выгоды для атаки как по наличию сравнительно удобных ближних подступов к укреплениям, так и в отношении устройства тыла атакующей группы войск. Но, избирая правильно для штурма юго-восточный сектор, следовало главный удар наносить не на восточный фронт с сильно укрепленными фортами 1 (Седлиска), 14 (Гурко) и 15 (Борек) и промежутками между ними, а на более слабо укрепленный южный фронт, где почти не было броневых установок.

Приняв решение атаковать юго-восточный сектор, необходимо было выполнение этой главной задачи возложить на первоочередные более стойкие части, т. е. на входившие в состав блокадного корпуса 12-ю и 19-ю пех. дивизии и 3-ю стрелковую бригаду, а не разбрасывать их по всему широкому обводу крепости в виде подпорок для более слабых в боевом отношении второочередных 58-й, 60-й, 69-й и других пехотных дивизий.

Ударная группа, атакующая в решающем направлении наиболее сильный фронт Седлиской группы — укрепления 1_1, 1_2, 1_3 и далее форт 1 (Седлиска), организуется в составе 19-й пех. дивизии с ее артиллерией и одной бригады 69-й дивизии, но управление ими в одних руках не было объединено. Фактически в ударной группе была лишь одна 19-я дивизия, а 69-я дивизия действовала самостоятельно на левом фланге ударной группы. Следовало ударную группу организовать значительно сильнее и обязательно объединить войска, назначенные в ее состав, образовав из двух дивизий 19-й и 69-й с их артиллерией единый мощный ударный кулак, управляемый одним начальником.

Войска, назначенные для исполнения главной задачи — атаки юго-восточного сектора, усиливаются тремя полевыми тяжелыми артиллерийскими дивизионами, имевшими 23 тяжелые 152-мм гаубицы и 4 тяжелые 107-мм пушки, и одним легким мортирным дивизионом с 12 полевыми 122-мм гаубицами. Предназначенные для действия по земляным укреплениям 152-мм и 122-мм гаубицы могли бы с некоторым успехом разрушать укрепления временного типа, имевшиеся в промежутках между фортами, но орудия эти были бессильны против бетона и слабосильны против камня и брони на фортах, долговременных укреплениях и батареях Перемышля.

Крайняя ограниченность технических артиллерийских средств для действий под крепостью и указанные свойства 122-мм и 152-мм гаубиц были хорошо известны, в первую очередь, начальнику артиллерии блокадного корпуса ген. Дельвигу. Командованию корпуса должно было быть ясным, что успеха от действия имеющейся полевой тяжелой артиллерии можно было ожидать лишь при направлении артиллерийского огня на более слабые промежуточные укрепления, батареи без броневых укрытий и окопы полевого типа, а потому и самую атаку следовало вести не на форты, как решил ген. Щербачев, а на промежутки, стремясь, прорвавшись между фортами, захватить их с тыла.

Командование должно было понимать, что слабость артиллерии как в отношении числа орудий, так и в отношении могущества и разрушительной силы их огня могла быть восполнена лишь сосредоточением артиллерийского огня в решающем направлении по важнейшим целям при умелом объединенном управлении огнем. Что касается Дельвига, то при довоенной подготовке командного состава русской артиллерии он всегда настойчиво проводил необходимость объединенного управления и сосредоточения артиллерийского огня. В «Указаниях по атаке Перемышля», составленных при участии Дельвига, дважды подчеркивается, что тяжелые батареи должны обрушиваться на австрийские батареи «сосредоточенным огнем» и «сосредоточивать огонь по броневым установкам и по видимому

бетону». В письме к Алексееву Дельвиг говорит, что можно было надеяться овладеть группой Седлиска, «подготовив сосредоточенным огнем целого дня атаку на форт 1 (высоту 304 — Седлиска)».

Словом, даже при той слабой артиллерии, которой располагал ген. Щербачев, можно было рассчитывать на успех при условии выбора для прорыва наиболее выгодного для атаки участка фронтового пояса, ведя штурм на промежутки между фортами и действуя сосредоточенным артиллерийским огнем по району, избранному для нанесения главного удара противнику.

Ген. Щербачев, учитывая, что главная роль в действиях под крепостью будет принадлежать полевой тяжелой артиллерии, все три имевшихся у него тяжелых артиллерийских дивизиона придал войскам, получившим главную задачу атаки юго-восточного сектора крепости, и управление ими сосредоточил в руках Дельвига. По указанию Дельвига, полевая тяжелая артиллерия расположилась в трех группах, по-дивизионно, занимая весьма выгодное охватывающее положение в отношении седлиских укреплений. По заблаговременно продуманному и согласованному с пехотой плану, эта тяжелая артиллерия могла действовать по указаниям Дельвига как молотом, разрушающим или уничтожающим сосредоточенным перекрестным огнем одно за другим укрепления и батареи противника, не имеющие особо прочных бетонных, каменных и бронированных построек и закрытий.

Но в действительности никакого плана действий тяжелой артиллерии составлено не было, объединенного управления ее огнем со стороны Дельвига, повидимому, также не было, так как не было сосредоточения ее огня по определенным важнейшим целям. Тяжелые дивизионы действовали порознь, даже по-батарейно — каждая батарея самостоятельно, помогая в большинстве случаев своим огнем той пехоте, за которой она стояла.

Гаубичные батареи 3-го тяжелого дивизиона помогали 58-й пех. дивизии, батареи 1-го тяжелого дивизиона — 19-й пех. дивизии, батареи 2-го тяжелого дивизиона — 69-й пех. дивизии, а в день штурма 7 октября и 60-й пех. дивизии, причем только однажды 7 октября огонь 2-го и 1-го тяжелых дивизионов был сосредоточен по укреплениям 1_4, 1_5 и 1_6, да и то по просьбе начальника 69-й пех. дивизии, а не по инициативе Дельвига; также не по его инициативе, а по просьбе начальника 19-й дивизии, обращенной к командиру корпуса, 1-й тяжелый дивизион был выдвинут вперед, в район Овчария, Храплице «для более действительного содействия атаке передовых укреплений и форта Седлиска».

Письмом Дельвига к Алексееву о штурме Перемышля подтверждается, что ни плана действий тяжелой артиллерии, ни сосредоточения ее огня не было. Напротив, судя по его письму, можно окончательно убедиться, что никакой систематической артиллерийской подготовки атаки Перемышля в течение 5—7 октября не производилось, что тяжелые батареи действовали вразброд, что им, как и гаубичным батареям, приходилось работать по-взводно, а 8-й тяжелой батарее даже по-орудийно с целью одновременного обстрела четырех неприятельских батарей, направляя на каждую батарею по одной тяжелой 152-мм гаубице.

Неправильное использование тяжелой артиллерии, отсутствие плана ее действий, согласованного с задачами пехоты, являются одной из главнейших причин неудачи штурма Перемышля 5—7 октября.

В действиях полевой легкой артиллерии, остававшейся все время в подчинении своим начальникам пехотных дивизий, также не было никакой планомерности. Объединенного управления огнем батарей в руках командиров не только артиллерийских бригад, но и дивизионов не замечалось, за весьма редкими исключениями. Батареи действовали в огромном большинстве случаев самостоятельно, направляя каждая свой огонь по тем или иным случайным целям, какие указывались находящейся впереди ближайшей пехотой. В результате получался вместо сосредоточенного рассеянный по обширному пространству и потому в общем слабый огонь; но отличная стрельба русской артиллерии позволяла атакующей пехоте приблизиться к укреплениям на несколько сотен шагов и нередко выручала пехоту из тяжелых положений.

Действие русской полевой тяжелой артиллерии, как показал опыт штурма Перемышля, по бетону и броневым установкам было весьма слабым, но по сооружениям временного типа было довольно разрушительным и в общем производило сильное моральное впечатление. Открыто расположенные орудия приводились в негодность, стрельба их прекращалась. Под действием огня 152-мм батарей гарнизон покидал укрепления временного типа.

Между прочим, по поводу действия тяжелой русской артиллерии под Перемышлем появилась в то время в швейцарских газетах заметка военного корреспондента, находившегося при штурме на одном из фортов Перемышля. Высоко оценивая тактические действия и меткость стрельбы русской артиллерии, корреспондент указывал, что большинство русских снарядов не разрывалось, вследствие неудовлетворительной системы взрывателя. Ген. Дельвиг по этому вопросу сообщал, что он «лично наблюдал стрельбу тяжелых полевых дивизионов по фортам и случаев, упоминаемых военным корреспондентом, не замечал».

Огонь легких 76-мм батарей был вообще бессилен по укреплениям и закрытиям, но производил сильное моральное воздействие на защитников крепости, особенно при стрельбе тротиловой гранатой. Легкая артиллерия в то время еще не знала способность 76-мм пушки уничтожать проволочные заграждения и переносила на них огонь лишь «за неимением других целей», хотя случайными попаданиями 76-мм гранат производились разрушения проволоки (форт 14).

Русская артиллерия под Перемышлем умела хорошо не только стрелять, но и применяться к местности при выборе позиций и наблюдательных пунктов, умела хорошо организовать и вести наблюдение. Искусство занятия закрытых позиций уберегало ее от потерь.

Русская артиллерия своим огнем подвела атакующую пехоту почти вплотную к фортам и укреплениям Перемышля, позволила обложить их тесным кольцом, но задачи подготовки штурма она все же не выполнила: огонь артиллерии обороны к 8 октября не только не ослабел, но даже усилился, крепостные верки оставались неразру-

шенными. Она не могла подготовить штурм, так как поставленные ей задачи не отвечали ни ее количественному составу, ни могуществу огня ее орудий.

ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В МАРТОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ 18—28 МАРТА 1916 г.[1]

Оперативный замысел мартовской операции был изложен в докладе наштаверха ген. Алексеева на совещании главнокомандующих фронтами русских армий, собранном в Ставке 24—25 февраля 1916 г. для выработки плана наступательной операции.

Для отвлечения на себя сил германцев и вытеснения их в случае успеха из пределов России русское командование решило произвести наступательную операцию в широких размерах левым флангом Северного фронта и правым флангом Западного в районе Двинск, оз. Нароч, оз. Вишневское (схемы 25 и 26в).

Второстепенные операции Северного фронта со стороны Якобштадта на Поневеж и Западного фронта со стороны Сморгони[2] на Вильно должны были содействовать главной операции.

Оперативное направление наступления не только прикрывало пути на Петроград и Москву, но при успехе прорыва германского фронта от Двинска и оз. Нароч на Ковно Виленская группа германцев могла быть отрезана от переправ через р. Неман, а концентрическим ударом по сходящимся направлениям на Поневеж, Свенцяны, Вилькомир (на схеме 25 показан под новым названием — Укмерждe) создавалась серьезная угроза сообщениям противника: мог быть опрокинут весь северный участок германского фронта.

Соотношение сил складывалось благоприятно для русских, в особенности в отношении живой силы пехоты и конницы, как это видно из нижеследующих данных:

	Северный фронт			Западный фронт		
	русские	германцы	сравнение	русские	германцы	сравнение
Батальонов	368	181	+187	917	382	+535
Штыков	266 400	159 300	+107 100	642 700	336 200	+306 500
Эскадронов	263	128	+135	526	144	+382
Сабель	32 700	19 200	+13 500	65 100	21 600	+43 500

[1] ЦВИА, дело 369, лл. 10, 186, 187, 303—510.
ЦВИА, дела 382, 442, 443, 385—516, 385—517.
ЦВИА, Личный архив Барсукова. Записка по поводу действий артиллерии во время операции на Западном фронте 5—15 марта 1916 г. Составлена Упартом, изд. штаба Главковерха.
ЦВИА, Личный архив Барсукова. Доклад полковника Гриппенберга «Мартовская неудача».
Людендорф, Воспоминания.
Фалькенгайн, Верховное командование.

[2] Сморгонь на схеме 25 не показана. Сморгонь на р. Вилия, в 70—75 км к югу от Поставы.

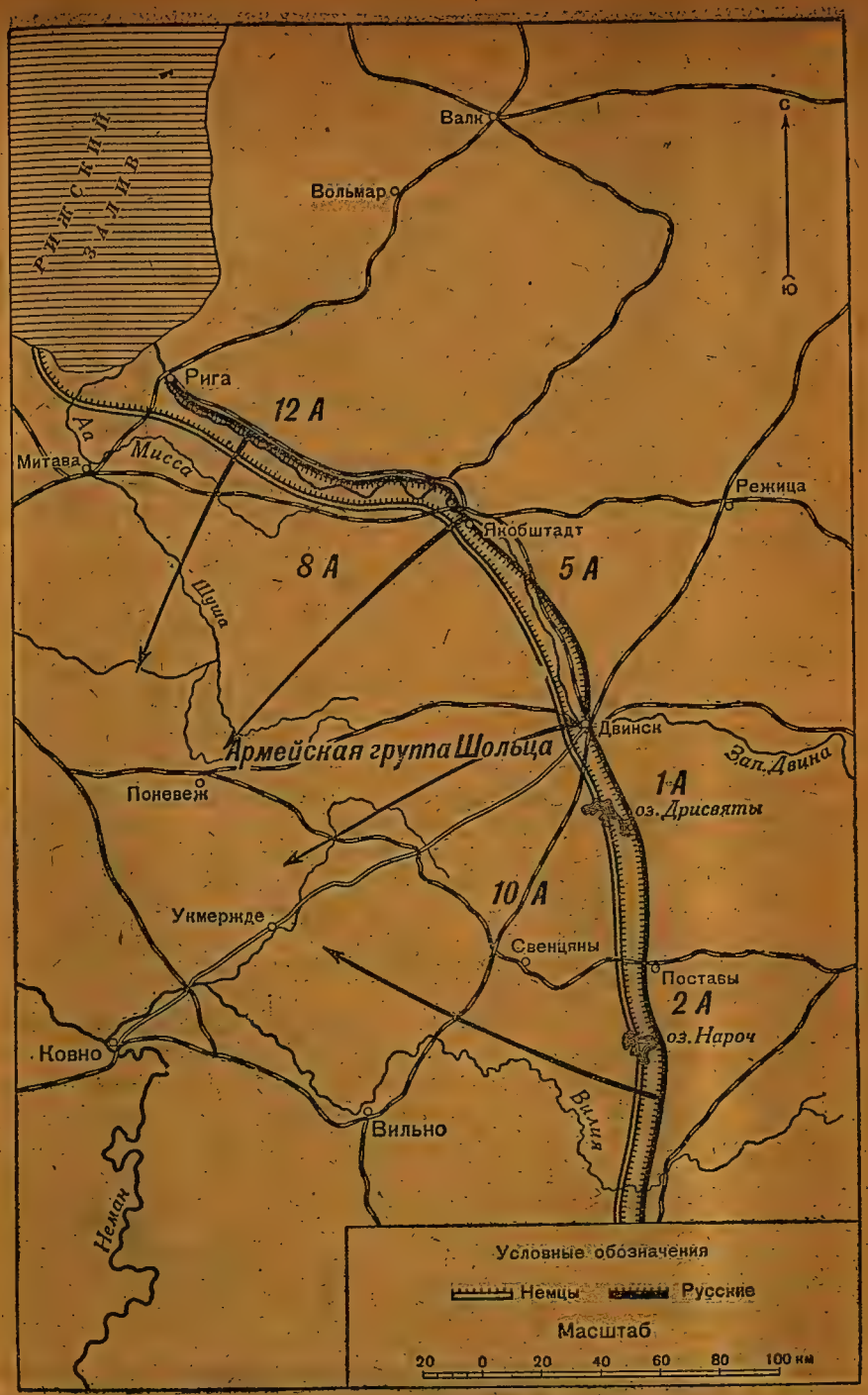


Схема 25. Мартовская операция 18—28 марта 1916 г. Общая обстановка.

Но если в отношении числа штыков и сабель русская армия на Северном и Западном фронтах превосходила почти вдвое противостоящую армию противника, то в отношении технических средств, главным образом по числу и могуществу тяжелой артиллерии, германская армия и ко времени мартовской операции 1916 г. оставалась значительно сильнее русской.

На всех русских фронтах к марту 1916 г. насчитывалось лишь 440 полевых тяжелых орудий современного типа калибром не свыше 152-мм; кроме того, имелось 516 тяжелых орудий устаревших систем из крепостей. Даже полевых легких 122-мм гаубиц, которые приходилось применять для разрушения вместо тяжелых, состояло тогда на вооружении лишь 585.

Ген. Алексеев, сообщая ген. Жоффру о бедности русской армии тяжелыми орудиями, заканчивал свое письмо: «...Отсюда понятны те трудности, с которыми приходится иметь дело нашей пехоте при атаке укрепленных позиций противника».

Не богата была в то время русская артиллерия и снарядами как в отношении их наличия, так и в отношении работы снарядной русской промышленности, а именно:

	Снарядов на единицу оружия	
	Наличие	Готовилось в день
На 76-мм пушку	1 270	12
На 122-мм гаубицу	540	5
На тяжелое орудие	685	15 на пушку и 4 на гаубицу

Словом, технические артиллерийские средства, имевшиеся в то время в распоряжении русской армии, далеко не соответствовали поставленной русским командованием грандиозной наступательной задаче прорыва сильно укрепленной позиции противника.

Наконец, климатические условия, с которыми вообще мало считались, не давали на этот раз русскому командованию надежд на удачное выполнение широких замыслов оттеснения германцев за пределы России.

Операцию предполагалось начать тотчас же после завершения войсковых перегруппировок, которые могли закончиться лишь к 18—20 марта. Между тем в районе Двинска и Вильно, представлявших собою лесистые, болотистые низменности с множеством рек и озер, нельзя было ожидать успеха от наступления в широких размерах в марте, вследствие препятствовавшей этому весенней распутицы. Это было известно командованию, об этом доносили войсковые начальники. Главкозап ген. Эверт сообщал 13 марта ген. Алексееву, что, по предположениям обсерватории и по климатическим данным за прошлые годы, можно ожидать весенней распутицы в середине марта, если не раньше, и что тогда район бывает крайне тяжел или вовсе непригоден для военных действий: «Большие болотистые пространства становятся непроходимыми, многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь, почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным».

Но у русского верховного командования нехватало характера отказать в немедленной помощи англо-французам, и оно не решилось отложить операцию. Напротив, стали торопиться начать операцию не позже 18 марта, чтобы оттепель не отодвинула ее на 1½—2 мес.

Атака началась во 2-й и 1-й армиях 18 марта, а в 5-й армии 21 марта, несмотря на то, что к этому времени еще не было закончено сосредоточение и не вся артиллерия была подтянута к фронту. Для надлежащей подготовки атаки было мало времени, хотя предварительная подготовка фактически началась еще в первых числах марта. Далеко не все необходимые мероприятия, которые должны предшествовать прорыву укрепленной полосы, были полностью осуществлены к началу атаки.

Фактически главный удар наносился на Западном фронте 2-й русской армией, занимавшей десятью корпусами участок Медзины[1], оз. Вишневское протяжением свыше 90 км, из которых до 25 км приходилось на береговую полосу больших озер (см. схему 26).

Согласно директиве Алексеева, на 2-ю армию возлагалась задача: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося перед фронтом армии, а затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты[2].

Одновременно вспомогательный удар справа должна была нанести 1-я армия своим левым флангом. Остальные армии Западного фронта должны были сковать противника перед собой и в случае успеха 2-й армии перейти в общее наступление.

Штабу 2-й армии было трудно управлять десятью корпусами, вследствие чего допущена была организация импровизированных групп без наличия особого органа управления в каждой группе, послужившая одной из главных причин провала операции. Если одному штабу 2-й армии действительно было трудно совладать с управлением десятью корпусами, то следовало образовать две армии — каждую со всеми органами полевого управления и обеспечения операции, не исключая устройства тыла каждой армии. Алексеев сознавал дефекты организации управления во 2-й армии, но высказал это Эверту лишь 3 апреля, когда операция фактически уже закончилась полной неудачей.

Организованы были три группы: ген. Плешкова — в составе 1-го, 27-го и 1-го Сибирского корпусов и 7-го кавалерийского корпуса; ген. Балуева — в составе 5-го, 36-го и 3-го Сибирского корпусов с Уральской казачьей дивизией; ген. Сирелиуса — в составе 34-го и 4-го Сибирского корпусов.

Решено было прорвать расположение противника одновременной атакой флангами: на участке Медзины, Дуки группою ген. Плешкова и на участке в промежутке между озерами Нароч и Вишневское группою ген. Балуева. Группа ген. Сирелиуса получила задачу: «демонстрируя энергично» (?) на участке Дуки, оз. Нароч, атакой на

---

[1] В 2½ км к северу от Аймуны (схема 26).

[2] Михалишки и Гервяты к юго-западу от Свенцяны в направлении на Вильно до р. Виля.

участке Черняты, Лотва «сковать противника», находящегося перед фронтом группы (схемы 26 — а, б, в).

Для развития успеха за правым флангом армии был расположен 15-й, а за левым — 35-й корпус, составлявшие резерв главкозапа.

2-я армия была в общем слабо обеспечена артиллерией, в особенности тяжелой. На 10 пехотных корпусов имелось лишь около 1 000 легких орудий, т. е. на 1 000 штыков приходилось приблизительно 2½ орудия, тогда как к тому времени уже выяснилась норма — иметь при атаке до 8—10 орудий на 1 000 бойцов; тяжелых же орудий, и то не свыше 152-мм калибра, имелось лишь около 150, т. е. ничтожное количество для обширного фронта до 60 км (групп Плешкова и Балуева).

Что же касается плотности на 1 км, то она была довольно значительная для русского фронта — в среднем до 12—18, а на отдельных участках до 35 орудий разных калибров на километр. Однако плотность эта далеко не достигала нормы, установившейся на англо-французском фронте — до 100 орудий на 1 км, и исчисляемой Эвертом после мартовской операции — до 100—120 орудий на 1 км.

На участке главного удара на Западном фронте были собраны в общем довольно внушительные силы русских, но если бы русское главное командование сосредоточило все усилия только на одном избранном решающем направлении, отказавшись от комбинированного удара с двух фронтов — Северного и Западного и сузив участок главного удара на Западном фронте, то оно могло бы сосредоточить на этом участке в 40—50 км до 40 пехотных и 5 кавалерийских дивизий и до 2 000 орудий, в том числе до 400 тяжелых. При таком почти четырехкратном превосходстве над противником в живой силе и в артиллерии можно было бы при надлежащей подготовке и своевременном начале операции не только обеспечить успех прорыва укрепленной полосы противника, но и окончательно раздавить его.

В зависимости от задач и условий местности, имевшаяся во 2-й армии артиллерия была распределена между группами.

I. Группа ген. Плешкова
(схема 26а)

1-й армейский корпус имел задачу: прорвать расположение противника на фронте Ковальтишки, Вилейты, захватив вторую линию Лоздзеи, Ляховичи и тыловую — к северу от Годутишки. Участок главной атаки по фронту около 4 км.

Артиллерия корпуса под начальством инаркора Масальского: 22-я арт. бригада (36 орудий), 1-й дивизион 59-й арт. бригады (18 орудий) и 1-й мортирный дивизион (12 гаубиц), всего: 76-мм пушек — 54 и 122-мм гаубиц — 12. После неудачной атаки 19 марта эту артиллерию усилили, добавив из группы Закутовского две батареи 152-мм гаубиц (7 орудий) и одну батарею 107-мм пушек обр. 1877 г.

1-й Сибирский корпус получил задачу: прорвать противника на фронте Вилейты (искл.), Можейки, направляя главный удар

Аймуны
Антоны
Ковальтишки
оз. Лоздзеи
Лоси
Лоздзеи
Матишки
Голатыльцы
Вилейты
Бучелишки
Интока
Ляховичи
м. ГОДУТИШКИ
Годутишки
234
Камайка
Мольдзевичи
Яржево
Прожектор
оз. Олься
Б. Олься
236
М. Олься
Гары
Мацуты
Дворочаны
Ананичи
Литвинки
Загач
Ширки
оз. Спорское
оз. Свито
Кашицы
Ромельки
Дуки
Новый Двор
оз. Заделевское
м. ПОСТАВЫ
Можейки
оз. Можейское
Волохи
Курты
Баранишки
Турлы
Козлы
Волоцки
Русаки
Сивцы
оз. Черты
Мядель
Лучай
Двина
Нарочь
Вилия
Страча

Условные обозначения

Русские:

- Укрепленная позиция (окопы пехоты)
- Батарея 76-мм пушек
- Взвод 76-мм пушек (2 орудия)
- Район расположения дивизиона 76-мм пушек на огневой позиции
- Район расположения арт. бригады 76-мм пушек на огневой позиции
- Батарея 122-мм гаубиц
- Район расположения дивизиона 122-мм гаубиц на огневой позиции
- Батарея 107-мм пушек
- Батарея 152-мм пушек или гаубиц
- Наблюдательный пункт
- Сектор обстрела батареи
- Район расположения на огневой позиции тяжелого дивизиона 152-мм пушек или гаубиц
- Запасная огневая позиц. на батарею

Германцы:

- Укрепленная позиция (окопы пехоты)
- Обнаруженная батарея
- Наблюдательный пункт

Масштаб 0 1 км

Схема 26а. Расположение русской артиллерии в период мартовской операции (18—28 марта 1916 г.) на Западном фронте.

Схема 26б. Расположение русской артиллерии в период мартовской операции (18—28 марта 1916 г.) на Западном фронте.

Схема 26в. Расположение русской артиллерии в период мартовской операции (18—28 марта 1916 г.) на Западном фронте.

на участок Бучелишки, Можейки. Участок главного удара — около 2½ км, весь участок — 5½ км. После прорыва захватить вторую линию обороны Интока, Яржево и тыловую — Мольдзевичи, Олься.

Артиллерия корпуса: 1-я и 2-я Сибирские арт. бригады, всего 76-мм пушек — 72.

27-й армейский корпус должен был: после прорыва расположения противника войти в линию между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами, атакуя участок Годутишки, Мольдзевичи и далее наступая правым флангом вдоль железной дороги.

Артиллерия 27-го корпуса (45-я и 76-я арт. бригады и 27-й мортирный дивизион) была передана в особую артиллерийскую группу ген. Закутовского. Вместо нее 22 марта 27-му корпусу были приданы 6-й и 14-й тяжелые арт. дивизионы, всего 107-мм пушек — 8 и 152-мм гаубиц — 16. Затем, 20 марта, корпусу была возвращена 76-я арт. бригада (36 легких 76-мм пушек).

Артиллерийская группа ген. Закутовского, подчиненная непосредственно ген. Плешкову, получила общую задачу содействовать прорыву, обратив особое внимание на: а) интенсивный обстрел узлов: Ковальтишки, Матишки; Голатыльцы, Вилейты; восточная опушка Лапинского леса, что южнее Бучелишки и западнее Можейки (общий фронт каждого из этих узлов около 2 км); б) подавление артиллерии противника на участках: Лоси, Лоздзеи; западнее Лапинского леса (в направлении Яржево, Олься); Литвинки, Дворочаны, Ананичи и Загач (общее протяжение участков до 16 км); в) фланкирование участков: Вилейты, Ковальтишки; Можейки, Новый Двор, Дуки, Ширки (протяжение первого участка — 3½, второго — 9 км); г) образование «достаточного» числа проходов в проволочных заграждениях к пунктам атаки (это неопределенное задание было уточнено 14 марта указанием, чтобы на фронте Бучелишки, Можейки сделать четыре прохода по 40 м); д) подготовку к атаке второй линии обороны противника: Лоздзеи, Ляховичи, Инотка, Яржево (протяжением 7 км); е) непосредственную поддержку атаки 1-й и 2-й неприятельских линий (с выдвижением артиллерии вперед).

В общем ряд указанных, довольно неопределенных заданий не соответствовал силам артиллерии группы Закутовского и не был достаточно сообразован с обстановкой. Например, предусматривался обстрел «узлов», а о разрушении окопов между ними не упоминалось.

Группа Закутовского имела следующий состав: 76-мм легких пушек — 72 (45-я и 76-я арт. бригады, из них 76-я была возвращена 27-му корпусу, как упоминалось, 20 марта), 107-мм пушек обр. 1877 г. — 12, 122-мм полевых гаубиц — 60, 152-мм пушек в 120 пуд. — 12, 152-мм гаубиц — 32 (из них 20 крепостных).

Артиллерия группы Закутовского была распределена, в свою очередь, на пять малых групп: 1-я ген. Андреева (45-я арт. бригада) — 36 легких 76-мм пушек; 2-я полк. Макшеева (76-я арт. бригада) — 36 легких 76-мм пушек; 3-я ген. Руктешеля — 12 полевых 122-мм гаубиц, 8 тяжелых 152-мм гаубиц, 12 тяжелых 152-мм пушек в 120 пуд.; 4-я полк. Яковлева — 24 полевые 122-мм гаубицы, 12 тяжелых 152-мм гаубиц, 12 тяжелых 107-мм пушек обр. 1877 г.;

5-я полк. Надеина — 24 полевые 122-мм гаубицы и 12 тяжелых 152-мм гаубиц.

Подготовительные работы по выбору и расстановке артиллерии на позициях были начаты еще до получения указанных задач, причем Плешковым было приказано задавать исполнителям только частные задачи без разъяснения общей обстановки. Впрочем, и сам Плешков при организации его группы, 27 февраля, не получил от командующего 2-й армией указаний о наступательных задачах.

Ген. Закутовский к разработке задач, поставленных его артиллерийской группе, не привлекался. Состоявший для поручений по артиллерийской части при главкозапе известный в то время артиллерист Беляев, прибывший в район группы Закутовского 4 марта, убедился, к своему удивлению, в полной неосведомленности Закутовского в предстоящих действиях. При таких условиях выбор позиций для артиллерии Закутовского не мог быть сделан в соответствии с теми задачами, какие ей были поставлены.

Мало того, задача, ранее поставленная группе Плешкова, была 12 марта несколько изменена. Так:

1-му армейскому корпусу атаковать на фронте Вилейты, Бучелишки, направляя главный удар на участок лес южнее Вилейты, Бучелишки. Общий фронт атаки — около 3½ км, фронт главного удара — около 2 км.

1-му Сибирскому корпусу атаковать фронт Бучелишки, Можейки, направляя главный удар на участок Бучелишки, северный выступ Лапинского леса (северо-западнее Можейки) и удерживая фронт Можейки, Дуки. Весь фронт атаки — 3½ км, фронт главного удара — до 2 км.

27-му армейскому корпусу, с приданными ему 6-м и 14-м тяжелым арт. дивизионами, вести бой в направлении от Поставы на Олься, Оцковичи[1].

Артиллерийской группе Закутовского развить наиболее мощный огонь преимущественно по неприятельской позиции Вилейты, Можейки (фронт около 6 км), по артиллерийским группам противника и по тылу его позиции.

Изменение задач оказывает вообще отрицательное влияние на исполнение и успех боевых операций. В данном случае первоначальной руководящей идеей Плешкова был разгром укрепленных узлов Голатыльцы, Вилейты, в соответствии с чем ставились задачи и размещалась артиллерия, а в действительности атака велась на район Микулишки, Лапин на 2 км южнее, причем на соответственное перемещение артиллерии времени уже не было.

Перед началом операции Плешковым был издан целый ряд инструкций и наставлений, большинство указаний которых являлось «общими местами» с напоминаниями о необходимости «детальной разработки плана предстоящих действий» и даже с учетом «возможных случайностей боя и противодействия неприятеля», о необходимости заблаговременной организации надежной связи между частями артиллерии Закутовского и связи ее с частями артиллерии всех корпусов,

[1] Оцковичи в 4 км на юго-запад от Олься.

о необходимости «непрерывного и целесообразного взаимодействия артиллерии и пехоты», заблаговременной разработки соображений для переезда артиллерии на новые позиции с целью подготовки атаки тыловой позиции противника и пр.

Предписанием 6 марта предлагалось артиллерии стать на позиции и быть готовой к открытию огня: всей тяжелой — к 10 марта, гаубичной — к 11-му, одной легкой артиллерийской бригаде 27-го корпуса — к 10-му (заняв позицию к югу от местечка Поставы), всей остальной легкой — к 12 марта. Предлагалось начать пристрелку немедленно по постановке батарей на позиции, ведя ее одиночными выстрелами и не одновременно, чтобы «не обнаружить себя противнику»; всем артиллерийским начальникам предлагалось представить по команде, немедленно после личной рекогносцировки, точные схемы расположения батарей с указанием секторов обстрела, связи и с перечнем полученных задач; инаркорам предписывалось организовать «такое снабжение боевыми припасами, чтобы ни в коем случае не могло быть задержек в развитии арт. огня» и т. д.

Кроме того, 16 марта Плешковым была дана «Инструкция инспектору артиллерии группы», в которой указывалось:

а) Начать артиллерийскую подготовку 18 марта с 8—9 час., как только прояснится туман, и сначала демонстративно в течение 3 час. обстреливать участок озеро Можейское, деревня Новый Двор (участок этот южнее района атаки), «обстреливая одновременно с особым вниманием участок Матишки, Бучелишки, Лапинский лес[1], особенно последний, и 2-ю линию обороны».

б) Затем перенести главную массу артиллерийского огня на ударный участок Матишки, Бучелишки, Лапинский лес (фронт около 8 км), произведя перенос огня сразу после обстрела участка оз. Можейское, Новый Двор, не прекращая совершенно огня по последнему (фронт около 5 км).

в) Обстрел ударного участка вести напряженно и непрерывно, прикрывая движение пехоты до ее приближения к неприятельским окопам; когда же будет опасность поражения своих, огонь без приостановки перенести на фланги, на соседние и те тыловые участки, откуда можно ожидать подхода резервов и контратак.

г) Обстрел неприятельской артиллерии производить по мере действительной надобности, чтобы принудить ее к молчанию.

д) В первую очередь обстреливать те участки позиции противника, которые «грозят особым сопротивлением», и т. д.

Дальнейшие указания «Инструкции» являются избитыми общими местами о необходимости взаимодействия и связи, о наблюдении, о переезде артиллерии вперед для подготовки атаки тыловых позиций противника, об артиллерийском обстреле ночью только тех произведенных разрушений, которые противник будет пытаться исправлять, о бесцельности чрезмерного расхода боеприпасов и пр.

---

[1] Лапинский лес расположен к югу от Бучелишки и к западу от Можейки (см. выше); лес имеет два выступа — северный и южный, между которыми перешеек.

Ген. Закутовский поставил своей артиллерии задачи следующим образом (см. схему 26а):

1-я группа Андреева — 45-я арт. бригада на позиции в районе Волохи, Поставы, растянутой почти на 5 км. Задача: обстреливать фронтальным, фланговым и косым огнем участок от Можейки до Загач и в глубину до Лапинского леса.

Наименьшая дальность для 1-го дивизиона 45-й арт. бригады до окопов у Новый Двор — около 4 км, до Можейки — 7 км, до Загач — 6 км; для 2-го дивизиона до Можейки — 4 км, до Загач — около 9 км, до Лапинского леса — от 5 до 7 км. На таких дальностях подготовка атаки для 76-мм пушек невозможна, т. е. задача, поставленная 1-й группе, была для нее невыполнимой, и участие этой группы в общем ударе свелось к нулю.

Столь же невыполнимыми в общем были и другие многочисленные задачи, поставленные группе Андреева, как-то: обстрел выходов из окопов на том же широком фронте, обстрел ходов сообщения, тыловых дорог, резервов, оборона позиций от авиации, даже «образование дымовых завес» и притом на участке, который атаковать не предполагали.

2-я группа Макшеева — 76-я арт. бригада на позиции в районе Поставы, Ромельки, т. е. тоже на довольно растянутом фронте около 4 км. Задача: подавление огня неприятельской артиллерии на участке Литвинки, Загач, Дворочаны, Ананичи; фронтальный и косой огонь по окопам на участке Новый Двор, Загач; обстрел тыловых подступов подхода резервов; образование на участке дымовых завес; оборона от воздушных налетов.

Подавление огня артиллерии в указанном участке было непосильным, так как до нее дальность была около 7—8 км; к тому же борьба с нею не имела значения, так как по дальности она не могла противодействовать атаке на главном направлении. До окопов Нового Двора и Загача была также значительная дальность — от 4 до 6 км, а до «тыловых подступов», очевидно, было еще дальше.

Группа Макшеева, находясь в 10—11 км от района главного удара, не могла принять сколько-нибудь деятельного участия в поддержке атаки.

Включать в группу Закутовского 45-ю и 76-ю арт. бригады, удаленные от района атаки, не следовало; к тому же батареи этих бригад были удалены на 2—10 км и от самого Закутовского, находившегося все время боя при штабе 2-й Сибирской дивизии в Сивцы. Напротив, в целях объединения работы легкой и тяжелой артиллерии, следовало включить в группу Закутовского оставленные при своих дивизиях 1-ю и 2-ю Сибирские арт. бригады, действовавшие по району атаки с малых дальностей.

3-я группа Руктешеля (122-мм и 152-мм гаубицы и 152-мм пушки в 120 пуд.) занимала растянутую почти на 8 км позицию от юго-западной опушки леса, что к северу от Поставы, до южной опушки леса, что к северо-востоку от Кашицы. Задача: обстрел неприятельской артиллерии в районе Загач, Литвинки, Ананичи, Новый Двор, Гары; обстрел фронтальным и косым огнем участка Можейки, Загач; обстрел тыловых позиций.

Дальности до окопов противника были от 3 до 9 км, а до района его артиллерии 5 и большею частью 6—7½ км. Фронт окопов Можейки, Загач, подлежащих обстрелу, — около 9 км. Если бы все 32 орудия этой группы обрушились на такой участок окопов, то на каждое орудие пришлось бы приблизительно по 250 м; чтобы «обстрел фронтальным, фланговым и косым огнем» подобного участка был действительным, надо было израсходовать колоссальное количество снарядов.

Группа Руктешеля не предназначалась для действия на участке главного удара (Бучелишки, Можейки), да и стрелять туда она могла, вследствие большой дальности, лишь небольшой частью орудий. Сосредоточение огня батарей этой группы по общим целям, разбросанным на фронте 8—9 км, было крайне затруднительно.

4-я группа Яковлева (122-мм и 152-мм гаубицы и 107-мм пушки) располагалась на позиции в районе Волоцки, Сивцы, т. е. на фронте около 6 км. Задачи: а) подавление огня неприятельской артиллерии в районе Инотока, Яржево, Гары; б) стрельба по тыловым подступам и резервам; в) обстрел тыловых позиций в районе Яржево, Большая и Малая Олься; г) обстрел участка на фронте Дуки, Новый Двор; д) образование проходов в проволоке у Бучелишки, северный выступ Лапинского леса (два прохода по 40 м в левой половине участка); е) стрельба по змейковым аэростатам.

Основной задачей являлся обстрел участка главного удара Бучелишки, Можейки, куда следовало бы сосредоточить огонь всей группы Яковлева и большинства остальных батарей артиллерии Закутовского, соответственно расположив их на дальностях действительного огня от целей. Между тем батареи группы Яковлева должны были решать основную задачу с дальности 5—6 км, недопустимо большой как для разрушения окопов, которое почему-то вовсе не было задано, так и в особенности для пробивания проходов в проволоке, не говоря уже о том, что разрушение проволоки не отвечало свойствам тяжелых орудий группы Яковлева и должно было быть возложено на легкие 76-мм пушки. До всех остальных целей, указанных группе Яковлева в задачах «а», «б», «в», «д», дальности были еще больше — от 6 до 7 км, а до змейкового аэростата свыше предельной. При этом задача фланкирования участка Задевье, Новый Двор являлась совершенно бесцельной, даже преступной: фланкировался второстепенный участок, к тому же прикрытый с фронта оз. Задевьевским, в то время когда пехота гибла на главном участке на проволоке и под огнем из неразрушенных окопов.

5-я группа Надеина (122-мм и 152-мм гаубицы) на позиции около 5 км по фронту лес западнее Волоцки, лес к востоку от д. Курты. Задачи: а) обстрел участка Бучелишки, Можейки; б) обстрел Лапинского леса; в) образование проходов в проволоке между Бучелишки и Можейки — два прохода до 40 м в правой половине участка; г) обстрел тыловых позиций в районе Интока, Яржево.

Для обстрела, или правильнее для разрушения, участка Бучелишки, Можейки в 2⅓ км по фронту недостаточно 36 гаубиц, имев-

шихся в распоряжении Надеина, если даже отбросить все прочие задачи его группы.

Проходы в проволоке делались с большой дальности — 4—4½ км из гаубиц, вместо того чтобы назначить гаубицы для разрушения окопов, что отвечало их свойствам. Обстрел Лапинского леса, имеющего обширную площадь до двух квадратных километров, являлся задачей, не обещающей серьезного результата. До тыловых позиций, заданных для обстрела, дальность 6—7 км.

Вследствие нецелесообразных распоряжений ген. Закутовского фактически, в окончательном выводе, из всей его артиллерии (188 орудий) для подготовки и поддержки атаки 18 марта на участке главного удара 1-го Сибирского корпуса между Бучелишки и перешейком Лапинского леса было привлечено легкой 76-мм артиллерии 0%; полевых 122-мм гаубиц — шесть батарей, или 46%, обстреливавших окопы с дистанций от 2½—3½ до 5—6 км; тяжелой 152-мм артиллерии для обстрела окопов лишь одна батарея, или 10% всей 152-мм артиллерии (дистанция 5—6 км); для разрушения проволоки две 122-мм и одна 152-мм батарея, или 13% и 10% (с дистанций от 4 до 6 км).

Всего на фронт главного удара в 1½ км для разрушения блиндажей и окопов усиленной профили было направлено лишь 28 гаубиц (24 полевые 122-мм и 4 тяжелые 152-мм), т. е. на одну гаубицу приходился фронт в 60 м. Столь широкий фронт сильных укреплений не мог быть достаточно разрушен за время подготовки 18 марта. Если же принять во внимание, что разрушение окопов и проволоки велось с дистанций в среднем около 5 км, то сомнительный результат подобной артиллерийской подготовки можно было предвидеть заранее. Участок главного удара не мог обстреливаться интенсивно и в период атаки, тем более, что легкая 76-мм артиллерия, в силу особенностей ее расположения и полученного задания, не могла участвовать в главном ударе.

Аэрофотосъемки атакуемого участка ко времени начала артиллерийской подготовки не было. Фотографирование было выполнено лишь 20 и 26 марта, когда существенной пользы принести оно уже не могло; кроме того, фотоснимки так и не попали к артиллеристам. За неимением аэрофотоснимков была более или менее известна только первая линия неприятельских окопов, прочие «предполагались» и не могли быть обстреляны, как и оставшиеся неизвестными ходы сообщения и пути движения резервов противника; не могли быть выяснены и назначены к разрушению и фланкирующие его участки.

По данным о противнике, добытым рекогносцировками по 16 марта, была составлена схема расположения артиллерии группы Плешкова и позиции противника с нумерацией целей. Составлен был список целей, подлежащих обстрелу артиллерийской группой Закутовского[1]. Всего 119 целей, а именно (см. схему 26а):

---

[1] Ввиду мелкого масштаба схемы 26а некоторые цели из указанных в списке не помечены на схеме; иногда на схеме имеются только номера целей, но не нанесены и не названы местные предметы, к которым относятся цели.

№ целей	Название целей
119	Дашки
120	Окопы на высоте южнее оз. Спорское
121	Дворочаны
122	Окопы с пулеметами к с.-в. Соловьи у оз. Спорское
123	Соловьи
124	Вороновщина
125	Окопы ю.-в. Загач
126	Загач
127	Загач
128	Окопы ю.-з. Загач
129	Г. дв. Загач Литвинка
130	Окоп ю-в. Загач
131	Роща вост. оз. Загач
132	Роща вост. оз. Загач
133	Окопы зап. оз. Загач
134	Опушка леса ю.-в. Дуки
135	Проволока перед (вост.) Дуки
136	Дуки
137	Окопы с.-в. Дуки
138	Окопы вост. Дуки
139	Кладбище с.-з. Дуки
140	Роща вост. Дашки
141	Взвод артиллерии ю.-з. Задевье
142	Взвод артиллерии зап. Задевье
143	Окоп у озера между Задевье и Дуки
144	Пулемет ю. костела в Задевье
145	Отд. дом с наблюдателем у озера южн. Задевье
146	Окопы в Задевье
147	Батарея с.-в. Литвинка
148	Окопы вдоль дороги с. Литвинка
149	Опушка рощи с.-з. Гары
150	Батарея против костела
151	Батарея у кладбища Задевье
152	Батарея ю-з. Новый Двор
153	Кусты с.-з. Новый Двор
154	Малая Олься
155	Можейки
156	Пересечение дороги из Родзе в Гары с жел. дорогой
157	Костел в Задевье
158	Выступ леса между Вилейты и Микули
159	Пулеметный окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
160	Гаубичная батарея с.-в. Дашки
161	Задевье
162	Ю.-в. окраина Новый Двор
163	Ю.-з. окраина Новый Двор
164	Сев. окраина Новый Двор
165	Гаубичная батарея ю.-з. Гары
166	Гары
167	Большая Олься
168	Окоп южн. железной дороги и оз. Ковалевское
169	Окоп южн. железной дороги за оз. Ковалевское
170	Окоп между оз. Ксендзовское и оз. Ковалевское
171	Ходы сообщения за оз. Ковалевское
172	Окоп за оз. Ксендзовское
173	Наблюдательный пункт в лесу зап. оз. Ксендзовское
174	Редкая роща у железной дороги
175	Окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
176	Левый край редкой рощи ю.-з. оз. Можейское
177	Легкая батарея ю.-в. Ловкишки
178	Окоп зап. оз. Можейское
179	Проволочные заграждения зап. оз. Можейское
180	Окоп зап. левого края Можейки
181	Ловкишки
182	Окоп зап. середины Можейки
183	Окоп с.-в. правого края Можейки
184	Легкая батарея ю.-з. Можейки
185	Окоп на поляне у куста
186	Окоп „под лесом" южн. Лапинь
187	Легкая батарея за лесом южн. Целинь
188	Окоп вост. хут. Лапинь
189	Окоп южн. Лесн. Муляр
190	Окоп с.-в. Бучелишки
191	Окоп зап. Лесн. Муляр
192	Бучелишки
193	Резервный окоп вост. Интока
194	Резервный окоп за зап. окраиной Бучелишки
195	Окоп между Бучелишки и Лесн. Муляр
196	Окоп с.-в. Бучелишки

№ целей	Название целей
197	Окоп между Бучелишки и Микулишки
198	Окоп у кладбища с.-в. Вилейты
199	Заставы на южн. окраине Вилейты
200	Окоп ю.-з. Вилейты
201	Отд. домик вост. М. Олься
202	Родзе
203	Дальний окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
204	Передовой окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
205	Окоп у леса за южн. краем Можейки
206	Окоп за серединой оз. Можейское
207	Окоп за правым краем оз. Можейское
208	Окоп левее Можейки
209	Ловкишки
210	Окоп правее Можейки
211	Окоп у леса
212	Окоп левее Бучелишки
213	Окоп правее Бучелишки
214	Окоп правее Вилейты
215	Окоп левее Голатыльцы
216	Голатыльцы
217	Выступ большого леса между Матишки и Голатыльцы
218	Взвод артиллерии на опушке леса у Матишки
219	Окоп левее Матишки
220	Окоп впереди Матишки
221	Матишки
222	Ближний окоп впереди Матишки
223	Окоп правее Матишки
224	Окоп между Матишки и Антоны
225	Окоп левее Антоны
226	Антоны
227	Окоп между Антоны и Аймуны
228	Аймуны
229	Окоп между Аймуны и Медзинь
230	Медзинь
231	Дв. Малюпе
232	Окоп Интоки, Свельми
233	Окоп Свельми, Уржево
234	Окоп у м. Годулишки
235	Батарея у Задевье
236	Окоп у Б. Олься
237	Окоп у М. Олься

Пристрелка батарей в группе Закутовского была начата за три дня до начала операции, причем было пристреляно не 119, а 237 целей, распределенных по фронту до 25 км и как в передовой, так и в последующих линиях позиции противника и в районах его артиллерии. Такая пристрелка давала ясные указания противнику на район предстоящего удара. Обширность пристрелянного района и множество пристрелянных целей в значительной степени исключали возможность точного указания целей и затрудняли управление огнем.

Вся артиллерия группы Закутовского действовала на фронте 1-го Сибирского корпуса. Оставленная в распоряжении корпуса артиллерия располагалась на позициях: 1-я Сибирская арт. бригада в районе Курты, Волоцки (1-й дивизион приблизительно в 4 км от первой линии неприятельских окопов, 2-й дивизион несколько впереди, юго-западнее 1-го и ближе к противнику, около 3 км от первой линии его окопов); 2-я Сибирская арт. бригада к юго-востоку от 1-й в районе Русаки, Курты на восточном берегу р. Мяделка (оба дивизиона почти в одну линию в 2—3 км от окопов противника, расположенных на западном берегу оз. Можейское).

1-й Сибирский корпус занял район, который прежде занимал 1-й армейский корпус. Для выяснения расположения противника и его артиллерии 1-й армейский корпус сделал немного; поэтому 1-му Сибирскому корпусу пришлось почти всю разведку делать

снова, но за недостатком времени и так как туман не допускал пользоваться аэропланами, тыл противника и его артиллерия остались неизвестными.

1-й армейский корпус, выполнявший столь же серьезную задачу, как и 1-й Сибирский, был предоставлен самому себе со своей легкой артиллерией — 54 полевых 76-мм пушки и одним мортирным дивизионом — 12 полевых 122-мм гаубиц. С этими бедными артиллерийскими средствами группе ген. Масальского предлагалось разрушать окопы и рвать проволоку на всем фронте атаки Вилейты, Бучелишки протяжением около 3½ км, т. е. на каждую гаубицу приходился фронт атакуемого и подлежащего разрушению участка около 300 м. Такая задача для 122-мм гаубицы невыполнима. Что же касается пробивания проходов в проволоке из легких 76-мм пушек, то при обстреле окопов, расположенных по опушке леса, деревья, опутанные проволокой, падали и загромождали сделанные проходы.

В 1-м армейском корпусе расстановка артиллерии на позиции встретила большие затруднения вследствие лесисто-болотистой местности в обширном районе между реками Камайка и Мяделка к северу от линии Бучелишки, Курты (см. схему 26а). Батареи пришлось ставить на случайных лесных полянках, устраивая для орудий помосты из бревен; окопов нельзя было возвести ни для артиллерии, ни для пехоты; наблюдательные пункты приходилось выбирать на опушке леса в линии своего сторожевого пехотного охранения и в непосредственной близости к противнику; наблюдательные пункты сильно обстреливались и постоянно перебивались телефонные провода, вследствие чего командовавший артиллерийской группой Масальский вынужден был во время боя с наблюдательного пункта на передней опушке перейти несколько в глубь леса.

Отсутствие воздушной разведки и аэрофотосъемок неблагоприятно сказалось в 1-м армейском корпусе, как и в других частях группы Плешкова.

Задачи артиллерии в группе Масальского были поставлены общевойсковым командованием, как это бывало обыкновенно в царской армии, в общих, неопределенных выражениях; даже время открытия огня для начала артиллерийской подготовки было назначено первоначально неопределенно — «с рассветом»; вечером, в ночь на 18 марта, пришло приказание открыть огонь в 8 ч. 15 м. утра.

II. Группа ген. Балуева
(схема 26в)

В группе Балуева план операции был разработан заблаговременно, пользуясь данными воздушной фотографии; заблаговременно же были выбраны в соответствии с задачей позиции для артиллерии.

5-й армейский корпус получил задачу: нанести удар противнику на фронте деревни Мокрицы, озеро Нароч (фронт около 4 км).

Приданная корпусу артиллерия подразделялась на три отдельные группы, объединение действий которых было поручено инаркору ген. Горбачевичу. Состав групп был следующий:

1-я группа (полк. Тихоцкий): 152-мм гаубиц — 4, 152-мм пушек в 120 пуд. — 4, 122-мм полевых гаубиц — 4, 107-мм пушек обр. 1877 г. — 4, 76-мм полевых пушек — 12.

2-я группа (ген. Скерский): 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 4, 122-мм гаубиц — 8, 76-мм полевых пушек — 30.

3-я группа (полк. Велямович): 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 8, 122-мм гаубиц — 12, 76-мм полевых пушек — 60.

36-й армейский корпус получил задачу: нанести удар противнику в направлении деревни Балтагузы.

Состав артиллерии этого корпуса: 152-мм гаубиц — 13, 152-мм пушек в 120 пуд. — 8, 122-мм гаубиц — 20, 107-мм скорострельных пушек 1910 г. — 4, 107-мм пушек обр. 1877 г. — 8, 76-мм полевых пушек — 60. Артиллерия эта была роздана примерно поровну по дивизиям, тогда как активную задачу имела только 25-я пех. дивизия, а 68-я дивизия получила задачу пассивную. При 25-й пех. дивизии состояло: 152-мм гаубиц — 8, 122-мм гаубиц — 12, 107-мм скорострельных пушек — 4 (из них исправных только 2), 107-мм пушек обр. 1877 г. — 8, 76-мм пушек — 36, а при 68-й дивизии: 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 8, 122-мм гаубиц — 8 и 76-мм пушек — 24.

Ближайшее руководство артиллерией было возложено соответственно на командиров 25-й и 68-й арт. бригад, действовавших по непосредственным указаниям своих начальников дивизий.

3-й Сибирский корпус назначен был в резерв и должен был наблюдать болото в промежутке между 5-м и 36-м корпусами (между Мокрицы и Балтагузы).

В распоряжении этого корпуса находилась артиллерийская группа (4-я) полк. Зверева из 4 скорострельных 107-мм пушек и 12 полевых 76-мм пушек, поставленная на позиции, весьма удаленной от противника. Легкая 8-я Сибирская арт. бригада была оставлена в резерве.

Для стрельбы по самолетам использованы были 38 полевых 76-мм пушек.

Для объединения действий артиллерии всей группы Балуева был назначен инспарт 36-го корпуса ген. Романовский, но назначение это было номинальным, так как артиллерия 5-го и 36-го корпусов, действовавшая в районах, разделенных болотом шириною 3—4 км, почти не могла оказывать взаимной поддержки. Кроме того, Романовский, одновременно назначенный для наблюдения за питанием снарядами, не мог, за недостатком времени, руководить артиллерией даже своего 36-го корпуса.

В группе Балуева задачи артиллерии давались, как и в группе Плешкова, в общих чертах, а если и ставились определенные требования, то не всегда отвечающие свойствам артиллерии и обеспечивающие успех в бою. Так, например, 122-мм и 152-мм гаубицам артиллерии 5-го корпуса приказано было сделать 18 марта в проволочных заграждениях противника четыре сплошных широких прохода по 100 м, вместо того чтобы поручить это легким 76-мм батареям, а на гаубичные батареи возложить разрушение окопов. Задача по-

требовала громадного расхода гаубичных боеприпасов, но не могла быть выполнена в полной мере. Сделанные же проходы в проволоке сыграли при атаке предательскую роль искусственных дефиле, в которых русская пехота несла огромные потери от неприятельского огня.

При артиллерийской подготовке 18 марта по окопам стреляла главным образом 76-мм полевая артиллерия и большей частью шрапнелью, так как гранат было мало (гранаты были доставлены в обычной пропорции — около 15% комплекта). Стрельба 76-мм шрапнелью не причиняла никакого вреда окопам и только вынуждала защитников временно укрываться. Вследствие ненадлежащего использования гаубиц не были разрушены фланкирующие участки окопов; между тем некоторые пункты атаки были избраны в неудобных, несколько входящих углах, сильно обстреливаемых с флангов.

В 5-м корпусе имела место дружная совместная работа пехотных и артиллерийских начальников, которые заблаговременно сговорились о деталях атаки; по местности были указаны участки для прорывов проволоки и разрушения окопов. Однако в действительности в некоторых случаях атака все-таки не нацеливалась на участки, разрушенные артиллерией, и атакующие части пехоты попадали на уцелевшую проволоку и гибли на ней. Это печальное явление наблюдалось при последующих атаках и в 3-м Сибирском корпусе, в котором, между прочим, артиллерийским разведчикам приходилось указывать пехоте путь к проходам в проволоке.

Остановимся на характерных задачах, полученных артиллерией 36-го корпуса, которые были распределены следующим образом.

На фронте 25-й пех. дивизии — от м. Спягло до р. Роличи[1] (около 5 км): а) разрушение окопов на фронте до 800 м — одна 122-мм батарея из 4 легких гаубиц; но она могла разрушить за короткое время, какое было дано на артиллерийскую подготовку, едва ли более 80 м; для разрушения же 800 м окопов нужно было бы выпустить одной батарее не менее 12 000 гранат при непрерывной стрельбе примерно в течение двух суток днем и ночью без перерывов; в действительности эта батарея стреляла по окопам лишь несколько часов; б) такая же задача разрушения окопов до 800 м была дана другой 122-мм батарее; в) одной батарее 122-мм гаубиц и двум батареям 152-мм тяжелых гаубиц задано было образование проходов в проволочных заграждениях, что совершенно неправильно и должно возлагаться на легкие 76-мм пушечные батареи; г) вместо того легкая 76-мм артиллерия привлекается к стрельбе по окопам; несомненно, что промерзшим окопам и их защитникам легкие батареи вреда не нанесли; д) борьба с артиллерией возлагается на 107-мм пушки, что правильно, но на них же частью возложено было фланкирование окопов, что мало отвечает свойствам этих пушек, так как разрушать фланкирующие постройки они не могут.

На участке 68-й пех. дивизии — от Роличи до Спяглица (около 8 км): а) легкие 122-мм и тяжелые 152-мм гаубичные батареи — борьба с артиллерией противника, тогда как борьба с артил-

[1] Речка Роличи (на схеме не надписана) начинается у деревни того же названия и впадает в оз. Вишневское.

лерией противника не является основной задачей гаубиц и при атаке укрепленной позиции они должны разрушать окопы и прочные укрытия в окопах; б) легкие 76-мм батареи — пассивная задача обстрела неприятельских окопов; вместо такой «пассивной» задачи и притом непосильной для 76-мм пушек следовало использовать легкую 76-мм артиллерию, продвинув ее поближе для пробивания проходов в проволочных заграждениях и для борьбы с артиллерией противника.

Наконец, всей артиллерии 36-го корпуса приказано было подготовить данные для стрельбы по своим окопам, на случай занятия их противником. Подобное приказание деморализующе действовало на войска и вселяло в них не веру в свои силы, а, напротив, уверенность в превосходство противника, не наступательный порыв, а мысль об отступлении.

Приказ о задачах артиллерии 36-го корпуса говорит сам за себя и заранее предугадывает безуспешность артиллерийской подготовки и тот печальный исход атаки, какой имел место в действительности.

Большинство батарей группы Балуева стояло на позициях в районе между озерами Нароч и Вишневское еще с осени 1915 г.; знали местность, окопы противника и имели пристрелочные данные. Вновь прибывшие батареи пристреливались по мере прибытия. Тяжелая артиллерия прибывала с большим опозданием; 10-я тяжелая арт. бригада прибыла часть вечером 16-го, часть вечером 17 марта накануне начала артиллерийской подготовки. Личный состав тяжелой артиллерии не успел ознакомиться с местностью и окопами; телефонная связь была закончена только утром 18-го, в день боя; одна из 152-мм батарей пристреливалась на рассвете 18-го, когда подготовка удара уже началась, а другая 152-мм батарея осталась даже непристрелянной и стреляла 18-го наугад «по тылам».

Несмотря на предварительную пристрелку большинства батарей, все же в 5-м корпусе только артиллерия 1-й и 2-й групп имела пристрелочные данные и могла действовать по общему участку, атакуемому 7-й пех. дивизией, а для общего содействия 10-й пех. дивизии (влево) достаточных данных пристрелки не имелось; 3-я арт. группа могла работать в районе атаки 10-й дивизии и только случайное содействие могла оказывать направо, в район 7-й дивизии; 4-я группа Зверева из 76-мм и 107-мм пушек могла действовать только на участке 3-го Сибирского корпуса, между 5-м и 36-м корпусами, и только на больших дальностях, а содействия ближайшей 10-й дивизии оказывать не могла. Таким образом, расстановка артиллерии группы Балуева далеко не в полной мере обеспечивала получение перекрестного и сосредоточенного огня.

III. Группа ген. Сирелиуса

(схема 26б)

Группа Сирелиуса (34-й армейский и 4-й Сибирский корпуса) имела назначением: а) противодействовать возможному прорыву немцев на фронте деревня Дуки[1], озеро Нароч (деревня Занароч[2]),

[1] См. схему 26а.
[2] См. схему 16, 26в.

между активными группами Плешкова и Балуева; б) атакой и огнем на участке Черняты, Лотва (около 3 км) поиковать силы немцев к занимаемой ими позиции.

Артиллерия группы Сирелиуса имела в своем составе: 12 легких батарей — 72 полевые 76-мм пушки, мортирные дивизионы 4-го Сибирского и 34-го корпусов — 24 легкие 122-мм гаубицы и приданные три тяжелые батареи — 12 тяжелых 152-мм гаубиц. Расположение этой артиллерии на позициях показано на схеме 26б.

Приказами ген. Сирелиуса задачами для артиллерии ставилось: а) «периодически вести беглый арт. огонь, сосредоточивая его по временам на участках, назначенных для прорыва...» «периодически возобновлять беглый огонь на всем фронте, чтобы тревожить противника, что продолжать и ночью», не давать противнику возможности исправлять повреждения в окопах и заграждениях; б) как и в 36-м корпусе, подготовить данные для стрельбы по своим окопам, на случай занятия их противником.

Разрушать проволочные заграждения и делать в них проходы артиллерии не приказывалось.

В частности, главным объектом действий артиллерии в 4-м Сибирском корпусе был обстрел окопов и артиллерии противника, орудия которой приказано было «демонтировать», между тем артиллерия противника вовсе не была обнаружена.

В группе Сирелиуса все знали, что задача поставлена пассивная, а потому и артиллерия этой группы, повидимому, не особенно добивалась достичь результатов. В группе вообще не делалось даже попыток централизации управления артиллерией.

Организация питания боевыми припасами

При разработке плана и подготовке операции расчет количества потребных боеприпасов произведен был не в зависимости от того, сколько нужно снарядов для разрушения атакуемых участков неприятельской позиции, для пробивания проходов в проволочных заграждениях и для обеспечения успеха операции, а механически в том предположении, что бои будут продолжаться в одних войсковых частях до 10 дней, в других от 2 до 5 дней и что ежедневный расход выразится на:

76-мм полевую пушку в	200 выстрелов
122-мм полевую гаубицу в	100 „
107-мм скорострельную пушку в	50 „
152-мм тяжелую гаубицу в	50 „

При составлении расчета не было принято во внимание, сколько боевых припасов мог получить Западный фронт из запасов Упарта, к которому по этому вопросу не поступало от фронта предварительных запросов. Для Упарта было совершенно неожиданным поступившее к нему 9 марта требование Западного фронта о назначении ему к отпуску, сверх имеющихся на фронте, еще 68 легких 76-мм, 20 гаубичных 122-мм и 7 гаубичных 152-мм парков и о принятии мер,

в предвидении дальнейшего развития операций, к пополнению запасов фронта в размере 30—35% от общего числа парков фронта.

По состоянию запасов в резерве главковерха (Упарта) требование это не могло быть удовлетворено в полной мере. Западному фронту вместо просимого было назначено: с 14 по 23 марта — 45 легких парков, лишь 2 гаубичных (122-мм) и 2 тяжелых гаубичных, а с 23 до 28 марта еще 8—10 легких парков.

Таким образом, расчет боевых припасов, сделанный Западным фронтом, так сказать, «на глазок», не был сообразован ни с действительной потребностью, ни с имевшимися средствами. В действительности расчет этот оказался преувеличенным по отношению к 76-мм пушечным патронам и ошибочным в меньшую сторону по числу выстрелов к тяжелым пушкам 107-мм обр. 1877 г. и 152-мм в 120 пуд., а также к гаубицам легким и тяжелым.

Главкозап ген. Эверт, считая одной из причин неудачи мартовской операции недостаток выстрелов к гаубицам, писал 28 мая того же 1916 г. ген. Алексееву в Ставку, что в ударных армиях следует считать средний ежедневный расход на орудие по 150 выстрелов 122-мм и по 100 выстрелов 152-мм и что 18 марта в группе Балуева «при определенных целях и задачах было израсходовано на орудие 122-мм — 200, 152-мм полевых — 250, 152-мм крепостных — 175, 107-мм — по 150; в последующие дни мартовской операции 20 и 22 марта около 120 и 21 марта около 200 на полевую тяжелую 152-мм гаубицу».

Питание боевыми припасами было организовано по указаниям штаба главкозапа и происходило в общем неудовлетворительно. Запасы боевых припасов были сосредоточены на больших железнодорожных станциях в 50—80 км от позиционных районов батарей. При батареях имелся запас снарядов лишь на один первый день. Отдаленное расположение огнескладов сказалось весьма неблагоприятно, в особенности при наступившей весенней распутице.

В частности, питание боевыми припасами было организовано так.

В группе ген. Балуева. В деревне Талут, в 15—18 км от боевых линий, был образован передовой склад боевых припасов с однодневным запасом снарядов; на станции Кривичи находился тыловой огнесклад с 4—5-дневным запасом; для подвоза к передовому складу в Талут от Кривичи служила узкоколейная железная дорога длиною 30 км и плохая грунтовая дорога, которая к вечеру 22 марта ввиду ростепели стала почти вовсе непроездна; распоряжением командира 5-го армейского корпуса был организован небольшой промежуточный огнесклад возле деревни Слобода.

Ввиду неудовлетворительной организации подвоза снарядов от Кривичи в склад в Талут, отсутствия достаточного запаса на батареях и ограниченности первоначальных запасов в Талут, расстройство ближайшего огнепитания и недостаток в снарядах, особенно к 107-мм, 122-мм и 152-мм орудиям, сказались быстро и очень резко. Снаряды подавались малыми порциями, достаточными, чтобы поддержать огонь, но на надлежащую подготовку, на мощный огневой удар снарядов крупного калибра после атаки 18 марта уже не хватало.

Между прочим, 10-я тяжелая арт. бригада прибыла на позицию с 175 снарядами на орудие; прочие снаряды были оставлены в глубоком тылу, откуда получение их было крайне затруднено.

В группе ген. Плешкова. Количество 76-мм патронов, отпущенных на операцию, оказалось вполне достаточным; недостаток ощущался в тяжелых и гаубичных 122-мм снарядах. Особых задержек в питании 76-мм патронами не было только в 1-м армейском корпусе, благодаря предварительным запасам на батареях, почти по 1 000 патронов на орудие. Пополнение боевых комплектов 76-мм патронов в остальных корпусах и боевых комплектов 122-мм, 107-мм и 152-мм калибров во всех частях артиллерии группы Плешкова встречало большие неудобства, состоявшие в том, что отпущенные на операцию снаряды не были выданы войскам заблаговременно и не были устроены промежуточные огнесклады. Тыловой огнесклад был устроен на станции Воропаево, куда боеприпасы подвозились по узкоколейной железной дороге; артиллерийским паркам, получающим снаряды для батарей из склада в Воропаево, приходилось ежедневно делать до 80 км. Это чрезвычайно тяжело отражалось на конском составе, вследствие непроходимости дорог в наступившую весеннюю распутицу, и значительно стесняло ежедневную подачу снарядов батареям, причиняя войскам при их и без того весьма напряженной работе излишние затруднения.

В общем питание снарядами, особенно крупных калибров, оказалось настолько неудовлетворительным, что периодически совсем не бывало снарядов для 107-мм пушек, бывали моменты, когда на 7 тяжелых 152-мм орудий в 1-м армейском корпусе имелось только 4 снаряда; бывали случаи перемешивания 152-мм полевых снарядов с 152-мм крепостными или получения 152-мм снарядов (в количестве 3 000) без ввинченных трубок, следовательно, непригодных для стрельбы.

В группе ген. Сирелиуса питание огнеприпасами было организовано совершенно неудовлетворительно; особенно остро ощущался недостаток тяжелых снарядов.

Боевые действия

Группа ген. Плешкова. Как было уже указано, на участке главного удара группы в 1-м Сибирском корпусе, вследствие неправильной группировки артиллерии, для подготовки удара было использовано менее половины тяжелой артиллерии группы. Легкие полевые пушки не могли восполнить этого недочета вследствие слабости их действия по окопам, в особенности при промерзлости грунта, еще не успевшего оттаять. Предварительная наземная разведка получила более или менее точные данные лишь о первой линии противника, в глубину же позиция противника оставалась неразведанной, так как аэрофотоснимков не было. С утра 18 марта опустился густой туман, затруднивший наблюдение. При всех указанных условиях артиллерийская подготовка не могла принести существенных результатов.

Артиллерийская подготовка началась в 8 ч. 15 м. в 1-м Сибирском корпусе; к 11 час. огонь стал напряженным; немцы отвечали

слабо. В 12 час. дня, без ведома и предупреждения артиллеристов, несмотря на то, что подготовка ими закончена не была, пехота пошла в атаку и застряла в неразрушенной проволоке. Атака успеха не имела.

По этому поводу начальник штаба 1-го Сибирского корпуса в своей записке от 13 мая 1916 г. объяснял: «Для атаки точного срока не определялось, а предполагалось переход в наступление пехоты приурочить к тому моменту, когда обозначатся реальные результаты огня, — во всяком случае, не ранее двух, а может быть, и четырех часов дня. Никаких указаний ни из штаба группы, ни от инспектора артиллерии группы о том, что арт. подготовка будет закончена к 12 час. дня, не исходило. Поэтому начатая 22-й пех. и 1-й Сибирской дивизиями атака в первом часу дня произошла, очевидно, по какому-то недоразумению».

В 1-м армейском корпусе атаковал только один Вильмандстранский пех. полк, направленный при этом во входящий угол неприятельской позиции. Как и в 1-м Сибирском корпусе, Вильмандстранский полк пошел в атаку раньше, нежели была закончена артиллерийская подготовка, не узнав об этом и не предупредив командовавшего артиллерийской группой ген. Масальского. Полк был встречен с фронта ружейным и пулеметным огнем, а с фланга огнем артиллерии, бездействовавшей до того времени и не обнаруживавшей себя. Полк залег, не дойдя до проволоки, и был почти полностью уничтожен огнем противника.

После неудачной атаки артиллерийский огонь поддерживался до конца дня 18-го и всю ночь на 19 марта. Следующая атака была назначена на ночь с 19 на 20 марта. Артиллерийская подготовка велась в течение всего 19 марта. Участок подготовки атаки для 1-го Сибирского корпуса был сокращен до ¾ км (северный выступ Лапинского леса). Сюда был сосредоточен массовый огонь 6 гаубичных 122-мм батарей, 3 гаубичных 152-мм батарей и 12 легких 76-мм батарей 1-й и 2-й Сибирских арт. бригад. Ночью, за час до атаки, артиллерийский огонь достиг высшего напряжения. Атака была удачна, занято было сибирскими стрелками около 1 000 шагов окопов противника. Но утром, когда атака соседнего справа 1-го армейского корпуса успеха не имела, на обнаженный правый фланг 1-го Сибирского корпуса обрушилась контратака немцев, поддержанная сильным фланговым огнем из уцелевших фланкирующих построек. Пехота 1-го Сибирского корпуса вынуждена была отойти с большими потерями в исходное положение.

Для усиления артиллерии 1-го армейского корпуса из группы Закутовского 20 марта были включены в артиллерийскую группу Масальского две батареи 152-мм гаубиц, которые были уже пристреляны по району Вилейты, Голатыльцы, и одна 107-мм батарея (пушки обр. 1877 г.), предназначаемые для борьбы с неприятельской артиллерией у Лоздзеи. При содействии этой приданной артиллерии удалось подготовить атаку пехоты 1-го армейского корпуса, части которой заняли небольшой участок окопов противника, но огонь его из неразрушенных фланкирующих построек заставил русскую пехоту отойти.

Дальнейшими приказами по группе Плешкова артиллерии ставятся в общем широкие, довольно неопределенные и невыполнимые задачи,

атака откладывается со дня на день, отдаются приказания об усилении огня до возможного предела и урагана, и даже при ночной артиллерийской подготовке. Приказом 20 марта указывается продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы и, когда скажутся результаты огня, по особому приказанию корпусам атаковать неприятеля. Приказания по артиллерийской части, исходившие из штаба 1-го армейского корпуса, были еще более сбивчивы и неопределенны. Согласно получаемым приказаниям артиллерия Масальского подготавливала к атаке участок в 400 м шириною, вела периодически огонь ураганами «фугасными» и «шрапнельными». Атака же последовательно откладывалась и в результате не состоялась; громадный расход боеприпасов оказался непроизводительным.

К 23 марта в группе Плешкова выяснились огромные потери: 22-я пех. дивизия потеряла 8 900 человек, 1-я Сибирская — 7 612, 2-я Сибирская — 5 152 человека, т. е. эти дивизии, потерявшие до 50% состава, оказались небоеспособными. Поэтому Плешков дал приказ состоявшему в резерве 27-му корпусу атаковать участок между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами и возвратил 76-ю арт. бригаду в 27-й корпус.

Артиллерийскую подготовку атаки было решено начать 23 марта, в 10 час. Участок атаки расширен; корпусам предлагается атаковать уже не те участки неприятельской позиции, которые были им назначены раньше; артиллерийской группе Закутовского приказано обеспечивать левый фланг 27-го корпуса энергичным обстрелом северо-западной опушки Лапинского леса.

Атака, назначенная в ночь с 23 на 24 марта, была отменена вследствие неблагоприятной погоды. С утра 24 марта всей артиллерии было приказано продолжать обстрел неприятельской позиции. Артиллерийским огнем произведены были частичные разрушения укреплений противника и сделаны на некоторых участках проходы в проволоке. Вечером того же 24-го ставилась задача: «всей артиллерии усилить огонь до возможного в два часа ночи, а к трем часам ночи довести огонь до урагана, перенеся его на ближайший тыл неприятеля; в три часа ночи, под прикрытием ураганного огня артиллерии, корпусам стремительно и безудержно атаковать неприятеля».

Ночью того же 24 марта командующий армией приказал отложить атаку на сутки вследствие дурной погоды и недостатка тяжелых снарядов, но в течение ночи и дня 25 марта всей артиллерии приказано было вести систематический обстрел неприятельского расположения.

Для поддержки атак 1-го Сибирского корпуса артиллерии Закутовского утром 25 марта поставлены были следующие задачи: а) систематический обстрел восточной окраины деревни Бучелишки и прилегающих с юга и с севера участков, с разрушением блиндажей, убежищ и проволочных заграждений; после обстрела первой линии переносить огонь на вторую линию, находящуюся, по показанию пленных, в 300 м от первой; б) обстрел Лапинского леса, направляя главный огонь на северо-восточный выступ леса и полосу вдоль северо-западной опушки леса; цель этого обстрела — затушить пулеметную оборону леса, уничтожить блокгауз и проволочные заграждения

в северо-западном выступе и продольным обстреливанием северо-западной опушки потушить фланговый огонь противника; в) обстрел 120 пуд. пушками восточной окраины и внутренности Лапинского леса, хотя бы на пределе; г) тем батареям, которые не могут быть направлены на Бучелишки и западную часть Лапинского леса, вести борьбу с артиллерией противника, сосредоточенной между южной опушкой Лапинского леса и Гары; д) от правофланговой группы назначить одну-две батареи для содействия 16-му тяжелому дивизиону в обстреле лесного клина у Вилейты и ближайших окопов у Матишки.

Поставлены были задачи крайне разнообразные, весьма сложные и трудно выполнимые, но на этот раз довольно определенные, что бывало далеко не часто.

На рассвете 26 марта сибирские стрелки овладели двумя линиями неприятельской позиции между деревнями Вилейты и Бучелишки, но дальше не продвинулись вследствие обстрела с флангов и из лесов. Около 16 час. всей артиллерии приказано было продолжать непрерывный обстрел неприятеля, сосредоточивая огонь: артиллерии 1-го армейского корпуса на лесном клине у Вилейты; артиллерии 27-го корпуса на районе перед своей позицией; артиллерии 1-го Сибирского корпуса на перешейке Лапинского леса; артиллерийской группе Закутовского по блокгаузам в Бучелишки, по северо-западной окраине Лапинского леса и по участку перешеек Лапинского леса, деревня Можейки и южный берег оз. Можейское.

Задания артиллерии давались письменными приказами, а не лично. При таких условиях артиллерийская поддержка неминуемо несколько запаздывала.

Для выполнения поставленных задач артиллерия не имела времени ни на перегруппировку, ни на переустройство связи, ни на пристрелку.

Вечером того же 26 марта командующий 2-й армией ген. Ратоза, разуверившийся в успехе атаки группы Плешкова, воспретил атаку с фронта Можейки, Курты. Однако всей артиллерии приказано было, продолжая систематический обстрел неприятельских позиций, начать артиллерийскую подготовку новой атаки с 6 час. утра 27 марта.

Артиллерийский огонь в группе Плешкова почти не прекращался в течение всех 10 суток операции, переходя временами по указаниям штабов в «ураганный». Огонь сосредоточивался по тем участкам, которые предполагалось впоследствии атаковать и фронт которых постепенно суживался. По свидетельству пехотных начальников, огнем артиллерии к концу операции проволочные заграждения были достаточно разрушены для беспрепятственного прохождения пехоты. Достаточно были разрушены и окопы первой линии, которые были завалены трупами. Командир 27-го корпуса Баланин телеграфировал 23 марта о действиях артиллерии: «Разбиты козырьки, блиндажи целы, траверсы разбиты, проволочные заграждения достаточно разбиты, допускают прохождение пехоты без расчистки». По донесению начальника 2-й Сибирской дивизии Поспелова, 23 того же марта «подготовку можно считать очень хорошей. Козырьки разбиты, окопы и ходы сообщения завалены трупами, блиндажи пострадали мало вследствие нахождения в лесу и прочности сооружений. Сплошных

проходов в проволочных заграждениях не образовалось, но пехота справилась с проволокой легко».

Начальник 1-й Сибирской дивизии Подгурский телеграфировал 24 марта: «Полки ворвались без особенного сопротивления противника, подавленного могущественным огнем артиллерии».

Начальник штаба 1-го армейского корпуса Новицкий доносил 24 марта: «Огнем тяжелой артиллерии проволочные заграждения разрушены настолько, что пехота прошла свободно. Окопы были повреждены сильно».

Но артиллерии группы Плешкова не удалось уничтожить пулеметную оборону Лапинского леса и лесного клина, не удалось также подавить огонь германской артиллерии, так как в течение всей операции она не была обнаружена за отсутствием хороших наблюдательных пунктов и воздушной разведки.

Вследствие этого атакующая пехота была не в состоянии удержаться в захваченных ею первых линиях неприятельских окопов, попадая под фланговый огонь пулеметов и сосредоточенный огонь германской артиллерии, расположенной кольцеобразно вокруг атакуемого участка.

В общем достигнутый результат — разрушенные проволочные заграждения и разбитая первая линия неприятельских окопов — не соответствовал ни большому количеству русской артиллерии, сосредоточенной на сравнительно небольшом участке, ни огромному количеству израсходованных ею снарядов.

Благодаря умелому расположению на закрытых позициях русская артиллерия не была обнаружена германскими батареями и не понесла значительных потерь.

Группа ген. Балуева. Первая атака в группе войск Балуева была произведена днем 18 марта, причем в атаку пошли лишь части 5-го и 36-го корпусов.

Хотя в 5-м корпусе была достигнута предварительная договоренность артиллерии с пехотой, но артиллерия была использована в общем неправильно. Тяжелые батареи били по проволоке, легкие — по окопам. Вместо ряда узких проходов в проволоке, пробитых на возможно широком фронте, пробит был лишь один проход на участке около 100 м. Окопы не могли быть разрушены.

В 5-м корпусе атака по всему фронту была отбита ружейным и пулеметным огнем из уцелевших в окопах блиндажей и фланкирующих участков.

В 36-м корпусе атака была назначена на 12 час. дня. К этому времени артиллерийская подготовка закончилась, но движение пехоты для атаки началось лишь в 15 час. В промежуток времени между 12 и 15 час. артиллерия поддерживала редкий огонь, а пехота лежала под огнем в воде. Таким образом, в 36-м корпусе не было достигнуто предварительное сближение с противником на кратчайшее расстояние под прикрытием огня своей артиллерии, не были заготовлены окопы и укрытия для развернувшейся к атаке пехоты.

Атака 36-го корпуса успеха не имела.

Между прочим, нельзя не отметить, что командир корпуса доносил ген. Балуеву около 12 час. 18 марта, что «корпус готов к атаке»,

а в приказе от 24 марта по поводу той же атаки он указывал, что «арт. подготовка атаки велась слишком спешно, между тем никто не торопил ее, а потому следовало вести ее более педантично и основательно, проверяя чаще результаты попаданий наблюдением и пехотной и арт. разведкой».

Артиллерийский огонь немцев против обоих атакующих корпусов был 18 марта слабый.

Следующая, вторая атака в группе Балуева была произведена на рассвете 21 марта.

В 36-м корпусе успеха не было.

В 5-м корпусе, на участке 10-й пех. дивизии, артиллерийская подготовка атаки велась в течение всего дня 20 марта. При этом к разрушению проволоки в трех местах привлекалась легкая 76-мм артиллерия, а три прохода выполнялись 122-мм гаубицами. Все остальные 122-мм гаубицы и все 152-мм орудия были обращены на разрушение окопов, блиндажей и фланкирующих участков. В течение ночи с 20 на 21 марта по окопам и проходам в проволоке поддерживался артиллерийский огонь шрапнелью. В 7-й пех. дивизии ночная атака подготовлялась 76-мм снарядами с удушливыми газами, а тыл противника обстреливался снарядами с ядовитыми газами.

В результате такой артиллерийской подготовки войска 5-го корпуса сначала на участке 10-й, а затем и 7-й дивизий легко ворвались в окопы противника, в штыковом бою прошли и удержали три линии окопов и заграждений первой оборонительной полосы, захватили 1 300 пленных, пулеметы, минометы и другое имущество.

Пройдя первую полосу обороны, войска 5-го корпуса остановились перед второй полосой на линии деревни Мокрицы и леса, что западнее г. дв. Августово. Часть легких батарей из 2-й и 3-й групп (Скерского и Велямовича) выдвинулась вперед вечером 21 и утром 22 марта.

Частный успех, достигнутый 21 марта 5-м корпусом, не получил дальнейшего развития потому главным образом, что расположенные далеко сзади резервы не успели своевременно подойти и поддержать атаку.

К утру 22 марта фронт 5-го корпуса был сокращен и левее его был развернут 3-й Сибирский корпус. Главный удар возлагался на эти два корпуса, а 36-й корпус получил второстепенную задачу. На другой день, 23 марта, 36-й корпус был заменен 35-м корпусом и отведен в резерв.

Артиллерийская подготовка атаки, произведенная 22 марта, не могла быть успешной за недостатком снарядов для тяжелой артиллерии; вследствие этого не удались дальнейшие попытки продвинуть вперед пехоту в 3-м Сибирском и в 5-м армейских корпусах. По той же причине и вследствие дурной погоды атака, назначенная в ночь на 23 марта, была отменена, а 24 марта не состоялась.

В течение 21—23 марта германцы вели беспрерывные контратаки против группы Балуева, отбиваемые огнем или штыковым ударом, а контратака 21 марта в районе 7-й пех. дивизии была отбита снарядами с удушливыми газами. Шли горячие кровопролитные бои. Между тем весенняя оттепель со снежными мокрыми метелями превратила

дороги, окопы и поля в непроходимую грязь. Вследствие трудности подвоза войска стали терпеть лишения во всем, а передовые части даже голодали.

В 3-м Сибирском корпусе артиллерийская подготовка атаки производилась в ночь с 27 на 28 марта и не достигла результатов, так как ночная стрельба артиллерии при имевшихся тогда средствах и принятых методах подготовки не могла быть успешной, имея только некоторое психологическое значение, но по существу являясь довольно бесцельной тратой снарядов, не говоря уже о том, что ночью очень возможно было поражение своих.

В ночь на 26 марта части 35-го корпуса заняли было первую линию германских окопов, но остановились перед неизвестной им второй линией, оказавшейся в 1/2 км за первой.

Атака в ночь на 31 марта частями 3-го Сибирского и 5-го армейского корпусов успеха не имела.

Ввиду наступившей того же 31 марта полной весенней ростепели операция затихла.

Объединение управления всей артиллерией группы Балуева в руках ген. Романовского, как упоминалось, было номинальным; в процессе операции артиллерия постепенно выходила из его ведения: 20 марта в распоряжение начальника 10-й пех. дивизии перешла 3-я арт. группа Велямовича, а 22 марта артиллерия распределилась между 7-й и 10-й дивизиями и 3-м Сибирским корпусом; наконец, 28 марта 2-я и 3-я группы артиллерии 5-го армейского корпуса подчиняются начальнику 10-й дивизии и в распоряжении инспарта 5-го корпуса остается только 1-я арт. группа Тихоцкого. Что же касается артиллерии 36-го корпуса, то она, как указывалось выше, с самого начала операции была роздана в дивизии. Словом, в группе Балуева не было не только общего управления артиллерией в руках одного старшего артиллерийского начальника, но не было объединения и в корпусах в руках инаркоров.

Следует отметить как характерную отрицательную особенность в группе Балуева частую отмену и откладывание со дня на день атак, тогда как артиллерийская подготовка в расчете на атаку велась, по распоряжению общевойсковых начальников, все дни операции с некоторыми небольшими перерывами.

В результате — громадный непроизводительный расход снарядов, причем немцы, пользуясь перерывами, успевали оправиться и восстановить поврежденные при артиллерийской подготовке окопы и заграждения.

Группа ген. Сирелнуса. Группа эта, имея фактически пассивную задачу, не делала даже попыток наступать. Только однажды выслана была разведка, которая проникла за проволочные заграждения, но вскоре была отогнана пулеметным огнем противника с фланга. Но артиллерийская подготовка велась в предположении активных действий ежедневно с 18 марта, причем, по распоряжению общевойскового начальства, делались, чтобы беспокоить противника, «ураганные вспышки» артиллерийского огня два раза днем и один раз ночью, а для атаки войска так и не посылались до конца операции.

Два корпуса группы Сирелиуса, в сущности, нельзя принимать во внимание при расчете сил 2-й армии, назначенной для удара в мартовской операции.

Заключение

Мартовская операция 1916 г., являясь этапом на пути к овладению техникой борьбы за укрепленные полосы, была неудовлетворительно подготовлена и еще хуже выполнена. Русская армия, исключительно плохо руководимая, с недостаточно мощной артиллерией и притом недостаточно обеспеченная боеприпасами, не смогла осуществить прорыв укрепленной позиции германцев, несмотря на большое превосходство в числе бойцов пехоты, и залила поля сражения потоками крови.

Командующий 2-й армией ген. Рагоза, потеряв надежду на успех атак группы Плешкова, стал настойчиво предлагать Эверту новый оперативный план — перенести атаки на участок Сирелиуса в направлении деревень Лотва, Черняты, введя в дело резерв главкозапа — 15-й армейский и 3-й Кавказский корпуса. Но это предложение не было осуществлено, так как указанный участок признавался неудобным для наступления; к тому же большие потери и лишения, которые начали терпеть войска вследствие крайней трудности подвоза, произвели надлом в настроении командования. Эверт обратил внимание командующих армиями на то, что «с людьми голодными и утомленными до такой степени, что они падают от усталости и засыпают перед проволочными заграждениями... на успех рассчитывать нельзя». «Примите меры,— предписывал Эверт,— чтобы люди ежедневно были накормлены во что бы то ни стало и перед атакой имели необходимый отдых...»

Безуспешные бои продолжались до конца марта, хотя 2-я армия уже понесла потерь около 78 000 человек. Наконец, 28 марта последовала директива наштаверха Алексеева о прекращении наступления, так как не оставалось надежд искупить это массовое избиение людей какими-либо оперативными успехами.

По окончании операции начальник штаба Западного фронта телеграфировал высшим войсковым начальникам:

«Наступление нашей 2-й армии, начавшееся 5 (18) марта, не увенчалось успехом, расположение противника нам не удалось прорвать.

Между тем для нанесения решительного удара немцам на фронте групп генералов Плешкова и Балуева нами были сосредоточены значительные превосходные силы с могучей артиллерией, причем войска как огнестрельными, так и прочими запасами были обеспечены в мере возможности широко. Дабы дорого стоящий нам опыт послужил хорошим уроком на будущее время, главкозап приказал, для всестороннего изучения этой операции и составления руководящих указаний, спешно просить всех высших начальников, до начальников дивизий и командиров арт. бригад включительно [1], сообщить их откровенное мнение о причинах неудачи.

[1] В деле ЦВИА, 369, л. 322, имеется другая телеграмма, согласно которой главкозап предлагал широко использовать полученный опыт, установить причи-

При этом желательно преимущественное внимание уделить управлению боем, состоянию войск, арт. подготовке наступления, взаимодействию в разные периоды боя артиллерии и пехоты и отдельных боевых участков между собою, участию резервов в развитии боя и т. д.

Считаю долгом обратить особое Ваше внимание на то, что полезность намеченных указаний будет находиться в полной зависимости от того, насколько окажутся верными положенные в основу их Ваши заключения о происшедших событиях...»

Наиболее интересные и вдумчивые заключения войсковых начальников сводились к следующему:

а) Разноречивость приказаний ген. Плешкова, ежедневно 21, 22, 23 и 24 марта менявшего полосы наступления, приводила к бесполезному мотанию войск, понижавшему их дух, и к потере времени, особенно опасной ввиду наступавшей оттепели.

б) Операция велась с нарушением основных принципов военного дела и с пренебрежением к богатому опыту 20 месяцев войны. План операции не отвечал принципу сосредоточения усилий. Не было мощного тяжелого артиллерийского «кулака» для прорыва укрепленной позиции на избранном участке расположения противника. Тяжелая артиллерия была рассредоточена. В группе Плешкова тяжелая артиллерия была массирована механически — колесом к колесу, рассредоточивая свой огонь на участке значительного протяжения.

Отмечена была нецелесообразность разбрасывания снарядов тяжелой артиллерии по всему фронту вместо концентрирования артиллерийского огня на определенных небольших участках, что привело бы не только к полному разрушению окопов и других сооружений противника, но попутно и к уничтожению проволочных заграждений.

в) Рознь между частями войск, имевшая место издавна в мирное время, ведущая к отсутствию взаимной выручки. Каждый командир корпуса интересовался только своим корпусом, а к другим корпусам, даже к соседним, относился в лучшем случае безразлично. Все 115 орудий ген. Закутовского подготавливали атаку только 1-го Сибирского корпуса, тогда как по приказу Плешкова атака 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов должна была производиться одновременно, по взаимному соглашению начальников дивизий.

Надлежащей связи и взаимодействия артиллерии, особенно тяжелой, с пехотой не было; на запросы пехоты о помощи артиллерия не всегда, а тяжелая вообще не отзывалась. По заключению ген. Гудима, «пехота была предоставлена самой себе, так как, не подготовив в действительной степени ее атаки, артиллерия вместе с тем во время движения пехоты вперед не оказывала ей надлежайшего содействия переносом огня на тыл и фланги атакуемого участка и на те батареи противника, которые мешали продвижению пехоты. Работа артиллерии производила впечатление, как будто она решала свою самостоятельную задачу, независимо от задач пехоты, и не была связана с нею

ны неудачи, приемы боя, ошибки, выводы «проработать со всеми войсковыми начальниками до младших офицеров включительно». «Без этого, — говорилось в телеграмме, — опыт пропадет бесследно, мы снова повторим прежние ошибки».

общностью условий, т. е. отсутствовала надлежащая связь между этими родами войск».

«Признавая необходимость полковой артиллерии, в 22-й пех. дивизии назначались всегда в полковые участки одни и те же батареи, почему связь их с командирами полков и стрельба достигали полного совершенства...»

В других частях артиллерийский огонь не всегда сопровождал и поддерживал атаку своей пехоты.

г) Полки 22-й пех. дивизии попали в ловушку, обстреливаемую артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем с фронта и с флангов. Их следовало отвести назад, а не продвигать вперед. По мнению командира 1-го армейского корпуса, «не лезь вперед, когда не знаешь, что впереди, хотя бы твои соседи атаковали справа и слева; попадая в ловушку, сообрази и быстро отходи назад. Атаку можно повторить, а убитых не воскресишь». По убеждению его — человека, неоднократно бывшего под огнем, так именно следует поступать, т. е. «воевать, а не водить людей на убой».

Плешков посылает в атаку истекающую кровью 22-ю пех. дивизию, потерявшую 50% состава, считая ее попрежнему боеспособной и придерживаясь буквы устава, что боевые части «не сменяются», а поддерживаются...

д) Плешков приказал начать артиллерийскую подготовку в 8 час. и переходить в атаку не позже 15 час., тогда как на артиллерийскую подготовку «мало было не только 6, но и 26 часов» [1].

Подготовка атаки шрапнельным огнем, производившаяся некоторыми батареями, была безрезультатной и бесцельной.

е) Артиллерия, особенно тяжелая, располагалась слишком далеко за своей пехотой и от неприятельской артиллерии, которая нередко оказывалась недосягаемой и безнаказанно поражала русскую пехоту.

Наблюдение за результатами стрельбы артиллерии оставляло желать лучшего.

Пехота, занявшая окопы противника, поражалась иногда огнем своей артиллерии, хотя с наблюдательных пунктов движение пехоты в большинстве случаев было видно. Например, утром 19 марта тяжелая артиллерия Закутовского выпустила до 50 снарядов по своим пехотным заставам, убив 2 и ранив 19 солдат и контузив 2 офицеров.

ж) Не было надлежащего управления огнем артиллерии. Неудовлетворительность работы частей артиллерии объяснялась не ее недочетами, а недочетами в объединенном ее управлении.

Объединение всей артиллерии в одних руках признано весьма сложным в отношении управления и своевременной помощи пехоте на нужных пунктах. Просьбы пехоты обстрелять те или иные цели запаздывали, проходя несколько инстанций, а за это время выгодные цели исчезали.

---

[1] Время, назначаемое на артиллерийскую подготовку, должно быть сообразовано с имеющимися артиллерийскими средствами и с теми задачами, какие артиллерия должна выполнить в период артиллерийской подготовки. Но необходимо учитывать и элемент внезапности, о чем начальники в своих выводах забыли.

По мнению командира 22-й арт. бригады Ивашинцева, разделяемому и другими артиллеристами, управление сосредоточенной многочисленной тяжелой артиллерии в одних руках трудно и нецелесообразно и более правильным было бы выделить ее части в распоряжение корпусов [1].

В общем со стороны войсковых начальников на долю артиллерии выпало немало нареканий, во многом справедливых; что же касается мнения самого главкозапа Эверта, то главной причиной мартовской неудачи он считал неудовлетворительность боевых действий артиллерии.

Еще во время операции полевой генинспарт командировал на Западный фронт в группу Плешкова одного из своих адъютантов, полковника Гриппенберга, который в своем докладе нарисовал откровенную жуткую картину хода мартовской операции и объяснил, что причины ее неудачи заложены были глубоко в основных принципах русского высшего командования и что одного этого было достаточно, чтобы без наличия всяких других ошибок обречь всякую операцию на полную неудачу (доклад Гриппенберга использован в настоящем труде).

Затем, по окончании операции полевой генинспарт, с целью выяснения, насколько были правильны обвинения, возводимые на артиллерию, выехал с начальником Упарта и некоторыми состоящими для поручений сотрудниками в штаб Западного округа, куда были вызваны высшие войсковые и артиллерийские начальники, принимавшие участие в мартовской операции.

В результате произведенного расследования Ставкой главковерха, по докладу Упарта, были даны следующие указания по артиллерийской части, добытые тяжким опытом мартовской неудачи:

1. Разработка операции в целом и в деталях как старшими, так и последующими войсковыми начальниками должна производиться заблаговременно совместно и в полном единении с соответствующими артиллерийскими начальниками. Только при этом условии возможно: а) исчислить потребность в орудиях и снарядах в соответствии с задачей, соразмерив задачу с наличными средствами; б) поставить задачи артиллерии в соответствии с ее основными свойствами; в) целесообразно использовать огонь артиллерии.

Совершенно недопустимо указывать артиллерии позиции до получения задачи, а затем уже давать ей боевую задачу, разработанную помимо и без ведома артиллерийских начальников (группа Плешкова).

2. Для решения боевой задачи, требующей сосредоточения сильного огня на определенном фронте, батареи и дивизионы могут быть соединены в группы. Состав и сила группы должны отвечать поставленной задаче и удобству управления.

Если количество артиллерии, привлеченной к решению общей задачи, велико, то артиллерию необходимо разбивать на несколько групп, объединенных единой властью. Если артиллерийские группы не могут оказывать взаимной поддержки на общем фронте, то объедине-

[1] С мнением командира 22-й арт. бригады нельзя не согласиться, особенно в данном случае.

ние их излишне. Вообще чем больше группа, тем труднее управление и использование ее для решения частных задач. При организации групп должно, по возможности, избегать дробления батарей и дивизионов.

Необходимо не сосредоточение массы артиллерии на одной позиции, а сосредоточенный на заданном фронте огонь артиллерии, хотя бы и разбросанно расположенной.

В корпусах группы Плешкова состав артиллерийских групп был случайный, не отвечающий задаче и удобству управления, а сведение артиллерии в общую группу при неудачном ее расположении привело к невозможности нанести сильный удар сосредоточенным огнем на главном участке атаки. Объединение пяти артиллерийских групп под общим начальством Закутовского ничем не вызывалось, так как большая часть этих групп взаимно поддерживать друг друга и решать общие задачи не могла.

В группе Балуева артиллерию 36-го корпуса, ввиду того что активную задачу выполняла только одна дивизия, необходимо было объединить, а не отдавать почти поровну в дивизии. Раздробление тяжелой артиллерии между всеми артиллерийскими группами Балуева не вызывалось необходимостью.

3. Начальник артиллерийской группы подчиняется тому общевойсковому начальнику, для которого решает задачу его группа. Она составляет артиллерию участка этого общевойскового начальника, предназначенную как для решения общей задачи, так и прочих текущих задач, которые ставит бой; эти последние задачи, возникающие главным образом по инициативе начальников нисходящих степеней (артиллерийских и общевойсковых), должны решаться в то время, когда артиллерийские части группы свободны от выполнения поставленной им общей задачи.

Артиллерийская группа должна иметь самую тесную связь: «восходящую» — от начальника артиллерийской группы к общевойсковому начальнику, которому он непосредственно подчинен; «нисходящую», соединяющую атакующие войска с артиллерийской группой, причем средством этой последней непосредственной и наиболее чуткой связи должны быть наблюдательные (основные и передовые) пункты, а также дополнительные передовые артиллерийские пункты, выдвигаемые на занятые при атаке участки неприятельской позиции.

В мартовской операции артиллерийские группы нередко являлись чуждыми атакующим частям и необходимая между ними связь часто отсутствовала. Начальники артиллерийских частей, входивших в состав группы, не обладали инициативой и ожидали приказания свыше даже в то время, когда были свободны от решения общей задачи. В частности, в группе Закутовского пожелания частей, непосредственно ведущих атаку, не всегда принимались во внимание.

Между артиллерийскими начальниками и пехотными, непосредственно ведущими атаку, не было тесного единения и согласованности действий, как того требовала серьезность задачи. Отсюда вытекала разрозненность действий, распределение времени по часам, а не по достигнутым при подготовке атаки результатам; атака пехоты и артиллерийский огонь не шли рука об руку. Вследствие чрезмерной

централизации управления артиллерийских групп пехота иногда, при частных эпизодах боя, или не получала артиллерийской поддержки, или поддержка эта приходила поздно.

В 1-м армейском корпусе пехотные начальники не нашли нужным осведомить артиллерийскую группу Масальского о том, что атака началась, и даже не потрудились узнать, закончена ли подготовка атаки артиллерией.

4. Войсковым начальникам надлежит ставить артиллерии определенные, ясно выраженные задачи.

В задании должно быть указано вполне определенно: а) на каком протяжении и в каком месте следует делать проходы в проволочных заграждениях; б) на каком протяжении и в каком именно месте срыть окопы противника; в) в каком месте и какие постройки его разрушать и т. п.

Как протяжение фронта окопов и заграждений, так и число опорных пунктов и блиндажей, подлежащих разрушению, должно быть строго соображено с силами и средствами артиллерии.

Между тем, обращаясь к заданиям, по которым работала артиллерия во время мартовской операции, должно отметить, что или роль артиллерии в приказах и приказаниях определялась общими фразами, или задача ставилась хотя и определенная, но настолько обширная, что она была не под силу имевшейся артиллерии. Иначе говоря, задачи не были соображены с силами и средствами артиллерии. Задачи не соответствовали часто и свойствам артиллерии: нельзя было в то время требовать подготовки атаки ночью; нельзя легкой пушечной артиллерией разрушать окопы, к тому же промерзшие; артиллерия крупных калибров не должна предназначаться для проделывания проходов в проволоке, так как ее прямая задача — разрушать прочные постройки и укрытия в окопах.

Нельзя нарушать основное требование к артиллерии: наносить мощный удар сосредоточенным огнем; нельзя допускать, как это имело место в мартовской операции, разрозненные действия артиллерии и разбрасывание снарядов по широкому фронту и в глубину.

Наконец, некоторые задачи не отвечали самым элементарным общим правилам и задавались как бы наперекор здравому смыслу; так, например, приказывали артиллерии: открывать беглый огонь без определенной цели и боевой задачи; выпускать определенное число снарядов, не интересуясь ни целью стрельбы, ни достигнутыми ею разрушениями и прочими результатами; вести артиллерийский огонь, не имея в виду двигать пехоту вперед, и пр.

5. Соответственно полученной задаче необходимо предварительно составить и подробно разработать согласованный план действий атакующих войск и артиллерии.

Для артиллерии указанный план должен предусматривать потребное число орудий и количество снарядов разных калибров и с исчерпывающей полнотой предусматривать все детали предстоящей работы артиллерии: а) в период подготовки атаки, б) в период самой атаки, в) по окончании атаки, в предположении как успешного, так и отрицательного ее исхода.

Составленный план должно проводить настойчиво и систематично.

В мартовской операции род и количество потребных орудий и снарядов были определены «на глазок».

В группе Плешкова общий план был разработан кое-как и при выполнении менялся — иногда даже дважды в течение одного дня; при таких условиях группировка артиллерии не могла соответственно и своевременно меняться, а отсюда вытекало: приказание обстреливать такой-то участок позиции противника «хотя бы на предельных дистанциях»; использование для главного удара ничтожной части артиллерийских сил и притом с чрезмерно больших дальностей.

В артиллерийской группе Закутовского не было своевременно предусмотрено разрушение фланкирующих участков окопов и блиндажей; ходы сообщения не были заданы к обстрелу; детального распределения огня не давалось, переносы огня назначались расплывчато, как, например, приказывалось: «обстрелять Лапинский лес», площадь которого занимала около 2 кв. км, или «перешеек леса».

В группе Сирелиуса плана действия не было никакого: по часам и приказам с тыла артиллерией выполнялись распоряжения об открытии то ураганного, то одиночного огня, днем и ночью.

6. При составлении плана действий должно руководствоваться результатами всестороннего изучения свойств неприятельской позиции не только в ее ближайших, обращенных к нам участках, но и в глубине.

Для этого необходимы личная разведка, отличное знание местности во всех ее деталях, фотографии позиций с самолета, разведка тыла позиции самолетами и змейковыми аэростатами.

В этом отношении было сделано довольно многое только в группе Балуева; в группах Плешкова и Сирелиуса почти никаких необходимых данных не имелось — в группе Плешкова, например, вторая линия окопов противника лишь «предполагалась».

7. Задача, поставленная артиллерии, должна быть насколько возможно более проста и ясна; тогда только будет легко и удачно выполнена как соответствующая группировка артиллерии, так и самая задача.

Задачи, поставленные приказами по группам Плешкова, Сирелиуса и Балуева, не отвечали указанному требованию.

8. При составлении плана действий артиллерийской группы необходимо учесть следующее: а) при большом числе орудий детальное управление огнем группы крайне затруднительно и бывает даже невозможно; поэтому задачи батареям и дивизионам группы должны быть просты и немногочисленны, а границы участков поражения должны быть ясно указаны — лучше всего показом на местности; б) при большом числе дивизионов и батарей должны быть приняты меры, чтобы они не мешали друг другу при стрельбе на поражение; поэтому следует назначать батареям и дивизионам хотя бы узкие, но самостоятельные участки, избегая накладывания огня нескольких батарей (дивизионов) на один район; в) артиллерийская группа требует значительного времени на рекогносцировку, на расстановку батарей, организацию связи, на распределение целей, поэтому излишняя торопли-

вость ведет к непроизводительному расходу снарядов и невозможности использовать боевую силу огня полностью, поэтому же нельзя часто менять задачи артиллерии и ожидать от нее немедленного исполнения поставленной задачи.

Между тем артиллерийская группа Закутовского, при предварительной подготовке атаки, имела в виду сложные задачи, многочисленные переносы огня, накладывание огня нескольких дивизионов или батарей на один и тот же участок. Пристрелка 237 целей в течение трех дней ясно указала район намеченного удара в расположении противника; при этом задачи группе изменялись, не считаясь с временем.

Заблаговременная пристрелка большого числа целей не всегда необходима, в особенности в тех случаях, когда цели только предположительны.

В указанном случае предварительная пристрелка являлась излишней, так как требовалась точная стрельба на разрушение, а заблаговременно пристрелянные при тогдашних методах и средствах данные, ввиду изменений в атмосфере, для получения точных данных все равно следовало проверить, т. е. нужно было вновь пристреляться.

Вообще при заблаговременной пристрелке не имело смысла добиваться получения точных данных и необходимо было так вести пристрелку, чтобы не обнаружить противнику фронта главной атаки.

При невозможности выполнить указанное требование пристрелку следовало начинать непосредственно перед артиллерийской подготовкой; для сокращения времени на пристрелку число целей должно быть ограничено только строгой необходимостью.

9. Артиллерийская группа, по окончании поставленной ей задачи, по мере захвата позиций противника и продвижения пехоты вперед, должна выделять и передавать войскам необходимую им для непосредственной поддержки артиллерию. Порядок расчленения группы должен быть, по возможности, предусмотрен.

Разумеется, возникшая в процессе операции новая задача, требующая сосредоточенного удара огня артиллерии, может вызвать образование новой артиллерийской группы.

В группе Балуева делались распоряжения о расчленении артиллерийских групп, но исполнение распоряжений несколько запаздывало.

10. Ни подготовка, ни поддержка атаки артиллерийским огнем ночью не может быть допущена [1].

---

[1] Таково было мнение артиллерийской комиссии, производившей расследование о причинах неудачи мартовской операции. С конца 1916 г. и в 1917 г. артиллерии разрешалось, в случае крайней необходимости, вести ночью заградительный огонь по известным рубежам и обязательно по заблаговременно засветло определенным данным (см. ч. III и ниже, «Артиллерия на фронте 10-й армии в июльскую операцию 1917 г.»).

В настоящее время усовершенствование средств разведки и методов стрельбы позволяет артиллерии и ночью успешно п о д д е р ж и в а т ь свою пехоту. Стрельба ведется по целям, освещенным прожекторами и осветительными снарядами, по целям, пристрелянным или разведанным днем, а в крайнем случае и по намеченным по карте. Преимущественными видами огня являются сосредоточение огня батарей (дивизионов) и заградительный огонь (БУА, ч. II, «Наступление ночью»).

Ночная стрельба (огонь всегда редкий, носящий случайный характер, неравномерный) может иметь задачей: а) мешать работам по восстановлению того, что было разрушено дневной стрельбой; б) беспокоить противника в особенно важных участках его позиции, где выяснено или предполагается большое скопление людей; в) обстреливать населенные пункты, держать противника под постоянным страхом хотя бы случайного поражения.

Эти указания не были соблюдены во всех трех группах — Балуева, Плешкова и Сирелиуса; стрельба велась каждую ночь, нередко наугад, с напрасной тратой снарядов.

11. Расписание стрельб по часам или выпускание снарядов каждой батареей через определенные промежутки времени без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов.

Между тем и это указание было нарушено во всех трех группах.

12. Нельзя назначать по часам продолжительность подготовки атаки или точное время начала атаки: необходимо только указать, что именно нужно сделать артиллерии. Как исполнить заданное — это уже дело артиллеристов [1].

Артиллерия должна всемерно стремиться выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, но связывать артиллерию точным, часто коротким сроком нельзя.

Пехота должна начинать атаку укрепленной позиции лишь тогда, когда будет закончена артиллерийская подготовка атаки.

Все указанное относится ко всем группам, участвовавшим в операции.

13. Артиллерийский огонь следует вести методичный, с наблюдением при каждом выстреле не только перелетов и недолетов, но и производимого разрушения.

Термин «ураганный огонь» следует совсем вывести из обихода: ни «ураганного», ни «барабанного» огня вести не должны,— впечатление урагана должно получаться только у противника, по которому бьет достаточное число батарей.

Только в отдельных случаях появления открытых скоропроходящих целей допустим «беглый огонь» и то не массы артиллерии, а отдельных батарей.

Для морального воздействия на противника нужен не «ураганный» огонь многочисленной артиллерии, а планомерное и тщательно подготовленное совместное ее действие, при котором только и возможно достигнуть: разрушения преград, поражения живых целей и непрерывного, назойливого треска разрывов, покрывающего весь участок атаки.

Все группы, участвовавшие в мартовской операции, не соблюдали приведенных указаний.

---

[1] С этим указанием Ставки согласиться, конечно, нельзя. Общевойсковой начальник обязан установить число часов, какое он предоставляет артиллерии на подготовку атаки; в зависимости от продолжительности артиллерийской подготовки он окончательно уточняет задачи для войсковых частей. Но продолжительность артиллерийской подготовки должна устанавливаться при обязательном участии начальника артиллерии данного войскового соединения, в зависимости от имеющихся артиллерийских средств и тех задач, какие будут поставлены артиллерии в отношении подготовки атаки. Намечается также и час атаки.

14. Каждый артиллерийский выстрел должен преследовать определенную цель, вытекающую из общей задачи: не следует стрелять потому только, что стреляет противник.

На фронте Сирелиуса 18 и 19 марта немцы не отвечали его артиллерии почти ни одним выстрелом. Это пример, достойный подражания.

15. О силе артиллерийского огня нельзя судить по звуку выстрелов; нужно считаться с результатами огня.

Между тем начальники дивизий и командиры полков часто говорили, что артиллерийский огонь «слаб», и задерживали из-за этого начало атаки, тогда как результаты артиллерийской подготовки бывали в то время достаточно удовлетворительными.

16. Огонь артиллерии и движение пехоты должны итти рука об руку: движение в атаку должно итти под прикрытием огня артиллерии, причем огонь легкой артиллерии должен сопровождать пехоту до последней возможности, при безупречно организованном со стороны артиллерии наблюдении; огонь тяжелой артиллерии, при стрельбе гранатами, переносят с атакуемого участка, когда атакующая пехота примерно в 400 шагах от окопов противника.

Этот издавна установившийся в русской артиллерии принцип был нарушен почти всеми во всех трех группах.

В боях мартовской операции конец подготовки и начало атаки часто не совпадали: имели место перерывы продолжительностью до трех часов, в течение которых противник успевал оправиться морально и подвести резервы, а иногда частью восстановить разрушенное.

17. Для пробития проходов в проволочных заграждениях должна применяться 76-мм пушка при условии удаления, по возможности, не более 2 км и пристрелки каждого орудия отдельно. В указанных условиях, при наблюдении участка разрушаемой проволоки с расстояния не более $^1/_2$ км, одна легкая батарея в час может сделать проход около 40 м шириною в проволочной полосе в шесть рядов кольев. Расход гранат при этом составит 20—50 штук на погонную сажень (около 2 м) фронта проволоки. Батареи предпочтительно ставить так, чтобы они фланкировали проволочные заграждения. Расходовать для этой цели тяжелые снаряды, особенно 152-мм, совершенно непрактично: эти снаряды нужно расходовать на разрушение прочных блиндажей и укрытий.

В начале операции во всех группах 76-мм артиллерия для разрушения проволоки привлечена не была. Вместо нее неправильно была использована артиллерия крупных калибров, в результате чего окопы, укрытия и особенно фланкирующие постройки остались почти везде неразрушенными, проходов же в проволоке сделано было недостаточно.

18. Невыгодно намечать сплошные участки разрушения проволоки и окопов. Устройство одного прохода, хотя и широкого, подводит под пулеметы и тяжкие потери; ряд устроенных проходов, хотя бы более узких, облегчает атаку, уменьшая жертвы.

19. Питание снарядами организовано было совершенно неудовлетворительно. Не были устроены в достаточном количестве промежу-

точные склады. Запасов, завезенных на склады, было недостаточно для ведения операции, а пополнение запасов запаздывало.

Для операции штабом Западного фронта были обещаны снаряды по расчету на 10 дней, считая на легкое орудие по 200 патронов, на 122-мм гаубицу — 100 выстрелов, на 152-мм и на 107-мм — по 50 выстрелов. Казалось бы, что эти снаряды должны быть в полном распоряжении каждой войсковой группы, причем они должны быть предварительно завезены на ближайшие склады в таком количестве, чтобы командование группой могло их расходовать не по дневному расчету, а по потребности боя.

Снаряды подавались малыми пачками, достаточными, чтобы поддерживать огонь, но недостаточными для решения задач. Такой порядок приводил в общем к большому расходу снарядов без возможности достигнуть успеха. Своевременно доставленные в необходимом количестве снаряды позволили бы нанести внезапный мощный огневой удар, обеспечивающий успех и сравнительно при меньшем общем расходе боеприпасов.

При достаточных запасах в ближайшем тылу возможно было бы регулировать по потребности расход гранат и шрапнелей.

20. На разрушение фланкирующих участков не было обращено должного внимания, и атаки 18 марта при слабом артиллерийском огне со стороны немцев были отбиты преимущественно фланкирующим пулеметным и ружейным огнем. При этом в некоторых случаях неудачно были избраны для атаки входящие сильно обстреливаемые с флангов участки.

21. Атака иногда не нацеливалась на места прорывов, сделанных артиллерией, а пехота не всегда следила за работой артиллерии. В результате атакующая пехота нарывалась на целые проволочные заграждения и несла большие потери. В таких случаях следовали обычно обвинения артиллерии в небрежной или недостаточной подготовке атаки огнем вместо того, чтобы обратить внимание на необходимость тщательной организации наблюдения и связи, а также на необходимость обучения пехоты наблюдению за артиллерийским огнем.

22. Двигались атакующие части медленно, с частыми остановками. Поэтому атакующая пехота несла большие потери, не имея возможности окопаться при мерзлом грунте, еще не оттаявшем во время операции; артиллерия же, принужденная в течение многих часов сопровождать и прикрывать огнем свою пехоту, тратила множество снарядов.

При движении атакующих частей шаблон неприменим, но при порывистом движении вперед потери будут гораздо меньше и не будет громадного расхода артиллерийских снарядов.

Кроме того, во время операции просьбы о поддержке артиллерийским огнем начинающейся атаки часто бывали преждевременными: несмотря на сообщение, что «атака началась», пехота еще долго оставалась на месте, а артиллерия, прикрывая предполагаемую, но запоздавшую атаку, тратила бесцельно массу снарядов.

23. План действий артиллерии не был достаточно разработан, а в некоторых случаях не был вовсе разработан. Цели для переноса

огня не всегда были распределены детально и пристреляны заблаговременно, ходы сообщения и пути перехода резервов противника не были выяснены, распределены и пристреляны. Указанные упущения произошли от того отчасти, что аэрофотоснимки неприятельских позиций не были своевременно доставлены и в полной мере использованы.

24. Высшее артиллерийское командование в корпусах, армиях и фронтах не должно ограничиваться комнатными словесными объяснениями, отрывающими комсостав артиллерии от работы в наиболее горячее время, и ознакомлением с положением дела только по разрисованным отчетным карточкам. Оно должно фактическим контролем, работой на наблюдательных пунктах проверять исполнение приказов начальниками младших степеней, указывать на месте ошибки и на месте же давать указания, как их исправлять.

Результаты совещаний артиллерийских начальников и выработанные планы действий артиллерии следует сообщать начальникам дивизий и командирам полков, назначенным для непосредственного участия в атаке. Не следует связывать непосредственных исполнителей, если их действия не идут вразрез с общим планом.

25. Необходимо на ночь организовать специальную стрельбу пехоты и выставлять пулеметные батареи для обороны сделанных проходов и разрушений, чтобы не допустить исправления повреждений. Нельзя всю ночную стрельбу возлагать только на артиллерию.

В мартовскую операцию редкий артиллерийский огонь по ночам для обороны проделанных проходов и разрушений оказался недостаточным, чтобы прекратить работы. Например, все проходы, сделанные русской артиллерией 18 марта, немцы успели к 20 марта завалить рогатками.

26. Не следует расходовать шрапнели, если нет живых целей; в период разрушения окопов и проволоки для шрапнели почти нет целей.

Между тем при атаках 18 и 22 марта в одном только 5-м корпусе выпущено было около 27 400 шрапнелей к 76-мм пушкам и до 2 500 шрапнелей более крупных калибров. На это сразу было обращено внимание, и на артиллерийскую подготовку 20 марта расход шрапнелей в том же 5-м корпусе, при удачной атаке, оказался всего около 3 200 для 76-мм пушек и около 300 для орудий прочих калибров. Атака 18 марта стоила 65 500 снарядов.

27. По опыту мартовской операции, оказалось необходимым увеличить число гранат к 76-мм и 107-мм пушкам до 50% боевого комплекта, к 122-мм гаубицам — до 75%, к 152-мм гаубицам — до 90%, чтобы в борьбе за укрепленные позиции не испытывать недостатка в снарядах для разрушения.

28. Опыт мартовской операции показал, что в большинстве случаев как русская, так и неприятельская артиллерия были неуязвимы.

Поэтому «приказать» уничтожить артиллерию не значит еще избавить себя от ее огня, и нельзя обольщать себя и пехоту надеждой, что огонь артиллерии будет совершенно погашен. Поэтому еще в период

предварительной подготовки операции необходимо изыскивать средства, позволяющие сделать этот огонь менее действительным [1].

29. Мартовские бои подтвердили необходимость передачи средств воздушной разведки в руки артиллерии с временным подчинением летчиков артиллерийским начальникам.

30. В общем артиллерии в период мартовской операции назначали фронт обстрела и разрушения, ни с чем не сообразуясь. При постановке задач артиллерии как общевойсковые, так и артиллерийские начальники по большей части не производили расчетов, которые давали бы уверенность, что задача отвечает силам той артиллерии, которой она задана, не подсчитывали (исходя из примерного числа снарядов, требующихся, по грубому хотя бы подсчету, для выполнения задачи), может ли артиллерия исполнить задачу в заданный срок и пр.

В результате—при неуспехе перекладывание вины на артиллерию, не оправдавшую будто бы возлагавшихся на нее надежд. Так, например, на третий день боя 21 марта главкозап Эверт телеграфировал наштаверху Алексееву: «...Судя по тому, с каким трудом войска овладевают даже передовыми окопами, приходится притти к убеждению, что результаты артиллерийской подготовки весьма недостаточны; артиллерия стреляет слабо, руководство ее огнем поставлено нехорошо, и снаряды затрачиваются непроизводительно». Между тем в данном случае и во всех других случаях вина за неудачу мартовской операции падала на тех начальников, не исключая некоторых артиллерийских, которые не сумели использовать боевую силу артиллерии, забывая и опыт подготовки мирного времени и опыт войны.

Причин, породивших мартовскую неудачу, было множество. Механически связанные между собою, каждая из них порождала новые, и таким образом создалась та совокупность условий, при которых успех операции стал невозможным. Точно так же не было одного какого-нибудь виновника среди руководителей операции — грешили все и грешили во всех областях. Безупречна была лишь та живая масса, имя которой — войска.

План операции, задуманный русской Ставкой, не вызывал возражений. Но в проработке и исполнении плана были такие дефекты, которые должны были опрокинуть самый лучший план.

Всесторонне и широко обдуманная, тщательная подготовка операции отсутствовала. Операция разрабатывалась штабом Западного фронта, который не считался ни с условиями местности, ни с временем года, ни с состоянием своего тыла и снабжения, ни с состоянием укрепленной позиции противника, ни с артиллерийскими и прочими

[1] Артиллерия на хорошо закрытых огневых позициях неуязвима для огня неприятельской артиллерии в большинстве случаев, но не во всех. Борьба с артиллерией противника необходима и может привести если не к ее уничтожению, то во многих случаях к нейтрализации ее огня.

Среди средств, которые Ставка предлагала изыскивать с целью нейтрализации огня неприятельской артиллерии, наиболее действительными являются: воздушная разведка и наблюдение с воздуха, а также обстрел района огневых позиций артиллерии противника химическими снарядами. Во время мартовской операции русская артиллерия воздушной разведкой и наблюдением, в сущности, не пользовалась, а химических снарядов не имела.

техническими средствами, необходимыми для прорыва такой позиции. Почти двойное превосходство в силах и наличие против 2-й русской армии, назначенной для главного удара, только 5 полевых германских дивизий и поддерживающих полевые 2 ландверных, 2 резервных и 4 кавалерийских дивизий создало среди русского командования предвзятое настроение, быстро просочившееся сверху вниз, о слабости противника. По докладу полевому инспарту одного из участников мартовской операции, командированного Упартом, «о встрече упорного сопротивления как-то не думалось. Вильно чуть ли не у всех на устах».

У одного из старших начальников срывается фраза: «Эх, я бы попробовал без всякой подготовки». Такая предвзятость, равносильная почти пренебрежению к противнику, привела к тому, что при выборе участков неприятельской позиции для нанесения удара руководствовались соображениями о том, как бы отхватить побольше кусок. Думали главным образом о размерах добычи, а соображения о том, что тот или другой участок значительно выгоднее в тактическом отношении, что войска его лучше знают, а указанный для атаки им не известен, отбрасывались.

При подготовке операции воздушной разведке придавалось мало значения. В целях маскировки войскам было даже запрещено вести свою разведку, а потому предварительная пехотная разведка почти отсутствовала. Так, был случай, что накануне боя на один из передовых артиллерийских наблюдательных пунктов явилась группа пехотных офицеров «посмотреть, где они будут завтра атаковать».

На предварительную артиллерийскую разведку и на подготовку операции в узко специальном, артиллерийском отношении (выбор позиций и наблюдательных пунктов, организация наблюдения и связи, пристрелка целей) было обращено должное внимание. Но командование не замечало ряда ошибок, совершаемых артиллеристами в общетактическом отношении.

Еще до начала операции организация в корне нарушается, начинается недопустимая в военном деле импровизация, порождающая в процессе операции дальнейшие импровизации, нарушающие основы всего того, что подготовляет успех и без чего даже случайный успех превращается в неудачу.

Организованная 2-я армия раздробляется на три случайные сборные группы, без органов управления, связи, разведки, тыла. На командиров корпусов, ставших случайными начальниками сборных групп, наваливается масса посторонних забот и затруднений, мешающих их прямой работе. В результате они не смогли сколько-нибудь планомерно и целесообразно руководить операциями подчиненных им групп.

Сборные группы, не будучи самостоятельными организованными единицами, в процессе операции начинают, в свою очередь, дробиться на более мелкие части. Артиллерия распределяется не строго в соответствии с поставленными ей задачами и с ее организацией, а нередко по соображениям случайного характера; причем против одного участка неприятельской позиции, иногда второстепенного, бывала перегрузка

артиллерии, а против соседнего, который впоследствии делался главным, артиллерии было очень мало.

Главкозап — главный руководитель операции, командующий армией, командующие группами — все находились в нескольких часах пути от войск. Все управление шло по телефону, несмотря на существовавшее недоверие к тому, что передается по телефону. Живой связи между войсками и командованием не было: металлические провода убили ее, голос войск редко достигал верхов. Отдавались стильные приказы, суровые замечания, строгие выговоры — нередко те и другие вне времени и пространства, иногда вне и даже наперекор сложившейся обстановке. Но общения с войсками, контроля над ними, управления боем со стороны высшего командования, по существу, не было.

Основной недочет в области исполнения операции Ставка главковерха правильно усматривала в том, что «без особой подготовки пытались прорвать укрепления противника методами полевого боя, не производя даже необходимого сближения, подхода к укрепленной линии противника».

Днем 18 марта русские войска рванулись в бой, не дождавшись результатов артиллерийской подготовки. Кое-чего они достигли, но вскоре были остановлены фланкирующим пулеметным огнем и сосредоточенным огнем неприятельской артиллерии. Из атаковавших мало кто дополз обратно.

Неудачная атака объяснялась недостатком артиллерийской подготовки, но для высшего командования было, повидимому, неясно, в чем состоит задача такой подготовки. Ясно было только то, что артиллерия должна разбить проволочные заграждения и разрушить первую линию окопов противника. Но что такое «тыл» противника, который задавался для обстрела артиллерии, где он начинается и в чем заключается, где его важнейшие места — все это не было выяснено. А потому такие задачи, которые ставились русской артиллерии, как: «разрушить ночью многочисленные опорные пункты в тылу и по сторонам атакованного участка» — и многие другие, им подобные, выполнить она не могла. Не могла также артиллерия разрушить леса, прикрывающие во многих местах с флангов оборонительную линию противника. Не могла русская артиллерия заставить молчать артиллерию противника, которую она не видела.

Но высшее русское командование проявило большую твердость и настойчивость в решении добиться успеха, не считаясь ни с чем.

Артиллерийская подготовка повторяется неоднократно. Пушки гремят день и ночь; после канонады атаки повторяются, пехота бросается в образуемые фланкирующими участками «мешки»; уже устланные трупами; покрываемая перекрестным огнем, она несет большие потери и к вечеру отходит, сильно поредевшая в своих рядах.

Наконец, вмешалась весна. Местность превратилась почти в сплошное озеро, дороги покрылись водою на ½—1½ м и стали непроходимыми. Дальнейшее продолжение операции грозило катастрофой. После долгих настойчивых телеграмм и телефонных переговоров войскам, наконец, поверили, что они тонут. Получен был приказ вывести войска на сухие места. Наступление, влекущее за собой бес-

смысленные, бесцельные жертвы, прекратилось. Надежды на русское «авось» и на то, что русские «чудо-богатыри» все перенесут, не оправдались.

Людендорф в своих «Воспоминаниях» дает мартовской операции такую оценку: «21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным... западнее Поставы их атака была лишь с трудом отражена. Земля размякла, в болотистых местах вода образовала пруды, а дороги стали буквально бездонными. Подкрепления, спешно подвозимые... нами, шлепали в болоте, с трудом подвигаясь вперед от железной дороги Вильно, Двинск... Но русские, которым приходилось продвигаться по еще менее благоприятной местности, чем та, которая находилась позади наших позиций, сами выдохлись».

Но кто же виноват в кровавой мартовской неудаче? Повторяем — все, и чем выше, тем больше. Высшим русским командованием были нарушены и основы военного искусства и многие даже элементарные правила тактики. Меньше всех были виноваты войска.

Вот пример из мартовской операции — один из многих, ему подобных, который ответит на поставленный вопрос. По телеграфу передается войскам категорический приказ: «Укрепиться, окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало». А войска стоят под огнем по колено в воде и, чтобы хоть немного передохнуть, складывают трупы немцев и на них садятся, так как окопы полны воды. К вечеру войска начинают промерзать; вдобавок ко всему к ним заползают раненые, изуродованные, не перевязанные, страдающие, стонущие — эвакуация раненых была плохо организована, о них мало заботились.

И все это не один-два дня, а в течение всех 10 дней операции!

Нужны были поистине исключительные качества русского солдата, чтобы, несмотря на такие небывало тяжелые условия, продолжать бой.

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ НА ФРОНТЕ 10-й АРМИИ В ОПЕРАЦИИ 19—23 ИЮЛЯ 1917 г.[1]

После тяжелых кровавых уроков мартовской и других операций 1916 г. командование русской армии пришло к сознанию, что наступление без мощной артиллерийской поддержки приводит к неудачам и напрасной гибели людей.

Предполагая нанести решительный удар австро-германцам весною 1917 г., Ставка главковерха предложила заблаговременно, еще осенью 1916 г., всем главкомам — каждому на своем фронте — разработать план операции прорыва укрепленной позиции и нанесения сокрушающего удара противнику. При разработке плана предлагалось руководствоваться минувшим опытом войны, зафиксированным в изданном Ставкой «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы», положив в основание расчетов плана массирование не только живой силы, но и техники — в первую очередь массирование тяжелой артил-

[1] Источником служили архивные дела ЦВИА за №№ 370, 450, 169—143, 174—754, 174—756, 174—758, 343—497, 143—072, 143—346, 152—427, 214—354, 418—899, 144—418, 157—470, 161—102.

лерии и снарядов. План предлагалось разработать на базе данных разведки о силах и расположении неприятеля и изучения тактических свойств районов, избранных для нанесения удара, на основе тщательной подготовки и планомерного проведения операции. При составлении плана предлагалось также иметь в виду беспрерывное совершенствование неприятельских укрепленных позиций, представлявших уже к тому времени мощную преграду из бетона, железа и проволоки, надежда прорвать которую могла осуществиться только при сосредоточении достаточно сильной артиллерии, в полной мере обеспеченной снарядами.

К концу 1916 г. каждый главком, считая свой фронт важнейшим и свою операцию главнейшей, представил в штаб верховного главнокомандующего обширный материал с планом намечаемой операции, выдвигая при разработке его в первую очередь расчеты материальных артиллерийских средств.

Главком ген. Эверт полагал, что решающий удар следует нанести на его Западном фронте, так как, наступая севернее Полесья, возможно постепенно отвоевывать свою родную землю, занять Польшу и угрожать Восточной Пруссии (см. схему 27). Из возможных направлений главного удара Виленское направление Эверт считал важнейшим и наиболее выгодным, так как оно угрожало тылу немецкого фронта в бывшем Северо-Западном крае России. «Развитие здесь успеха,— говорилось в докладе Эверта,— скорее и легче заставит противника очистить нашу территорию, даст нам возможность выдвинуться на линию Неман, Брест и приблизит нас к государственной границе Германии, к чему последняя всегда была особенно чутка». По мнению Эверта, Виленское направление было выгодно и в тактическом отношении, так как участок от Сморгони до Немана позволял организовать наступление на широком фронте, имел укрытый тыл, а впереди него не было серьезных естественных преград.

Окончательным решением командования Западным фронтом было: а) главный удар наносить 10-й армией в общем направлении от Молодечно на Вильно, на участке Кунава, Лостоянце шириной около 27 км, причем первоначальной задачей было поставлено овладеть Солы, Жуйраны, Ошмяны, Граужишки; б) вспомогательный удар наносить 2-й армией на Слонимском направлении; в) 3-й армии совместно со 2-й, по мере развития успеха 10-й армии, перейти в наступление в общем направлении на Слоним и Вильно.

В отношении расчета живых сил и материальных средств в плане Эверта подчеркивалось, что для прорыва укрепленной германской позиции и развития успеха необходима организация могущественного удара на широком фронте с соответствующими силами и средствами, в особенности артиллерийскими. «...Как бы многочисленны ни были войска, собранные для удара,— говорилось в плане,— но, ввиду особенного развития укрепленных позиций и богатства его технических средств штурм не обещает успеха и лишь приведет к большим потерям, если мы не сосредоточим достаточных артиллерийских сил и средств. Скорее можно ограничиться в числе дивизий, назначаемых для атаки, чем в количестве тяжелых орудий».

По расчетам, приведенным в плане, для Виленского направления необходимо было иметь следующее количество орудий и боеприпасов:

Название и калибр орудий	Число орудий	Число выстрелов на орудие в день боя
Пушек полевых 76-мм	1 296	200
Гаубиц до 152-мм	536	100
Гаубиц от 203-мм до 280-мм	42	25
Тяжелых пушек	88	60—75
Всего	1 962	

Таким образом, на 1 км фронта предполагалось иметь 48 легких полевых пушек и до 25 гаубиц и тяжелых орудий, всего около 73 орудий.

Для второстепенного Слонимского направления по плану Эверта требовалось относительно больше артиллерийских средств; по расчетам плана плотность для этого направления выражалась до 88 орудий на 1 км. Эту странность можно объяснить боязнью Эверта перед контрманевром со стороны немцев. В своем плане он писал, между прочим, что «для успешности главного удара необходимо лишить противника возможности направить в атакованный участок поддержки из ближайших районов, к чему он обычно так широко прибегает».

Длительность операции намечалась в 14 дней.

Расчеты Эверта были совершенно не согласованы со средствами, имеющимися в распоряжении Упарта, и не сообразованы с оперативными замыслами Ставки, согласно которым главный удар намечался не на Западном, а на Юго-западном фронте, куда для образования сильнейшего мощного артиллерийского «кулака» направлялись четыре тяжелые артиллерийские бригады ТАОН, тогда как на Западный фронт дана была лишь одна 201-я бригада ТАОН, в составе всего 62 тяжелых орудий вместо 258, требовавшихся Эвертом (для всех его армий — 10-й, 2-й и 3-й) вдобавок к имевшимся у него на фронте (см. т. I, ч. II, «Создание тяжелой артиллерии особого назначения»).

В феврале 1917 г. Ставка подтвердила Эверту свое указание, данное в ноябре 1916 г., о том, что подготовительные к операции работы следует начать в пределах своих сил, рассчитывая пока лишь на усиление одной артиллерийской бригады ТАОН, так как нельзя было предполагать, что формируемые в тылу тяжелые батареи будут готовы и боеспособны к сроку. «Пока приходится считаться, — говорилось в предписании Ставки, — с тем, что имеется, и сообразовать намеченные операции с имеющимися средствами, т. е. сократить размеры операции и намеченный участок прорыва, чтобы с небольшими средствами обеспечить себе верный тактический успех».

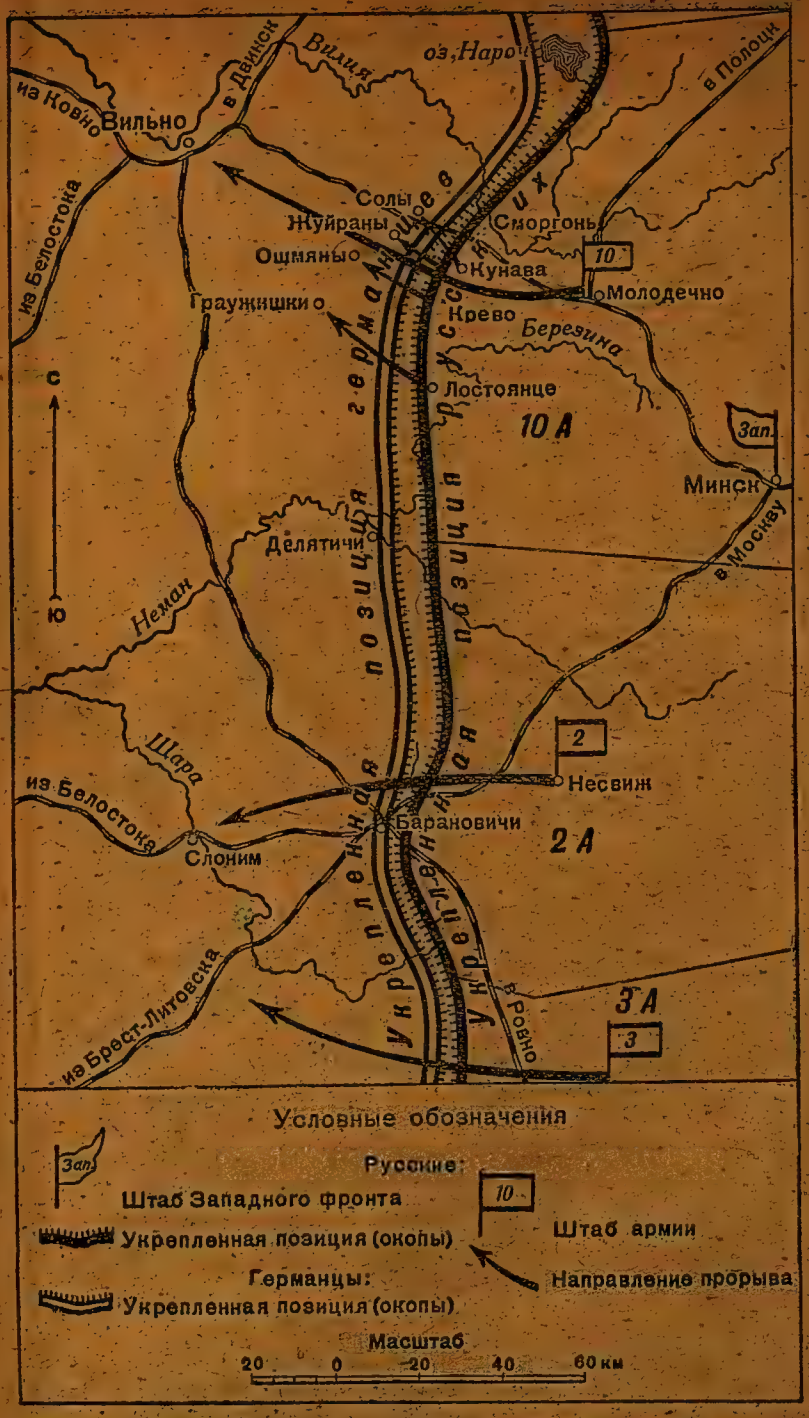


Схема 27. Прорыв германского фронта 10-й русской армией в направлении на Вильно в июле 1917 г. Общая обстановка.

Условные обозначения

Русские:

Укрепленная позиция (окопы)

Разграничительные линии между корпусами

Районы расположения батарей:

76-мм пушек

152-мм пушек или гаубиц

107-мм „

203-мм гаубиц

120-мм „

305-мм „

122-мм или 114-мм гаубиц

Зенитная батарея

Передовой склад боеприпасов

Арт. склад

Починочная арт. мастерская

Примечание: Каждый знак орудия обозначает батарею в районах расположения батарей

Германцы:

Укрепленная позиция (окопы)

Редут

Обнаруженная батарея

Укрепления

Масштаб

1 0 1 2 3 4 км

СМОРГОНЬ

Колпея

Трилесино

Осиновка

Гавеновичи

Студенец

Сукневичи

Вилия

Михневичи

Олешонки

Кунава

2 кк (20 к)

Шиково

Уша

Глинная

Сутково

Драки

Мысса

Базары

Ново-Спасское

Саковичи

Г. дв. Мигули

Курец

Понизье

Сивица

ст. Пруды

Яковичи

Асаны

Богуши

Горбачи

Нелидки

м. БЕНИЦА

1 Сиб к

из Ошмяны

Танщина

ф. Копаное Болото

Редьки

Угляны

Годея

м. МАРКОВО

в Молодечно

Попелевичи

Косариха

Клин

м. ЛЕБЕДЕВО

м. КРЕВО

38 к

Ближн. Борковщина

Чухны

Дальн. Борковщина

Геверишки

м. ЛОСН

Великое Село

Кривек

Ордаши

Кревлянка

Куты

Ложаны

ст Полочаны

Полочаны

Литва

Березина

Забрезье

Дубина

Схема 28. Расположение артиллерии на фронте главного удара 10-й армии при прорыве германского фронта в июле 1917 г.

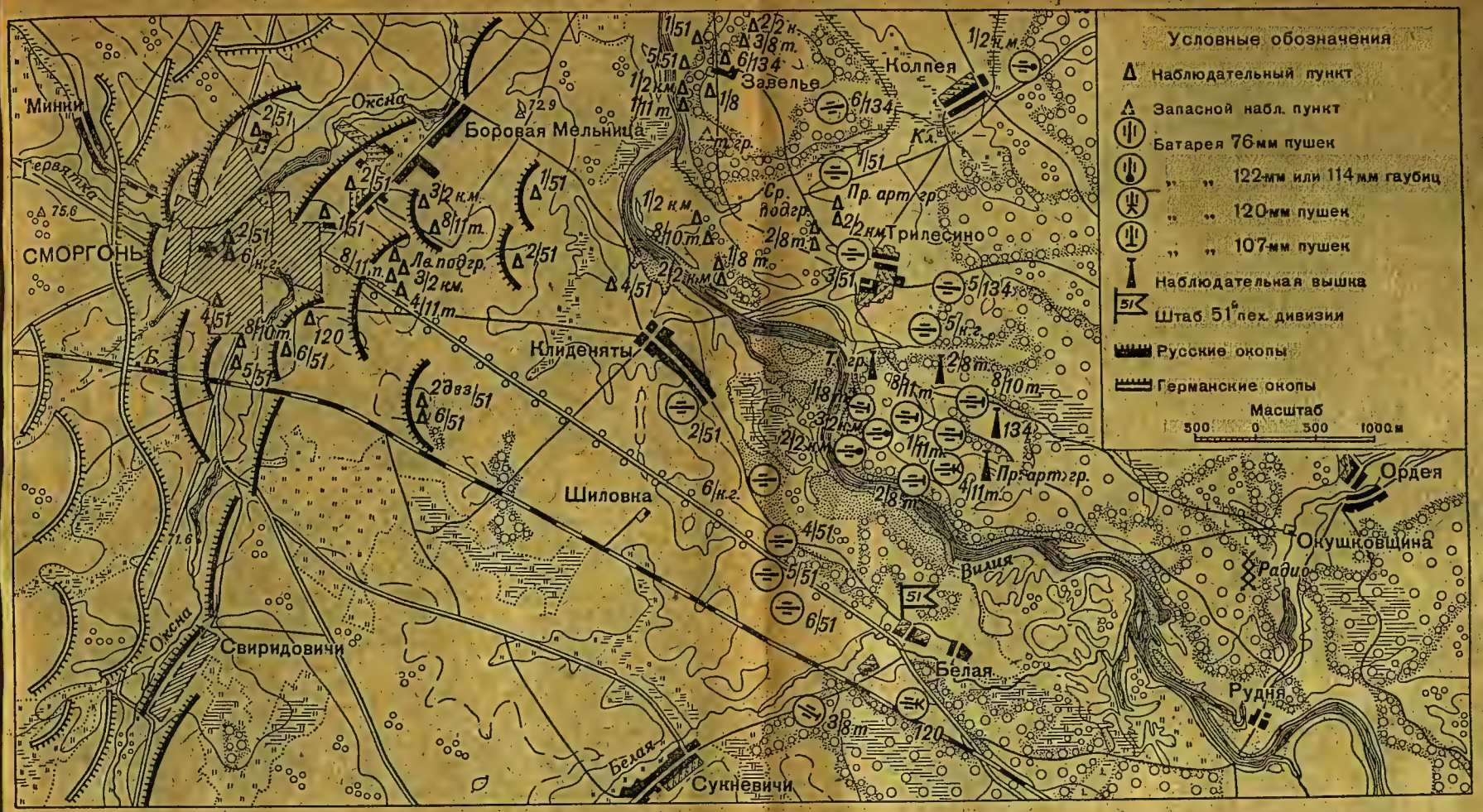


Схема 29. Расположение артиллерии и наблюдательных пунктов на участке 51-й пех. дивизии при прорыве германского фронта 10-й армией в июле 1917 г.

все это создало ряд сильных укрепленных пунктов, увеличивающих обороноспособность позиции.

Богушинский лес являлся серьезным узлом сопротивления протяжением с востока на запад до 5 и с севера на юг до 2 км. Сутковский и Новоспасский леса, подходившие к первой линии окопов, были оплетены проволокой.

За окопами, шагах в тридцати были устроены тяжелые блиндажи с применением бетона и рельсов, разрушение которых 152-мм гранатами было маловероятно.

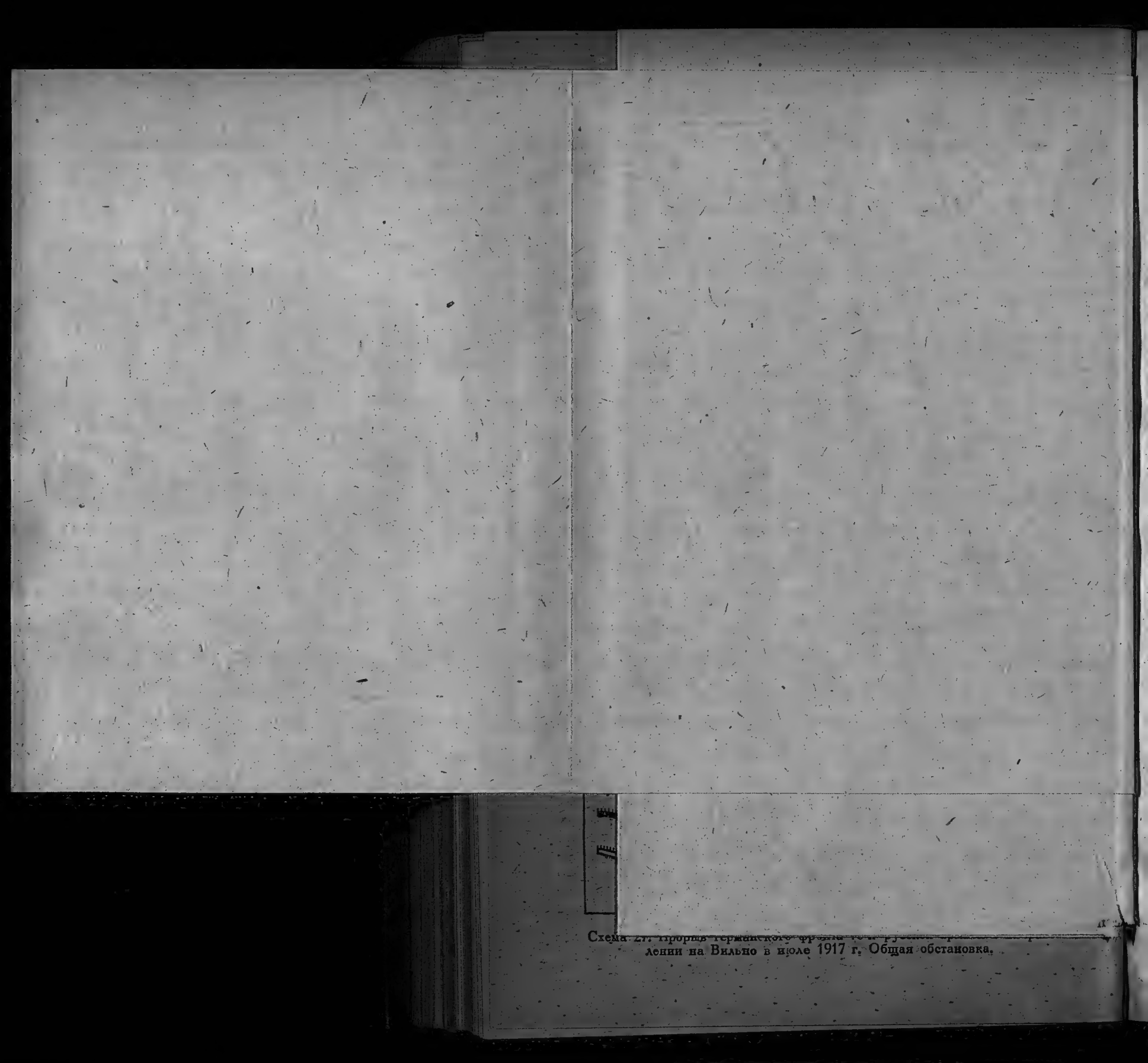


Схема 27. Прорыв германского фронта [illegible] русских [illegible] лении на Вильно в июле 1917 г. Общая обстановка.

К началу операции (к июлю 1917 г.) на вооружении 10-й армии, назначенной для нанесения удара на Виленском направлении, состояло следующее количество орудий:

Название орудий	Всего	Из них на участке главного удара
76-мм легких пушек	622	432
122-мм и 114-мм гаубиц	72	60
152-мм гаубиц и пушек	202	198
203-мм гаубиц	10	10
234-мм гаубиц	2	2
305-мм гаубиц	6	6
107-мм и 120-мм пушек	80	80
Итого	994	788

Таким образом, в действительности 10-я армия имела лишь около 50% того количества орудий (1 962), которое признавал необходимым иметь Эверт.

С начала 1917 г. 10-я армия занимала позиционный район: Геверишки, Крево, Саковичи, Кунава, Сморгонь (схема 27). Главный удар предполагалось нанести 1-м Сибирским, 2-м Кавказским и 38-м армейским корпусами на фронте Кунава, двор Геверишки протяжением около 19 км. Вспомогательный удар со стороны Сморгонь должен был наносить 20-й армейский корпус (потом сменивший 2-й Кавказский корпус).

Позиция противника перед фронтом 10-й армии была искусно применена к местности. Первая линия окопов располагалась преимущественно по холмам, которые вместе с лесными участками укрывали ближайший тыл противника. Изломанные начертания окопов позволяли держать подступы к ним под перекрестным огнем. Сильно развитые окопы в исходящих углах были приспособлены для фланкирования. Солидные фортификационные сооружения в районе высот западнее Кунава и Сутково, ряд сомкнутых укреплений на высотах между Новоспасским и Богушинским лесами, а также к югу от Богушинского леса в районе Крево, отдельные каменные постройки и два кладбища у Крево, приведенные в оборонительное состояние,— все это создало ряд сильных укрепленных пунктов, увеличивающих обороноспособность позиции.

Богушинский лес являлся серьезным узлом сопротивления протяжением с востока на запад до 5 и с севера на юг до 2 км. Сутковский и Новоспасский леса, подходившие к первой линии окопов, были оплетены проволокой.

За окопами, шагах в тридцати были устроены тяжелые блиндажи с применением бетона и рельсов, разрушение которых 152-мм гранатами было маловероятно.

За первой линией окопов, почти на всем ее протяжении, построены были вторая и третья линии окопов, удаленные друг от друга на 100—300 шагов. Имелись поперечные окопы, которые вместе с приспособленными к обороне ходами сообщения представляли собою «отсеки».

Широко были использованы проволочные заграждения — перед первой линией окопов имелось 4—5 полос проволоки по 4—6 рядов кольев в каждой полосе. Проволочные заграждения построены были также перед второй и третьей линиями окопов и перед теми ходами сообщений, которые были приспособлены к обороне. Сомкнутые укрепления были окружены проволокой.

За первой укрепленной полосой имелась в 3—5 км вторая укрепленная полоса — от Гавеновичи через Олешонки, Базары, г. дв. Мигули, Асаны, Попелевичи, Чухны и далее.

Судя по сделанным фотоснимкам, позиции противника имели законченный вид: окопы с тяжелыми блиндажами, с несколькими полосами проволочных заграждений, многие построены на обратных скатах.

С наземных наблюдательных пунктов отчетливо была видна только первая линия, другие линии были видны лишь местами — всхолмленность и леса их укрывали. Наибольшая видимость была с наблюдательных пунктов Кревского участка, где просматривался и тыл противника до Попелевичского леса. К северу от Богушинского леса видны были некоторые участки между Богушинским и Новоспасским лесами, к западу от Мысса и между высотой к северу от Мысса и Олешонки.

Разведка неприятельских укреплений на фронте предположенного главного удара показала следующее.

Окопы глубиной от 2 до 3,5 м и более со стрелковой ступенькой. Передняя крутость обшита досками, хворостом, нередко проволочной сеткой. Особой маскировкой не отличаются. Небольшой бруствер высотой до 0,35 м, а иногда и без него. Деревянные бойницы в большинстве отсутствуют; вместо них овальные стальные щиты с закрытым верхом. Козырьков почти нет. В окопах перед фронтом 1-го Сибирского корпуса в передней отлогости бруствера — помещения для часовых и для склада ручных гранат. Через каждые 75—100 шагов — мелкие ходы сообщения, идущие вперед под проволоку. На дне окопов — деревянные решетки. Все окопы строго применены к местности, имеют изгибы и изломы для лучшего фланкирования подступов к ним. На прямых участках окопов встречались выдвинутые вперед бетонные блиндажи-капониры для той же цели фланкирования.

Блиндажи и убежища типа насыпных с бревенчатыми перекрытиями встречались редко, только на второстепенных и тыловых участках, но и при этом с перекрытиями из 6—8 рядов 20—25-см бревен, с воздушной прослойкой и с надлежащим количеством земли сверху. Убежища для жилья деревянные и бетонные, с двумя бетонированными выходами. Покрытие у входов — рельсы, на них поставлены на ребро бетонные брусья в несколько рядов, и сверху насыпана земля. Деревянные убежища имеют вид «лисьих нор» глубиною 6—12 м. Стены — из поставленных вертикально бревен. Бето-

нированные убежища — из железобетона со стенками толщиною в 1 м. Жилища в 2—4 этажа (3 подземных соединены люками). Стены обшиты досками и толем. Вентиляция через трубы, печи и электрическая. Освещение электрическое.

Пулеметные гнезда и убежища — обычно в виде насыпного блиндажа, высотою около 1,75 м, шириною 2 м и длиною до 4 м. Против каждого пулеметного гнезда устроено убежище для солдат и пулеметов.

Наблюдательные пункты встречаются из железобетона, не менее прочного, чем в убежищах; крыша из железной плиты толщиною до 2,5 см, покрытая сверху бетоном; дверь и подъемная ставня железные.

Малокалиберные пушки располагаются в опорных пунктах (редутах) второй и третьей линий и в отдельных тыловых траншеях в бетонированных помещениях.

Бомбометы и минометы — на открытых площадках в первой линии окопов и опорных пунктов второй и третьей линий; иногда стоят совершенно открыто.

Ходы сообщения — зигзагообразные, кремальерные и прямые, глубиной 2 м; одеты досками или жердями; некоторые приспособлены к обороне, имеют проволочные заграждения.

Проволочные заграждения с железными кольями, заделанными в бетонные основания или ввинченными в землю. Перед первой полосой заграждений — заборы из полос углового железа. В некоторых местах — заграждения из нескольких полос: первая — железные рогатки, вторая и третья — сеть колючей проволоки на деревянных кольях.

Низкие проволочные заграждения («спотыкачи») встречаются нередко у самых окопов.

Подготовительный период

В феврале 1917 г. командирам корпусов был сообщен доклад генкварта штаба 10-й армии относительно выполнения операции и предложено представить свои соображения не позже первой половины марта и исполнить все предварительные работы: наметить наблюдательные пункты (командные и артиллерийские), выбрать места для батарей, разработать планы связи, определить количество материалов и приступить к работам. Таким образом, фактическая разработка и подготовка операции начались с конца февраля, т. е. приблизительно за 4 месяца до ее осуществления.

2-й Кавказский и 38-й армейский корпуса продолжительное время занимали район намеченной операции и потому были в наиболее благоприятных условиях. Многие артиллерийские начальники были хорошо знакомы с местностью и позицией противника; большинство из них участвовало в подготовке неудачной мартовской операции 1916 г. в том же районе. 1-й Сибирский корпус занял свой участок на фронте удара лишь 16 марта 1917 г.

Окончательно свои соображения корпуса представили 20—31 марта.

Под влиянием событий Февральской революции к половине марта даже генералитету Ставки стало ясно, что солдатские массы против войны и пехота добровольно не пойдет в наступление. Поэтому операция все время откладывалась — с конца апреля до начала июня, потом до середины июня и, наконец, до начала июля, когда Керенский лично взялся уговаривать войска наступать.

Отсрочки операции дали возможность артиллерийским начальникам лучше изучить позицию и расположение противника, в том числе его артиллерии.

Офицеры же пехотных частей были заняты стараниями удержать свои части в руках и не могли спокойно разрабатывать свои частные планы предстоящей операции. Замена пехотных полков, отказывавшихся занимать первую линию фронта, продолжалась до самого начала операции и даже до дня атаки. С большим трудом, путем убеждения, уговоров и обмана, удалось получить согласие наступать лишь от некоторых пехотных полков.

Планы действий артиллерии составлялись в корпусах и дивизиях постепенно, по мере выяснения и уточнения задач. Первоначально для артиллерии были поставлены весьма широкие и мало определенные задачи; по мере их уточнения изменялись количество и род артиллерии, требующейся для исполнения той или иной задачи, а планы для действий артиллерии все время исправлялись и дополнялись. Планы разрабатывались весьма тщательно и подробно — для каждой батареи и для каждого отдельного артиллерийского взвода включительно. Точные задачи для артиллерии — участки разрушения и места проделывания проходов в проволочных заграждениях — получены были от пехотных начальников незадолго до начала операции. В окончательном виде планы для действий артиллерии были выработаны в первых числах июля, когда были получены от полевого инспарта указания и сведения об ошибках применения ТАОН при июльском прорыве на Юго-западном фронте.

Главный удар во время прорыва на Юго-западном фронте наносила 7-я русская армия. По поводу действий артиллерии этой армии инспектор артиллерии Западного фронта ген. Шихлинский передал инспектору артиллерии 10-й армии следующую телеграмму начальника Упарта: «По полученной сводке 7-й армии подготовительная работа артиллерии совместно с пехотой не была налажена, не было должной связи между пехотой и артиллерией, не было подготовлено образование заградительного огня перед пехотой при переходе в атаку. Борьба с неприятельской артиллерией была плохо налажена; в распоряжении войсковых начальников при переходе в наступление не было артиллерии, почему получались большие задержки открытия огня артиллерией и атакующая пехота крайне слабо поддерживалась своей артиллерией, неся громадные потери от неприятельского огня. Полевой инспарт приказал просить вас обратить внимание на недопустимость подобного неправильного использования артиллерии в будущих боях».

При этом Шихлинский от себя сообщал, что при принятом в 10-й армии распределении артиллерии, организации противобатарейных групп и общей подготовке артиллерии к предстоящей работе ука-

занные недочеты «немыслимы». Тем не менее он обратил внимание инспарта 10-й армии на необходимость: а) усилить связь батарей, дивизионов и артиллерийских групп с пехотой, до передовых ее частей включительно; б) подробно разработать и сообщить пехотным начальникам, до командиров рот включительно, порядок устройства и поддержания связи с началом движения пехоты вперед; все сделанное уже в этом направлении развить и укрепить в сознании всех чинов связи и начальствующих лиц; в) планы перемещения артиллерии вперед, разработанные уже в каждой дивизии, сообщить младшим пехотным начальникам с указанием районов, куда артиллерия перейдет.

Вместе с тем Шихлинский просил доложить командарму 10-й, что «за связь между пехотой и артиллерией не может быть ответчицей только последняя». Пехота сама обязана устанавливать и поддерживать прочную связь с обслуживающими ее частями артиллерии, связь должна быть двойная — от артиллерии к пехоте и обратно. Начальники дивизии, получившие в подчинение мощную артиллерию, должны принять все меры к взаимодействию пехоты с артиллерией, «Казалось бы, — сообщал Шихлинский, — пехоте необходимо искать всяческой связи со своей могущественной помощницей, которая не в силах одна ее поддерживать; только при обоюдной работе возможна прочная связь, которая даст пехоте мощную поддержку в бою и избавит артиллерию от не всегда заслуженных нареканий после боя».

Тогда же, в первых числах июля 1917 г., сообщены были от полевого инспарта, в развитие телеграммы начальника Упарта, более подробные сведения об ошибках, замеченных в применении ТАОН на Юго-западном фронте во время июльского наступления, а именно:

а) Несмотря на отсутствие достойных для 11-дм. и 12-дм. (280-мм и 305-мм) гаубиц целей, эти орудия получали их много. Так, одна батарея стреляла по двум мостам в Бржезанах, по блиндажам, наблюдательным пунктам, пулеметным гнездам, по селению, где был штаб, по окопам, по району блиндажей (обстрел площади); одна из тяжелых батарей даже сопровождала атакующую пехоту.

Действие артиллерии было разбросано, цели не разрушались, а только обстреливались несколькими выстрелами. Все-таки, благодаря большому числу целей, получился значительный общий расход снарядов и дорого стоящей материальной части, половина которой вышла из строя. Кроме того, некоторые цели, например пулеметные гнезда, не были наблюдаемы стрелявшими, указывались по плану, а не на местности, после чего подготовлялась засечка на предполагаемое местонахождение цели и велась стрельба. Непосредственного наблюдения по цели установлено не было.

б) Батареи 120-мм пушек Обуховского завода были направлены против батарей и перекрестков дорог. Но стреляли они по батареям, или совсем невидимым, или обнаруживавшим себя вспышками, без помощи летчиков, производя в некоторых случаях пристрелку по вспомогательной цели с переносом огня по плану на батарею, а то и просто по плану.

в) Батареи 6-дм. (152-мм) пушек в 200 пуд. были привлекаемы к разрушению окопов в дополнение к многочисленным гаубицам. При наличии только полных зарядов такая стрельба на небольшую дальность, сама по себе не рациональная вследствие отсутствия вертикальных целей и получающихся малых углов падения, привела к быстрому износу платформ Шухова и порче соединений платформ с компрессором (тормозом отката). Одна из батарей 152-мм в 200 пуд. получила задачу обстрела по карте невидимой деревни, находившейся к тому же в пределах дальности стрельбы других орудий.

г) В применении ТАОН надо отметить вообще отсутствие надлежащей постановки задач, равно как и выполнения официальных указаний об использовании различных орудий. Кроме того, видна чрезвычайная уступчивость старших артиллерийских начальников в отношении нецелесообразных требований и просьб, предъявляемых пехотными начальниками к артиллерии крупных калибров, благодаря чему последняя использовалась неправильно и неэкономно.

д) Указанное вмешательство пехоты распространялось и на такие артиллерийские действия, которые являлись выполнением подробно разработанного плана. Это сводило некоторые намеченные планом действия на-нет и порождало импровизацию там, где она совершенно неуместна. Необходимо принять самые решительные меры к сбережению орудий ТАОН, немногочисленных, крайне дорогих, с большим трудом приобретаемых, пополнение которых невозможно, назначаемых для выполнения исключительно тех задач, которые другими орудиями выполнены быть не могут. В настоящее время около половины орудий ТАОН вышли из строя, а оставшиеся имеют незначительный запас снарядов.

В планах действий артиллерии 10-й армии были указаны последовательные работы и точные задачи батарей в различные периоды боевой операции, характер и задачи артиллерийского огня ночью, намечены батареи разрушения, которые должны были усилить противоартиллерийские группы, а также порядок выдвижения вперед сначала наблюдателей и связи с ними, а затем и батарей на поддержку продвинувшейся пехоты.

В подготовительный период вся тяжелая артиллерия подчинялась инспекторам артиллерии корпусов, которые руководили как распределением задач, так и размещением батарей. С началом артиллерийской подготовки атаки тяжелые батареи групп разрушения должны были перейти в подчинение начальников артиллерии соответствующих дивизий.

Пристрелка батарей разрушения велась исподволь, чтобы не обнаруживать себя, — обычно в то время, когда у противника не были подняты привязные аэростаты и когда над расположением русских не летали неприятельские самолеты. Для пристрелки целей, не видных с наземных наблюдательных пунктов, пользовались аэростатами, а иногда пристрелку корректировали летчики.

Выполнению пристрелки по неприятельским окопам часто препятствовали пехотные части (1-го Сибирского и 2-го Кавказского кор-

пусов), чтобы не подвергаться ответному огню противника. Были даже случаи угрозы оружием.

Для получения пристрелочных данных для 12-дм. (305-мм) гаубиц на их позициях ставились 107-мм и 122-мм орудия, которые и вели пристрелку по целям, намеченным для 305-мм гаубиц.

Планы действий противоартиллерийских групп составлялись в корпусах отдельно от планов групп разрушения.

Изучение расположения артиллерии противника велось непрерывно. В каждом корпусе на обязанности одного избранного старшего артиллерийского начальника лежали собирание и систематизирование сведений о неприятельских батареях, откуда бы эти сведения ни были получены.

Работами по составлению планов руководили инаркоры, которые впоследствии были назначены начальниками противоартиллерийских групп.

Летчики фотографировали расположение противника в течение всей зимы и особенно усиленно в период подготовки операции. Все позиции неприятельской артиллерии, обнаруженные на снимках, а также непосредственно с наземных наблюдательных пунктов и с привязных аэростатов, засечками по блеску выстрелов, по звуку и другими способами, наносились на карты. Таким путем на фронте от Осиновка до Куты (см. схему 28) было обнаружено: в марте — 44 артиллерийские позиции противника, в апреле — 89, в мае — 121, в июне — 136. Но не все обнаруженные позиции были заняты неприятельскими батареями; определение действующих позиций велось путем постоянного наблюдения за стреляющими батареями. На том же фронте Осиновка, Куты было отмечено действующих батарей: в марте — 19 легких и 15 тяжелых, в мае — 22 легких и 34 тяжелых, в июне — 37 легких и 42 тяжелых. Число орудий в батареях трудно было определить, так как противник вел огонь одиночными выстрелами или взводами и очень редко батарейными очередями.

Пристрелка батарей противоартиллерийских групп производилась при помощи привязных аэростатов, так как с наземных наблюдательных пунктов неприятельские батареи не были видны. С конца апреля началось корректирование стрельбы летчиками, но дело это прочно не наладилось, так как не имелось особых авиаотрядов, подчиненных непосредственно артиллерийским начальникам. Принимались все меры, чтобы ослабить артиллерийский огонь противника, который не позволял русской пехоте закрепляться на занятых позициях. Одним из существенных средств ослабления огня неприятельской артиллерии являлась заблаговременная пристрелка артиллерийских позиций противника при совместной работе летчиков с артиллеристами. Там, где летчики работали дружно и согласованно с артиллеристами, было пристреляно с помощью летчиков за время с 24 апреля по 23 июня: во 2-м Кавказском корпусе 27 неприятельских арт. позиций, в 1-м Сибирском корпусе — 17 и в 38-м армейском корпусе — 28. В конце июня работа расстроилась вследствие недостатка самолетов-истребителей для охраны корректирующих самолетов, отсутствия бензина и болезни двух более опытных летчиков.

Организация связи. Телефонная связь была организована и устанавливалась по заранее разработанным планам и схемам — под наблюдением офицеров связи от штабов корпусов. Батареи были связаны двойной двухпроводной связью со своими наблюдательными пунктами, начальниками групп и подгрупп. В опасных, сильно обстреливаемых местах устраивалась подземная связь или укладывались провода в неглубоких канавах. Спешно проложенные телефонные линии имели только поздно прибывшие на позицию батареи. Все артиллерийские начальники были соединены телефонами между собою. Артиллерия была вполне надежно связана с пехотой. Во всех корпусах была организована подвижная связь для сопровождения артиллерийских наблюдателей, выдвигаемых вперед за пехотой. Телефонного провода было достаточно. Несмотря на многие трудности, проводка связи, производимая средствами батарей, была закончена ко дню операции.

Организация управления артиллерией. Вся артиллерия в зависимости от задач разделялась на группы, объединявшие батареи, получавшие задачи на одном определенном участке. В случае большого числа батарей в той или иной группе она делилась на подгруппы.

Легкая артиллерия назначалась для разрушения проволоки и для поддержки своей пехоты, частью для борьбы с артиллерией противника.

Тяжелая и мортирная (гаубичная) артиллерия делилась на группы разрушения и противоартиллерийские.

Артиллерия крупных калибров составляла отдельные группы.

Каждая группа легких батарей и группа тяжелых батарей разрушения, имевшие задачи на фронте одной дивизии первой линии, были подчинены одному артиллерийскому начальнику, подчиненному, в свою очередь, начальнику дивизии.

В каждом корпусе батареи крупных калибров составляли отдельную группу, подчиненную инспектору артиллерии корпуса.

Легкие и тяжелые батареи, назначенные для борьбы с неприятельской артиллерией и разделенные на подгруппы, в каждом корпусе были подчинены отдельному начальнику противоартиллерийской группы, подчиненному инаркору.

Эта система полностью проведена была во 2-м Кавказском и в 38-м корпусах; в 1-м Сибирском корпусе батареи крупных калибров были включены в состав артиллерии 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В этой дивизии не было отдельного артиллерийского начальника, объединявшего работу легких и тяжелых батарей; его обязанности исполнял начальник тяжелой артиллерийской группы разрушения, что нельзя признать правильным, так как в руках одного начальника тяжелой группы было слишком много подчиненных частей.

В помощь инаркорам были назначены артиллерийские офицеры (полковники или подполковники).

Сформировать штабы начальников артиллерии ударных корпусов, как указывалось «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» (ч. II, § 14), не удалось.

Для сформирования штаба начальника артиллерии каждого ударного корпуса требовалось довольно много офицеров, а именно (см. приложение 1-е к «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», ч. II, изд. 1917 г.): 1 или 2 помощника — офицеры артиллерии (полковники или подполковники), личные качества и знания которых имели большое значение, адъютант — из младших офицеров артиллерии, 1 офицер Генерального штаба для связи со штабом корпуса и для поручений, участковый комендант с 3—4 помощниками-офицерами, 3 офицера — один для службы наблюдения, один сапер и один топограф с чертежником. Всего для трех ударных корпусов 10-й армии 3—6 старших офицеров (полковников или подполковников) и 27—30 младших офицеров. Ввиду большого некомплекта в офицерском составе откомандировать столько офицеров от строевых и специальных частей армии для сформирования артиллерийских штабов было невозможно.

Нехватало также необходимых для сформирования артиллерийских штабов 3 телеграфных рот или кабельных отделений, 3—6 авиационных отрядов с истребителями, конных ординарцев (по два к каждому офицеру), рабочих, 3 команд опытных саперов (до 45 человек), 3 чертежников, нескольких писарей, 6—9 змейковых аэростатов, 3 звуковых наблюдательных станций, больших стереотруб, автомобилей, повозок и прочего имущества.

Распределение артиллерии. Артиллерия была распределена сообразно со свойствами местности и позиций противника: наличие особо прочных построек на участке атаки 38-го корпуса вызвало необходимость дать этому корпусу больше 305-мм гаубиц; 2-му Кавказскому (20-му) [1] корпусу пришлось придать больше дальнобойных орудий, так как ввиду отсутствия удобных артиллерийских позиций на северном участке батареи ставились только на южном участке и даже в районе соседних корпусов.

Для борьбы с неприятельской артиллерией на флангах удара к северу от Осиновки и в районе Ордаши, Куты увеличено было число батарей 107-мм и 120-мм во 2-м Кавказском и 38-м армейском корпусах.

По указаниям командующего 10-й армией, наибольшие усилия необходимо было сосредоточить в районе Сутковского и Новоспасского лесов (в каждом корпусе, направленном для действий в этом районе, 3 дивизии были назначены в первую линию и 4-я дивизия в резерв), что вызывало необходимость усиления артиллерии 1-го Сибирского и отчасти 2-го Кавказского корпусов.

За недостатком артиллерии, имеющейся в распоряжении 10-й армии, не удалось образовать специальный мощный артиллерийский «кулак» (по идее ТАОН).

В результате на фронте главного удара артиллерия были распределена, как указано в табл. А, Б и В на стр. 394—399.

---

[1] При смене 2-го Кавказского корпуса 20-м армейским артиллерия первого была оставлена на своих местах, т. е. была придана на время операции 20-му армейскому корпусу. Поэтому в скобках и показано 20-му.

Таблица А

Общее распределение артиллерии 10-й армии на фронте главного удара

Калибр и тип орудий	Число орудий			
	2-й Кавказский (20-й) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	Всего
76-мм легких пушек	150	120	162	432
107-мм и 120-мм пушек	28	24	28	80
114-мм и 122-мм гаубиц	12/12	12	24	12/48
152-мм гаубиц и пушек	70	64	64	198
203-мм гаубиц	2	6	2	10
234-мм гаубиц	—	—	2	2
305-мм гаубиц	2	2	2	6
Итого	276	228	284	788

Таблица Б

Распределение артиллерии 10-й армии по видам и калибрам орудий ко времени операции

Калибр, тип и вид орудий	Число орудий					
	2-й Кавказский (20-й) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	3-й корпус	Резерв	Всего
76-мм пушек	150	120	162	108	82	622
107-мм пушек скорострельных	16	12	12	—	—	40
107-мм пушек обр. 1877 г.	4	4	8	—	—	16
114-мм гаубиц	12	—	—	—	—	12
122-мм гаубиц	12	12	24	12	—	60
152-мм гаубиц крепостных	20	32	8	—	—	60
152-мм гаубиц полевых	20	12	16	—	—	48
152-мм пушек в 120 пуд.	8	8	20	4	—	40
152-мм пушек в 200 пуд.	8	4	4	—	—	16
152-мм пушек лит. Б	2	—	4	—	—	6
152-мм гаубиц лит. М	12	8	12	—	—	32
120-мм пушек лит. Е	8	8	8	—	—	24
203-мм гаубиц лит. Г	2	6	2	—	—	10
234-мм гаубиц лит. Т[1]	2	—	2	—	—	4[1]
280-мм гаубиц лит. А[1]	2	4	2	—	—	8[1]
305-мм гаубиц лит. В	2	2	2	—	—	6
Итого орудий	280	232	286	124	82	1 004[1]

[1] Все 8 гаубиц 280-мм лит. А и 2 гаубицы 234-мм лит. Т во 2-м Кавказском (20-м) корпусе не успели поставить на позиции, а потому в операции участвовало лишь 994 орудия, из них 788 орудий на участке главного удара 2-го Кавказского, 1-го Сибирского и 38-го армейского корпусов.

Таблица В

Распределение артиллерии 10-й армии по группам на участке главного удара

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
20-й корпус (артиллерия 2-го Кавказского корпуса) — инаркор ген. Руднев	**58 батарей = 276 орудий**
28-я пех. дивизия—начарт ген. Казбек	
Группа легких—полк. Стопани	Всего 30 орудий
Кавказская гренадерская артиллерийская бригада—2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 7-я батареи	5 батарей = 30 пушек 76-мм
Группа разрушения—полк. Влесков	Всего 16 орудий
8-й тяжелый арт. дивизион	3 батареи = 12 креп. 152-мм гаубиц
2-й дивизион батарей лит. М	1 батар. = 4 англ. 152-мм гаубиц
51-я пех. дивизия—начарт полк. Колосов	
Группа легких—полк. Маслов	Всего 42 орудия
51-я арт. бригада—4-я, 5-я, 6-я, 7-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-мм
134-й арт. дивизион	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Группа разрушения—полк. Федоров	Всего 36 орудий
17-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 креп. 152-мм гаубиц
2-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм гаубиц
52-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-мм гаубиц
2-й дивизион батарей лит. М	2 батареи = 8 англ. 152-мм гаубиц
2-й Кавказский мортирный арт. дивизион	2 батареи = 8 гаубиц 122-мм
29-я пех. дивизия—начарт ген. Борисов	
Группа легких	Всего 42 орудия
81-я арт. бригада—1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
29-я арт. бригада—1-я, 2-я, 3-я и 4-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-мм
Группа разрушения—полк. Разумовский	Всего 32 орудия
51-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-мм гаубиц
57-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 пушек 152-мм в 120 пуд.
2-й Кавказский мортирный арт. дивизион	1 батарея = 4 гаубицы 122-мм
3-й легк. мортирный арт. дивизион	3 батареи = 12 гаубиц 114-мм
Корпусная артиллерия—инаркор ген. Руднев	
Группа крупных калибров—полк. Лисовский	Всего 8 орудий
4-я батарея лит. В	1 батарея = 2 гаубицы 305-мм

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
7-я батарея лит. Г	1 батарея = 2 гаубицы 203-мм
6-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 200 пуд.
Противоартиллерийская группа—полк. Глазков	
Правая подгруппа—полк. Бардадымов	Всего 10 орудий
1-й дивизион батарей лит. Б	1 батарея = 2 осадн. 152-мм пушки
17-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. пушки 107-мм
2-й дивизион батарей лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-мм
Средняя подгруппа—полк. Ок	Всего 30 орудий
6-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 200 пуд.
50-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. 107-мм пушки
51-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. 107-мм пушки
Кавказская гренадерская арт. бригада—1-я и 5-я батареи	2 батареи = 12 пушек 76-мм
81-я арт. бригада—5-я батарея	1 батарея = 6 пушек 76-мм
Левая подгруппа—подполк. Рытов	Всего 30 орудий
52-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 скор. пушки 107-мм
57-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 107-мм обр. 1877 г.
2-й дивизион лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-мм
51-я арт. бригада	3 батареи = 18 пушек 76-мм

Примечание. 8 июля из группы крупных калибров батарея 6-го осадного арт. дивизиона (152-мм пушек в 200 пуд.) была присоединена к правой противоартиллерийской подгруппе.

1-й Сибирский корпус—инаркор ген. Бодиско	49 батарей = 228 орудий
1-я Сибирская стрелковая дивизия—начарт полк. Андреев	
Группа легких—полк. Сидоров	Всего 24 орудия
1-я Сибирская арт. бригада—1-я, 2-я, 3-я и 7-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-мм
Группа разрушения—полк. Исаев	Всего 30 орудий
18-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-мм гаубицы
1-й Ивангородский тяжелый арт. дивизион	3 батареи = 12 креп. 152-мм гаубиц
2-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм гаубицы
1-й тяжелый дивизион лит. Е	2 батареи = 8 пушек 120-мм
12-я батарея лит. Г	1 батарея = 2 гаубицы 203-мм

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
2-я Сибирская стрелковая дивизия—начарт полк. Котович	
Группа легких—полк. Сырцов	Всего 24 орудия
2-я Сибирская арт. бригада—4-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-мм
Группа разрушения—полк. Котович	Всего 44 орудия
6-й тяжелый арт. дивизион	3 батареи = 12 креп. 152-мм гаубиц
18-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-мм гаубицы
1-й дивизион лит. М	2 батареи = 8 англ. 152-мм гаубиц
9-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 200 пуд.
1-й Сибирский мортирный дивизион	3 батареи = 12 гаубиц 122-мм
8-я и 10-я батареи лит. Г	2 батареи = 4 гаубицы 203-мм
16-я Сибирская стрелковая дивизия—начарт ген. Лунский	
Группа легких—полк. Поляков	Всего 18 орудий
132-й арт. дивизион	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Группа разрушения—полк. Гельман	Всего 16 орудий
4-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-мм гаубиц
53-й тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 пушек 152-мм в 120 пуд.
Корпусная артиллерия — инаркор ген. Бодиско	
Группа крупных калибров—полк. Черепанов	Всего 2 орудия
5-я батарея лит. В	1 батарея = 2 гаубицы 305-мм
Противоартиллерийская группа—полк. Подставкин	
Первая подгруппа—полк. Бурмейстер	Всего 18 орудий
1-я Сибирская стрелковая арт. бригада—4-я, 5-я и 6-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Вторая подгруппа—полк. Скропышев	Всего 18 орудий
2-я Сибирская стрелковая арт. бригада—1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Третья подгруппа—подполк. Кох	Всего 16 орудий
2-й, 4-й и 18-й тяжелые дивизионы	3 батареи = 12 скор. 107-мм пушек
53-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 107-мм обр. 1877 г.
Четвертая подгруппа—полк. Россет	Всего 18 орудий
112-я арт. бригада—1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм

Примечание. Из группы разрушения полк. Исаева две батареи 120-мм пушек 1-го тяжелого дивизиона лит. Е должны были с началом атаки присоединиться к первой противоартиллерийской подгруппе, но присоединены не были.

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
38-й корпус—инаркор ген. Мальковский	**54 батареи=250 орудий**
62-я пех. дивизия—начарт ген. Гуржин	
Группа легких	Всего 42 орудия
62-я арт. бригада—3-я, 4-я, 5-я и 6-я батареи	4 батареи = 24 пушки 76-мм
9-я арт. бригада—1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Группа разрушения—полк. Петров	Всего 20 орудий
32-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм гаубицы
43-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
55-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
31-й мортирный дивизион	2 батареи = 8 гаубиц 122-мм
11-я Сибирская стрелковая дивизия—начарт полк. Дмитриев	
Группа легких—капитан Роше	Всего 30 орудий
2-я Сибирская арт. бригада—1-я, 2-я и 3-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
62-я арт. бригада—1-я батарея	1 батарея = 6 пушек 76-мм
9-я арт. бригада—4-я батарея	1 батарея = 6 пушек 76-мм
Группа разрушения—подполк. Калатилин	Всего 16 орудий
2-й Ивангородский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-мм гаубицы
4-й Сибирский тяжелый арт. дивизион	2 батареи = 8 полев. 152-мм гаубиц
31-й мортирный дивизион	1 батарея = 4 гаубицы 122-мм
175-я пех. дивизия—начарт ген. Гололобов	
Группа легких—полк. Сорокин	Всего 36 орудий
11-я Сибирская стрелковая арт. бригада—4-я, 5-я и 6-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
69-я арт. бригада—2-я, 4-я и 6-я батареи	3 батареи = 18 пушек 76-мм
Группа разрушения—подполк. Сокольницкий	Всего 24 орудия
32-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм гаубицы
43-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
54-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
55-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
10-й мортирный дивизион	2 батареи = 8 гаубиц 122-мм

Название строевых частей и артиллерийских групп	Число батарей, число и название орудий
69-я пех. дивизия—начарт полк. Надеин	
Группа легких—полк. Андреев	Всего 24 орудия
69-я арт. бригада—1-я и 3-я батареи	2 батареи = 12 пушек 76-мм
9-я арт. бригада—5-я и 6-я батареи	2 батареи = 12 пушек 76-мм
Группа разрушения—подполк. Отроков	Всего 8 орудий
2-й Ивангородский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 креп. 152-мм гаубицы
10-й мортирный дивизион	1 батарея = 4 гаубицы 122-мм
Корпусная артиллерия—инаркор ген. Мальковский	
Группа крупных калибров—полк. Баранович	Всего 14 орудий
6-я батарея лит. В	1 батарея = 2 гаубицы 305-мм
1-я батарея лит. Т	1 батарея = 2 гаубицы 234-мм
9-я батарея лит. Г	1 батарея = 2 гаубицы 203-мм
3-й дивизион батарей лит. М	2 батареи = 8 англ. 152-мм гаубиц
Противоартиллерийская группа—полк. Боголюбов	Всего 36 орудий
9-й осадный арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 200 пуд.
1-й дивизион батарей лит. Б	2 батареи = 4 пушки 152-мм Шнейдера
32-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм гаубицы
4-й Сибирский тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм гаубицы
43-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 полев. 152-мм. гаубицы
54-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
55-й тяжелый арт. дивизион	1 батарея = 4 пушки 152-мм в 120 пуд.
1-й дивизион батарей лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-мм франц.
2-й дивизион батарей лит. Е	1 батарея = 4 пушки 120-мм франц.

Примечание. Данные об орудиях 38-го корпуса, показанные в этой таблице, не сходны с показанными в таблице Б. В 38-м корпусе по таблице Б было всего 284 орудия, а по таблице В—лишь 250, т. е. меньше на 34 орудия (в таблице Б полевых 76-мм пушек—162, а в таблице В—132; полевых 152-мм гаубиц в таблице Б—16, а в таблице В—28; тяжелых 152-мм пушек в 120 пуд. в таблице Б—20, а в таблице В—28; английских 152-мм гаубиц в таблице Б—12, а в таблице В—8; полевых тяжелых 107-мм пушек в таблице Б—20, а в таблице В эти пушки вовсе не показаны). Таблицы Б и В составлены по материалам дела ЦВИА № 174—756, причем данные таблицы Б, встречающиеся в нескольких местах дела, сходны между собою и потому представляются более достоверными, хотя таблица В заимствована полностью из приложений к имеющейся в деле 174—756 (лл. 272—309) печатной записке инспектора артиллерии 10-й армии Сиверса, являющейся его отчетом о действии артиллерии 10-й армии в период операции 19—23 июля 1917 г.

Размещение артиллерии. Местные условия района расположения артиллерийских позиций были крайне разнообразны (см. схему 28). На правом фланге в районе Сморгонь, Сукневичи, Михневичи, Понизье, Сутково местность совершенно открытая, далее к югу — пересеченная, покрытая лесами, сильно вырубленными зимою 1916/17 г., несмотря на неоднократные запрещения.

В зависимости от условий местности размещение всей легкой артиллерии ближе к передовым линиям неприятельского расположения было невозможно. Удаление легкой артиллерии от передовых неприятельских окопов в процентном отношении было следующее:

Участки корпусов	Более 3 км	Около 3 км	Более 2 км	Около 2 км	Менее 2 км
2-го Кавказского (20-го)	29	48	23	—	—
1-го Сибирского	5	30	40	—	25
38-го армейского	7	11	52	11	19
Для всего участка прорыва	19	22	40	4	15

Легкие (пушечные и гаубичные) батареи, выдвинутые вперед, устраивали над орудиями прочные навесы.

В зависимости от задач и начертаний укрепленных линий противника позиции для батарей намечались так, чтобы иметь возможность вести фланговый или косой огонь. Наибольшее число таких позиций было в 1-м Сибирском корпусе. Во 2-м Кавказском корпусе возможность вести косой или фланговый огонь парализовалась дальностью до противника.

Наблюдательные пункты выбирались весьма тщательно с тем, чтобы они удовлетворяли по возможности всем предъявляемым к ним требованиям и в первую очередь давали хороший широкий кругозор не только фронтальный, но и в стороны на случай ведения фланкового или косоприцельного огня.

Оборудование позиций шло крайне медленно, особенно до половины мая, за недостатком лесного материала и рабочих рук. Доставка материалов задерживалась, так как весною по скверным грунтовым дорогам возить на лошадях, да еще часто при полном отсутствии фуража, было невозможно, а узкоколейная паровая железная дорога была закончена постройкой лишь накануне начала операции. За отсутствием бензина автомобильное движение сначала сократилось, а затем и вовсе приостановилось на 2—3 недели.

Работы по оборудованию позиций производились самими батареями и распоряжением корпусных инженеров и инженера армии. Рабочие команды и команды от пехоты прибывали на работы с опозданием или вовсе не являлись. Работали небрежно и обыкновенно, проработав 2—3 часа, самовольно уходили.

Крайняя медленность работы по оборудованию позиций характеризуется постепенностью увеличения вполне закрченных оборудованием артиллерийских позиций, которая показана ниже в процентном отношении:

	К 10 мая	К 28 мая	К 12 июня	К 27 июня
2-й Кавказский корпус	38	50	62	62
1-й Сибирский корпус	56	68	86	86
38-й армейский корпус	47	62	74	90

Оборудование остальных позиций — 38% 2-го Кавказского, 14% 1-го Сибирского, 10% 38-го корпуса — к началу июля еще не было закончено.

Для установки 305-мм гаубиц была построена железнодорожная ветка широкой колеи с тупиком около 3 км до батареи, расположенной к северо-западу от м. Лоск. Постройка этой ветки, начатая в конце февраля, была закончена в конце июня.

Воздухоплавательные и авиационные средства. Каждому ударному корпусу придано было по 2 привязных аэростата; один аэростат обслуживал 305-мм батареи.

Авиационные отряды приданы были штабам корпусов: 1-й Сибирский авиаотряд при 2-м Кавказском корпусе, Гренадерский авиаотряд при 1-м Сибирском корпусе и 34-й авиаотряд при 38-м корпусе. Из приданных авиаотрядов выделялись самолеты для корректирования стрельбы артиллерии. Самолеты эти работали по указаниям начальников противоартиллерийских групп и под руководством инспекторов артиллерии.

Противосамолетные средства. Для борьбы с неприятельскими самолетами корпусам приданы были специальные батареи для стрельбы по воздушному флоту (по большей части из приспособленных 76-мм пушек на неподвижных установках); 2-му Кавказскому корпусу приданы были 51-я, 52-я и 113-я штатные батареи для стрельбы по воздушному флоту и две нештатные такие же батареи, 1-му Сибирскому корпусу — одна 115-я штатная и две нештатные батареи и 38-му корпусу — 117-я, 118-я и 119-я штатные и две нештатные батареи.

Из числа указанных батарей для охраны артиллерийских складов от воздушного нападения назначено было три батареи: а) артиллерийского склада у ст. Пруды (батарея от 2-го Кавказского корпуса), б) у ст. Полочаны (от 38-го корпуса), в) артиллерийского склада местных парков и железнодорожного разъезда 646-й версты (от 38-го корпуса), г) артиллерийского склада и блок-поста 654-й версты железной дороги (от 38-го корпуса).

Остальные десять батарей для стрельбы по воздушному флоту располагались на фронте корпусов. Таким образом, 40 орудий оставалось для противовоздушной обороны на фронте трех корпусов и 12 орудий назначено было для охраны от воздушного нападения артиллерийских складов и железнодорожных станций в четырех разных пунктах.

Кроме того, перед началом операции прибыли еще 98-я и 101-я штатные батареи для стрельбы по воздушному флоту (8 орудий), которые были назначены для охраны от неприятельской авиации позиций артиллерии крупных калибров.

Обеспечение боеприпасами и организация боепитания. Сплошное разрушение всех неприятельских окопов требовало или: а) увеличения числа орудий, что было невыполнимо, или б) отпуска достаточно большого количества снарядов, что вызывало необходимость увеличения числа дней артиллерийской подготовки, нецелесообразность чего очевидна.

Согласно ст. 71 «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», ч. II, изд. 1917 г., следует, исчисляя расход снарядов, соразмерять задачу с имеющимися средствами и при исчислении расхода снарядов для разрушения окопов руководствоваться не общим протяжением линий окопов, а лишь суммой участков, назначенных к разрушению; в противном случае «приходят к неисполнимо большим требованиям на снаряды».

Примером чрезмерно преувеличенного требования на снаряды при наличном числе орудий в 38-м корпусе, не согласованного ни с задачей разрушения, ни с намеченным числом дней артиллерийской подготовки, ни со средствами, могут служить следующие данные:

Название снарядов по калибрам	Число снарядов	
	по требованию 38-го корпуса	намеченных к отпуску Фронтом
76-мм легких	529 000	346 000
122-мм гаубичных	81 000	30 000
52-мм гаубичных и пушечных	105 000	52 000
107-мм пушечных	42 000	24 000

Командованием Западного фронта намечено было для осуществления операции для всех имеющихся калибров следующее количество снарядов к отпуску, сверх возимого запаса, руководствуясь «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы», приложение VII: 4-дневная норма расхода, назначенного «Наставлением» на орудие на день подготовки атаки и самой атаки, 2-дневная норма для развития успеха и 7-дневная норма на дальнейшие дни преследования противника.

По расчетам штаба 10-й армии в корпуса были переданы, сверх возимого запаса, снаряды 4-дневной нормы, в армейских складах и в местных парках была сосредоточена 2-дневная норма снарядов, а снаряды 7-дневной нормы намечалось подвозить по железным дорогам, пополняя ими расход снарядов в корпусах.

Ниже в таблице показано число снарядов, назначенных и полученных на операцию 10-й армии. К началу операции почти все снаряды были получены; недоставало только: около 1 000 снарядов 122-мм

Таблица Г

Число снарядов полевой легкой и полевой тяжелой артиллерии, назначенных и полученных на операцию 10-й армии

Название снарядов	2-й Кавказский корпус		1-й Сибирский корпус		38-й корпус		Армейские склады: 1) ст. Пруды, 2) разъезд 646-й версты		7-дневный запас подвозом с первого дня операции
	назначен комплект + 4-дневн. норма в корпусн. склад	получено	назначен комплект + 4-дневн. норма в корпусн. склад	получено	назначен комплект + 4-дневн. норма в корпусн. склад	получено	назначена 2-дневная норма	получено	
76-мм легких	180 000	216 300	171 300	172 800	231 300	271 000	204 000	378 600	143 000
76-мм химических	30 000	29 100	30 000	23 500	50 000	47 000	—	3 800	—
114-мм гаубичных	13 700	12 500	—	—	—	—	3 000	4 200	2 100
122-мм гаубичных	11 800	13 500	11 800	12 300	23 600	21 400	12 000	10 100	8 400
152-мм крепостных гаубичных	15 500	16 100	24 800	25 200	6 200	6 100	15 000	16 100	5 100
152-мм полевых гаубичных	15 500	15 200	9 300	9 200	12 400	14 100	12 000	10 600	4 100
152-мм пушечных в 120 пуд.	6 000	7 500	6 000	6 000	14 900	18 900	9 000	18 500	3 100
152-мм пушечных в 200 пуд.	6 000	4 600	3 000	1 700	3 000	3 200	4 000	1 400	1 400
107-мм пушечных	17 900	14 100	14 300	12 600	17 900	17 800	14 000	17 600	5 900

Примечание. Значительный излишек 76-мм легких снарядов в армейских складах составлял запас для легких батарей 3-го и 10-го корпусов и для армейского резерва.

гаубичных, около 5 000 для 152-мм пушек в 200 пуд. и около 2 000 снарядов для 107-мм пушек. Батареи ТАОН были снабжены вообще очень ограниченным количеством снарядов; например, для 305-мм гаубиц приходилось всего по 100 выстрелов на орудие.

Возимый запас (боевой комплект) боеприпасов находился полностью в передках и зарядных ящиках батарей и полевых парков; из числа отпущенных, сверх возимого запаса, половина 4-дневного запаса была при батареях в особых погребках, большею частью блиндированных, другая половина в корпусных складах — для 2-го Кавказского корпуса на ст. Пруды, для 1-го Сибирского — Угляны, для 38-го корпуса — в лесу севернее м. Лоск. Корпусные огнесклады 1-го Сибирского и 38-го корпусов не были использованы, так как к ним не проложили ни узкоколейных, ни ширококолейных железных дорог, ни даже грунтовых.

Поэтому в 1-м Сибирском корпусе устроили ряд небольших огнескладов вдоль магистрали узкоколейной железной дороги, а в 38-м корпусе был сохранен прежний склад возле блок-поста 654-й версты Полочанской ветки железной дороги, всем артиллерийским частям хорошо известный, хотя и находившийся вне района расположения корпуса.

Армейский запас снарядов находился в местных парках: 14-й мортирный местный парк на ст. Пруды, 98-й легкий местный парк на разъезде 646-й версты Полочанской железнодорожной ветки, а также в армейских складах боеприпасов, устроенных вблизи местных парков.

Питание снарядами производилось из корпусных складов распоряжением инаркоров; подача боеприпасов с тыла и из армейских запасов происходила распоряжением заведывающего артиллерийской частью штаба армии.

В деле питания артиллерии боеприпасами обнаружены были самими исполнителями следующие недочеты: для равномерной работы нужно подавать одновременно снаряды разных калибров, а не легких вначале, потом тяжелых; снаряды к орудиям обр. 1877 г. оказывались нередко негодными, их приходилось возвращать для замены; необходим некоторый процент излишка зарядов к орудиям с раздельным заряжанием, так как заряды портятся, отсыревают и уничтожаются неприятельскими снарядами; нужен запас вытяжных трубок; заводская укупорка не предохраняет от сырости, с трудом вскрывается, а при спешной работе разбивается, железная обивка ранит руки и портит одежду.

Организация исправления и замены материальной части. Идея приближения к войскам запаса орудий и материальной части, возникшая на Западном русском фронте еще в начале 1916 г., была отклонена весною того же года. Но в период подготовки операции 10-й армии идея эта была осуществлена.

Заведующий артиллерийской частью 10-й армии (Зач) устроил починочные артиллерийские мастерские у разъезда 646-й версты Полочанской железнодорожной ветки для исправления повреждений материальной части, не требующих арсенального ремонта, и при них

образовал небольшой запас орудий разных калибров с материальной частью, причем на время операции запас этот был несколько увеличен.

В этом запасе сосредоточены были следующие орудия: 76-мм легких пушек — 71, легких 122-мм гаубиц — 24 и 114-мм гаубиц — 1, крепостных 152-мм гаубиц — 2 и полевых 152-мм гаубиц — 6, тяжелых 152-мм пушек в 120 пуд.— 13, полевых тяжелых 107-мм пушек скорострельных — 6 и прежнего образца 1877 г.— 4, всего 127 орудий. Кроме того, для исправления материальной части в Великое Село (в 4 км к югу от местечка Лебедево) имелась 1-я починочная мастерская Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза.

ПРИКАЗ 10-Й АРМИИ О НАСТУПЛЕНИИ

В местечке Молодечно 1 июля 1917 г. издан был приказ 10-й армии о наступлении, который сводился к следующему (см. схемы 27 и 28):

1. Части 10-й и 12-й армий противника занимают укрепленную позицию по линии озера Нароч, деревни Новоспасское, местечек Крево, Геверишки, Делятичи, Барановичи.

2. На армии Западного фронта возложена задача нанести противнику удар в общем направлении на Вильно.

10-й армии приказано нанести главный удар, атакуя противника на фронте Гравеновичи, Геверишки, имея первоначальной целью овладение линией Солы, Жуйраны, Ошмяны, Граужишки.

2-й и 3-й армиям приказано всеми средствами содействовать наступлению 10-й армии и по мере развития успеха перейти в наступление в общем направлении на Вильно и Сломим.

3. Во исполнение поставленной задачи командующий 10-й армией решил нанести противнику главный удар на участке Сутковского и Новоспасского лесов с дальнейшим развитием главного удара в направлении на лес, что между деревнями Глинная и Базары.

4. Ближайшей задачей командарм поставил выйти тремя ударными корпусами (2-му Кавказскому, 1-му Сибирскому и 38-му) на линию р. Оксна (см. схему 29), деревни Глинная, Асаны, западная опушка Богушинского леса, Попелевичи, Чухны.

Для дальнейшего наступления с целью овладения линией Солы, Жуйраны, Граужишки указания предполагалось дать дополнительно.

5. Корпусам — задачи:

а) Кавказскому — атаковать участок Гавеновичи, Новоспасское, с целью овладеть массивом с Сутковским лесом и развития в дальнейшем действий для закрепления на линии р. Оксна до Глинная;

б) 1-му Сибирскому — атаковать участок от Новоспасское до северной окраины Крево, с целью овладения Новоспасским и Богушинским лесами и группою лесов к западу от первого и к северу от второго и закрепления на линии Глинная, Асаны (включительно);

в) 38-му — атаковать участок Крево, Чухны (включительно), с целью захвата Кревского массива и леса к западу от него и закрепления на линии Асаны (исключительно), Попелевичи (включительно);

г) 3-му — оборонять участок от Геверишки включительно до высоты в 1½ верстах юго-восточнее деревни Бор включительно, содействуя наступлению 38-го корпуса, сосредоточив артиллерийский огонь по батареям противника, группирующимся в районах деревень Вишневка, Ордаши, Куты, и имея корпусный резерв (три полка 73-й пех. дивизии) на правом берегу р. Березины. В дальнейшем корпус должен был принять участие в общем наступлении на линию Солы, Ошмяны, Граужишки [1].

6. Главной первоначальной целью действий 2-го Кавказского и 1-го Сибирского корпусов было поставлено овладение Сутковским и Новоспасским лесами, для чего все усилия и особенно артиллерийский огонь предлагалось направить так, чтобы обеспечить главный удар именно на этом участке.

Затем в приказе указывались: разграничительные линии между корпусами; расположение резервов — 81-я пех. дивизия в районе деревень Сивица, Горбачи, Нелидки, Яковичи, 169-я пех. дивизия в районе Копаное Болото, Косариха, Клин, Угляны, Редьки, сводный казачий корпус — для Сибирской казачьей дивизии район Заброзье, Куценята, Кражин, Августово, Дайнова, для бригады 2-й Туркестанской казачьей дивизии Красное Сомали, Тригузи и по одному полку той же дивизии в районе Шиково и Борковщина [2].

«Время начала арт. подготовки и час атаки — дополнительно»,— так указывалось в приказе.

Приказ был составлен, как вообще составлялись боевые приказы русского командования того времени, по схеме, приложенной к «Уставу полевой службы», утвержденному 27 апреля 1912 г. (приложение XIV), и согласно ст. 556 того же устава. В приказе 10-й армии указывается общая задача, поставленная всему Западному русскому фронту, а для 10-й армии ставится не только общая цель ее действий, но эта цель довольно подробно и откровенно развивается указаниями, что армия будет наносить «главный удар» на фронте противника Гавеновичи, Геверишки, что во исполнение поставленной задачи командующий армией решил нанести противнику «главный удар на участке Сутковского и Новоспасского лесов с дальнейшим развитием главного удара в направлении на лес, что между деревнями Глинная и Базары», указываются ближайшие задачи корпусам, опять подтверждается, что все усилия 1-го Сибирского и 2-го Кавказского корпусов должны быть направлены к обеспечению «главного удара» именно на участок Сутковского и Новоспасского лесов.

Подобная формулировка боевого приказа 10-й армии крайне нецелесообразна. Задачу высшего соединения, в данном случае задачу всех армий русского Западного фронта, не следовало указывать, хотя бы и в общих выражениях, в приказе по армии. В этом приказе можно было указать общую цель действий только 10-й армии, отнюдь не развивая задачу в подробностях и не подчеркивая, что армия будет

[1] Бор и Вишневка — вне района, показанного на схеме 28. Бор — к югу от Кривен, а Вишневка — на юго-запад от Ордаши.

[2] Все пункты, указанные для Сибирской казачьей дивизии, а также Красное Сомали и Тригузи на схеме 28 не показаны, так как они восточнее обреза схемы.

наносить «главный удар» в направлении на Гавеновичи, Геверишки и что командующий армией решил нанести «главный удар» 1-м Сибирским и 2-м Кавказским корпусами на участок Новоспасского и Сутковского лесов. О задаче фронта и о направлении главного удара можно было ориентировать, отдельно от приказа, лишь строго ограниченное число лиц, непосредственно подчиненных командующему армией. Указание же этих важнейших данных весьма секретного характера в письменном приказе облегчало осведомление о них шпионов противника, не говоря уже о том, что и свои войска не проявят должной наступательной энергии, если они будут знать из приказа своего командования, что на них возлагается задача второстепенного характера, а не нанесение «главного удара».

В данном случае 38-й корпус, хотя и названный в приказе «ударным», знал из приказа, что поставленная ему цель захвата Кревского массива и леса к западу от него не является важнейшей и что целью, обеспечивающей успех «главного удара», является овладение Сутковским и Новоспасским лесами 2-м Кавказским и 1-м Сибирским корпусами.

Что же касается 3-го армейского корпуса, то приказом по 10-й армии на этот корпус возложена была пассивная задача — оборонять участок от дв. Геверишки до высоты в 1½ верстах к юго-востоку от Бор, но в приказе сделана была оговорка: «содействуя наступлению 38-го корпуса, сосредоточив артиллерийский огонь по батареям противника», расположенным у Вишневка, Ордаши, Куты. Оговорка эта указывает на то, что 3-му корпусу ставилась рядом с пассивной и активная задача — содействовать наступлению 38-го корпуса — и что, по мнению командарма 10-й, эта активная задача могла быть выполнена сосредоточением артиллерийского огня по неприятельским батареям. Впоследствии задача артиллерии 3-го корпуса была расширена и уточнена. Командарм 10-й, в развитие своего приказа 1 июля, поставил этой артиллерии задачу: «разрушение неприятельских окопов на участке Луковая, дв. Геверишки, уничтожение фланговой обороны противника обстрелом северной опушки леса, что западнее ф. Неверишки, и борьба с артиллерией, расположенной в районе Куты, Конты»[1].

Цель действий 3-го армейского корпуса, поставленная приказом командующего 10-й армией, крайне неясна и неудачно формулирована. Повидимому, командующий армией имел в виду поставить 3-му корпусу задачу связать войска противника на второстепенном направлении, приковать на себе их внимание и тем облегчить наступление и атаку соседнего 38-го ударного корпуса. Таким образом, 3-й корпус являлся, как установлено современным Полевым уставом РККА, «сковывающей группой в наступательном боевом порядке»[2] и, следовательно, мог выполнить свою задачу, т. е. не позволить неприятелю сосредоточить усилия против ударного 38-го корпуса, только путем решительных частных атак противника на заданном, хотя и второсте-

[1] Ввиду второстепенного назначения 3-го армейского корпуса действия артиллерии этого корпуса не рассматриваются в этом труде (а также не указаны некоторые пункты на схемах).

[2] «Временный полевой устав РККА ПУ-36», § 109.

пенном направлении, а не путем обороны на занимаемой корпусом позиции, хотя бы и при самых активных действиях одной своей артиллерии. Артиллерийский огонь, не сопровождаемый наступлением пехоты, не может привести к решительным результатам; в равной мере не может служить для противника указателем направления атаки ударной группы.

Приказами по 10-й армии ставилась определенная задача только артиллерии 3-го корпуса; в приказе 1 июля подчеркивалось только, что огонь артиллерии 2-го Кавказского и 1-го Сибирского корпусов должен быть так направлен, чтобы обеспечить главный удар на участок Сутковского и Новоспасского лесов.

Артиллерия 10-й армии была распределена между дивизиями и корпусами; особой артиллерии, не вошедшей в состав боевых участков, образовано не было (см. выше — «Организация управления артиллерией»), а потому и о задаче такой артиллерии в приказе по армии не упоминалось (ст. 556 «Устава полевой службы», изд. 1912 г.).

В дополнение основного приказа (1 июля) командующий 10-й армией приказал командирам корпусов 1-го Сибирского, 2-го Кавказского и 38-го артиллерийскую подготовку закончить в двое суток с небольшой частью третьих, а пробивание проходов в проволочных заграждениях закончить к вечеру вторых суток.

Задачи артиллерии ударных корпусов

Согласно «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», которым руководствовались при разработке плана действий артиллерии 10-й армии, «ширина участка главного удара должна соответствовать силам артиллерии, сосредоточенной для подготовки»[1]. Следовательно, если ширина участка главного удара определена заранее, то необходимо было дать армии соразмерные артиллерийские средства. Между тем количество артиллерии 10-й армии совершенно не соответствовало ни значительному протяжению участка (около 20 км), намеченному для атаки, ни силе укреплений противника. Кроме того, начальники дивизий, учитывая создавшееся настроение пехоты, вообще не желавшей продолжать войну, требовали для обеспечения успеха операции «сплошное разрушение всех окопов» противника.

С поставленной задачей нельзя было справиться с наличными артиллерийскими средствами, но нельзя было рассчитывать и на получение достаточного количества артиллерии. Необходимо было выделить наиболее важные участки, которые следовало разрушить полностью, другие — которые следовало завалить, а также такие, которые возможно было лишь расстроить.

Командиры корпусов и инспекторы артиллерии корпусов — все требовали увеличения артиллерийских средств (в 1-м Сибирском корпусе «по крайней мере вдвое») или при наличных средствах требо-

[1] «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», ч. II, Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы, изд. 2-е, 1917 г., стр. 20.

вали увеличения продолжительности артиллерийской подготовки — для 1-го Сибирского и 2-го Кавказского корпусов до 5 и для 38-го корпуса до 6—7 дней.

На совещании в штабе 10-й армии 13 июня командующий армией указал, что такого количества артиллерии, какое обещано придать армии, еще не было ни при одной операции, что на дальнейшее увеличение количества артиллерии нельзя рассчитывать и необходимо строго ограничить то, что требуется разрушить, от того, что следует расстроить, и в зависимости от этого назначить каждой батарее определенную задачу. На том же совещании командующий армией указал, что артиллерийскую подготовку нужно закончить в 2½ дня.

В результате упорной, трудной работы, потребовавшейся для согласования предъявленных артиллерии требований с назначенными средствами и продолжительностью подготовки, указаны были следующие задачи в разработанных планах действий артиллерии.

В период артиллерийской подготовки. Легким батареям, подчиненным начальникам дивизий, прочищать проходы в проволочных заграждениях, обстреливать преимущественно химическими снарядами живые цели и наблюдательные пункты противника. Тяжелым батареям разрушать фланкирующие сооружения, окопы в районе пробиваемых проходов на протяжении примерно около 40 м, прочные постройки и блиндажи, гнезда пулеметов и траншейной артиллерии, а также заваливать остатки участков окопов, узлов, ходов сообщения и наблюдательных пунктов, обнаруженных в районе первой полосы укреплений противника.

В период атаки. Легким батареям сосредоточить огонь на окопах противника и затем, по мере продвижения пехоты, медленно сдвигать огонь вперед. Тяжелым батареям перенести огонь на намеченные участки в тыловом районе и во второй укрепленной полосе.

В период закрепления. Легкой артиллерии вести заградительный огонь. Тяжелой — частью разрушать неразрушенные укрепления, узлы сопротивления и опорные пункты, продолжать разрушение окопов второй полосы, частью же уплотнять заградительный огонь легких батарей.

Было обращено внимание на то, что в этот период существенное значение имеет выдвижение вперед наблюдателей, устройство новых передовых наблюдательных пунктов на занятых участках и организация прочной связи.

В планах артиллерии корпусов и дивизий всем батареям были намечены вполне определенные и немногочисленные задачи, комбинированные так, чтобы батареям не приходилось делать больших боковых переносов огня.

В эту операцию было проведено выделение в корпусах специальных артиллерийских групп для борьбы с артиллерией противника. В противоартиллерийские группы назначены были часть легких батарей и все тяжелые батареи типа 107-мм пушек; кроме того, во 2-м Кавказском и 38-м корпусах для борьбы с неприятельской артиллерией были назначены 152-мм батареи осадных пушек Шнейдера и 152-мм пушки в 200 пуд. Желательно было придать противоартилле-

рийским группам ещё 152-мм гаубицы, но этого нельзя было сделать, так как 152-мм гаубиц нехватало для разрушения окопов. Впрочем, в планах действия артиллерии корпусов намечена была передача нескольких 152-мм гаубичных батарей в противоартиллерийские группы с началом пехотной атаки.

На противоартиллерийские группы возложены были также задачи обстрела тылов неприятеля: места штабов, расположения резервов, складов, тыловых наблюдательных пунктов и привязных аэростатов. Эти задачи требовалось выполнить в начале артиллерийской подготовки.

На стыках корпусов и дивизий установлена была взаимная артиллерийская поддержка. Относительно помощи артиллерии на правом фланге всего участка атаки было сообщено инаркорам соседней, что на этом фланге, ввиду малочисленности оставшейся артиллерии 20-го корпуса, может быть организована лишь борьба с неприятельской артиллерией в районах Светляны и Минки [1], Осиновка, причем в отношении последнего участка русские батареи стояли на предельной дистанции, а более близких позиций не было. На левом фланге вся тяжелая артиллерия 3-го корпуса (одна батарея 152-мм пушек в 120 пуд. и две батареи 122-мм гаубиц) и часть легких батарей привлечены были к содействию 38-му корпусу (об этом упоминалось выше). Тяжелые батареи 3-го корпуса получили задачу разрушения неприятельских окопов на участке Луковые, Геверишки и совместно с легкими батареями уничтожения фланговой обороны противника со стороны леса к западу от Неверишки; на легкие батареи, кроме того, возложена была борьба с неприятельской артиллерией в районе Куты, Конты.

План действий артиллерии 1-го Сибирского корпуса. Для ознакомления приводятся данные действий артиллерии на фронте 1-го Сибирского корпуса. Распределение и подчинение артиллерии указаны выше в таблице В (стр. 396).

Расположение батарей и задачи артиллерии. На схеме 28 показано расположение всех батарей на фронте 1-го Сибирского корпуса. На схеме 29 показаны подробности расположения артиллерии на участке 51-й пех. дивизии, с указанием мест огневых позиций батарей, наблюдательных и командных пунктов.

В объяснительной записке к схеме, составленной в штабе 1-го Сибирского корпуса, указаны задачи, которые должна была выполнять артиллерия корпуса во все периоды операции, а именно:

I **период.** 1. Полное разрушение первой линии неприятельских окопов (цели III—XI включительно, XIII и XIV) — 60 орудий [2].

2. Полное разрушение части укреплений по восточной и юго-восточной опушкам Новоспасского леса (цели XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX), сомкнутого укрепления у отметки 124 (цель XXXI), части укрепления у «Еловой рощи» (цели XXX и XXXIII) — 18 орудий, из них 8 из решавших первую задачу.

[1] Светляны вне района, нанесенного на схемах 28 и 29. Минки показаны на схеме 29.

[2] На схемах 28 и 29 номера целей не показаны. На схеме 28 не показаны также некоторые пункты, названные в объяснительной записке.

3. Неполное разрушение (забивание) окопов первой линии у Новоспасское (цели I и II), опушки Новоспасского леса за Новоспасское (цель XXIII), ходов сообщения от Тынчинского выступа к Новоспасскому лесу, ходов сообщения от первой линии к «Еловой роще», сомкнутого укрепления юго-западнее «Еловой рощи» (XXXVII), окопов первой линии у Богуши (XII), сомкнутого укрепления восточнее Ермолино[1] (XXXIV), сомкнутого укрепления к югу от южной опушки Богушинского леса (XXXVI) — 38 орудий (из них 16 решавших первую задачу).

4. Заградительный огонь во время атаки по линии: от входящего угла у Новоспасское (II), юго-восточный угол Новоспасского леса, вдоль южной опушки этого леса до цели XXIX, на отметку 124, западнее сомкнутого укрепления (цель XXXVII), на угол опушки Богушинского леса восточнее Ермолино, вдоль опушки Богушинского леса на «Фердинандов Нос» (исключительно) — 58 тяжелых орудий (из числа решавших первую и третью задачи) и 48 легких орудий.

5. Обстрел (мелинитовыми гранатами и химическими снарядами) внутреннего пространства части Богушинского леса восточнее дв. Ермолино и юго-западной части Новоспасского леса — 16 тяжелых орудий (из числа решавших первую, вторую и третью задачи) и 12 легких орудий.

6. Обстрел южной опушки Богушинского леса и окопов у цели XIX — 8 орудий.

7. Борьба с неприятельской артиллерией — 32 орудия (из них 16 решавших первую задачу).

8. Проделывание проходов в заграждениях и обстрел живых целей — 64 легких орудия.

В отношении выполнения задач в плане действий артиллерии 1-го Сибирского корпуса были даны следующие указания.

Подготовка атаки первой полосы. Начало артиллерийской подготовки по сверенным часам в назначенный час.

Первое время — самая точная пристрелка, и поэтому скорость огня — около 3 минут выстрел.

В случае, если дым выстрелов будет мешать наблюдению отдельных батарей, очередь пристрелки устанавливается между батареями командирами дивизионов — каждым в своем дивизионе — или начальниками артиллерийских групп для батарей разных дивизионов.

Порядок разрушения там, где одна батарея будет иметь цели в разных линиях, установить такой: вся задача разбивается на ряд отдельных частных задач — такая-то бойница, такой-то блиндаж и т. д.; по окончании решения частных задач в одной линии решается соответствующая частная задача в другой линии. Ввиду того что на всем фронте будет работать много батарей и время решения отдельных частных задач у всех выйдет разное, все линии первой полосы будут обстреливаться одновременно; при этом противнику немыслимо будет подметить систему огня и тем уменьшить свои потери, а внимание артиллерийских командиров не будет рассредоточиваться одновременной стрельбой по разным линиям неприятельских окопов.

---

[1] Ермолино между Богуши и т. др. Мигули.

Для изучения произведенного разрушения, а также для осмотра материальной части и отдыха людям батареям давать отдых по одному часу.

II период. 1. Разрушение сооружений на восточной и южной опушках Новоспасского леса — 32 орудия.

2. Продольное обстреливание западной опушки того же леса от юго-западного угла до дв. Голодово[1] (включительно) — 16 орудий.

3. Разрушение линии окопов и сооружений от юго-западного угла Новоспасского леса через ф. Рогачев[2] и южнее — 24 орудия.

4. Разрушение укреплений у д. Мысса — 4 орудия.

5. Обстрел опушки Богушинского леса восточнее дв. Ермолино и Ермолинского укрепления — 12 тяжелых орудий.

6. Обстрел южной опушки Богушинского леса и разрушение квадратного укрепления (XXXVI) — 8 тяжелых и 6 легких орудий.

7. Борьба с артиллерией — 32 орудия (из них 12 из решавших первую, вторую и третью задачи).

8. Заградительный огонь по северной опушке Богушинского леса — 12 тяжелых и 24 легких орудия.

9. Заградительный огонь по южной опушке Богушинского леса — 12 тяжелых и 12 легких орудий.

10. Обстрел живых целей — 48 легких орудий.

III период. Переезд части дивизионной и корпусной артиллерии на новые позиции (по западной опушке Саковичского леса и западнее линии Саковичи, Сельце).

1. Разрушение укреплений у Михничи, ф. Михничи[3], Мысса и у высоты с отметкой 134,7 — 60 орудий.

2. Обстрел линии окопов от деревни Мыкса к г. дв. Мигули — 4 орудия.

3. Обстрел района у Олещонки — 2 орудия.

4. Заградительный огонь по северной опушке Богушинского леса, восточнее и западнее г. дв. Ермолино — 16 тяжелых и 24 легких орудия.

Заградительный огонь по южной опушке того же Богушинского леса — 8 тяжелых и 12 легких орудий.

5. Обстрел и разрушение сооружений по Мигульской укрепленной линии от Забазарского леса — 48 орудий (все из решавших первую задачу).

6. Обстрел д. Асаны и г. дв. Асаны (штаб бригады) — 4 орудия.

7. Борьба с артиллерией — 28 орудий (из них 12 решавших первую задачу).

8. Обстрел живых целей — 54 легких орудия.

9. Обстрел средней части Богушинского леса — 24 тяжелых и 18 легких орудий.

Указания артиллерии 38-го корпуса. В развитие плана действий артиллерии отдавались частные распоряжения, приказы и указания всеми артиллерийскими начальниками — инаркорами, командирами

[1] Глодово южнее Мысса.

[2] Ф. Рогачев у юго-западной опушки Новоспасского леса.

[3] Михничи и ф. Михничи восточнее Базары, у юго-западной опушки Новоспасского леса.

артиллерийских бригад, начальниками артиллерийских групп, командирами дивизионов, батарей и артиллерийских парков.

Приводим для примера выписку из приказа от 7 июля 1917 г. № 7 по артиллерии 38-го корпуса, не входящей в состав дивизий (по корпусной артиллерии, оставшейся в непосредственном подчинении инаркору Мальковскому, состоявшей из двух групп: противоартиллерийский — полк. Боголюбова и крупных калибров — полк. Барановича — см. таблицу В).

«...По приказанию командира корпуса указания на время операции:

1) Начальники арт. групп, пользуясь заранее выработанным планом действий артиллерии и сообразуясь с действительной обстановкой, накануне дня операции отдают подробный приказ по своей группе по форме Кирея.

2) Напоминаю, что пристрелять нужно каждое орудие в отдельности, для чего батарейный участок делится на орудийные. Пристрелка веером недопустима.

3) Во время подготовки вводить противника в обман: в точно указанное время батареи разрушения (тяжелые) переносят огонь на линию опорных пунктов, а легкие — дивизий — делают заградительный огонь по линии неприятельских окопов. Противник, принимая этот маневр за начало атаки, выйдет из убежищ и снова займет окопы. Через 15 минут все тяжелые и легкие батареи переносят свой огонь обратно для продолжения своих задач. Такие ложные переносы будут проделаны несколько раз.

4) Начало пристрелки, часы ложных переносов огня будут указаны мною. Распределение порядка пристрелки произведет начальник арт. группы. Время пристрелки батарей, находящихся в стыке групп, требует соглашения последних. После окончания пристрелки, с началом подготовки, в первый час не следует назначать более 10—15 выстрелов на орудие; во второй, третий и т. д. часы не более 30—40 выстрелов на орудие.

5) Огонь вести исключительно орудийный с возможно равными промежутками между выстрелами. Батарейные очереди и залпы недопустимы.

6) С началом атаки все батареи, назначенные для заградительного огня (завесы), открывают огонь, причем те из них, которые стреляют по пересеченным или закрытым местам, стреляют частым огнем; те батареи, которым даны открытые участки, ведут по ним редкий огонь, будучи ежесекундно готовыми перейти к беглому огню в случае появления цепи и колонны противника.

7) Стрельба химическими снарядами, если производится в короткий период времени, ведется интенсивно.

8) Начальникам арт. групп ежедневно не позже 24 часов сообщать суточный расход снарядов (каких и сколько), принять меры к своевременному пополнению с первого дня боя.

9) Начальникам групп соединиться со мною двойной связью.

10) Все арт. начальники должны следить с напряженным вниманием за полем, чтобы быть в состоянии оказать помощь не только ближайшим соседям, но и более удаленным.

11) Содержание приказа передать всем офицерам.

12) В каждой батарее назначить по одному ответственному счетчику снарядов».

В тот же день инспектор артиллерии 38-го корпуса Мальковский издал приказ по артиллерии корпуса о мерах «противогазовой» борьбы.

Применение минометов. Инспектор артиллерии 10-й армии 5 июля сообщил, что к использованию минометов встречаются препятствия: недостаток времени, отсутствие лесного материала, инертность и даже отказ от работы со стороны солдат пехоты, некомплект офицеров артиллерии для командования минометами.

Заключение полевого инспектора артиллерии. Ознакомившись с планом действий артиллерии двух корпусов 10-й армии, полевой инспектор артиллерии сообщил 10 июля 1917 г. инспектору артиллерии Западного фронта, что он считает необходимым обратить внимание инаркоров на следующее:

1. Необходимо принять меры к тому, чтобы направить огонь орудий крупного калибра (203-мм и выше) действительно по достойным целям. Надо использовать остающееся время для того, чтобы разыскать цели, недоступные для поражения меньшими калибрами. В тех случаях, когда крупным калибрам назначаются важные «укрепленные узлы», эти цели надо обязательно уточнить, определив всеми имеющимися средствами разведки, какие отдельные сооружения в этих узлах или опорных пунктах должны быть разрушаемы. Таким образом, крупнокалиберным гаубицам должны быть указаны совершенно определенные цели в границах известных важных районов (например, такой-то блокгауз на северном скате «желтого бугра»).

В борьбе с батареями противника надо иметь в виду, что для подавления огня пристрелянных нами неприятельских батарей важен, в общем случае, не калибр наших орудий, а их скорострельность.

Между тем в одном из артиллерийских планов батарее 152-мм крепостных гаубиц назначено стрелять в период атаки по четырем неприятельским батареям.

Следует точно определить, как будут вести огонь батареи, стреляющие химическими снарядами, и, ввиду малого опыта, имеющегося у нас в этой области, дать этим батареям определенные цифровые указания.

Особенное значение получает обстрел неприятельской батареи именно химическими снарядами, когда нет уверенности в том, что снаряды падают точно на самой батарее.

2. Крайне желательно использовать минометы в пределах их дальности для разрушения проволоки и по окопам, в чем они много помогут легкой и тяжелой артиллерии.

Минометы должны быть соединены в значительные группы под командой артиллерийских офицеров, которые подчиняются начальникам дивизионных артиллерийских групп разрушения. Так как на многих участках нет достаточного сближения нашей пехоты с противником, то нужно взять все минометы дивизий, стоящих далеко, и передать их туда, где действие их возможно.

Имея в виду, что установка минометов требует времени, надо минометы, еще остающиеся в удаленных от противника дивизиях, спешно притянуть к минометам, уже поставленным на позиции.

3. Чрезвычайно важно детально разработать последовательные положения завес заградительного (прикрывающего) огня при атаке. В особенности это важно сделать для того положения, которое пехота займет и на котором она будет закрепляться в ожидании артиллерийской подготовки укрепленных линий (полос), невидимых с прежних наблюдательных пунктов, а потому систематично до этого не разрушавшихся. В таком временно оборонительном положении надо не только прикрыть свои войска заградительной завесой артиллерийского огня, но и подготовить образование сильного сосредоточенного огня (для уплотнения этой завесы) на главных и наиболее опасных для нас направлениях вероятных контратак противника.

4. Следует подготовить план стрельб ночью, на которые у нас вообще не обращают должного внимания.

При составлении этого плана надо стремиться не дать противнику: а) исправлять разрушенные сооружения; б) производить всякого рода свободные передвижения в пределах досягаемости наших орудий; в) вообще не позволить противнику отдохнуть от артиллерийского огня ночью. Последние немецкие сообщения относительно ночных стрельб нашей артиллерии на Юго-западном фронте констатируют чрезмерное ослабление и недостаточную интенсивность нашего огня.

5. Непрерывная и напряженная работа батарей во время операции прорыва делает весьма желательным придание хотя бы по 25 человек на батарею (в качестве рабочей силы — для помощи при подноске снарядов) всем тем тяжелым батареям, для которых предвидится особо интенсивная напряженная деятельность.

Приведенные указания полевого инспектора артиллерии были приняты во внимание. В планы артиллерийских действий 10-й армии были внесены соответствующие поправки, и указанные меры были осуществлены, насколько это позволило время, остающееся до начала операции, и прочие возможности.

Выполнение операции

18 июля 1917 г. командующим 10-й армией получена была телеграмма главкозапа Деникина: «Приказываю завтра, 19 июля, приступить к выполнению намеченной операции и начать артиллерийскую подготовку атаки».

Того же 18 июля командарм 10-й отдал приказ № 7, которым предлагалось: «...19 июля с рассветом, в зависимости от видимости, начать артиллерийскую подготовку наступательной операции согласно приказу армии с. г. № 5...»

19 июля. Артиллерия в 5 час. утра открыла методический огонь, корректируя каждый выстрел, предварительно проверяя пристрелочные данные.

Батареи выполняли задачи, намеченные планами. Работа разрушения шла успешно, отчетливо были видны прямые попадания в окопы, блиндажи и ходы сообщения. Сильно повреждены были окопы первой и второй линий; частью были разрушены, частью завалены многие блиндажи и пулеметные гнезда как за окопами, так и в узлах сопротивления и позади них. Слабее было разрушение фланкирующих фасов.

При заваливании окопов обнаруживались новые блиндажи, пулеметные и минометные гнезда, вследствие чего приходилось увеличивать задачи некоторых батарей. В артиллерии 20-го корпуса (2-го Кавказского корпуса) выбыло из строя несколько 152-мм гаубиц, почему пришлось работу одних батарей передать другим.

Пробивание проходов в проволоке легкие батареи начали в разных участках в разное время.

В 38-м корпусе легкие батареи начали с обстрела Богушинского леса химическими снарядами.

К вечеру многие проходы были закончены, но в некоторых местах выполнить намеченное в полной мере не удалось. Те батареи 38-го корпуса, которые закончили пробивание по одному проходу в проволоке, пристреливались по окопам или по рубежам намеченного заградительного огня, а затем переходили к пробиванию вторых проходов.

Артиллерия 20-го корпуса в течение дня около 12 и 18 час. открывала заградительный огонь.

В 1-м Сибирском корпусе около 19 час. огонь тяжелой артиллерии был перенесен за вторую линию неприятельских окопов, и в это же время была выслана артиллерийская разведка с двумя пулеметами, которая дала ценные указания о произведенных разрушениях и открыла новые убежища противника.

В начале артиллерийской подготовки неприятельская артиллерия отвечала слабо, но затем огонь ее усилился, особенно на участке 20-го корпуса (артиллерия 2-го Кавказского корпуса), обстреливая наши окопы и некоторые наблюдательные пункты. После 12 час. на участке 1-го Сибирского корпуса систематически обстреливались те русские батареи, которые были известны противнику раньше. На участке 38-го корпуса неприятельский артиллерийский огонь был довольно пассивный; сильнее со стороны Куты, Ордаши обстреливались окопы и ходы сообщения.

Противоартиллерийские группы с утра обстреливали тыловые районы противника: наблюдательные пункты, штабы, резервы и другие цели. Затем, по мере усиления огня неприятельских батарей, переходили к борьбе с ними, заставляя их частью замолкать, частью вести огонь с перерывами. Батареи противника, укрытые бетонными постройками или упорно не замолкавшие, обстреливались химическими снарядами. В общем, русские батареи, особенно 38-го корпуса, довольно легко справились с неприятельской артиллерией.

Русские батареи заставили замолчать обнаруженную в Богушинском лесу неприятельскую 203-мм батарею, обстреливавшую позицию русской 305-мм батареи, расположенной на опушке леса к северо-западу от м. Лоск у железнодорожной ветки.

В артиллерии 1-го Сибирского корпуса, в группе разрушения, были выделены для борьбы с артиллерией две батареи, которые своим огнем заставили замолчать неприятельские батареи, после чего продолжали работу по разрушению окопов противника.

Несколько легких батарей противоартиллерийской группы обстреливали неприятельские минометы в окопах.

С темнотой, около 22—23 час., огонь русской артиллерии стал затихать. Всю ночь поддерживался редкий огонь — батареями разрушения по своим участкам, легкими батареями по сделанным проходам и окопам, чтобы противник не мог ночью восстановить разрушенное; батареи противоартиллерийских групп вели огонь по некоторым неприятельским батареям, деревням, опушкам лесов и по узкоколейным железнодорожным веткам, чтобы беспокоить противника, не давать ему возможности отдохнуть и передвигаться.

20 июля. Артиллерийская подготовка возобновилась между 4 и 6 час. утра. Батареи продолжали выполнение своих задач: окопы и ходы сообщений постепенно заваливались, разрушались видимые пулеметные и минометные гнезда, срывались надземные части блиндажей. Среди разрушенных окопов обнаруживались новые укрепленные постройки, как это было и в первый день подготовки — 19 июля.

Для разрушения более прочных укреплений огонь иногда массировался — до четырех батарей на том или ином одном участке неприятельской позиции.

По мере выполнения своих задач батареи получали новые задачи.

В 1-м Сибирском корпусе с успехом воспользовались огнем 120-мм пушек для разбрасывания рогаток, которыми противник успел забросать проходы, сделанные в проволочных заграждениях.

Как и 19 июля, в 20-м корпусе артиллерия (2-го Кавказского корпуса) в 12 и в 18 час. открывала заградительный огонь, каждый раз на 12 мин.; в 18 час. огонь тяжелых батарей сдвигался в глубь неприятельской позиции.

В 1-м Сибирском корпусе артиллерийский огонь был сдвинут с окопов вглубь в 12 час. и были высланы вперед артиллерийские разведчики для выяснения произведенных разрушений.

В 38-м корпусе артиллерийский огонь переносился на тылы противника несколько раз, приблизительно на 15 мин. каждый раз. Легкая артиллерия продолжала пробивать проходы в проволочных заграждениях.

Артиллерия противника вела довольно сильный огонь по окопам и по некоторым батареям 20-го корпуса. На фронте 1-го Сибирского и 38-го корпусов при сдвигании огня русских батарей в тыл расположения противника его артиллерия открывала заградительный огонь. За день боя 20 июля число действующих неприятельских батарей увеличилось, многие разделялись по-взводно и даже по-орудийно и становились на других, новых местах. Из Богушинского леса 203-мм батарея противника не стреляла. Появилась другая 203-мм батарея у деревни Базары и вела стрельбу по району 1-го Сибирского и 20-го корпусов; еще одна 203-мм неприятельская батарея, обнаруженная в районе Куты, Ордаши, фланкировала своим огнем

участок 38-го корпуса. Из района Олешонки 356- или 406-мм орудия выпустили несколько снарядов по 4-й батарее Кавказской гренадерской арт. бригады, занимавшей позицию у Сукневичи.

Противоартиллерийские группы своим огнем заставляли неприятельские батареи надолго прекращать огонь, но уничтожить их не удавалось. Ожившие батареи противника обстреливались сосредоточенным огнем нескольких батарей или химическими снарядами.

В 20-м корпусе батарея 152-мм пушек в 200 пуд., выполнив задачу по разрушению, была присоединена к противоартиллерийской группе. В 1-м Сибирском корпусе пять тяжелых батарей из группы Котовича назначались для стрельбы по неприятельским батареям и, заставив их замолчать после 3—4 батарейных очередей, возвращались к задаче разрушения окопов противника.

В ночь на 21 июля артиллерийский огонь поддерживался так же, как и в ночь на 20-е.

Ввиду того, что 20-го не все части пехоты заняли исходное положение, особенно в 20-м корпусе, а некоторые полки даже отказывались стать на позицию, главкозап еще в 12 час. дня решил продолжить артиллерийскую подготовку еще на один день 21 июля.

Методический огонь, какой преимущественно вела русская артиллерия в первые два дня артиллерийской подготовки, произвел, по-видимому, на главкозапа Деникина впечатление недостаточно интенсивного.

Еще в первый день подготовки 19 июля инспартзап телеграфировал инспектору артиллерии 10-й армии, что главкозап, наблюдая артиллерийскую подготовку, обратил внимание на следующее: «1) артиллерия противоартиллерийских групп в свободное от исполнения своей задачи время не в достаточной мере принимала участие в разрушении укреплений противника, между тем как это участие по тем целям противника, которые проглядываются с наблюдательных пунктов, обслуживающих противоартиллерийские батареи, даст значительно больший результат артиллерийской подготовки; 2) артиллерия разрушения ведет огонь лишь по известным намеченным узлам, а не по всей линии позиций, что уже отмечалось главкозапом и раньше при рассмотрении артиллерийского плана. Отмечая эти недочеты, главкозап приказал отдать теперь же необходимые распоряжения для устранения упомянутых недочетов; 3) все батареи должны быть в работе, вся первая полоса должна обстреливаться одновременно».

На другой день, 20 июля, главкозап Деникин телеграфировал командующим 10-й, 3-й и 2-й армиями и инспектору артиллерии Западного фронта Шихлинскому: «На всем ударном фронте армии артиллерийский огонь совершенно не достигает той интенсивности, с которой он должен вестись. Кроме разрушения, это весьма важно и по тому нравственному впечатлению, которое настоящий огонь произведет на наши войска и на врага».

Со своей стороны Шихлинский, в развитие этой телеграммы Деникина, сообщил инспектору артиллерии 10-й армии ген. Сиверсу следующее:

«Главкозап посетил один из корпусов и приказал ввести поправки в работе артиллерии: 1) ни одного молчащего орудия не должно быть;

каждая батарея, решившая главную свою задачу, должна получить второстепенную задачу по разрушению сооружений или по заваливанию окопов в промежутках между разрушенными участками; 2) одновременно вести разрушение в первой и во второй линиях; 3) огонь должен иметь характер сплошной обработки всей первой полосы, поэтому не забывать заваливания или расстройства окопов по всей линии; 4) если неприятельская артиллерия проявит себя слабо, то батареям противобатарейной группы нельзя молчать в выжидательном положении и им должны быть даны второстепенные задачи по окопам и ходам сообщений; 5) всю ночь вести огонь по разрушенным днем участкам достаточной силы, чтобы не дать противнику восстановить разрушенное и внести в его ряды беспокойство; 6) из тяжелых орудий особого назначения ночью не стрелять; цели, ими разрушенные, должны быть ночью под огнем особо назначенных батарей других калибров; 7) важнейшие пути в районе противника и его штабы держать ночью под редким огнем дальнобойных пушек; 8) часа за два до начала атаки огонь довести до высшего напряжения на всем фронте атаки; с движением же пехоты покрыть всю первую полосу огнем и бить ее до последней возможности, сдвигая огонь вперед только тогда, когда опасность для пехоты от своего огня станет очевидной».

Того же 20 июля инспартарм 10-й Сиверс, получив записку инспартзап Шихлинского, передал подчиненным ему артиллерийским начальникам распоряжение такого содержания: «...Главкозап лично наблюдал подготовку атаки в 38-м корпусе 19 июля. Ознакомившись с расходом снарядов в 38-м и 1-м Сибирском корпусах, главкозап пришел к заключению, что интенсивность огня была недостаточная. Личное его впечатление было таково, что под нашим огнем вчера противник сидел на многих участках спокойно, хотя и достигнуты намеченные разрушения.

Объявить к неуклонному руководству следующие требования главкозапа: 1) Использовать легкие батареи, свободные от пробивания проволоки, для покрывания атакуемого фронта и расстройства окопов и ходов сообщения не только во время атаки и непосредственно перед нею, но и теперь, в подготовительный период боя. 2) Полевые мортирные и тяжелые батареи, решившие свои прямые задачи, должны бить новые участки окопов между произведенными разрушениями. 3) Снарядов тяжелых батарей особого назначения тоже должно быть столько, чтобы их хватило на все дни операции. 4) Противобатарейные группы не держать в выжидательном положении, а бить пристрелянные батареи; при возможности часть их тоже временно направлять на окопы и ходы сообщения. 5) Ни одной молчащей батареи не должно быть. 6) Интенсивность огня должна быть такова, чтобы все время подготовки держать противника в тревожном состоянии и воодушевлять свои войска видимым эффектом и непрерывностью звуков от выстрелов и разрывов. Артиллеристам необходимо учитывать настроение обороняющегося и понять душу своей пехоты. 7) Нормы суточного расхода снарядов для полевых калибров в большинстве случаев дают требуемую интенсивность и непрерывность огня; необходимо лишь вести огонь равномерно всеми бата-

реями. Можно превзойти обычную норму снарядов: снаряды будут. 8) Обратить особое внимание на 2-ю и 3-ю линии позиций противника, так как преимущественно из этих линий будут встречать нашу атаку».

По поводу продления артиллерийской подготовки на 3-й день, 21 июля, в деле ЦВИА (№ 174—754, л. 611) имеется интересное заключение инспектора артиллерии Западного фронта Шихлинского, до некоторой степени опровергающее личное впечатление главкозапа о недостаточной интенсивности артиллерийского огня вообще и слабости огня в отношении поражения живой силы противника.

Шихлинский в своем заключении пишет: «Арт. подготовка была продлена на 3-й день (8 июля [1]) ввиду особых обстоятельств; по плану же операции предположено было атаковать ранним утром 8 июля. Двух дней арт. подготовки вполне достаточно, что подтверждается и опытом последней операции: несмотря на весьма неблагоприятную погоду 7 июля, за два дня (6 и 7 июля) все задания по разрушению были артиллерией выполнены. По показанию пленных, немцы понесли 8 июля большие потери от арт. огня: ясно, что закрытия были или уничтожены или расстроены в достаточной мере еще до 8 июля.

Желая получить такие же результаты в один день подготовки, пришлось бы увеличить количество тяжелых орудий, так как увеличение числа выстрелов на орудие расстроило бы материальную часть.

Личное мое убеждение: возможно было бы и при бывших средствах атаковать с успехом после однодневной подготовки — только при нормальном настроении пехоты».

Главкозап Деникин, требуя усиления интенсивности артиллерийского огня путем увеличения расхода снарядов, не желал считаться с тем, что злоупотребление скорострельностью орудий в связи с чрезмерным увеличением количества выстрелов, выпускаемых из артиллерийских орудий в сравнительно короткий срок, может привести в негодность материальную часть орудий. Это подтверждается, например, следующим приказом командира 1-го Сибирского корпуса от 20 июля начальникам дивизий 1-й, 2-й и 16-й Сибирских и начтакору 1-го Сибирского: «Приказываю всем легким батареям, окончившим делание проходов или не занятым этой задачей, обстреливать окопы первой линии и ходы сообщения от нее ко второй линии, а также и другие цели, которые им придется обстреливать во время атаки, с тем, чтобы совсем не было молчащих батарей и чтобы вся площадь окопов была поражаема. Означенная работа артиллерии, не считаясь с возможностью повреждения орудий [2] и другими причинами, категорически указана и главкозапом».

По окончании операции Ставка главковерха, как видно ниже, обратила внимание главкозапа на вред, наносимый материальной части артиллерии слишком скорой стрельбой.

21 июля. Огонь для продолжения артиллерийской подготовки был открыт между 5 и 7 час.

---

[1] Т. е. 21 июля по новому стилю.

[2] Подчеркнуто мною.—*Е. Б.*

Тяжелые батареи уширяли участки полного разрушения окопов. Там, где заваливание блиндажей и бетонированных гнезд шло менее успешно, в помощь к работающим батареям присоединялись другие, уже выполнившие свои основные задачи. Разрушение производилось одновременно во всех линиях первой укрепленной полосы противника, но неуверенность в достаточном разрушении во второй и третьей линиях, ввиду меньшей их видимости, заставила направлять 21 июля артиллерийский огонь главным образом на эти линии (участки).

Для обстрела обнаруженных новых целей несколько батарей 20-го корпуса (2-го Кавказского) переменили наблюдательные пункты.

Орудия крупного калибра, особенно 305-мм, которые вели огонь по самым прочным постройкам, производили сильные разрушения.

Заградительный огонь открывался на 12 мин. в одной группе артиллерии 20-го корпуса около 15 час., в другой — в 17 час.

В 1-м Сибирском корпусе в 9 час. выслана была артиллерийская разведка, выяснившая незаконченные разрушения и наличие многих минометов, места которых удалось обнаружить лишь поздно вечером по блеску их выстрелов.

В 38-м корпусе артиллерия, как это было и 20 июля, опять несколько раз переносила огонь на тыловые участки позиции противника. Легкая артиллерия расширяла и расчищала проделанные проходы в проволочных заграждениях и продолбывала добавочные проходы на некоторых участках. Там, где проходы пробивались близко друг к другу, получалось сплошное разрушение проволочных заграждений на протяжении 50—80 м. Отдельные удаленные друг от друга проходы были в 20—30 м. Проделыванию проходов помогали тяжелые снаряды, попадавшие в проволоку при стрельбе по первой линии окопов.

Легкие батареи одновременно проверяли пристрелочные данные заградительного огня и огня по рубежам.

Артиллерия 38-го корпуса неоднократно обстреливала химическими снарядами лес у Попелевичи.

Неприятельская артиллерия отвечала в этот день более энергично, чем в первый и второй дни. Особенно сильный огонь артиллерия противника сосредоточила в районе Сутковского монастыря и к югу по окопам западнее Саковичи, Танщина — к востоку от Богуши, а также по участку расположения 175-й пех. дивизии. Во время артиллерийской разведки и при переносах огня русской артиллерии неприятель открывал заградительный артиллерийский огонь. Около 19 час. на участке 38-го корпуса, а около 22 час. почти по всему фронту 20-го и 1-го Сибирского корпусов немцы открыли сильный (ураганный) артиллерийский огонь, продолжавшийся больше часу. К ночи артиллерийский огонь противника перешел в обыкновенную перестрелку.

В этот день также были обнаружены новые неприятельские батареи на неизвестных ранее позициях, по блеску выстрелов которых определялось место их расположения.

Уничтожить неприятельские батареи не удавалось, но многие из них, попадавшие под удачный огонь русской артиллерии, замолкали на продолжительный срок.

Наиболее сильный огонь неприятельская артиллерия направила на участок 1-го Сибирского корпуса; поэтому командующему артиллерийской группой разрушения полковнику Котовичу (см. таблицу В) приходилось часто отрывать свои батареи на помощь противоартиллерийской группе; помогала последней и соседняя противоартиллерийская группа 20-го (2-го Кавказского) корпуса.

Артиллерийская подготовка была закончена. Приказано было на следующий день, 22 июля, открыть артиллерийский огонь в 5 час. утра и затем в 7 час. штурмовать позиции противника.

Произведенные разрушения давали полную надежду на успех атаки. Проволочные заграждения во многих местах были уничтожены и имели чистые проходы, местами же были сметены целые полосы заграждений. Почти все окопы первой линии неприятельских укреплений, а во второй и третьей линиях значительная часть участков были совершенно разрушены; ходы сообщения между ними были завалены. Земляные и легкого типа постройки были также разрушены или засыпаны. Пулеметные гнезда и блиндажи приведены в негодное состояние.

Постройки бетонированные и покрытые рельсами и залитые бетоном, а также построенные минным способом с покрытием в несколько рядов толстых бревен, остались почти нетронутыми, но входы в них были завалены землей и обломками бревен.

Только орудия самого крупного калибра разрушали бетонированные убежища и только те, которые выдавались над землей.

Уцелевшими остались только такие укрепленные постройки, которые были отлично маскированы и совершенно не видны с наблюдательных пунктов.

22 июля. Русская артиллерия открыла огонь в 5—6 час. Тяжелые батареи обстреливали окопы, выгоняя оттуда немцев, скопившихся за ночь, и продолжали разрушение второй и третьей линий неприятельских укреплений.

Легкие батареи вели огонь также по окопам и по группам противника, уходившим из первой линии укреплений. Легкие батареи 38-го корпуса обстреливали химическими снарядами Богушинский и Попелевичский леса.

Батареи крупных калибров выполняли поставленные им задачи разрушения более прочных построек противника.

Около 7 час. тяжелые батареи перенесли огонь на тыловые участки неприятельского расположения, как указано было в планах действия артиллерии, а легкие батареи развили сильный огонь по окопам.

Пехота, со штурмующими частями впереди, перешла в атаку. Наиболее успешно наступление развивалось в 1-м Сибирском и 38-м корпусах. Части 20-го корпуса замялись и понесли наибольшие потери.

Неприятельская артиллерия встретила атаку слабым огнем и, только когда штурмующие части ворвались в окопы немцев, открыла заградительный огонь.

Через 15—20 мин. после начала атаки первая линия неприятельских окопов была взята войсками 1-го Сибирского корпуса, а пехота 38-го корпуса захватила костел и кладбище в м. Крево.

Русские батареи образовали подвижной огневой вал и сдвигали огонь перед своей наступавшей пехотой, укрывая ее дымом и пылью, поднимавшимися при разрывах снарядов.

Почти без потерь русской пехотой были взяты восточная и западная опушки Новоспасского леса, Богушинский бугор, Фердинандов Нос; пехота дошла до Попелевичского леса.

Одновременно с наступлением передовых штурмующих частей пехоты 38-го корпуса были высланы от батарей офицеры-наблюдатели и солдаты-разведчики, которые, установив связь с выславшими их командирами, давали ценные указания о ходе боя, своевременно сообщали о появлявшихся новых целях и корректировали стрельбу.

Противник вел редкий ружейный огонь; пулеметов осталось у него мало,— только случайно уцелевшие или вытащенные из разрушенных убежищ иногда оживали и обнаруживали себя своей характерной трескотней.

Захват Новоспасского леса и подход русской пехоты к Попелевичскому лесу заставили неприятельские батареи, стоявшие в этом районе, спешно сниматься и уходить с позиций,— некоторые германские батареи уходили на глазах атакующей русской пехоты.

Несколько неприятельских батарей, обстрелянных русской артиллерией во время подачи передков, остались на местах и были захвачены русской пехотой и артиллерийскими разведчиками, причем последние повернули некоторые захваченные орудия и стреляли из них по отступавшим немцам. Вывезти же к себе русским не удалось ни одного неприятельского орудия.

За день 22 июля 1-й Сибирский корпус прочно занял Новоспасский лес; к вечеру русская пехота окопалась на западной опушке этого леса. Участок позиции противника в районе Богушинского бугра переходил из рук в руки несколько раз. Фердинандов Нос, в начале атаки сразу занятый, пришлось очистить, вследствие накопления немцев на северной опушке Богушинского леса.

В 38-м корпусе части 62-й пех. дивизии, дошедшие до линии редутов, остановились и залегли вследствие флангового ружейного и пулеметного огня противника со стороны южной опушки Богушинского леса. Резерв одного из полков дивизии, проскочив залегшие передовые части, занял деревню Томасовка (на южной опушке Богушинского леса между Асаны и Попелевичи), но вскоре стал уходить назад под влиянием распространившегося неверного слуха об уходе назад соседней, 16-й стрелковой дивизии; лишь некоторые участки района Томасовка оставались в руках русских до вечера.

Части 11-й Сибирской и 175-й пех. дивизий, быстро овладев Кревскими укреплениями, а затем и редутами, дошли до Попелевичского леса и проникли на его западную опушку, несмотря на то, что католическое кладбище в Крево оставалось занятым немцами. Встреченные здесь сильным ружейным и пулеметным огнем, части 11-й Сибирской и 175-й дивизий вели бой до 12 час., а затем, не видя под-

держки, стали отходить сначала в немецкие окопы третьей линии, а к вечеру возвратились в свои окопы.

Части 69-й пех. дивизии, попав под фланговый огонь со стороны Ордаши, сразу приостановили наступление.

К ночи все части 38-го корпуса отошли и оказались в исходном положении. Предполагавшееся вечером возобновление атаки не состоялось.

В 20-м корпусе частям 51-й пех. дивизии удалось занять неприятельские окопы. Соседи ее справа и слева — 28-я и 29-я пех. дивизии — начали наступление значительно позже назначенного часа и, попав под сильный артиллерийский огонь противника, залегли у проволочных заграждений, а затем, не имея поддержки, стали отходить и к 10 час. были уже в своих окопах.

В течение дня части 20-го корпуса несколько раз пытались атаковать, неоднократно захватывали неприятельские окопы, но в общем разрозненные их действия успехом не увенчались.

Русские батареи весь день вели интенсивную стрельбу, образуя почти беспрерывно заградительный огонь — в начале для поддержки своей наступающей пехоты, а затем по ее требованию, как при появлении переходящих в атаку немцев, так и в ожидании их контратак.

Неоднократно они обстреливали живые цели противника и появляющиеся его пулеметы, а также вели стрельбу по неприятельской артиллерии, усиливая своим огнем противоартиллерийские группы.

Для непосредственной ближайшей поддержки пехоты выдвигались вперед: в 20-м корпусе один легкий взвод 76-мм пушек, в 1-м Сибирском корпусе три таких же взвода 2-й Сибирской арт. бригады и одна батарея 122-мм гаубиц, в 38-м корпусе два легких взвода 62-й арт. бригады.

Батареи противоартиллерийских групп вели стрельбу главным образом по тем батареям противника, которые открывали огонь по русской пехоте, препятствуя ее наступлению. Многие неприятельские батареи обстреливались химическими снарядами. Энергичной искусной работой противоартиллерийских групп было достигнуто значительное ослабление огня неприятельской артиллерии, причем во время обстрела замечено было несколько взрывов в районе расположения неприятельских батарей.

Сырость и мелкий дождь, шедший весь день, не дали возможности использовать зажигательные снаряды. От огня русской артиллерии загорелись только маска на одной из батарей противника и небольшой участок Новоспасского леса.

К ночи только Новоспасский лес остался в руках занимавших его частей 1-го Сибирского корпуса.

Ночью русская артиллерия стреляла редким огнем, открывая иногда по требованию пехоты заградительный огонь.

23 июля. Наступления в этот день не было. Операция захлебнулась. Краткое описание операции, составленное генквартом штаба 10-й армии, заканчивается словами: «Таким образом, несмотря на значительное превосходство наше в количестве войск и артиллерийских средств, несмотря на б л е с т я щ у ю артиллерийскую подготовку, операция успеха не имела».

Содействие авиации. Во все дни операции 1-й Сибирский и Гренадерский авиационные отряды, несмотря на неблагоприятные условия погоды и отсутствие достаточного числа охраняющих самолетов (истребителей), приносили посильную помощь русской артиллерии. Летчики указывали стреляющие батареи противника, сообщали поправки огня своим батареям и даже корректировали их стрельбу по некоторым целям.

Не вылетел для наблюдения и корректирования артиллерийской стрельбы лишь один русский 34-й авиационный отряд.

Убыль орудий. В таблице Д приведены сведения о числе орудий, состоявших и выбывших из строя во время операции 19—23 июля 1917 г. на фронте 10-й русской армии. Вследствие порчи материальной части от частой стрельбы, большого количества выпущенных выстрелов и от преждевременных разрывов снарядов в канале орудий, происходивших от недоброкачественности снарядов, пришло в негодность в общем большое число орудий. При этом, как видно из таблицы Д, наибольший процент пришедших в негодность дали 122-мм гаубицы (около 61%), несмотря на сравнительно небольшой их относительный заряд, а затем 152-мм орудия (от 28 до 50%).

Таблица Д

Сведения о числе состоявших и выбывших орудий во время операции 19—23 июля 1917 г.

Название орудий	К началу операции состояло	Во время операции убыло	Выбыло орудий в %
76-мм пушек	432	65	15,0
114-мм английских гаубиц	12	1	8,3
122-мм гаубиц	48	28	61,1
152-мм крепостных гаубиц	60	17	28,3
152-мм полевых гаубиц	48	18	37,5
152-мм пушек в 120 пуд.	36	12	33,3
152-мм пушек в 200 пуд.	16	5	31,2
152-мм пушек Шнейдера Б	6	3	50,0
152-мм английских гаубиц М	28	—	—
203-мм „ „ Г	10	2	20,0
234-мм „ „ Т	2	—	—
305-мм гаубиц В	6	1	16,6
107-мм пушек скорострельных	40	9	22,5
107-мм пушек обр. 1877 г.	16	3	12,5
120-мм пушек Е	24	1	4,0
Всего	784	165	21,0

Таким образом, за 5 дней операции артиллерия трех ударных корпусов 10-й армии в результате ведения интенсивного огня потеряла пятую часть всех своих орудий, хотя, как показано ниже в таблице З, в среднем ежедневный расход снарядов на орудие не превышал норм примерного расхода снарядов, указанных в «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» [1].

Это обстоятельство необходимо иметь в виду при составлении расчетов запаса орудий для пополнения их убыли.

Ставка главковерха (Упарт) обратила внимание главнокомандующих фронтами на большую убыль орудий вследствие злоупотребления их скорострельностью. Главкозап приказал «указать всем войсковым начальникам на вред для материальной части артиллерии, наносимый ей слишком скорой стрельбой, производимой часто по требованию начальников участков» (главкозап в своем приказе замалчивает, что такое требование исходило в первую очередь от него самого) и объявить к руководству следующую телеграмму наштаверха от 11 августа 1917 г.: «Во время операций текущего лета выбыло из строя от собственной стрельбы очень большое число орудий, в особенности среднего калибра. Главными причинами этого являются недостаточный уход за материальною частью, продолжительность огня и главным образом чрезмерная, недопустимая материальною частью, скорость огня. Прошу обратить на вышеуказанное обстоятельство внимание всех общевойсковых начальников, разъяснить, что для каждой системы существует определенная норма скорости стрельбы, нарушение которой совершенно недопустимо, ибо влечет за собой временное или даже окончательное расстройство материальной части, чем уменьшается боевая сила батарей и увеличивается работа заводов исправлением и затрудняется транспорт».

Расход снарядов. Данные о среднем расходе снарядов на орудие артиллерии ударных корпусов 10-й армии — отдельно за 3 дня артиллерийской подготовки 19, 20 и 21 июля и за 2 дня атаки 22 и 23 июля 1917 г. — приведены в таблицах Е, Ж и З.

Во всех трех этих таблицах расчеты составлены по штатному числу орудий, состоящих на вооружении батарей к началу операции, не принимая во внимание убыли орудий, показанной в таблице Д.

Из таблицы Е видно, что только в нескольких случаях расход снарядов на орудие во время артиллерийской подготовки превысил довольно значительно норму примерного расхода снарядов, установленную в ч. II «Наставления для борьбы за укрепленные полосы», изд. 1917 г. (приложение VII), а именно: 19 июля в 20-м корпусе для 152-мм пушек в 200 пуд. — 192 снаряда вместо 150, в 1-м Сибирском корпусе для 122-мм гаубиц — 226 вместо 175, для 152-мм английских гаубиц — 146 вместо 100; 20 июля в 20-м корпусе для 76-мм пушек — 317 вместо 250 и для 114-мм гаубиц — 221 вместо 175; 21 июля в том же 20-м корпусе для 122-мм гаубиц — 272 вместо 175.

---

[1] Ч. II, Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы. Изд. 1917 г., приложение VII.

Таблица Е

Расход снарядов на одно орудие за 3 дня артиллерийской подготовки операции на фронте ударных корпусов 10-й армии

Название снарядов	19 июля			20 июля			21 июля		
	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус
76-мм легких	144	85	209	282	230	211	175	255	225
76-мм химических	23	—	15	35	18	24	28	—	45
114-мм гаубичных	130	—	—	221	—	—	189	—	—
122-мм гаубичных	154	226	134	175	151	115	272	102	190
152-мм крепостных	175	104	113	132	133	121	108	117	161
152-мм полевых	135	131	132	111	112	144	99	142	138
152-мм в 120 пуд.	162	154	112	162	162	134	188	162	112
152-мм в 200 пуд.	192	141	56	101	91	105	22	118	41
152-мм Шнейдера	110	—	106	70	—	69	122	—	80
152-мм английских	27	146	1	42	110	41	43	92	42
203-мм гаубичных	12	62	9	48	58	19	105	55	17
234-мм „	—	—	66	—	—	53	—	—	50
305-мм „	24	42	26	36	48	34	2	13	25
107-мм пушечных	136	123	71	82	96	85	133	81	58
120-мм „	78	142	61	78	170	82	96	95	65

Более значительное превышение указанной нормы расхода снарядов на орудие замечается, как видно из таблицы Ж, в первый день атаки 22 июля, а именно: для 76-мм пушек вместо 250 снарядов в 20-м корпусе — 304, в 1-м Сибирском — 432 и в 38-м корпусе — 516 снарядов; для 114-мм гаубиц в 20-м корпусе — 269 снарядов вместо 125 и для 122-мм гаубиц в 38-м корпусе — 220 вместо 125; в 20-м корпусе для 107-мм пушек — 197 вместо 125; в 1-м Сибирском для 152-мм полевых гаубиц — 220 вместо 125 и для 107-мм пушек — 165 вместо 125; в 38-м корпусе для 152-мм гаубиц крепостных — 150 вместо 125 и полевых — 185 вместо 125, для 152-мм пушек в 120 пуд. — 166 вместо 125 и в 200 пуд. — 134 вместо 125, для 107-мм пушек — 179 снарядов вместо 125. Во второй день атаки, 23 июля, расход снарядов, как видно из таблицы Ж, был небольшой.

Таблица 2

Расход снарядов на одно орудие за 2 дня атаки на фронте ударных корпусов 10-й армии

Название снарядов	22 июля			23 июля		
	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус	20-й (2-й Кавказский) корпус	1-й Сибирский корпус	38-й корпус
76-мм легких	271	363	385	101	246	105
76-мм химических	33	69	131	7	4	5
114-мм гаубичных	269	—	—	92	—	—
122-мм „	144	144	220	25	70	49
152-мм крепостных гаубичных	136	135	150	28	56	84
152-мм полевых „	64	220	185	11	130	44
152-мм пушечных в 120 пуд.	101	105	166	103	111	51
152-мм „ в 200 пуд.	123	46	134	22	7	42
152-мм „ Шнейдера	79	—	114	—	—	3
152-мм английских гаубичных	29	43	49	13	18	16
203-мм гаубичных	27	19	12	—	—	—
234-мм „	—	—	33	—	—	—
305-мм „	17	14	5	—	—	—
107-мм пушечных	197	165	179	18	132	51
120-мм „	98	143	130	18	—	21

Таблица 3

Общий расход снарядов на одно орудие за операцию 19—23 июля 1917 г. на фронте 10-й армии

Название орудий	Число орудий	Артиллерийская подготовка					Атака		
		За 19-е	За 20-е	За 21-е	Дневная норма	Средний расход за 3 дня	За 22-е	За 23-е	Дневная норма
76-мм пушек	408	150	238	218	250	202	343	146	250
114-мм гаубиц	12	130	221	181	175	180	269	92	125
122-мм „	48	162	139	188	175	163	182	48	125
152-мм крепостных гаубиц	60	129	131	120	150	127	138	40	125
152-мм полевых гаубиц	48	133	122	123	150	126	143	52	125
152-мм пушек в 120 пуд.	36	133	146	140	150	140	151	74	125
152-мм пушек в 200 пуд.	16	145	99	60	150	101	107	23	125
152-мм пушек Шнейдера	6	107	70	94	100	90	102	—	100
152-мм английских гаубиц	28	53	50	60	100	54	38	15	100
203-мм гаубиц	10	42	48	57	75	49	20	—	20
234-мм „	2	66	53	50	75	56	33	—	20
305-мм „	6	31	39	13	—	28	12	—	—
107-мм пушек	56	109	87	91	150	96	182	63	125
120-мм „	24	94	110	85	150	96	124	13	125

Данные этой таблицы указывают на то, что средний общий расход снарядов за все 3 дня артиллерийской подготовки не превышал норму примерного дневного расхода, установленную «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г., и что средний расход снарядов в первый день атаки, 22 июля, превышал указанную норму, особенно для 76-мм пушек, для легких 114-мм и 122-мм гаубиц, для 107-мм пушек и для 152-мм пушек в 120 пуд.

Заключение о действиях артиллерии 10-й армии

1. Артиллерийские средства должны быть в полном соответствии с поставленной задачей; иначе говоря, задача должна быть соразмерена с теми предельными артиллерийскими средствами, какие возможно сосредоточить на данном участке операции.

Ко времени составления в штабе 10-й армии оперативных соображений по поводу задуманной операции в распоряжении армии имелись крайне ограниченные артиллерийские средства, недостаточные как ввиду обширности и важности намеченной операции, так и ввиду создавшихся после Февральской революции условий, неблагоприятных для боевых действий: проникновение в армейские массы сознания преступной бесцельности продолжения чуждой им губительной империалистической войны.

Увеличение артиллерийских средств происходило уже во время подготовительного периода, причем у армейского командования не имелось точных данных ни о числе, ни о калибрах прибывавших батарей до самого начала операции. Между тем заблаговременное прибытие артиллерийских частей для участия в операции имеет большое значение, так как запас времени необходим батареям, особенно крупных калибров, для надлежащего оборудования позиций, а командному составу — чтобы тщательно изучить задачи и цели, определить пристрелочные данные по важнейшим целям и пр.

2. Подготовительный период должен быть достаточно продолжительным; продолжительность его должна быть установлена заблаговременно.

В данном случае продолжительность около 4 мес. помогла артиллерии преодолеть все трудности, встретившиеся при исполнении предварительных работ в создавшихся неблагоприятных условиях. При нормальных условиях продолжительность подготовительного периода желательна вообще не менее 2 мес.

3. Управление. Объединение в бою управления всей артиллерии, легкой и тяжелой, работающей на участке каждой дивизии, в руках одного артиллерийского начальника принесло большую пользу. Работа артиллерии тесно связана с задачами дивизии; путем подчинения начальникам дивизий не только легкой артиллерии, но и тяжелых артиллерийских групп разрушения достигалась более прочная и близкая связь артиллерии с пехотой.

Во время подготовительного периода вся тяжелая артиллерия подчинялась инаркору, на обязанности которого лежало как распределение батарей соответственно задачам корпуса и дивизий, так и руководство всеми подготовительными работами артиллерии.

Для достижения полной планомерности в артиллерийской подготовке к операции крайне необходимо подчинить инаркорам, на время подготовительного периода, не только тяжелую, но и всю легкую артиллерию во всем, касающемся выполнения предстоящей операции.

4. Задачи корпусам и дивизиям должны быть поставлены общевойсковым командованием своевременно, имея в виду, что в зависимости от этих задач намечаются задачи артиллерии и соответственно этому распределяются и размещаются батареи.

Изменения деталей задач неизбежны, но существенные изменения вызывают необходимость перегруппировки. Если же задачи существенно изменяются, когда перегруппировки уже невозможны, то нарушается соответствие артиллерийских средств с задачами.

Задачи, назначенные для выполнения в период артиллерийской подготовки, должны быть немногочисленны, определенны и распределены так, чтобы переносы огня с одной цели на другую не требовали значительного поворота орудий.

Каждой батарее все задачи и порядок их выполнения должны быть точно указаны в плане действий артиллерии. Чем подробнее и точнее разработаны планы действий артиллерии и чем меньше отступлений будет при исполнении, тем успешнее будет артиллерийская работа разрушения.

Результаты артиллерийской подготовки показали, что количество артиллерии разрушения было достаточно. Все задачи разрушения были выполнены настолько удачно, что даже нестойкая русская пехота того времени заняла в короткий срок несколько укрепленных линий противника. Тем не менее чувствовалось отсутствие свободных батарей в руках начальников групп.

Для выполнения тех задач, которые выяснились во время боя и не могли быть предусмотрены заранее, а также для стрельбы по требованию пехоты, приходилось отрывать батареи, исполнявшие свои определенные указанные в плане задачи. Приходилось даже переносить наблюдательные пункты.

Необходимость иметь свободные батареи или, еще лучше, иметь резерв времени в батареях касается не только тяжелых, но и легких батарей.

Помощь соседей в смысле переноса работы батарей одной группы на другой (соседний) участок, при правильном и хорошо продуманном распределении задач, может быть лишь как редкое исключение. Помощь соседей на стыках дивизий и корпусов следует понимать в том, чтобы участки, представляющие значение, но находящиеся в районе другой дивизии (корпуса), непременно были включены в число задач разрушения у соседа.

Случаи наличия наблюдательных пунктов, с которых виден фронт атаки нескольких корпусов, встречаются редко, а потому создание армейской артиллерийской группы на большом фронте невозможно. Армейская артиллерийская группа может быть организована только для выполнения какой-либо специальной задачи (например, группы ген. Шихлинского на стыке 4-й и 10-й армий при подготовке весенней операции 1916 г. в районе Крево, Богушинский лес, имевшей задачей обеспечение операции армии со стороны Богушинского леса).

5. Борьба с неприятельской артиллерией. Опыт операции подтвердил несомненную пользу самостоятельных противоартиллерийских групп.

Выделение для этой цели специальных батарей дало возможность остальной артиллерии выполнять исключительно свои задачи. Так было в 20-м и в 38-м корпусах. В 1-м Сибирском корпусе противоартиллерийская группа оказалась недостаточно сильной; поэтому приходилось отрывать для борьбы с неприятельской артиллерией батареи группы разрушения, что неблагоприятно отразилось на успешности разрушения, и только продление артиллерийской подготовки на третий день помогло группе разрушения выполнить намеченные задачи.

В противоартиллерийских группах действовали легкие 76-мм батареи (преимущественно химическими снарядами), полевые тяжелые 107-мм и тяжелые осадные 152-мм (пушки Шнейдера и в 200 пуд.). По плану предполагалось, что по окончании артиллерийской подготовки часть 152-мм гаубичных батарей будет передана в противоартиллерийские группы, но это не удалось, так как многие орудия групп разрушения выбыли из строя, а остальные должны были разрушать цели, обнаруженные во время боя, и участвовать в заградительном огне.

Рассчитывать на успех в борьбе с неприятельской артиллерией возможно, только детально изучив места батарей противника и незанятых ими позиций, а также пристреляв по ним свои батареи.

Разведка неприятельской артиллерии (служба наблюдения) должна вестись не только перед операцией, хотя бы и заблаговременно, но и во все время, непрерывно. Для этой службы необходимо использовать все средства, особенно авиацию. Помощь самолетов необходима для корректирования пристрелки по батареям, невидимым с наземных наблюдательных пунктов. Требуемое «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы»[1] уничтожение неприятельских батарей, обнаруженных в подготовительный период операции, оказалось весьма трудно выполнимой задачей.

6. Авиационные и воздухоплавательные средства. Только подчинение авиасредств инспектору артиллерии корпуса обеспечивает прочную спайку летчиков и артиллеристов, необходимую для получения ценных результатов в деле разведки артиллерийских целей и корректирования стрельбы. Отсутствие прочной связи авиации с артиллерией служит причиной неналаженности этого дела.

Настоятельно необходима организация в каждом корпусе артиллерийского авиаотряда. В корпусные артиллерийские авиаотряды должны входить самолеты для разведок и фотографирования, для корректирования стрельбы и для охраны корректирующих самолетов.

Придание к корпусам постоянных воздухоплавательных частей значительно увеличивает продуктивность их работы совместно с артиллерией. Во время подготовительного периода число аэростатов должно быть увеличено, но подъем их не должен быть одновременным, чтобы не обнаружить противнику фронт намеченной операции.

---

[1] Ч. II, изд. 1917 г., § 190.

Во время операции число аэростатов желательно иметь по числу групп тяжелой артиллерии, причем аэростаты должны быть приданы к артиллерии не менее как за две недели до начала артиллерийской подготовки.

7. Артиллерийская подготовка. Продолжительность артиллерийской подготовки зависит от многих причин: протяжения фронта атаки, количества артиллерийских средств, численности противника, силы неприятельских укреплений и т. д.

Внезапное нападение требует короткой артиллерийской подготовки, причем значительного разрушения ожидать нельзя. Необходимость больших разрушений вызовет более продолжительную артиллерийскую подготовку. Однако чрезмерное затягивание артиллерийской подготовки даст возможность неприятелю подвести резервы и артиллерию в район и к моменту атаки.

Третий день артиллерийской подготовки 21 июля в данной операции был излишним, так как к концу второго дня разрушения окопов были настолько значительны, что атака обещала быть успешной без больших потерь.

Главнейшие условия сокращения продолжительности артиллерийской подготовки: достаточное количество артиллерийских средств, заблаговременное прибытие в соответствующие районы операции всех назначенных артиллерийских частей, своевременно и определенно поставленные задачи, тщательное изучение задач и целей [1].

8. Характер огня. Методический огонь с наблюдением каждого выстрела в период артиллерийской подготовки дал отличные результаты.

Требование более интенсивного огня выполнялось периодическим усилением огня в течение 12—15 мин., с доведением огня в это время до наивысшего напряжения.

Разрушение выполнялось все время методическим огнем, так как усиление огня не увеличивает, а понижает успех работы разрушения.

Усиление огня до степени «ураганного» вывело из строя значительное число орудий. «Ураганная» стрельба была осуждена еще в маневренный период войны, а в 1916 г. запрещена распоряжениями наштаверха; опыт операции 19—22 июля 1917 г. подтвердил, что предъявление к артиллерии требований «ураганного» огня должно быть воспрещено навсегда.

Заградительный огонь также не должен носить характер «урагана». Необходима непрерывность разрывов артиллерийских снарядов на данном участке, и лишь в исключительных случаях и притом на короткий промежуток времени огонь может быть доведен до наибольшего напряжения. Однако последнее касается только легких орудий, тяжелые же орудия ни в коем случае не должны и не могут вести такой скорый, напряженный огонь.

При длительной артиллерийской подготовке нельзя вести огонь из всех орудий непрерывно — должны быть отдыхающие орудия. Порядок чередования стреляющих и отдыхающих орудий следует вводить

[1] В современных условиях продолжительность артиллерийской подготовки зависит также от количества танков, участвующих в операции.

в планы действий артиллерии, составляемые в подготовительный период.

9. Обеспечение и расход снарядов. Снарядами на операцию полевая артиллерия была снабжена в достаточном количестве: имелся возимый запас на 4 дня по норме «подготовки», на 2 дня по норме «развития успеха» и на 7 дней по норме «преследования противника» (нормы по «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г.).

Оставшаяся после артиллерийской подготовки наличность снарядов давала возможность рассчитывать вести бой в течение 5—6 дней с расходом снарядов по норме «развития успеха», не считая 7-дневного запаса снарядов по норме «преследования».

Первый день атаки дал значительное превышение действительного расхода снарядов против установленной нормы. На второй день атака захлебнулась, и расход снарядов упал. Поэтому нет возможности сделать вывод ни о соответствии норм, ни о числе дней, в течение которых необходимо иметь запас снарядов по намеченной норме.

Однако расход снарядов в период артиллерийской подготовки, близкий к норме, и сильно превысивший норму расход во время атаки заставляет предполагать, что норма, установленная для «преследования», несколько мала. Если бы атака и развитие операции продолжались свыше 5 дней, то запас снарядов оказался бы недостаточным.

Легких 76-мм гранат с взрывателями без замедлителей, необходимых для проделывания проходов в проволоке, было дано по 200 на каждое 76-мм орудие армии. Этого достаточно при условии передачи таких гранат почти исключительно в те батареи, задачей которых было именно проделывание проходов в проволочных заграждениях.

Выделение 107-мм пушечных батарей в противоартиллерийские группы потребовало расхода преимущественно гранат. Недостаток 107-мм гранат стал ощущаться с вечера второго дня артиллерийской подготовки; пришлось спешно их направлять из армейских артиллерийских запасов в корпуса. Если бы операция продолжалась, то запас 107-мм гранат иссяк бы, и в самый решительный момент борьбы с неприятельской артиллерией 107-мм пушки оказались бы без нужных им снарядов. Выяснилась необходимость увеличения запаса 107-мм гранат, хотя бы за счет шрапнелей.

Батареи ТАОН — литерные и крупных калибров — имели совершенно недостаточный запас снарядов. Число тяжелых химических снарядов (исключительно 152-мм калибра) было крайне ограниченно.

Для орудий всех калибров, имеющих боевые заряды отдельно от снарядов, оказалось необходимым иметь некоторый процент запасных зарядов, на случай порчи их или уничтожения огнем противника.

Выяснилась необходимость иметь для старых орудий обр. 1877 г. запас вытяжных трубок, служивших для воспламенения боевого заряда орудий.

Питание артиллерии боеприпасами, несмотря на отсутствие корпусного огнесклада в 1-м Сибирском корпусе и удаленность огнесклада в 38-м корпусе, было налажено в общем хорошо. Задержек в подаче артиллерийских снарядов не было.

Опыта успешности и своевременности доставки снарядов из армейских огнескладов и более глубокого тыла в период данной операции не было, а потому нельзя сделать выводов по данному вопросу.

10. Оценка боевых действий русской артиллерии. Штаб 10-й армии признавал артиллерийскую подготовку операции блестящей. О действиях артиллерии в период атаки генкварт штаба 10-й армии своего заключения не высказал.

Более обстоятельную оценку боевых действий артиллерии дает инспектор артиллерии Западного фронта Шихлинский, имевший большой боевой опыт артиллерист, которого нельзя заподозрить в каком-либо пристрастии. К тому же его оценка подтверждается отзывами о действиях артиллерии как со стороны участников операции из рядов русской армии, так и со стороны высшего ее командования, в том числе со стороны главнокомандующего армиями Западного фронта, который, как упоминалось выше, не был удовлетворен действиями артиллерии в начале операции и под непродуманным впечатлением будто бы малой продуктивности методического огня 20 июля отдал приказ с требованием усилить интенсивность артиллерийского огня путем увеличения расхода снарядов и непрерывности одновременной стрельбы всей артиллерии, чтобы «совсем не было молчащих батарей» (см. выше стр. 418). Давая оценку действий артиллерии по окончании операции, главкозап, очевидно, признал неправильными свои распоряжения от 20 июля (см. ниже).

Приведем выписку из письма инспартзапа Шихлинского 30 июля 1917 г., № 4608, к инспектору артиллерии 10-й армии Сиверсу:

«Артиллерия сыграла выдающуюся роль в последней операции 10-й армии. Ее отличная подготовительная работа имела блестящий успех и если не привела к полной победе над врагом, то по совершенно независящим от артиллерии причинам.

...Посещая штабы, наблюдательные пункты и позиции ударных корпусов как задолго до начала операции, так и во время операции — в дни огневой подготовки атаки и самой атаки, я на месте знакомился с подготовительной работой артиллерии, с планом ее действий и ее боевою деятельностью. Везде я видел неустанную целесообразную работу, вдумчивый, тщательно разработанный план действий и искусное проведение его в жизнь.

...Как и во всяком деле, в действиях артиллерии были, конечно, мелкие недочеты и пробелы... Не сомневаюсь, что все эти недочеты и пробелы замечены самими исполнителями и частью устранены во время боя, частью же послужили уроком для будущего.

...Если бы пришлось повторить операцию снова, я последовал бы тому же методу, который был положен в основу действий артиллерии 10-й армии...»

Главкозап издал 2 августа 1917 г. следующий приказ, характеризующий отличные боевые действия артиллерии 10-й армии:

«В минувшей 19—23 июля операции, на Виленском направлении, артиллерия ударной группы еще раз покрыла себя боевой славой.

...Неприятельская артиллерия, подавленная нашими батареями, не могла развить действительного сильного огня по атакующим; огромные разрушения позиций противника, его нравственное потрясение и

потери в людях настолько ослабили его ружейный огонь, что на некоторых участках по штурмующим не раздалось почти ни одного неприятельского выстрела.

...Такой выдающийся успех артиллерийской подготовки является результатом обстоятельной, продуманной до мелочей тактической и технической разработки артиллерийского плана операции и спокойного методического его выполнения в самом бою.

...Все артиллеристы... работали днем и ночью в течение 5 дней, пробив пехоте широкую дорогу к успеху...»

На совещании, состоявшемся в Ставке главковерха 29 июля 1917 г., т. е. после закончившихся неудачей июльских операций на Юго-западном и на Западном русских фронтах, главнокомандующий армиями Западного фронта по поводу действий артиллерии 10-й армии говорил, между прочим, следующее:

«Началась артиллерийская подготовка. За три года войны я не видел такой чудной работы артиллерии. Дух войск стал подыматься. Даже пехота, предъявляющая повышенные требования к артиллерии, осталась удовлетворенной. В 38-м корпусе пехота даже отказалась от дальнейшего продолжения артиллерийской подготовки, считая ее совершенно выполненной.

...Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две-три линии окопов противника, побывали на батареях его, принесли прицелы с орудий противника...»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТОМАМ I и II

Артиллерия обладает мощной силой своего огня. Основное ее назначение — оказывать огневую помощь своим войскам: расчищать им путь огнем в наступлении, уничтожая живую силу неприятеля и разрушая создаваемые им преграды и укрепления; преграждать путь неприятелю огнем в обороне. Артиллерия должна быть проникнута стремлением выполнять поставленные ей задачи во взаимодействии со всеми другими войсками — в общих интересах и в первую очередь в интересах пехоты.

Русская армия готовилась к первой империалистической войне на основе опыта русско-японской войны, но недостаточно вдумчиво проанализированного и не в полной мере использованного русским Генеральным штабом.

До войны с Японией 1904—1905 гг. русские артиллеристы полагали, что главная их обязанность сводится к тому, чтобы начать огневой бой с неприятельской артиллерией и тем отвлечь ее огонь от своей пехоты, и что все остальное в бою — это дело самой пехоты.

Война с Японией подчеркнула огромное значение техники, резко указав на то, что артиллерийский огонь, ввиду его чрезвычайной силы, имеет влияние на решение участи боя не меньшее, чем маневр, что без искусного и самого широкого применения артиллерийского огня нельзя достигнуть ничего существенного.

В результате опыта этой войны русские артиллеристы пришли к заключению, что артиллерия должна не только начинать бой с артиллерией противника, чтобы избавить свою пехоту от ее огня, но и вести огонь во все время боя, чтобы прикрывать и поддерживать свою пехоту, а при наступлении провожать ее огнем до момента атаки, завершаемой пехотой уже без непосредственной помощи артиллерии.

Руководящие круги царской русской армии, несмотря на опыт русско-японской войны, не обратили должного внимания на развитие военной техники и продолжали воспитывать армию на основе старой доктрины, согласно которой на войне главное — человек и «дух» его, а техника — лишь нечто второстепенное.

По плану обороны России, довольно неопределенному и неглубоко продуманному русским Генеральным штабом, без учета решающих политико-экономических факторов, предполагалось вести «молниеносную» наступательную войну. Но в силу предвзятого воспитания в ар-

мий «морального элемента» и пренебрежительного отношения к технике, низкого уровня состояния экономики и промышленности России, недостатка кредитов, отпускаемых на вооружение, заинтересованности капиталистов-промышленников в наживе на военных заказах, недобросовестности и даже измены некоторых государственных деятелей — в силу всего этого и многих других причин русская армия не была снабжена необходимыми артиллерийскими средствами, которые могли бы обеспечить успех наступательной войны.

Объединяющее руководство в боевой подготовке русской армии отсутствовало, и, как следствие отсюда, не было взаимодействия и взаимопонимания в боевой подготовке артиллерии с другими родами войск. Объединяющего руководства и не могло быть при той крайней неопределенности, какой отличалась организация высшего управления русской армией, в том числе ее артиллерией. Командующие войсками в округах не в состоянии были лично руководить сложным специальным артиллерийским делом, а ближайших помощников, специалистов этого дела, у них не было.

Неустойчивость мысли правящих кругов России в подготовке к войне с Германией сказалась и на подготовке русской артиллерии.

Артиллерии не было поставлено твердой, ясно выраженной задачи, к неуклонному осуществлению которой она должна была бы стремиться. Она предоставлена была самой себе; это приводило к обособленности ее в отдельное «артиллерийское ведомство», что вредно отражалось на боевой подготовке артиллерии в тактическом отношении.

В отношении искусства стрельбы с закрытых позиций подготовка русской артиллерии доведена была к началу мировой войны до совершенства. В тактическом отношении артиллерия была подготовлена довольно слабо, должного единения и органической связи артиллерии с другими родами войск не замечалось; главной причиной такого нежелательного явления, а также неподготовленности в артиллерийском отношении общевойсковых начальников и командного состава других родов войск служила обособленность боевой подготовки артиллерии.

Различия в имущественном положении офицерства царской армии и принадлежность его к различным прослойкам дворянства и буржуазии, вследствие этого довольно пренебрежительное отношение офицеров одного рода оружия к другому (кавалерии к артиллерии и пехоте, артиллерии к пехоте и т. д.), привилегированное положение гвардии и Генерального штаба, державшихся обособленно от «армейских» войск, — всем этим можно также объяснить недочеты в подготовке к войне русской армии и ее артиллерии.

Генеральный штаб старой армии, работая преимущественно в канцеляриях и держась в стороне от войск, не привлекал артиллеристов к своим оперативным работам даже в тех случаях, когда они были связаны с разрешением специальных артиллерийских вопросов, делая вообще из своих работ тайну и от тех, кому необходимо было не только быть осведомленным в оперативных замыслах Генерального штаба, но и приводить их в будущем в исполнение.

Старому Генеральному штабу не совсем ясна была та простая истина, что при разработке вопросов оперативного характера необходимо считаться с новейшими достижениями военной техники, в которых прежде всего более осведомлены те, которые по роду своей специальности не могут не следить за ее развитием.

Такая совместная работа между Генеральным штабом и артиллеристами особенно необходима ввиду той огромной роли, какую играет современная могущественная артиллерия.

В старой русской армии этого не было; подготовка к войне в оперативном отношении и в артиллерийском отношении велась почти без всякой связи друг с другом, и в результате артиллерийская подготовка далеко не отвечала оперативным заданиям. И не только в довоенное время, но и в период войны артиллеристы, за весьма редким исключением, не привлекались к разработке той или иной боевой операции в штабах общевойсковых начальников. Даже в штабе верховного главнокомандующего в 1916—1917 гг., т. е. после создания при штабе должности полевого инспектора артиллерии и его управления (Упарта), ни полевой инспектор, ни начальник Упарта почти никогда не привлекались к разработке оперативных соображений и директив. И это несмотря на то, что согласно положению, утвержденному 5 (18) января 1916 г., начальник Упарта имел личный доклад у начальника штаба верховного главнокомандующего и обязан был «испрашивать указания наштаверха о предположениях по части оперативной, необходимые для согласования деятельности полевого инспектора артиллерии с боевыми задачами действующей армии».

За отсутствием высшего объединяющего руководства в боевой подготовке артиллерии совместно с другими родами войск артиллерия оказалась во многом изолированной в довоенное время в отношении тактической подготовки. Русской артиллерии при боевой подготовке приходилось руководствоваться, так сказать, своей тактикой, проводимой в жизнь Офицерской артиллерийской школой, так как почти до 1913 г., т. е. в продолжение более 7 лет после окончания русско-японской войны, Генеральный штаб не предпринял ничего определенного, чтобы рассеять туман тактических воззрений, сгустившийся в армии, в особенности в отношении боевого использования артиллерии. Лишь в конце 1912 г., после издания официального «Устава полевой службы» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», была зафиксирована более или менее определенная задача для тактических достижений артиллерии, и только тогда армия и общевойсковое командование узнали, да и то не совсем так, как следует, что можно требовать от артиллерии в бою.

Около года, остававшегося после издания уставов до начала войны, было недостаточно для ближайшего ознакомления с задачами и свойствами артиллерии общевойсковых начальников и для того, чтобы их руководство подчиненной им артиллерией успело к началу войны сказаться в положительной степени,— тем более, что подготовка их самих в артиллерийском отношении оставляла желать многого. Проявление с их стороны некоторого интереса к артиллерии стало замечаться лишь с 1910 г., со времени перехода дивизионной артиллерии в подчинение начальникам дивизий, а до того времени они считали артил-

лерию чуждым для себя делом, подведомственным исключительно специалистам.

Подготовка русской армии к мировой войне велась в общем в духе решительных наступательных действий, поддерживаемых артиллерийским огнем. Но в чем именно должна выражаться артиллерийская поддержка — это предоставлялось решать самим артиллеристам.

Оборона признавалась только активная, имеющая в виду расстроить неприятеля огнем, подорвав его силы, перейти в наступление и разбить его.

Выступая на фронт мировой войны, русские артиллеристы своей основной обязанностью в бою считали огневую поддержку пехоты и других войск во всех случаях. Поддержку атаки они представляли себе так: артиллерийский огонь должен загнать обороняющегося за закрытия, лишить его возможности стрелять и тем обеспечить атакующей пехоте безопасное продвижение вперед.

В самом начале мировой войны от артиллерии потребовалась не только поддержка, но и предварительная подготовка атаки огнем, а для атаки укрепившегося противника потребовалась планомерная артиллерийская подготовка — довольно длительная, истощающая и уничтожающая.

Уже в маневренный период войны выявилось чрезвычайное разнообразие задач артиллерии, потребовавших для своего разрешения огромного количества орудий разных систем и калибров, обладающих и отлогой и крутой траекториями, обильно снабженных различного типа снарядами. В период позиционной борьбы для прорыва сильно укрепленной полосы противника и для разрушения бетонных, железобетонных и других особо прочных сооружений, созданных по последнему слову военно-инженерной техники, потребовалось применение орудий самой большой мощности.

Между тем громадные успехи артиллерийской техники отражались в довоенное время на русской армии далеко не в такой степени, как это требовалось не только в предвидении предстоящей войны, но и как этого требовал жестокий урок русско-японской войны.

Недооценка руководящими кругами царской русской армии значения техники в военном деле, господствующее стремление к «единству калибра и единству снаряда» в артиллерии, гипноз кажущихся несомненными преимуществ 76-мм полевой пушки для решения задач маневренного боя быстрыми, внезапными ударами — все это и многое другое, о чем уже говорилось выше, крайне неблагоприятно отразилось на обеспечении русской армии артиллерией.

В результате русская армия по числу орудий и их мощности к началу мировой войны значительно уступала армиям своих противников. Русская армия начала войну, будучи весьма слабо обеспеченной артиллерией вообще; армия имела очень мало полевых легких гаубиц, еще меньше имела полевых тяжелых батарей и вовсе не была обеспечена организованной тяжелой артиллерией осадного типа. Что же

касается вооружения русских крепостей, то оно было устарелым, совершенно не отвечающим современным требованиям и служило источником скорее слабости, чем силы крепостей.

Генеральный штаб старой русской армии допустил глубокую ошибку в предложении вести войну, ввиду ожидаемой ее кратковременности, только за счет заготовляемых в мирное время мобилизационных запасов снарядов и прочих предметов материальной части артиллерии. Никакими заблаговременно заготовленными запасами нельзя покрыть колоссальные потребности современной большой войны, продолжительность которой нельзя к тому же предусмотреть. Мобилизационные запасы необходимы только для начала войны, а затем война ведется на те средства, какие будут предоставлены производительными силами своей страны.

Не только Генеральный штаб, но и верхи старой России не предусмотрели и не учли первенствующего значения экономики для современной войны, не подготовили к обороне промышленность и все хозяйство страны. В результате Россия во время войны оказалась в экономическом отношении и особенно в отношении заготовления предметов вооружения армии в полной зависимости от иностранных капиталистов и заводчиков.

Наконец, нельзя не отметить того, что руководители царской русской армии, проводя доктрину активности, не подготовили соответственно в духе безбоязненного проявления инициативы командный состав ни в артиллерии, ни в других родах оружия. Уставами старой русской армии подчеркивалось важное значение проявления инициативы частными начальниками, значение единства цели и взаимной поддержки. Но эти глубокие мысли плохо проводились в жизнь — отчасти вследствие боязни ответственности, неизбежной в случае неудачного проявления самодеятельности, часто рискованной в боевой обстановке.

Между тем уже опыт русско-японской войны показал, что современная артиллерия, обладающая в скорострельных дальнобойных орудиях могучим средством внезапного и сильного поражения неприятеля, может достигать решительных результатов лишь при условии, если ее командный состав будет быстро разбираться в сложной тактической обстановке боя и в необходимых случаях безбоязненно принимать твердые самостоятельные решения.

Командный состав русской артиллерии в общем был хорошо подготовлен к началу войны в специальном техническом отношении, стрелял отлично, умел использовать свой огонь. Но этого недостаточно: артиллерист нашего времени должен на себя смотреть не только как на машиниста пушкарского цеха, но и как на артиллериста, овладевшего в совершенстве искусством тактики, обязанного в некоторых непредвиденных случаях изменения боевой обстановки проявлять на поле сражения должный почин и самодеятельность.

В первых же сражениях мировой войны выяснилось огромное значение артиллерии. Верховное командование русской армии тогда же пришло к заключению, что центр тяжести сражений заключается в широком применении артиллерийского огня, так как без этого нельзя было достигнуть сколько-нибудь существенных результатов,

В сфере сильного артиллерийского и пулеметного огня противника войска не могли двигаться и выполнять поставленные им задачи. Необходимо было добиваться огневого превосходства своей артиллерии над огнем неприятеля, путем ли уничтожения его огневых средств и живой силы или только путем нейтрализации последней. Продвижение вперед пехоты в бою оказывалось возможным лишь при непрерывном и самом энергичном огневом содействии артиллерии, расчищающей подступы к противнику.

С самого начала мировой войны выяснилось, что артиллерийский огонь наносит наибольшие потери и является самым уничтожающим. Если в русско-японскую войну потери пехоты от артиллерийских снарядов составляли лишь около 14%, а от ружейных и пулеметных пуль 86%, то в мировую войну потери пехоты от артиллерийского огня доходили до 75% и в среднем почти в три раза превышали потери от ружейного и пулеметного огня. Огонь артиллерии, особенно тяжелой, действовал потрясающе на пехоту, подрывая ее моральные силы при виде массовой гибели своих товарищей, осыпаемых градом шрапнельных пуль и поражаемых осколками разрывающихся снарядов.

В период позиционной борьбы артиллерия получила еще большее, почти решающее значение, так как только ее мощным огнем можно было подготовить прорыв сильно укрепленной оборонительной полосы противника и обеспечить возможность атакующей пехоте занять без тяжелых потерь неприятельскую позицию, обезвреженную огнем артиллерии [1].

Первенствующей ролью артиллерии, какую она стала играть на полях сражений, объясняется интенсивное и непрерывное во все время мировой войны чрезвычайное усиление артиллерии — как количественное, так и качественное в смысле увеличения ее мощности и дальнобойности. В частности, русская артиллерия претерпела много вызванных войной изменений и в отношении организационных форм.

Необходимость реорганизации громоздких 8-орудийных батарей, не отвечающих свойствам скорострельных 76-мм пушек, была признана еще в 1900 г. с принятием на вооружение этих пушек, но осуществлена была реорганизация лишь во время мировой войны: в первый год войны перешли к 6-орудийным, а в последний год войны к 4-орудийным батареям.

В довоенное время генерал-инспектор артиллерии, несмотря на дефекты организации высшего управления артиллерией, все же мог осуществлять руководство ею. С объявлением войны он, оставаясь в глубоком тылу в подчинении военному министру, лишался возможности руководить и влиять на целесообразность боевого использования артиллерии действующей армии.

Тактические и технические задачи, которые ставятся артиллерии в бою, тесно связаны между собою; они друг из друга вытекают. Ясно, что при современных условиях непрерывного усовершенствования и чрезвычайной сложности артиллерийской техники старшие обще-

[1] О роли танков в прорыве здесь не говорится, так как на русском фронте они не применялись.

войсковые начальники могут с успехом использовать артиллерию в бою, если для разработки всех данных по артиллерийской части, обеспечивающих успех боевых операций, в их распоряжении имеются помощники из опытных, обладающих обширными специальными знаниями артиллеристов.

Такие артиллеристы в особенности необходимы были в высших войсковых штабах русской армии ввиду слабой подготовки в артиллерийском отношении общевойсковых начальников, не исключая начальников из Генерального штаба. Между тем в 1914—1915 гг. таких артиллеристов не было ни при штабе верховного главнокомандующего, ни при штабах главнокомандующих фронтами и командующих армиями.

По докладу одного из выдающихся артиллеристов того времени, командированного еще в октябре 1914 г. на Юго-западный фронт, «отсутствие артиллеристов при штабах и управлениях высших и старших войсковых начальников, при недостаточном знакомстве последних со свойствами современной артиллерии, привело к тому, что неправильная постановка задач артиллерии и многие ошибки в отношении ее применения в бою оставались без исправления, не устранялись и повторялись в еще большей степени».

Потребовались еще все поражения 1915 г., чтобы наконец, в связи со сменой верховного командования, созрело решение пересмотреть вопрос организации управления артиллерийским делом на театре военных действий.

В январе 1916 г. создана была должность полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем. Полевому инспектору артиллерии предоставлены были широкие полномочия в отношении общего руководства и наблюдения по всем вопросам артиллерийской части действующей армии. Исполнительным его органом служило сформированное при штабе главковерха артиллерийское управление (Упарт). Затем в первые два месяца существования Упарта созданы были должности инспекторов артиллерии фронта и армии и разработаны новые положения об инспекторах артиллерии корпуса, армии и фронта.

Существенным упущением при разработке этих положений являлось то, что везде, где в положениях говорилось об обязанностях того или иного инспектора наблюдать за правильным использованием в бою артиллерии, сохранена была рутинная приписка: «в техническом отношении». Оговорка эта являлась вредным пережитком того времени, когда Генеральный штаб считал тактику, так сказать, «своей монополией». Командным и начальствующим составом старой русской армии указанная оговорка понималась в том смысле, что инспектор артиллерии вправе был наблюдать только за правильностью разведки, выбора и занятия позиций, установления связи, ведения стрельбы, применения того или иного типа орудий и снарядов и т. п., но не за правильностью боевого использования артиллерии в тактическом отношении. Между тем никакая самая совершенная техническая работа артиллерии не обеспечит правильности ее боевого использования, если тактика поставила ей несообразную боевую задачу. Оговорка до некоторой степени позволяла артиллеристам сни-

тать себя не ответственными за тактику боевых действий своей артиллерии, а с другой стороны, позволяла общевойсковым начальникам иногда перекладывать свои тактические боевые ошибки на технику артиллерии.

Опыт мировой войны указал на безусловную необходимость единой организации высшего управления артиллерии — как в мирное, так и в военное время. Управление артиллерией должно быть объединено в руках единого, на мирное и военное время, начальника, подчиненного верховному командованию армии. Начальник артиллерии обязан ведать всей строевой и боевой службой артиллерии, ее техникой и тактикой, а также снабжением артиллерии предметами материальной части и боеприпасами, понимая под снабжением расчет потребности, требование и отпуск предметов частям артиллерии, но не заготовление предметов снабжения артиллерии.

Что же касается заготовления предметов снабжения артиллерии, то это дело должно находиться в ведении особого артиллерийского управления заготовлений, подчиненного отдельному своему начальнику, непосредственно подчиненному главному начальнику военных заготовлений и через него верховному командованию армии.

Несовершенство организации и недостаточность артиллерии сказались с первых дней войны. И тогда же началось поспешное бесплановое, от случая к случаю, осуществление организационных мероприятий и формирований новых артиллерийских частей как во внутренних округах, так и на театре военных действий, и нередко, особенно в начале войны, распоряжением главнокомандующих фронтами, командующих армиями и других начальников, которым не было предоставлено право формирований. При этом мало считались и с основами организации — такими, как: «правильная организация не терпит импровизации»; организация артиллерии должна обеспечить ее боевое сотрудничество с другими войсками; артиллерия по своему составу, вооружению и численности должна отвечать тем боевым задачам, какие будут выпадать на ее долю, и пр. Не считались и с тем, что новые формирования, производившиеся за счет существующих артиллерийских частей и войсковых артиллерийских запасов, расстраивают эти части и истощают запасы.

Только с 1916 г. Управление полевого инспектора артиллерии стремилось внести планомерность в дело организации и формирования артиллерии, но это ему далеко не всегда удавалось. Опыт войны указал на необходимость избегать новых формирований артиллерийских частей во время войны вообще и в особенности на фронте действующей армии за счет фронтовых артиллерийских запасов и находящихся на фронте частей артиллерии.

Во время войны сформированы были 583 полевые батареи, в том числе: 368 легких пушечных, 138 легких гаубичных, 35 горных и 42 конных и казачьих (между прочим, 3 конные батареи были вооружены 114-мм английскими гаубицами, это был первый сформированный в русской армии конно-гаубичный дивизион).

Недооценка преобладающей роли тяжелой артиллерии сказалась особенно быстро. Под впечатлением первых боевых неудач пришлось

создавать тяжелую артиллерию с самого начала и во все время войны наспех, и еще более путем импровизации, чем формирование полевой легкой артиллерии. Тяжелые батареи в первую очередь вооружались орудиями старых образцов крепостного и берегового типа, а затем с 1916 г. и новейшими орудиями, поступавшими главным образом по заказам из-за границы.

До 1916 г. не было установлено определенных организационных форм тяжелой артиллерии, ни штатов, ни табелей ее вооружения; формирования носили сумбурный характер. В 1916—1917 гг. дело формирования тяжелой артиллерии было в значительной степени упорядочено. Наиболее крупным и целесообразным мероприятием Упарта в эти годы было создание тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) в виде артиллерийского резерва верховного главнокомандующего. Для сформирования ТАОН были назначены более мощные орудия, полученные по заграничным заказам, и обобраны фронты от орудий осадного типа, попавших туда из остатков крепостной артиллерии.

Идея создания ТАОН в виде мощного артиллерийского «кулака» для прорыва укрепленной полосы противника в районе, намеченном для нанесения решающего удара, в полной мере себя оправдала. В июле 1917 г. огнем тяжелых батарей ТАОН были образованы широкие бреши в оборонительной полосе австро-германцев на Западном и Юго-западном фронтах, неприятельские укрепления во многих местах были сравнены с землей, и русская пехота, не встречая сопротивления и почти без потерь, заняла позиции противника.

К июльскому наступлению 1917 г. ТАОН фактически состояла из 176 батарей с 632 орудиями разных образцов и калибров — от 4 противосамолетных 76-мм пушек обр. 1914 г. до 32 гаубиц 305-мм.

В общем за весь период войны 1914—1917 гг. на русском фронте было сформировано 547 тяжелых батарей, на вооружение которых выделено огромное для России того времени число — 2 096 разных орудий.

За время войны по абсолютному числу батарей и орудий более всего увеличилась полевая легкая артиллерия (пушечная, гаубичная и горная) — на 580 батарей и на 1 958 орудий (число батарей увеличилось вдвое), а в процентном отношении огромное увеличение было в тяжелой артиллерии (полевой тяжелой и позиционно-осадного типа вместе взятых) — батарей на 548% (с 60 до 389, т. е. в шесть-семь раз), орудий на 495% (с 240 до 1 430, т. е. почти в шесть раз).

В легкой артиллерии наибольший процент увеличения приходился на гаубичную артиллерию (на 162%), что вызвано было, с одной стороны, бессилием легких и конных 76-мм пушек, имеющих настильную траекторию, против укрытых целей; с другой стороны, необходимостью иметь более мощный снаряд для разрушения прочных сооружений, создаваемых в период позиционной борьбы.

Процент гаубиц в тяжелой артиллерии должен быть еще выше, чем в легкой. Между тем в русской тяжелой артиллерии к концу войны пушечных батарей было, наоборот, больше, чем гаубичных (234 пушечных и лишь 155 гаубичных). Это объясняется необходи-

мостью восполнения крайнего недостатка тяжелой артиллерии всякими сколько-нибудь подходящими орудиями, имеющими более мощный снаряд и достаточную дальность. Поэтому в состав тяжелой артиллерии пришлось включить много пушечных батарей, вооруженных устаревшими пушками: 107-мм обр. 1877 г., 152-мм в 120, 190 и 200 пуд. обр. 1877 и 1904 гг., 229-мм береговые обр. 1867 г., 155-мм французские обр. 1877 г., 127-мм английские и другие.

Несмотря на значительное количественное увеличение русской артиллерии (батарей на 95%, орудий на 45%), все же русская армия до самого конца мировой войны оставалась сравнительно слабо обеспеченной артиллерией вообще и тяжелой в особенности.

Основные образцы орудий полевой легкой и полевой тяжелой русской артиллерии не уступали в общем однотипным орудиям австро-германской артиллерии, а в некоторых отношениях даже превосходили их. Что же касается более мощных орудий осадно-позиционного типа, то в этом отношении вооружение русской тяжелой артиллерии до самого конца войны оставалось значительно более слабым по сравнению с вооружением германской и австрийской артиллерии.

На вооружении русской тяжелой артиллерии не было пушек крупнее 254-мм, но для ТАОН назначено было из береговых крепостей лишь 6 таких пушек, а потому правильнее считать, что наибольший калибр русских тяжелых пушек — 152-мм, тогда как у германцев имелись пушки 210-мм, 240-мм и 380-мм калибра. Русская артиллерия не имела сверхдальнобойных пушек, подобных германской пушке «Колоссаль», стрелявшей по Парижу с расстояния 100—120 км, или французской 210-мм пушке на железнодорожной установке с дальностью до 120 км. На вооружении русской артиллерии не было гаубиц крупнее 305-мм калибра, тогда как германцы имели 42-см мортиры, а у французов к концу войны появились 400-мм и даже 520-мм гаубицы.

Необходимо отметить, что не одни немцы, но и русские артиллеристы представляли себе большое значение орудий крупных калибров еще до мировой войны и, вероятно, даже раньше германцев.

Об опытах с 42-см мортирами в Германии русские артиллеристы узнали в 1913 г., а на основании березанских опытов, произведенных в России в 1912 г., русские артиллеристы пришли к заключению, что, несмотря на большую мощность принимаемых на вооружение русской артиллерии 280-мм гаубиц, все-таки для разрушения современных прочных укреплений, сооруженных с применением железобетона, необходимо ввести на вооружение тяжелой осадной артиллерии 420-мм гаубицу. Проект такой гаубицы был тогда же разработан русским артиллерийским инженером Дурляховым, но, ввиду низкого уровня производственной техники и слабого развития военной промышленности в России, опытный экземпляр этой гаубицы (мортиры) пришлось заказать французскому заводу Шнейдера, как приходилось заказывать иностранным заводам большинство других образцов орудий для русской тяжелой артиллерии. Вообще, если бы русская военная промышленность стояла на должной высоте, то был бы иной темп в деле развития и усовершенствования русской артиллерии. Не пришлось бы тогда русской армии плестись в хвосте европейских

армий, постоянно запаздывая с осуществлением идей усовершенствования своего вооружения, нередко зарождавшихся у русских артиллеристов, но за неимением необходимых своих производственных технических возможностей становившихся достоянием заграничных заводов.

Недостаточное развитие техники и производительных сил промышленности России являлось главной причиной слабости русской артиллерии как в отношении количественного обеспечения армии артиллерийскими орудиями, так и в отношении образцов тяжелых орудий.

Обеспечение русской артиллерии боевыми припасами (выстрелами) являлось особенно больным ее местом во время войны.

Подготавливаясь к будущей большой войне на основе опыта войны с Японией, высшие руководители русской армии должны были предвидеть, что расход боевых припасов в предстоящей войне в значительной степени превзойдет расход минувшей войны. Они должны были также считаться с соображениями комиссии артиллеристов, определявшей норму расхода выстрелов по опыту русско-японской войны, что стеснение батарей в расходовании боевых припасов действует угнетающим образом на войска и приводит к упущению удобных случаев нанести неприятелю существенный вред внезапным массовым огнем.

Не останавливая большого внимания на указанных соображениях, руководители русской армии решили вести войну за счет мобилизационных запасов орудийных выстрелов, заготовленных в мирное время по расчету, определенному в зависимости от расхода выстрелов во время русско-японской войны. При этом базировались на господствующем в то время убеждении генеральных штабов, что предстоящая война будет молниеносной и продлится несколько месяцев, так как, во всяком случае, ранее годичного срока войны наступит истощение воюющих сторон. Учитывая, что в среднем за год войны с Японией было израсходовано по 720 выстрелов на каждую 76-мм пушку, остановились на том, что для мобилизационного запаса должно быть заготовлено по 1 000 выстрелов на 76-мм легкую и конную пушку, на 122-мм и на 152-мм гаубицу и по 1 200 выстрелов на 76-мм горную пушку и на 107-мм полевую тяжелую пушку. А для пополнения расхода выстрелов во время войны заводы должны были изготовлять в среднем по 100 патронов на 76-мм пушку в месяц (или по 3 патрона в день).

В первый месяц войны, когда запасы 76-мм патронов были полны, не замечалось стеснения артиллерии в расходовании патронов, и тогда успешными ее действиями пехота восторгалась. Когда же возимые запасы стали иссякать, а пополнение их производилось медленно и понемногу, артиллерия вынуждена была беречь патроны; вместе с тем действия ее стали нерешительными и слабыми.

Несвоевременное и недостаточное пополнение происходило главным образом вследствие того, что в первый период войны и почти до 1916 г. по части снабжения действующей армии пушечными патронами царил полный беспорядок. В результате отсутствия правильной организации в деле снабжения получалось то, что при наличии вообще довольно значительного количества 76-мм патронов на фрон-

так и в тылу армии нередко их не оказывалось там, где в них была острая нужда, и в то время, как в одном месте достреливались последние пушечные патроны, в другом месте они имелись в избытке и мало расходовались. Во всяком случае, многие части артиллерии из принимавших более активное участие в сражениях испытывали недостаток в боевых припасах, и им не было легче от того, что где-то в тылу или у других частей артиллерии имеются боеприпасы.

Благодаря бережливости в расходовании боеприпасов, доходящей иногда до скопидомства, и неудовлетворительной организации снабжения, в течение первых 5 месяцев войны израсходовано было лишь около 2½ миллионов 76-мм патронов (в среднем около 80 патронов на пушку в месяц, а в один первый месяц войны — 180 патронов на пушку) и к январю 1915 г. оставался неизрасходованным запас до 4½ миллионов 76-мм патронов. Этого запаса могло хватить лишь на 3 месяца ведения операций с таким напряжением, с каким они велись на Юго-западном фронте в августе 1914 г. Сверх этого запаса Главное артиллерийское управление в начале 1915 г. могло давать на фронт ежемесячно лишь 300 000—400 000 76-мм патронов. С такими ресурсами нельзя было решаться на сколько-нибудь серьезные операции. Тем не менее русское командование задумало в начале 1915 г. вести операции на Карпатах и в Восточной Пруссии, закончившиеся крайне неудачно и приведшие к катастрофе в питании 76-мм патронами. После тяжелых дней поражения и отступления в 1915 г. русская армия перешла к позиционной борьбе.

Благодаря наступившему затишью операций на фронтах и усилившемуся поступлению 76-мм патронов от русских и иностранных заводов, русская легкая пушечная артиллерия к третьему году войны стала довольно богата патронами и со второй половины 1916 г. до конца войны не терпела в них недостатка.

Но во все время мировой войны русская артиллерия терпела недостаток в выстрелах для легкой гаубичной и для тяжелой артиллерии, в особенности для орудий крупных калибров. В начале войны этот недостаток не вызывал тревоги, так как полагали, что в полевых маневренных боях главную и почти решающую роль будет играть полевая пушечная 76-мм артиллерия.

Снарядный голод был причиной ослабленной боевой деятельности гаубичной и тяжелой артиллерии. Нередко даже легкие полевые гаубицы, а в 1915 г. иногда и полевые легкие пушки открывали огонь лишь по особому разрешению с указанием определенного и всегда ограниченного расхода снарядов; что же касается тяжелой артиллерии, то ей разрешалось вести огонь только непосредственно перед и во время той или иной операции, тогда как немцы ежедневно усиленно обстреливали русские позиции тяжелыми снарядами.

Снабжение выстрелами орудий крупных калибров было совершенно неудовлетворительно; в общем эти орудия получали лишь одну десятую долю того, что им требовалось. Если бы не кое-какие запасы подходящих снарядов береговых крепостей, а также не некоторая помощь со стороны морского флота, то тяжелая артиллерия крупных калибров была бы обречена на молчание.

Недостаток легких гаубичных и всяких тяжелых снарядов объяс-

няется прежде всего слабостью технического оборудования и производительности русских снарядных заводов. Производство снарядов крупного калибра чрезвычайно трудно и требует мощного заводского оборудования. В России лишь один завод морского ведомства и два горных завода могли готовить снаряды 152-мм и более крупных калибров, причем готовили их, особенно последние, в крайне ограниченном количестве. И если мобилизованная русская промышленность могла производить во время войны почти достаточное число 76-мм снарядов, изготовление которых было доступно для русских заводов, то снаряды более крупных калибров русская артиллерия получала главным образом от иностранных заводов, причем получала весьма мало — обычно вместе с орудиями, изготовленными ими же.

Русские, готовясь к войне, не предвидели ни ее продолжительности, ни колоссальности масштаба, ни огромного расхода предметов боевого снабжения вообще и в особенности расхода боевых припасов, достигшего чудовищных размеров. В течение всей мировой войны было израсходовано в общей сумме выстрелов всех калибров: русской артиллерией до 50 миллионов, австро-венгерской до 70 и германской около 272 миллионов; французская артиллерия израсходовала выстрелов только 75-мм и 155-мм калибров около 192 миллионов.

Расходы эти покрывались не мобилизационными запасами, заготовленными в довоенное время, а производительностью заводов, мобилизованных и работавших во время войны.

В войнах будущего следует предвидеть еще более колоссальный расход, так как появились новые массовые объекты артиллерийского поражения — воздушный флот, танковые и автоброневые части, увеличились дальнобойность и скорострельность орудий и пр.

Совершенно ясно, что при современных условиях вести войну на запасы выстрелов, образованные в мирное время, нельзя. Необходимо заблаговременно подготовить к войне соответствующие заводы и притом так подготовить, чтобы они отмобилизовались одновременно с войсками и одновременно с ними же вступили в работу: те — на полях сражений, эти — на своих станках. Чем скорее и чем на большую производительность развернутся заводы, тем скорее и полнее будет обеспечена артиллерия боевыми припасами.

В мирное время необходимо также заготовлять запасы выстрелов, но не на полную потребность войны, так как ее определить и невозможно, а лишь на первый период войны, пока мобилизованная промышленность станет подавать боевые припасы в достаточном количестве. И чем короче будет мобилизационный период развертывания производства промышленности, тем меньше может быть размер мобилизационного запаса выстрелов, заготовляемого на случай войны в мирное время.

Основанием для определения размера указанного мобилизационного запаса выстрелов и для определения мобилизационного задания для промышленности может служить ежемесячная потребность в выстрелах в военное время, исчисляемая по современным данным с учетом данных минувшего опыта мировой войны.

Ввиду крайне изменчивой обстановки и разнообразия задач, какие встречались в маневренных условиях мировой войны, попытки уста-

новить определенный ежемесячный размер расхода артиллерийских выстрелов представляются довольно сомнительными. Упарт определял, что в условиях того времени, например, на 76-мм полевую пушку потребуется ежемесячно до 600 патронов. При современных же условиях ежемесячная потребность в патронах на 76-мм пушку будет, вероятно, в 4—5 раз больше и будет близка к норме расхода выстрелов, установленной изданным в 1917 г. «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы».

Во всяком случае, при установлении нормы ежемесячного расхода выстрелов к орудиям необходимо всегда помнить, что экономия выстрелов неуместна в тех случаях, когда от артиллерии требуется мощная поддержка и когда от ее поддержки может зависеть участь решения сражения и, в частности, уменьшение потерь своей пехоты.

В подобных случаях приходится использовать в полной мере скорострельность орудий, но при этом можно в сравнительно короткий срок расстрелять то предельное число выстрелов, за которым следует порча орудий. Поэтому при оборонной подготовке заводов нужно иметь в виду, что им придется во время войны изготовлять и исправлять большое число орудий, чтобы своевременно пополнять убыль их в частях артиллерии, и что в мирное время необходимо образовать некоторый мобилизационный запас орудий, чтобы покрывать ими потребность артиллерии в первый период войны, пока орудийные заводы развернут свою производительность.

Недочеты в организации питания артиллерии боеприпасами, способствующие возникновению «снарядного голода» в 1914—1915 гг., были устранены в 1916 г., когда была установлена определенная правильная схема снабжения армии боеприпасами, вполне оправдавшаяся на опыте войны в 1916—1917 гг.

Военная авиация, ввиду выяснившегося огромного ее значения как нового могучего боевого средства, быстро развивалась во время мировой войны. Создалась такая угроза с воздуха, с которой необходимо было серьезно считаться.

Россия оказалась неподготовленной к борьбе с воздушным врагом. Во время войны стали изыскиваться средства для борьбы артиллерии с самолетами. Но Россия, слабая техническими средствами, оставалась до конца войны позади своих врагов.

Специальные зенитные 76-мм пушки системы Тарновского—Лендера, заказанные русскому Путиловскому заводу в количестве лишь 12 экземпляров, были изготовлены в марте 1915 г. Всего за время войны было изготовлено только 76 таких пушек, тогда как по минимальному расчету требовались 584 такие пушки. Пришлось сформировать еще 220 батарей для стрельбы по воздушному флоту с приспособленными полевыми 76-мм пушками на кустарных установках, но ввиду ничтожной продуктивности стрельбы из таких пушек по быстро летящим целям батареи эти нельзя считать «зенитными».

К началу войны русская армия не имела артиллерии для непосредственного действия с пехотой в бою — полковой, батальонной, траншейной, не имела ни минометов, ни бомбометов. Между тем опыт войны заставил серьезно задуматься над вопросом о придаче пехоте таких частей артиллерии, которые были бы органически с нею свя-

заны и действовали бы с нею в бою плечо к плечу, немедленно отвечая на все ее запросы и решая огнем поставленные ею боевые задачи.

Пришлось создавать такую артиллерию во время войны, наспех заказывая сколько-нибудь подходящие орудия русским заводам или получая их от заграничных заводов.

Мировая война поставила множество самых разнообразных задач артиллерийской технике, потребовавших для разрешения предварительной научной разработки и большой исполнительной производственной работы. Для исполнения указанных задач привлечены были почти все производственные силы и большинство научно-технических и изобретательских сил. Но, ввиду слабого развития этих сил в царской России, она оставалась в отношении достижений военной техники на одном из последних мест среди европейских государств того времени.

Русская научно-техническая и изобретательская мысль работала во время войны для нужд своей артиллерии в следующих направлениях: а) в отношении изобретения новых средств разрушения и уничтожения, б) в области усовершенствования существующей техники артиллерии, в) в отношении облегчения и упрощения производства предметов артиллерийского снабжения с целью получения массового выхода этих предметов в кратчайшие сроки.

Артиллерийскому комитету ГАУ и Упарту приходилось иметь суждение и производить испытания по чрезвычайно большому числу вопросов артиллерийской техники, возникающих по заданиям из действующей армии, по инициативе ГАУ, по инициативным предложениям отдельных научно-технических работников и изобретателей, нередко не имевших надлежащей технической квалификации. Многие вопросы отклонялись, как не заслужившие внимания или признаваемые несвоевременными. Разработка многих других вопросов, не исключая некоторых, заслуживающих большого внимания, осталась незаконченной или в стадии испытания вследствие больших трудностей разрешения этих вопросов или даже непосильности их осуществления для русской техники.

Только немногие вопросы получили положительное разрешение и были проведены в жизнь. Из числа осуществленных мероприятий технического характера важнейшее значение имели химические средства борьбы, относившиеся в то время к средствам артиллерийским.

Во время войны русскими учеными химиками и техниками был разрешен и практически осуществлен ряд химических задач большого научного значения не только военного, но и общегражданского. Попутно с развитием производства пороха, взрывчатых веществ, удушающих и отравляющих веществ образованный при ГАУ химический комитет организовал производства кислот и других химических продуктов, необходимых для целей мирного времени.

Организация русской химической промышленности, произведенная для нужд войны химическим комитетом ГАУ, оказала немалую услугу армии. Но результаты были бы неизмеримо больше, если бы русская химическая промышленность была подготовлена для обороны еще в мирное время. Вероятно, тогда не приходилось бы большую половину огромного количества химических веществ, требующихся для

армии, получать по заграничным заказам, главным образом из Америки.

Мировая война подчеркнула в резкой и ясной форме основные идеи артиллерийской тактики — внезапность, массирование, глубину поражения, сосредоточение огня и объединение действий артиллерии, которые проводились в русской артиллерии еще в довоенное время и к которым германцы и французы пришли лишь в итоге мировой войны.

Русская артиллерия, как и вся русская армия, готовилась к маневренным действиям будущей войны, не в достаточной степени учитывая опыт русско-японской войны, указавший не только на силу огня, но и на значение укрепленных позиций, сковывающих свободу маневра.

Основы довоенной подготовки русской артиллерии в значительной мере оправдались в начальный маневренный период мировой войны, когда не приходилось стесняться в расходовании боевых припасов и когда артиллерия имела дело с открытой живой силой или только с легкими укреплениями полевого типа. Чрезвычайно искусные действия русской артиллерии в то время получили должную высокую оценку не только со стороны своей пехоты и общевойсковых начальников, но и со стороны австро-германцев.

С третьего-четвертого месяца войны, когда стал остро ощущаться недостаток боевых припасов, блестящие действия русской артиллерии бывали уже довольно редким явлением, что послужило поводом для некоторых начальников к обвинению артиллерии в неумелом действии в бою.

Наступающая пехота стала нести большие потери от огня неподавленной неприятельской артиллерии и при подходе к противнику натыкалась на уцелевшие его пулеметы, под убийственным огнем которых погибала. Без предварительной артиллерийской подготовки атака пехоты стала невозможной.

К боевым действиям в условиях позиционной борьбы русская артиллерия оказалась в общем неподготовленной.

Для ведения успешной борьбы за укрепленные полосы оказалось необходимым предварительно составить основательно продуманный план действий артиллерии, с расчетом заблаговременного сосредоточения артиллерийских средств, обеспечивающих подавляющее огневое превосходство над противником вообще и в решающем направлении главного удара в особенности.

Русская артиллерия осознала это в полной мере лишь к началу третьего года мировой войны, наученная горьким опытом напрасного пролития крови своей пехоты при попытках ведения операций методами маневренных действий (штурм Перемышля в октябре 1914 г., операция у оз. Нароч в марте 1916 г. и пр.).

Позиционная борьба продолжалась на русском фронте почти два года, т. е. охватила большую часть времени мировой войны. Однако это не может служить показателем того, что позиционная борьба является основным видом вооруженных столкновений.

Борьба эта была вызвана непредвиденными исключительными условиями обстановки, сложившейся в период мировой войны, и пред-

ставляет особый нерешительный или, так сказать, окаменелый способ ведения войны.

Нельзя, разумеется, утверждать, что позиционная борьба не будет повторяться, и потому необходимо изучать условия и особенности этой борьбы.

Однако необходимо при этом иметь в виду, что условия позиционной борьбы отличаются относительным постоянством и потому допускают такие методы применения и боевой работы артиллерии, которые невозможны в условиях быстро и непрерывно меняющейся обстановки маневренных подвижных действий.

Тактика позиционной борьбы, перенесенная в маневренные условия, может оказать неблагоприятное влияние на боевые действия и приведет, во всяком случае, к весьма нежелательному переходу инициативы в руки более подвижного энергичного противника.

Только маневренные боевые действия могут привести к окончательному и сравнительно быстрому решающему успеху на войне. Недаром в период позиционной борьбы каждый из противников не только на русском, но и на всех фронтах мировой войны стремился вырваться из «позиционного сидения» и перейти к подвижным маневренным боевым действиям путем широкого развития тактического успеха, достигнутого при прорыве укрепленной полосы неприятеля.

В отношении основ тактики артиллерии опыт мировой войны на русском фронте указал на безусловную необходимость организованности боевых действий артиллерии, для чего управление ею должно быть гибким и полностью соответствовать обстановке. В большинстве случаев управление артиллерии должно быть объединено в руках старшего артиллерийского начальника, получающего возможность своевременно сосредоточивать мощный артиллерийский огонь по важнейшим целям в решающем направлении.

Когда же взаимодействие артиллерии с другими родами войск и прежде всего с пехотой не может быть обеспечено при централизованном управлении артиллерией, часть ее должна быть переподчинена войсковым начальникам.

При всех условиях боевых столкновений боевая деятельность артиллерии неотделима от действий пехоты. Одним из крупных недочетов русской армии в сражениях мировой войны являлось недостаточное взаимодействие артиллерии с пехотой.

Успех боевых действий артиллерии основан главным образом на внезапности применения и не столько на массировании артиллерийских средств, сколько на массировании огня.

Наивыгоднейшее использование огня артиллерии обеспечивается: целесообразной организацией управления огнем, правильным распределением артиллерии по задачам соответственно расчленению боевого порядка войск, взаимодействием орудий разных образцов и калибров сообразно их свойствам.

Важнейшей задачей артиллерии в бою является уничтожение огнем живой силы неприятеля.

Борьба с неприятельской артиллерией неизбежна и необходима. Успех этой борьбы обеспечивается воздушным наблюдением с самоле-

тов и привязных аэростатов, а также наличием дальнобойной артиллерии и химических снарядов.

При наступлении артиллерия должна подготовить атаку своим огнем на всю глубину района расположения противника, чтобы проложить своей пехоте путь и обеспечить ей победу.

При обороне задача артиллерии: решительное поражение огнем наступающей пехоты неприятеля и борьба с его артиллерией.

Задача артиллерии во встречном бою: быстрое достижение огневого превосходства над противником. Залогом успеха при встречном столкновении является быстрота введения в бой подавляющей артиллерии и решительность ее действий.

Решающий удар должен быть поддержан сосредоточенным огнем артиллерии, превосходящей неприятельскую в отношении искусства действий и могущества орудий, обильно снабженных снарядами.

Бережливость в расходовании снарядов необходима, но она неуместна в периоды упорных боев, имеющих решающее значение и сопровождаемых большими потерями в рядах пехоты. Потери эти находились в обратной зависимости от интенсивности артиллерийского огня: желая сохранить людей, нельзя жалеть снарядов.

При современных условиях ведения войны вообще необходимо иметь возможно больше артиллерии — мощной, дальнобойной и вместе с тем подвижной, но еще более необходимо: во-первых, уменье артиллеристов стрелять, сосредоточивать массовый огонь в любом направлении, правильно оценивать боевую обстановку и в соответствии с этим принимать решения; во-вторых, обеспечение артиллерии по возможности неограниченным числом снарядов и необходимым запасом орудий для замены износившихся.

Успех боевой работы артиллерии всецело зависит от искусства ведения ею огня. Русские артиллеристы стрелять умели. Действия русской артиллерии по открыто расположенным или открыто двигающимся неприятельским войскам были ужасающими.

В маневренный период войны русская артиллерия часто действовала по-батарейно, но были примеры вполне целесообразного применения сосредоточенного огня под объединенным управлением командиров дивизионов и весьма редко под управлением более высших артиллерийских начальников.

В борьбе за укрепленные полосы русская артиллерия действовала, наученная тяжелым опытом неудач 1915 г. и особенно в марте 1916 г., по заранее составленному плану, разработанному в некоторых частях до мелочей. С переходом к позиционной борьбе, когда для разрушения окопов и заграждений потребовалась очень точная стрельба, в особенности при сближении своих окопов с неприятельскими и риске при этом нанести поражение своей пехоте, русская артиллерия стала применять с успехом выработанные ею новые более точные методы пристрелки и ведения стрельбы, хотя и не столь точные, к каким перешли австро-германцы и англо-французы в 1917—1918 гг.

В тактическом отношении действия русских артиллеристов, в особенности некоторых старших артиллерийских начальников, оставляли желать многого. Проявление целесообразной личной инициативы в необходимых случаях изменения тактической обстановки не было обыч-

ным явлением среди русских артиллеристов во время войны. Иногда же избираемые ими по личной инициативе цели для стрельбы не отвечали условиям сложившейся тактической обстановки. Нередко, особенно в начале войны, артиллеристы, не получая от войсковых начальников боевых задач, задавались ими самостоятельно, но не всегда правильно учитывая при этом боевую обстановку. В серьезный упрек можно поставить некоторым старшим артиллерийским начальникам и то, что они давали боевые задачи своей артиллерии, не отвечающие развитию общей задачи, поставленной общевойсковым командованием. Нельзя также не упрекнуть русских артиллеристов и за то, что они, в большинстве случаев беспрекословно, выполняли ни с чем не сообразные или неопределенные задачи, которые нередко ставились им общевойсковым командованием, часто даже не пытаясь при этом доложить своему начальству, что эти задачи не отвечают свойствам артиллерии и потому невыполнимы.

Большинство общевойсковых начальников и войсковых командиров до самого конца войны оставалось с тем же смутным представлением о свойствах современной им артиллерии и о началах ее боевого использования, с каким они вышли на войну, причем боевые действия артиллерии мыслились ими лишь в рамках дивизии. Достаточно сказать, что со стороны войсковых начальников предъявлялись иногда настойчивые требования стрельбы для морального впечатления, для зрительного и звукового эффекта и пр. и притом нередко независимо от того, имеются ли цели, требующие обстрела артиллерийским огнем, и могут ли быть получены от обстрела какие-либо результаты.

Все это не мешало, однако, общевойсковому командованию браться иногда самому учить артиллерию не только тактике, но и тому, как ей следует стрелять, и крайне резко отрицательно отзываться о боевой работе артиллерии, часто сваливая на нее кровавые боевые неудачи, являвшиеся результатом бесталанного, а подчас даже преступного именно общевойскового командования.

Штабу верховного главнокомандующего неоднократно приходилось, по докладу Упарта, командировать комиссии для выяснения правильности обвинений, возводимых на артиллерию. Каждый раз комиссии эти обнаруживали полную необоснованность обвинений. Так было, например, после неудач мартовской операции 1916 г. на Западном фронте и июльской операции 1917 г. на Юго-западном фронте.

Расследование о действиях артиллерии в мартовской операции, произведенное комиссией полевого инспектора артиллерии, показало, что, несмотря на продолжительный кровавый опыт войны, давший немало новых ценных указаний и подтвердивший правильность большинства основных положений, настойчиво проводимых в жизнь еще в довоенное время в отношении применения артиллерии в бою, — все же многие старшие общевойсковые и пехотные начальники и даже некоторые старшие артиллерийские начальники не умели целесообразно использовать могущество огня артиллерии.

Русская артиллерия вышла на фронт мировой войны с очень хорошо подготовленным личным составом солдат и офицеров. Подготовка пополнений личного состава, прибывающих в части артиллерии действующей армии из внутренних военных округов, была неудовле-

творительной. Тем не менее все же уровень подготовки артиллерии действующей армии оставался на должной высоте, что и подтвердилось весьма удачными действиями русской артиллерии в июльских операциях 1917 г.

Хорошая боевая подготовка и успешные действия русской артиллерии до самого конца войны объясняются: во-первых, тем, что артиллерия благодаря искусному применению закрытых позиций мало несла потерь, и кадровый отлично обученный ее состав почти полностью сохранился; в дружном коллективе этого кадрового состава прибывающие на пополнение артиллеристы довольно скоро осваивали свои обязанности путем боевой практики; во-вторых, более сознательным отношением артиллеристов к своим боевым обязанностям, по сравнению с личным составом других родов войск; в-третьих, заботливым и в общем доброжелательным отношением более культурного офицерства артиллерии к своим солдатам и, как следствие этого, большим доверием последних к своим офицерам.

В общем русские артиллеристы мировой войны стояли на должной высоте своего назначения, несмотря ни на слабость вооружения по сравнению с вооружением противников, ни на недостаток снарядов, ни на неправильное понимание задач современной артиллерии многими старшими начальниками, ни на многие другие неблагоприятные условия. Они показали, что может дать в современных условиях войны столь мощное оружие разрушения и уничтожения, каким является артиллерия в умелых, искусных руках.

И если в тяжелые годы мировой войны, руководимая бездарными генералами, русская артиллерия все же вписала немало славных страниц в историю военного искусства, то нельзя сомневаться в успехах советской артиллерии, впитавшей в себя все лучшее, что было в старой русской артиллерии, но неизмеримо превосходящей последнюю во всех отношениях.

Со времени Великой Октябрьской революции прошло лишь немногим более 20 лет. Но в эти годы в Стране Советов построен социализм, создана своя мощная промышленность. Вся Красная Армия и в том числе, конечно, и артиллерия получила самую передовую военную технику. Вот как оценивает рост нашей артиллерии народный комиссар обороны товарищ Ворошилов:

«Вся артиллерия Красной Армии, унаследованная от старой армии, была времен начала империалистической войны — устарелая по дальнобойности, с малым количеством гаубиц и с очень незначительным количеством тяжелой артиллерии. Совершенно не было батальонной артиллерии, не было зенитной и танковой артиллерии. Хуже всего было то, что почти все артиллерийское оружие старой армии было заграничного происхождения. Виккерс, Шнейдер-Крезо, Крупп — вот кто поставлял образцы артиллерийских орудий старой армии. К этому надо добавить, что вся наша артиллерия к 1928 г. была не только устарелой конструктивно, но и очень изношенной, потому что прошла две войны — мировую и гражданскую.

В результате работ последних четырех лет[1] мы добились в об-

[1] Речь идет о годах первой пятилетки — 1928—1932 гг. — *Е. Б.*

ласти артиллерии очень многого. Мы модернизировали всю существующую артиллерию, подняли ее до уровня иностранных типов, мы увеличили количество гаубичной артиллерии. Впервые в нашей стране мы создали свою тяжелую артиллерию. Мы сконструировали и поставили на производство свою зенитную, танковую и противотанковую артиллерию. Мы, наконец, создали свою мелкокалиберную артиллерию, так необходимую нам для мелких подразделений пехоты. Работа эта потребовала громадных сил и громадного напряжения. На этой схеме (показывает) вы видите, как росла артиллерия Красной Армии с 1921 г., как из незначительного количества, состоявшего главным образом из трехдюймовок, артиллерия выросла в мощную силу, состоящую из всех современных образцов. Вы видите здесь картину, которая меня по крайней мере радует. Я уверен, что она радует и всех здесь присутствующих.

Так же как в стрелковом вооружении, главнейшим достижением и в этой области является создание, во-первых, своих конструкторских кадров, своих советских инженеров и техников, получивших опыт в сложнейшем деле артиллерийских конструкций; во-вторых, создание своей мощной промышленной базы, которая способна будет в случае надобности давать Красной Армии артиллерию, какая ей потребуется» [1].

«Беру для сравнения корпуса Германии и Франции, как наиболее по организационной структуре подходящие к типу нашего стрелкового корпуса.

Один залп всей артиллерии стрелкового корпуса Франции (3-дивизионного состава) равен 6 373 кг; такого же состава — германского стрелкового корпуса — 6 078 кг. Залп артиллерии стрелкового корпуса Красной Армии равняется — 7 136 кг.

Таким образом, огневой артиллерийский залп нашего стрелкового корпуса больше залпа германского и французского корпусов.

И дальше. Вес снарядов, выпускаемых в одну минуту указанными стрелковыми корпусами: французский корпус за одну минуту может выпустить 51 462 кг; германский — 48 769 кг. Наш стрелковый корпус в одну минуту может дать 66 605 кг металла.

...Легкая артиллерия без противотанковой и артиллерии ближнего действия за этот период времени [2] возросла на 34%.

Средняя артиллерия увеличилась на 26%.

Тяжелая артиллерия выросла на 85%.

Зенитная артиллерия выросла на 169%.

Противотанковая и танковая артиллерия, которая была недостаточно развита, к настоящему времени выросла еще больше, чем другие виды артиллерии. Скажу коротко, что в отношении противотанковой и танковой артиллерии Красная Армия вооружена полностью и притом первоклассным оружием.

У нас раньше не было или, вернее, почти не было так называемой артиллерии ближнего боя. К настоящему времени этот весьма важ-

---

[1] К. Е. Ворошилов, Статьи и речи. Партиздат, 1936 г., стр. 568—569.
[2] С 1934 по 1939 гг. — *Е. Б.*

ный вид артиллерии (минометной и бомбометной) мы создали и имеем его на вооружении в нужном количестве и хорошего качества.

Наряду с количественным ростом артиллерийского вооружения повышались и качественные показатели артиллерийских систем как вновь введенной на вооружение, так и старой, но полностью модернизированной.

Кроме того, радикально изменилось соотношение между пушечной и гаубичной артиллерией в артчастях. Достаточно указать, что рост гаубизации выражается к настоящему времени в 80%, а это значит, что наша артиллерия стала более эффективной, так как ее убойные свойства значительно повысились.

Значительно увеличилась дальнобойность всех видов нашей артиллерии. Так, например, дальнобойность тяжелой артиллерии возросла от 50 до 75% для разных видов артиллерии.

Увеличилась скорострельность почти всех артиллерийских систем, особенно противотанковых и танковых пушек, где мы имеем увеличение скорострельности больше чем в два раза.

Произошло увеличение веса снарядов и улучшение их боевых свойств.

...Боевая подготовка артиллерии, которой у нас много во всех родах войск, стоит на высоком уровне. Между тем современная артиллерия резко отличается от артиллерии даже недавнего прошлого, в связи с чем и овладение ею усложнилось. Усложнилось и боевое взаимодействие артиллерии с другими родами войск. Советские артиллеристы, как и красные конники, всегда любили свое дело, хорошо его знали и добивались больших результатов в боевой и тактической подготовке. В данное время наша артиллерия всех наименований, ее красноармейцы, командиры, комиссары хорошо подготовлены и могут справляться с любыми боевыми задачами, которые перед ней будут поставлены»[1].

Артиллерия Рабоче-Крестьянской Красной Армии не остановилась и не остановится в своем развитии. Она продолжает непрерывно расти гигантскими шагами, как и вся ее великая родная советская страна. Она стремится в полной мере использовать все достижения современной военной техники, чтобы быть всегда неизмеримо впереди и могущественнее артиллерии любых вероятных противников.

Созидая свое грандиозное настоящее, артиллерия Рабоче-Крестьянской Красной Армии не только заглядывает в будущее, но черпает все необходимое и из прошлого.

---

[1] К. Е. Ворошилов, Речь на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г. Воениздат, 1939 г., стр. 16, 19, 20, 39, 40.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. СПИСОК УСЛОВНЫХ НАЗВАНИЙ И СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В ТЕКСТЕ КНИГИ

1. Генинспарт — Генерал-инспектор артиллерии.
2. Генкварт — Генерал-квартирмейстер (штаба, армии, фронта или главковерха).
3. Главковерх — Верховный главнокомандующий.
4. Главкозап — Главнокомандующий армиями Западного фронта.
5. Главкоюж — Главнокомандующий армиями Южного фронта.
6. Главком — Главнокомандующий (фронтом).
7. Зач — Заведующий артиллерийской частью снабжения армии.
8. Инаркор — Инспектор артиллерии корпуса.
9. Инспарт — Инспектор артиллерии.
10. Инспартзап — Инспектор артиллерии Западного фронта.
11. Начарт — Начальник артиллерии (группы).
12. Начдив — Начальник дивизии.
13. НП — Наблюдательный пункт.
14. Наштаверх — Начальник штаба верховного главнокомандующего.
15. Наштазап — Начальник штаба Западного фронта.
16. Наштаюж — Начальник штаба Южного фронта.
17. ОП — Огневая позиция.
18. Упарт — Управление инспектора артиллерии Ставки главковерха.
19. ТАОН — Тяжелая артиллерия особого назначения.
20. ЦВИА — Центральный военно-исторический архив.

2. ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ

(использованных в т. II «Русская артиллерия в мировую войну»)

1. К. Е. Ворошилов. Статьи и речи, Партиздат, 1936.
2. К. Е. Ворошилов. Речь на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г., Воениздат, 1939.
3. ЦВИА, Дела за №№ 392, 442, 444, 450, 683, 714, 20—66, 81—22, 11—242, 101—885, 137—399, 179—703, 193—801, 42—890, 17—659, 57—799, 80—254, 81—77, 108—009, 435—357, 174—754, 42—851, 43—919, 80—097, 142—220, 174—756, 78—00, 86—712, 88—251, 88—832, 50—057, 137—304, 137—342, 20—66.
4. ЦВИА, Личный архив Барсукова, Отчет Карачана.

5. ЦВИА, Приказы Ставки главковерха: 1916 г. №№ 1226, 1695, 1917 г. №№ 177, 236, 277, 327, 494, 495, 497, 36, 509, 528, 628, 629, 636, 775, 785, 806, 863, 691, 891, 938, 999.

6. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912.

7. «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», ч. I, изд. 2-е, Ставка, 1916.

8. «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», Ставка, 1917. II часть, «Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы». III часть, «Действия артиллерии при обороне укрепленной полосы».

9. Кирей. «Артиллерия обороны», изд. Армейского Вестника, 1917.

10. Кирей. «Артиллерия атаки и обороны», ГВИЗ, 1926.

11. «Красный Архив», т. I, «Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем».

12. А. А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в мировую войну», издания 2-е и 3-е, переработанные и дополненные Е. З. Барсуковым, ГИЗ, 1930 и ГВИЗ, 1937.

13. Е. З. Барсуков. «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении», изд. Штаба РККА, 1926.

14. Проф. Цитович. «Краткий очерк эволюции артиллерии», ГИЗ, 1930.

15. Проф. Цитович. «Тяжелая артиллерия сухопутных войск», ГВИЗ, 1933.

16. В. Токаревский. «Тактика артиллерии», ГВИЗ, 1931.

17. А. Н. Де-Лазари. «Активная оборона корпуса», ГИЗ, 1930.

18. Б. Иванов. «Борьба с воздушным врагом», ГИЗ, 1930.

19. Л. А. Кравков. «Очерк развития артиллерии за последнее десятилетие», Ленинград, 1924.

20. Гаскуэн. «Эволюция артиллерии во время мировой войны», ГИЗ, 1921.

21. Эрр. «Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем», ГВИЗ, 1932.

22. Фалькенгайн. «Верховное командование».

23. Доклад полковника Борейша о боевом употреблении 2-го отдельного тяжелого дивизиона батарей «120» за время боев с 16 июня по 7 июля 1917 г. (рукопись).

24. «Устав полевой службы», 1912.

25. Циркуляр ГАУ 1916 г. № 1, «Указания для применения 3-дм. химических снарядов в бою».

26. Г. К. Корольков. «Лодзинская операция», ГВИЗ, 1934.

27. Ю. М. Шейдеман. «Артиллерия при обороне», ГИЗ, 1930.

28. Журнал Артиллерийского комитета ГАУ 1914 г. № 1383. «Проект указаний для стрельбы по воздушным целям для батарей, вооруженных 3-дм. скорострельными пушками на специальных установках».

29. В. Тарновский. «Правила стрельбы по летательным аппаратам (аэропланам и дирижаблям) для батарей, вооруженных полевыми пушками обр. 1902 г., горными обр. 1902 г. и пушкою для стрельбы по воздушному флоту обр. 1914 г.», Проект ГАУ, 1915.

30. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911.

31. Ф. Кюльман. «Тактика артиллерии», т. I. Артиллерия в 1914—1918 гг. Перевод с французского, ГВИЗ, 1939.

32. Генеральный штаб РККА. «Восточно-прусская операция». Сборник документов, ГВИЗ, 1939.

33. Журнал «Михайловец», 1914, № 2, Петроград.

34. Журнал «Военный Сборник» 1917 г., № 5.

3. СОКРАЩЕННЫЕ НАДПИСИ НА СХЕМАХ

Сокращенные надписи на схемах 1—24

1 А — 1-я армия.
4/6 — 4-я батарея 6-й артиллерийской бригады.
1б. 22 пп — 1-й батальон 22-го пехотного полка.
1 гв. д — 1-я гвардейская дивизия.
1 гв. кд — 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.
Гв. п. — гвардейский полк.
8 гр. п — 8-й гренадерский полк.
2 к — 2-й корпус.
1 кк — 1-й кавалерийский корпус.
1 кав. д или *1 кд* — 1-я кавалерийская дивизия.
1 кзч. д — 1-я казачья дивизия.
Квк. кд — Кавказская кавалерийская дивизия.
10 кзч. п — 10-й казачий полк.
Ландв. д — ландверная дивизия.
3б ландш. бр. — 3б-я ландштурменная бригада.
Отр. — отряд.
3 пд — 3-я пехотная дивизия.
2 рпд — 2-я резервная пехотная дивизия.
3 сбр — 3-я стрелковая бригада.
3 сд — 3-я стрелковая дивизия.
Св. кзч. д — Сводная казачья дивизия.
Св. кд. — Сводная кавалерийская дивизия.
6 Сиб. сд — 6-я Сибирская стрелковая дивизия.
2/12 сп — 2-й батальон 12-го стрелкового полка.
Трк. бр — Туркестанская бригада.
2 тд — 2-й тяжелый артиллерийский дивизион.

Сокращенные надписи на схемах 25, 26а, 26б, 26в

1/59 — 1-я батарея 59-й артиллерийской бригады.
1/22 м — 1-я батарея 22-го мортирного артиллерийского дивизиона.
1 м. двз — 1-й мортирный артиллерийский дивизион.
Т — тяжелый.
1, 2/Ивангор — 1-я и 2-я батареи Ивангородского тяжелого артиллерийского дивизиона.
с — сибирский.
с. т. — сибирский тяжелый.
с. м. — сибирский мортирный.
На схеме 26 группа Балуева надписей не имеет; по условным знакам можно определить число, калибр и род батарей.

Сокращенные надписи на схемах 27, 28 и 29

2/51 — 2-я батарея 51-й артиллерийской бригады.
1/11 т — 1-я батарея 11-го тяжелого артиллерийского дивизиона.
2 двз/51 — 2-й дивизион 51-й артиллерийской бригады.
6 кг — 6-я батарея Кавказской гренадерской артиллерийской бригады.
1/2 к. м — 1-я батарея 2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона.
3/8 т — 3-я батарея 8-го тяжелого артиллерийского дивизиона.
Лв. подгр — левая подгруппа.
Пр. арт. гр — противоартиллерийская группа.
Ср. подгр — средняя подгруппа.
Т. гр — тяжелая группа.

4. УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НА СХЕМАХ № 1—16

Русские

76-мм пушка

107-мм пушка

122-мм гаубица

152-мм гаубица

76-мм полубатарея на ОП

76-мм батарея на ОП

76-мм конная батарея на ОП

122-мм батарея на ОП

107-мм батарея на ОП

152-мм батарея на ОП

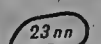
2-я позиция 76-мм батареи

3-я позиция 76-мм батареи

Наблюдательный пункт артиллерии

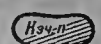
Артпарк (взвод боевого питания)

Пехота в цепях



Район расположения пех. полка

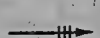
Район расположения конного корпуса



Район расположения кав. (казачьего) полка или дивизии

Походная колонна пехоты с артиллерией

Походная колонна конницы с артиллерией

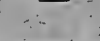

Походная колонна пехоты (батальон)

Пехота в обороне (1-й и 2-й эшелоны)

Пехота в наступлении (1-й и 2-й эшелоны)

2-е положение пехоты в наступлении

Конница в боевом порядке (1-й и 2-й эшелоны)


Направление наступления пехоты

Направление главного удара пехоты

Кав. эскадроны (казачьи сотни) в конном строю

Направление стрельбы артиллерии

Сектор обстрела батареи

Австро-германцы

Легкая пушечная батарея на ОП

Легкая гаубичная батарея на ОП

Тяжелая пушечная батарея на ОП

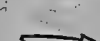
Конная легкая батарея на ОП

Наблюдательный пункт артиллерии

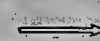
Расположение пех. частей

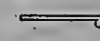
Расположение кав. частей

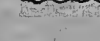
Пехота в боевом порядке


Направление главного удара пехоты

Кав. эскадроны в конном строю


Походная колонна пехоты


Походная колонна кавалерии


Пехота в цепях

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть третья

ЭВОЛЮЦИЯ ТАКТИКИ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ. СТРЕЛЬБА. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

	Стр.
Основы боевого применения артиллерии	5
Артиллерийская разведка, наблюдение и связь	9
Боевой порядок артиллерии	20
Охранение артиллерии	49
Артиллерия в маневренный период мировой войны	51
Артиллерия в наступательном бою	54
Артиллерия в оборонительном бою	71
Артиллерия во встречном бою	87
Артиллерия при выходе из боя	101
Особенности боевых действий конной артиллерии	105
Итоги маневренного периода войны	127
Артиллерия в позиционный период войны	128
Артиллерия при прорыве укрепленной полосы	137
Артиллерия при обороне укрепленной полосы	171
Итоги позиционного периода войны	193
Выводы из опыта войны в отношении тактики артиллерии	194
Стрельба артиллерии	201
Методы стрельбы	210
Разрушение искусственных препятствий	213
Разрушение и обстрел оборонительных сооружений	214
Борьба с неприятельской артиллерией	215
Стрельба по открытым войскам	225
Борьба с траншейными орудиями и пулеметами	226
Борьба с танками	—
Заградительный огонь	227
Стрельба ночью	232
Стрельба химическими снарядами	233
Стрельба по воздушному флоту	236
Состояние боевой подготовки личного состава артиллерии во время войны	248

Часть четвертая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

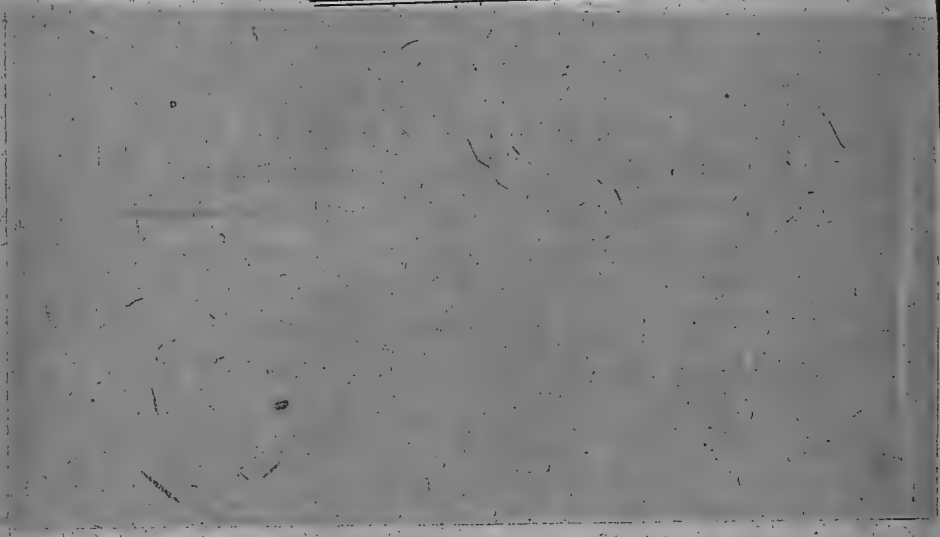
	Стр.
Артиллерия в активной обороне правого боевого участка позиции 25-го армейского корпуса на фронте Броды, Опатов в мае 1915 г.	271
Действия русской артиллерии при штурме Перемышля 7 октября 1914 г.	286
Атака 5 октября	297
Атака 6 октября	310
Штурм 7 октября	317
Действия русской артиллерии в мартовской операции 18—28 марта 1916 г.	340
Организация питания боевыми припасами	357
Боевые действия	359
Заключение	366
Русская артиллерия на фронте 10-й армии в операции 19—23 июля 1917 г.	381
Подготовительный период	387
Выполнение операции	415
Заключение о действиях артиллерии 10-й армии	429
Заключение к томам I и II	436
Приложения	
1. Список условных названий и сокращенных слов	458
2. Перечень источников, использованных в т. II	—
3. Сокращенные надписи на схемах	460
4. Условные обозначения на схемах № 1—16	461

Редакторы полковник *Внуков* и капитан *Еремин*.
Техн. редактор *Бабочкин*.
Корректора *Лишина* и *Носова*.
Сдано в производство 16.5.39.
Подписано к печати 23.12.39.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Объем 29 п. л.+12 вкл. 4 п. л.,
37,8 уч.-авт. л. Уполн. Главлита № Г-3740. Издат. № 319.
Заказ № 809.

Набрано и сматрицировано в 1-ой тип. Гос. воениздата НКО СССР. Москва, улица Скворцова-Степанова, 3.

Отпечатано с матриц в 3-ей фабрике книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарск., 16.

ОПЕЧАТКИ

к книге Евгения Барсукова «Русская артиллерия в мировую войну»

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
81	12 снизу	17-го корпуса германской 35 дивизии	17-го корпуса части германской 35 дивизии
125	14 снизу	2 августа	15 августа
125	17 снизу	1 августа	14 августа
127	16 сверху	6 августа	19 августа
356	сноска 2-я	См. схему 16, 26 в	См. схему 26 в.